Дх
4906
N2

9(X)
Д-65 Т

Орель

Том Вистрі

Падение Мадагаскара

Т 2

9(4)
С. 65

А. СОРЕЛЬ

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ GOBERT'A.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРѢЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ПАДЕНІЕ МОНАРХІИ.

Научно-Педагогическая
Библиотека
Н. П. И-та
№ 6556.

Государственный Педагогический Институт имени А. И. Герцена
Библиотека
1956

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1892.

К

© ГПИБ СОРАН

DX
4906
№2

Сверено
1991 г.

6
289 90

ГПНТБ СО АН СССР
Гос.Публ.Науч-техн
библиотека

Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая, № 27.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

Паденіе королевской власти.

КНИГА I.

Новые принципы.

		стр.
Глава	I. Національное собраніе и Европа 1789—1790.	1
„	II. Бельгійская революція. 1789—1790	41
„	III. Право мира и войны. 1790	65

КНИГА II.

Людовикъ XVI и эмиграція.

Глава	I. Замыслы двора. 1790	96
„	II. Настроеніе Европы. 1790—1791	120
„	III. Эмигранты. 1790—1791	137
„	IV. Варенны. 1791	172

КНИГА III.

Конфликты.

Глава	I. Пильницъ. 1791	194
„	II. Конституція. 1791	223
„	III. Партіи и война. 1791	252
„	IV. Австро-прусскій союзъ. 1792	289

КНИГА IV.

Война.

Глава	I. Разрывъ съ Австріей. 1792	330
„	II. Низложеніе. 1792	378
„	III. Франція и Европа въ 1792 г.	421

© ГПНТБ СО РАН

ПАДЕНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Новые принципы.

ГЛАВА I.

Національное собраніе и Европа 1789—1790 г.

I.

«Собраніе», писалъ Мирабо [1]), «какъ и народъ, представителемъ котораго оно являлось, пріобрѣло привычку дѣйствовать порывами, всегда страстно и всегда стремительно». Собраніе само было, такъ сказать, народомъ, и притомъ народомъ, совершавшимъ революцію. Выбранное, нѣкоторымъ образомъ, всеобщимъ голосованіемъ, оно дало все, что заключалось въ предѣлахъ націи, и представило собою вѣрный и точный образъ цѣлой страны [2]). Во Франціи обладали весьма яснымъ пониманіемъ гражданскихъ реформъ, которыхъ требовали, и весьма твердою волею провести ихъ въ жизнь; напротивъ, въ дѣлѣ преобразованій собственно политическихъ проявлялись одни смутныя порыванія и неопредѣленныя, полныя непослѣдовательности, стремленія.

Гражданская свобода вошла въ нравы, и режимъ, продолжавшій изгонять ее изъ законодательства, сдѣлался окончательно ненавистнымъ. Въ ней видѣли основы права и соціальную необходимость. Каждый могъ опредѣлить ее, стоило только спросить себя, чего требуетъ собственное человѣческое достоинство, собственные интересы, и вспомнить, что́ прихо-

[1]) *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck*, publiée par M. de Bacourt. Paris. 1851, 47 note pour la cour, t. II, p. 414.

[2]) См. т. I, кн. II, гл. 1.

© ГПНТБ СО РАН

дилось терпѣть и на что сѣтовать [3]). Чтобъ положить основаніе гражданской свободѣ, достаточно было минуты энтузіазма и нѣсколькихъ декретовъ. Феодальныя права были уничтожены въ одну ночь, и стало очевиднымъ, что, начиная съ этой ночи, Франція поднимется противъ всякаго, кто захотѣлъ-бы ихъ возстановить.

Политическая свобода была нововведеніемъ. Всѣ прецеденты говорили противъ нея. Для того, чтобы понятіе о ней проникло въ народъ, надо было разрушить всѣ усвоенныя путемъ опыта идеи; чтобъ установить ее, надо было подвести новый фундаментъ подъ государство; чтобъ ввести ее въ употребленіе, необходимо было измѣнить не только привычки, но и самые инстинкты народа. Каждый составилъ себѣ отвлеченный идеалъ свободы, никто не зналъ ея на опытѣ. Всеобщее соглашеніе касалось лишь провозглашенія верховенства народа и разрушенія всего, что являлось тому преградой. Не трудно уничтожить старыя учрежденія: они рушились уже сами, и требовалось только убрать обломки. Мѣсто очистили, но оно осталось пустымъ. Такъ какъ для упраздненія феодальнаго режима достаточно было провозгласить его конецъ, то предположили, что и для основанія политической свободы достаточно уничтожить правительство стараго режима; но дѣло въ томъ, что французы не знали никакой иной формы правленія, и форма монархическая была единственною, извѣстною имъ на практикѣ; съ исчезновеніемъ ея, ничто не явилось къ ней на смѣну, и вмѣсто ожидаемой свободы возникла анархія.

Анархія происходила отъ тѣхъ же причинъ, которыя привели къ неизбѣжности революціи [4]). Успѣхъ мятежа, испугъ, уныніе и отступленіе робкихъ, составляющихъ большинство; дерзость буйныхъ, господство агитаторскихъ группъ, тиранія насильниковъ, составляющихъ меньшинство; внезапное вторженіе въ страну той арміи нищихъ и толпы негодяевъ, которые немедленно собираются, какъ только пружина власти слабѣетъ и распущенность обнаруживается въ полиціи, — все это только симптомы кризиса. Настоящая причина — это дезорганизація государства, неспособность короля, его министровъ, всего правительства, всѣхъ привилегированныхъ — желать чего-либо со всей энергіей, дѣйствовать съ единодушіемъ, защититься наконецъ противъ этого потока, которому дали выйти изъ береговъ, потому что не съумѣли ни отвести его въ сторону, ни сдержать. Собственно говоря, не революція ниспровергла правительство, но революція побѣждаетъ потому, что правительство было ниспровергнуто. При первомъ нападеніи бунтовщиковъ, должностныя лица госу-

[3]) Tocqueville, *Mélanges*. Paris., 1865, p. 140.

[4]) См. т. 1.

дарства, растерянные, сбитые съ толку, безъ руководителя, безъ опоры, ограничиваются ролью жертвъ или пассивныхъ свидѣтелей крайностей черни. Созывъ Штатовъ есть не что иное, какъ торжественное сознаніе власти въ своемъ безсиліи.

Министерству не подъ силу его задачи, и оно падаетъ подъ ихъ бременемъ. «Мы такъ задавлены собраніями и комитетами,—пишетъ Монморенъ отъ 25 января,—что у меня нѣтъ ни одной свободной минуты» [5]). Всѣ завалены дѣлами. Ни вожди не умѣютъ повелѣвать, ни подчиненные повиноваться. Администрація упразднена; армія исчезла. Отъ страшнаго орудія королевской власти, выкованнаго Ришелье и усовершенствованнаго Людовикомъ XIV, остается только инертная и вялая масса, которая душитъ тѣхъ, кто пытается ее расшевелить. Штаты собираются 5 мая. Вскорѣ дворъ начинаетъ тревожиться ихъ требованіями и народными движеніями, которыя ихъ поддерживаютъ. Въ принципѣ весь авторитетъ еще вмѣщается въ особѣ короля: онъ—верховный властитель, дворянство его окружаетъ, оно стоитъ во главѣ войска, оно занимаетъ важнѣйшія должности. Тѣ, кого страшитъ революція, совѣтуютъ Людовику XVI устроить государственный переворотъ и прибѣгнуть къ классическому средству «королевскаго дня». Въ послѣдній разъ монархія является передъ народомъ во всемъ своемъ величіи, но это величіе—только тѣнь прежняго. Достаточно нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ депутатомъ, чтобы разсѣять этотъ призракъ правительства. «Насъ можетъ разогнать только сила», отвѣчалъ Мирабо церемоніймейстеру, который предлагалъ Собранію разойтись [6]). Сила не явилась, и вся Франція узнала, что королевская власть уже не располагала ею.

Не располагало ею и Собраніе. Вслѣдствіе неопытности, самонадѣянности, идеализма, оно оказалось столь же непредусмотрительнымъ и неспособнымъ управлять, какъ и сама монархія, вслѣдствіе рутины и дряхлости. Недовѣріе къ престолу заставило депутатовъ захватить всю власть въ свои руки, самое отношеніе ихъ къ принципамъ власти не позволяло имъ воспользоваться ею. Новое правительство было очень скоро доведено до такой же крайности, какъ и старое. Надъ министерствами властвовало Собраніе, надъ Собраніемъ—клубы, надъ клубами—демагоги, а надъ демагогами—вооруженная фанатическая и голодная чернь, которую они думали увлечь за собой и которая въ дѣйствительности гнала ихъ впереди себя. Это страшное давленіе началось 14 іюля: при первомъ напорѣ оно взло-

[5]) Изъ письма къ ла-Люцерну, посланнику въ Лондонѣ.—Эта цитата какъ и всѣ другія, происхожденія которыхъ я не указываю, взята изъ архивовъ министерства Иностранныхъ дѣлъ.

[6]) Засѣданіе 23 іюня 1789 г.

© ГПИБ СОРАН

мало двери Бастиліи и раскрыло передъ народомъ всю хилость монархіи. Октябрьскіе дни были лишь прямымъ послѣдствіемъ 14-го іюля.

Отнынѣ король сдѣлался плѣнникомъ въ своей столицѣ и узникомъ въ своемъ дворцѣ. Остались служители, но двора уже не стало. 18 іюля его младшій братъ, графъ Д'Артуа, его двоюродные братья, принцъ Конде, герцогъ Бурбонскій, герцогъ Энгіенскій, поспѣшили оставить Францію. Вслѣдствіе крестьянскихъ возстаній (жакерій) въ деревняхъ, мелкое дворянство бѣжитъ въ города. Придворная знать удаляется за-границу. Послѣ 6-го октября, вожди правой стороны: Мунье, Лялли, Бергассъ и сто двадцать депутатовъ, вотировавшихъ вмѣстѣ съ ними, выходятъ изъ Собранія и отказываются отъ борьбы. Новый потокъ эмигрантовъ несется къ границѣ, и отнынѣ начинается просачиванье, которому уже не суждено остановиться. Тѣ, которые бросаютъ родину въ первые часы,—не жертвы, а недовольные. Они уѣзжаютъ не столько для того, чтобы бѣжать отъ опасности, сколько для того, чтобы приготовить возмездіе. Появляясь при маленькихъ дворахъ, гдѣ ихъ принимаютъ—въ Савойѣ, на Рейнѣ, — они не представляются бѣглецами, которые просятъ пріюта, но политической партіей, которая ищетъ союзниковъ. Они во всеуслышаніе заявляютъ, что нѣтъ другого средства противъ кризиса, переживаемаго французской монархіей, какъ полнѣйшая контръ-революція, наказаніе бунтовщиковъ, отмѣна мятежныхъ законовъ, реставрація короля во всей полнотѣ его власти, дворянства — во всей полнотѣ его привилегій и, наконецъ, безусловное возстановленіе стараго режима въ государствѣ и синьоральнаго режима въ обществѣ. Они бросили игру только для того, чтобъ вѣрнѣе выиграть ее: покинули Францію только для того чтобы вступить въ нее хозяевами; предоставили свободу дѣйствій революціи только для того, чтобъ зайти ей въ тылъ и уничтожить ее.

Они громко объявляютъ о своихъ планахъ, открыто составляютъ заговоры, хвастливо и легкомысленно замышляютъ вторженіе и завоеваніе своей родины. Ими же самими распространяемые слухи объ ихъ вооруженіяхъ, объ ихъ заговорахъ и союзахъ, ихъ высокомѣріе, повелительный тонъ, ихъ угрозы распространили мысль, что ихъ возвращеніе будетъ сопровождаться полной гибелью новаго порядка и новыхъ людей. Народъ принимаетъ буквально ихъ грозныя рѣчи, трепещетъ за завоеванныя имъ права и съ яростью обращается противъ тѣхъ, кого обвиняютъ въ желаніи ихъ отнять. Его гнѣвъ падаетъ на дворъ и на знать, оставшуюся во Франціи. Онъ ихъ обвиняетъ въ соучастіи съ эмигрантами. Заграничныя фанфаронады этихъ болтуновъ вызываютъ противъ королевской фамиліи и противъ дворянъ, сохранившихъ ей вѣрность, все усиливающуюся ненависть, подозрѣнія, которыя ежедневно обостряются, и, подъ

предлогомъ предосторожностей или репрессалій, неистовства и насилія. Эта первая эмиграція, вполнѣ политическая и феодальная, самый нелѣпый и роковой анахронизмъ во Франціи 1789 г., повела къ послѣдствіямъ безконечно болѣе важнымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, принимая въ соображеніе неспособность ея вождей и тщеславіе, руководившее ихъ намѣреніями. Никакое событіе не было столь бѣдственнымъ для монархіи и не имѣло болѣе гибельнаго вліянія на развитіе революціи.

Король безъ воли, бездарные и безхарактерные министры, правительство въ бѣдственномъ положеніи, раздоры въ судебной средѣ; запуганные администраторы, нерѣшительные офицеры, отбившіеся отъ дисциплины солдаты, дворянство, ревниво оберегающее свои привилегіи и неспособное ихъ удержать за собою; честолюбивая буржуазія, нападающая на власть лишь для того, чтобъ присвоить ее себѣ; безпорядки въ городахъ, тревога въ деревняхъ, бѣдность повсюду, возмущенія, бунты, разбои,—вотъ картина Франціи уже за нѣсколько лѣтъ до собранія Штатовъ. Послѣднее только ускорило кризисъ. Тѣмъ не менѣе этотъ кризисъ, даже въ его страшныхъ размѣрахъ, представлялъ лишь обычныя условія и обыкновенныя послѣдствія революцій. Новизна состояла не въ этомъ.

Особый оттѣнокъ, отмѣчающій французскую революцію, съ самаго ея начала, происходитъ отъ безконечнаго контраста, обнаруженнаго ею между слабостью правительства, ею выбраннаго, и мощью идей, которыя она вноситъ въ міръ. Это Собраніе, которое не умѣло управлять ни Франціей, ни собой, и существованіе котораго зависѣло отъ дерзости нѣсколькихъ бунтовщиковъ, работало для будущаго среди неизвѣстностей настоящаго и кидало въ зыбучіе пески неразрушимые устои. Анархія, не имъ созданная, но имъ увеличенная неосновательными мѣрами, слишкомъ скоро скрыла отъ глазъ современниковъ плодотворность реформъ, которыя могли принести всѣ свои плоды лишь въ времена, менѣе смутныя. Собраніе только отдавало себѣ простую справедливость, когда въ 1790 оно отвѣчало своимъ клеветникамъ яснымъ изложеніемъ дѣла, совершеннаго имъ менѣе, чѣмъ въ восемь мѣсяцевъ [7]).

«Притворялись незнающими, что сдѣлало Національное собраніе; мы вамъ это напомнимъ. Права человѣка не признавались, они были возстановлены. Народъ утратилъ право опредѣлять законы и налоги, это право было ему возвращено. Безчисленныя привилегіи составляли все наше общественное право, онѣ уничтожены. Угнетающій феодализмъ царилъ повсюду во Франціи—онъ исчезъ безвозвратно. Вы желали уничтоженія подкупности должностей, это исполнено. Финансы требовали гро-

[7]) Прокламація отъ 11 февраля 1790 г. подъ редакціей Талейрана.

мадныхъ реформъ, мы работали надъ ними безъ отдыха... Вы чувствовали необходимость въ реформѣ, хотя бы временной, главнѣйшихъ недостатковъ уголовнаго кодекса, она была обнародована... Кодексъ гражданскихъ законовъ уничтожитъ всѣ эти неясные, сложные, противорѣчивые законы... Собраніе завершило трудное дѣло дѣленія королевства, которое одно могло стереть послѣдніе слѣды старыхъ предразсудковъ, замѣнить узкій себялюбивый патріотизмъ истинною любовью къ отчизнѣ... Мы закончимъ наши работы составленіемъ уложенія народнаго обученія и воспитанія, которое поставитъ конституцію подъ охрану грядущихъ поколѣній. Вотъ наши труды, французы, или, скорѣе, ваши труды... Какое почетное наслѣдство оставите вы вашему потомству! Возвыситься до званія гражданина... имѣть доступъ ко всѣмъ должностямъ... такъ какъ все дѣлается черезъ васъ и для васъ; быть равнымъ передъ закономъ, свободнымъ дѣйствовать, говорить, писать, отдавая отчетъ не людямъ, а всегда общественной волѣ: какое положеніе можетъ быть прекраснѣе! Найдется ли хоть одинъ гражданинъ, достойный этого имени, который дерзнулъ бы подобрать окружающіе насъ обломки, чтобы видѣть въ нихъ цѣлое зданіе?»

Въ исторіи не найдется другого примѣра такихъ глубокихъ реформъ, основанныхъ на болѣе великодушныхъ мотивахъ, исполненныхъ съ такимъ величіемъ. Для огромнаго большинства въ этомъ заключалась вся революція. Подъ этой формой она стала по преимуществу національнымъ дѣломъ французовъ. Она освобождала людей и имущества; она происходила ради французской земли и ея обитателей, она крѣпче привязывала гражданъ къ почвѣ своей страны; она сдѣлала общественнымъ и популярнымъ то великое понятіе о родинѣ, которое вѣками складывалось въ сердцахъ. Въ этомъ отношеніи революція освятила дѣло монархіи. Разсказываютъ, что при своемъ возвращеніи изъ Италіи, въ 1797 г., Бонапарте сказалъ Сійесу: «Я создалъ *великую* націю». На что Сійесъ ему отвѣчалъ: «Да, но еще ранѣе мы создали самую націю». Тотъ и другой хвастались, приписывая себѣ заслугу исторіи, которая была истинною подготовительницею совершеннаго. Патріотическій характеръ знаменитыхъ декретовъ 1789 г. составлялъ ихъ внутреннюю силу и крѣпость.

Они были вполнѣ національными, французскими; тѣмъ не менѣе источники, изъ которыхъ они проистекали, исчезли слишкомъ много лѣтъ тому назадъ. Если и можно было прослѣдить до нѣкоторой степени происхожденіе идей, которыя теперь находили себѣ наконецъ примѣненіе, то скрытая связь ихъ въ послѣдовательности временъ ускользала отъ вниманія современниковъ [8]). Въ сборникахъ королевскихъ приказовъ они не

[8]) Viollet. *Précis de l'histoire du droit français*. Paris. 1884—1886. Особенно главы, относящіяся до уничтоженія привилегій, стр. 224—228, и феодальныхъ правъ, стр. 279, 609—641.

нашли ни одного принципа, съ которымъ можно было бы связать вводимые законы. Документами, подтверждающими права королей, были завалены архивы; народъ же утратилъ свои. Однако, для такой великой реформы государства и общества, необходимо было какое-нибудь правовое основаніе. За неимѣніемъ правъ историческихъ, оперлись на права метафизическія и, не имѣя возможности провозгласить права французовъ, Собраніе провозгласило права отвлеченнаго человѣка и гражданина міра. Впрочемъ, таково было въ этомъ вѣкѣ направленіе человѣческаго духа и, въ частности,—духа французскаго, явившагося однимъ изъ главныхъ мотивовъ интеллектуальнаго преобладанія Франціи надъ Европой [9]).

Члены Учредительнаго собранія издавали свои законы для человѣчества, подобно тому, какъ ихъ учители-философы писали свои книги для человѣчества. Они гордились этимъ и прославляли тѣмъ свою родину [10]). Они вѣрили во всемогущество идей, въ очевидность справедливости и въ добрыя свойства человѣческой природы. Они хотѣли блага сознательно и со всею искренностью души; они съ энтузіазмомъ трудились надъ этимъ; это и придало тотъ несравненный блескъ, которымъ сіяли первыя времена революціи, несмотря на ошибки въ веденіи дѣлъ и въ управленіи страною [11]). Кажется, что Франція возвѣщаетъ вселенной земное евангеліе, что она готовится основать религію права и счастья среди людей. «Революція, которая совершается у насъ, чревата судьбами міра», говоритъ самый краснорѣчивый и самый чистый изъ свидѣтелей этого энтузіазма [12]). «Взоры окружающихъ насъ народовъ устремлены на насъ: они ждутъ исхода нашей внутренней борьбы съ корыстнымъ нетерпѣніемъ, съ безпокойнымъ любопытствомъ; можно сказать, что въ настоящій моментъ человѣческій родъ производитъ великіе опыты надъ нашими головами. Если намъ удастся, судьба Европы измѣнится: человѣку возвращены будутъ его права; народу вернется его главенство; короли, пораженные успѣхомъ нашихъ трудовъ и увлеченные примѣромъ короля французовъ, примирятся съ народами, которыми будутъ призваны управлять; а, можетъ быть, наученные нами, болѣе насъ счастливые народы достигнутъ справедливой и свободной конституціи, не переживая тѣхъ треволненій и бѣдствій, ко-

[9]) См. т. I.

[10]) Донесеніе Мирабо о декларації человѣческихъ правъ, 17 августа 1789.

[11]) См. Tocqueville, *Mélanges*, p. 143. Chapitres inédits: *Comment au moment où l'on allait se réunir en Assemblée nationale, les esprits s'aggrandirent tout-à-coup et les âmes s'élevèrent.*

[12]) André Chénier. *Oeuvres en prose.* Paris. 1872. *Avis aux francais*, 28 Août 1790.

торыя привели насъ къ этому первѣйшему изъ благъ. Тогда свобода распространится повсюду, и имя Франціи будетъ навсегда благословенно на землѣ».

Французы были искренни, говоря такимъ языкомъ; Европа имъ повѣрила. Если они заблуждались, желая работать для всего міра, то цивилизованное человѣчество раздѣляло ихъ иллюзіи и ихъ надежды. Европа XVIII вѣка создала себѣ идеалъ добродѣтели, свободы, справедливости; французская революція, казалось, его осуществила. Всемірный характеръ принциповъ этой революціи и отвлеченное свойство ея формулъ дѣлали ее доступной всѣмъ европейцамъ и обусловливали ея распространеніе. Каждый народъ могъ отождествлять эти принципы съ своими собственными стремленіями. Отсюда произошелъ тотъ мощный откликъ, какой встрѣтили первыя декларацiи Собранія во всей Европѣ.

II.

Европейскіе мыслители того времени поняли, что революція, происходившая во Франціи, совершалась для народовъ всего міра и что наступаетъ царство самихъ народовъ [1]). Какъ во Франціи, такъ и повсюду, во взятіи Бастиліи видѣли символъ паденія стараго режима. Англійскій посланникъ заканчиваетъ сообщеніе объ этомъ своему правительству слѣдующими словами: «Такъ совершилась величайшая изъ революцій, память о которыхъ сохранилась въ исторіи, и, относительно говоря, принимая въ соображеніе важность результатовъ, она стоила мало крови. Съ этого момента мы можемъ считать Францію страною свободною, власть короля ограниченною, дворянство—низведеннымъ на одинъ уровень съ остальными сословіями» [2]). Историкъ Швейцаріи, Жанъ Мюллеръ, бывшій въ то время тайнымъ совѣтникомъ курфирста майнцскаго, называетъ эту побѣду народа «прекраснѣйшимъ изъ дней послѣ паденія Римской имперіи». Нѣмецъ Меркъ, считавшій себя великимъ критикомъ, плакалъ отъ радости, видя, что въ этой истинно шекспировской драмѣ полагается «первый

[1]) Въ массѣ мемуаровъ, оставленныхъ намъ современниками, говоритъ Токвилль, я не встрѣтилъ ни одного, въ которомъ зрѣлище этихъ первыхъ дней 1789 г. не оставило бы неизгладимаго слѣда. Вездѣ оно сообщаетъ ясность, живость, свѣжесть, волненія молодости». *Mélanges*: les chapitres inédits de l'Ancien Régime, ch. VII. «Какая-то свѣтлая радость охватила наиболѣе многочисленныя сословія общества, при видѣ этой революціи, которая низвергла старинное правительство Франціи,—пишетъ одинъ женевецъ; какое-то общее броженіе, опьяненіе надеждами...»

[2]) Донесеніе герцога Дорсетъ отъ 16 іюля 1789 г. Flammermont, *Relations inédites de la prise de la Bastille*. Paris. 1885, p. 20.

камень для счастія человѣчества». Въ Петербургѣ «французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы поздравляли другъ друга на улицахъ, обнимались, какъ будто съ нихъ сняли давившую ихъ тяжелую цѣпь». [3]).

Въ теченіе всего 1789 года въ Германіи раздаются восклицанія радости и восторга [4]). Мыслителямъ казалось, что во французской революціи они нашли осуществленіе того отвлеченнаго идеала, за которымъ они гнались по слѣдамъ Пуфендорфа и Вольфа.

Благодаря Руссо, этотъ идеалъ сдѣлался популярнымъ вездѣ, гдѣ встрѣчались любознательные умы, пламенныя души, чувствительное воображеніе. Буржуа восторженно удивляются торжеству средняго сословія и робко желаютъ того же. Просвѣщенное дворянство кокетничаетъ съ революціей, какъ кокетничало съ философіей. Весь литературный міръ привѣтствуетъ начало свободы, царство равенства людей, конецъ злоупотребленіямъ и паденіе предразсудковъ стараго міра. Публицистъ Шлё-

[3]) Ségur. *Mémoires*, t. III.—«Мнѣ было 16 лѣтъ,—разсказываетъ одинъ датчанинъ,—когда отецъ мой пришелъ домой (въ Копенгагенѣ) внѣ себя; онъ призываетъ своихъ сыновей:—какъ вы достойны зависти! восклицаетъ онъ, какіе счастливые и блестящіе дни васъ ждутъ впереди! Теперь вы сами будете виноваты, если не создадите себѣ независимаго положенія. Всѣ преграды происхожденія и бѣдности рушатся; отнынѣ послѣдній изъ васъ получитъ возможность бороться противъ самаго сильнаго равнымъ оружіемъ и на одинаковой почвѣ!—и, не имѣя силъ продолжать отъ глубокаго волненія, онъ зарыдалъ... Потомъ, успокоившись, онъ разсказалъ намъ про взятіе Бастиліи и освобожденіе жертвъ деспотизма... Революція начиналась не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Она пустила корни въ милліонахъ душъ: эти первыя минуты радости, за которыми послѣдовало такое ужасное паденіе, имѣли въ себѣ что-то чистое и святое, которое никогда не забудется. Безконечная надежда охватила мою душу». Steffens, *Was ich erlebte*. Breslau. 1840—44, t. I, p. 362, cité par *Tocqueville*, *Mélanges*, p. 173.—Анна Соймонова, будущая Свѣчина, устроила въ своей комнатѣ иллюминацію въ честь 14 іюля; это было наивное выраженіе чувствъ, господствовавшихъ среди «просвѣщенныхъ русскихъ», въ средѣ которыхъ она воспитывалась. Pingaud. *Les français en Russie*. Paris. 1885, p. 165.

[4]) Haeusser, *Deutsche Geschichte*, 4 ed. Berlin 1869, t. I. liv. II. ch. II.—Biedermann, *Deutschland im achtzehnten Jahrhundert*. Leipzig 1880. 2 partie, 3 section, p. 1189—1223.—Perthes, *Politische Zustaende*, 2 ed. Gotha 1862.—Treitschke *Deutsche Geschichte*. Leipzig. 1882, t. I, p. 115.—Hettner, *Literatur-Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts*. Brunswick. 1879. III partie. 2 livre, 3 section: *L'Idéal de l'Humanité*.—Wohlvill, *Weltbuergerthum und Vaterlandsliebe der Schwaben* 1789—1815. Hambourg 1875.—Venedey. *Die deutschen Republikaner unter der französischen Republik*. Leipzig 1870.—Philippson, *Geschichte des preussischen Staatswesens*, Leipzig 1882, t. II, p. 12—Rambaud. *Les français sur le Rhin*, Paris 1873.—Bossert, *Goethe*. 2 vol. Paris 1882.

ЭТИ ГОСПАД

церъ, не особенно восторгавшійся американской революціей, восхваляетъ французскую. «Одинъ изъ величайшихъ народовъ на землѣ рѣшительно сбросилъ гнетъ тиранiи; несомнѣнно, что это заставило самихъ ангеловъ возликовать на небѣ». [5]) Будущій корифей германской революціи, путешественникъ и натуралистъ Георгъ Форстеръ, библіотекарь въ Майнцѣ, приходитъ въ восторгъ, слушая разсказъ о ночи на 4 августа [6]). Гентцъ, стяжавшій впослѣдствіи извѣстность своей страстной ненавистью къ Франціи и революціи, начинаетъ свое поприще апологіей Учредительнаго собранія. [7]) Кантъ восторгается торжествомъ разума. Вильгельмъ Гумбольдтъ и Кампе [8]) отправляются во Францію, чтобы подышать воздухомъ свободы и присутствовать при похоронахъ деспотизма. Варнгагенъ фонъ-Энзе разсказываетъ, что его сестра наряжалась въ трехцвѣтный шарфъ, и что его отецъ отправился въ Страсбургъ, чтобы принести гражданскую клятву и служить въ національной гвардіи [9]). Опальная и устраненная отъ дѣлъ со времени новаго царствованія, группа «друзей просвѣщенія» въ Берлинѣ оживаетъ подъ вліяніемъ радостныхъ вѣстей. Свѣтскія дамы на прогулкахъ украшаютъ свой костюмъ французской кокардой.

Поэты соперничаютъ въ дифирамбахъ. «Зачѣмъ нѣтъ у меня ста голосовъ, чтобы воспѣвать французскую свободу!» восклицаетъ Клопштокъ [10]). Онъ задаетъ тонъ, и хоръ лириковъ ему отвѣчаетъ. [11]) Странная вещь:

---

[5]) *Staatsanzeigen*, t. XIII. Goettingue 1789.

[6]) Его письма къ тестю Гейне, отъ 15 августа 1789, и къ Жану Мюллеру, отъ 18 іюля 1789. *Werke*. Leipzig 1843, t. VIII, p. 85 и 120.

[7]) Статья эта напечатана въ 1790 въ *Bibliothèque universelle allemande* Biester'a, основанной Николаи, гдѣ уже раньше появилось нѣсколько статей, благопріятныхъ принципамъ революціи. *Berliner Monatsschrift* 1790, t. I, p. 370, цитируемый Biedermann'омъ, стр. 1202.

[8]) Кампе, «нѣмецкій Беркенъ», напечаталъ въ 1790 *Lettres écrites de Paris pendant la révolution*.

[9]) Когда я его увидѣлъ впервые въ мундирѣ, то почувствовалъ, какъ мое сердце забилось отъ радости. Мнѣ казалось, что отнынѣ мы неразрывно связаны съ нашей новой родиной. Я съ гордостью созерцалъ въ нашемъ отцѣ защитника той свободы, которую всѣ окружающіе прославляли какъ высшее благо и говорили, что нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ умереть ради ея защиты. *Французскій народъ, свобода, равенство*—что это были тогда за сладкія и гордыя слова!—*Denkwuerdigkeiten*, Leipzig 1843, t. I, p. 38.

[10]) *Revolutionsoden*: *Die Etats généraux* 1789; *Ludwig der Sechzehnte* 1789, *à Cramer, le Franc*, 1790. — Niewerk, *Klopstocks Revolutionsoden*, въ Archiv für die neueren Sprachen, t. XXII. 1857.

[11]) Штольбергъ славитъ взятіе Бастиліи «какъ роскошную зарю свободы»; Бюргеръ хвалитъ геній галловъ: *Gebet der Weihe*, 1790. Фоссъ сочиняетъ въ 1792 на мотивъ «марсельезы пѣснь нео-франковъ въ честь закона и короля»; надо ли прибавить, что Евлогій Шнейдеръ, бывшій тогда профессоромъ въ Боннѣ,

эти страстные поклонники революціи 1789 встрѣчаются преимущественно среди «патріотовъ» Германіи, тѣхъ, которые вызываютъ призракъ ея минувшей славы, пророчатъ ея грядущее могущество; это обстоятельство уже позволяетъ различить зародышъ той неожиданной реакціи революціоннаго духа на нѣмецкій геній. Клопштокъ, авторъ пѣсенъ въ честь Арминія, переходитъ отъ восхищенія воинами херусками и средневѣковыми героями къ восхищенію франкскими законодателями [12]). Ему казалось, что въ цѣломъ мірѣ не было ничего величавѣе германской имперской короны; побѣду Фридриха надъ его союзными соперниками онъ считалъ главнымъ событіемъ вѣка. Блескъ рождающейся свободы внезапно ослѣпилъ его. Онъ, который ранѣе отклонялъ своихъ соотечественниковъ отъ копированія французовъ, теперь приглашаетъ ихъ подражать «нео-франкамъ». Швабскій поэтъ Шубартъ, духовидецъ и провозвѣстникъ единой и побѣдоносной Германіи [13]), проведшій десять лѣтъ въ заточеніи за свои возмутительныя сочиненія, выходитъ изъ темницы въ 1787 и посвящаетъ свою «хронику» пропагандѣ французскихъ идей. Онъ стыдитъ нѣмцевъ за то, что они съ похвальбою называютъ себя «лучшими подданными въ свѣтѣ». Онъ пророчитъ, что Европа подвергнется всеобщему разложенію и преобразованію. Этотъ яростный патріотъ, который не могъ говорить безъ гнѣва и горечи о провинціяхъ, утраченныхъ имперіей, находитъ отнынѣ присоединеніе Эльзаса къ Франціи вполнѣ законнымъ. «Сдѣлаться французомъ такимъ способомъ,—пишетъ онъ въ августѣ 1789 года—есть величайшее торжество для германца, который мечтаетъ о свободѣ, между тѣмъ какъ позади него свищетъ бичъ деспота!» Но не ошибитесь; въ этихъ словахъ больше прозрѣнія, чѣмъ искренняго порыва, и въ сущности швабскаго писателя французская революція привлекаетъ только тѣмъ, что онъ видитъ въ ней наступленіе тѣхъ временъ, которыя онъ предчувствуетъ: когда свободная Германія сдѣлается центромъ европейскихъ силъ и высокимъ ареопагомъ, рѣшающимъ распри всѣхъ народовъ [14]).

однажды началъ свою лекцію одой въ честь взятія Бастиліи? «Французъ сдѣлался свободнымъ человѣкомъ, королевство—отечествомъ».

[12]) Напримѣръ его ода: *Kennt euch selbst*, 1789. *Sie und wir nicht*! 1790.

[13]) Въ сентябрѣ 1774 въ своей *Нѣмецкой хроникѣ* онъ описываетъ свой сонъ: «Львы пробуждаются, они слышатъ крикъ орла, взмахъ его крыльевъ и его боевой кличъ. Они вырываютъ изъ рукъ чужеземца отторгнутыя, Растерзанныя земли, и снова ихъ тучныя пастбища и холмы, покрытые виноградниками,—наши. На нихъ будетъ выситься германская императорская корона и покроетъ своей грозной тѣнью провинціи своихъ сосѣдей... Останемся дружными, какъ теперь, и сдѣлаемся скоро первой націей въ свѣтѣ». Wohlwill, p. 19.

[14]) *Chronique allemande*, juillet 1788, Wohlwill, p. 19—21. См. Biedermann, p. 1195.

Великіе міровые писатели удивляются, молчатъ или тревожно отворачиваются. Изъ писателей, жившихъ въ Веймарѣ, самые старые и наиболѣе проникнутые идеями XVIII вѣка, какъ напр. Виландъ [15]) и Гердеръ, выказываютъ болѣе сочувствія, чѣмъ молодые—Шиллеръ и въ особенности Гёте. Шиллеръ занимался исторіей и эстетикой: исторія освобождала его отъ вліянія Руссо; эстетика заставляла отворачиваться отъ зрѣлища парижскихъ безпорядковъ. Онъ мечталъ вызвысить человѣчество до понятія о справедливости посредствомъ пониманія прекраснаго и въ этотъ идеалъ справедливости влагалъ принципъ свободы. Онъ находилъ, что вѣкъ еще не созрѣлъ для разума, Франція—для равенства, а Германія—для революціи. Онъ пытался, не безъ головокруженія, парить надъ этимъ мрачнымъ и бушующимъ океаномъ человѣчества [16]). Гёте почти враждебенъ: онъ только-что вернулся изъ Италіи и весь отдался изученію метаморфозы растеній и теоріи цвѣта. Эти занятія еще усиливаютъ его природное отвращеніе отъ рѣзкихъ перемѣнъ. Не потому, чтобы онъ очень дорожилъ старымъ порядкомъ вещей и составлялъ себѣ иллюзіи о достоинствѣ стараго режима; Гёте—слишкомъ человѣкъ, слишкомъ великій человѣкъ, слишкомъ человѣкъ своего времени, чтобы заблуждаться насчетъ хода событій и условій, необходимыхъ для развитія новѣйшихъ обществъ, но онъ осуждаетъ французскую революцію потому, что она дѣйствуетъ торопливо, указами и формулами, природа дѣйствуетъ иначе. Туманность деклараций ему кажется противной, демократическій фанатизмъ его бѣситъ; онъ не вѣритъ ни въ прогрессъ, который идетъ снизу, ни въ политическое призваніе низшихъ классовъ. Онъ видитъ въ революціи какую-то чудовищную грозу, которая смущаетъ тишину прекраснаго лѣта новой мысли, подобно тому, какъ Реформація смутила прекрасную весну, наступившую послѣ Возрожденія. Кромѣ того, истинный характеръ событія долго ускользалъ отъ Гёте, и первыя сужденія его о нихъ носятъ ребяческій характеръ [17]).

Позднѣе и въ виду совершившихся фактовъ, ему угодно было думать, что онъ съ самаго начала вполнѣ постигъ ихъ важность и значеніе. Дѣло въ томъ, что тогда онъ ихъ обсуждалъ въ качествѣ философа и въ нѣсколькихъ строфахъ несравненной поэмы резюмировалъ впечатлѣ-

[15]) Довольно скептически относясь къ статьѣ *О правахъ человѣка*, Виландъ совсѣмъ по-философски снисходительно смотрѣлъ на мѣры, принимаемыя противъ духовенства. Насилія революціи скоро оттолкнули его, и онъ сдѣлался ея противникомъ и порицателемъ. См. Biedermann. 1195, 1201.

[16]) Hettner, p. 145—146.—Bossert, t. II, p. 206.—Rieger. *Schillers Verhaeltniss zur franzæsischen Revolution.*

[17]) *Der Gross-Cophta*, 1791.—*Der Bürgergeneral*, 1793.

ніе, которое испытало большинство его соотечественниковъ. Это-то впечатлѣніе и должна записать исторія [18]).

Изъ того, что о революціи говорили только восторженные почитатели ея, не должно заключать, что восхищеніе ею было единодушно. Оно уменьшалось по мѣрѣ увеличенія совершаемыхъ ею насилій. Тогда критики стали смѣлѣе и мало-по-малу, особенно съ лѣта 1791, энтузіазмъ сталъ слабѣть, симпатія падать, порицаніе расти, и нерѣдко въ душѣ тѣхъ же самыхъ людей разочарованіе, антипатія и ненависть замѣняли довѣріе и первоначальное восхищеніе. Но въ 1789 были еще далеки отъ этого поворота во взглядахъ [19]). Восторженное удивленіе преобладаетъ и жакеріи, извѣстія о которыхъ еще очень смягчались газетами, являлись въ глазахъ просвѣщенныхъ европейцевъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ вообще переворотовъ [20]).

Съ поэтическими свидѣтельствами Гёте и Клопштока можно сравнить знаменитую оду Вордсворта: *Французская революція, какою она явилась энтузіастамъ при ея началѣ.*

«Чудный взрывъ упованія и радости! Жить во время этой зари было счастьемъ; быть молодымъ — это было самимъ небомъ». Но у англичанъ этотъ энтузіазмъ былъ сентиментальнымъ и литературнымъ энтузіазмомъ. Революція, вызвавшая страстныя пренія въ парламентѣ и политическомъ мірѣ, не могла произвести глубокаго впечатлѣнія на народъ. Она не казалась ему ни очень новой, ни очень соблазнительной. Англичане полагали, что въ дѣлѣ свободы они устроились лучше и притомъ съ давнихъ поръ. Тѣмъ не менѣе приверженцы избирательной реформы и демократы

[18]) *Hermann und Dorothea.* Klio, 1796-- 1797. — *Wahrheit und Dichtung.* IV ч., кн. XVII.—Eckermann. *Gespraeche*, 1836—1848.—Hettner, p. 101.—Biedermann, p. 953—1211.—Bossert, t. II, p. 231.

[19]) Они уже проявляются въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Das neuste aus Frankreich Staatsanzeigen*, t. XIV, 1790, p. 49.

[20]) Форстеръ пишетъ Гейне, отъ 30 іюля 1779. «Еще не бывало революціи, которая была бы такъ глубока и стоила бы такъ мало крови и такъ мало бѣдствій». Жанъ Мюллеръ говорилъ: «Гроза, которая очищаетъ воздухъ, хотя и убиваетъ нѣсколькихъ несчастливцевъ, лучше чѣмъ чума, которая его отравляетъ, и свобода, купленная цѣною нѣсколькихъ преступныхъ головъ, не слишкомъ дорого заплачена». Это же мнѣніе раздѣляетъ и Шлёцеръ: «Гдѣ видали революцію безъ насилій! восклицаетъ онъ. Развѣ лѣчатъ язвы розовой водой? Если есть пролитая кровь, пусть она падетъ на васъ, деспоты, и на вашихъ безчестныхъ соучастниковъ. Вы сдѣлали эту революцію необходимой».—Forster. *Werke*, t. VIII, p. 85, t. III, p. 267, t. IX, p. 64.—Philippson t. II, p. 14.—Hettner, p. 362.—Biedermann, p. 1196.—Энтузіазмъ, возбужденный величіемъ предмета становился почти не чувствительнымъ къ безпорядкамъ, къ которымъ относились, какъ къ несчастнымъ случайностямъ во время народнаго торжества.—Dumont. *Souvenirs*, ch. VII.

ОТПЕЧАТАН

получили нравственную поддержку въ своихъ требованіяхъ. Они рукоплескали и волновались; *Общество революціи*, основанное въ память событій 1688, вотировало 4-го ноября 1789, подъ предсѣдательствомъ лорда Стэнгопа, поздравительный адресъ Національному собранію.

Не могу обойти молчаніемъ впечатлѣнія и молодой русской аристократіи. Въ петербургскихъ и московскихъ дворцахъ, равно какъ и при маленькихъ дворахъ и замкахъ Германіи, одно время любили разсуждать о злоупотребленіяхъ феодальнаго режима и о благахъ свободы. Къ этому примѣшивалось великосвѣтское фрондированіе и мода на философію. Самые смѣлые втихомолку говорили объ учрежденіи палаты господъ и составляли туманные планы объ аристократической свободѣ, на манеръ поляковъ. Эти безсильныя стремленія, чисто партійныя и очень скромныя, не переступали предѣловъ общественнаго развлеченія и болтовни хорошаго тона. Этотъ тонъ измѣнился, какъ только обнаружился рѣзко демократическій характеръ революціи [21]).

Напротивъ того въ Италіи, и преимущественно въ сѣверной, наблюдаются движенія, сходныя съ тѣми, которыя происходятъ въ Германіи. Петръ Верри говоритъ о свѣтѣ, сіяющемъ его родинѣ изъ Парижа. Пиндемонте сочиняетъ въ честь реформъ поэму *La Francia* [22]). Но вслѣдъ за этими доказательствами сочувствія, чисто моральнаго свойства, въ Италіи и Германіи вскорѣ послѣдовали внѣшнія волненія очень практическаго и въ то же время очень грубаго характера. Мыслители и поэты прославляли красоту принциповъ, крестьяне требовали выгодныхъ для себя реформъ.

Въ сосѣднихъ съ Франціею странахъ, гдѣ нравы и соціальное положеніе очень сходны, за дифирамбами и деклараціями принциповъ слѣдуютъ также, какъ и во Франціи, народныя возстанія съ требованіями реформъ: народъ по-своему переводитъ на факты аксіомы естественнаго права. Въ Пьемонтѣ, и преимущественно въ Савойѣ, онъ протестуетъ противъ привилегій дворянства. Вездѣ вспыхиваютъ возстанія, наклеиваются объявленія со словами: «Вспомните крикъ, который въ Парижѣ значитъ больше, чѣмъ десять тысячъ людей: на фонарь!» Одинъ дворянинъ не позволилъ процессіи пройти по своей землѣ: «Мы—третье сословіе,—восклицаетъ одинъ крестьянинъ,—и если дворяне не будутъ сидѣть смирно, мы сожжемъ ихъ замки».

Считая желанныя перемѣны какъ бы совершившимися, савойцы отказываются уплачивать оброки. Власть пытается сопротивляться; толпа ста-

[21]) Pingaud. *Les Français en Russie*, p. 165.

[22]) Franchetti. *Storia d'Italia*. Ch. II. *Primi effetti della Rivoluzione francese*, p. 48. *Note sur les littérateurs*, p. 41.

новится въ оборонительное положеніе, и власть уступаетъ. Въ Каружѣ, въ 1789 г. бунтовщики грозятъ повѣсить интенданта, который спасается бѣгствомъ. Въ Шамбери, губернаторъ передаетъ свою власть въ руки городского совѣта [23]).

Въ 1790 г. начались возмущенія въ Ливорно, Пистойѣ, Флоренціи. Французскій посланникъ въ Римѣ, Берни, пишетъ по этому поводу [24]): «Регентство исполнило всѣ требованія народа и, несмотря на это, спокойствіе не возстановилось въ этомъ великомъ герцогствѣ. Королю Леопольду [25]) будетъ прискорбно видѣть, какъ въ одну минуту пала та администрація, надъ которой онъ безъ отдыха трудился въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Болѣзнь, терзающая Францію, становится заразительной, и эта зараза будетъ усиливаться, если европейскіе государи не позаботятся поставить преграды ея возрастанію».

Въ Германіи, въ особенности на лѣвомъ берегу Рейна, во владѣніяхъ, непосредственно принадлежащихъ дворянству, и въ особенности на церковныхъ территоріяхъ, волненіе быстро распространяется. Газеты даютъ очень скудныя извѣстія, но достаточно прочесть декреты, они не нуждаются въ комментаріяхъ.

«Нѣтъ вооруженнаго сопротивленія,—говоритъ одинъ современникъ;—но есть недовольство, раздаются громкія жалобы; какой-то высокомѣрный тонъ замѣнилъ обычныя субординацію и повиновеніе». Ходятъ по рукамъ листки, на которыхъ написано: «Мы желаемъ освободиться отъ ига монаховъ!» Послѣднихъ даже выгоняютъ изъ многихъ монастырей. Безпорядки проявились въ Монбельярѣ, гдѣ сосѣдство Франціи разгорячаетъ головы, въ Кельнѣ, Трирѣ и Шпейерѣ. Граждане имперскихъ городовъ вспоминаютъ свои старинныя льготы [26]). Впрочемъ, это лишь поверхностное броженіе; самые пламенные корифеи французской революціи не считали ея распространеніе возможнымъ, даже желательнымъ въ имперскихъ владѣніяхъ [27]).

[23]) Bianchi. *Storia della Monarchia piemontese*. t. I, ch. IX, § 2, 3. Rome. 1877.—Franchetti, ch. II, § 2.—Botta. *Histoire d'Italie*, liv. II. Paris. 1824.—Costa de Beauregard. *Un homme d'autrefois*. Paris. 1877.

[24]) Отъ 16 іюня 1790 г.

[25]) Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій, сдѣлался съ 20 февраля 1790 г. королемъ Богеміи и Венгріи, вслѣдствіе смерти своего брата Іосифа II.

[26]) Haeusser, t. I, p. 272.—Treitschke, t. I, p. 118.—Venedey, p. 11.—Biedermann, p. 1195—1216.—Remling, *die Rhein Pfalz*, 1792—1797. Spire 1865, t I., p. 1, Introduction.

[27]) Письмо Форстера къ Жану Мюллеру 18 іюля 1790: «Я очень желалъ бы вѣрить, чтобы это распространилось, но мы въ Германіи еще не готовы». *Werke*, t. VIII p. 120.—Шубартъ думаетъ то же самое, сентября 1889, Wohlwill, p. 89.

© ГПИБ СПбГУ

Зато въ Люттихѣ произошла настоящая революція [28]). Старый демократическій духъ этой безпокойной провинціи внезапно проснулся. По поводу незначительнаго инцидента, недовольные сослались на обычаи, запрещавшіе епископу издавать указы безъ содѣйствія штатовъ. Епископъ отказался ихъ созвать. Жители Спа возстали и изгнали епископскій гарнизонъ. 18 іюля возстали въ свою очередь и жители Люттиха. Епископа ведутъ въ ратушу и принуждаютъ отмѣнить деспотическіе законы, господствовавшіе съ 1684. Вожди инсуррекціи овладѣваютъ властью и сзываютъ штаты. Епископъ бѣжитъ въ Триръ. Здѣсь очевидно вліяніе французской революціи; но волненія не имѣютъ того характера, какъ въ Пьемонтѣ и прирейнскихъ странахъ. Въ Люттихѣ существовала традиція свободы, память о которой еще не исчезла; между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, на Рейнѣ, въ Пьемонтѣ, гдѣ эти воспоминанія унесло время, населеніе видѣло въ революціи только гражданскія реформы и требовало лишь уничтоженія феодальныхъ правъ.

Народы, въ которыхъ вызвано стремленіе освободиться, стряхиваютъ наиболѣе тягостный для нихъ гнетъ, но этотъ гнетъ не для всѣхъ одинаковъ. Они подобны кораблямъ, которыхъ одинъ и тотъ же вѣтеръ гонитъ въ противоположныя стороны, смотря по тому, какъ поставлены паруса и въ которую сторону направленъ руль. Такимъ образомъ революція, уничтожающая старый порядокъ и стремящаяся создать, такъ сказать, сызнова и общество и государство, воскрешаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ тѣ самыя средневѣковыя традиціи, которыя ей желательно упразднить на вѣки. Мы видимъ это напримѣръ въ Люттихѣ, гдѣ мятежный народъ возстановилъ обычай, уничтоженный въ XVII вѣкѣ; то же увидимъ мы на болѣе обширной сценѣ и въ болѣе рѣзкихъ чертахъ въ Бельгіи.

Тамъ все созрѣло для революціи [29]). Реформы Іосифа II, его предпріятія противъ духовенства, нарушенія народныхъ хартій, обманчивыя уступки, за которыми слѣдовала еще болѣе деспотическая реакція, поддерживали раздраженіе, которое не переставало расти съ начала 1789. Взятіе Бастиліи разгорячило всѣ умы. «Частыя извѣстія изъ Парижа усиливали броженіе,—пишетъ одинъ австріецъ;—говорили вслухъ о томъ, чтобы слѣдовать тому же примѣру; хотѣли напугать, объявляя о своемъ намѣреніи рубить головы; паркъ, улицы и церкви были переполнены надписями: «*Здѣсь какъ въ Парижѣ*». Страсти проявляются въ тѣхъ же формахъ,

[28]) Juste. *Histoire du règne de Joseph II et de la révolution belge de* 1790, t. I, ch. VI, Bruxelles 1846. 2-ème ed. 1884.

[29]) См. т. I, кн. I, гл. II. *Безпорядки и возмущенія.*—Borgnet, *Histoire des Belges*, Bruxelles 1884.—Juste *op. cit.*—Banke, *die deutschen Maechte und der Fürstenbund.* Leipzig 1871, ch. XXVI.

какъ во Франціи, но мотивъ, обусловливающій ихъ проявленіе, очень различенъ. Въ Бельгіи народъ поднимается, чтобы возстановить частью то, что разрушено въ Парижѣ: средневѣковый политическій режимъ и прерогативы духовенства.

Правительство Іосифа II вдохновляется идеями восемнадцатаго вѣка. Въ Бельгіи замѣчается то, что во Франціи назвали впослѣдствіи контръреволюціей, при чемъ бельгійцы гораздо болѣе походили на вандейцевъ, чѣмъ на побѣдителей Бастиліи.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, примѣръ французской революціи вызываетъ въ Ирландіи религіозную и чисто католическую агитацію; въ Венгріи—аристократическую, въ Польшѣ—монархическую. Въ дѣйствительности эти народы преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—свою національную самостоятельность: бельгійскіе патріоты видѣли ее въ возвращеніи вольностей, упраздненныхъ Іосифомъ II, ирландскіе—въ освобожденіи отъ законовъ, навязанныхъ еретической Англіей, венгерскіе—въ возстановленіи собранія штатовъ, что способствовало бы уменьшенію королевской власти, польскіе—въ укрѣпленіи этой самой власти, безсиліе которой дѣлало ихъ беззащитными жертвами заговоровъ партій и покушеній на ихъ самостоятельность со стороны чужеземцевъ.

Именно это разнообразіе первыхъ результатовъ французской революціи было причиной того, что всемірный характеръ ея ускользнулъ отъ глазъ современныхъ государственныхъ людей. Не понимая, что одна и та же причина даетъ столь различныя послѣдствія, они смотрѣли на французскую революцію и на всѣ безпорядки, сопровождавшіе ее въ Европѣ, «какъ на одну изъ тѣхъ періодическихъ болѣзней, которымъ подверженъ государственный организмъ всѣхъ народовъ, и которыя въ результатѣ открываютъ лишь новыя поприща для политики» [30]).

III.

Великія намѣренія Собранія пріобрѣли ему восторженное удивленіе народовъ; безсиліе правительства успокоило кабинеты. Послѣдній прецедентъ способствовалъ ихъ ложному сужденію о французскихъ дѣлахъ. По мнѣнію всѣхъ европейскихъ политиковъ 1789 года, американская революція была неудачна [1]). Имъ казалось, что республика Соединенныхъ Штатовъ лишена жизнеспособности и не имѣетъ будущаго; у ней не было финансовъ; конституція, вотированная въ 1787, представлялась утопіей; сла-

[30]) Tocqueville, *l'Ancien Régime*, liv. I ch. I.

[1]) Cornelis de Witt. *Washington*, ch. XII. Paris 1859.

бость, на которую повидимому было обречено правительство, приписывали его формѣ. Политическіе пророки предсказывали ту же участь Франціи, и американцы первые обратили противъ нея то поверхностное сужденіе, какое высказали о нихъ европейцы. Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ во Франціи, Говернеръ Моррисъ, съ первыхъ же дней предсказалъ банкротство французской революціи [2]).

Этотъ взглядъ раздѣляютъ шведы—графъ де Ферзенъ, роялистъ, очень любимый дворомъ, и посланникъ Густава III въ Парижѣ баронъ де Сталь [3]), зять Неккера, имѣвшій непосредственныя сношенія съ лучшими людьми Учредительнаго собранія. Они произносятъ смертный приговоръ Франціи въ одинаковыхъ выраженіяхъ. «По всѣмъ вѣроятіямъ,—пишетъ австрійскій посланникъ Мерси,—эта монархія надолго разрушена; союзъ съ нею не можетъ принести пользы и должно считать его даже опаснымъ... Франція губитъ сама себя» [4]). Такъ думалъ и Гриммъ, видѣвшій въ революціи лишь страшное изліяніе человѣческой глупости: онъ отвертывается отъ нея съ отвращеніемъ въ силу мнимой утонченности чувствъ, и, несмотря на весь свой умъ, не безъ злорадства нѣмецкаго барона, полномочнаго министра маленькаго князька, приплеца во Франціи [5]).

Европейскія правительства замѣчаютъ лишь полное затменіе французскаго могущества и, смотря по тому дружески или враждебно относятся онѣ къ Франціи, нуждаются въ ней или боятся ее, они порицаютъ революцію или радуются ей.

---

[2]) *Mémorial et Correspondance.* Paris 1842. «Французская монархія слабѣе и ограниченнѣе всѣхъ европейскихъ монархій». 1-го іюля 1789 г. Черезъ годъ, посвященный наблюденіямъ, онъ повторяетъ то же самое и приходитъ къ такому выводу: «Эта несчастная страна представляетъ въ нравственномъ отношеніи полнѣйшій упадокъ. Чѣмъ это кончится? Одно только очевидно: на этотъ разъ по крайней мѣрѣ революція потерпѣла неудачу». 24 января 1790 г.

[3]) Сталь пишетъ отъ 3 августа 1789 г.: «Надо считать эту державу, если даже она когда-нибудь оправится отъ переживаемаго ею ужаснаго кризиса, какъ бы вычеркнутою изъ списка европейскихъ государствъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе многихъ лѣтъ». Ферзенъ пишетъ 15 августа 1789 г.: «Франція разорена на долго». *Correspondance diplomatique de baron de Staël*, publiée par Lèouzon le Duc. Paris 1881.—*Le comte de Fersen et la cour de France*, par le baron de Klinckowström. Paris 1877.

[4]) Донесенія де Мерси отъ 17 августа и 18 ноября 1789, изданныя Вертеймеромъ, *Revue Historique*, t. XXV, p. 331—332.

[5]) «Франція погибла безвозвратно. Анархія такъ велика, что она не можетъ долго просуществовать». *Письма Гримма къ Екатеринѣ II*, изданныя Гротомъ. Петербургъ 1885, стр. 368. Письмо отъ 17 августа 1790.—*Melchior Grimm* par Edmond Scherer. Paris 1886.

Испанія чувствуетъ себя во власти Англіи; она не можетъ болѣе разсчитывать на Семейный Договоръ. Мадридскій дворъ негодуетъ на слабость Людовика XVI. «Я предпочелъ бы умереть во главѣ своихъ войскъ, чѣмъ покинуть такимъ образомъ мою корону», восклицаетъ Карлъ IV, узнавши объ Октябрьскихъ дняхъ.» Онъ упрекаетъ Людовика въ томъ, что онъ забылъ, что онъ король; онъ его понуждаетъ къ сопротивленію и желалъ бы, чтобъ Европа его поддержала. «Все-таки король долженъ показать себя достойнымъ такой поддержки,—говорилъ министръ Флорида-Бланка французскому посланнику,—было бы такъ же безразсудно какъ и невозможно сдѣлать его государемъ противъ его воли». Во всякомъ случаѣ, Испанія не въ силахъ ему помочь; она сокрушается, она раздражается, она порицаетъ, но дальше критики и безплодныхъ пожеланій она не можетъ идти [6]).

Сужденія вѣнскаго двора болѣе сложны. Повидимому революція никого не касается такъ близко, какъ Іосифа II. Занятый на Востокѣ, онъ лишался союзника, который одинъ могъ защитить его противъ вооруженнаго вмѣшательства Пруссіи и Англіи [7]).

Союзникъ этотъ не только парализованъ, но и самый союзъ съ нимъ скомпрометированъ. Партія, торжествующая во Франціи, является непримиримымъ противникомъ такого союза: все показываетъ, что эта партія постарается войти въ соглашеніе съ нидерландскими мятежниками. Наконецъ, королева Франціи—родная сестра императора. Но послѣдній не смущается. Онъ съ презрительнымъ равнодушіемъ относится къ французскимъ дѣламъ. «Мое здоровье не настолько разстроено, чтобы тревожиться событіями, въ которыхъ я не принимаю никакого участія»,—пишетъ онъ Кауницу послѣ взятія Бастиліи. Что люттихцы разыграли съ своимъ властелиномъ «такой же фарсъ, какъ парижане», это обстоятельство также не тревожитъ его ни мало. Единственное, что онъ запомнилъ изъ французскихъ событій—это то, что ему нельзя уже «извлекать» изъ этого королевства ни людей, ни денегъ [8]).

Его братъ Леопольдъ, великій герцогъ тосканскій, судилъ о революціи съ болѣе высокой точки зрѣнія. «Если это прочно установится, писалъ онъ по случаю объявленныхъ реформъ, Франція сдѣлается самой могущественной державой въ Европѣ: наконецъ, въ ней будетъ отечество, ее бу-

---

[6]) Baumgarten. *Geschichte Spaniens zur Zeit der französischen Revolution.* Berlin 1861.—Tratchevsky. *L'Espagne à l'époque de la Révolution française.* Paris 1866. *Revue Historique*, t. XXXI. Paris 1866.

[7]) См. т. I.

[8]) Beer. *Joseph II, Léopold II und Kaunitz*, Vienne 1873, p. 336.—Arneth. *Joseph und Léopold.* Vienne 1872. Письма Іосифа отъ 18 мая и 31 августа 1789.

дутъ любить, и за нее будутъ стоять, станетъ легче и пріятнѣе быть королемъ и министромъ во Франціи... И это возрожденіе Франціи представитъ собою примѣръ, которому вскорѣ должны будутъ волей-неволей послѣдовать европейскіе государи, побуждаемые къ тому собственными подданными; произойдетъ повсюду неисчислимое благо, наступитъ конецъ многимъ неправдамъ, войнамъ, раздорамъ, смутамъ, и это будетъ одною изъ самыхъ полезныхъ модъ, которыя Франція введетъ въ Европу»[9]). Эти слова—дань революціи со стороны просвѣщеннаго правительства; но вскорѣ къ нимъ примѣшивается сомнѣніе, а послѣ сомнѣнія является отвращеніе и презрѣніе[10]). Эти чувства умѣряютъ разочарованіе, испытанное австрійцами отъ потери союзника. Разъ Франція для нихъ безполезна, они помнятъ только о томъ, что она была ихъ постоянной соперницей и еще недавно возбуждала злобу, препятствуя честолюбивымъ планамъ Австріи. Имъ пріятно видѣть, что она такъ низко пала. Старый и коварный Кауницъ, который такъ долго эксплуатировалъ Францію и въ то же время ненавидѣлъ ее, теперь осыпаетъ ее сарказмами. Французскій посланникъ пишетъ: «Въ Вѣнѣ не столько думали о послѣдствіяхъ, могущихъ вытекать изъ нашихъ затрудненій, сколько радовались послѣднимъ»[11]).

Если таково было впечатлѣніе въ Вѣнѣ, то легко вообразить себѣ, что въ Берлинѣ безъ всякой сдержанности высказывали свое удовольствіе. Тамъ зависти не приходилось считаться съ своекорыстіемъ, и пруссакамъ нечего было бояться за себя. Вёльнеръ, Бишофсвердеръ, партія ханжей, теософы и фаворитки, всѣ одинаково враждебно преслѣдовали философовъ, «друзей просвѣщенія», и всѣхъ, кто раздѣлялъ французскія идеи[12]). Изданіе украденныхъ писемъ Мирабо къ Таллейрану во время его секретной миссіи въ Берлинѣ въ 1786 г. доставило имъ случай обнаружить свою ненависть[13]). Эти письма, которыя онъ писалъ изо дня въ день, съ быстротою молніи, не успѣвая перечитывать, носили на себѣ отпечатокъ того состоянія напряженности, въ которомъ постоянно пребывалъ Мирабо. Циничныя остроты перемѣшиваются съ геніальными мыслями. Однѣ страницы напоминаютъ Дидро, другіе—Бонапарта, во всѣхъ находишь ту го-

[9]) Beer, *Léopold II, Franz II und Catharina*. Leipzig 1874, p. 216. Письмо къ Маріи-Христинѣ, 4 іюня 1789.

[10]) «Вольтеръ былъ правъ, говоря, что французы—или обезьяны, или тигры». Письмо къ Іосифу, 28 іюня 1789.

[11]) Донесеніе маркиза де-Ноайль 21 мая 1789.

[12]) См. т. I.

[13]) Ibid. — Bacourt. *Correspondance de Mirabeau*, t. I, p. 343. — Оригинальныя письма Мирабо и «очищенныя, разукрашенныя» версіи ихъ, составленныя Таллейраномъ для Людовика XVI, хранятся въ архивахъ иностранныхъ дѣлъ.

рячность, тотъ пылъ и, къ несчастью, тѣ же недостатки, которые отмѣчаютъ письма изъ Венсенской башни. Этотъ рѣзкій эскизъ, этотъ безпорядочный набросокъ великаго сочиненія *Monarchie prussiene*, которое тогда только что появилось, былъ напечатанъ въ 1788 г. безъ подписи автора подъ названіемъ *Секретная исторія берлинскаго двора*. Дерзкій памфлетъ противъ короля прусскаго, его двора, его фаворитовъ, краснорѣчивая и проницательная критика прусскаго государства и его скрытыхъ слабостей, эта книга, надѣлавшая столько шума въ Европѣ, соединяла въ себѣ всѣ оскорбленія, которыя могли вывести изъ себя Фридриха Вильгельма. Онъ не могъ не возненавидѣть революціи, крестнымъ отцомъ которой былъ авторъ подобнаго пасквиля.

Порочить Францію—значило угождать королю прусскому. Льстецы не упускали этого случая. Въ Берлинѣ жадно собирали всѣ симптомы анархіи во Франціи, всѣ признаки дискредитированья французскаго государства за-границей, и комментировали съ язвительной снисходительностью. Герцбергъ, въ этомъ отношеніи такой же пустый пруссакъ, какъ и любимцы его властелина, хвалится тѣмъ не менѣе своей «просвѣщенностью». Вѣдь этотъ кризисъ благопріятенъ его происканъ и онъ надѣется извлечь изъ него свои выгоды. «Престижъ королевской власти уничтоженъ во Франціи», пишетъ онъ королю 5 іюля, «войска отказались повиноваться. Людовикъ объявилъ королевское засѣданіе недѣйствительнымъ: это—сцена во вкусѣ Карла I. Вотъ положеніе, изъ котораго правительства должны извлечь выгоду»[14]). Берлинское правительство въ этомъ пораженіи королевской власти видитъ не только обезсиленную надолго Францію, оно видитъ то, на что невозможно было надѣяться даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, то, чего Фридрихъ много разъ пытался достигнуть и не успѣлъ, несмотря на свою дипломатичность: распаденіе австрійскаго союза, навсегда погибшее вліяніе королевы, значеніе, пріобрѣтенное приверженцами Пруссіи, и въ результатѣ—всѣ пути, открытые для прусскаго честолюбія. 14 іюля доставляетъ ему несказанную радость. Онъ его привѣтствуетъ по-своему какъ день освобожденія[15]). «Это прекрасный моментъ», объявляетъ Герцбергъ[16]).

[14]) Siebel. *Geschichte der Revolutionszeit*, t. I., l. II, ch. II. Düsseldorf 1877. Stuttgard 1879.

[15]) Прусскій посланникъ въ Парижѣ Гольцъ пишетъ 15 мая своему королю: «Взятіе Бастиліи и конецъ вліянію королевы значительно укрѣпили положеніе вашего величества въ Европѣ».

[16]) «Французская монархія низвергнута, союзъ съ Австріей уничтоженъ; это прекрасный моментъ и въ то же время единственный случай, представ-

© ГПБ СПбАИ

Фридрихъ Вильгельмъ немедленно поручаетъ своему посланнику Гольцу, въ Парижѣ, войти въ сношеніе съ главарями Національнаго собранія и дѣйствовать противъ королевы и противъ Австріи. Что касается до опасности, которой революція можетъ подвергнуть всѣ троны, что касается до бѣдствій, которыми она можетъ угрожать королевской фамиліи—онъ объ этомъ не заботится. «Эти дѣла, пишетъ онъ Гольцу, интересуютъ меня лишь настолько, насколько они касаются вліянія Франціи въ Европѣ». Посланникъ французскій вполнѣ разгадалъ это чувство подъ оффиціальными фразами соболѣзнованія: «Прусскій король сдѣлалъ мнѣ честь заговорить со мной,—пишетъ онъ 1 августа;—онъ велъ приличныя обстоятельствамъ рѣчи о положеніи короля. Но удовольствіе, испытываемое здѣшнимъ дворомъ, проявляется открыто; навѣрное онъ желалъ бы, чтобъ смуты во Франціи были болѣе серьезны и продолжались бы вѣчно». Мелкіе германскіе князья, низкопоклонные и раболѣпные прежде, завистливые и язвительные теперь, съ такою же радостію, какъ и пруссаки, констатируютъ фактъ затменія того знаменитаго солнца Людовика XIV, которое такъ долго то ослѣпляло, то чаровало, то страшило ихъ [17]).

Англія начала съ чувства боязни. Созывъ Генеральныхъ штатовъ заставилъ ее опасаться одного изъ тѣхъ подъемовъ духа и энергіи, которыми Франція часто разстраивала расчеты своихъ враговъ [18]). «Мы учимся познавать Францію въ ущербъ себѣ», говорилъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей въ Лондонѣ посланнику Людовика XVI и присовокуплялъ: «мы знакомы пока только съ нѣкоторыми сословіями французовъ, и это уже довольно невыгодное знакомство; когда познакомимся со всей націей—будетъ гораздо хуже». «Пусть только ваша революція будетъ удачна,—говорилъ лордъ Ландсоунъ тому же дипломату,—и вы будете такъ сильны и могущественны, что можете предписывать законы Европѣ» [19]). Анархія живо успокоила непріязненно расположенныхъ англичанъ, и они шумно выразили свою радость. Въ англійскихъ журналахъ мы находимъ полную горечи, но слишкомъ часто справедливую

ляющійся вашему величеству, чтобъ поставить свою монархію на прочное основаніе». Донесеніе королю отъ 26 іюля 1789.

[17]) Посланникъ саксонскій пишетъ изъ Берлина 2 октября: «король безъ власти, государство безъ денегъ и безъ военной силы—однимъ словомъ, Франція похожа на корабль во время бури, единственный кормчій котораго—Мирабо. Какое значеніе можетъ отнынѣ имѣть Франція въ Европѣ? Какой вѣсъ могутъ имѣть деклараціи ея дѣятелей?»—Wolff. *Oesterreich und Preussen.* 1780—1790. Глава XII. Вѣна 1880.

[18]) *Correspondance de Londres.* Донесеніе маркиза Люцерна, 23 іюня 1789.

[19]) Донесеніе Люцерна, 15 января 1790.

критику дѣйствій Собранія [20]). Великодушная сторона революціи ускользаетъ отъ большинства изъ нихъ; величіе сцены, происходившей 4 августа, не производитъ на нихъ сильнаго впечатлѣнія.

Только Фоксъ, Шериданъ, лорды Стэнгопъ и Ландсоунъ съ небольшимъ кружкомъ искреннихъ либераловъ высказываютъ свое одобреніе. Они предаются прекраснѣйшимъ иллюзіямъ; они предвидятъ въ будущемъ, что обѣ страны, сблизившись другъ съ другомъ, благодаря своимъ учрежденіямъ, замѣнятъ мирнымъ союзомъ вѣковое соперничество, которое истощаетъ казну, парализуетъ торговлю, задерживаетъ цивилизацію. Такія чисто идеальныя соображенія совсѣмъ не были въ привычкахъ англичанъ, и въ результатѣ въ партіи виговъ оказались несогласія, которыя выразились страстными дебатами. Фоксъ и Боркъ олицетворяютъ эти противоположныя тенденціи англійскихъ политиковъ: ихъ распри сдѣлались классическими. Они начались въ февралѣ 1790 и наполнили отнынѣ своимъ шумомъ Палату Общинъ [21]).

Фоксъ былъ человѣкъ своего времени, пылкій энтузіастъ и настолько европеецъ и космополитъ, насколько можетъ имъ быть истый англичанинъ конца восемнадцатаго вѣка. Въ старой Франціи онъ видѣлъ наслѣдственнаго врага своей родины; но онъ вѣрилъ въ свободу, онъ считалъ ее способной преобразить народы. Поклоненіе принципамъ революціи заставило его полюбить французскую націю. Боркъ ее всегда ненавидѣлъ, революція сдѣлала ее омерзительной въ его глазахъ. Это былъ самый фанатичный англичанинъ во всей Великобританіи: антихристіанская и демократическая революція оскорбляло всѣ его вѣрованія, всѣ убѣжденія, раздражала всѣ его предразсудки [22]). Притязаніе французовъ на свободу казалось ему узурпаціей англійскихъ прерогативъ. Онъ видѣлъ въ французской революціи опасность для европейскаго общества вообще, для англійскаго, въ частности; его отвращеніе къ новымъ принципамъ сдѣлало изъ него почитателя, приверженца старой монархіи. Боркъ тѣмъ свободнѣе ее расхваливалъ, что считалъ окончательно погибшей и, страстно доказывая разрушительный характеръ революціи, онъ въ то же время съ иронической и надменной снисходительностью указывалъ на ея первыя послѣдствія.—Она повергаетъ Францію въ варварство и вычеркиваетъ ее изъ

---

[20]) Сообщеніе англійскихъ газетъ вмѣстѣ съ сообщеніемъ изъ Лондона 1-го сентября 1789.

[21]) Hansard's *Parliamentary History*, t. XXVIII, засѣданія 5 и 9 февраля 1790.—*Moniteur*, t. III, p. 402, 417, 442, 458.

[22]) Taine. *Histoire de la littérature anglaise*, t. III, p. 87—105. –Remusat-*L'Angleterre au dix-huitième siècle.* Paris 1856, t. II, p. 383. — Dumont. Souvenirs, ch. VII.

ОТПЕЧАТОК

числа націй, говорилъ онъ. Франція теперь—существо отвлеченное, вещь безъ имени [23]); она перестала существовать въ европейской системѣ. *Gallos quoque in bellis floruisse audivimus*! «Я знаю географію; я только что пробѣжалъ карту Европы. Я дѣйствительно нашелъ на этой картѣ большое пустое мѣсто: это—пространство, нѣкогда занятое Франціей» [24]). «Французы оказались самыми искусными работниками по части разрушенія, какіе когда-либо существовали на свѣтѣ... Они разрушили у себя все: монархію, церковь, дворянство, законы, казну, армію, флотъ, торговлю и мануфактуры. Они помогли намъ, своимъ соперникамъ, устроить наши дѣла лучше, чѣмъ это сдѣлали бы двадцать сраженій при Рамильи. Еслибъ мы совершенно побѣдили Францію, еслибъ она повергласъ ницъ къ нашимъ ногамъ, то и тогда мы постыдились бы послать французамъ, для устройства ихъ дѣлъ, коммиссію, которая навязала бы имъ такой жестокій, такой гибельный, для ихъ національнаго величія, законъ, какой они сами для себя составили».

Король Георгъ раздѣлялъ мнѣніе Борка относительно этого пункта. Онъ въ душѣ поздравлялъ себя съ упадкомъ государства, которому не могъ простить Американской войны. Тѣмъ не менѣе обиды, наносимыя королевскому сану, оскорбляли его, и онъ выражалъ свое негодованіе. Но, не имѣя претензіи на діалектику, онъ очень легко примирялъ эти противорѣчивыя чувства: сожалѣніе къ королю Франціи и радость по поводу паденія французской монархіи [25]). Впрочемъ, какъ его враждебность, такъ и его симпатіи были чисто платоническими. Французскій посланникъ справедливо замѣтилъ, что король Георгъ будетъ дѣйствовать, сообразуясь съ тѣми интересами, какіе выдвинутъ его министры, а отнюдь не съ собственными чувствами [26]).

Настроеніе министерства, т. е. Вилльяма Питта, было вполнѣ миролюбиво. Революція освободила его на время отъ опасной соперницы, обезпечивала ему миръ, необходимый для его финансовыхъ реформъ, и доставляла Англіи всѣ тѣ барыши, которые теряли, благодаря кризису, промышленность и торговля во Франціи. Какъ на рынкахъ, такъ и въ кабинетахъ дипломатовъ, Англія могла вездѣ стать на мѣсто Франціи.

[23]) По этому поводу онъ приводитъ стихъ Виргилія:

Jacet ingens littore truncus
Avulsumque humeris caput et sine nomini corpus.

[24]) «На картѣ отъ нее останется та черная дыра, которую мы съ Эдмондомъ Боркъ, да и не мы одни, увидѣли съ самаго начала этой плачевной революціи». Письмо Гримма къ Екатеринѣ. 12 августа 1790 г.

[25]) Докладъ Люцерна, 22 сентября 1799 г.

[26]) Донесенія отъ 9 января и 5 марта 1790 г.

Питтъ вовсе не желалъ мѣшать революціи стать выгодной для его цѣлей. Кромѣ того, онъ предполагалъ, что король Франціи, престижъ котораго утраченъ, права котораго ограничены, власть котораго оспаривается, чрезвычайно удобенъ для Англіи [27]). Но Питтъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ жадныхъ политиковъ, которыхъ ослѣпляетъ зависть и которые, въ своемъ стремленіи удовлетворить своей алчности, гонятся за всякимъ удобнымъ случаемъ. Его берлинскіе союзники удивлялись, что онъ не воспользовался случаемъ напасть на Францію, раздавить ее, овладѣть ея колоніями. Питтъ и не думалъ объ этомъ. Природная возвышенность души и предусмотрительность ума отвращали его отъ такого образа дѣйствій. Подобное вѣроломство было ему противно и казалось опаснымъ. Иностранное вмѣшательство можетъ соединить воедино всѣхъ французовъ и оказаться гибельнымъ для ихъ враговъ. Питтъ это понималъ. Окружающимъ его это было менѣе понятно, и предпріятіе такого рода настолько входило въ нравы Европы, что какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, всѣ приписывали это намѣреніе англійскому министерству [28]).

Во Франціи всѣ были убѣждены—при дворѣ, въ министерствѣ, среди публики,—что этотъ кабинетъ разжигаетъ и поддерживаетъ смуту. Это подозрѣніе сдѣлалось классическимъ; оно само зарождается въ воображеніи и вскорѣ становится настолько серьезнымъ, что англійское правительство считаетъ необходимымъ успокоить умы: герцогъ Лидсъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ, объясняется по поводу этого съ Люцерномъ; герцогъ Дорсетъ, англійскій посланникъ въ Парижѣ, пишетъ съ этою цѣлью два письма предсѣдателю собранія [29]). Французское прави-

[27]) Ростопчинъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, пишетъ въ своихъ запискахъ объ этой эпохѣ своей жизни: «Англійское министерство имѣло нелѣпость вообразить, что можетъ существовать конституціонный король и вслѣдствіе слабости своей власти будетъ менѣе опасенъ для Англіи, чѣмъ король въ родѣ Людовика XIV, и ради этого ухаживало за вождями конституціонной партіи». *Бумаги Ростопчина*, напечатанныя въ VIII т. *Архива князя Воронцова*. Москва 1876 г.

[28]) «Слушая и читая все, что пишутъ и говорятъ, нельзя скрывать отъ себя, что Англія сочтетъ себя въ правѣ воспользоваться обстоятельствами и страшною силою своего флота, чтобъ принудить насъ къ жертвамъ прискорбнымъ, если наши распри или наши пренія о торговомъ трактатѣ доставятъ ей предлогъ». Донесеніе Бартелеми 1 сентября 1789 г. «Ради своихъ корыстныхъ разсчетовъ она желаетъ, чтобъ наши дѣла все сильнѣе запутывались и доставили бы ей случай завладѣть нашими островами. Это подозрѣніе не преувеличено мною. Въ виду всего, что здѣсь говорится, я считаю своей обязанностью сообщить Вамъ это подозрѣніе». Донесеніе Люцерна 29 сентября 1789 г.

[29]) Засѣданія 27 іюля и 4 августа 1789.

ЦЕНТРОСОРАН

тельство продолжаетъ сомнѣваться [30]). И самый способъ дѣйствія, принятый англичанами для успокоенія умовъ, кажется Монморсну безпричинной и надменной обидой королевскому достоинству. «Я считалъ себя обязаннымъ,—писалъ онъ 10 августа 1789,—согласиться на это сообщеніе Собранію, но я предупредилъ герцога Дорсета, что на будущее время эта метода дѣйствія окажется непрактичной. Я далъ ему почувствовать, что королю приличнѣе рѣшать о томъ, что онъ желаетъ сообщить Національному собранію и что у нихъ не въ обычаѣ посылать въ англійскій парламентъ тѣ мирныя заявленія, которыя мы давали его двору». Монморенъ забывалъ прецеденты. Герцогъ Дорсетъ поступалъ относительно Національнаго собранія, такъ же, какъ послы Мазарини—относительно англійскаго парламента при Карлѣ I. Собраніе было властью de facto и къ нему начали обращаться иноземцы.

Итакъ, сужденія политиковъ и ихъ образъ дѣйствій основывается на одномъ своекорыстіи. И тѣ, которые ненавидятъ революцію, и тѣ, которые къ ней благосклонны, дѣйствуютъ, въ сущности, по однимъ и тѣмъ же мотивамъ. Первое мѣсто между ея самыми пламенными противниками занимаетъ король Швеціи Густавъ III. Задержанный въ своей экспедиціи противъ Россіи нападеніемъ со стороны Даніи и заговоромъ шведскаго дворянства [31]), онъ прогналъ датчанъ и, съ помощью государственнаго переворота въ концѣ февраля 1789, принудилъ бунтовщиковъ къ повиновенію. Дворяне потребовали созванія сейма: онъ созвалъ его только для того, чтобъ подчинить ихъ окончательно. И теперь ему казалось, что нѣтъ ничего легче, какъ овладѣть Собраніемъ и укротить мятежниковъ, и онъ не понималъ, почему Людовикъ XVI не слѣдуетъ его примѣру. Прибавимъ, что финансовый кризисъ во Франціи лишалъ его субсидіи, безъ которой онъ не могъ поддержать свои вооруженія и продолжать задуманныя предпріятія. Срокъ союзнаго договора съ Франціей заключеннаго на шесть лѣтъ въ 1784, истекалъ. Сомнительно, чтобъ Франція захотѣла его возобновить. Этотъ

[30]) «По истинѣ, мы должны очень внимательно слѣдить за поведеніемъ англичанъ, по всей вѣроятности лицемѣрнымъ и своекорыстнымъ». Донесеніе Люцерна отъ 21 іюля, послѣ разговора съ герцогомъ Лидсъ.—Монморенъ отвѣчаетъ 3 августа: «Я воздержусь отъ обвиненій англійскаго министерства такъ какъ у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ противъ него, да ихъ и трудно добыть, тѣмъ болѣе, что полиція не существуетъ больше; одно вѣрно, что денегъ разбрасывалось много, какъ между солдатами, такъ и въ народѣ; остается узнать, изъ какихъ рукъ это черпалось. Прошу васъ обратить вниманіе на этотъ предметъ». Мерси предполагаетъ участіе англичанъ въ безпорядкахъ. Донесеніе отъ 23 Іюля. Flammermont, op. cit. p. 22.—Объ этихъ деньгахъ смотри: Taine. *La Révolution*, t. I, p. 126.

[31]) См. т. I.—Geoffroy. Gustave III, ch. VIII. Paris 1867.

король вѣчно нуждался въ средствахъ. Онъ возобновилъ враждебныя дѣйствія противъ русскихъ только для того, чтобы быть побитымъ ими. Безполезно тратя силы на войну, не имѣвшую никакого обаянія въ странѣ, онъ очутился въ безвыходномъ положеніи.

Революція внезапно открыла передъ нимъ обширные горизонты. У него возникло какъ бы предчувствіе, что возвращаются времена реформаціи съ ихъ смутами, столкновеніями и великими битвами. Въ глубинѣ души его лежало романическое великодушіе и неясныя стремленія къ иллюминатству; ему казалось, что всѣмъ тропамъ грозитъ опасность, и дѣло монархіи олицетворялось въ его умѣ въ прелестныхъ и скорбныхъ чертахъ королевы Франціи. Но въ личности Густава III странствующій рыцарь соединялся съ очень расточительнымъ, а потому вѣчно отыскивающимъ выгодныхъ дѣлъ кондотьеромъ. Идея крестоваго похода королей, въ которомъ онъ сыгралъ бы роль Густава Адольфа, неопредѣленно носилась въ его умѣ. Соединяя въ одно свои вкусы и фантазіи, свои убѣжденія и нужды, онъ, по мѣткому выраженію своего брата, надѣялся во Франціи дѣлать золото съ помощью сабель и набрать сокровища по примѣру храбрыхъ предковъ временъ тридцатилѣтней войны [32]). Эти соображенія сблизили его довольно скоро съ великой Екатериной. Общая обоимъ этимъ монархамъ непріязнь къ революціи погасила вражду между ними.

Какъ только Екатерина поняла революцію, она ее возненавидѣла. Эта революція оскорбляла ея идеи, стѣсняла ея политику. Четверной союзъ, который она задумала заключить съ Австріей, Франціей и Испаніей, не удался. Сходство конституцій, общность идей должны были, по всѣмъ вѣроятіямъ, сблизить Францію съ самымъ свободнымъ государствомъ и съ самой «философической», какъ ее называли, страной на континентѣ: съ Англіей и Пруссіей. Вѣдь партія, которая восторжествовала въ Парижѣ, раздѣляла эти вкусы и тенденціи. Отъ нея Россіи нечего было ждать. Кромѣ того, конституціонный король, по мнѣнію Екатерины, былъ ненадежнымъ союзникомъ [33]). Она осыпаетъ бранью Собраніе, называя его гидрой съ «двумя стами головъ», презираетъ короля, который позволяетъ предписывать себѣ законы, дворянство, которое отказывается отъ своихъ привилегій, этихъ буржуа, которые вмѣшиваются въ государственныя дѣла.

[32]) Léouzon Le duc, *Correspondance de Staël*. Introduction.—«Если, какъ герой, онъ принадлежитъ къ семьѣ Ламанчскаго рыцаря, то въ своихъ мелочныхъ проектахъ онъ совершенно раздѣляетъ принципы добраго Санхо, который думалъ о солидномъ».—Изъ письма Гримма къ Екатеринѣ, 5 декабря 1790.

[33]) Письма Екатерины II къ Гримму.

ОТПЕЧАТОК

Съ какой презрительной снисходительностью отмѣчаетъ и подчеркиваетъ Екатерина симптомы слабости, упадка и все то, что выдаетъ пробужденіе дикаря изъ-подъ сіянія и расцвѣта этой цивилизаціи. Она постоянно противопоставляетъ блестящее царствованіе Лудовика XIV — позору настоящаго. «Національному собранію слѣдовало бы бросить въ печь всѣхъ лучшихъ французскихъ авторовъ и все то, что способствовало распространенію ихъ языка въ Европѣ, потому что все это свидѣтельствуетъ противъ безобразія, которое они совершаютъ». И вотъ хваленый восемнадцатый вѣкъ! Возвратъ человѣка къ звѣрю, къ *человѣку съ четырьмя ногами*; пожары, грабежи, убійства и бездна глупостей. «Жалобный тонъ очень приличенъ жителю столицы государства, которое желаетъ переродиться, которое два года страдаетъ родильными муками и которое навѣрно или выкинетъ мертваго недоноска, или родитъ вонючее и гнилое чудовище» [34]).

Съ чувствомъ удовольствія обращаетъ она взоры на свои владѣнія, гдѣ царитъ порядокъ и гдѣ монархъ, абсолютный законодатель, одинъ имѣетъ право предписывать законы. Но воспоминаніе о Пугачевскомъ бунтѣ слишкомъ сильно, чтобы не принимать предосторожностей противъ опасности зараженія демагогическими принципами. Она подвергала заключенію и высылкѣ подозрительныхъ писателей; цензура усилила свою бдительность; извѣстія «Петербургскихъ Вѣдомостей», единственной газеты, сообщавшей о событіяхъ во Франціи, редактировались такимъ образомъ, что могли только внушать ужасъ. Французская колонія, десять тысячъ людей, отдана подъ строгій надзоръ полиціи [35]). По ея мнѣнію, каторга для заговорщиковъ, тѣлесныя наказанія для буяновъ, вотъ какъ нужно лечить симптомы болѣзни, когда она проявляется. Что касается до самой болѣзни, это дѣло воспитанія. Царица по-своему ведетъ это дѣло въ Россіи; она думаетъ, что во Франціи было бы достаточно призвать іезуитовъ, чтобы всѣхъ вылечить и все исправить [36]). Такъ разсуждаетъ о французской революціи ученица философовъ, которую Вольтеръ возводилъ въ санъ богини и которую Дидро желалъ въ государыни Франціи.

Подобно королю Швеціи, Екатеринѣ очень бы хотѣлось воевать съ революціею, но она принимаетъ въ соображеніе только свои интересы и довольствуется тѣмъ, что поноситъ революцію и принимаетъ мѣры предосторожности въ собственномъ государствѣ. Она прерываетъ сношенія, ко-

[34]) Письма Гримму 25 іюня 1790, 29 апрѣля 1791, сентября 1790.

[35]) Статьи Rambaud въ *La Revue politique* 1877 и 1881. — Pingaud. *Les Français en Russie*, p. 156—168.

[36]) Письмо къ Гримму 25 сентября 1790 г.

торыя, въ ея глазахъ, не имѣютъ смысла. Такъ какъ надежды на союзъ рушились сами собою, то Сегюръ въ октябрѣ 1789 г. покинулъ Петербургъ. Онъ оставилъ повѣреннаго по дѣламъ Жене, брата госпожи де-Жанлисъ. Вслѣдствіе своихъ демократическихъ мнѣній, онъ жилъ въ строгомъ уединеніи своей канцеляріи, какъ бы въ карантинѣ. Собственно говоря, между Петербургомъ и Парижемъ почти не было сообщенія. Кромѣ того, царица имѣла много болѣе серьезныхъ заботъ. Побитые Суворовымъ въ іюлѣ и сентябрѣ турки все-таки продолжали сопротивляться; пруссаки грозили вмѣшаться, а Густавъ III готовился возобновить войну весною 1790 г. Прежде чѣмъ соединиться противъ французскихъ революціонеровъ, Густавъ и Екатерина должны были свести свои собственные счеты и ожесточенно преслѣдовали другъ друга.

Итакъ, даже при этихъ двухъ самыхъ враждебныхъ дворахъ, на Францію и революцію смотрѣли только, какъ на предметъ спекуляціи въ будущемъ. Настоящее было занято борьбою, и эта борьба, которая съ своего театра на востокѣ грозила распространиться по всей сѣверной Европѣ, продолжала поглощать вниманіе державъ въ продолженіе 1789 и большей части 1790 гг. Политиковъ интересовало только паденіе Франціи; они старались устроиться такимъ образомъ, чтобы обойтись безъ французовъ или воспользоваться ихъ слабостью. Они ихъ предоставили своему внутреннему кризису и не занимались ими болѣе. Революція шла своимъ путемъ, старая Европа—своимъ; они почти два года не понимали другъ друга: вотъ что характеризуетъ первый періодъ этой исторіи

IV.

Это равнодушіе Европы давало Франціи возможность на досугѣ опредѣлить, какая именно политика приличествуетъ ея новымъ государственнымъ принципамъ, и примѣнить эту политику и къ внѣшнимъ и къ внутреннимъ дѣламъ. Собраніе установило эти принципы,—примѣненіе ихъ было дѣломъ правительства. Людовикъ XVI былъ на это неспособенъ. Среди революціи онъ остался такимъ же, какимъ былъ во время кризиса, подготовившаго ее: безсильнымъ овладѣть ею, какъ былъ безсиленъ и предупредить ее. Онъ могъ избѣжать народной революціи, произведя королевскую революцію; теперь онъ могъ спасти королевскую власть, сдѣлавшись королемъ французской демократіи. Эту смѣлую попытку могъ сдѣлать или великій король, или великій министръ. Короля не было, министръ вызвался, но король его не понялъ; Собраніе парализовало его дѣятельность и всѣ обстоятельства обратились противъ него. Попытка не удалась; но, хотя бы для того, чтобъ объяснить неудачу, необходимо по-

© ГПИБ СПбГИ

ближе разсмотрѣть цѣли единственнаго государственнаго человѣка, который выдвинулся въ эти смутныя времена, который понялъ ходъ революціи и предчувствовалъ ея судьбы.

Одному свободомыслящему, но очень преданному королевѣ дворянину, графу де Ла-Марку, удалось устроить тайное сближеніе между дворомъ и Мирабо; онъ далъ случай великому оратору сообщить Людовику XVI, подъ видомъ докладной записки, свои сужденія, свои взгляды и правительственные проекты [1]). Мирабо хотѣлъ направить революцію, онъ сознавалъ, что эта задача ему по плечу, и дѣйствительно, если бы она требовала одной геніальности, онъ былъ созданъ для нея. «Онъ зналъ все и все предвидѣлъ», сказала о немъ мадамъ де-Сталь. Онъ желалъ, чтобъ свобода политическая была обезпечена свободой гражданской. Послѣдняя была упрочена, оставалось установить первую: Мирабо не понималъ ея безъ монархіи. Его идеи и его честолюбіе не шли далѣе конституціоннаго королевства, въ которомъ онъ былъ бы первымъ министромъ. Это было вѣнцомъ его жизни, его личной местью, благородной и возвышенной: принуждая короля отдаться въ его руки, онъ былъ убѣжденъ, что спасалъ его отъ неминуемой катастрофы.

«О чемъ же думали эти люди—говорилъ онъ въ концѣ сентября 1789 г. графу Ла-Марку.—Развѣ они не видѣли ту бездну которая разверзается передъ ними? Все потеряно. Король и королева погибнутъ въ ней, и вы увидите, чтъ чернь будетъ еще бить ихъ трупы» [2]). Мирабо ничего уже не ждалъ отъ двора, но ожидалъ всего отъ націи. Онъ питалъ непоколебимую вѣру въ судьбы Франціи, считая ее способной въ одно и то же время организовать свою революцію, устоять противъ всей Европы и создавать кругомъ себя могучія потрясенія [3]). Онъ считалъ возможнымъ побѣдѣвать и руководить ею. Въ концѣ 1789 г. онъ писалъ: «Монархія находится въ опасности не столько потому, что въ ней составляютъ заговоры, сколько потому, что въ ней не управляютъ. Рессурсы Франціи, самая подвижность нашего національнаго характера, составляющая главный недостатокъ французовъ, представляютъ столько удобствъ и средствъ, что во Франціи никогда не слѣдуетъ ни заранѣе надѣяться, ни заранѣе отчаяваться. Мы находимся въ состояніи слабости, въ которой находится всякая страна,

[1]) Bacourt. *Correspondance de Mirabeau*, t. I. Introduction. Первая изъ записокъ, составленныхъ для двора, написана 1 іюня 1790 г. Онѣ напечатаны въ *Correspondance*.

[2]) *Correspondance de Mirabeau et du comte de Lamarck* t. I, p. 112.

[3]) См. его рѣчь 25 августа 1790 г. и проектъ его рѣчи въ маѣ 1790 г.—*Mémoire par* Lucas Montigny. Paris 1834, t. VIII, p. 386. *Correspondance*, t. II, p. 277.—Dumont. *Souvenirs*, ch. XIV.

которая строится заново; цѣлостность королевства не нарушена, и хотя оно страдаетъ, но не лишено ни одного изъ своихъ членовъ» [4]).

Отнынѣ все могло поправиться. Нуженъ былъ только человѣкъ и планъ: этимъ человѣкомъ былъ Мирабо, планъ былъ имъ составленъ давно, ранѣе чѣмъ разразилась революція, и развивался въ его умѣ по мѣрѣ того, какъ событія требовали новыхъ мѣръ [5]). Изъ политическихъ плановъ всѣхъ временъ это самый широкій, рѣшительный и оригинальный; даже въ своихъ отступленіяхъ и наиболѣе странныхъ противорѣчіяхъ онъ поражаетъ насъ своими характеристическими чертами: чувствомъ историческихъ традицій и инстинктомъ будущаго. Къ этому присоединяется пониманіе практическихъ потребностей, реальный взглядъ на вещи, знаніе людей. Смѣсь глубины взглядовъ и безнравственности средствъ поражаетъ и возмущаетъ насъ теперь: это признакъ общества, которое жадно стремится къ своему возрожденію, но обречено считаться съ современною испорченностью нравовъ и вынуждено создавать свободу при внѣдрившихся привычкахъ деспотизма.

Чтобъ судить объ этомъ, надо принимать въ соображеніе не отвлеченный идеалъ, не политическую утопію, которые лелѣяли члены Учредительнаго собранія, но вѣковой импульсъ, завершившійся кризисомъ 1789 года, гражданскимъ кодексомъ, конституціей VIII года, а затѣмъ хартіей 1814 года. На этомъ то предѣлѣ и хотѣлъ остановиться Мирабо въ 1790 году.

«Чего желаетъ французская нація? Она желаетъ воспользоваться выгодами революціи» [6]). Она хочетъ насладиться благами реформъ, не опасаясь крайностей анархіи. Она желаетъ мира, порядка, безопасности, общественнаго благоденствія: только сильное правительство можетъ обезпечить за нею эти блага, но отнынѣ правительство можетъ быть сильнымъ, лишь опираясь на общественное мнѣніе, а послѣднее будетъ поддерживать правительство, если увидитъ въ немъ защитника и организатора революціи. Съ другой стороны, правительство только однимъ способомъ можетъ проти-

[4]) *Lettres de Mirabeau: à un de ses amis d'Allemagne*. Brunswick 1792.

[5]) Онъ писалъ 28 декабря 1788 г. Монморену. «Есть ли планъ у министерства?.. у меня онъ есть, господинъ графъ: онъ соединенъ съ планомъ конституціи, которая спасла бы насъ отъ заговоровъ аристократіи, отъ неистовствъ демократіи и отъ анархіи, въ которую власть погрузилась вмѣстѣ съ нами, вслѣдствіе того, что желала быть абсолютной... желаете ли, чтобъ я сообщилъ его? хотите ли показать его королю? хватитъ ли у васъ мужества хоть разъ поставить на постъ гражданина—вѣрнаго подданнаго, мужественнаго человѣка, неустрашимаго защитника справедливости и истины?» *Correspondance* t. I, p. 341.

[6]) 47-я записка, *Correspondance*, t. II p. 432.

© ГПИБ Сорбонн

виться неистовствамъ революціи. Только въ ней самой найдется необходимая сила для ея обузданія.

Итакъ, важно, чтобъ король Франціи сдѣлался королемъ французовъ и королемъ французской революціи, т. е., чтобъ его власть возродилась въ своемъ собственномъ источникѣ, и чтобъ обновились самыя начала, изъ которыхъ она истекаетъ. «Кто будетъ сопротивляться, когда возстановится довѣріе? кто не захочетъ усилить власть, которая будетъ употребляться для того лишь, чтобъ укрѣпить основы конституціи и исправить ея недостатки» [7])?

Но «Революція завершилась, а конституція не закончена» [8]). Народъ стоитъ за завоеванныя имъ права, онъ стоитъ за принципы конституціи, онъ не стоитъ за формы. Права должны считаться неотъемлемыми; принципы—непоколебимыми; формы могутъ мѣняться. Упраздненіе феодальнаго режима, гражданское и политическое равенство, свобода совѣсти, голосованіе налоговъ, безплатность правосудія, уничтоженіе монашествующихъ орденовъ, продажа церковныхъ земель, новое раздѣленіе королевства, отвѣтственность министровъ—это уже рѣшенные вопросы, стоящіе внѣ обсужденія. Попытка посягнуть на нихъ была бы безуміемъ. «Еслибъ однимъ ударомъ уничтожили цѣлое поколѣніе, отняли память у двадцати пяти тысячъ людей, то и тогда успѣхъ былъ бы невозможенъ... Я считаю всѣ результаты революціи и все, что надо сохранить изъ конституціи завоеваніями, на столько прочными, что никакой переворотъ, кромѣ раздробленія государства, не можетъ ихъ уничтожить. Я не исключаю даже вооруженную контръ-революцію; пусть государство будетъ вновь завоевано—все-таки побѣдитель долженъ будетъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, обезпечить себѣ благосклонность народа, способствовать искорененію злоупотребленій, допустить народъ къ составленію законовъ, дозволить ему избирать своихъ администраторовъ, однимъ словомъ, даже послѣ междуусобной войны пришлось бы вернуться къ единственному плану, который можно привести въ исполненіе безъ потрясеній [9]). Но требовать отъ короля, чтобъ онъ обезпечилъ народу результаты революціи значитъ просто требовать, чтобъ онъ обезпечилъ своей собственной династіи унаслѣдованіе власти болѣе твердой и болѣе обширной. Все, что полезно для государства, полезно для короля, и все, что сдѣлано—сдѣлано ради государства. «Различные пункты, съ которыхъ нельзя отступить, скорѣе укрѣпили, чѣмъ ослабили истинный авторитетъ короля. Этотъ авторитетъ будетъ

[7]) *Correspondance*, t. I, p. 367, t. II, p. 223, 246, 423, 218.—[8]) *Ibid.* t. II p. 197.—[9]) *Ibid.* t. II, p. 421—429, 434, 225.

болѣе крѣпкимъ и незыблемымъ при содѣйствіи единаго законодательнаго корпуса, чѣмъ въ государствѣ, переполненномъ привилегіями и промежуточными сословіями, составленными изъ неравныхъ частей, которыя враждуютъ между собою и вѣчно готовы или сопротивляться каждая въ отдѣльности, или вступить въ мятежный союзъ. Совершенно ровная поверхность, требуемая свободой, облегчаетъ работу власти; равенство политическихъ правъ, противъ котораго такъ много кричатъ, составляетъ также одно изъ орудій власти [10]). Развѣ это ничего не значитъ не имѣть парламента, не имѣть сословія духовенства, привилегированныхъ, дворянства? Идея образовать только одинъ классъ гражданъ полюбилась бы самому Ришелье» [11]). Имя этого знаменитаго кардинала попало сюда не случайно. Весь планъ проникнутъ мыслью Ришелье, она сквозитъ повсюду и слѣды ея встрѣчаются даже въ страшныхъ крайностяхъ, къ которымъ приводитъ Мирабо его пониманіе государственной пользы.

За опредѣленными цѣлями слѣдуютъ и мѣры къ исполненію. Первый пунктъ состоитъ въ томъ, чтобъ не оставлять никакого сомнѣнія насчетъ цѣли короля. Ее должно объявить во всеуслышаніе. Если Собраніе окажется непримиримымъ, съ нимъ можно бороться изъ-за популярности, и его безсиліе организовать революцію станетъ очевиднымъ [12]). Главнымъ орудіемъ этой борьбы будетъ министерство, избранное изъ членовъ самого Собранія и составленное изъ популярныхъ элементовъ [13]). Бояться, что отдавая государство въ руки людей, вышедшихъ изъ революціи, мы узакониваемъ анархію, значитъ не знать людей вообще и въ особенности этихъ людей. «Якобинскіе министры не будутъ министрами якобинцами... Самый отчаянный демагогъ, стоя во главѣ управленія дѣлами и видя вблизи бѣдствія государства, понялъ бы недостаточность средствъ королевской власти» [14]).

Между тѣмъ король соберетъ войска въ какой-нибудь преданной ему провинціи, напр. Нормандіи, народъ которой, упрямый и политичный, соединясь съ населеніемъ Бретани и Анжу, можетъ представить несокрушимую силу. Король удалится туда и, объявивши, что онъ не чувствуетъ себя въ безопасности въ Парижѣ, что депутаты тамъ не свободны, пригласитъ Собраніе послѣдовать за нимъ. Въ случаѣ отказа со стороны Собранія, король его распуститъ, обратится къ народу и назначитъ «Національный конвентъ» [15]). Результатомъ могла быть междуусобная война, но это не пугало Мирабо. Онъ помнилъ, что авторитетъ короля, вышедшій изъ на-

[10]) *Correspondance*, t. II, p. 197, 433,—[11]) *Ibid.*, p. 75.—[12]) *Ibid.*, p. 227.—[13]) *Ibid.* p. 144—203.—[14]) *Ibid.* p. 228.

[15]) *Correspondance*, t. I, p. 371, t. II, p. 41, 415—416.

родныхъ смутъ при Генрихѣ IV, какъ бы закалился во время несовершеннолѣтія Лудовика XIII и Людовика XIV. Ни одинъ крупный переворотъ не совершался безъ пролитія крови, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей. «Я не увѣренъ даже, что этотъ страшный кризисъ не есть необходимое зло» [16]). А въ запискахъ, составленныхъ для двора, онъ прибавлялъ: «Междуусобная война, вообще худшее изъ всѣхъ золъ, все-таки предоставляетъ много возможностей для общественной свободы, для конституціи, для королевской власти. Важнѣйшее въ этомъ событіи было бы то... что національная партія была бы партія короля» [17]).

Иностранное вмѣшательство погубитъ все. Важно, чтобъ народъ не заподозрилъ короля въ желаніи заключить союзъ съ иноземцами, и чтобъ избѣжать этого подозрѣнія, королю не слѣдуетъ уѣзжать въ пограничный городъ, какъ напр. Мецъ. Это значило бы объявить войну націи и отречься отъ трона. Король, единственная охрана своего народа, не долженъ бѣжать передъ своимъ народомъ, пусть онъ сдѣлаетъ его судьей своего поведенія и своихъ принциповъ; но онъ не долженъ ставить себя въ невозможность вступить въ свое государство безъ оружія въ рукахъ или подвергнуть себя униженію, выпрашивая помощь отъ чужеземцевъ. И кто можетъ разсчитать, до чего дойдетъ изступленіе французовъ, когда они увидятъ, что король покинулъ ихъ, чтобы соединиться съ эмигрантами и сдѣлаться самому изгнанникомъ; и на сколько Франція могла бы приготовиться къ сопротивленію и бороться съ вызванными имъ силами? Я самъ, послѣ такого событія, донесъ бы на монарха [18]).

Сверхъ того, война представляла бы собою опасность для націи. «Вмѣсто того, чтобы служить средствомъ для облегченія бѣдствій государства, она ихъ умножитъ и доведетъ до крайности» [19]). Армія дезорганизована; чтобъ ее поставить на прежнюю ногу, необходимы терпѣніе и порядокъ. А пока Франція должна жить въ мирѣ съ тѣми, кто съ нею въ мирѣ. Миръ—первое условіе реформы и возстановленія государства. «Миръ необходимъ для дѣятелей революціи, такъ какъ во время войны ничто не заканчивается.... Миръ нуженъ королю, потому что во время войны общество переживаетъ тотъ кризисъ, когда правительство всего нужнѣе, а такъ какъ правительство существуетъ и можетъ существовать лишь тогда, когда дѣло Учредительнаго собранія закончено, то тѣ, кто должны бы управлять и не могутъ—будутъ предметомъ всеобщей ненависти, всеобщаго недовѣрія и жертвою всѣхъ партій [20]).

[16]) *Lettres à un ami d'Allemagne*, 4 août 1790, p. 517.
[17]) *Correspondance*, t. II, p. 78, 126; t. I, p. 199—200.
[18]) Мемуаръ 15 октября 1789. *Correspondance* t. I., p. 369.—[19]) *Ibid*, t. II, p. 39.
[20]) *Ibid.*, t. II., p. 278.

Не менѣе проницательности обнаружилъ Мирабо и по отношенію къ Европѣ [21]). Онъ не довольствуется составленіемъ плана, онъ указываетъ на человѣка, могущаго привести его въ исполненіе: это будущій посредникъ при составленіи вѣнскихъ трактатовъ, Таллейранъ. Мирабо уже съ октября 1789 г. называетъ Таллейрана единственнымъ человѣка, способнымъ пойти по слѣдамъ Верженна [22]). Вся его политика ограничивается нейтралитетомъ и оборонительными мѣрами. Франція имѣетъ только одного надежнаго союзника, Испанію, у которой одни и тѣ же интересы и одинъ и тотъ же врагъ: Англія [23]). «Непріязнь Англіи будетъ вѣчная: она будетъ расти ежегодно вмѣстѣ съ произведеніями ея промышленности или, лучше сказать, нашей собственной». Мирабо еще недавно питалъ надежду на дружбу съ англичанами: теперь, въ виду враждебности, ими выказываемой, онъ отрекается отъ нея: пріобрѣсти ихъ расположеніе можно только, отдавъ имъ въ руки французскую торговлю. Интересы Австріи противоположны французскимъ, но вѣдь то же самое можно сказать и объ интересахъ Пруссіи. Относительно послѣдней Мирабо не раздѣляетъ увлеченія своихъ соотечественниковъ и друзей. Онъ мало довѣряетъ и Сардиніи: «она готова отнять тронъ у своихъ собственныхъ дѣтей, чтобъ раздѣлить ихъ наслѣдство».

Швеція не имѣетъ никакого значенія, Турція истощена, Польша безсильна: «далеко еще время, когда она будетъ существовать самостоятельно, если только способна существовать». Въ заключеніе онъ говоритъ, что миръ—«дѣло болѣе трудное, чѣмъ то, которое воспламеняетъ честолюбіе, предлагая грабежъ для утоленія страсти къ наживѣ, и завоеванія—для удовлетворенія жажды славы [24]).

Но этотъ миръ, обезпечивающій успѣхъ революціи, не будетъ безславнымъ и безвыгоднымъ: онъ обезпечитъ настоящее и подготовитъ будущее. Франція, однимъ своимъ примѣромъ, покоритъ своимъ принципамъ цѣлые народы; она создастъ себѣ почитателей и друзей, въ переживаемомъ кризисѣ она почерпнетъ элементы для новаго преобладанія [25]). Французской революціи суждено производить совершенно различное дѣйствіе на народы,

[21]) Dumont. *Souvenirs*, ch. XIV: «Характеристическая черта его геніальности заключается въ его политической проницательности, предвидѣніи событій и знаніи людей.
[22]) *Correspondance*, t. I, p. 412.
[23]) *Projet de discours*, mai 1790. Lucas de Montigny, t. VII, p. 382.—*Mémoire sur les différents partis à prendre relativement aux puissances étrangères*. Id. t. VIII, p. 40.—XV записка для двора 30 іюля 1790, *Correspondance* t. II, p. 123.—Рѣчь 25 августа 1790.
[24]) Lucas-Montigny, t. VII, p. 390.
[25]) Рѣчь 25 августа 1790. *Moniteur*, t. V, p. 480.

© РНБ СПб

смотря по степени ихъ цивилизаціи; въ результатѣ—великія опасности для Европы и славныя дѣла для Франціи [26]). «Французская революція, группируя большинство націй вокругъ законной власти въ странахъ, хорошо и мирно организованныхъ, въ то же время представляетъ опасность для правительствъ деспотическихъ и абсолютныхъ и для тѣхъ, которыя испытали въ недалекомъ прошломъ большія потрясенія. Такъ, въ Англіи примѣръ, поданный французской революціей, произведетъ только большее уваженіе къ законамъ, большую суровость дисциплины и соціальной іерархіи. Но надо ожидать серьезныхъ потрясеній въ Батавіи, гдѣ безпорядки были слишкомъ быстро пресѣчены; въ бельгійскихъ провинціяхъ, гдѣ мнѣнія и нравы безпокойны и мятежны, если не ускорить событія могучимъ ударомъ и поддержать стремленіе собственниковъ къ миру и безопасности, возвративши имъ мудрое и твердое правительство; въ кантонахъ Гельвеціи, если аристократы не будутъ дѣйствовать обдуманно и твердо и не составятъ коалиціи съ германцами; въ прекрасныхъ прирейнскихъ провинціяхъ, если не поспѣшатъ затянуть федеративный узелъ, укрѣпить все это готическое зданіе и даже передѣлать по старымъ размѣрамъ нѣкоторыя его части... Каждое изъ этихъ потрясеній породитъ множество другихъ, обширности и предѣловъ которыхъ невозможно опредѣлить заранѣе... Боркъ сказалъ, что Франція въ политическомъ отношеніи представляетъ великую пустоту. Боркъ сказалъ большую глупость. Эта пустота—вулканъ, подземныя колебанія котораго и грядущія изверженія ни на секунду нельзя упускать изъ виду».

Въ этомъ всѣ ошибаются, какъ дома, такъ и за-границей. «Нельзя думать и надѣяться, чтобы во Франціи составили себѣ вѣрную идею о мѣстѣ, которое мы занимаемъ теперь въ Европѣ, точно также, какъ въ Европѣ не составляютъ себѣ вѣрной идеи о нашемъ положеніи. Мы больны горячкой, принимаемъ болѣзнь за энергію; мы больны, а иностранцы считаютъ насъ умирающими; мы обманываемся, и они себя обманываютъ [27])».

Если Франція мудра и умѣетъ желать своего собственнаго блага, она можетъ образовать федераціи, которыя важнѣе всякихъ завоеваній. «Такимъ образомъ, единственно силою хорошаго государственнаго устройства мы пріобрѣтемъ берега Рейна и, что важнѣе, непоколебимое вліяніе на всѣ правительства Европы, вслѣдствіе усовершенствованія и наибольшаго благоденствія человѣческаго рода [28])».

Планъ былъ грандіозно задуманъ, но не было рычага, и средства,

[26]) Записка, сообщенная графу ла-Марку 10 мая 1790. Иностранныя дѣла.—См. Lucas-Montigny, t. VIII, p. 153.

[27]) *Correspondance* t. II, p. 276.

[28]) *Lettres à un ami d'Allemagne*, 31 janvier 1790, p. 506.

предлагаемыя Мирабо, были жалки и противорѣчивы. То были: интрига и подкупъ. Возрожденіе монархіи онъ подготовлялъ, какъ подготовляютъ мятежъ. Создать демократическое королевство, обновить династію посредствомъ революціи, положить въ основу вновь установленной власти гражданскую свободу и равенство, обезпеченныя свободой политической—было конечно высокой идеей, но странно создавать демократію и позорить ее при самомъ зарожденіи, гарантировать свободу, злоупотребляя ею и насилуя ее. Никакой пропорціональности между идеей и средствами! И однако, несмотря на ихъ гнусность, эти средства не были нелѣпы и непрактичны. Мирабо не былъ утопистомъ; онъ зналъ своихъ современниковъ и не разсчитывалъ привести ихъ къ своимъ цѣлямъ иными средствами помимо тѣхъ, которыми во всѣ времена пользовался произволъ и которыя англійское правительство проводило на практикѣ [29]).

Мирабо хотѣлъ обратить противъ революціи революціонный же образъ дѣйствій, заимствовать у якобинцевъ ихъ орудія пропаганды, ихъ памфлеты, ихъ организаціи и хотѣлъ направить противъ нихъ полицію и прессу, которая сражалась бы съ ними и побивала ихъ же собственнымъ оружіемъ [30]).

«Единственнымъ спасеніемъ можетъ быть такой проектъ, который сольетъ воедино иностранныя и внутреннія дворцовыя дѣла, комбинаціи государственнаго мужа и происки интригановъ, мужество великихъ гражданъ и дерзость мошенниковъ. Намъ нужна, такъ сказать, политическая

[29]) Ла-Люцернъ писалъ изъ Лондона 31 января 1790: «Англичане не могутъ себѣ представить, почему у насъ не защищаются и почему правительство не отвѣчаетъ на эти памфлеты. Милордъ Нортъ говорилъ мнѣ, назадъ тому нѣсколько дней, что съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ должность, видѣлъ въ Англіи много различныхъ администрацій, но не видалъ еще ни одной достаточно сильной, чтобъ стать выше памфлетовъ, что необходимо отвѣчать на все, въ виду того, что въ самое короткое время лучшая администрація становится непопулярной, и что онъ не можетъ себѣ представить, какъ еще французское министерство существуетъ, подвергаясь постояннымъ нападкамъ и никогда не защищаясь.

«Здѣшнее министерство держится вообще того принципа, что толпу надо побивать толпой, *mob contre mob*, т. е., что всякій разъ, когда оппозиція старается возбуждать народъ, чтобъ противодѣйствовать правительству, послѣднее старается возбудить народъ въ противоположномъ смыслѣ. Я вижу дѣйствительно, что всѣ здѣсь убѣждены подъ впечатлѣніемъ событій, совершающихся во Франціи, что партія демагоговъ восторжествуетъ и разрушитъ тронъ и монархію, если послѣдней не удастся привлечь на свою сторону народъ, или хотя часть народа. Это, конечно, плохое средство, но что же дѣлать, если ваши враги имъ пользуются»?

[30]) *Correspondance* t. II, p. 414—504.

ОТИПБОСТАН

аптека, единственный глава которой, имѣя въ своемъ распоряженіи простыя лекарства и ядовитыя травы, составляетъ дозы по своему усмотрѣнію и подъ покровительствомъ вѣрующаго въ него больного [31]).

Разсказанная такъ рельефно и цинично, мысль Мирабо принимаетъ какой-то страшный и отталкивающій характеръ, недостойный человѣчества. Это не парадоксъ, это анахронизмъ. «Я сомнѣваюсь,—писалъ графъ ла-Маркъ г. де Мерси [32])—въ успѣхѣ плана, который вы находите ловкимъ и глубокимъ. Можно сказать, что онъ созданъ для иныхъ людей и иныхъ временъ. Кардиналъ Рецъ, напримѣръ, прекрасно бы выполнилъ его, но мы не живемъ во времена фронды». Мирабо смотрѣлъ не назадъ, а впередъ, когда онъ воскрешалъ и соединялъ воедино Макіавели, отца Жозефа и Ришелье, онъ лишь предсказывалъ консульство Бонапарта и министерство Фуше. Но чтобъ достигнуть этого, онъ вычеркивалъ десять лѣтъ изъ исторіи, и какой исторіи! Побѣдоносная анархія, цареубійство, тиранніи демагоговъ, инквизиція комитетовъ, терроръ, который раздавилъ сильныхъ, директорія, во время которой царили развратники, паденіе иллюзій, нравственное униженіе, всеобщее отвращеніе отъ свободы, неодолимое желаніе мира, порядка, авторитета, словомъ— всѣ послѣдствія той революціи, которою онъ хотѣлъ управлять и которую укротило только собственное истощеніе.

Ни король, ни Собраніе не могли въ 1790 г. проникнуться взглядами Мирабо. Король былъ слишкомъ ограниченъ, Собраніе—слишкомъ мечтательно; тотъ и другое были очень не политичны и слишкомъ добродѣтельны, чтобъ отдаться въ руки этого чудовищнаго оператора. Онъ ихъ пугалъ. Король не смѣлъ пригласить его въ министерство; чтобъ не допустить его туда, Собраніе провело даже новый законъ. «Краснорѣчіе этого геніальнаго человѣка увлекаетъ и подчиняетъ васъ—вскричалъ Ланжюине;—чего онъ не могъ бы сдѣлать, еслибъ былъ министромъ?» «Я былъ бы тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда,—защитникомъ монархической власти, регулируемой законами, и апостоломъ свободы, гарантированной монархической властью», отвѣчалъ Мирабо [33]).

Къ несчастію для страны, Мирабо суждено было оставаться до конца дней только геніальнымъ трибуномъ; самая мощь его генія роковымъ образомъ приводила къ результатамъ, противоположнымъ его собственнымъ цѣлямъ: она возбуждала народъ, который онъ хотѣлъ сдержать, ускорила паденіе монархіи, которую онъ хотѣлъ спасти, наконецъ сдѣлала его подозрительнымъ въ глазахъ двора, вслѣдствіе его вліянія въ Собраніи, и въ глазахъ Собранія, благодаря приписываемому ему вліянію при дворѣ. Онъ глубоко обдумалъ планъ, основанный на подкупѣ, и первый сдѣлался

[31]) *Correspondance*, t. II, p. 510.—[32]) *Ibid* t. III, p. 27.—[33]) *Ibid* t. II. 25.

его жертвою. «Средства для нашихъ цѣлей—деньги и деньги», писалъ графъ ла-Маркъ. Мирабо велитъ сыпать ими безъ счету» [34]). Онъ началъ съ того, что самъ сталъ брать деньги [35]). Онъ не продался, конечно, но, какъ говорили, онъ получалъ плату за свои услуги [36]), и хотя это дѣлалось для проведенія собственныхъ взглядовъ, тѣмъ не менѣе ложится двусмысленною и печальною тѣнью на важную страницу его жизни, подобно одному изъ тѣхъ пятенъ при вступленіи въ жизнь, которыя омрачаютъ зрѣлый возрастъ.

Мирабо истратилъ свои силы на страсти, тревоги и волненія всегда неугомонной, иногда низменной жизни. Сокровища своею чуднаго генія онъ расточалъ на оргію мысли и на работу изъ-за денегъ. Его характеръ притупился и ослабѣлъ; какъ ни силенъ былъ закалъ—металлъ потускнѣлъ и заржавѣлъ. Онъ серьезно заболѣлъ въ концѣ 1788. «Умственный трудъ, душевныя тревоги, гражданскія бури, усиленная работа изнурили меня, и я уже не могу считать себя неуязвимымъ», пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей, и прибавляетъ: «но еще сохранилась энергія и стихійный огонь» [37]). Этотъ огонь, подобный тому, который тлѣетъ въ вулканѣ, могъ вспыхивать лишь отъ стихійныхъ потрясеній и освѣщать собою разрушеніе и пожары.

Современники Мирабо видѣли только его непослѣдовательность, его слабости и его пороки. Его мысль проносилась надъ ними, не проникая ихъ собою, его слова волновали, не убѣждая. Обращаясь къ страстямъ, онъ увлекалъ ихъ; но обращаясь къ разуму, онъ былъ безсиленъ и не могъ сдерживать ихъ. Наконецъ, онъ былъ слишкомъ извѣстенъ, его имя было замѣшено во многихъ похожденіяхъ; его такъ часто позорили, клеймили, оскорбляли, что не могли довѣрять ему и видѣть въ недавнемъ агитаторѣ будущаго спасителя. Ему недоставало прелести неизвѣстнаго, тайны уединенія и всего этого престижа добродѣтели, которымъ люди любятъ надѣлять тѣхъ, которыхъ они выбираютъ своими властелинами. «Мирабо пользовался своимъ громовымъ краснорѣчіемъ для того, чтобы занять первое мѣсто, откуда былъ изгнанъ вслѣдствіе своей безнравственности»,

[34]) *Correspondance*, t. I, p. 175.

[35]) За совѣты и услуги королю, начиная съ 1 іюня 1790 г., Мирабо долженъ былъ получать 6000 франковъ въ мѣсяцъ, уплату долговъ въ размѣрѣ 208000 франковъ и въ концѣ сессіи Собранія болѣе милліона, если честно исполнитъ свои обязательства. Исторію этихъ переговоровъ смотри *La Correspondance*, t. I, p. 159—164.

[36]) Sainte-Beuve. *Causeries du lundi*, t. IV. Статья о корреспонденціи короля и графа ла-Марка.

[37]) *Lettres à un ami d'Allemagne.* 31 октября 1788 г. стр. 423.

сказала г-жа Сталь [38]). Увы! это первое мѣсто, котораго онъ домогался, было недоступно, и онъ это сознавалъ. Его друзья не разъ видали, какъ онъ горькими слезами оплакивалъ грѣхи своей юности, которые, такъ сказать, отлучили его отъ довѣрія французовъ. «Странная судьба выпала на мою долю: быть двигателемъ революціи и всегда оставаться между навозной кучей и дворцомъ!», восклицалъ онъ въ минуты унынія [39]). Во дворецъ онъ могъ входить только въ сумерки, въ потайную дверь и по черной лѣстницѣ. Дворъ, видѣвшій въ Мирабо только конспиратора, требовалъ отъ него однихъ заговоровъ, и все это задуманное имъ великое министерство во вкусѣ Ришелье сводилось на практикѣ къ тайному руководительству тайной полиціей.

Мирабо тщетно боролся съ бездѣятельностью короля во внутреннихъ дѣлахъ; борьба его съ увлеченіями и иллюзіями Собранія въ дѣлѣ иностранной политики была успѣшнѣе.

[38]) *Considérations.* 1 partie, ch. XVIII.

[39]) *Lettres à un ami d'Allemagne*, февраль 1779 г., стр. 449. «Я видалъ его плачущимъ какъ ребенокъ,—говоритъ одинъ свидѣтель,—признаюсь я забывалъ всѣ грѣхи его молодости, когда онъ говорилъ трогательнымъ тономъ: «О, какъ вредитъ общественному дѣлу безнравственно прожитая юность моя!» La Marck, *Correspondance*, t. I, p. 108.

ГЛАВА II.

Бельгійская революція. 1789—1790 г.

I

Примѣръ Франціи поднялъ духъ бельгійскихъ патріотовъ [1]). Вожди партій, протестовавшихъ противъ реформъ Іосифа II, защитники старинныхъ льготъ, словомъ, тѣ, которые стояли за штаты противъ государя, *штатисты*, какъ они себя называли, бѣжали въ Голландію, организовались тамъ, составили комитетъ дѣйствія и назвали своего вождя Ванъ-деръ-Ноота *полномочнымъ агентомъ брабантскаго народа*. Этотъ честолюбивый адвокатъ, запальчивый въ рѣчахъ, нерѣшительный въ поступкахъ, предпріимчивый, вздорный, скорѣе агитаторъ, чѣмъ человѣкъ дѣйствія еще менѣе способный быть правителемъ, разсчитывалъ сыграть роль католическаго и аристократическаго Лафайета. Голландцы поощряли его; они радушно принимали бельгійскихъ эмигрантовъ и позволяли имъ интриговать на своей территоріи. Эти республиканцы не видѣли въ этомъ никакихъ неудобствъ, будучи врагами Іосифа II. Такъ поступали во всѣ времена со своими противниками, и въ этомъ же смыслѣ прусскій король возбуждалъ Ванъ-деръ-Ноота и его партію. Бельгійцы разсчитывали также на Англію; они не сомнѣвались, что всѣ соперники Австріи будутъ поддерживать ихъ стремленіе къ независимости, подобно тому, какъ Франція и Испанія поддерживали нѣкогда сѣверо-американцевъ, возставшихъ противъ Англіи. Въ Бельгіи существовала еще другая партія, менѣе многочисленная, но болѣе смѣлая—партія демократовъ: ихъ называли *вонкистами*, по имени ихъ вождя, адвоката Франсуа Вонка. Ихъ идеи были близки къ идеямъ, преобладавшимъ во Франціи. Принужденные также эмигрировать и принятые какъ штатисты республикою Соединен-

[1]) См. томъ I.

© ГПНТБ СО РАН

ныхъ Штатовъ, *вонкисты* вооружались и готовились къ рѣшительному удару. Общая ненависть къ Австріи, общее стремленіе къ національной самостоятельности сближали ихъ съ аристократами. Они соединили свои силы. Въ октябрѣ 1789 ихъ маленькая армія насчитывала около трехъ тысячъ-пятисотъ человѣкъ.

Іосифъ II пытался предупредить это возстаніе энергичными мѣропріятіями. Этотъ соревнователь великаго Фридриха вовсе не претендовалъ на чувствительность. Онъ вѣрилъ въ свой авторитетъ, страстно оберегалъ его и не раздѣлялъ щекотливости и отвращенія къ пролитію крови, какія испытывалъ его зять Людовикъ XVI. Онъ располагалъ восемнадцатитысячнымъ корпусомъ; генералъ д'Альтонъ, командовавшій этимъ корпусомъ, получилъ самыя безпощадныя инструкціи. 19 октября вышелъ манифестъ отъ правительства о разоруженіи жителей. Простая эмиграція наказывалась изгнаніемъ и конфискаціей, присоединеніе къ вооруженнымъ сборищамъ на границѣ наказывалось смертью: доносчикамъ обѣщана премія въ 10000 франковъ и безнаказанность, если они были соучастниками заговора [2]). Это было, такъ сказать, общимъ правомъ и постояннымъ способомъ дѣйствія въ дѣлѣ эмиграціи [3]). Суровость исполненія превышаетъ суровость декретовъ. Подозрительныхъ людей арестуютъ по доносу перваго встрѣчнаго; арестъ сопровождается грабежемъ. Министръ императора, Траутмансдорфъ, обращается къ справедливости государя и пишетъ ему: «Несправедливость, съ какою дѣйствуютъ противъ подданныхъ вашего величества подъ предлогомъ взятія заложниковъ или удаленія вождей заговора, приводитъ въ отчаяніе націю и должна привести къ возстанію. Всѣ боятся насилія, всѣ бѣгутъ, чтобъ не быть захваченными самымъ возмутительнымъ образомъ. Въ настоящее время нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, жители которой были бы въ такой мѣрѣ лишены безопасности, свободы и собственности, какъ въ этой странѣ [4]).

Эта жестокость только раздражила бельгійцевъ и сгладила дорогу для инсургентовъ. Они перешли границу 23 октября, 24 октября манифестъ, «Брабантскому народу», изданный Ванъ-деръ-Ноотомъ, взываетъ къ «перворначальнымъ и неотъемлемымъ правамъ» бельгійской націи и объявляетъ Іосифа II лишеннымъ власти въ герцогствѣ брабантскомъ за нарушеніе основной хартіи. Д'Альтонъ отвѣчаетъ объявленіемъ, что «онъ сожжетъ всѣ деревни, которыя поднимутъ знамя бунта и въ которыхъ кто-нибудь изъ жителей появится вооруженнымъ съ цѣлью оказать сопротивленіе войскамъ». Войска тѣмъ не менѣе были побиты инсургентами и принуждены были отступить въ Люксенбургъ. 18 декабря Ванъ-деръ-Ноотъ торжественно вступаетъ въ Брюссель. Сопровождаемый «благородными и великими брабантскими штатами», онъ дефилируетъ передъ буржуазной гвардіей и толпой, которыя рукоплещутъ «бельгійскому Франклину». Онъ отправляется въ соборъ, гдѣ поютъ *Te Deum*, потомъ въ театръ, гдѣ даютъ «Смерть Цезаря». Но такъ какъ приличіе требуетъ, чтобы на національномъ торжествѣ воздано было должное не только «добродѣтели», но и «сердечной чувствительности» и чтобы невинность «освятила актъ патріотизма»—то спектакль завершается піесой «La Rosière de Salency»; героиня—ingénue этой пьесы—возлагаетъ вѣнокъ гражданской доблести на чело Ванъ-деръ-Ноота. 7 января 1790 г. мѣстные штаты различныхъ нидерландскихъ провинцій собираются въ Брюсселѣ и составляютъ генеральные штаты. 10-го они вотируютъ федеративный актъ соединенныхъ бельгійскихъ штатовъ: каждая изъ провинцій сохраняетъ независимое существованіе; центральная власть завѣдуетъ лишь иностранной политикой и военной обороной. Эта конституція довольно сходна съ тою, которая принята была ранѣе соединенными провинціями Голландіи. Власть была вручена Ванъ-деръ Нооту.

Новая республика вскорѣ получила поздравленіе и добрыя пожеланія отъ прусскаго короля. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ легитимистомъ, подобно большинству королей стараго порядка, но онъ былъ имъ по своему усмотрѣнію и порою откладывалъ легитимизмъ въ сторону: строго оберегая свои собственныя права, онъ весьма свободно относился къ чужимъ. Въ августѣ онъ послалъ своего генерала и войска въ Люттихъ для оказанія поддержки возмутившемуся народу противъ его епископа; онъ уполномочилъ министра своего Герцберга принять довѣренное лицо, посланное Ванъ-деръ Ноотомъ. Болѣе того, онъ отправилъ въ Бельгію одного изъ наиболѣе искусныхъ дипломатовъ своихъ, легаціоннаго совѣтника Броккгаузена, съ цѣлью поощренія бельгійцевъ и въ то же время зоркаго наблюденія за ними. Онъ уполномочилъ одного изъ своихъ офицеровъ, генерала Шенфельда, организовать брабантскую армію. Генералъ Шлиффенъ, занимавшій военный постъ въ Люттихѣ, получилъ приказъ войти въ сношенія съ Брюсселемъ. Наконецъ, человѣкъ, которому поручались темныя дѣла берлинской дипломатіи, интриги и ажіотажъ, человѣкъ, встрѣчав-

---

[2]) Приказъ отъ 19 октября 1789.

[3]) См. указъ августа 1669, сдѣлавшійся закономъ во Франціи, приводимый Мерлиномъ въ его *Répertoire*, въ статьѣ объ *Эмиграціяхъ*, какъ резюме стариннаго законодательства. Онъ наказываетъ эмигрантовъ «конфискаціей тѣла и имущества». Эдиктъ 20 августа 1685, направленный противъ реформаторовъ, требуетъ, чтобы половина имуществъ, конфискованныхъ у эмигрантовъ, была отдана тѣмъ, которые ихъ выдали. *Edits, déclarations et arrests concernant la religion prétendue réformée.* Paris 1714, новое изданіе 1885.

[4]) Borgnet, t.. I, глава III.

шійся повсюду, гдѣ Пруссія замышляла какіе-либо тайные ковы, еврей Ефраимъ, также отправился въ Бельгію, подъ предлогомъ устройства складовъ и снабженія припасами республиканской арміи [5]).

Пруссія склоняла англичанъ и голландцевъ къ признанію республики и гарантированію ея конституціи, лишь только брабантцы оказались бы способными «отстаивать свою независимость».

Ванъ-деръ Ноотъ домогался такого признанія и въ Гагѣ и въ Лондонѣ. Онъ почелъ равно необходимымъ сдѣлать по этому поводу однородныя заявленія и въ Парижѣ. Сторонники его были, однако, далеки отъ подобной политики. Составлявшіе большинство въ конгрессѣ штатисты были преисполены отвращенія къ французскимъ воззрѣніямъ. «Если бы», заявлялъ одинъ изъ главарей партіи, іезуитъ Феллеръ, «пришлось выбирать между установленіемъ у насъ царства «французскихъ сборищъ» и возвращеніемъ подъ власть низложеннаго государя, народъ не сталъ бы колебаться. Я самолично отправился бы ходатайствовать о возвращеніи д'Альтона со всѣми палачами австрійскаго ополченія». Тѣмъ не менѣе необходимо была выяснить положеніе, такъ какъ Франція продолжала еще быть оффиціальною союзницею Австріи. Уступитъ ли она при случаѣ требованіямъ императора, или откажется въ силу своей новой конституціи? Ванъ-деръ Ноотъ написалъ Лудовику XVI и президенту Собранія, заявляя объ актѣ провозглашенія бельгійской независимости. Францію вызывали, такимъ образомъ, къ занятію внѣшними дѣлами и притомъ такими, къ которымъ она не могла оставаться равнодушною: сосѣдняя нація, вдохновлявшаяся ея собственнымъ примѣромъ, обращалась къ ея содѣйствію и сочувствію.

II.

Революція въ Нидерландахъ во всѣ времена считалась во Франціи благопріятною случайностью. Эта дипломатическая традиція вполнѣ согласовалась, въ 1789 г., и съ народными страстями, и съ новыми принципами, заложенными въ основу государства. Австрію ненавидѣли, союзъ съ нею внушалъ отвращеніе: достаточно было того, что бельгійцы возмутились противъ императора, чтобы французы считали ихъ своими союзниками. Охваченные энтузіазмомъ собственнаго освобожденія, французы готовы были горячо сочувствовать всякому народу, подобно имъ стремившемуся къ свободѣ. Горячія головы уже мечтали о всемірной революціи. Имъ показалось, что она начнется съ Бельгіи. Дѣло брабантцевъ возбудило

[5]) Juste, t. II, ch. I.—Sybel, 4 édit., t., I, livr. II, ch. I.—Duncker, *Friedrich Wilhelm II u. Graf Hertzberg* въ *Historische Zeitschrift*, 1877, p. 11 и 12.

пламенное сочувствіе и, не вникая даже въ его сущность объявили бельгійскую революцію солидарною съ французскимъ переворотомъ. Одинъ изъ самыхъ пламенныхъ представителей парижской демократіи, Камиль Демуленъ, приступилъ къ изданію журнала, предназначавшагося къ популяризированію такого рода политики. Этотъ органъ: «Les révolutions de France et de Brabant» былъ провозвѣстникомъ той пропаганды, которой предстояло отнынѣ потрясти всю Европу. Онъ оправдывалъ бельгійцевъ отъ обвиненія въ клерикализмѣ: революція очищаетъ все, даже вмѣшивающееся въ нее духовенство. Къ тому же бельгійцы ссылались на Цицерона; это патентъ на правовѣрную гражданственность: «Любезные друзья, если вы читаете Цицерона, я ручаюсь за васъ: вы добьетесь свободы». И разсмотрѣвъ истинное значеніе Ванъ-деръ Ноота и его партіи, увидѣвъ въ ней рѣшительную противницу Франціи и ея принциповъ, онъ отступается отъ нея лишь для того, чтобъ съ еще бо́льшею горячностью стать на сторону Вонка и демократовъ: «Достаточно долгое время Франція считалась убѣжищемъ и опорою королей. О родина, тебя ожидаетъ болѣе славная будущность. Будь отнынѣ убѣжищемъ и опорою народовъ» [6]).

Камиль Демуленъ пропагандировалъ бельгійскую революцію въ народной партіи; Лафайетъ сдѣлался апологетомъ ея въ Національномъ собраніи и предъ правительствомъ. Всѣ революціи міра считалъ онъ своимъ удѣломъ. Онъ дѣлался ихъ оффиціальнымъ крестнымъ отцомъ и естественнымъ опекуномъ. Однако бельгійская революція оскорбляла его своимъ аристократическимъ характеромъ и поспѣшностью, съ которою господствующая партія искала милостей Англіи и покровительства Пруссіи [7]). Онъ предпочелъ бы защищать этотъ народъ отъ мнимыхъ покровителей, стремившихся единственно къ его эксплуатаціи. Ему улыбалась мысль вознаградить Францію за неудачу, претерпѣнную ею, благодаря Пруссіи, во время революціи въ Голландіи въ 1787 г. Быть можетъ, даже мечты внушали ему надежду освободить батавцевъ, по оказаніи поддержки бельгійцамъ, и соединить въ одинъ федеративный союзъ эти оба столь долгое время разъединенные народы. Въ Европѣ образовались бы тогда свои Соединенные штаты, кліенты и союзники свободной Франціи [8]). Къ тому-же Лафайетъ полагалъ, что военная демонстрація на сѣверной границѣ могла бы имѣть весьма благопріятный результатъ, возстановить дисциплину въ

[6]) *Révolutions de France et de Brabant*, t. I, p, 164, 364, 117, 134. Первый выпускъ появился 28 ноября 1789 г.

[7]) *Mémoires du général Lafayette*, Paris, 1832—38, t. III, p. 16 et suiv. Sur l'insurrection de la Belgique.

[8]) См. Governor Morris, 22 января 1790.

ОТНБ СПбГИ

арміи, доставить правительству предлогъ къ полезной диверсіи и придать ему нѣкоторый престижъ.

Правительство однако не склонялось къ этому. Неккеръ отказывалъ въ ассигнованіи денегъ, а Монморенъ находилъ планъ рискованнымъ. Этотъ министръ желалъ мира и стремился лишь выиграть время, направляя всѣ свои дипломатическія усилія къ тому, чтобы замаскировать достойнымъ образомъ воздержаніе отъ дѣйствія, предписываемое Франціи обстоятельствами. Пытаясь затушить огонь, раздуваемый повсюду прусскимъ королемъ, онъ не довѣрялъ компрометирующимъ инсинуаціямъ, исходившимъ изъ Берлина. Генералъ Шлиффенъ встрѣтилъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гагѣ и много бесѣдовалъ съ нимъ о Турціи. «Смыслъ его бесѣды заключался въ раздѣлѣ, который доставилъ бы намъ Египетъ и Кандію». «Какъ вы можете себѣ представить,—писалъ Монморенъ одному посланнику,—мы не придаемъ никакой цѣны этимъ соображеніямъ» [9]). Напротивъ, онъ придавалъ серьезное значеніе тому, чтобы убѣдить Англію, которую почиталъ враждебною, въ примиряющихъ намѣреніяхъ Франціи въ щекотливомъ бельгійскомъ вопросѣ. Онъ боялся вывести окончательно изъ терпѣнія Австрію, уже крайне недовольную и недовѣрчивую. Наконецъ, онъ чуялъ ловушку въ прусскомъ заигрываніи; ничто не могло ручаться ему, что, вовлекши французовъ въ разрывъ съ Вѣною, Пруссія не нашла бы въ этомъ разрывѣ способа привлечь Австрію къ своей собственной игрѣ. Іосифъ II овладѣлъ Бѣлградомъ [9]), онъ предлагалъ миръ туркамъ; руки у него были развязаны: онъ только и говорилъ, что о походѣ на Пруссію и о томъ, чтобы сбить спѣсь Пруссіи. Монморенъ зналъ по опыту, на какой почвѣ могло послѣдовать улаженіе этихъ нѣмецкихъ ссоръ. Для Франціи было бы опасно поддерживать тѣхъ, кто пытался отнять у Австріи Нидерланды. «Императоръ», писалъ Монморенъ [10]) «быть можетъ почелъ бы себя въ такомъ случаѣ въ правѣ временно согласиться съ прусскимъ королемъ и отодвинуть наши границы, то есть заключить насъ въ предѣлы, существовавшіе до Вестфальскаго мира. Обстоятельства, въ которыхъ находится Франція, къ несчастію, въ значительной мѣрѣ облегчили бы успѣхъ подобнаго плана. Мы должны, слѣдовательно, избѣгать въ нашихъ политическихъ дѣйствіяхъ всякаго къ тому повода».

Соображенія эти были вполнѣ основательны, но не легко было примѣнить ихъ на практикѣ. Такъ какъ партійнымъ страстямъ не удалось по-

[8]) Ла-Люцерну, 4 октября 1789 г.

[9]) 8 октября 1789 г.

[10]) Герцогу Орлеанскому 10 декабря 1789.

мѣшать имъ, то за это взялась интрига. Скомпрометированный темными махинаціями, предшествовавшими днямъ 5 и 6 октября, герцогъ Орлеанскій запутался въ страшно скандальномъ дѣлѣ. Лафайетъ, имѣвшій возможность покрыть его позоромъ, согласился пощадить его подъ условіемъ, что принцъ немедленно покинетъ Францію и останется вдали отъ нея вплоть до распущенія Собранія. Чтобы заставить его рѣшиться на такую уступку и замаскировать изгнаніе въ глазахъ общества, Людовикъ XVI пожелалъ поручить ему политическую миссію и вручилъ письмо для передачи англійскому королю. Принцу были даны формальныя инструкціи [11]). Главнымъ предметомъ ихъ были бельгійскія дѣла: было вполнѣ естественнымъ, что, отправляясь въ Лондонъ по приказу короля, герцогъ Орлеанскій имѣлъ возможность высказать свое отношеніе къ бельгійскому перевороту. Нашли удобнымъ даже заинтересовать въ этомъ случаѣ его честолюбіе. «Если бельгійскимъ провинціямъ придется перемѣнить властелина», говорилось въ инструкціяхъ, «то король предпочтетъ для нихъ особаго государя». Герцогъ долженъ былъ осторожно и ловко внушить это англичанамъ и предварить ихъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. «Возможно», прибавлялось въ инструкціяхъ, «что результатъ будетъ выгоденъ для самого герцога Орлеанскаго». Одновременно съ герцогомъ выѣзжалъ курьеръ къ французскому посланнику въ Лондонъ, Ла-Люцерну, которому поручалось руководить принцемъ, слѣдить за нимъ, объяснить англичанамъ совершенно частный характеръ его мнимой миссіи и въ особенности стараться, чтобы Георгъ Ш не разгнѣвался по поводу того, «что, желая избавиться отъ герцога, рѣшили послать его въ Англію» [12]). Монморенъ не замедлилъ препроводить подобное же разъясненіе въ Вѣну и сообщить императору вмѣстѣ съ оффиціальными инструкціями и контръ-посланіе, ихъ уничтожавшее.

Но предосторожность эта не могла быть достаточною для такого политически неустойчиваго и падкаго на соблазнъ человѣка, какимъ былъ Филиппъ Орлеанскій. Его привлекла къ революціи не столько жажда власти, сколько безпокойное желаніе успѣха, оскорбленное тщеславіе и мелочная, но упорная ненависть къ Маріи Антуанетѣ. У этого мнимаго главаря партіи была душонка сообщника. Онъ поручилъ пользованіе и

[11]) Mémoire pour servir d'instructions à S. A. R. Mgr. le duc d'Orléans, allant à Londres de la part du roi, 13 oct. 1789. Въ этихъ инструкціяхъ имѣется весьма щекотливая статья. Герцогу поручалось выяснить дѣло о происках англичанъ во Франціи. Но если въ обществѣ громко обвиняли Англію въ возбужденіи внутреннихъ смутъ во Франціи, дипломаты втихомолку обвиняли герцога Орлеанскаго въ томъ, что онъ служилъ агентомъ Англіи. *Correspondance de Staël*, 29 août et 17 sept. 1789.

[12]) Монморенъ Ла-Люцерну, 2 ноября. 1789.

© ГПИБ СПбАН

своимъ именемъ и своимъ богатствомъ нѣкоему дѣльцу Лакло, вносившему въ конспираціи геніальнѣйшую развращенность вѣка [13]). Лакло погубилъ его; Филиппъ созналъ свое паденіе. Дипломатическое порученіе представляло новую приманку его пресыщенному воображенію. Другой изъ обычныхъ совѣтниковъ и повѣренныхъ его, Лозенъ, герцогъ де-Бирон, имѣвшій претензію на роль европейскаго интригана, указалъ ему на бельгійскую революцію какъ на средство вознаградить себя за неудачи, претерпѣнныя во французской. Эти щеголи и виверы воображали, что воскрешаютъ фронду. Филиппъ, которому не удалось сдѣлаться генеральнымъ лейтенантомъ королевства, предался иллюзіи пріобрѣтенія фландрской короны. Непріязнь къ королевѣ, стимулъ, общій этимъ дворцовымъ неудачникамъ, превратившимся въ заговорщиковъ, заставляла ихъ желать ослабленія Австріи. Тѣ же расчеты, клонившіе ихъ во Франціи къ союзу съ демагогами, побуждали ихъ въ Европѣ къ заговорамъ съ Пруссіей. Внутри страны они ждали всего отъ внутренней анархіи, извнѣ—они не надѣялись ни на что, за исключеніемъ союза съ Пруссіей. Но Пруссія ничего не стала бы дѣлать въ Нидерландахъ, помимо Англіи, слѣдовательно необходимо было убѣдить англичанъ. Затрудненія не смущали этихъ безпокойныхъ людей, искавшихъ приключеній, и когда герцогъ Орлеанскій отправился въ Лондонъ, онъ повезъ съ собою цѣлую систему союзовъ и дипломатическихъ замысловъ.

Система эта не отличалась новизною; политики Пале-Рояля приспособили лишь сообразно со своими фантазіями минуты замыслы, уже съ давнихъ поръ популярные въ средѣ оппозиціи [14]). «Я думаю,—писалъ герцогъ Орлеанскій одному изъ своихъ близкихъ [15]), что всякій, кто явится къ брабанцамъ, получитъ отъ нихъ титулъ губернатора или герцога». Однако онъ не считалъ благоразумнымъ немедленный разрывъ съ Австріей. «Я предпочелъ-бы союзъ съ Англіей, Пруссіей, Голландіей, союзъ, къ которому мы могли-бы привлечь и Испанію. Такимъ способомъ мы обезпечили-бы себѣ прочный миръ; но дѣла наши недостаточно подвинуты для этого; королева пользуется еще слишкомъ сильнымъ вліяніемъ на правительство». «Несомнѣнно,—прибавляетъ онъ,—что если бы наши министры не продолжали курить ѳиміама предъ «Идоломъ», они нашли-бы возможность вмѣшаться въ нидерландскія дѣла, не сталкиваясь непосредственно съ вѣнскимъ дворомъ; имъ слѣдовало-бы только подстрекать или даже предоставлять Національное Собраніе его собственному теченію, взвалить на него все, если дѣла примутъ неблагопріятный оборотъ, и пользоваться

[13]) Taine, *la Révolution*, t. II, p, 60—62.

[14]) См. т. I.

[15]) 2 дек. 1789. Бирону.

имъ, если все пойдетъ хорошо» [16]). Герцогъ намѣревался обойти затрудненіе и овладѣть позиціей, зайдя ей въ тылъ. Онъ расположитъ къ своимъ замысламъ Англію, предложивъ ей приманку «полной свободы торговли между обѣими націями и, слѣдовательно, наитѣснѣйшій союзъ». Одинъ изъ его сыновей могъ-бы жениться на дочери Георга III и заинтересовать такимъ образомъ ганноверскій домъ въ новомъ основаніи бурбонскаго. Что касается Пруссіи, то туда слѣдуетъ послать Бирона, человѣка, могущаго все купить въ странѣ, гдѣ, какъ слышно, все продажно; если не Бирона, то можно отправить Геймана, вкрадчиваго военнаго человѣка и необычайно искуснаго интригана, близко знакомаго съ закулисными дѣлами, и преимущественно берлинскими [17]).

Филиппъ Орлеанскій пріѣхалъ въ Лондонъ въ послѣднихъ числахъ октября, сильно озабоченный своею новою ролью и поглощенный своею новою фантазіей. Иллюзія не была продолжительна. Согласно съ желаніемъ Людовика XVI, Георгъ III принялъ его съ изысканною вѣжливостью. Питтъ и герцогъ Лидскій также были съ нимъ безупречно вѣжливы, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не замѣтить и въ томъ и въ другомъ одно простое соблюденіе приличій. Онъ потребовалъ инструкцій, которыя не были ему присланы. Отстраненный отъ двора, избѣгаемый французскими дворянами, удалившимися въ Лондонъ, онъ получилъ отвращеніе къ дипломатическимъ переговорамъ и искалъ забвенія въ дурномъ обществѣ, которымъ окружалъ себя въ Лондонѣ такъ же, какъ и въ Парижѣ [18]). Самъ по себѣ эпизодъ не имѣлъ-бы серьезнаго значенія и не заслуживалъ бы вниманія исторіи, если бы не представлялъ перваго опыта революціи во французской дипломатіи, необдуманнаго и не твердаго, но весьма рѣзко очерченнаго. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ эта мимолетная интрига, вышедшая изъ козней стараго двора и внушенная доктриной Фавье, связывается съ несравненно болѣе обдуманными и серьезными переговорами Талейрана и Дюмурье въ 1792 г.

Нескромность Филиппа Орлеанскаго и его друзей не преминули придать этой мнимой миссіи болѣе важное, чѣмъ она заслуживала, значеніе. Несмотря на всѣ старанія Монморена, Австрія начала питать подозрѣнія [19]).

[16]) Разговоръ съ Ла-Люцерномъ.

[17]) Герцогъ Орлеанскій Бирону, 10 дек. Монморену, 6 нояб. 1789.

[18]) *Correspond. de Londres*, Affaires étrangères. *Political Memoranda of Francis fifth Duce of Lieds*, издан. Оскаромъ Броунингомъ, Вестминстеръ 1884 стр. 145.—Bardoux. *La comtesse de Beaumont*. Paris, 1884. *Lettres d. la marquise de Coigni*. Paris, 1884.—Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. IV et XV, articles Lauzun et Madame Elliot.

[19]) *Rapport de Noailles*, 21 nov.—Joseph à Léopold, 3 décembre. Léopold à Joseph, 14 décembre 1789. Arneth, op. cit.

Французское министерство нашло, что во избѣжаніе подозрѣній необходима недвусмысленная манифестація. Случай къ тому данъ былъ пріѣздомъ въ Парижъ бельгійскаго агента, привезшаго королю и Собранію посланіе Ванъдеръ-Ноота. Людовикъ XVI возвратилъ пакетъ не вскрывая и сообщилъ президенту Собранія, что «ни справедливость, ни его собственное достоинство, ни осторожность не дозволяютъ отвѣчать на подобный шагъ». Собраніе поступило въ такомъ же духѣ и рѣшило безъ преній, что не приметъ посланіе брабанцевъ [20]). Однако Франція не могла отстраняться отъ бельгійскихъ событій до полнаго ихъ игнорированія. Нити прусскихъ интригъ были слишкомъ многочисленны въ Бельгіи для того, чтобы не пытаться, по крайней мѣрѣ, слѣдить за ними. Министерство направило туда съ этою цѣлью своихъ агентовъ; оно попыталось даже расположить умы въ пользу сочетанія конституціоннаго правительства съ возведеніемъ на престолъ австрійскаго принца. Бельгійцы отказались отъ этого, и Франція перестала вмѣшиваться въ ихъ дѣла [21]).

Рвеніе англичанъ также замѣтно ослабѣвало. Главнѣйшею причиною ихъ безпокойства было опасеніе, что Франція вторгнется въ Нидерланды. Во избѣжаніе подобной опасности, они нѣкоторое время имѣли намѣреніе возсоединить Бельгію и Голландію подъ однимъ штатгальтеромъ и присоединить ихъ къ Германіи посредствомъ созданія новаго курфиршества [22]). Успокоенные съ этой стороны, они выказали менѣе поспѣшности признать новую республику, чѣмъ того желали-бы бельгійцы. Умѣряя даже рвеніе пруссаковъ, Питтъ убѣдилъ ихъ предоставить бельгійцамъ возможность согласія съ Австріей путемъ сдѣлки, которая ставила-бы ихъ права подъ обезпеченіе ихъ союзниковъ. Таковъ дѣйствительный смыслъ договора, подписаннаго въ Берлинѣ 9-го января 1790 г. между Англіей, Пруссіей и Голландіей [23]). «Поглощенный своею политикою гнилыхъ мѣстечекъ и мало знакомый съ континентальными дѣлами, г. Питтъ занимается ими лишь тогда, когда бываетъ къ тому вынужденъ», писалъ одинъ дипломатъ [24]). Эта политика «гнилыхъ мѣстечекъ» была не чѣмъ

[20]) Засѣданіе 10 декабря 1789 г.

[21]) Это эпизодъ миссіи Ла-Сонда и Семонвилля. Juste, t. II, p. 83.—Sybel t. I, p. 174.—Lafayette, t. III, p. 19.

[22]) *Rapport de la Luzerne 29 sept. 1789.*

[23]) Союзники обязывались дѣйствовать въ Нидерландахъ совмѣстно; они обезпечивали бельгійцамъ ихъ прежнія льготы; если бы бельгійцы конституировались въ независимое государство, союзники предоставляли себѣ право признать его лишь смотря по обстоятельствамъ и характеру конституціи. Juste, t. II, p. 23.—Borgnet, t. I, p. 156.—Ranke, *Die deutsche Maechte und der Fürstenband*, t. II, p. 177.

[24]) Governor Morris, 22 янв. 1790 г.

инымъ, какъ финансовою реформою и возстановленіемъ англійскаго кредита. Она стоила того, чтобы быть ею поглощеннымъ. Но не отстраняясь вполнѣ отъ Европы, какъ полагали одни, не вмѣшиваясь во всѣ дѣла континента, какъ увѣряли другіе, онъ во всѣхъ дѣлахъ міра обращалъ вниманіе лишь на то, что могло быть средствомъ возвышенія престижа собственнаго правительства и служить къ увеличенію благосостоянія собственной страны. Революція продолжала и въ томъ и въ другомъ отношеніи служить цѣлямъ англійскаго правительства. Боязнь, внушаемая распространеніемъ французскихъ воззрѣній, вопреки краснорѣчію Фокса, заставила отвергнуть предложеніе, благопріятное для религіозной свободы, и отложить на неопредѣленное время проекты избирательной реформы [25]). Изолированность Франціи позволила англичанамъ выступить третейскими судьями въ дѣлѣ восточнаго вопроса и безнаказанно преслѣдовать свои цѣли относительно расширенія колоніальныхъ владѣній, которымъ только одна Франція могла явиться препятствіемъ, какъ то казалось одно время. Предъ ними оставалась одна Испанія, и дерзость испанцевъ доставила имъ случай показать, какимъ образомъ они намѣрены обращаться отнынѣ съ мадридскимъ дворомъ. Ноотская бухта въ Калифорніи была предметомъ безчисленныхъ столкновеній между обѣими націями. Весною 1789 г. англійское судно было захвачено испанцами; они водрузили свое знамя на территоріи, которую англичане считали своею собственностью. Послѣдовали переговоры, клонившіеся весною 1790 г. къ прямому разрыву [26]). Новая опасность присоединялась къ тѣмъ, которыя уже грозили европейскому спокойствію: сѣверная война и война на востокѣ; столкновеніе между Австріей, Россіей, Швеціей и Турціей; волненія въ Польшѣ и революція въ Бельгіи; наконецъ Пруссія, подготовлявшая вооруженное вмѣшательство среди всѣхъ поддерживаемыхъ ею смутъ, и война между Австріей и Россіей въ томъ случаѣ, если-бы ихъ дворы отклонили прусскія требованія. Всего этого было бы болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы оправдать тревоги, находившія выраженія во всѣхъ перепискахъ того времени [27]). Смерть Іосифа II внезапно измѣнила положеніе вещей [28]).

[25]) Предложеніе Фокса относительно акта о корпораціяхъ и акта о завѣщаніяхъ, отвергнутое 2 марта 1790 г. 294 голосами противъ 105. То же предложеніе было отвергнуто въ 1787 большинствомъ только 20 голосовъ.—Голосованіе 4 марта, которымъ отсрочивалась избирательная реформа.

[26]) Stanhope, t. II, p. 48.—Baumgarten, p. 280.—Sybel, t. I, p. 173.

[27]) См. напримѣръ письмо Governor Morris'a отъ 24 янв. 1790 г.

[28]) 20 февраля 1790 г.

III.

Со времени восточной войны силы Іосифа постоянно слабѣли. Сопротивленіе, оказанное турками, недостаточность его военныхъ силъ, пораженія, имъ испытанныя, уроны арміи, наудача, постигшая его завоевательные планы и замыслы широкихъ политическихъ преобразованій, все способствовало къ подорванію его давно уже расшатаннаго здоровья и угнетенію его отъ природы тревожнаго духа. Дерзость Пруссіи вывела его изъ себя; бельгійская революція доканала его [1]). Марія Терезія передала ему монархію могущественною, примиренною и благоденствующею; онъ покидалъ ее разоренною, взволнованною внутренними смутами, угрожаемою извнѣ, потрясенною и скомпрометированною повсюду. Преемникъ его обладалъ благоразуміемъ, необходимымъ для исцѣленія ото всѣхъ золъ, причиненныхъ излишнею отвагой Іосифа.

У Іосифа II не было дѣтей. Богемская и венгерская короны должны были перейти къ его меньшему брату Леопольду, великому герцогу Тосканскому [2]). Это былъ человѣкъ тонкаго ума, вдумчивый, разсудительный, изобрѣтательный. Мысль его, изощренная въ высшей степени, носила порою печать неопредѣленности и непостоянства, но постоянное преслѣдованіе единой цѣли—блага государства—господствовало у него надъ колебаніями, присущими его характеру. Онъ шелъ на сдѣлки и выжидалъ столько же въ силу нерѣшительности, сколько и вслѣдствіе расчета. Продолжительное пребываніе въ Италіи смягчило его лотарингскій темпераментъ. Онъ изучилъ дипломатію по Макіавелю и научился угадывать значеніе событій, сообразоваться съ ними и заставлять служить своимъ цѣлямъ. Противники звали его въ насмѣшку «флорентинцемъ». Подобно брату своему Іосифу, онъ ненавидѣлъ и въ то же время восхищался соперникомъ ихъ Фридрихомъ; но Леопольдъ не увлекался имъ какъ завоевателемъ и любителемъ рискованной политики, что такъ долго имѣло опасный престижъ для Іосифа; его образцомъ былъ Фридрихъ второй манеры, Фридрихъ конца царствованія, дѣлежа Польши, конфедераціи

[1]) «Все идетъ какъ нельзя хуже». Письмо къ Кауницу, янв. 1790 г. См. письмо къ Леопольду 21 янв. 1790: «Униженный тѣмъ, что только что случилось, видя, что я терплю неудачу во всемъ, что мною предпринимается... я не смѣю болѣе имѣть собственное мнѣніе и заставлять приводить его въ исполненіе. Vivenot, *Quellen zur Geschichte der deutschen Politik Oesterreichs.* Wien, 1873—1885, t. I, p. 447.—Arneth, *Joseph II u. Leopold*, t. II, p. 312.

[2]) Родился въ 1747 г. Онъ оставилъ вел. герц. Тосканское своему второму сыну Фердинанду III.

государей [3]). Ему чужды были химеры и мечтанія, несмотря на то, что онъ заимствовалъ кое-что у философовъ и порою говорилъ на гуманитарномъ жаргонѣ; не было въ немъ и ничего рыцарскаго. Ни малѣйшая, даже самая законная чувствительность, не омрачала его разсудка; никакой духъ системы не стѣснялъ ловкой игры его комбинацій, и всѣ усилія его направлялись къ тому, чтобы извлечь изъ людей и вещей своего времени возможно большую выгоду для могущества имперіи и благоденствія народовъ, входящихъ въ ея составъ. Этотъ эгоизмъ высшаго порядка былъ главною основою его правленія. Но политикъ дополнялся и вдохновлялся въ немъ «просвѣщеннымъ государемъ». Онъ полагалъ, что государь долженъ опережать общественное мнѣніе своими преобразованіями и направлять его [4]). Однимъ словомъ, то былъ дипломатъ и государственный человѣкъ; онъ доказалъ это уже первыми шагами своего царствованія.

Онъ полагалъ, что управляютъ государствами лишь управляя людьми, а чтобы управлять людьми, необходимо заинтересовать ихъ. Къ пресловутому единообразію, прельщавшему Іосифа, онъ оставался равнодушнымъ; что за дѣло до нѣкоторой путаницы въ колесахъ машины, если правительство остается ея двигателемъ и центромъ. Онъ объявилъ, что признаетъ провинціи столпами монархіи; что онъ возвратитъ ихъ льготы и будетъ трудиться вмѣстѣ съ ними въ видахъ согласованія интересовъ подвластныхъ ему народовъ съ интересами ихъ государя. Онъ успокоилъ духовенство и попытался привлечь его на сторону престола, отмѣнивъ наиболѣе раздражавшія мѣропріятія Іосифа II, что дало ему самому возможность сохранить наиболѣе дѣйствительныя, какъ напримѣръ запрещеніе объявлять папскія буллы и упраздненіе судовъ духовенства. Въ то же время, чтобы не оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія относительно значенія своихъ обѣщаній, онъ созвалъ въ іюнѣ венгерскій сеймъ. Несмотря на возбужденіе умовъ, онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что эта мѣра расположитъ въ его пользу большинство венгерцевъ. Мы увидимъ, что онъ не ошибся. Относительно бельгійцевъ онъ сдѣлалъ еще болѣе и согласился на всѣ возможныя въ ихъ пользу уступки [5]), но встрѣтилъ

[3]) Онъ восхищался также расчетливостью и скупостью Фридриха. Леопольдъ любилъ выставлять напоказъ Тосканѣ простоту жизни, доходившую до цинизма, и крайнюю экономію.

[4]) Ranke, *Die deutsche Mächte*, т. II, стр. 171—2.—Sybel, т. I, кн. II, ч. II. Hæussek, кн. II, ч. II.

[5]) Декларація 2 марта 1790 г.: амнистія, предоставленіе общественныхъ, должностей мѣстному населенію, возстановленіе хартій и обычнаго права. обѣщаніе не издавать ни одного закона безъ содѣйствія штатовъ, возвращеніе управленія семинаріями епископамъ, дозволеніе принять гарантіи въ пользу свободы Бельгіи со стороны иностранной державы, т. е. Англіи.

© ГПИБ СОРАН

съ ихъ стороны недовѣріе и мятежъ: Ванъ-деръ-Ноотъ даже не отвѣчалъ на его посланіе. Съ этой минуты Леопольдъ отказался отъ надежды ихъ убѣдить и, не отрекаясь ни мало отъ обѣщаннаго имъ возстановленія старинныхъ вольностей, занялся ихъ усмиреніемъ. Раздоры въ ихъ средѣ расчистили ему дорогу.

Едва успѣвъ возникнуть, республика губила себя внутренними распрями [6]). Партіи, разъединенныя въ силу самой побѣды, боролись изъза преобладанія. Штатисты, овладѣвъ властью, объявили, что революція завершена: по ихъ мнѣнію, ея единственною цѣлью было упраздненіе реформъ Іосифа II, возстановленіе старинныхъ обычаевъ и аристократическо-клерикальнаго правительства. Вонкисты требовали конституціи, по которой третье сословіе, какъ и во Франціи, имѣло-бы представительство, равное съ остальными сословіями. Нѣсколько смѣльчаковъ говорили даже о созваніи національнаго конвента. Соперничество между партіями отличалось не меньшимъ ожесточеніемъ, но всѣ роли были измѣнены. Въ силу этого контраста, духъ времени выдѣляется тѣмъ съ бо̀льшею отчетливостью.

Популярною партіей въ Бельгіи была партія католическая: она поступаетъ по отношенію къ заподозрѣннымъ въ приверженности къ философіи вонкистамъ именно такъ, какъ поступали французскіе демагоги съ дворянами и духовными. Іезуитъ Феллеръ и канонникъ Дювивье даютъ тонъ и руководятъ преслѣдованіемъ. Ихъ примѣру слѣдуютъ монахи. Народу доносятъ на Вонка и его сторонниковъ какъ на послѣдователей Вольтера и сообщниковъ Австріи: «Конфискуйте ихъ имущество», говорится въ одномъ листкѣ, «употребите его на пользу государства: вы овладѣете имуществомъ, безчестно пріобрѣтеннымъ цѣною крови вашихъ соотечественниковъ». 15-го марта 1790 г. расклеенныя по городу объявленія призываютъ *истинныхъ патріотовъ* собраться на большой брюссельской площади, чтобы *защищать противъ интригановъ религію, конституцію и свободу.* Составлены списки подозрительныхъ. На домахъ, которые будутъ пощажены, привѣшивается изображеніе Св. Дѣвы; на остальныхъ расклеиваютъ четверостишіе, объясняющее, что домъ будетъ разграбленъ, а хозяинъ—зарѣзанъ: такова воля народа.

16-го мятежники являются на сборное мѣсто. Члены штатовъ выходятъ на балконъ городской ратуши. Толпа привѣтствуетъ Ванъ-деръ-Ноота, и погромъ начинается. Вонкъ и его приверженцы избѣжали смерти только потому, что имъ удалось скрыться [7]). Городская гвардія получила приказъ не стрѣлять по народу. Брюссель очутился во власти этихъ новыхъ лигистовъ, и монашеская анархія явила зрѣлище, повторяющееся вездѣ,

[6]) Borgnet, ch. IV.—Beer, *Kaunitz*, Leopold u. Kaunitz, 15 ок. 1790.

[7]) Вонкъ нашелъ убѣжище во Франціи въ апрѣлѣ 1790.

гдѣ на сценѣ разнузданная демагогія и побѣдоносный религіозный фанатизмъ. «На каждомъ перекресткѣ,—передаетъ одинъ бельгійскій историкъ,—«поднимали знамя свободы, а между тѣмъ сотни гражданъ всякаго званія были схвачены, арестованы, заключены въ монастыри; ихъ оскорбляли и били среди бѣла дня, передъ глазами полиціи, по одному подозрѣнію, за неосторожно сказанное слово!» Брабантскій совѣтъ учредилъ Комитетъ высшей полиціи, который захватываетъ въ свои руки всю власть. Это *желѣзный годъ*—1790 г., какъ выражаются въ Бельгіи. Почту останавливаютъ, письма вскрываютъ. Роты вооруженныхъ людей, предводимые монахами, обходятъ дома. «Убить вонкиста», говоритъ одинъ капуцинъ, «есть дѣло, угодное Богу». «Въ моментъ революціи», пишетъ іезуитъ Феллеръ въ своемъ «Journal historique» «нѣтъ иного закона, кромѣ общественной безопасности. Что̀ сталось-бы съ Римомъ, если бы Тарквинію предоставлены были на усмотрѣніе адвокатовъ?... Формальности, конечно, почтенны, когда обезпечиваютъ жизнь гражданъ; но когда онѣ подвергаютъ опасности жизнь всѣхъ, когда онѣ поощряютъ злодѣйство и подлость, когда онѣ даютъ волю убійцамъ и грабителямъ, онѣ никуда не годятся. «Salus populi suprema lex esto».

Изгнаніе демократовъ лишило Бельгію послѣдняго сочувствія со стороны Франціи. Штаты снова обратились къ королю и Національному Собранію. Лудовикъ XVI вторично отказался принять ихъ посланіе. Національному Собранію было сообщено объ этомъ рѣшеніи. Правленіе Ванъ-деръ-Ноота и брюссельскія звѣрства привели Лафайета въ уныніе. 18-го марта онъ предложилъ Собранію положиться на мудрость короля въ виду того, что «внутреннее состояніе Нидерландовъ, конгрессъ нынѣшнихъ штатовъ, повидимому, не носятъ характера народной власти».

Вѣнскому двору не требовалось большой проницательности, чтобы оцѣнить эту оговорку о несообразности съ народною властью. Леопольдъ вѣрно понялъ дѣло, но оставался довольно спокойнымъ. Онъ уже не принималъ въ соображеніе Францію, а такъ какъ ненавидѣлъ ее всею душою, то былъ доволенъ ея неспособностью вредить, на которую, по его мнѣнію, она обречена на долгое время. Сношенія между обоими дворами были какъ-бы временно прерваны. Въ Вѣнѣ не иначе говорили о Франціи, какъ въ ироническомъ тонѣ. Леопольдъ царствовалъ уже въ теченіе шести недѣль и еще не объявилъ оффиціальнымъ образомъ мужу своей сестры о своемъ вступленіи на престолъ, когда посланникъ его Мерси предупредилъ однажды Монморена о томъ, что Австрія нашла удобнымъ сблизиться съ Англіей: она просила ея посредничества въ Нидерландахъ и содѣйствія на Востокѣ. Мерси не скрылъ мотива такого шага,

ОТПЕЧАТОК

знаменовавшаго разрывъ союза 1756 г.: то была неспособность Франціи оказывать поддержку австрійской политикѣ [8]). Пруссія стояла подъ ружьемъ, ее необходимо было сдерживать. Леопольдъ нуждался въ сильномъ и дѣйствительномъ союзникѣ и надѣялся найти его только въ Лондонѣ. Въ эту сторону были направлены всѣ его усилія.

IV.

Пруссія закусила удила [1]). Судя по ея образу дѣйствій, можно было ожидать, что она удивитъ весь міръ или какимъ-либо блестящимъ дѣломъ, или громкимъ паденіемъ, о которомъ сохранится память на долгое время.

Самое хитросплетеніе и сложность ея интригъ подвергали ее опасности попасть въ западню, разставленную ловкимъ противникомъ. Герцбергъ все подготовилъ къ тому, чтобы европейская путаница достигла апогея къ веснѣ: событіе превзошло его ожиданія. Онъ самъ начиналъ теряться въ лабиринтѣ своей политики. Нетерпѣніе короля окончательно смутило все. Этотъ государь, честолюбивый и ограниченный, не питалъ довѣрія къ своему министру и ничего не ждалъ отъ его замысловъ. По его мнѣнію, запутанная сѣть интригъ Герцберга могла лишь служить пищею для бесѣдъ старыхъ дипломатовъ въ долгіе зимніе вечера; не на такой основѣ ткутъ ткань, изъ которой создаются героп. Приближеніе весны навѣвало на прусскаго короля духъ воительства и завоеваній. Онъ взялъ бразды въ собственныя руки и пришпорилъ своихъ дипломатовъ. Герцбергъ велъ классическую игру съ турками: онъ натравливалъ ихъ снова на Австрію и Россію, расчитывая на ихъ воинственныя наклонности и неспособность [2]). Турки, своевременно предупрежденные французскимъ посланникомъ Шуазелемъ-Гуфье, отпарировали этотъ манёвръ. Зная, что Фридрихъ-Вильгельмъ стремился во что-бы то ни стало вовлечь ихъ въ войну, турки потребовали, чтобы Пруссія оказывала имъ военную поддержку до той поры, когда они возвратятъ себѣ утраченныя за послѣдніе годы земли, въ томъ числѣ и Крымъ. Прусскій агентъ Діэзъ изворачивался какъ умѣлъ; но турки настаивали. Діэзъ, уполномоченный вести съ ними

*) Монморенъ Ноалю 2 апр.; Ла-Люцерну, 8 апр. *Донесеніе Ноаля 7 апр. 1790 г.*

[1]) См. т. I.

[2]) По исторіи этихъ любопытныхъ переговоровъ Пруссіи въ Константинополѣ см.: Zinkeisen, *Geschichte d. osmanischen Reiches*, t. IV. Gotha, 1859, кн. VIII, гл. II, стр. 730—751.—Haeussser, т., кн. II, гл. I, стр. 238—242.—Sybel, т. I, кн. II, ч. II.—Ranke, *Die deutsche Mächte*, т. II, гл. XXVIII, стр. 162 и слѣд.—Bailleu, статья Hertzberg, въ *Allgemeine deutsche Bibliographie*.

переговоры, написалъ все, чего они требовали, и подписалъ договоръ 30 января 1790 г. Когда Герцбергъ ознакомился съ этимъ документомъ, онъ пришелъ въ ярость. «Турецкіе министры обошли васъ», написалъ онъ Діэзу: «они не приняли на себя никакихъ обязательствъ, а вы согласились на всѣ ихъ требованія». Но не такой былъ человѣкъ Фридрихъ-Вильгельмъ и его новые совѣтники, чтобы смущаться такимъ пустякомъ, какъ договорныя условія. Существуетъ весьма простой исходъ избѣжать послѣдствій слишкомъ смѣлыхъ и щедрыхъ обѣщаній: предоставляютъ себѣ, обѣщавъ все, не сдержать ничего. Это нѣчто въ родѣ тайной статьи, всегда подразумѣваемой въ договорахъ такого рода. Благочестивый наслѣдникъ Фридриха поступалъ именно по такому правилу съ турками, а совѣтникъ его Луккезини въ такомъ же духѣ относился и къ полякамъ.

Слѣдуетъ однакоже отмѣтить и различіе въ только что указанныхъ отношеніяхъ. Съ турками пруссаки ограничивались двоедушіемъ; съ поляками они доходили до коварства [3]). Луккезини требовалъ у нихъ Торнъ и Данцигъ въ обмѣнъ на часть Галиціи, которую имъ уступила бы Австрія: въ награду за это прусскій король обѣщалъ охранять неприкосновенность польской территоріи и конституціи. Поляки, убѣдившись, что этотъ государь нуждался въ нихъ исключительно какъ въ орудіи борьбы противъ Россіи, отказались отъ какихъ-либо территоріальныхъ уступокъ. Пруссія желала заключить трактатъ во что бы то ни стала и подписала его. Такъ заключенъ былъ 29 марта 1790 г. союзъ, которому предстояло занять видное мѣсто въ лѣтописи историческихъ предательствъ и скандализировать даже въ такія времена, которыя видѣли войну за наслѣдство австрійскаго престола. То былъ договоръ «дружбы и единенія». Статья 2 гласила: «Обѣ высокія договаривающіяся стороны сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для взаимнаго обезпеченія спокойнаго владѣнія принадлежащими имъ во время заключенія настоящаго договора государствами, областями и городами». Въ силу статьи 3 Пруссія обѣщала безъ промедленія доставить Польшѣ военную поддержку въ видѣ четырнадцати тысячъ пѣхоты и четырехъ тысячъ кавалеріи, въ случаѣ нападенія на эту страну. Союзъ направленъ былъ противъ Россіи; многія изъ статей его носили двусмысленный характеръ, и можно было выводить изъ нихъ всякаго рода заключенія, кромѣ впрочемъ одного, а именно того, которое изъ

[3]) См. Ferrand: *Histoire des trois démembrements de la Pologne*, Paris, 1820, t. III, liv. IX.—Angeberg, *Recueil des traités de la Pologne*, Paris, 1862.—Kalinka, *la Diète de quatre ans.* 1881 (на польскомъ языкѣ).—Sybel, liv. II, ch. VI trad. I, p. 285.—Herrmann, *Geschichte des russischen Staats.* Gotga, 1860, t. VI ch. V. Статья: «*Lucchesini*» въ *Allgemeine deutsche Biographie.*

© ГПБ СПбГУ

него и вытекло въ дѣйствительности: вторженія и раздѣла Польши, произведенныхъ пруссаками въ союзѣ съ Россіей [4]).

Пока въ Берлинѣ дѣло шло о вторженіи въ Россію: на это готовы были шведы, турки и поляки. Что касается Австріи, то Фридрихъ-Вильгельмъ направлялъ на нее враговъ со всѣхъ сторонъ. Онъ подстрекалъ венгерцевъ, побуждая ихъ требовать покровительства Пруссіи, для гарантіи своихъ хартій, совѣтовалъ имъ отказывать въ войскѣ своему королю и объявлялъ имъ о скоромъ появленіи своемъ съ внушительными военными силами [5]). Бельгійцы волновались насколько хватало силъ. Франція была враждебна Леопольду: въ сущности союзъ былъ расторгнутъ. Гольцъ, по повелѣнію своего государя, возбуждалъ умы противъ Маріи Антуанетты, интриговалъ противъ вѣнскаго двора и не безъ успѣха пытался парализовать мѣры французскаго министерства, при помощи своихъ двусмысленныхъ отношеній къ революціонерамъ [6]). Прусскій король предполагалъ, что при такихъ условіяхъ Австрія вынуждена будетъ капитулировать въ его рукахъ. Онъ мобилизировалъ свою армію, сосредоточилъ ее въ Силезіи и выставилъ слѣдующія требованія: заключеніе немедленнаго перемирія съ турками, которые должны будутъ возстановить границы Австріи, опредѣленныя пассаровичскимъ договоромъ [7]); Австрія уступаетъ Галицію Польшѣ, которая, съ своей стороны, предоставляетъ Пруссіи

[4]) Въ 1794 г. графъ Андрей Разумовскій, бывшій посланникомъ въ Варшавѣ, говорилъ Луккезини, что поляки распространяютъ слухи объ одержанныхъ ими надъ русскими побѣдахъ и, повидимому, сами этому вѣрятъ. «Успокойтесь,—отвѣчалъ ему Луккезини:—эти добрые люди вѣрятъ всему: развѣ они не повѣрили всему, что я говорилъ имъ въ 1790 г.?—Я присутствовалъ при этомъ разговорѣ». Графъ де-Ланжеронъ, *Journal des campagnes de 1790. Affaires étrangères.*

[5]) Письма короля къ Якоби въ мартѣ, маѣ и іюнѣ 1790 г. Duncker, op. cit., p. 19—21.

[6]) Гольцу поручено было осуждать передъ демократами всѣ военныя мѣры, подъ предлогомъ, что онѣ могли бы поднять авторитетъ короля. Онъ одновременно интриговалъ и противъ Испаніи, и противъ Австріи. Повидимому, главнымъ орудіемъ его въ этой интригѣ былъ Петіонъ. Въ письмѣ отъ конца мая Фридрихъ-Вильгельмъ приказываетъ ему «не упускать изъ виду этого Петіона и выразить ему удовольствіе по поводу его образа дѣйствій, а также дать знать въ Берлинъ, что не мѣшало бы назначить ему пенсію». Duncker, op. c., p. 21.

[7]) 21 іюля 1718 г. Этотъ договоръ, самый выгодный изъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ Австріей съ Турціей, доставилъ ей Темешваръ, Бѣлградъ, Оршову, весь Банатъ, сѣверную Сербію и Валахію до Алуты. Бѣлградскій миръ 1739 г. сократилъ границы до Оршовы и теченія Савы. Himly, *Formation territoriale des Etats de l'Europe centrale,* Paris, 1876, t. I, p. 422—424.

Торнъ, Данцигъ, Познань, Гнезенъ и Калишъ. Если бы Іосифъ II продолжалъ царствовать въ это время, а старый Кауницъ продолжалъ имѣть рѣшающее вліяніе на дѣла—война оказалась бы неизбѣжной. Австрія покончила бы съ турками и бросилась бы на Пруссію. Но Леопольдъ нашелъ болѣе простымъ и удобнымъ заставить Пруссію отступить путемъ убѣжденія. Онъ вполнѣ постигъ и характеръ, и игру короля и отразилъ ударъ съ неподражаемымъ мастерствомъ [8]).

Онъ написалъ непосредственно Фридриху-Вильгельму и обратился къ его миролюбивымъ чувствамъ; затѣмъ, прекрасно понимая, что безъ поддержки Англіи Пруссія не въ силахъ долго настаивать на выполненіи своихъ требованій, онъ произвелъ нападеніе именно съ этой стороны и, такъ сказать, обошелъ всѣ прусскія позиціи. Уже Іосифъ II задумывалъ искать помощи въ Англіи. Находясь между наслѣдственнымъ врагомъ, т. е. Пруссіей и Франціей, сдѣлавшейся «заклятымъ врагомъ» вслѣдствіе торжества революціонной партіи, Австріи оставалось только надѣяться на поддержку этой классической союзницы [9]). То было первою мыслью Леопольда, по вступленіи его на престолъ. Онъ объявилъ себя готовымъ къ миролюбивой развязкѣ и возстановленію прежней бельгійской конституціи, подъ гарантіей Англіи. На востокѣ онъ готовъ былъ удовлетвориться Оршовой; но если Пруссія объявила бы ему войну, онъ предпочелъ бы предоставить Бельгію на усмотрѣніе Франціи какимъ бы то ни было уступкамъ, а равно и для того, чтобы развязать себѣ руки. Такое заявленіе было какъ нельзя болѣе кстати для англичанъ. Они рѣшились дать энергическій толчокъ своимъ дѣламъ съ Испаніей: они не нуждались въ диверсіи на континентѣ и весьма охотно обѣщали Леопольду оказать ему содѣйствіе по отношенію къ пруссакамъ.

Между тѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ сталъ во главѣ своей арміи. 26-го іюня, двое австрійскихъ уполномоченныхъ, князь Рейссъ и референдарій Шпильманъ, явились въ его главную квартиру въ Рейхенбахѣ. Герцбергъ изложилъ имъ свои планы. Во время ихъ бесѣды пріѣхали англійскій и голландскій посланники и объявили, что не признаютъ иного основанія для мира, какъ возстановленіе statu quo, существовавшаго до войны. Такое отпаденіе союзниковъ разрушало всѣ комбинаціи Герцберга. Въ то же время онъ узналъ, что поляки рѣшительно отказываются отъ уступки

[8]) По подробностямъ этихъ переговоровъ см. Sybel, t. I, liv. II, ch. II. Ranke, *Die deutsche Mächte*, t. II, ch. XXIX.—Haeussер, t. I, liv. II, ch. I.—Beer, *Leopold und Catharina, introduction.*—Philippson, t. I, ch. IV.—Beer, *Leopold und Kaunitz.* — Vivenot, *Quellen*, t. I, p. 489 et suiv.— Herrmann, *Geschichte Russlands*, t. VI. *Allemagne*, p. 144 et s. — Neumann, *Recuil des traités de l'Autriche.* Leipzig, 1856, t. I, p. 414—420.

[9]) Іосифъ Кауницу, 13 ноября 1789 г. Beer, t. I, p. 349.

Данцига и Торна. Великій планъ рушился безъ остатка. Пруссія вынуждена была отступить; оставалось лишь скрасить мотивы и замаскировать униженіе въ глазахъ короля. Фавориты приняли на себя выполненіе этой задачи, и Фридрихъ-Вильгельмъ оказался совершенно готовымъ принять ихъ доводы. Онъ былъ честолюбивъ и вспыльчивъ, но въ то же время отличался и непостоянствомъ: гнѣвъ его обратился на Герцберга, который безразсудно увлекъ его на опасный путь, и онъ сталъ тщеславиться милосердіемъ, попытавшись казаться грознымъ.

Уже съ давнихъ поръ существовала ненависть и открытая вражда между Герцбергомъ и категоріей теософовъ. Эти благочестивые интриганы вытѣснили изъ управленія внутренними дѣлами страны прежнихъ совѣтниковъ Фридриха; они замышляли произвести такую же перемѣну и въ дѣлахъ внѣшней политики. Неудача Герцберга отдавала въ ихъ руки дипломатію. Они поставили на видъ королю, насколько опасенъ разрывъ между двумя великими германскими монархіями въ такое время, когда превратныя идеи французской революціи угрожали и священной имперіи. Инсинуаціи эти, уже начинавшія проникать въ политику, не остались безъ вліянія на Фридриха-Вильгельма. Пока онъ надѣялся на побѣды и завоеванія, онъ мало заботился о принципахъ, о дѣлахъ общественныхъ, о порядкѣ въ Европѣ и о спокойствіи въ священной имперіи. Но когда завоеванія ускользнули отъ него, онъ вспомнилъ, что на немъ лежатъ великія обязанности по отношенію къ міру, королямъ и Германіи. Онъ забылъ о взволнованныхъ имъ венгерцахъ, о бельгійцахъ, которымъ обѣщалъ свободу, о туркахъ, шведахъ и полякахъ, которыхъ вовлекалъ въ войну. Впрочемъ нашлись и дипломаты по профессіи, готовые поддерживать придворную интригу. Луккезини, расчитывавшій въ эту минуту занять мѣсто Герцберга, находилъ для себя болѣе выгодъ въ новой системѣ, чѣмъ въ старой. Этотъ ловкій и хитрый итальянецъ расчитывалъ извлечь болѣе пользы изъ служенія интересамъ государей, чѣмъ извлекалось до сихъ поръ изъ содѣйствія интересамъ народовъ. Онъ разсудилъ, что можно выиграть болѣе, отстаивая правовой порядокъ, чѣмъ возбуждая къ инсуррекціямъ.

Гольцъ внушилъ ему доводы, способные убѣдить государя тѣхъ временъ и политика характера Фридриха-Вильгельма. Этотъ пруссакъ въ душѣ, занимавшійся въ Парижѣ уже около года подрываніемъ престола, нашелъ, что болѣе похвально, болѣе выгодно и удобно перестать подрывать его и, напротивъ, стараться утвердить. Для этого достаточно было принципіальнаго соглашенія съ Австріей. По всей вѣроятности, Австрія потребовала бы за труды,—pro studio et laboге—одну или двѣ провинціи, напримѣръ Эльзасъ или Фландрію, и уступила бы Пруссіи въ видахъ поддержанія равновѣсія,—что также было принципомъ,—равноцѣнныя области въ Богеміи и Моравіи,[10]). Такимъ образомъ мысль ограбить Францію внѣдрялась въ умы одновременно съ стремленіемъ бороться противъ революціи. Еще ранѣе заключенія «Священнаго Союза» 1792 г., ранѣе даже предшествовавшихъ ему переговоровъ и когда онъ представлялся отдаленною цѣлью, недостатокъ, имѣвшій парализировать его развитіе, уже поразилъ самый зародышъ; союзъ этотъ былъ плодомъ интриги, онъ заключался ради своекорыстной выгоды, онъ обреченъ былъ потерпѣть крушеніе вслѣдствіе соперничествъ и погибнуть отъ предательства. Старая Европа неспособна была задумать, организовать и вести на иныхъ основаніяхъ «лигу общественнаго блага».

Эти разнородные доводы подѣйствовали и на Фридриха-Вильгельма. Тонкая дипломатія Леопольда ускользала отъ этого увлекающагося и неяснаго ума. Онъ льстилъ себя надеждой навязать австрійцамъ сдѣлку, которую они сами дѣлали для него обязательной. Леопольдъ получилъ изъ прусскаго лагеря, въ видѣ ультиматума, свои собственныя мирныя предложенія. Онъ самъ желалъ, чтобы они были ему продиктованы. Такимъ-то образомъ подписаны были 27 іюля декларація, прекращавшія на время конфликтъ между двумя германскими державами. Австрія выражала желаніе заключить перемиріе съ турками и вести переговоры о мирѣ на основаніи statu quo, на конгрессѣ, при посредничествѣ Пруссіи, Англіи и Голландіи; она предоставляла себѣ право потребовать нѣкоторыхъ исправленій своихъ границъ, подъ условіемъ удовлетворить, при случаѣ, Пруссію равноцѣнною уступкою. Пруссія принимала это къ свѣдѣнію и обязывалась не вмѣшиваться въ дѣла Нидерландовъ иначе, какъ совмѣстно съ голландцами и англичанами; она должна была обезпечить конституціи провинцій и гарантировать, вслѣдъ за даруемою Леопольдомъ амнистіею, возстановленіе авторитета Австріи въ Бельгіи. Эти растяжимыя условія оставляли Леопольду полную свободу дѣйствій; столь изобрѣтательный политикъ имѣлъ возможность отклонить то самое посредничество, на которое, повидимому, соглашался.

Въ концѣ-концовъ Пруссія истратила сорокъ милліоновъ червонцевъ, мобилизовала свои войска и сдѣлала имъ смотръ предъ лицомъ всей Европы, и все это лишь для того, чтобы отступить самымъ жалкимъ образомъ и вернуться въ свои казармы, не сдѣлавъ ничего, кромѣ выполненія плана своей соперницы. Европа поняла это. Пруссія внезапно упала съ пьедестала, на который вознеслась съ такою кичливостью; престижъ ея испарился вмѣстѣ съ ея дерзостью, и повсюду перестали относиться къ ней серьезно. Мудрые политики увидѣли въ этомъ паденіи исполненіе

[10]) Депеша Гольца 25 мая 1790 г. Haeussер, t. I, p. 349.

ОТПЕЧАТОК

своихъ предсказаній и естественный конецъ широкихъ предпріятій, «порожденныхъ случайнымъ и непрочнымъ могуществомъ, скорѣе раздутымъ, чѣмъ дѣйствительно усиленнымъ» [11]). Напротивъ того, Леопольдъ, послѣ мастерского хода, прослылъ дипломатомъ высшаго качества, и снова пришлось считаться съ Австріей, казавшеюся разоренной въ конецъ еще только три мѣсяца тому назадъ.

Въ то самое время, какъ Леопольдъ нарушалъ наступательное движеніе соперника и принуждалъ его къ соглашенію, Великая Екатерина отдѣлывалась отъ Швеціи и такимъ способомъ довершала разстройство Пруссіи. Она съ честью вышла изъ опаснѣйшаго кризиса. Турки напали на южныя области ея имперіи; Густавъ III грозилъ Петербургу при помощи маленькой арміи и грознаго флота. Русскій адмиралъ Нассау-Зигенъ отразилъ нападеніе этого шведскаго флота при Выборгѣ 24-го іюня. Была минута, когда онъ даже надѣялся заставить его сдаться на капитуляцію. Шведы избавились отъ этого смѣлою аттакою; ихъ моряки одержали верхъ надъ русскими 7-го іюля. Въ Петербургѣ слышенъ былъ громъ орудій. Развѣдчики отошли на двѣ мили отъ города, который не въ состояніи былъ выдержать осаду. Екатерина сохранила твердость духа. «Мы не уступимъ самому чорту» [12]), говорила она. И дѣйствительно, она сдержала слово. Многіе изъ приближенныхъ ея порицали Нассау-Зигена за то, что онъ потерпѣлъ пораженіе. Она обошлась съ нимъ такъ, какъ онъ того заслуживалъ [13]); она написала ему вечеромъ же того дня, когда дано было сраженіе: «Будьте выше событій и нападайте снова на непріятеля. Король прусскій былъ истинно великъ именно послѣ большой неудачи. Петръ I, терпѣвшій пораженіе девять лѣтъ сряду, одержалъ побѣду подъ Полтавой». Она смѣялась надъ врагомъ [14]), чтобы поддержать въ себѣ хорошее расположеніе духа. Въ долгіе часы опасности, чтобы поддержать въ себѣ твердость духа, она вспоминала о стоицизмѣ древнихъ. Запершись въ царскосельскомъ дворцѣ съ молодымъ фаворитомъ

[11]) *Grandeurs et décadence des Romains*, ch. XVI. — «Tout l'édifice repose sur le sable; il redeviendra sable et poussière». («Все зданіе покоится на пескѣ и обречено превратиться во прахъ»). Екатерина II Гримму, 24-го іюня 1790 г.

[12]) Письмо къ Гримму, 27 апрѣля, 1791 г.

[13]) «Человѣкъ блестящей доблести и рыцарской честности, одаренный изумительною физическою силой, пламенной душой и смѣлымъ умомъ, онъ рано развилъ въ себѣ страсть къ приключеніямъ и славѣ. Впрочемъ, его скорѣе можно назвать «знаменитымъ авантюристомъ, чѣмъ истинно великимъ вельможей». Ланжеронъ.

[14]) Она сочинила оперу, въ которой Густавъ III былъ глупымъ и смѣшнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и велѣла давать эту оперу во дворцѣ. Ланжеронъ.

своимъ Платономъ Зубовымъ, она переводила на русскій языкъ томъ Плутарха [15]). Это былъ геній того вѣка, онъ обладалъ его искренностью и его величіемъ.

Твердость Екатерины спасла ее. Она не имѣла возможности защищаться на сушѣ; но Густавъ не имѣлъ достаточныхъ силъ для нападенія. Самая побѣда, казалось, истощила его. Онъ обладалъ героическимъ воображеніемъ, но ему недоставало характера и послѣдовательности. Онъ утомился войной, не обѣщавшей вѣрныхъ результатовъ и имѣвшей привести къ безвыгодному миру. Шведы волновались и роптали на чрезмѣрныя издержки. Онъ сказалъ себѣ, что, въ случаѣ неудачи, рисковалъ короною и, въ видахъ утѣшенія себя въ неудавшемся приключеніи, онъ создалъ себѣ новыя несбыточныя фантазіи. Около этого-то времени проектъ вмѣшательства во французскія дѣла, съ нѣкоторыхъ поръ смущавшій его воображеніе, окончательно утвердился въ его умѣ. Екатеринѣ хорошо извѣстны были его слабости и недостатки. Романическія затѣи шведскаго короля не только избавляли ее отъ врага; онѣ льстили ея страстямъ и служили ея собственнымъ замысламъ. Она подала Густаву надежду на союзъ, могущій обезпечить успѣхъ замышляемаго имъ крестоваго похода, и предложила ему заключить миръ. Онъ поспѣшилъ принять предложеніе и подписалъ его на другой день послѣ побѣды. Этотъ миръ возстановлялъ положеніе вещей, существовавшее до начала войны. Онъ былъ заключенъ 14 августа 1790 г. въ Верелѣ. «Теперь, когда намъ удалось высвободить правую руку», писала Екатерина Гримму мѣсяцъ спустя, «мы увидимъ то, что увидимъ». Она расчитывала увидѣть пораженіе турокъ и банкротство пруссаковъ. Что касается французской революціи, она продолжала быть для нея еще только предметомъ размышленій и поводомъ изливать избытокъ ненависти къ новой Франціи и ея идеямъ.

Такимъ образомъ Густавъ III получилъ свободу дѣйствій именно въ то время, когда Пруссія и Австрія казались расположенными прекратить свои ссоры. Европейскій кризисъ, дозволявшій до тѣхъ поръ французской революціи развиваться безъ стѣсненій, повидимому, прекращался и начиналось сближеніе державъ, раздоры которыхъ были въ теченіе года истинной охраной для французовъ. О Франціи, правда, не было непосредственно рѣчи ни во время конференцій, ни при декларацiяхъ, послѣдовавшихъ въ Рейхенбахѣ. Тѣмъ не менѣе и о ней подумали, и безпокойство, хотя еще весьма неопредѣленнаго свойства, внушаемое ея волненіями и смутами, проекты, порождаемые ослабленіемъ французской монархіи у людей своекорыстныхъ и честолюбивыхъ, не остались безъ влія-

[15]) Письмо Екатерины къ Гримму, отъ 13 сентября 1790.

нія на рѣшенія договаривающихся. 24 іюля, три дня до окончанія переговоровъ, Кауницъ, писавшій австрійскому посланнику въ Лондонѣ о возстановленіи порядка въ Нидерландахъ, сообщалъ ему: «Вы выскажете британскому министру, до какой степени нашъ монархъ принимаетъ къ сердцу это послѣднее обстоятельство, и поставите на видъ, что не только оскорбленная честь его, но и общегерманскіе, если не общеевропейскіе интересы, которымъ грозятъ потрясеніемъ отъ края и до края успѣхи не знающаго границъ мятежа, не могутъ быть совмѣщены ни съ какимъ другимъ устройствомъ, кромѣ возстановленія прежней конституціи» [16]). До сихъ поръ французская революція начинала озабочивать европейскихъ государственныхъ людей лишь, такъ сказать, въ качествѣ диверсіи и дипломатическаго отступленія отъ предмета, а между тѣмъ эта революція уже со всѣхъ сторонъ переходила за предѣлы Франціи, и всѣ великіе поводы грядущихъ столкновеній уже вытекали изъ преній Конституціоннаго собранія.

[16]) Vivenot, t. I, p. 9.

ГЛАВА III.

Право мира и войны.

1790.

I.

Конституціонное собраніе увлечено было, какъ бы противъ собственной воли, силою вещей и логикою воззрѣній къ столкновенію съ Европой въ ту самую минуту, когда оно питало иллюзію водворить непрестанный миръ въ средѣ народовъ. Тщетно стремится оно изгладить прошлое; оно считаетъ его уничтоженнымъ, а это прошлое снова охватываетъ его, задерживаетъ, сбиваетъ съ пути и заставляетъ уклониться въ сторону. Такъ первоначальный и существенный актъ революціи, упраздненіе феодальнаго режима, пробуждаетъ и возобновляетъ одинъ изъ классическихъ конфликтовъ дипломатіи стараго времени, вѣковую распрю между Германіей и Франціей, по поводу господства надъ Эльзасомъ [1]).

Со времени отдѣленія этой провинціи и во все время царствованія Людовика XIV, королевство и имперія не переставали бороться: королевство—во имя прямого установленія, а имперія—съ цѣлью возстановленія своего господства. Мюнстерскій договоръ былъ яснымъ и формальнымъ лишь въ томъ, что касалось той части эльзасскаго края, которая принадлежала австрійскому дому. Статьи же, касающіяся эльзасскихъ территорій непосредственно подвластныхъ имперіи, оставались сбивчивыми, неясными и спорными. Среди владѣльцевъ этихъ земель нѣкоторые владѣли исключительно въ Эльзасѣ и находились вслѣдствіе этого въ непосредственной зависимости отъ французскаго короля, другіе же располагали тамъ только долею земельнаго имущества и имѣли главную резиденцію въ имперіи. Людовикъ XIV не успокоился до тѣхъ поръ, пока не подчинилъ ихъ всѣхъ своей власти. Это было главнымъ дѣломъ такъ называемыхъ соединительныхъ палатъ (Chambres de réunion). Понадобились кровавыя войны для того, чтобы подтвердить ихъ рѣшенія; Рисвикскій договоръ торжественно констатировалъ ихъ регистрацію со стороны имперіи. Лудовикъ XIV потребовалъ присяги отъ нѣмецкихъ принцевъ, владѣвшихъ въ Эльзасѣ, и смотрѣлъ на остальныхъ владѣльцевъ въ этой провинціи какъ на своихъ

[1]) См. т. I.—Bougeant, *Histoire du traité de Westphalie*, Paris, 1767, t. III, p. 443 et suiv.—Hakusser, t. I, p. 275 et suiv.—Ranke, *Ursprung und Beginn der Revolutionskriege*, Leipzig, 1875, ch. III.—Himly, *Histoire de la formation territoriale des Etat de l'Europe centrale*, Paris, 1876, t. I, p. 253, 268, 271, 299.

© ГПНТБ СО РАН

непосредственныхъ подданныхъ. Но лишая этихъ владѣльцевъ прямого подданства имперіи и превращая ихъ въ вассаловъ французскаго короля, онъ утвердилъ за ними права и привилегіи, которыми они пользовались подъ верховною властью Германіи [2]).

Въ 1789 г. эльзасскіе дворяне и нѣкогда вольные города Эльзаса послали депутатовъ въ Генеральные штаты. Земли, принадлежавшія германскимъ принцамъ также выбрали депутатовъ, но сами принцы депутатовъ не прислали. Изъ этого произошло то, что вассалы поступили какъ французскіе граждане, подобно остальнымъ жителямъ Эльзаса, и имѣли представителей въ Собраніи, между тѣмъ какъ ихъ господа держали себя какъ иностранцы и не имѣли представительства [3]).

При такихъ-то условіяхъ появились декреты 4-го августа, декларація верховныхъ правъ народа, акты, предоставлявшіе имущество духовенства въ распоряженіе націи, а равно и тѣ, которыми Франція раздѣлена была на департаменты [4]). Города и владѣльческія земли Эльзаса, приславшіе представителей въ Собраніе, такъ же мало имѣли основаній протестовать противъ этихъ декретовъ, какъ и остальные французы. Нѣмецкіе же принцы отказались подчиниться имъ по двоякой причинѣ: потому что они не изъявляли на нихъ согласія и потому, что сами декреты находились въ противорѣчіи съ договорами. Такова была точка отправленія для столкновенія между этими князьями и французскимъ государствомъ, столкновенія малозначущаго по затрогиваемымъ имъ интересамъ, но важнаго по принципамъ, которые ставились имъ въ противорѣчіе и, наконецъ, неразрѣшаемаго обычнымъ правовымъ способомъ, такъ какъ оно касалось самой сущности установленнаго порядка, который французы намѣревались измѣнить, а нѣмцы—сохранить.

Подчиняя Эльзасъ общимъ законамъ государства, члены Конституціон-

[2]) «Верховная власть короля замѣнила въ Эльзасѣ такую же власть императора и имперіи; территоріальныя преимущества дворянъ этой провинціи со всѣми проистекающими почетными и матеріальными правами продолжаетъ существовать подъ супрематіей короля, какъ существовала во времена предшествовавшія вестфальскому миру, при императорѣ». См. т. I.

[3]) Нѣмецкіе князья, владѣвшіе въ Эльзасѣ въ 1789 г. были: изъ свѣтскихъ: герцогъ виртембергскій, герцогъ цвейбрикенскій ландграфъ гессенъ-дармштадтскій, маркграфъ баденскій. князья нассаускіе, ленингенскіе и левенштейнскіе. Изъ духовныхъ: курфюрсты-епископы: майнцскій, трирскій и кёльнскій; епископы: страсбургскій, шпейерскій и базельскій. Орденъ св. Іоанна и тевтонскій. См. Haussер, t. I, p. 277.

[4]) Декреты 4 августа 1789 г., упразднявшіе феодальное право; 23 сентября, провозглашавшіе верховную власть націи; 2 ноября—объ имуществѣ духовенства; 22 декабря 1789 и 26 февраля 1790 г., замѣнявшіе дѣленіе на провинціи дѣленіемъ на департаменты.

наго собранія дополняли и доводили до конца дѣло ассимиляціи, которое вела монархія въ теченіе полутора вѣка. Они находили, что пользуются безусловнымъ правомъ, такъ какъ законодательство ихъ касалось внутреннихъ отношеній Франціи; къ тому же, расширяя такимъ образомъ высшую власть государства, они не думали, что нарушаютъ европейское обычное право. Они не замѣчали, что отнынѣ французскій правовой порядокъ и европейскій обычай, основанные на совершенно различныхъ принципахъ, становились несовмѣстимыми и непримпримыми. Они не замѣчали, что въ сравненіи съ ихъ мѣрами всѣ предпріятія Людовика XIV, направленныя противъ имперіи, даже самыя дерзкія, въ сущности были не особенно значительны. Имперія воевала съ Людовикомъ XIV изъ-за феодальнаго верховенства; но какъ ожидать, чтобы она уступила Собранію, когда дѣло шло объ уничтоженіи самаго феодальнаго режима? [5]).

Въ семнадцатомъ вѣкѣ, когда Франція спорила съ Германіей, дѣло шло и фактически и по праву лишь о предѣлахъ ихъ обоюднаго господства. Принципъ же самаго господства оставался въ сторонѣ. Такъ какъ общественный строй былъ одинаковъ, сдѣлка, хотя бы временная, была всегда возможна между королевствомъ и имперіей. Договоры, какъ бы ни были затруднительны, имѣли слѣдствіемъ лишь перемѣщеніе господства и перенесеніе правъ.

Провозглашая верховную власть народа и упраздняя феодальныя права, Собраніе измѣняло всѣ прежнія отношенія. Отнынѣ совершенно противоположный режимъ долженъ былъ регулировать отношенія между гражданами и государствомъ, права лицъ и имущественныя отношенія во Франціи и въ Германіи. При старомъ режимѣ феодальный владѣлецъ могъ безразлично владѣть на обѣихъ территоріяхъ, оставаться почти государемъ и членомъ имперіи въ одномъ изъ своихъ имѣній и становиться въ другомъ вассаломъ короля французскаго. Съ той и съ другой стороны, онъ владѣлъ своими землями на одинаковомъ основаніи, на основѣ феодализма, и пользовался одинаковыми правами, правами феодала. Различіе существовало лишь въ размѣрахъ владѣнія и іерархической ступени. Послѣ декретовъ 4-го августа и 23-го сентября 1789 г. всякая общая мѣрка исчезала. Франція могла еще вознаградить за потерю дохо-

[5]) Объ этомъ сообщалъ французскій дипломатъ де-Мустье въ мемуарѣ, обращенномъ къ Монморену въ октябрѣ 1790 г. «Введеніе соединительныхъ палатъ въ Эльзасѣ при Людовикѣ XIV вызвало ненависть къ этому государю по всей Европѣ и породило лигу главныхъ европейскихъ державъ противъ Франціи, что едва не довело ее до погибели. Декретъ Національнаго собранія, уничтожавшій права нѣмецкихъ князей въ Эльзасѣ, есть не что иное, какъ болѣе рѣзкое повтореніе и довершеніе дѣла Людовика XIV. Можно ожидать тѣхъ же послѣдствій».

довъ, которыхъ лишала нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ землями въ Эльзасѣ, но не было возможности идти на сдѣлку въ вопросѣ самаго права. Если бы нѣмецкіе князья подчинились декретамъ и приняли денежное вознагражденіе, они тѣмъ самымъ признали бы не только верховную власть французской націи, что въ ихъ глазахъ было наименьшею уступкою, но признали бы, что несравненно важнѣе, уничтоженіе феодальнаго права: они уничтожили бы самое условіе и принципъ своего владѣнія какъ въ Германіи, такъ и во Франціи.

Сдѣлка такого рода была тѣмъ опаснѣе для нихъ, что принципы революціи, по самому своему свойству, стремились распространяться и внѣ Франціи, что Франція представляла ихъ какъ примѣнимые ко всѣмъ людямъ вообще и своимъ примѣромъ приглашала всѣхъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. Чтобы понять такія рѣчи, нѣмцамъ-крестьянамъ стоило только сравнить свою участь съ участью освободившихся французовъ. Сравненіе же напрашивалось само собою жителямъ черезполосныхъ земель лѣваго берега Рейна, на той окраинѣ, гдѣ имперія и Эльзасъ не столько раздѣлялись, сколько перепутывались. Отношенія между нѣмцами и французами были здѣсь постоянными, и для нѣмца-фермера, эльзасскаго владѣльца, не требовалось особой просвѣщенности для того, чтобы желать избавиться отъ повинностей, которыя продолжали тяготѣть надъ нимъ въ то время, какъ его сосѣдъ, фермеръ того же владѣльца, былъ отнынѣ освобожденъ отъ нихъ [6]).

Германія не созрѣла для ночи 4-го августа. Ни ея дворянство не обладало достаточнымъ безкорыстіемъ, ни ея государственные люди не были достаточно дальновидны для такого рѣшительнаго шага. Германія думала только о противодѣйствіи. Когда нѣкоторые изъ заинтересованныхъ лицъ, правда, наиболѣе слабые и нуждающіеся, а слѣдовательно и наиболѣе теряющіе, выразили желаніе подчиниться, сеймъ сталъ оспаривать у нихъ право заключенія договора. Нѣмецкіе юрисконсульты утверждали, что права, отказа отъ которыхъ требовала Франція—неотъемлемы, и что невозможно отречься отъ нихъ, не нарушивъ имперской конституціи. Они пошли даже далѣе. Такъ точно, какъ французскіе законники ссылались на принципы революціи для окончательнаго рѣшенія тяжбы, начатой палатами, завѣдывавшими присоединеніями, нѣмецкіе ссылались на тѣ же принципы для ея продленія. Гдѣ Франція находила мотивъ для примѣненія своего права, тамъ Германія открывала доводы для его оспариванія. По мнѣнію этихъ законниковъ, король обезпечилъ нѣмецкимъ князьямъ всѣ ихъ права и преимущества: таково было условіе уступки Эльзаса, на которую пошла имперія; разрывая эту статью, Франція уничтожаетъ договоръ и освобождаетъ имперію отъ ея собственныхъ обязательствъ. Принимая такой оборотъ, вопросъ становился крайне важнымъ.

[6]) См. Remling, op. cit., t. I. Introduction.

Въ сеймѣ, при мелкихъ дворахъ, жадныхъ паразитахъ и почтительнѣйшихъ клієнтахъ богатой Франціи, превратившихся въ алчныхъ кредиторовъ Франціи ослабленной, шумятъ, поднимаютъ голову и соперничаютъ въ «патріотизмѣ». Приглашаютъ великія германскія державы, Австрію и Пруссію, даже Швецію, гарантировавшія условія вестфальскаго мира, вмѣшаться съ оружіемъ въ рукахъ въ распрю націй, и въ особенности потребовать отторженія Эльзаса и Лотарингіи. «Мы знаемъ, что эта мысль существуетъ въ имперіи, и что съ радостью увидѣли бы ея осуществленіе» писалъ Монморенъ [7]). Австрія и Пруссія были заняты другими дѣлами, а Швеція въ эту минуту не имѣла возможности вмѣшаться. Тѣмъ не менѣе въ Берлинѣ Герцбергъ объявлялъ графу д'Эстерно, «что декреты уничтожали права Франціи», какъ владѣлицы Эльзаса. Въ Вѣнѣ, государственный вице-канцлеръ, повѣренный въ имперскихъ дѣлахъ Колоредо, сообщалъ маркизу де-Ноалю о «броженіи», господствующемъ при маленькихъ дворахъ; онъ выражалъ желаніе успокоить это броженіе, но находилъ, что слѣдуетъ «сообразоваться съ буквой договоровъ, и что вознагражденіе нарушаетъ, однакоже, обязательство въ томъ видѣ, какъ оно было заключено». Кауницъ написалъ въ такомъ же смыслѣ графу де-Мерси, прибавляя, что Франція хорошо бы сдѣлала, уладивъ затрудненія, «послѣдствія которыхъ могли бы быть весьма непріятны» [8]).

Французское правительство нашло умѣстнымъ опередить возможныя случайности. 11 февраля 1790 Монморенъ извѣстилъ Національное собраніе о требованіяхъ, заявленныхъ сейму нѣсколькими владѣтельными князьями. Собраніе передало дѣло комитету, вѣдавшему феодальныя дѣла, и рѣшило 28 апрѣля, что заинтересованные должны представить записки о вознагражденіяхъ за убытки, на которые они могли бы расчитывать. Основательно разсуждая, что принципіальный споръ не могъ ни къ чему привести и желая избѣжать, во что бы то ни стало, преній въ сеймѣ, Монморенъ поручилъ французскому дипломату де Тернану посѣтить владѣтельныхъ князей и побудить ихъ къ заключенію съ Франціей частныхъ сдѣлокъ. Таковъ былъ постоянный обычай въ дѣлѣ переговоровъ

[7]) Къ герцогу Орлеанскому, 10 декабря 1789 г. Въ письмѣ, присланномъ изъ Франкфурта въ «Gazette d'Amsterdam» 5 февр. 1790 г. читаемъ: «Весьма возможно, что это предложеніе подастъ поводъ къ присоединенію Эльзаса къ Германіи, отъ которой его оторвало честолюбіе и которой онъ снова долженъ принадлежать по праву, а равно и въ силу условій, на которыхъ онъ былъ уступленъ Франціи», *Moniteur*, t. III, p. 426.

[8]) *Raports de Berlin*, 9 mars; de Vienne, 13 février 1790. *Kaunitz à Mercy* 9 juin 1790. Vivenot, t. I, p. 488.

СПЕЦ ЦЕНТР

съ Германіей; въ данномъ случаѣ примѣненіе его было особенно затруднительно. Матеріальныя выгоды почти всегда преобладали надъ «патріотизмомъ» у этихъ князей; но, на этотъ разъ, эти выгоды согласовались съ «патріотизмомъ» и не только не разъединяли нѣмцевъ, но сплачивали ихъ воедино. Французское министерство прекрасно отдавало себѣ въ этомъ отчетъ, и инструкціи, данныя Тернану, были въ высшей степени затруднительны [9]). Онѣ ставили вопросъ права и обсуждали доводы, заимствованные изъ текста договоровъ. «Слѣдствія, вытекающія изъ всего этого», прибавлялъ Монморенъ, «таковы, что или князья должны сохранить мирное пользованіе всѣми своими правами, или Франція должна отказаться отъ владѣнія Эльзасомъ. Кавалеръ де-Тернанъ поведетъ дѣло въ высшей степени осторожно, потому что дѣйствительно таково положеніе вещей». Но если невозможно было плодотворно обсуждать эту статью, то можно было призвать на помощь другой, не менѣе неоспоримый доводъ: право каждаго государства устранвать внутреннія дѣла по собственному усмотрѣнію. Трактаты обезпечили за князьями лишь такія права, которыя совмѣстимы съ верховною властью Франціи. А Національное собраніе упразднило феодальныя права именно въ силу такой верховной власти. Права, которыми пользовались князья на французской территоріи, не конституировали ихъ политическаго существованія: оно имѣло центромъ Германію. Во Франціи же они, подобно остальнымъ земельнымъ владѣльцамъ, были простыми вассалами короны. Они собственники: на этомъ основаніи они должны подчиняться общей волѣ націи; имъ предлагаютъ справедливое вознагражденіе; сверхъ этого они ничего не въ правѣ требовать, и Франція не согласилась бы на такія требованія.

Если бы Собранію было извѣстно содержаніе инструкціи, оно, безъ сомнѣнія, не могло бы его одобрить. Оно не допустило бы уступокъ, дѣлаемыхъ Монмореномъ какъ относительно основъ права князей, такъ и по отношенію къ синалагматическому характеру вестфальскихъ договоровъ. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы вести переговоры съ князьями, необходимо было говорить на языкѣ имъ понятномъ. Подъ страхомъ разрыва со всею Европою, принуждены были признавать ея правовыя понятія, хотя бы для того, чтобы оспаривать ихъ и уклоняться отъ нихъ. Не было ни одного трактата, заключеннаго монархами, который, подобно вестфальскому, не могъ бы подвергнуться оспариванію, подъ тѣмъ предлогомъ, что новая конституція измѣняла его характеръ, упразднила самый его предметъ и въ концѣ концовъ подрывала въ корень его значеніе. Имѣетъ ли намѣреніе Франція сообразоваться съ трактатами, въ заключеніи которыхъ принимала участіе, или же упразднить какъ для

[9]) *Instructions de M. de Ternant*, Affaires étrangères, mai 1790.

себя, такъ и для другихъ налагаемыя ими обязательства? Текущій споръ между Испаніей и Англіей, по поводу Ноотской бухты, неожиданно поставилъ Собраніе въ необходимость высказаться по этому важному вопросу.

II.

4 мая 1790 г. англійское правительство отдало приказъ о вербованіи полнаго комплекта матросовъ; 5-го началась насильственная вербовка, и въ тотъ-же день король объявилъ палатамъ о столкновеніи между Англіей и Испаніей. 10-го палата общинъ вотировала милліонъ фунтовъ стерлинговъ на вооруженія. «Если судить о намѣреніяхъ англійскаго правительства по приготовленіямъ, предпринятымъ со всѣхъ сторонъ, писалъ Ла-Люцернъ [1]), то слѣдуетъ ожидать продолжительнѣйшей и серьезнѣйшей войны». Въ Парижѣ дѣйствительно ждали войны и несмотря на то, что Англія увѣряла въ мирныхъ намѣреніяхъ своихъ по отношенію къ Франціи и для большаго подтвержденія ихъ прислала лорда Гоуера посланникомъ въ Парижъ [2]), никто не допускалъ, чтобы такія обширныя приготовленія могли имѣть предметомъ одно устрашеніе Испаніи и дополненіе къ переговорамъ, къ которымъ долженъ былъ приступить въ Мадридѣ Фицъ-Гербертъ. Со стороны Франціи непринятіе мѣръ предосторожности было болѣе, чѣмъ рискованнымъ. Испанія могла потребовать приведенія въ исполненіе Семейнаго договора (Pacte de famille); если Франція не желала отречься отъ своего вліянія въ пользу Англіи, необходимо было заявить о томъ открыто. 14-го мая письмо Монморена къ Собранію объявило, что англійскія вооруженія принуждали Францію озаботиться своею безопасностью и что вслѣдствіе того король приказалъ вооружить четырнадцать линейныхъ кораблей.

Монморенъ надѣялся, что вызовъ соперничествующей, ненавидимой и внушавшей опасенія, державы прекратитъ, хотя-бы на время, раздоры партій и соединитъ депутатовъ вокругъ короля въ силу общаго патріотическаго движенія [3]). Но онъ ошибся: посланіе его дало новую пищу страстямъ, разъединявшимъ людей, и доставило Собранію поводъ къ одному изъ тѣхъ торжественныхъ засѣданій, въ которыхъ выражалось и его величіе, и его слабость. Собраніе нашло, что наступила минута опредѣлить и утвердить незыблемыя правила, которыми должна руководствоваться отнынѣ дипломатія возрожденной Франціи. Имѣя передъ собою

[1]) *Rapport de Londres*, 25 mai 1790.

[2]) *Le duc de Leeds à M. Fitzgerald, à Paris*, 7 mai. 1790. — См. *The Despatches of Earl Gower*, publiées par M. Oscar Browning, Cambridge, 1885. Instructions de lord Gower. p. 1.

[3]) Монморенъ Берни, въ Римъ, 11 мая; Ла Люцерну, 17 мая 1790.

© ЭТИТБ СПбГУ

вопросъ о мирѣ или войнѣ, оно прежде, чѣмъ обсудить интересы и сообразоваться съ необходимостью, нашло нужнымъ установить, на какомъ принципѣ должно быть основано въ новой конституціи право мира и войны, а по опредѣленіи этого предмета рѣшить и какимъ образомъ оно будетъ примѣняться. Таковъ былъ методъ того времени; Собраніе прилагало его ко всѣмъ, подлежавшимъ его обсужденію вопросамъ, и въ пресловутыхъ преніяхъ этого засѣданія проявился самый духъ революціи 1789 г. въ дѣлѣ внѣшней политики.

Весьма химерическая, но и весьма великодушная мысль господствуетъ надъ этими преніями. Франція желаетъ мира; она желаетъ мира прочнаго и согласнаго съ ея достоинствомъ, намѣреваясь на-вѣки основывать его на правѣ. Требуется простое, очевидное, всемірное основаніе, которое признано бы было и Франціей и цѣлой Европой и которое согласовало-бы повсюду выгоду со справедливостью. Этого требуетъ разумъ и самый опытъ: они показываютъ, что Франція не нуждается въ расширеніи предѣловъ, что такое расширеніе повредило-бы ея безусловному могуществу и что расширеніе другихъ государствъ могло-бы нанести вредъ ея относительному могуществу. Необходимость сохранить миръ для упроченія свободы и преобразованія законовъ соединяется здѣсь съ благороднымъ намѣреніемъ—пріобщить цивилизованный міръ къ великому дѣлу возрожденія, совершаемому во Франціи.

Предложеніе это внушено Робеспьеромъ; его поддерживаетъ Петіонъ: «Слѣдуетъ объявить, что Франція отказывается отъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, отъ всякихъ завоеваній, что она смотритъ на свои предѣлы, какъ на опредѣленные вѣчными судьбами....» «Вы будете вести ваши пренія передъ лицомъ вселенной; вы созовете, можно сказать, собраніе всѣхъ народовъ» [4]). Дипломаты и военные тщетно пытаются напомнить этимъ восторженнымъ идеалистамъ, что Франція состоитъ не изъ одного духа, что Европа не есть географическая абстракція, а Собраніе засѣдаетъ не въ эмпиреяхъ [5]). «Я спросилъ себя», говоритъ Мирабо. «заставимъ-ли мы другія націи измѣнить свои политическія системы, измѣняя нашу собственную.... А между тѣмъ, до тѣхъ поръ прочный миръ остается мечтою, и мечтою опасною, въ томъ случаѣ, если она побудитъ Францію къ разоруженію предъ вооруженною Европою» [6]). Утописты

[4]) *Discours de Robespierre*, 15 mai; *de Pétion*, 17 mai: *de Volney*, 18 mai; 1790.

[5]) *Discours de Custine* 15 mai; *de Biron*, 15 mai; *de Malouet*, 17 mai; *de Praslin*, 18 mai; *de l'abbé de Montesquiou*, 19 mai; *de la Galissonnière*, 20 mai. 1790.

[6]) *Discours du 20 mai 1790.*

отвѣчаютъ, что Франція допуститъ лишь національныя войны, что онѣ по необходимости будутъ имѣть оборонительный характеръ, а слѣдовательно и согласоваться со справедливостью. Барнавъ развиваетъ этотъ парадоксъ съ горячностью и волненіемъ, затмевающими на минуту краснорѣчіе самого Мирабо. «Пусть всѣ націи будутъ свободны, какъ и мы», восклицаетъ священникъ Ролле, «и тогда не будетъ болѣе войны» [7]). Собраніе вѣритъ этому и опьяняется этой фразой. Таково увлеченіе иллюзіями: тѣ же люди, которые три года спустя должны были опираться въ Конвентѣ на самый исключительный и фанатическій патріотизмъ. чтобы заставить вооруженную Францію обратиться въ республику по римскому образцу, не терпѣли теперь напоминанія о томъ, что они французы, что у Франціи есть границы, и что границы эти окружены соперниками и врагами [8]). Рѣчи становятся дифирамбами, пренія теряются въ энтузіазмѣ: это своего рода ночь 4-го августа: отреченіе отъ войны и завоеваній.

Собраніе отвергаетъ принципъ завоеваній и отрекается отъ самой мысли о нихъ. Съ той минуты дипломатія становится безполезной. Къ чему ухищренія, которыя никого не обманываютъ, и трактаты, которыхъ не соблюдаютъ? Пророки того времени объявили: «Не разоряйтесь на посланниковъ при чужеземныхъ дворахъ и не относитесь серьезно къ союзамъ и трактатамъ». «Искусство вести переговоры есть не что иное. какъ искусство интриговать» [9]). Свободная Франція не нуждается въ дипломатахъ. Къ тому-же имъ нельзя довѣрять. Для рѣшенія вопросовъ права они безполезны. Не нужно общихъ союзовъ, а лишь—«національные договоры» съ «справедливыми народами» [10]).

Тѣмъ не менѣе и такія основы нуждаются въ гарантіяхъ. Собраніе можетъ найти ихъ только въ самомъ себѣ: оно будетъ вести переговоры, объявлять войну и заключать миръ: оно желаетъ одного лишь блага, оно

[7]) *Discours du 16 mai 1790.*

[8]) Депутатъ правой, офицеръ Казалесъ, рѣшился сказать 21 мая: «Родина должна быть исключительнымъ предметомъ нашей привязанности. Любовь къ отечеству создаетъ не только людей. она создаетъ гражданъ. Она создала спартанцевъ. Что до меня касается, то я объявляю, что я люблю не русскихъ, не нѣмцевъ, не англичанъ, что мнѣ дороги французы. Кровь одного соотечественника дороже мнѣ, чѣмъ кровь всѣхъ народовъ въ мірѣ». Казалесу не дали продолжать; громкій ропотъ, почти крикъ заглушилъ его голосъ. Онъ принужденъ былъ извиниться за излишнюю горячность и преувеличенія своей рѣчи.

[9]) Rousseau, *Gouvernement de la Pologne*, ch. XV, Conclusion. — Mably, *Principes des négociations*, ch. I et II; *Le Droit public de l'Europe*, ch. XII. *Oeuvres*, Paris, an III, t. V, p. 17; t. VII, p. 92.

[10]) Dupont de Nemours, 19 mai; Rewbell, 15 mai 1790.

© ГПИБ СССР

руководствуется одною справедливостью, оно всегда будетъ имѣть за себя право [11]). Ослѣпленные до фанатизма «свѣтлыми упованіями,» считая себя переродившимися, потому что объявляли себя убѣжденными, не вѣдая, что война тлѣла, такъ сказать, въ ихъ душѣ, что наслѣдственный импульсъ французской крови неизбѣжно заставитъ ихъ распространять революцію за своими предѣлами, совершивъ ее у себя, что для возрожденія Европы придется сперва ее подчинить, что при условіяхъ, въ которыхъ находился старый свѣтъ, торжество истины могло осуществиться лишь при помощи желѣза и огня, и что они сами примѣнятъ это средство безпощадною рукою, они забывали уроки исторіи и очевидность фактовъ. Замѣчая между собою и идеаломъ одну тѣнь королевской власти, они съ ожесточеніемъ преслѣдовали этотъ призракъ. Одинъ Мирабо отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ положеніи вещей; онъ разсѣялъ туманъ и на минуту открылъ предъ недовѣрчиво слушающемъ Собраніемъ странное и роковое будущее, которое революція несла въ себѣ и которое никѣмъ не предвидѣлось. Онъ указалъ на воинственное ожесточеніе свободныхъ народовъ и на демократію, отдававшуюся страстямъ болѣе рабски, чѣмъ абсолютнѣйшіе изъ монарховъ [12]). «Посмотрите на политическія собранія, они всегда объявляли войну подъ вліяніемъ страсти. Мы слышали здѣсь, какъ одинъ изъ ораторовъ предлагалъ, въ случаѣ несправедливой войны съ Англіей и Испаніей, перейти границы, вмѣшаться въ дѣло, дойти до Лондона, перебить надменныхъ англичанъ и истощить ихъ казну до послѣдняго червонца [13]). И мы всѣ рукоплескали оратору; я самъ поймалъ себя на этомъ, и ораторской выходки достаточно было, чтобы на минуту парализовать вашу мудрость. Не думаете ли вы, что подобныя увлеченія не приведутъ къ бѣдственнымъ войнамъ, если вы станете обсуждать здѣсь вопросъ о войнѣ, и не смѣшаете ли вы внушенія отваги съ внушеніями опыта? Въ ту минуту, какъ вы будете обсуждать, войну станутъ требовать громкимъ голосомъ; вы увидите вокругъ себя цѣлую армію гражданъ. *Васъ не будутъ болѣе обманывать министры, но не станете ли вы обманывать себя сами?* Указываютъ на общественное мнѣніе! Но кто управляетъ имъ? Кто умѣряетъ его? Можно-ли ждать, чтобы оно само обуздало себя? Посмотрите на свободные народы: они всегда отличались еще болѣе честолюбивыми и жестокими войнами. Боятся, чтобы король не злоупотребилъ этимъ правомъ объявленія войны, чтобы возстановить деспотизмъ! Но какіе писаные законы спасутъ отъ узурпатора народы, которые не съумѣютъ предвидѣть его козни и защитить

[11]) *Discours de Barnave*, 21 мая 1790.

[12]) *Discours*, 20 мая 1790.

[13]) *Discours de Menou*, 15 мая 1790.

себя? Цезарь родился не на тронѣ. Вы приписываете монархіямъ неудобства республикъ; военные успѣхи особенно опасны въ демократическихъ государствахъ. У народовъ, не имѣвшихъ королей—ихъ создали именно эти успѣхи. Аннибалъ и Цезарь представляли опасность именно для Карѳагена и Рима».

Мирабо не убѣдилъ Собраніе, но онъ заставилъ его принять рѣшеніе. Оно предоставило себѣ право обсуждать объявленіе войны и присвоило королю право предлагать вопросъ о войнѣ. Король долженъ былъ вести переговоры и рѣшать, Собраніе—контролировать переговоры и утверждать договоры [14]). Декреты, содержавшіе эти рѣшенія, были включены въ сводъ конституціонныхъ законовъ. Они заканчивались слѣдующею декларацією, быть можетъ, прекраснѣйшей изъ всѣхъ, обсуждавшихся какимъ-либо политическимъ собраніемъ, но и самой несосуществимой. Она составила впослѣдствіи главу VI конституціи:

«Французская нація отказывается отъ какой-бы то ни было войны, имѣющей цѣлью завоеваніе, и не употребитъ никогда своихъ военныхъ силъ во вредъ свободѣ какого-бы то ни было народа».

Этотъ декретъ вотировали среди всеобщаго радостнаго волненія. Платоническое пожеланіе конгресса матафизиковъ, разсуждающаго въ пустомъ пространствѣ о тайнахъ вѣчнаго мира; гибельная утопія французскаго собранія, засѣдающаго на лонѣ Европы! Собраніе забывало, что у Франціи были свои традиціи, являвшіяся историческимъ закономъ для ея интересовъ, и свои притязанія—естественныя условія ея территоріальнаго положенія; что въ королевствѣ оставались нарушающія его единство выемки, а вдоль границъ—черезполосица, препятствовавшая оборонѣ; что за предѣлами ея, не вполнѣ установленными и разорванными, находились соперничествующія державы и завистливыя государства, питавшія противъ Франціи вѣковые, хищническіе замыслы; что въ Европѣ имѣлись честолюбцы, всегда готовые нарушить общее равновѣсіе; что наконецъ революція, вызывая въ средѣ народовъ подражателей, грозила новою непріязнью, предоставляла новые соблазны, создавала новые интересы и налагала новыя обязательства. При тогдашнемъ взаимномъ положеніи Франціи и Европы было-бы справедливо и удобно искренно желать мира, открыто заявить о томъ и честно соблюдать этотъ миръ; но къ чему лишать себя на-вѣки права новыхъ предпріятій и пріобрѣтеній, могущихъ явиться ихъ законнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ? Къ чему принимать на себя предъ лицомъ цивилизованнаго міра рискованныя обязательства, всегда клонящіяся въ ущербу государствъ, потому что неминуемо они влекутъ за собою невыполненіе или пагубное отреченіе? Зачѣмъ ставить себя въ

[14]) Статьи конституціи, вотированныя 22 мая 1790.

СПИБ ОГАИ

такое крайнее положеніе, что приходится жертвовать національнымъ интересомъ парадоксу, или нарушать основы конституціи во имя охраненія государственныхъ интересовъ? При новомъ режимѣ должно было явиться противорѣчіе между неосязаемыми отношеніями отвлеченнаго права и частными и реальными интересами государства, подобно тому, какъ при старомъ порядкѣ происходило столкновеніе между правами народа и правами короля. Это были, и еще на долгое время, неразрѣшенные конфликты, которые улаживаются лишь на бумагѣ текста законовъ.

Собраніе весьма рано испытало это, но въ эту минуту никто не обратилъ вниманія на предостереженія Мирабо; никто не хотѣлъ вѣрить опасности, которую война готовила воинствующей демократіи. Европа, хотя и по инымъ мотивамъ, смотрѣла на это совершенно одинаково съ Собраніемъ. Собраніе полагало, что подастъ великій примѣръ безкорыстія, и оно искренно гордилось этимъ. Европа рѣшила, что Франція блистательно доказываетъ свою слабость, и поздравляла себя съ этимъ. Декреты 22-го мая уничтожили все значеніе военныхъ приготовленій, которыми распорядился Людовикъ XVI. «Въ Лондонѣ убѣждены», писалъ Ла Люцернъ, «что всякій министръ, взявшійся-бы у насъ за воруженія, рисковалъ-бы головою.» Всѣ разсужденія англичанъ приводили ихъ къ такому заключенію: «Англіи нечего бояться Франціи, и она можетъ безъ боязни и излишней щекотливости присвоить себѣ главенство въ обоихъ полушаріяхъ» [15]). Это было великое непониманіе намѣреній Франціи и характера ея національнаго Собранія.

III.

Декретируя царство мира, Собраніе декретировало довѣріе и изгоняло страсти. А между тѣмъ страсти были яростнѣе, чѣмъ когда-либо, и подозрѣнія бродили во всѣхъ умахъ [1]). Только и слышалось что о заговорахъ, замышляемыхъ французскими эмигрантами въ сообществѣ съ нѣмецкими князьями и о контръ революціонныхъ проектахъ, подготовляемыхъ королевой совокупно съ Австріей. Общая непріязнь къ австрійскому двору сдѣлала Марію-Антуанетту непопулярной съ самаго пріѣзда ея во Францію. Возрастающая непопулярность королевы дѣлала отнынѣ союзъ съ Австріей еще ненавистнѣе французамъ. Это чувство не разъ прорывалось въ Собраніи. Оно ждало только случая, чтобы вспыхнуть.

Въ концѣ іюля графъ де Мерси испросилъ для своего правительства

[15]) *Rapport du 31 mai 1790.*

[1]) См. сочиненіе Андре Шенье: «*Avis au peuple français sur ses véritables ennemis*, 28 августа 1790. *Oeuvres en prose*, p. 1.

дозволеніе провести по французской территоріи военный корпусъ, отправлявшійся изъ Люксамбурга въ Бельгію. Извѣстіе о томъ распространилось въ томъ краѣ, чрезъ который должны были проходить эти австрійцы; населеніе было объято паническимъ страхомъ, оно считало себя отданнымъ во власть врагамъ и обратилось къ Собранію. Одинъ изъ депутатовъ, бывшій военный, соединявшій революціонное настроеніе съ самымъ пламеннымъ старо-французскимъ патріотизмомъ, Дюбуа де Крансе, представилъ 27-го іюля Собранію протестъ своихъ согражданъ — арденцевъ. Какъ и всегда случалось въ этомъ огромномъ и бурномъ Собраніи, возникъ инцидентъ, внезапно обнаруживший глубоко-тревожное настроеніе умовъ и вызвавшій мѣры, тѣмъ быстрѣе рѣшенныя, что онѣ отвѣчали всеобщимъ и давнимъ желаніямъ. Каждый спѣшилъ передавать тревожныя извѣстія, имъ собранныя. Это былъ потокъ страстныхъ вѣстей. Англія вооружается, Испанія слѣдуетъ ея примѣру, Сардинія стягиваетъ свои войска къ Дофине и Провансѣ, Австрія сосредоточиваетъ войска въ Нидерландахъ. «Намъ грозятъ со всѣхъ сторонъ!» восклицаетъ д'Андре. Министерство уводитъ войска изъ Фландріи, прибавляетъ другой депутатъ. Кто-то сообщаетъ, что въ Кобленцѣ открыта фабрика фальшивыхъ ассигнацій. Собраніе назначаетъ комитетъ изъ шести членовъ для выработки мѣръ къ огражденію королевства и обсужденія «политическаго положенія сосѣднихъ державъ». На другой день, 28-го іюля, бывшій членъ парламента Фрето, алармистъ и вздорный человѣкъ, дѣлаетъ докладъ, подтверждающій всѣ подозрѣнія. Онъ указываетъ на постоянное увеличеніе числа эмигрантовъ, на приведеніе въ движеніе «германскихъ войскъ», на совмѣстныя усилія нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей въ Эльзасѣ и бѣжавшихъ въ Германію французскихъ принцевъ, стремящихся къ возстановленію феодальнаго права. Передавали вполголоса, что Австрія и Пруссія совѣщаются въ Рейхенбахѣ о французскихъ дѣлахъ и забываютъ свои пререканія, чтобы заключить союзъ противъ Франціи. Собраніе декретируетъ, что будутъ умолять короля о вооруженіи гражданъ и о защитѣ государства. Оно уничтожаетъ данное министерствомъ разрѣшеніе австрійцамъ провести войска по французской территоріи и оставляетъ за собою право принять новое рѣшеніе, когда будетъ выяснено положеніе дѣлъ. Во время преній Мирабо предлагаетъ обратиться путемъ декрета къ «Луи-Жозефу де Бурбонъ, именуемому Конде» и потребовать, чтобы онъ отказался отъ приписываемаго ему контръ—революціоннаго манифеста, подъ страхомъ быть объявленнымъ измѣнникомъ отечества и конфискаціи его имущества. Робеспьеръ находитъ предложеніе мелочнымъ. Зачѣмъ преслѣдовать отдѣльное лице и обвинять его на основаніи, быть можетъ, подложнаго документа. Онъ желаетъ, чтобы Собраніе смотрѣло на вещи шире и

съ болѣе высокой точки зрѣнія, чтобы, однимъ словомъ, «оно занялось средствами обузданія всѣхъ враговъ революціи». Собраніе переходитъ къ обсужденію текущихъ дѣлъ; тѣмъ не менѣе отнынѣ эмигранты подлежатъ суду, а дѣйствія ихъ—обсужденію. Депутаты вызвали необходимость заниматься внѣшними дѣлами, и эти дѣла не перестанутъ озабочивать ихъ. 29-го іюля они рѣшаютъ, что комитетъ изъ шести членовъ долженъ будетъ ознакомиться съ содержаніемъ заключенныхъ Франціей трактатовъ и отдать отчетъ о своихъ занятіяхъ Собранію [2]). Это такъ наз. дипломатическій комитетъ: онъ назначенъ 1-го августа и состоитъ изъ Мирабо, Фрето, Мену, д'Андре, Барнава и Дюпателе.

Немного дней спустя, Собраніе имѣло случай примѣнить полномочія, имъ себѣ присвоенныя. Испанія не безъ желчи требовала немедленныхъ и энергическихъ мѣръ противъ Англіи [3]). Договоръ былъ формальный: Людовикъ XVI не могъ отклонять наложенныхъ имъ обязательствъ. Монморенъ не рѣшался сообщить Собранію: ему было извѣстно, что оно относится къ этому договору неблагопріятно. Договоръ заключалъ статьи наступательнаго свойства: поэтому онъ не могъ не оскорблять утопистовъ. Оппозиція прежде всего видѣла въ этомъ трактатѣ чисто династическое дѣло и потому нападала на него съ ожесточеніемъ. Анархическія стремленія однихъ и великодушныя иллюзіи другихъ согласились такимъ образомъ упразднить союзъ, который считался нѣкогда самыми строгими и справедливыми людьми однимъ изъ лучшихъ трудовъ французской политики за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ [4]).

Между тѣмъ англичане торопили испанцевъ. Фицъ-Гербертъ уже съ половины іюня находился въ Мадридѣ и препровождалъ къ Флорида Бланка угрожающія ноты. Испанія располагала только семьюдесятью военными судами. Англія могла выдвинуть сто пятьдесятъ восемь; и въ то время какъ французскіе министры колебались оказать поддержку Испаніи, Голландія вооружалась, чтобы придти на помощь къ Англіи. Франція отозвала своего посланника де Ла-Вогюйона и оставила въ Мадридѣ только повѣреннаго въ дѣлахъ Бургоана, преданнаго революціи и весьма холодно относившагося къ Испаніи. «Это—негодяи», говорилъ Флорида Бланка шведскому дипломатическому агенту; «съ ними нельзя имѣть дѣла:

[2]) Совѣтъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сказалъ Мабли, долженъ все отсылать сенату и отдавать во всемъ отчетъ сейму. «Du gouvernement de la Pologne», 1 partie, ch. XI.

[3]) «Въ противномъ случаѣ его христіаннѣйшее величество не долженъ будетъ удивляться, что Испанія станетъ искать иныхъ друзей и союзниковъ». Графъ Фернанъ-Нунецъ, испанскій посланникъ Монморену, 16 іюня 1790.

[4]) См. т. I.

по моему мнѣнію, слѣдуетъ оцѣпить границу кордономъ, какъ во время чумы!» [5]), Союзъ былъ уже значительно скомпрометированъ, когда 2 августа Монморенъ рѣшился представить Собранію требованія Испаніи. Дѣло было передано дипломатическому комитету. Мирабо былъ всесиленъ въ комитетѣ. Онъ предложилъ назначить его докладчикомъ. Онъ видѣлъ только одно средство спасти полезный въ его глазахъ союзъ и прекратить необдуманную оппозицію, обращавшую вниманіе на одну внѣшность и не понимавшую сущности дѣла: пересмотръ трактата и согласованіе его съ новою конституціей, упраздненіе статьи наступательнаго свойства и замѣна Семейнаго договора (Pacte de famille) договоромъ національнымъ [6]). Въ такомъ смыслѣ онъ и далъ свое заключеніе. 26-го Собраніе предложило королю вооружить сорокъ пять кораблей и начать переговоры съ Испаніей, въ видахъ пересмотра трактата. О вооруженіи отданъ былъ приказъ, а Бургоану посланы были инструкціи. Министерство, руководясь весьма популярными чувствами, предложило испанцамъ возвратить Франціи Луизіану, въ видѣ скрѣпленія новаго союза съ Франціей.

Испанцы, однако, были мало расположены дать французамъ подобное доказательство дружбы. Помощь заставила себя ждать слишкомъ долго. Они перестали не нее расчитывать. Не считая себя въ силахъ противостоять англичанамъ безъ посторонней помощи, испанцы стали будировать союзника и искать сдѣлки съ непріятелемъ. Испанскій посланникъ въ Парижѣ взялъ отпускъ. Флорида-Бланка окружилъ себя по отношенію къ Бургоану такою непроницаемою тайною, что Монморену удалось узнать кое-что о переговорахъ лишь отъ англійскаго двора. Они привели къ заключенію договора, подписаннаго въ Эскуріалѣ 12 октября 1790 г. По этому договору Испанія вознаграждала англичанъ и уступала имъ спорную территорію. Такая уступчивость со стороны Испаніи возвѣщала полный поворотъ въ ея политикѣ. Отнынѣ она будетъ искать въ Англіи той безопасности, которую не доставлялъ ей союзъ съ Франціей. Это было большимъ успѣхомъ для Питта и истинною цѣлью его дипломатіи во всемъ этомъ дѣлѣ: онъ порвалъ Семейный договоръ и держалъ Испанію въ своихъ рукахъ. Франція была унижена и изолирована, а Питту именно это и было желательно. Тонъ переписки между Парижемъ и Лондономъ быстро смягчился, и пришли къ соглашенію относительно разоруженія кораблей, вооруженныхъ тою и другою стороною.

Франція избѣжала войны; но этотъ кризисъ слишкомъ ясно обнару-

[5]) Baumgarten, p. 312.

[6]) См. Lucas Montigny, t. VII, p. 442. — *Correspondance de Mirabeau*, 3 et 4 note pour la cour, 23 et 26 juin 1790.—Ségur, *Examen d'un ouvrage intitulé: Extrait du pacte de famille. Oeuvres*, 1825, t. II, p. 306.

© ГПИБ СОРАН

жилъ неспособность ея правительства, нерѣшительность Собранія и общій разладъ въ государствѣ. Не время было входить въ столкновеніе съ Европой; однако Собраніе безсознательно шло на это и незамѣтно клонило къ конфликту.

IV.

28 октября Мерленъ де Дуэ представилъ докладъ феодальнаго комитета по поводу нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ землями въ Эльзасѣ. Значительное участіе, принятое имъ въ обсужденіи упраздненія феодальнаго режима, поставило его въ первый рядъ среди юристовъ Собранія. Никто не олицетворялъ полнѣе духа того класса людей, которому предстояло оказать преобладающее вліяніе на развитіе революціи. Мерленъ вносилъ этотъ духъ и во внѣшнія дѣла, и съ его появленіемъ реалистическая политика 1795 г. проникаетъ въ идеализмъ 1789 г. Докладъ его начинается торжественнымъ прославленіемъ новыхъ правовыхъ основъ. «Будучи неподкупными глашатаями священныхъ и неотъемлемыхъ правъ націй», представители не признаютъ иныхъ правъ, кромѣ основанныхъ на справедливости. Въ силу этого они отвергаютъ «всѣ эти договоры, конвенціи—плоды заблужденій королей и ухищреній ихъ министровъ». Впрочемъ Мерленъ не останавливается долѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на этихъ ораторскихъ общихъ мѣстахъ. Онъ спѣшитъ перейти къ дѣлу и выказываетъ себя отнынѣ тѣмъ, чѣмъ останется и позднѣе,—самымъ свѣдущимъ, самымъ ловкимъ, самымъ изворотливымъ, но и самымъ твердымъ и послѣдовательнымъ изъ законниковъ; въ особенности же умѣлъ онъ переводить на революціонный языкъ правила монархическаго права, примѣняя съ изумительною ловкостью къ расширенію народной власти всѣ ухищренія, которыя парламенты предлагали къ услугамъ власти королевской. Онъ презрительно положилъ на трибуну тексты прежнихъ договоровъ, чтобы разобрать ихъ съ безпощадностью генеральнаго прокурора, облеченнаго верховною властью народа. Онъ доказалъ, что бывшіе удѣлы Эльзаса, по смыслу самихъ договоровъ, не что иное какъ частныя владѣнія, подчиненныя власти государства, подобно «остальнымъ частямъ, кантонамъ, мѣстечкамъ» Эльзаса. Франція, слѣдовательно, имѣла полное право упразднить ихъ. Остается узнать, имѣютъ-ли владѣльцы право на вознагражденіе. Тѣ изъ нихъ, которые прислали представителей въ Собраніе, не могутъ имѣть такого рода притязанія; что касается нѣмецкихъ князей, ссылающихся на Мюнстерскій договоръ, то Мерленъ ловко проводитъ различіе между старымъ и новымъ правомъ. По старому, они имѣли-бы право на возмѣщеніе убытковъ, такъ какъ Франція, владѣя лишь въ силу трактата, обязана была

сообразоваться съ его статьями: Людовикъ XIV не могъ-бы отказать въ вознагражденіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ французская нація провозгласила свою верховную власть, условія измѣнились. «Эльзасскій народъ возсоединился съ французскимъ [добровольно; слѣдовательно, его воля, а не Мюнстерскій договоръ, узаконила союзъ, а такъ какъ онъ не ставилъ при этомъ никакихъ условій относительно владѣльческихъ имѣній, то никто не можетъ имѣть притязанія на вознагражденіе». имперіи это не касается. Каждое изъ государствъ, входящихъ въ ея составъ, «сохраняетъ отдѣльное существованіе», остается свободнымъ располагать собою и можетъ присоединяться къ кому пожелаетъ. «Различныя части, вошедшія въ составъ Эльзаса, такъ же, мало нуждались въ согласіи имперіи, чтобы сдѣлаться французскими, какъ мало нуждались, напримѣръ, въ согласіи Генуи корсиканцы. Таковъ голосъ «строгой справедливости». Но на практикѣ благоразуміе совѣтуетъ сообразоваться «со справедливостью кроткою и благодѣтельною» и щадить сосѣднія націи. Собраніе приняло эти доводы.

По предложенію Мирабо, оно издало декретъ, подтверждавшій права Франціи [1]), но приглашавшій короля рѣшить, при помощи полюбовной сдѣлки съ заинтересованными лицами, размѣръ слѣдуемаго имъ вознагражденія. Это значило запутаться въ безысходномъ столкновеніи, если имперія, опираясь на такое же право, на которое ссылалась Франція, и не признавая у себя иной верховной власти, кромѣ своей собственной, продолжала-бы настаивать на соблюденіи трактатовъ и не согласилась-бы признать новыхъ основъ права, приводимыхъ Франціей, т. е. воли самаго населенія. Но это было не одно затрудненіе, непосредственно вытекавшее изъ принциповъ, поставленныхъ Мерленомъ, которое вызвалъ докладъ феодальнаго комитета. Изъ него вытекало несравненно болѣе опасное слѣдствіе, потому что оно подвергало сомнѣнію самое существованіе государства и первую основу мира. Франція, утверждалъ Мерленъ, владѣла Эльзасомъ лишь въ силу согласія на то эльзасцевъ, и этотъ народъ могъ свободно присоединиться къ Франціи, потому что составлялъ свободную часть націи. Слѣдовало-ли изъ этого, что каждое населеніе, имѣвшее притязаніе составлять такую свободную часть государства или, освобождаясь, объявило себя таковою, могло-бы въ силу только этого обстоятельства отдѣляться отъ государства, къ которому принадлежало, и присоединяться къ другому, при чемъ глава этого государства не могъ-бы ни противиться, ни протестовать? Не примѣнитъ-ли Франція этого принципа къ территоріямъ съ нею граничащимъ? Допуститъ-ли она, чтобы населеніе ея собственныхъ провинцій ссылалось-бы на тотъ же принципъ, чтобы порвать

[1]) «Considérant qu'il ne peut y avoir dans l'étendue de l'empire français d'autre souveraineté que celle de la nation....» *Décret du 28 octobre* 1790.

ОТДЕЛ РСФСР

съ Франціей и присоединиться къ другимъ государствамъ? Эти послѣдствія порождали одно другое и связывались цѣпью безпощадной логики. Собраніе чувствовало это. Оно уклонялось насколько могло отъ этой задачи, наиболѣе грозной и щекотливой изъ всѣхъ, которыя революція должна была выдвинуть между Франціей и Европой. Мерленъ указалъ данныя, по поводу Эльзаса; авиньонскія дѣла заставили Собраніе обсуждать этотъ вопросъ публично.

V.

Авиньонъ и графство Венессенъ составляли черезполосное владѣніе. Королевскіе законники періодически требовали ихъ возсоединенія съ Франціей [1]), не только по традиціонному честолюбію и страсти къ единству, но и изъ любви къ порядку и ради интересовъ государственныхъ. Они стремились возвратить земли, по ихъ мнѣнію, несправедливо отторгнутыя, упразднить очагъ контрабанды и потушить очагъ анархіи. Авиньонъ существовалъ во Франціи какъ своего рода обломокъ среднихъ вѣковъ. Папское правительство, весьма слабое и въ Римѣ, совершенно утрачивало вліяніе на разстояніи. Общины графства управлялись, приблизительно, по собственному усмотрѣнію, при чемъ каждая тянула въ свою сторону. Въ центрѣ власть относилась благодушно къ честнымъ людямъ и снисходительно къ остальнымъ. Этотъ городъ представлялъ среди Франціи истинный дворъ чудесъ, открытый для всѣхъ судившихся преступниковъ королевства и недоступный для королевской полиціи. Вѣковая вражда разъединяла Авиньонъ и Карпантра, центръ Венессенскаго графства. Волненія, распространенныя революціей, раздули пламень этой вражды и вызвали въ этихъ маленькихъ странахъ жестокій кризисъ. Движеніе началось съ Авиньона.

Мѣстная буржуазія сочувствовала Франціи и новымъ воззрѣніямъ; она естественнымъ образомъ пожелала присоединенія къ королевству, въ надеждѣ воспользоваться пріобрѣтеніями революціи. Сельское населеніе потребовало отмѣны десятинной повинности и феодальныхъ поборовъ; оно выразило свое желаніе упразднить ихъ тѣмъ, что перестало ихъ уплачивать. Авиньонская чернь, контрабандисты, грабители всякаго рода и происхожденія, которыми кишѣла мѣстность, образовали шайки и навели ужасъ на цѣлый край, поджигая замки, грабя монастыри и дѣйствуя за одно съ разбойниками Прованса и Лангедока. Сторонники Франціи просили вмѣшательства короля для возстановленія порядка и введенія ре-

[1]) Объ Авиньонѣ см. Louis Blanc, *Histoire de la Révolution*, t. V, p. 300.—Michelet, t. III, p. 279.—Taine, t. II, p. 168.—Sybel, t. I., p. 348. Masson, *Bernis*. Paris 1884, p. 89, 237.

формъ, которыми уже пользовалась Франція. Но и старый режимъ имѣлъ своихъ сторонниковъ, несравненно болѣе устрашенныхъ анархіей, чѣмъ прельщенныхъ революціей. Такъ какъ Авиньонъ держалъ сторону Франціи и былъ проникнутъ революціонными стремленіями, Карпантра остался приверженцемъ папы и аристократіи. Противники присоединенія нашли въ немъ убѣжище и организовали сопротивленіе. Провансъ принялъ живое и страстное участіе въ этомъ раздорѣ. Вся Франція была имъ взволнована. И это по той причинѣ, что онъ выдвигалъ вопросъ о національномъ единствѣ, который революція подновила и разогрѣла, такъ сказать, въ умахъ. Этотъ вопросъ вызвалъ старинную враждебность къ духовной власти, издавна поддерживаемую во Франціи законниками и парламентаристами.

Уже съ 12 ноября 1789 г. провансальскій депутатъ Бушъ, адвокатъ экскаго парламента, внесъ предложеніе, клонившееся къ тому чтобы потребовать «ради націи» независимости Авиньона и Венессена. Собраніе въ ту минуту было еще недостаточно смѣло и дипломатическія осложненія внушали ему опасенія: оно перешло къ очереднымъ дѣламъ. Авиньонскіе революціонеры рѣшили побудить его къ рѣшительному дѣйствію при помощи совершившагося факта. Они прогнали папскаго легата, овладѣли городскимъ управленіемъ и образовали муниципалитетъ, который и обсуждалъ вопросъ о присоединеніи къ Франціи 11-го іюля 1790 г. Камюсъ, человѣкъ весьма свѣдущій въ церковныхъ дѣлахъ и ревностный противникъ духовной власти, сообщилъ Собранію о желаніи населенія, а Собраніе передало его въ свою очередь королю. Нѣсколько дней спустя оно получило и также передало королю петицію жителей Венессенскаго графства: они выбрали представительное собраніе и рѣшили принять новые французскіе законы, «не намѣреваясь, однако», какъ они выражались, «нанести ущербъ законной власти своего монарха и благодѣтеля». Довѣрчиво относясь къ заявленію Франціи, которымъ она отреклась отъ завоеваній, они просили французское правительство оказать имъ покровительство и обезпечить за ними, путемъ договора, свободную конституцію, ими выработанную. Они принимали такую предосторожность не столько противъ папскаго престола, сколько противъ сосѣдей своихъ, авиньонскихъ революціонеровъ. Анархія свирѣпствовала въ Авиньонѣ. Національные гвардейцы французской городской общины Оранжъ попытались защитить мирныхъ жителей. Имъ удалось спасти аристократовъ отъ неминуемой рѣзни лишь заключивъ ихъ въ тюрьму; но силы ихъ были недостаточны, Оранжскій муниципалитетъ потребовалъ содѣйствія регулярныхъ войскъ. Собраніе получило извѣстіе о томъ 16-го іюля. Ему предстояло заняться дѣлами Авиньона и графства въ троякомъ отношеніи. Оно назначило, въ

видахъ изученія этихъ дѣлъ, особый комитетъ. Въ то же время оно просило короля послать войска, которыя должны бы были остановиться въ Авиньонѣ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Назначенный 22-го іюля комитетъ поручилъ Тронше представить общій докладъ. Онъ прочиталъ его 27-го августа. Тронше избѣгалъ вмѣшательства въ распрю, но ясно показалъ, что Авиньонъ можетъ быть присоединенъ къ Франціи лишь по добровольному согласію населенія и вслѣдствіе договора, заключеннаго съ папой; въ противномъ случаѣ фактъ могъ быть сочтенъ завоеваніемъ и нарушилъ бы конституцію. Собраніе отложило свое рѣшеніе, по существу дѣла. Правительство, къ которому обратился папа съ просьбой обезпечить и права святого престола и безопасность населенія, не рѣшалось ни на какую мѣру, помимо одобренія Собранія. Но еще болѣе опасается оно совѣщанія съ этимъ Собраніемъ. Оно медлитъ, но отступаетъ, а Собраніе, послѣ нѣкотораго колебанія, мало-по-малу овладѣваетъ почвой. Потребовали мнѣнія дипломатическаго комитета. Онъ не пришелъ къ соглашенію съ авиньонскимъ комитетомъ для составленія общаго доклада, и 16-го ноября начались пренія по поводу петиціи авиньонцевъ [2]).

Въ этомъ, какъ и въ дѣлѣ владѣтельныхъ князей, заключается два вопроса, требующіе рѣшенія: одинъ изъ этихъ вопросовъ касается «естественнаго и неотъемлемаго права народовъ»; другой—положительнаго права, договоровъ и текстовъ ихъ. Первый не подлежитъ спору: достаточно лишь поставить его. Право авиньонцевъ располагать своею судьбою вытекаетъ изъ основного принципа новыхъ французскихъ законовъ. Въ силу этого принципа Франція имѣетъ полное основаніе отвѣчать на выраженное ими желаніе [3]). Но Европа еще не признаетъ такого принципа: она управляется не на основаніи естественнаго права и знаетъ лишь право юридическое и договоры. Слѣдовательно, для узаконенія своихъ требованій Франціи придется опираться по отношенію къ державамъ на гражданское право и трактаты. Уступая Авиньонъ, скажетъ она, корона отдавала то, чего уступать не имѣла права. Папскій престолъ узурпировалъ то, чего не могъ пріобрѣсть законнымъ путемъ. Его права незаконны въ самомъ корнѣ и недѣйствительны. Парламенты, какъ вѣрные хранители народныхъ правъ, никогда не упускали случая высказывать свои оговорки,

[2]) Эти пренія заняли засѣданія 16, 18 и 20 ноября 1790 г. Онѣ продолжались 30 апрѣля 1791 г. Обсуждались тѣ же вопросы, тѣ же ораторы приняли участіе въ преніяхъ, и приведены были тѣ же доводы. Далѣе указаны въ выноскахъ рѣчи 1791, служащія дополненіемъ рѣчей 1790 г.

[3]) *Discours de Pétion*, 16 novembre 1790. *Moniteur*, t. VI, p. 398.—См. *Rapports de Menou* 30 avril 1791 et 17 mai 1791. *Moniteur*, t. VI, p. 264, 483. *Discours de Robespierre*, 18 novembre 1790, *Moniteur* t. VI, p. 419.

когда ихъ принуждали къ регистрированію патентовъ, которыми неоднократно возвращали Авиньонъ папскому престолу. Принципіально нельзя ничего предписывать государству; фактически это предписаніе было прервано формально [4]). Такъ какъ право неоспоримо, то интересы націи повелѣваютъ примѣнять его. Этотъ край находится «въ центрѣ нашихъ южныхъ провинцій», сказалъ Петіонъ, «онъ перерѣзываетъ пути сообщенія: онъ стѣсняетъ Лангедокъ, Провансъ, Дофине, княжество Оранжское въ ихъ сношеніяхъ». Онъ служитъ логовищемъ контрабандистовъ; онъ можетъ сдѣлаться очагомъ контръ-революціи. Возсоединеніе, говоритъ Робеспьеръ составляетъ «твердо выраженное желаніе всѣхъ городскихъ общинъ и всѣхъ національныхъ гвардій департамента Устьевъ Роны» [5]).

Противники присоединенія противопоставляютъ этимъ разсужденіямъ юридическія, практическія и политическія возраженія. Когда ссылаются на европейское народное право, они отвѣчаютъ, что права королевства неопредѣленны [6]); когда обращаются къ естественному праву и конституціи Франціи, они объявляютъ, что желаніе авиньонцевъ сомнительны [7]). Впрочемъ, еслибъ право и было несомнѣнно и желаніе очевидно, Собраніе не могло бы ни опираться на это право, ни отвѣчать тому желанію, не нарушая собственныхъ законовъ. «Законодатели, провозгласившіе права гражданина и не менѣе торжественнымъ заявленіемъ отказавшіеся отъ всякаго рода завоеваній,—сказалъ Малуэ,—не могутъ отобрать земли у иностраннаго государя только потому, что онъ слабъ, и завладѣть ими потому, что эти земли пришлись имъ по вкусу». Говорятъ, что того требуютъ наши выгоды: но развѣ намѣрены завладѣть всѣми странами, ко-

[4]) Въ 1673 и въ 1689.—*Discours de Pétion et de Robespierre* en 1790. *Moniteur*, t. VI p. 399, 419.—См. *Rapports de Menou*, 39 avril et 17 mai 1791. *Discours de Pétion*, 3 mai 1791; de *Goupil de Préfeln*, 2 mai 1791; *de Robespierre*, 2 mai 1791: *de Barnave*, 3 mai 1791. Барнавъ сказалъ: «Если Франція объявитъ: этотъ край принадлежитъ мнѣ, я возвращаю его себѣ,—державы не могутъ усматривать въ томъ ничего угрожающаго для ихъ собственныхъ правъ и правъ ихъ народовъ, потому что Франція будетъ дѣйствовать во имя этихъ послѣднихъ правъ». *Moniteur*, t. VIII, p. 297.

[5]) Pétion 16 novembre 1790; Robespierre 18 novembre; Bouche 17 juillet et 27 août.

[6]) «Наши короли неоднократно присоединяли Авиньонъ, но возвращенія его каждый разъ лишь подтверждали власть папы». Malouet, 16 novembre.

[7]) «Этотъ городъ можетъ принадлежать Франціи, сказалъ Малуэ, если могутъ считаться правами народовъ: проскрипція половины жителей, убійства, пожары, рѣзня, все, что клонитъ къ распаденію государствъ». Аббатъ Шарье подтверждаетъ, что на 45000 населенія никакъ не болѣе 1400 человѣкъ желаютъ и требуютъ присоединенія къ Франціи.

ОТПЕЧАТАНО

торыя было бы выгодно присоединить къ государству? Говорятъ, что Авиньонъ можетъ сдѣлаться контръ-революціоннымъ центромъ; но Люксамбургъ уже и теперь является такимъ центромъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны взять Люксамбургъ? Достаточно ли возстанія города или провинціи для легитимаціи ихъ присоединенія къ чужеземному государству? Это было бы отправданіемъ всякой инсурреккціи и опаснѣйшимъ прецедентомъ. Какого-нибудь безпокойнаго принца, расположившаго къ себѣ народъ притворнымъ благодушіемъ, достаточно было бы для разложенія имперіи! «Если бы сегодня же императоръ сказалъ вамъ: я уступилъ вамъ Лотарингію: народы имѣютъ несомнѣнное право выбирать властителя; лотарингцы желаютъ перейти подъ мою власть. Какъ поступили бы въ этомъ случаѣ?» «Часть Наварры, присоединенная къ Франціи, можетъ слѣдовательно отпасть отъ нея, какъ только того пожелаетъ», прибавилъ аббатъ Шаррье.

Таковъ наиболѣе сильный доводъ. Но онъ не оказывается достаточнымъ, чтобы смутить законниковъ конституціоннаго Собранія. Предшественники ихъ ссылались на raison d'Etat, когда шла рѣчь о какихъ бы то ни было столкновеніяхъ права и юрисдикціи: они ссылались на эту государственную пользу какъ на верховнаго судью королей, націй и законовъ, потому что ея нельзя ни оспаривать, ни доказывать, потому что она зависитъ лишь отъ себя самой и знаетъ лишь себя одну. Юрисконсульты революціи находятъ въ софистикѣ того вѣка не менѣе покорнаго ихъ страстямъ и не менѣе рѣшительнаго въ своихъ приговорахъ третейскаго судью: это чистый разумъ, который непогрѣшимъ, универсаленъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія уже тѣмъ однимъ, что упраздняетъ ихъ. Франція, объявляютъ они, отказалась отъ завоеваній, подготовленныхъ ухищреніями, совершенныхъ посредствомъ насилія, сообразно съ злоупотребленіемъ стараго права; она не запретила себѣ принимать народы, стремящіеся къ ней непосредственно и въ силу новаго права. «Развѣ свободное возсоединеніе одного народа съ другимъ имѣетъ что-либо общее съ завоеваніемъ?», спрашиваетъ Робеспьеръ. Завоеваніе не означаетъ ли угнетенія народа, на котораго налагаетъ цѣпи завоеватель? Слѣдовательно, присоединеніе справедливо; оно не можетъ обусловить репрессалій. То же «естественное» право народовъ, которое позволяетъ Франціи соглашаться на желаніе авиньонцевъ, воспрещаетъ иностранцамъ отторгнуть отъ нея что-либо, пользуясь противъ нея ея же привилами. Авиньонъ можетъ располагать собою и присоединяться, потому что фактически онъ составляетъ отдѣльную страну; эта страна была присоединена къ папской области лишь въ силу личнаго права; населеніе, хотя и имѣло одного властителя съ итальянцами, не составляло однако по этой причинѣ одного

съ ними народа. Подобно этому англичане и ганноверцы представляютъ два отдѣльныхъ народа, подъ властью однаго короля. Это простое различіе дозволяетъ Франціи принимать подданство всѣхъ иностранныхъ народовъ, его желающихъ, и удерживать французскія провинціи, еслибъ онѣ захотѣли отъ нея отдѣлиться. При старомъ порядкѣ различныя провинціи ея могли отдѣляться отъ королевства, какъ то могутъ въ настоящее время провинціи государствъ, продолжающихъ существовать при старомъ режимѣ: но со времени революціи французы добровольно слились въ силу національнаго договора, который отнынѣ дѣлаетъ ихъ союзъ нерушимымъ; это—неизбѣжное слѣдствіе принципа, заложеннаго въ основу ихъ союза [8]).

Пренія затягивались до крайности и выходили изъ скромныхъ предѣловъ авиньонскаго вопроса, которые такъ опасно было переступать. Мирабо заставилъ вернуться къ предмету. «Вашъ дипломатическій комитетъ», сказалъ онъ, «полагалъ, что въ этомъ дѣлѣ рѣчь идетъ ни о правахъ, даруемыхъ хартіями, ни о философскихъ диссертаціяхъ. Исполняя порученное ему соблюденіе вашихъ внѣшнихъ интересовъ, онъ нашелъ также, что въ этомъ вопросѣ вы должны заботиться исключительно объ интересѣ минуты, о вашемъ настоящемъ великомъ преимуществѣ. Но комитетъ не нашелъ, чтобы вашъ интересъ въ настоящую минуту требовалъ вступленія во владѣніе Авиньономъ. Вы имѣете безспорное право и на васъ лежитъ обязанность оказывать покровительство существующимъ въ этомъ городѣ французскимъ учрежденіямъ; вы имѣете право и обязаны охранять въ немъ общественное спокойствіе. Я полагаю, что вы должны просить короля послать войска въ Авиньонъ и отложить рѣшенія остальной части вопроса на неопредѣленное время». Именно это и рѣшило Собраніе 20-го ноября.

VI.

«Я обуздалъ это ненасытное собраніе», писалъ Мирабо [1]). Выраженіе было рѣзко, но знаменательно. Въ примѣненіи къ Собранію оно преувеличено; оно справедливо только по отношенію къ революціонной Франціи. Ее влекли къ пропагандѣ и завоеваніямъ и народная страстность и новые принципы. Принципы были универсальны, страстность—чисто французская. И то и другое деспотически царило надъ умами и наперерывъ увлекало ихъ. Но если умы увлекались въ одномъ и томъ же направленіи, интенсивность увлеченія не была одинакова. Есть ряды и степени, которые необходимо отличать.

Конституціонисты, и я разумѣю подъ этимъ именемъ всѣхъ, кого, подобно большинству Собранія, воодушевлялъ духъ собственно 1789 г.,

[8]) Pétion, 18 novembre; Robespierre, 18 novembre 1790.

[1]) *Ла-Марку*, 21 novembre 1790. *Correspondance*, t. II, p. 346.

естественнымъ образомъ желали распространить на всѣ народы демократическій режимъ, который они основывали во Франціи. Они были убѣждены, что демократія окончательно утвердится во Франція только тогда, когда феодальный режимъ исчезнетъ и на всемъ европейскомъ континентѣ. Необходимо было освободить отъ этого режима и Европу. Французская революція становилась солидарною со всѣми народными революціонными движеніями. «Нѣтъ ни одного француза,—восклицалъ Лафайетъ 17 марта 1790 г.. намекая на вонкистовъ, нѣтъ ни одного друга свободы, который не былъ бы обязанъ пожелать успѣха бельгійскому народу и воздать ему хвалу. Всякая корпорація, всякій деспотъ, противясь революціи, лишь ускоритъ ея наступленіе. Не будемъ сомнѣваться: свобода возстановитъ свои права среди людей [2])».

Расширеніе французскаго вліянія и могущества есть въ то же время условіе и слѣдствіе этого хотя бы и мирнаго распространенія принциповъ революціи. Конституціонисты, не задумываясь, работаютъ надъ этимъ. По ихъ мысли то, что дается добровольно, пріобрѣтается справедливо; что пріобрѣтено Франціей, пріобрѣтено свободой; величіе Франціи связано со счастьемъ человѣчества. Такимъ-то образомъ непредвидѣнными путями и по неожиданнымъ мотивамъ старая политика королей, политика приращенія территоріи и гегемоніи, проникаетъ въ среду революціи, и новая Франція приготовляется оказывать вліяніе на народы подобно тому, какъ старая нерѣдко оказывала давленіе на государства. Люди 1789 г. имѣютъ притязаніе разрушить традицію; они не замѣчаютъ, что возстановляютъ и продолжаютъ ее. Франція повторяется, такъ сказать, въ революціи, безъ вѣдома своихъ законодателей. Противорѣчія, проявляющіяся между декларацiями и дѣйствіями конституціонистовъ, усилія, которыя они дѣлаютъ въ видахъ примиренія интересовъ и принциповъ, подробность ихъ преній, робость декретовъ, безпощадность въ дѣлѣ правъ, покорность по отношенію къ сдѣлкамъ доказываютъ, до какой степени они искренни въ этой идейной революціи. Вполнѣ честно, относительно Европы и себя самихъ, они покрываютъ прекраснѣйшими предлогами мѣры, внушаемыя имъ

[2]) Et vous, usurpateurs du monde,
Rois colosses d'orgueil, en délices noyés,
Ouvrez les yeux, hâtez vous. Vous voyez
Qu'un tourbillon divin de vengeances prochaines
S'avance vers vous. Croyez moi,
Prévenez l'ouragan et vos chutes certaines.
Aux nations déguisez mieux vos chaînes,
Allégez leur le poids d'un roi
André Chénier, *Ode sur le serment du Jeu de paume*, mars 1791.

естественнымъ чувствомъ французскихъ интересовъ и скрытымъ инстинктомъ французскихъ традицій. Миръ представляется имъ необходимымъ для совершенія революціи: они расцвѣчиваютъ и украшаютъ его. Изъ необходимости нейтралитета и воздержанія они выводятъ благородный принципъ отреченія отъ завоеваній. Но вотъ, вслѣдствіе самой революціи, представляется случай дополнить единство территоріи подобно тому, какъ дополнили единство національное: вѣковое честолюбіе въ свою очередь окрашивается въ другіе цвѣта и отнынѣ расширенія территоріи будутъ узаконяться великодушнымъ мотивомъ освобожденія народовъ.

Расширеніе остается расширеніемъ. Всѣ доводы справедливости, приводимые Франціей, всѣ благодѣянія, могущія произойти изъ него для народовъ, не перевѣшиваютъ факта распространенія французскаго могущества. Европа, когда она пристальнѣе взглянетъ на дѣло, увидитъ именно это, а не что иное, и новыя цѣли Франціи сдѣлаютъ ея намѣренія тѣмъ болѣе грозными для окружающихъ ее государствъ. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ первыхъ попытокъ 1790 г., слѣдуетъ перемѣнить точку зрѣнія, перейти границу и проникнуть въ европейскіе кабинеты, гдѣ разсуждаютъ не такъ, какъ во Франціи, и гдѣ право покоится на иныхъ основаніяхъ. То, что происходитъ въ Парижѣ, покажется въ тотъ день, когда отдадутъ себѣ отчетъ въ событіяхъ, и весьма страннымъ и весьма опаснымъ. Франція, дѣйствительно, не разрываетъ трактатовъ; она, такъ сказать, измѣняетъ налагаемыя ими обязательства, превращаетъ ихъ причину и видоизмѣняетъ предметъ. Трактаты, подписанные королями, не связываютъ ее болѣе, такъ какъ она владѣетъ и пріобрѣтаетъ отнынѣ въ силу права, невѣдомаго королямъ; но эти трактаты продолжаютъ связывать иностранныя государства, потому что они живутъ еще тѣми самыми правилами, которыя существовали во время заключенія трактатовъ. Они обязаны соблюдать вестфальскій договоръ, но не имѣютъ основанія требовать такого же соблюденія отъ Франціи, такъ какъ она не признаетъ болѣе его основного принципа. Они ничего не могутъ возразить противъ присоединенія Авиньона: оно мотивируется подлиннымъ правомъ, признаваемымъ ими самими. Они же, на основаніи того же права, не могутъ потребовать ни пяди французской земли: Франція уничтожила всѣ хартіи, отмѣнила всѣ конвенціи, и права, которыя предъявили-бы ей на нихъ основаніи, ничтожны и недѣйствительны. Старыя владѣнія королевства неприкосновенны; новыя владѣнія націи—нераздѣльны; и то и другое остается неотъемлемымъ. Франція можетъ предъявлять свои права повсюду и не принимать никакихъ требованій.

Это—логика пользы государства, raison d'Etat; она была весьма свойственна правительствамъ стараго порядка. Такой способъ разсужденія,

© ЦНТБ СОРАН

самъ по себѣ взятый, не могъ ихъ удивить или оскорбить; новизна заключалась для нихъ не въ методѣ этой политики, а въ примѣненіи къ революціоннымъ принципамъ, котораго можно было ожидать отъ Франціи. Не отказалась-ли она отъ военныхъ завоеваній лишь для того, чтобы удобнѣе и безопаснѣе расширить свои предѣлы мирнымъ путемъ? Развѣ не принесла она эту торжественную клятву отреченія отъ завоеваній лишь для того, чтобы немедленно вслѣдъ за нею обойти ее казуистическою уловкой, и вся эта похвальба безкорыстіемъ развѣ не двусмысленная маска честолюбивыхъ намѣреній, отъ которыхъ она, повидимому, отказывалась? Франція строго порицала притязанія королей, но она заявила другія, въ тысячу разъ болѣе опасныя для ея сосѣдей, чѣмъ всѣ притязанія Людовика XIV. На чемъ остановятся ея посягательства? Не присвоитъ-ли она себѣ всѣ территоріи, права на которыя предъявлялъ король? Духъ французской революціи еще ускользалъ отъ пониманія европейскихъ государственныхъ людей; но они не могли оставаться на долго ослѣпленными. То была, однако, еще не самая крупная опасность, которою грозила имъ революція.

Они обращали вниманіе на одну внѣшнюю сторону событій и видѣли одни признаки. Они еще не различали и замѣтили лишь позднѣе истинную причину и настоящій двигатель всѣхъ волновавшихъ Францію движеній, которыя уже начинали потрясать почву за ея предѣлами. Они видѣли, что французскіе эмиссары призывали сосѣднее населеніе послѣдовать примѣру Франціи и подготовляли, такимъ образомъ, при помощи демократическихъ мятежей, добровольныя присоединенія, на которыя она предоставляла себѣ право соглашаться. Но они не измѣряли невѣроятной мощи оружія, которымъ располагали революціонеры. Они оцѣнивали по правиламъ старой политики революцію, имѣвшую сокрушить самыя эти правила, и судили о ней, какъ могли-бы разсуждать объ огнестрѣльномъ оружіи какіе-нибудь средневѣковые тактики, не испытавшіе собственнымъ опытомъ его дѣйствія. Они занимались еще прецедентомъ палатъ, завѣдывавшихъ присоединеніями (chambres de réunion), которыя были простыми орудіями процедуры: власть ихъ была еще весьма ограничена. Національное же собраніе усиливало свое вліяніе очагомъ пропаганды, и это вліяніе распространялось повсюду, гдѣ существовало волненіе, недовольство и угнетеніе.

Французская революція была страшна въ особенности потому, что она была «понятна всѣмъ и каждому и могла найти подражаніе въ ста мѣстахъ одновременно» [3]). Чтобы понять ее, достаточно было ощущать тяготы феодальнаго режима; чтобы присоединиться къ ней, довольно было

[3]) Tocqueville, *L'Ancien Régime*, liv. I, ch. III.

простого чутья справедливости и желанія освобожденія; для торжества ея стоитъ только желать собственнаго блага, собственной выгоды или же поддаться стремленію къ перемѣнамъ, возмущенію и мятежу, всегда живущему въ средѣ народовъ, не считающихъ себя ни счастливыми, ни хорошо управляемыми, ни сильно сдерживаемыми. Эта самопроизвольная пропаганда французской революціи проявляется въ то время, когда лишь обрисовываются первые замыслы революціонной политики; и та и другіе будутъ идти рядомъ, поддерживая и возбуждая другъ друга.

Рядомъ съ людьми 1789 г., либералами и конституціонистами, возникла масса демагоговъ и анархистовъ; вокругъ умѣренныхъ и робкихъ, мечтающихъ о мирной и чисто нравственной пропагандѣ свободы въ средѣ европейскихъ народовъ и ограничивающихъ свою освободительную миссію историческими предѣлами королевства, поднимаются безпорядочныя волны космополитическихъ ревнителей, намѣревающихся возродить міръ посредствомъ бурнаго переворота. Въ пламенномъ воображеніи этихъ людей вѣра въ права человѣка возбуждаетъ фанатическія призванія и бурную энергію прозелитизма. Революція перестаетъ быть въ ихъ глазахъ исключительно политическою и соціальною реформою, государственнымъ идеаломъ, предлагаемымъ Франціей, и къ достиженію котораго она приглашаетъ сосѣдніе народы, великодушно открывая имъ двери; революція становится міровою религіей, а миссія Франціи—предписать эту религію человѣчеству! Она не довольствуется улучшеніемъ законовъ и положенія гражданъ; она обозначаетъ собою начало новой эры. Она подготовляетъ человѣчеству нѣчто въ родѣ земного рая. Чтобы быть допущеннымъ въ него, человѣку остается лишь объявить себя вѣрующимъ и добродѣтельнымъ; добродѣтель эта легка и заключается для каждаго въ слѣдованіи своимъ наклонностямъ и страстямъ. Такимъ путемъ все облагораживается и экзальтируется, даже зависть, ненависть и самая свирѣпость. Царство справедливости должно быть водворено Франціей для всѣхъ народовъ. Собственно отдѣльныхъ народовъ и не будетъ вовсе: будутъ только люди, исповѣдующіе единый догматъ, провозвѣстникомъ котораго являются французы.

Франція становится, по праву, родиной всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ энтузіастовъ и всѣхъ мятежниковъ [4]). Враги ея полагаютъ, что она стерта съ лица Европы. Человѣкъ, наиболѣе полно олицетворявшій космополитическій духъ революціи, нѣмецъ Анахарисъ Клоотцъ отвѣчаетъ имъ: «Когда я смотрю на географическую карту, мнѣ кажется, что всѣ

[4]) См. Louis Blanc, liv. IV, ch. V: *Vision sublime de l'avenir*, t. IV, p. 326.—Michelet, Quinet, passim.—Georges Avenel, Anacharsis Cloots. Paris, 1865.

ОТПЕЧАТОК

прочія страны исчезли и я вижу одну Францію». 19-го іюня онъ явился въ Собраніе, сопровождаемый цѣлымъ шествіемъ иноземцевъ; въ этомъ кортежѣ замѣчаются англичане, испанцы, нѣмцы, голландцы, итальянцы и даже персіяне и турки. Устраиваютъ великій праздникъ федераціи. Этотъ праздникъ, воскликнулъ Клоотцъ, справляемый на Марсовомъ полѣ, гдѣ «Карлъ Великій явился въ ореолѣ всей своей доблести, будетъ «праздникомъ всего человѣчества». Чужеземцы найдутъ въ немъ «залогъ близкаго освобожденія своихъ согражданъ». «Римскіе тріумфаторы влекли за своими побѣдоносными колесницами плѣнниковъ побѣжденныхъ народовъ; наши благожеланія и чествованія будутъ узами, которыя привяжутъ насъ къ вашимъ побѣднымъ колесницамъ!» Парижъ опьяняется этими восторгами, и среди этой экзальтаціи пустое тщеславіе примѣшивается къ истинному великодушію. Парижане сочли себя королями Франціи, потому что имъ сказали, что народъ есть верховный владыка; они считаютъ себя королями міра, потому что имъ говорятъ, что міръ желаетъ принять ихъ законы. «Мы разрушили стѣны, раздѣлявшія франковъ между собою, и провинціи уже не существуютъ; будемъ надѣяться, что недалеко время, когда исчезнетъ и дѣленіе на государства; будетъ лишь одинъ народъ, и этимъ народомъ станетъ все человѣчество» [5]).

Среди этого пробужденія народовъ Камиль Демуленъ бодро и весело трубитъ утреннюю зорю. Эти трубные звуки какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ настроенію горячихъ головъ, всегда готовыхъ превратиться въ фанатическое скопище. «Революція Франціи и Брабанта»—популяризація религіи человѣчества, о которой мечтали ученики Дидро, предложенная читателямъ Рестифа. Это соединеніе фанатизма и вольности языка, бойкій задоръ, горячность души и цинизмъ, апостольская проповѣдь и легкомысленныя выходки. По мнѣнію Демулена, всѣ революціи хороши; онъ признаетъ ихъ уже при видѣ одного ярлыка. Онъ великій мастеръ передавать излагаемыя темнымъ, метафизическимъ языкомъ правила философовъ Собранія короткими и ясными, точными и, такъ сказать, осязательными предложеніями. «Народъ всегда имѣетъ право измѣнить свою конституцію, когда она не хороша, и даже если она хороша, и не обязанъ давать иного объясненія, кромѣ: такова наша воля».

Люди боязливые и контръ-революціонеры возражаютъ, указывая на общеевропейскіе порядки: «съ этими порядками надо поступать, какъ поступалъ Лютеръ съ каноническимъ правомъ, — выбросить бумажье въ печку». Говорятъ о коалиціи королей.... народы поймутъ, что есть также и общее дѣло народовъ. Франція соединится съ народами, уже просвѣт-

[5]) Camill. le Desmoulin, *Révolutions de France et de Brabant*. T. III, p. 318.— См. *Lettre d'Anacharsis Clootz*, 15 juillet 1790. *Moniteur*. T. V, p. 136.

ленными ея свѣтомъ, откроетъ глаза тѣмъ, которые еще слѣпы, и разгонитъ арміи притѣснителей, солдаты которыхъ дезертируютъ, чтобы стать на сторону Франціи. «Какое намъ дѣло, что тираны Европы заключаютъ союзъ, чтобы объявить намъ войну? Скажу болѣе, быть можетъ, это обстоятельство необходимо для того, чтобы быстрѣе созрѣли и совершились другія подготовляющіяся національные перевороты» [6]).

Надъ этимъ подготовленіемъ работаютъ, и весьма дѣятельно. Провозглашеніе правъ распространяется за предѣлы Франціи. Оно проникаетъ въ Испанію: съ 1789 г. авторитетъ инквизиціи усилился въ этой странѣ, она осуждаетъ и изгоняетъ этотъ революціонный кодексъ. Правительство приходитъ въ ужасъ. Начиная съ марта 1790 г., идетъ рѣчь объ установленіи санитарнаго кордона вокругъ Франціи. Такія же тревоги возбуждаются въ Римѣ, и въ особенности въ Сардиніи, куда свободнѣе проникаютъ и эмиссары и печатныя произведенія [7]). Этими послѣдними кишитъ Германія. Страсбургъ — главное складочное мѣсто подпольной печати. Сторонники революціи пріѣзжаютъ туда подогрѣвать свое усердіе и испрашивать инструкціи. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи образуются второстепенные революціонные центры: они прячутся въ государствахъ праваго берега Рейна и выступаютъ болѣе смѣло на лѣвомъ берегу, а именно въ курфиршествахъ. Слабыя правительства этого края проходятъ въ ужасъ. Впрочемъ парижскія газеты относятся свысока къ сейму Священной Имперіи и отвѣчаютъ въ революціонномъ стилѣ на воинственное ябедничество нѣмецкихъ юрисконсультовъ [8]).

Но, угрожая врагамъ, французы въ то же время испытываютъ и опасенія. Среди переживаемаго ими кризиса ихъ поперемѣнно волнуютъ самыя разнородныя страсти и доводятъ ихъ до крайностей. Умы быстро переходятъ отъ энтузіазма къ паническому страху и отъ упоенія къ го-

[6]) *Révolutions* t. I, p. 118, 212, t. II, p. 169; t. III, p. 101.

[7]) — Baumgarten, p. 269, 311.—Biancni, t. I, p. 523 — 544. — *Rapport de Bernis*, 16 juin 1790.

[8]) Въ одномъ письмѣ изъ Эльзаса, напечатанномъ въ *Moniteur*'ѣ 30 декабря 1789 читаемъ: «Чего желаетъ имперія? Чего желаютъ нѣмецкіе князья и эльзасскіе аристократы? Идетъ-ли дѣло о серьезныхъ причинахъ или о силѣ? Если о серьезныхъ причинахъ, то изъ какихъ принциповъ естественнаго или иного права, изъ какихъ трактатовъ? Ризвикскаго или Вестфальскаго черпаютъ они силы противиться возрожденію Эльзаса?... А если дѣло идетъ о грубой силѣ, то пусть знаютъ, что свобода не боится столкновенія съ рабами. Желаетъ-ли имперія, чтобы свобода, которой она опасается, пробѣжала какъ искра по ея разрозненнымъ членамъ? Пусть въ такомъ случаѣ она коснется нашихъ границъ. Когда такое государство, какъ Франція, овладѣваетъ свободой, не слѣдуетъ думать, чтобы это осталось для остального міра простымъ зрѣлищемъ. Отъ этого потрясаются троны...»

ОТДЕЛ РЕДКИХ КНИГ

ловокруженію. Одинъ и тотъ же инстинктъ побуждаетъ ихъ распространять революцію въ Европѣ и бояться, чтобы Европа не задушила революціи во Франціи. Имъ кажется, что если они не ниспровергнутъ всѣхъ троновъ, грозная коалиція образуется въ средѣ монарховъ. Необходимо проникнуться этими сложными и безпорядочными чувствами, иначе революція останется непонятною. Отъ буржуа до ремесленника и крестьянина, всѣ, въ пользу кого совершилась революція, угнетены боязнью похищенія только что завоеванныхъ правъ [9]). Мысль, что старый порядокъ можетъ быть возстановленъ со всѣми своими злоупотребленіями, и въ особенности мысль о томъ, что дворяне могутъ побѣдоносно вернуться въ свои владѣнія и отомстить за свое пораженіе, лишаетъ этихъ людей всякаго хладнокровія и всякой разсудительности. Горячіе люди становятся жестокими, умѣренные чувствуютъ себя способными если не совершать, то по крайней мѣрѣ допускать всякія излишества. Имъ кажется, что контръ-революція постоянно виситъ у нихъ надъ головою. Они приписываютъ контръ-революціонныя намѣренія двору, королевѣ и въ особенности эмигрантамъ, которые дерзко похваляются союзомъ съ чужеземцами.

Безпокойные люди сѣютъ тревогу, возбуждаютъ ее, пользуются ею, чтобы скомпрометировать королевскую власть, дискредитовать правительство и овладѣть довѣріемъ народа [10]). Однако не все и безосновательно въ этихъ опасеніяхъ; не все вымышлено въ этихъ вѣстяхъ о заговорахъ. Это-то и придаетъ злокачественность слухамъ и тревожность подозрѣніямъ. Королева съ несомнѣнною ненавистью относится къ революціи и старается внушить Австріи участіе къ судьбѣ французскаго короля; несомнѣнно также, что эмигранты побуждаютъ иностранцевъ къ насильственному вмѣшательству и возстановленію стараго порядка съ оружіемъ въ рукахъ; что при европейскихъ дворахъ нѣкоторые, болѣе дальновидные и болѣе коварные политики, начинаютъ испытывать тревогу по поводу французскихъ дѣлъ, по поводу опасностей, могущихъ произойти отъ нихъ для монархическихъ государствъ, и въ особенности выгодъ, которыя могли-бы быть изъ нихъ извлечены. По мѣрѣ развитія революціи, усиленія анархіи, возрастанія вліянія мятежныхъ элементовъ, опасность, грозящая королевской семьѣ, растетъ, а рѣшимость избѣгнуть ея укрѣпляется въ умѣ королевы. Положеніе дворянства въ королевствѣ становится нестерпимымъ; число бѣгущихъ за границу увеличивается; разоренія и утраты близкихъ умножаются, и вслѣдствіе этого растетъ у эмигрантовъ и нетерпѣливое желаніе возвращенія на родину, возстановленія прежняго по-

[9]) Taine, *la Révolution*, t. II, p. 39—46, 478.

[10]) См. André Chénier, *Avis aux français*, 28 авг. 1790. — Mirabeau, 47 note. *Correspondance.*

рядка и вознагражденія себя за пораженіе. Революція при такихъ условіяхъ становится пламеннѣе внутри страны, а пропаганда—стремительнѣе извнѣ. Она вызываетъ репрессивныя мѣры, которыя только усиливаютъ съ ея стороны энергію наступательнаго движенія. Попытки двора возвратить себѣ безопасность и вліяніе, интриги эмигрантовъ, подготовляющихъ себѣ возвращеніе, предосторожности нѣкоторыхъ принцевъ, алчность и кичливость другихъ даютъ пищу новымъ подозрѣніямъ, порождающимъ новыя насилія противъ двора и дворянъ, болѣе прямыя угрозы и болѣе дерзкія предпріятія по отношенію къ иностраннымъ государямъ. Всѣ эти страсти подвергаются одновременному броженію и стремятся ускорить разрывъ между народомъ и королевскою властью, между Европою и Франціей.

Между тѣмъ Европа, поглощенная столкновеніемъ интересовъ и ослѣпленная соперничествомъ, быть можетъ еще долгое время не рѣшилась-бы вмѣшаться во французскія дѣла, если бы Лудовикъ XVI не искалъ такого вмѣшательства. Лудовикъ XVI по слабости, а также и по нѣкоторой совѣстливости, не рѣшился-бы обратиться къ содѣйствію Европы, если бы не произошло событія, которое окончательно установило его взглядъ на революцію и сдѣлало ее окончательно для него ненавистной. Его не могли смутить доводы чисто-политическаго свойства. Вопросъ о высшей государственной пользѣ его не касался, и всѣ совѣты Мирабо не въ силахъ были-бы положить конецъ его колебаніямъ. Но обстоятельства дали ему толчекъ и побудили дѣйствовать какъ-бы противъ его собственной воли. Событіе, имѣвшее на него такое вліяніе, подѣйствовало именно потому, что оно было скорѣе религіознаго, чѣмъ политическаго свойства и посягало несравненно болѣе на христіанскія вѣрованія, чѣмъ на авторитетъ короля. Я подразумѣваю свѣтскую организацію духовенства и кризисъ, послѣдовавшій вслѣдъ за тѣмъ во французской церкви.

ОТИПРОСВЕТ

КНИГА II.

Людовикъ XVI и эмиграція.

ГЛАВА I.

Замыслы двора.
1790 г.

I.

Декреты Собранія о новой организаціи духовенства заставили Людовика XVI прибѣгнуть къ вмѣшательству Европы и вызвали во Франціи гражданскую войну. Только такая рѣзкая мѣра, какъ вторженіе въ заповѣдную область церковнаго міра, могла заставить французовъ поднять оружіе другъ противъ друга послѣ восторговъ 1789 г. и довести столь слабаго характеромъ короля до борьбы, несмотря на отвращеніе его къ кровопролитію и на непобѣдимое недовѣріе его и къ своимъ министрамъ, и къ собственнымъ силамъ. Можно сказать, что это было самое пагубное изъ всѣхъ заблужденій Собранія: оно порвало всѣ связи, оно разъединило націю и государство, оно разверзло пропасть, въ которую устремилась революція. Собраніе было приведено къ этой мѣрѣ не столько ложной оцѣнкой политической необходимости, сколько ослѣпленіемъ своихъ страстей. У конституціонистовъ, какъ и вообще у всѣхъ «просвѣщенныхъ» французовъ XVIII вѣка, была страсть къ анти-религіозности. Церковь не только олицетворяла въ ихъ глазахъ одинъ изъ ненавистнѣйшихъ видовъ угнетенія стараго порядка, но составляла привилегированное учрежденіе, и притомъ весьма богатое и роскошное. Освободить государство отъ всякой церковной опеки казалось не достаточнымъ: желали еще и лишить ее имущества въ пользу націи. Были отмѣнены привилегіи духовенства, отобраны его земли. Само оно подчинено было общему гражданскому праву и закону о равенствѣ. Въ это дѣло внесенъ былъ духъ возмездія и ненависти. Однако, если бы ограничились этимъ, она осталось-бы политическою мѣрою, такъ какъ принципъ ея согласовался съ новою французскою конституціей; такъ какъ она мотивировалась требованіями времени и отвѣчала издавна укоренившемуся чувству націи, по всей вѣроятности, она

не повлекла-бы за собою грознаго кризиса. Церковь протестовала-бы, но съ большею или меньшею покорностью судьбѣ подчинилась-бы безвозвратному рѣшенію.

Собраніе впало въ противорѣчіе, которое погубило все. Въ то самое время, какъ оно унижало церковь, оно вознамѣрилось связать ее съ государствомъ, отбиравшимъ у нея имущества. Конституціонисты впали при этомъ въ ту же ошибку, которую сдѣлали по отношенію къ королевской власти. Проникнутые ученіями стараго порядка о конституированіи власти, они столь же далеки были отъ системы Соединенныхъ Штатовъ Америки, какъ и англійской, отъ хартіи 1830 г., какъ и отъ конкордата 1801-го. Они не признавали ни режима полной свободы совѣсти и отдѣленія церкви отъ государства, ни режима радикально-верховной власти народа, то-есть республики. Они желали сохранить короля, но сдѣлать его слугой націи; они желали сохранить церковь, но подчинить ее государству. Не принимая вообще къ свѣдѣнію уроковъ, преподанныхъ имъ англичанами и американцами, они запомнили изъ исторіи этихъ двухъ народовъ лишь преимущества національной религіи въ Америкѣ и королевской церкви—въ Англіи. Прибавьте къ этому у самыхъ фанатичныхъ, такъ же какъ у мистиковъ, женевское понятіе о государственной религіи, которое такъ рѣзко обозначается въ *Contrat Social* и такъ лукаво укрывается въ самыхъ сентиментальныхъ изліяніяхъ «Vicaire Savoyard» [1]).

Они не довольствовались покорною церковью и духовенствомъ, подчинявшимся законамъ: они желали церковь преданную и духовныхъ—гражданъ, вѣрныхъ революціи, подобно тому, какъ духовенство стараго порядка было предано абсолютной монархіи. По отношенію къ составу епископовъ необходимо было скорѣе измѣненіе персонала, чѣмъ преобразованіе догмата и дисциплины. Это преобразованіе, бывшее необходимымъ условіемъ конкордата 1801 г., создало ему и главное затрудненіе. Нельзя отрицать того, что переговоры съ папой представили-бы несравненно болѣе

[1]) *Du contrat social*, l. IV, ch. VIII. *De la religion civile*:—«Я думалъ, что такъ какъ Евангеліе одно для всѣхъ христіанъ, а догматъ различенъ лишь въ томъ, что взялись объяснять то, что казалось непонятнымъ, то въ каждой странѣ только государь имѣетъ право опредѣлять и культъ, и подлежащій толкованію догматъ, и что, слѣдовательно, обязанность каждаго гражданина заключается въ принятіи догмата и въ соблюденіи религіи, предписанной закономъ... Я полагалъ, что все, что касается формы и дисциплины, во всѣхъ странахъ подлежитъ опредѣленію закона». *Les Confessions*, part. II liv. VIII, 1754—1756.—«Въ ожиданіи большаго просвѣщенія, сохранимъ общественный порядокъ; во всѣхъ странахъ будемъ уважать законъ, не будемъ нарушать предписываемой имъ вѣры...» *Profession de foi du vicaire savoyard.*

трудностей, чѣмъ десять лѣтъ спустя; тѣмъ не менѣе, какъ ни мало можно было ожидать въ 1790 г. успѣха для сдѣлки между Римомъ и революціонной Франціей, этотъ способъ былъ единственнымъ возможнымъ примиреніемъ между конституціей государства и конституціей церковной. Собраніе пренебрегло имъ. Оно видѣло въ этомъ унизительную для себя капитуляцію. И чтобы оградить свою верховную власть, оно предпочло злоупотребить ею. Встрѣтивъ на своемъ пути враждебную для себя государственную религію, оно уничтожило ее; но желая во что-бы то ни стало имѣть подчиненную и покорную церковь, оно рѣшилось ее создать по своему усмотрѣнію. Держась твердаго намѣренія не обращаться къ Риму, гдѣ они были увѣрены встрѣтить отказъ, конституціонисты рѣшились въ видахъ преобразованія духовнаго персонала измѣнить способъ его назначенія и устройства. Это значило перевернуть церковную дисциплину и рѣшить почеркомъ пера вопросъ объ инвеститурѣ, вызвавшій вѣковую борьбу и заставившій пролить потоки крови.

Предпріятіе прямо вело къ расколу; члены Собранія не отступили передъ этою крайностью. Здѣсь-то проявляется ихъ коренное заблужденіе. Этимъ новаторамъ недоставало главнаго элемента раскола: они не находили схизматиковъ. Духовенство отказывалось отъ этого, а вѣрующіе уклонялись. И это потому, что французская церковь была на столько-же роялистскою и католическою, на сколько галликанскою. Галликанская, по своимъ владѣніямъ, привязывавшимъ ее къ національной почвѣ, роялистская, въ силу привилегій, привязывавшихъ ее къ королевской власти, католическая, по своимъ, связывавшимъ ее съ Римомъ, вѣрованіямъ, эта церковь осталась исключительно католической, т. е. отпала отъ Франціи и слилась съ Римомъ, послѣ того какъ ее лишили и земель и преимуществъ. Конституціонисты полагали, что могутъ оставаться галликанами, уничтоживъ самую причину существованія галликанизма, и заставить Римъ признать новое устройство французскаго духовенства, противъ котораго протестовало само это духовенство. Они нашли возможнымъ декретировать и въ то же время примирить свободу совѣсти, свободу богослуженія, свободу мысли, однимъ словомъ, права человѣка и гражданина съ декларацией 1682 г. Между собраніемъ французскаго духовенства при Людовикѣ XIV и Національнымъ Собраніемъ 1790 г. существовало такое же несовмѣстимое противорѣчіе, какъ между чисто-католическою доктриною какого-нибудь Боссюета и чисто-свѣтскимъ либерализмомъ Талейрана. Свободомыслящіе по профессіи, заклятые противники всякаго религіознаго вѣрованія и всякой господствующей церкви; юрисконсульты, знакомые со всѣми тонкостями каноническаго права, но вполнѣ равнодушные или и прямо враждебные относительно самихъ догматовъ; протестанты, едва успѣвшіе избавиться отъ несправедливыхъ законовъ, вмѣнявшихъ ихъ вѣроисповѣданіе въ государственное преступленіе, и у которыхъ евангельскій духъ съ трудомъ умѣрялъ воспоминанія объ ужасахъ цѣлаго вѣка гоненій, когда шла рѣчь о главенствѣ католической церкви; наконецъ, какъ-бы затерявшіеся въ этой враждебной или скептической толпѣ нѣсколько уцѣлѣвшихъ мечтателей янсенизма и нѣсколько диссидентовъ-священниковъ, несомнѣнно убѣжденныхъ, но изолированныхъ въ церковномъ мірѣ, отвергнутыхъ собственными властями и собратами, покинутыхъ паствой, способныхъ, въ лучшемъ случаѣ, основать въ предмѣстьѣ сектантскую часовню,—таковъ былъ странный соборъ, засѣдавшій въ Парижѣ и возстававшій противъ Рима, заявляя притязаніе на національный расколъ. Государственная церковь, основанная невѣрующими,—вотъ къ какому парадоксу сводится программа Собранія въ церковномъ вопросѣ.

Уже съ первыхъ мѣръ оно высказало намѣреніе отдѣлиться отъ Рима или, точнѣе, считать его какъ бы несуществующимъ. Конституціонисты поступали относительно святого престола такъ, какъ могъ бы поступать англійскій парламентъ, забывая, что для Франціи папа былъ не только главою дружественнаго, союзнаго государства, но и духовнымъ главою всѣхъ французскихъ католиковъ,—званіе, котораго не могло его лишить ни одно государство. Папа узналъ изъ газетъ о декретахъ, отмѣнявшихъ десятинный налогъ, бенефиціи и аннаты [2]). Такимъ же путемъ дошло до его свѣдѣнія намѣреніе Собранія предоставить имѣнія духовенства въ распоряженіе націи [3]). А между тѣмъ въ Римѣ былъ посланникъ, всего болѣе способный предотвращать конфликты и подготовлять компромиссы, если для таковыхъ представилась бы возможность. Осторожный и блестящій посредникъ въ дѣлѣ упраздненія іезуитовъ и авиньонскаго секвестра, Берни, продолжалъ быть при святомъ престолѣ представителемъ государя, котораго продолжали титуловать въ Римѣ христіаннѣйшимъ королемъ [4]). Берни былъ не только вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, «le parfait gentilhomme d'Eglise», и весьма опытнымъ дипломатомъ, онъ оставался и убѣжденнымъ сторонникомъ галликанской церкви, а при условіяхъ тогдашняго момента это было истинною находкой [5]). Какъ послан-

[2]) *Décrets des 4 et 6 août 1789.*

[3]) *Proposition de M. de La Coste*, 8 août 1789.

[4]) О характерѣ Берни и римскаго посольства отъ 1758—1771 г. см. Fr. Masson, *le cardinal de Bernis.*—Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. VIII, art. *Bernis.*

[5]) «Я раздѣляю въ этомъ случаѣ мнѣніе Боссюета.. Двадцать лѣтъ пребыванія въ Римѣ не сдѣлали меня ультрамонтаномъ. Я—французъ до глубины души». Берни Монморену 25 августа 1789.

СПбПДАИ

никъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ могъ безъ преувеличенія и хвастовства писать Монморену: «я всегда второе лице въ Римѣ». Узнавъ путемъ печати о рѣшеніяхъ Собранія, онъ поставилъ на видъ министерству «что конкордатъ могъ бы быть преобразованъ» [6]), что это можетъ быть достигнуто «при нѣкоторомъ благоразуміи и осторожности», но что, если только не идутъ на явный разрывъ, невозможно «уничтожить однимъ почеркомъ пера древнѣйшій изъ нашихъ трактатовъ, помимо согласія договаривающей стороны» [7]). На этотъ доводъ, который затѣмъ въ видѣ возраженія будетъ постоянно повторяться Римомъ, министерство дастъ неопредѣленный отвѣтъ и повторяетъ его до самаго разрыва, къ которому противъ его воли увлекло его Собраніе: «Пусть папа имѣетъ терпѣніе, всякое сопротивленіе безполезно! Умы такъ возбуждены въ эту минуту, что я не отвѣчаю ни за что, если захотѣли бы идти имъ наперекоръ» [8]).

10 октября 1789 г. прелатъ, еще не переставшій носить митру, но давно сдѣлавшійся свѣтскимъ по своимъ воззрѣніямъ и образу жизни, епископъ Отёнскій Талейранъ, предложилъ Собранію завладѣть церковными имѣніями для восполненія дефицита въ финансахъ и спасенія государства отъ банкротства. 20 декабря Собраніе объявило эти имѣнія національною собственностью и декретировало 6-го февраля 1790 г., что комитетъ по церковнымъ дѣламъ [9]) немедленно представитъ «проектъ новаго устройства духовенства».

«Римскій дворъ въ ужасѣ, писалъ Берни 10 марта 1790 г., и ропотъ противъ папы становится всеобщимъ... Долгъ, совѣсть и честь принудятъ Пія VI прервать молчаніе, которое соблюдалъ онъ до сихъ поръ по моему совѣту». Добиться такой сдержанности отъ самовластнаго и славолюбиваго Пія VI было немалою заслугою. Но отнынѣ папа нашелъ, что такая умѣренность не принесла ему никакой пользы. Онъ не могъ долѣе молчать, такъ какъ такое молчаніе, какъ онъ выражался, могло быть принято за одобреніе и повредило бы авторитету церкви въ другихъ католическихъ государствахъ [10]). По этому поводу 29 марта онъ выразился въ тайной консисторіи кардиналовъ слѣдующимъ образомъ: «Намъ мнится слышать пророка Исаію, упрекающаго насъ за молчаніе и говорящаго! «Горе мнѣ, потому что я молчалъ! [11]). Берни добился, что аллокуція не будетъ напечатана. Но къ чему всѣ эти пустыя предосторожности относительно формъ и процедуры? Борьба уже завязалась на трибунѣ Собранія.

[6]) Конкордатъ, заключенный въ 1516 г. между папой Львомъ X и Францискомъ I.

[7]) Берни Монморену 5, 19 и 25 августа 1789 г.

[8]) Монморенъ Берни 1 сентября 1789 г.

[9]) 20 августа 1789 г.

[10]) Докладъ Берни 16 марта 1790 г.

[11]) См. Theiner, *Documents relatifs aux affaires religieuses de France.* 1790—1800. Paris 1857.—Hulot: *Collection des brefs de Pie VI.*—Sciout, *Histoire de la constitution civile du clergé,* Paris, 1872, t. I.—Jager, *Histoire de l'Eglise catholique en France,* t. XIX, Paris, 1873. — De Pressensé, *L'Eglise et la Révolution française.* Paris, 1864.

10 апрѣля 1790 г. пренія начались по поводу предложенія о замѣнѣ духовенства, владѣющаго имуществомъ, духовенствомъ, оплачиваемымъ государствомъ. Съ той и другой стороны проявлено было много горячности, и уже съ перваго раза бросились въ самыя противоположныя крайности. Домъ Жерль предложилъ декретировать, «что римская, апостолически-католическая религія была и останется навсегда національною религіей и что культъ ея будетъ единственнымъ дозволеннымъ культомъ». Если таково было притязаніе французской церкви, она тѣмъ самымъ объявляла свое существованіе несовмѣстимымъ съ принципами революціи. Собраніе отказалось отъ обсужденія предложенія, принявъ въ соображеніе то, что было самой истиной, но что скоро забыто было имъ самимъ а именно: «что оно не имѣло и не могло имѣть никакой власти надъ совѣстью людей». Съ этой поры расколъ между большинствомъ Собранія и католиками не переставалъ обостряться. Онъ разразился окончательно во время преній о новомъ порядкѣ церковнаго управленія, начавшихся 29-го мая.

Проектъ комитета учреждалъ церковь, несравненно болѣе сходную съ англиканскою и, въ особенности, пресвитеріанско-шотландскою, чѣмъ съ галликанскою, отъ которой выводили ея происхожденіе. Церковные округа были видоизмѣнены. Въ каждомъ департаментѣ избирается большинствомъ голосовъ епископъ, а на десять департаментовъ—одинъ митрополитъ, посвящающій епископовъ. Епископамъ запрещалось «обращаться къ папѣ за утвержденіемъ какого бы то ни было постановленія»; епископъ могъ писать главѣ церкви лишь для «засвидѣтельствованія единства вѣры и общенія, которое долженъ былъ съ нимъ поддерживать». Священники избирались выборной коллегіей каждаго округа. Такимъ образомъ, конституція переносила право избранія епископовъ и священниковъ на гражданъ, отъ которыхъ однако не требовалось исповѣдыванія ни католической, ни какой-бы то ни было вѣры. Она отрицала и уничтожала одно изъ тѣхъ правъ, которыя во всѣ времена почитались церковью наиболѣе существенною изъ ея прерогативъ: право назначенія на духовныя должности и надзора за ихъ дѣятельностью. На этотъ пунктъ направлены были всѣ усилія преній. Онѣ резюмируются въ слѣдующихъ двухъ противоположныхъ предложеніяхъ: «Вы хотите», сказалъ одинъ епископъ [12]) «возвра-

[12]) М-ръ Де Буажеленъ, архіепископъ экскій, 29 мая 1790.

© ГПИБ СОРАН

щенія къ дисциплинѣ церкви первыхъ временъ христіанства, слѣдовало-бы вернуть и ея авторитетъ. Можно ввести ограниченія для церковной власти, но слѣдуетъ спросить ея мнѣнія». И онъ потребовалъ національнаго собора. «Церковь заключена въ государствѣ,—отвѣтилъ ему законникъ [13])—мы національный конвентъ и имѣемъ право измѣнить религію». И онъ отвергъ соборъ. Доводомъ того же рода Собраніе отклонило предложеніе о переговорахъ съ папой. 2 іюня, вслѣдствіе голосованія этого предложенія, всѣ епископы, за исключеніемъ Талейрана, перестали принимать участіе въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса.

Тѣмъ временемъ столкновеніе съ духовенствомъ усложнилось новымъ конфликтомъ. Въ іюнѣ же вспыхнула революція въ Авиньонѣ; потребовали присоединенія и Собраніе принялось за обсужденіе этого дѣла. Папскій нунцій обратился съ протестомъ къ Монморену [14]). Какъ и при старомъ порядкѣ, оба столкновенія, духовное и мірское, спутываются. И то и другое рѣшаются Собраніемъ въ силу его верховной власти: 12-го іюля оно принимаетъ всю совокупность новаго порядка церковнаго управленія (Constitution civile du clergé); 22-го оно назначаетъ Авиньонскій комитетъ.

Волненіе и тревога удвоиваются въ средѣ духовенства. Епископы аппелируютъ къ папѣ; эльзасскіе же сверхъ того обращаются къ авторитету германскаго сейма, связывая вопросъ о церковной юрисдикціи съ вопросомъ о феодальномъ правѣ. Папа отказывается отъ участія въ этомъ спорѣ, но онъ не можетъ воздерживаться отъ подачи мнѣнія, относительно церковнаго управленія. Онъ препровождаетъ 10-го іюля три посланія; одно—королю, остальныя два—бывшему віенискому епископу де Помпиньяну, завѣдующему сборомъ бенефицій, и архіепископу бордосскому, хранителю печати, де Сисэ. «Если вы одобрите декреты,—писалъ онъ Людовику XVI, вы тѣмъ самымъ вовлечете весь народъ вашъ въ заблужденіе, королевство—въ расколъ и, быть можетъ, зажжете и всепожирающій пламень жестокой войны». Людовикъ XVI и безъ того былъ въ этомъ увѣренъ. Пій VI совѣтуетъ ему спросить мнѣніе названныхъ духовныхъ сановниковъ. Изъ нихъ одинъ. Помпиньянъ, слабый и больной, молчалъ: другой—Сисэ—лелѣялъ какой-то химерическій планъ сдѣлки со святымъ престоломъ. Монморенъ, естественнымъ образомъ, склонялся къ проволочкамъ. Быть можетъ эти слабые совѣтники надѣялись выиграть время уловками и дождаться момента, когда король, возстановивъ свою власть, уничтожитъ рѣшенія, подписать которыя онъ былъ вынужденъ. Быть можетъ также они полагали, что предъ лицомъ совершившагося факта

[13]) Камюсъ, 1-ое іюня 1790.

[14]) Нунцій Монморену, 20 и 21 іюля 1790.

папа найдетъ какой-либо компромиссъ съ Собраніемъ и что церковь рѣшится на уступки во избѣжаніе раскола, еще болѣе опаснаго для нея, чѣмъ для короля. Они рѣшили не опубликовывать посланій 10-го іюля и совѣтовали королю обѣщать свою санкцію, но дать ее лишь по полученіи согласія французскихъ епископовъ или главы церкви [15]).

Они пытались добиться согласія папы и, съ этою цѣлью, предприняли тайные переговоры, принципъ которыхъ былъ ранѣе горделиво отвергнутъ Собраніемъ. Рѣчь шла собственно о новомъ конкордатѣ, который намѣревались съимпровизировать. Министерство не имѣло никакихъ шансовъ успѣха. Церковь всегда предпочитала медлительность, а французскіе министры требовали быстроты. Чтобы отказаться отъ вліятельнаго положенія, занимаемаго ею во Франціи, церкви надо было-бы считать Францію приблизительно погибшею для католицизма. Но такого условія, дѣйствительно представившагося во время консульства Бонапарта и объясняющаго заключеніе конкордата 1801 г.,—не существовало въ 1790 г. Французское духовенство воинствовало, оно заявляло протестъ и, повидимому, большинство націи расположено было за нимъ слѣдовать. Никто въ Европѣ не зналъ и не въ состояніи былъ измѣрить силу революціи: на нее смотрѣли какъ на преходящій кризисъ. Церковь, испытавшая уже столько грозъ, готовилась перенести и эту. Борьба, предпринимаемая ею во Франціи, напоминала ей ту, которую она только что выдержала въ Австріи. Собраніе повторяло дѣянія Іосифа II; его дѣло ожидаетъ такая же участь. Церковь ждала всего отъ времени; она ничего не хотѣла уступать заблудшему Собранію. Собраніе не имѣло намѣренія ни идти на компромиссъ, ни давать отсрочки. Между этими двумя противниками никакое примиреніе не было возможно.

1-го августа Людовикъ XVI отправилъ папѣ письмо, изготовленное его министрами: отвѣтственность за расколъ, грозившій Франціи, слагалась на св. престолъ. Король объявлялъ, что не можетъ болѣе откладывать свою санкцію. Онъ надѣялся, что папа при помощи какой-нибудь благочестивой мѣры смягчитъ ея послѣдствія. Берни поручено было переговорить по этому поводу съ римскимъ дворомъ [16]). Не ожидая многаго отъ своего посредничества, Берни принялъ однако порученіе. Онъ поставилъ на видъ папѣ, что король не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что онъ утверждаетъ декреты по принужденію и дѣлаетъ это именно для того, чтобы констатировать это принужденіе. Папа потребовалъ времени на размышленіе. Онъ совѣщался съ кардиналами, которые

[15]) Masson, *Bernis*, p. 480—482.

[16]) *Instruction du 1-er août* 1790. Masson, p. 481.

побуждали его къ сопротивленію. Пію VI и его совѣтникамъ приходилось считаться съ положеніемъ религіознаго вопроса въ Европѣ: на религію нападали со всѣхъ сторонъ. «То, что сегодня было-бы уступлено нуждамъ Франціи», писалъ Берни, «властно потребовали-бы завтра другіе католическіе дворы, недовольство которыхъ могло внушить опасенія Св. Престолу, а уступки которымъ ниспровергли-бы всю организацію вселенской церкви». Авиньонскія дѣла раздражали умы. Берни готовъ былъ искать въ графствѣ предмета сдѣлки, какъ во времена Шуазелей, іезуитовъ и парламента, но времена эти миновали [17]). Министерство не стало ждать для окончательнаго утвержденія даже срока, въ который могъ быть доставленъ отвѣтъ папы [18]). 24-го августа Людовикъ XVI далъ свою санкцію: министры покорились, «пораженные ужасомъ въ виду грядущихъ опасностей» [19]). Папа былъ горестно взволнованъ и выразилъ это въ посланіи, адресованномъ Людовику XVI 22-го сентября. 27-го октября конгрегація кардиналовъ дала свое заключеніе. Она объявила, что папа «не исполнилъ-бы своего долга и нанесъ-бы смертельный ударъ католицизму, если-бы одобрилъ декреты, касающіеся французскаго духовенства, въ ихъ настоящемъ видѣ». По мнѣнію кардиналовъ, папа могъ только давать разъясненія королю, совѣтоваться съ французскими епископами и призывать ихъ къ пріисканію средствъ согласованія по главнымъ пунктамъ декретовъ съ каноническими правилами. Римъ не вѣрилъ возможности раскола и имѣлъ на это основанія. Въ то время какъ парижское правительство просило папу о внушеніи покорности французскому духовенству, епископы испрашивали у главы церкви поддержки для своего сопротивленія. Несмотря на разногласія по поводу необходимыхъ мѣръ и образа дѣйствій, они были вполнѣ единодушны въ своемъ порицаніи конституціи. Изъ духовныхъ лицъ, преданныхъ революціи, наиболѣе просвѣщенные и искренніе, какъ напримѣръ Грегуаръ, сожалѣли о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ организацію духовенства. Они желали переговоровъ со св. престоломъ [20]). Большая часть приходскихъ священниковъ и другихъ духовныхъ одобрили епископовъ и присоединились къ протесту, обнародованному этими прелатами въ концѣ октября. Этотъ протестъ можетъ считаться какъ-бы завѣщаніемъ національной церкви. «Мы требовали», объявляли епископы, «созванія національнаго собора; мы просили, согласно древнему обычаю галликанской церкви, об-

[17]) *Rapports de Bernis* 18, 25 août, 1 et 8 sept. 1790.

[18]) Masson, *Bernis*, p. 484.

[19]) Свидѣтельство Сисэ. Falloux, *Louis XVI*, p. 207.—Jager, p. 211—312.—*Louis XVI au Pape*, 6 sept.—*Montmorin à Bernis* 7—28 sept.

[20]) *Etudes sur Grégoire*, Gazier, *Revue Historique*, t. VIII, p. 287—290.

ращенія къ главѣ вселенской церкви». Галликанская церковь апеллировала къ Риму противъ государства; она осуждала расколъ, отлучая конституціонную церковь еще до ея рожденія.

Государство настаивало на введеніи новаго устройства. Собраніе твердо вѣрило въ свое дѣло. Между тѣмъ, освободилась епископская ваканція въ Кемперѣ, и депутатъ Экспильи, бывшій приходскимъ священникомъ въ Мортенѣ и членомъ комитета по духовнымъ дѣламъ, былъ выбранъ епископомъ. Епископы того округа отказались отъ посвященія: Собраніе декретировало, что каждый епископъ имѣетъ право посвященія [21]). 26-го ноября Вуадель представилъ донесеніе о противогосударственной лигѣ, образовавшейся подъ предлогомъ отстаиванія религіозныхъ интересовъ. Онъ назвалъ ослушниками (réfractaires) протестовавшихъ епископовъ и предложилъ принять мѣры для принужденія ихъ къ покорности. Мѣры заключались въ требованіи обязательной присяги, предписываемой статьями 21 и 38 гражданской конституціи: «быть вѣрными закону и королю и всѣми силами поддерживать конституцію, декретированную Національнымъ собраніемъ и утвержденную королемъ». Присяга эта влекла за собою подчиненіе новымъ законамъ, регулирующимъ церковные порядки. Священники, отказывающіеся отъ присяги, лишаются своихъ правъ; они будутъ замѣняться другими, а если станутъ продолжать исправлять свою должность, то на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на «нарушителей общественнаго спокойствія, а вмѣстѣ съ ними и на всѣхъ, кто составилъ-бы союзъ съ цѣлью ослушанія декретамъ Національнаго собранія или въ видахъ возбужденія къ ихъ неисполненію».

И вотъ этому собранію философовъ пришлось, въ силу логики собственныхъ воззрѣній, преступить немедленно, вслѣдъ за его провозглашеніемъ, одинъ изъ наиболѣе страстно требуемыхъ философіей того вѣка принциповъ,—принципъ религіозной вѣротерпимости. Это не значило, чтобы сама по себѣ гражданская конституція уничтожала свободу совѣсти и запрещала непризнанныя оффиціально вѣроисповѣданія. Она только лишала отпавшее духовенство его титуловъ и жалованья. Оно сохраняло право священствовать частнымъ образомъ, подобно, напримѣръ, протестантскимъ священникамъ или еврейскимъ раввинамъ. Но диссиденты неизбѣжнымъ образомъ должны были увлечь за собою массу вѣрующей паствы, побуждать ее къ сопротивленію, воздвигнуть, рядомъ съ конституціонной, церковь римскую, что должно было породить неизбѣжныя столкновенія. Государство должно было-бы почувствовать себя оскорбленнымъ, захотѣть положить этому конецъ и, ради покровительства своей привилегированной

[21]) 14 ноября, 1790.

ОТПЕЧАТАН

церкви, упразднять отпавшую, и затѣмъ преслѣдовать и изгонять ея членовъ.

Это съ достаточною ясностью проявилось въ горячихъ преніяхъ, поводъ которымъ дало предложеніе Вуаделя. Мирабо не мало содѣйствовалъ приданію имъ страстнаго характера. Онъ на нѣсколько часовъ вновь сдѣлался пламеннымъ трибуномъ первыхъ дней. Раздраженный противъ всѣхъ, оскорбленный невниманіемъ двора и всеобщими подозрѣніями, оклеветанный, непризнанный, измученный чрезмѣрными трудами, возбужденный излишествами, въ которыхъ искалъ забвенія своихъ разочарованій, чувствуя, что власть бѣжитъ и ускользаетъ отъ него, видя, что ему измѣняетъ революція и сама жизнь, подорванная излишествами, онъ въ этомъ послѣднемъ кризисѣ своего поприща, очевидно, не сохранилъ полнаго самообладанія. Нерѣдко онъ приписывалъ макіавелистическому расчету то, что было лишь бурнымъ взрывомъ постоянно взволнованной души. Къ чему стремился онъ? Хотѣлъ-ли, какъ говорилъ онъ самъ, вернуть покидавшую его популярность удвоенною отвагою, «сковать Собраніе, компрометируя его», обуздать духовенство, которое стѣсняло его? [22]). Дѣло въ томъ, что если ему не удалось увлечь Собраніе, самъ онъ невольно испытывалъ его импульсъ. Декретъ о присягѣ былъ вотированъ 27 ноября 1790 г.

Этотъ актъ отодвигалъ, такъ сказать, Людовика XVI въ послѣднія его твердыни. Всѣ, сдѣланныя имъ до сихъ поръ уступки, обусловленныя слабостью или мотивированныя политикою, не имѣли иной побудительной причины, кромѣ продленія кризиса и отсрочки послѣднихъ жертвъ. Настоящая жертва была наиболѣе тяжелою. Тѣмъ не менѣе Людовикъ не чувствовалъ себя способнымъ къ рѣшительному отпору. Ему необходимо было еще выиграть время; но дилемма была для него ужасна: если онъ откажетъ въ своей санкціи, онъ подвергнетъ себя возстанію, революціонному «дню» и преждевременно вступитъ въ борьбу, въ которой неизбѣжно окажется побѣжденнымъ; если уступитъ,—это будетъ ущербомъ для церкви. Потрясенный въ своихъ чувствахъ государя, отца, христіанина, встревоженный за свою корону, дрожа за семью, смущенный въ своей совѣсти, онъ въ послѣдній разъ обратился къ папѣ, умоляя его вмѣшаться въ дѣла французской церкви и облегчить духовенству покорность декретамъ, выполненіе которыхъ нельзя уже было надолго откладывать. Собраніе не разрѣшило ему ждать отвѣта изъ Рима. Чтобы положить предѣлъ его колебаніямъ, вожаки прибѣгли къ послѣднему

[22]) Объ отношеніяхъ Мирабо къ этому дѣлу, см. Droz, *Histoire du règne de Louis XVI.* T. III, p. 303. Paris,1839—42.—Lucas Montigny, t. VIII, p.157—214. *Corresp. de Mirabeau avec La Marck*, t. II, p. 361—362, 365, 374.

средству королей и революціонеровъ—къ силѣ. Населеніе заволновалось. Сисэ поставилъ на видъ королю, что дальнѣйшее промедленіе отдастъ духовенство во власть разъяренной толпѣ. Людовикъ XVI сдался. 26 ноября онъ утвердилъ декретъ; но онъ давалъ свою санкцію лишь съ тайнымъ намѣреніемъ взять ее назадъ, какъ только будетъ обладать достаточною для того властью.

Въ дѣйствительности, въ тотъ день онъ подписывалъ объявленіе войны революціи. Революція побуждала его совершить поступокъ, ничѣмъ не оправдываемый въ его глазахъ [23]). Онъ уже не находилъ возможнаго компромисса съ нею: онъ пошелъ на сдѣлку съ «узурпаціей», но не могъ идти на сдѣлку съ расколомъ и безбожіемъ. Ему не оставалось иного рессурса, кромѣ борьбы. До той поры, пока дѣло шло лишь о его власти и личной безопасности, онъ терпѣлъ; въ настоящую же минуту дѣло шло о вѣчномъ спасеніи душъ, по его мнѣнію, довѣренныхъ ему самимъ Богомъ, и онъ уже не считалъ себя господиномъ своей участи. Король вытерпѣлъ униженія, христіанинъ боялся угрызеній совѣсти. Чрезмѣрность жертвы побѣждала его покорность судьбѣ, но не могла побѣдить его нерѣшительности. Людовикъ XVI выказалъ себя настолько же слабымъ въ дѣлѣ обузданія революціи, насколько былъ слабъ въ своихъ усиліяхъ направлять ее.

II.

«Быть королемъ въ Мецѣ было-бы мнѣ пріятнѣе, чѣмъ оставаться королемъ Франціи при такихъ условіяхъ», сказалъ Людовикъ XVI, подписавъ декреты; «но все это скоро кончится» [1]). Онъ заявилъ такое мнѣніе во всеуслышаніе: вокругъ него всѣ повторяли то же самое, а между тѣмъ, ни у него, ни у кого изъ близкихъ ему лицъ не имѣлось ни точнаго плана, ни даже опредѣленныхъ намѣреній. Въ Тюильрійскомъ дворцѣ продолжали получать записки Мирабо; но роль, которую сыгралъ пламенный ораторъ во время преній по поводу присяги, окончательно лишила его всякаго кредита у короля. Людовикъ пересталъ расчитывать на его содѣйствіе и отказался сообразоваться съ его видами, если только когда-нибудь помышлялъ объ этомъ серьезно. Онъ, ни въ какомъ случаѣ, не хотѣлъ быть ему обязаннымъ своимъ спасеніемъ. Мирабо полагалъ,

[23]) «Молю Бога принять мое глубокое раскаяніе въ томъ, что я подписалъ своимъ именемъ, хотя и противъ своей воли, акты, могущіе быть противными дисциплинѣ и вѣрованіямъ католической церкви». Завѣщаніе Людовика XVI.

[1]) Droz. T, III, p. 299.

СПЕЦ ФОНД

что угрожавшія Франціи религіозныя смуты представляли для короля превосходный поводъ начать борьбу. По его мнѣнію, «не могло быть болѣе благопріятнаго случая объединить большее число недовольныхъ самаго опаснаго свойства и усилить популярность короля, въ ущербъ популярности Національнаго собранія [2]). Онъ совѣтовалъ организовать широкое сопротивленіе декретамъ о духовенствѣ и воспользоваться волненіемъ, которое оно вызоветъ, чтобы вновь овладѣть ускользнувшею властью и обратиться непосредственно къ народу, помимо Собранія. Но религіозная война внушала Людовику XVI еще болѣе сильное отвращеніе, чѣмъ гражданская междоусобица. Изъ всѣхъ предположеній Мирабо дворъ принялъ лишь наиболѣе компрометирующія и наименѣе похвальныя: политику конспираціи противъ Собранія, полицейскій комитетъ и комитетъ прессы, однимъ словомъ, весь планъ интригъ и подкуповъ [3]). Монморенъ присоединился къ этому плану. Мирабо съ помощниками своими. Талономъ и де Семонвилемъ, работалъ надъ проведеніемъ этого плана съ упорствомъ, отличавшимъ его во всѣхъ «рискованныхъ предпріятіяхъ». Ла Маркъ, которымъ были начаты переговоры съ дворомъ, пытался завязать ихъ вновь. Онъ съ ожесточеніемъ трудился надъ этою задачей, мало, впрочемъ, расчитывая на успѣшный исходъ. «Если мы потеряемъ этотъ послѣдній рессурсъ, что-же намъ останется? Не смѣю и подумать объ этомъ», писалъ онъ въ концѣ 1790 г. [4]).

Нашлись люди, сказавшіе себѣ, что въ эпоху борьбы смѣлость рѣшеній могла замѣнить глубину и обдуманность совѣтовъ, что послѣдовательность въ предначертаніяхъ имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ отважность въ поступкахъ, что, поразивъ воображенія какою-нибудь героическою выходкою, можно поднять мужество; однимъ словомъ, что крайнія мѣры остаются единственнымъ способомъ, а такъ какъ король не способенъ къ ихъ выполненію, то королева должна попытаться спасти монархію и удержать корону въ своихъ рукахъ. «У короля есть только одинъ человѣкъ, этотъ человѣкъ—его жена», заявлялъ нѣкогда Мирабо [5]). Но и тѣ и другіе обманывали себя романическими и историческими фантазіями. Ни характеръ, ни воспитаніе, ни прошлое Маріи-Антуанеты не могли приготовить ее къ такой роли.

Въ Маріи-Антуанетѣ не было рѣшительно никакихъ государственныхъ способностей. Она была прежде всего женщиной. Въ этомъ заключалось

[2]) 43-е note, 21 janvier 1791. *Correspondance.* Т. II, p. 374.
[3]) *Correspondance de la Marck.* Т. II, p. 511, 513, 523.
[4]) Декабрь, 1790. *Correspondance.* Т. II, p. 41.
[5]) 2-e Note, 20 juin, 1790. *Correspondance.* Т. II, p. 41.

и ея обаяніе и ея несчастіе. Ни малѣйшихъ слѣдовъ мужественнаго генія ея матери Маріи-Терезіи не замѣчалось въ ней. Въ самой внѣшности ея не было ни одной черты, напоминающей нѣмецкое упорство и тяжеловѣсность. Французская королева была истинною дочерью Австріи, чистовѣнской принцессой. Веселая, отчасти и чувствительная, слишкомъ гордившаяся своимъ высокимъ положеніемъ, слишкомъ презиравшая общественное мнѣніе, чтобы пожертвовать ему самомалѣйшею прихотью; пустая и легкомысленная, но при случаѣ напускавшая на себя важность, въ силу чисто женскаго кокетства или мимолетнаго каприза; мало образованная, ничего не читавшая, своенравная, скучавшая во время серьезныхъ разговоровъ, она видѣла въ политикѣ только лица, а о людяхъ судила по тому, къ какому кружку они принадлежали. Ей былъ вполнѣ чуждъ всякій политическій расчетъ. Обладая смѣлостью, она лишена была разсудительности. Приливъ смѣлости заканчивался у нея гнѣвомъ или слезами. Тѣмъ не менѣе, у нея было благородное сердце и возвышенная душа; ей дорого было понятіе о чести. Когда достоинство короны бывало оскорбляемо въ ея глазахъ, когда оскорбленіе касалось ея личности или-же когда грозила и дерзко вызывала ее опасность, она давала отпоръ нападенію и въ ней узнавали дочь Маріи-Терезіи.

Ни одной женщинѣ не выпадало на долю столько ненависти и злобныхъ преслѣдованій, а между тѣмъ немного было такихъ, которыя заслуживали-бы большаго состраданія. «Рѣшено и доказано», сказалъ однажды баронъ Сталь, «что несчастія этой принцессы будутъ безконечны». Испытанія начались для нея со времени ея замужества. Горькой ироніей звучалъ для нея девизъ счастливыхъ дней ея дома: Felix Austria nube. Марія-Терезія была доброю матерью, нѣжною и снисходительною къ подросткамъ-дочерямъ. Но какъ скоро для нихъ наступала, по ея мнѣнію, пора замужества, мать уступала въ ней мѣсто императрицѣ. Маріи-Антуанетѣ было только пятнадцать лѣтъ, когда она уѣхала изъ Вѣны. Она не видѣла болѣе ни Вѣны, ни матери. При новомъ дворѣ и въ семьѣ мужа она встрѣтила предубѣжденіе и подозрительность. Ее выдавали замужъ исключительно въ видахъ скрѣпленія союза съ Франціей: противъ нея были всѣ враги Австріи: тетки Людовика XVI, его братъ, графъ Прованскій, обѣ сестры мужа, наконецъ, вся клика, вооружившаяся противъ Шуазеля и лотарингцевъ. Она составила свой дворъ изъ членовъ австрійской партіи и безтактно порвала отношенія съ врагами своего дома. Увѣдомлять вѣнскій дворъ о намѣреніяхъ версальскаго, раздавать вліятельныя должности людямъ, почтительно относившимся къ Австріи, вліять на французскую политику въ смыслѣ австрійскихъ интересовъ и въ томъ же смыслѣ направлять союзъ,—таковъ былъ

ея образъ дѣйствій во Франціи и «важнѣйшее дѣло ея жизни»[6]). Марія Терезія предписала ей эту задачу, какъ священнѣйшую обязанность; она безпрестанно напоминала о ней въ письмахъ, отличавшихся властнымъ тономъ, материнскою нѣжностью и въ то же время дипломатичностью. Переписка велась правильно. Сверхъ того, по желанію Маріи-Терезіи, австрійскій посланникъ Мерси, совѣтникъ, повѣренный и опекунъ молодой принцессы, руководилъ ею въ томъ же духѣ и въ то же время состоялъ тайнымъ австрійскимъ агентомъ въ Парижѣ.

Маріи-Антуанетѣ не приходило и въ голову, чтобы, не будучи безчестнымъ или ограниченнымъ, возможно было имѣть намѣренія, противорѣчащія планамъ ея матери; въ глазахъ дочери, эта добродѣтельная императрица, столь же уважаемая, сколько и грозная для близкихъ, могла желать лишь справедливаго, предлагать благое. Королевѣ казалось, что Людовикъ XVI уклоняется отъ ея совѣтовъ лишь вслѣдствіе интригъ; всякое сопротивленіе со стороны короля представлялось ей недостаткомъ уваженія къ императрицѣ и привязанности къ ней самой. Вотъ и вся политика Маріи-Антуанеты; въ ней было болѣе предразсудка и дочерней покорности, чѣмъ дипломатіи: она проявила въ ней болѣе неосторожности и задора, чѣмъ упорства. Вліяніе ея оставалось перемежающимся и проявлялось, такъ сказать, приступами. Людовикъ XVI подчинялся ему порою невзначай, исключая, впрочемъ, дѣлъ внѣшней политики, на которыя смотрѣлъ, какъ на преимущественно-королевскія и которыя одни и имѣли значеніе для австрійскаго дома. Марія-Антуанета принимала участіе въ дворцовыхъ интригахъ, но не играла ни роли, предназначенной ей матерью, ни той, которую ей приписывали враги.

Въ видахъ подорванія вліянія, которое сильно преувеличивали, они старались запятнать ея репутацію. Потокъ грязныхъ памфлетовъ, заливавшій королеву предъ революціоннымъ трибуналомъ, исходилъ изъ дворцовыхъ сферъ. Эберъ раздулъ ими свои донесенія, а Фукье—свой обвинительный актъ: для этого имъ стоило только черпать изъ тайныхъ версальскихъ библіотекъ. Марія-Антуанета была легкомысленна, не болѣе, но она была легкомысленна до крайности и неосторожна выше всякой мѣры. Она позволила себѣ единственныя, недопускаемыя дворомъ, прегрѣшенія, а именно: погрѣшности противъ придворнаго этикета. Тріанонскія сельскія прогулки, маскарады, невинныя продѣлки, которыя привели-бы въ восторгъ почтительное добродушіе вѣнцевъ, скандализировали скептицизмъ парижанъ, которые прощаютъ все, за исключеніемъ недостаточно-серьезнаго отношенія къ нимъ самимъ. Въ то время, какъ развратъ укрывался

[6]) *Marie-Antoinette à Marie-Thérèse*, 5 mai, 1773.—Arneth et Geffroy, *Marie Antoinette*, Paris, 1874. T. III, p. 199.

въ изысканныя формы, эта смѣло и открыто проявляемая веселость, казалось, прикрывала необузданную развращенность. Королева была неосторожна, насмѣшлива и надменна; она поощряла фамильярность, отталкивала слишкомъ назойливое искательство и возбудила самую безпощадную изъ ненавистей: ненависть разочарованнаго тщеславія. Наконецъ, она любила безумные расходы. Объявивъ ее измѣнницей противъ государства, ее обвинили еще съ большимъ правдоподобіемъ въ его разореніи.

Въ сущности, она искала забвенія и развлеченія: замужество ея не было счастливо. Прекрасная собой, живая, молодая, среди самаго любезнаго двора и самаго распущеннаго общества въ Европѣ, она нашла въ человѣкѣ, съ которымъ была связана ея жизнь, робкаго, застѣнчиваго и холоднаго государя. Примѣръ дѣда заставилъ Людовика XVI относиться къ женщинамъ въ высшей степени недовѣрчиво. Боясь подчиниться ихъ вліянію, онъ уклонялся отъ привязанности къ нимъ. Королевское супружество въ теченіе семи лѣтъ отличалось необычайною холодностью. Позднѣе, общая нѣжность къ дѣтямъ создала болѣе теплыя отношенія между этими столь противоположными характерами. Но слишкомъ долго бракъ этотъ казался чѣмъ-то двусмысленнымъ. Легкомысленная веселость королевы примѣшивала къ почтительности, съ которою относился къ ней король, нѣкоторую долю тревоги и опасеній; чрезмѣрная скромность и робость Людовика XVI придавали чувствамъ королевы по отношенію къ нему оттѣнокъ пренебреженія. Чтобы оцѣнить другъ друга, имъ надо было пройти чрезъ суровыя и тягостныя испытанія. Тогда король увидѣлъ въ Маріи-Антуанетѣ лишь благородную гордость, постоянство и подавляемыя слезы; королева же—ясность и спокойствіе жертвы, величіе покорности неизбѣжному, проявленныя королемъ. Такова была ихъ странная участь; и въ семейной и общественной драмѣ ихъ жизни они были выше событій и на высотѣ своего положенія только тогда, когда постигало ихъ несчастіе. Они были созданы, чтобъ царствовать въ какомъ-нибудь мирномъ и скромномъ уголкѣ Германіи или Италіи. «Добродѣтельный, гуманный, просвѣщенный» Людовикъ и «привлекательная, нѣжная» Марія-Антуанета составили-бы счастіе своихъ подданныхъ и сами прожили-бы спокойно и счастливо. Во Франціи же, гдѣ непокорный, буйный и кажущійся непостояннымъ народъ по странному противорѣчію привязывался всегда лишь къ сильнымъ королямъ и суровымъ королевамъ: они съумѣли лишь умереть съ достоинствомъ.

Первые успѣхи народнаго дѣла были сочтены побѣдами, одержанными надъ Маріей-Антуанетой и австрійскимъ домомъ. «Королева, какъ слышно, подавлена событіями», писалъ Сталь 6 сентября 1789 года. Безъ сомнѣнія, это обусловлено утратою ея вліянія, но въ особенности народною

ОТПРАВЛЕНО

ненавистью, которая становится несправедливою по своей чрезмѣрности» [7]). Эта ненависть, поражавшая ее въ самое сердце, въ значительной степени объясняетъ ужасъ, внушаемый ей одною мыслью о революціи [8]). Революція вооружала противъ нея всѣхъ ея придворныхъ враговъ: расходясь во всемъ остальномъ, они были единодушны только въ полной презрѣнія враждебности къ королевѣ. Большинство изъ нихъ бѣжало изъ Франціи и составляло заговоры противъ нея за границей. Ее возмущалъ ихъ образъ дѣйствій и ихъ рѣчи. Она находила, что дворянство обязано было оставаться вокругъ короля. Но ея мнѣнію, хуже эмигранта могъ быть только перебѣжчикъ, демократъ-развратникъ, въ родѣ Лозена, Талейрана и всей группировавшейся вокругъ Филиппа Орлеанскаго клики. Эта клика ненавидѣла королеву. Марія-Антуанета считала ее низкой и омерзительной. Прибавьте къ этому враждебность дворянъ-либераловъ, какъ Лафайета, Ламета и всей свиты г-жи де Сталь; еще болѣе острую, хотя менѣе осязательную для нея непріязнь великой партіи третьяго сословія, отголоски которой доходили до нея издали и которая бурно приступала къ трону; наконецъ, постоянно растущій потокъ народной ненависти, обвинявшей ее во всѣхъ бѣдствіяхъ страны. Она была королевой и не забывала зла: она чувствовала себя ненавидимой, платила тѣмъ же и думала о возмездіи; она была матерью, страстно привязанною къ дѣтямъ; видѣла ихъ въ опасности и рѣшилась спасти ихъ. Иныхъ мотивовъ не имѣли ея поступки, какъ не было у нея и иныхъ цѣлей и замысловъ.

III.

Всѣ дворцовыя комбинаціи сводились къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: королю слѣдуетъ избавиться отъ унизительнаго затворничества въ Тюильрійскомъ дворцѣ, показаться передъ народомъ и открыть ему свое сердце; и такъ какъ сердце это было исполнено прямодушія, а народъ былъ добръ и довѣрчивъ, то миръ и согласіе установятся сами

[7]) Léouson le duc, op. cit.—*Joseph II à Léopold*, 3 août, 1789. Arneth. *Joseph II und Leopold*. T. II, p. 265.

[8]) Графъ Ламаркъ, человѣкъ, преданный королевѣ и болѣе чѣмъ кто-либо замѣшанный въ томъ, что она предпринимала, видѣлъ ее въ маѣ 1790 года.: «Бесѣда продолжалась болѣе двухъ часовъ въ веселомъ тонѣ, свойственномъ королевѣ, по ея добродушію и легкой насмѣшливости ея ума. Какъ только я касался революціи, она становилась озабоченной и печальной; но когда разговоръ переходилъ на другіе предметы, къ ней возвращались ея любезность и хорошее расположеніе духа. Эта черта вѣрнѣе обрисовываетъ ея характеръ, чѣмъ все, что я могъ-бы сказать. Марія-Антуанета нисколько не интересовалась общественными дѣлами». *Correspondance*. T. 1, p. 156.

собою между заблудшими дѣтьми и снисходительнымъ отцомъ. Тѣ, кто отказался-бы отъ примиренія, были-бы безбожниками и мятежниками: ихъ можно будетъ усмирить силою, такъ какъ достаточно дать королю возможность повелѣвать, чтобы армія вернулась къ исполненію своего долга. Смотря издали на эту комбинацію и зная событія 1792 г., она представляется какою-то мечтою, волнуемой скорбію души. Въ 1790 г. она естественнымъ образомъ находила мѣсто въ соображеніяхъ короля Франціи, видѣвшаго въ революціи простое недоразумѣніе между собою и народомъ, волнуемымъ и эксплоатируемымъ шайкою мятежниковъ. Если дворъ питалъ подобныя иллюзіи относительно могущества королевской власти, то главари революціи ошибались въ этомъ отношеніи еще въ болѣе сильной степени. Надежды двора сталкивались съ опасеніями революціонеровъ; эти надежды и опасенія имѣли одинъ и тотъ же источникъ, происходя отъ тождественнаго инстинкта, развитаго десятью вѣками монархическаго правленія [1]). Таковъ былъ престижъ великой французской монархіи, несмотря на разслабленность королевской власти, что среди революціоннаго кризиса, послѣ провозглашенія верховныхъ правъ страны, въ самое время засѣданій въ Парижѣ Конституціоннаго собранія, когда король располагалъ одною номинальною властью и низведенъ былъ на степень простого секретаря постановленій этого собранія, взволнованные умы еще продолжали придавать ему таинственное могущество, которое уже было у него отнято. Людовику XVI оставались отъ королевской власти его предковъ одно имя и внѣшніе признаки; эти признаки огорчали французовъ. Въ 1790 году, какъ и во время малолѣтства Людовика XIV, всѣ думали, что овладѣть особою короля значитъ овладѣть государствомъ и что королю для возстановленія полнаго своего могущества достаточно ускользнуть отъ стражи вооруженнаго парижскаго народа.

Королева постоянно занята [была этою мыслью. Всѣ уступки, которымъ подчинялся Людовикъ XVI, были въ ея глазахъ временными сдѣлками, вынужденными необходимостью. Уже съ первыхъ дней графъ де Мерси доказалъ ей, и она легко въ томъ убѣдилась, что въ виду насильственнаго давленія, оказаннаго на короля депутатами, всѣ ихъ рѣшенія заклеймены противозаконностью. Тѣмъ не менѣе, королю всего лучше слѣпо покориться имъ. «Но само собою разумѣется, что позднѣе, смотря по обстоятельствамъ, можно будетъ воспользоваться случайностями, чтобы мало-по-малу, такъ сказать, вѣтку за вѣткой, возвратить себѣ утраченныя уваженіе и власть» [2]). Не существуетъ и не можетъ существовать никакихъ обязательствъ по отношенію къ мятежникамъ и бун-

[1]) См. Quinet, *la Révolution*, liv. VII, ch. IV.

[2]) *Rapport de Mercy*, 23 juillet. 1789. Flammermont, *Bastille*, p. 30.

товщикамъ. Ихъ дѣло—дѣло силы, и сила же должна уничтожить это дѣло. Марія-Антуанета не вѣдала иного ученія о правахъ народа. Планъ избавленія, который она лелѣяла въ умѣ, мысль воспользоваться содѣйствіемъ иностранныхъ державъ и заручиться отъ нихъ необходимою для успѣха предпріятія матеріальною поддержкой казалась ей дѣломъ вполнѣ законнымъ и своевременнымъ. Она пришла къ этому инстинктивно подъ непосредственнымъ вліяніемъ страсти и чувства опасности.

Людовикъ XVI пришелъ инымъ путемъ къ такимъ же заключеніямъ. Его отъ природы прямой и честный умъ далъ себя увлечь неопредѣленной и благовидной діалектикой. Обращеніе къ иностранной помощи не противорѣчило монархическимъ прецедентамъ [3]). Онъ исходилъ изъ того основного правила, что такъ какъ государь и государство тождественны, то враги государя должны считаться и врагами государства. Право и обязанности короля повелѣвали усмирять и карать этихъ враговъ, а потому всѣ средства, клонящіяся къ этой цѣли, вполнѣ законны. Революція взглянула на дѣло съ иной точки зрѣнія. Она перемѣстила центръ власти въ самую страну: всѣ отношенія и выраженія прежняго права тѣмъ самымъ подвергались измѣненію. Вслѣдствіе перенесенія верховной власти съ короля на народъ, оскорбленіе величества перестало быть оскорбленіемъ короля, и создалось такое понятіе объ измѣнѣ государству, что король, который въ былое время могъ быть только жертвою этой измѣны, отнынѣ могъ явиться ея первымъ виновникомъ [4]). Такимъ дѣяніемъ

[3]) Относительно стараго порядка фактъ ясенъ и очевиденъ, и вмѣшательство пруссаковъ въ дѣла Голландіи въ 1787 г. подтвердило эти антецеденты. См. т. I. Но чтобы объяснить себѣ законность предпріятій, къ которымъ именно революція внушала намъ отвращеніе, необходимо припомнить современные примѣры вмѣшательствъ, аналогичныхъ съ тѣмъ, котораго французскій дворъ намѣревался потребовать отъ Европы. Договоръ Священнаго союза, 26 сентября 1815 г., и въ особенности Ахенскій протоколъ отъ 15 ноября 1818 г. сдѣлали изъ иноземнаго вмѣшательства въ началѣ нашего столѣтія принципъ международнаго права. На основаніи этого то принципа Австрія вмѣшалась въ дѣла другой державы въ пользу неаполитанскаго короля послѣ конгрессовъ въ Троппау и Лайбахѣ (1821 г.), а Франція—въ пользу испанскаго короля послѣ Веронскаго конгресса (1823). Въ 1849 г. мы видимъ Францію, вмѣшивающуюся въ римскія дѣла, Россію—въ венгерскія, Пруссію—въ саксонскія, съ цѣлью оказанія помощи государямъ противъ возмутившихся подданныхъ и противодѣйствія революціямъ. Шатобріанъ передаетъ (Congrès de Vérone, t. II, p. 191), что послѣ испанской экспедиціи дочь Людовика XVI воскликнула: «теперь доказано, что можно спасать короля въ несчастіи!»

[4]) Чтобъ дать себѣ отчетъ въ этихъ метаморфозахъ понятій, которыя не замедлили повлечь за собою грозныя послѣдствія, достаточно прочесть старинныя опредѣленія криминалистовъ, замѣняя слово *король* словами *государство*

была прежде всего попытка,—съ чьей-бы то ни было стороны, а тѣмъ болѣе со стороны короля—къ узурпаціи возвращенной себѣ націей верховной власти, при помощи силы или иноземнаго содѣйствія.

Отдѣленіе государства отъ особы короля казалось Людовику XVI самымъ пагубнымъ изъ заблужденій революціи; онъ не могъ ни понять его, ни подчиниться ему. Онъ задумалъ привлечь Европу къ участію въ своей распрѣ именно для того, чтобы уничтожить ея основу и исправить послѣдствія. Правда, онъ далъ свою санкцію декретамъ, которые ставили закономъ, какъ для него, такъ и для его собственнаго королевства, эти самыя основныя правила; но если онъ видѣлъ себя вынужденнымъ царствовать на этихъ новыхъ основаніяхъ, то продолжалъ разсуждать обо всемъ по-старому. Признавая, что согласіе, имъ данное, было вынуждено силою, онъ считалъ его гнилымъ въ самомъ корнѣ, ничтожнымъ и недѣйствительнымъ. По его мнѣнію, короли не знаютъ иныхъ правилъ, кромѣ блага государства, надъ ними одна только власть—Божья, а повиноваться они должны одной лишь собственной совѣсти. При такомъ подразумѣваемомъ ограниченіи онъ находилъ возможнымъ все подписывать и не считать себя связаннымъ никакимъ обязательствомъ. Въ началѣ онъ уступалъ въ силу инерціи и благоразумія; теперь онъ дѣлалъ это изъ тактики и расчета. Такимъ образомъ, придя къ подобному сужденію и оправдывая имъ свою слабость, этотъ несчастный государь незамѣтно приближался къ злополучнымъ предпріятіямъ, рѣшившимъ участь монархіи и гибель королевской семьи. Мысль о призваніи на помощь Европу пришла въ голову королевѣ въ началѣ лѣта 1790. Марія Антуанета задумала съ этого времени вызвать представленія со стороны Австріи и Пруссіи не для того,—говорила она,—чтобы «навлечь контръ-революцію», но для того, чтобы показать, что эти дворы «не одобряютъ способа обращенія съ королемъ» [5]). Подозрѣвалъ-ли это Мирабо? Если да, то его подозрѣнія не были клеветою съ его стороны, и никогда не служилъ онъ двору съ такою преданностью какъ въ то время, когда указывалъ на опасность подобныхъ предпріятій [6]). Но дворъ не оцѣнилъ, ни въ этомъ, ни въ другихъ случаяхъ, всего благоразумія его предостереженій. Въ особенности королева, смущенная его гнѣвными выходками, видѣла въ немъ

или *нація*. Въ оскорбленіи величества обвиняли, главнымъ образомъ, «тѣхъ, кто составляетъ заговоры противъ королевской власти... Тѣхъ, кто вступаетъ въ заговоръ, ассоціацію, сношенія, наступательную или оборонительную лигу внутри государства съ подданными короля, и извнѣ—съ чужеземцами...» *Traité des matières criminelles*, par Rousseaud de la Combe. 4 édit. Paris, 1751.

[5]) Слова королевы австрійскому посланнику Мерси 12 іюня 1790 г. Arneth, p. 130.

[6]) См. выше, главу о планахъ Мирабо.

ОТДЕЛ ОБРАН

только подкупленнаго демагога, который запугивалъ, чтобы продать себя подороже. По мѣрѣ того, какъ опасность росла вокругъ нея, она сосредоточивала свое довѣріе на старыхъ слугахъ, считая ихъ единственными испытанными и искренними. Ея умъ, отказывавшійся принимать сложныя и запутанныя комбинаціи Мирабо, останавливался на несравненно болѣе простыхъ проектахъ, отвѣчавшихъ ея смѣлому, отважному и опрометчивому нраву. Человѣкъ, бывшій ея совѣтникомъ при этихъ обстоятельствахъ и снискавшій ея довѣренность, олицетворялъ въ ея глазахъ честь и преданность. Онъ обладалъ всѣмъ престижемъ безкорыстія и лойальности, котораго не доставало Мирабо. Рыцарскія качества этого человѣка замѣняли у него политическій геній или, вѣрнѣе, это былъ единственный политическій умъ, доступный пониманію Маріи-Антуанеты.

Графъ Аксель Ферзенъ былъ шведскій вельможа, «высокаго роста, съ правильными чертами лица, съ простыми, но благородными манерами». Его рѣчь не отличалась оживленіемъ; онъ былъ скорѣе разсудителенъ, чѣмъ уменъ. «Осторожный съ мужчинами, сдержанный съ женщинами, серьезный, но не мрачный, его наружность какъ нельзя болѣе подходила къ внѣшности героя романа, но не французскаго; въ немъ не было ни французскаго блеска, ни французскаго легкомыслія [1]). Въ главномъ приключеніи его жизни не было ничего романическаго, по крайней мѣрѣ ничего похожаго на романы, сочинявшіеся по его поводу во Франціи того времени. Быть можетъ, именно серьезность Ферзена, рѣзко отличавшая его отъ версальскихъ щеголей и развратниковъ, и подстрекнула любопытство королевы. Когда въ 1779 г. этотъ аристократъ появился въ ея кругѣ, она была въ полномъ расцвѣтѣ молодости и упоеніи королевской властью. Она не скрывала интереса, возбужденнаго въ ней шведскимъ путешественникомъ. Ферзенъ же имѣлъ претензію быть единственнымъ человѣкомъ при дворѣ, повидимому, не замѣчавшимъ этого. Но если онъ не чванился вниманіемъ королевы, зато онъ сохранилъ къ ней признательность. Вернувшись въ Парижъ въ 1788 г., чтобы оффиціально слѣдить за дѣлами Густава III, онъ нашелъ случай доказать королевѣ свою непоколебимую привязанность. Марія Антуанета чувствовала себя покинутой и была тронута. Ферзенъ предложилъ ей то, въ чемъ она болѣе нуждалась—преданность и дружбу. Онъ выказалъ столько же деликатности въ дружбѣ, сколько выказывалъ ранѣе скромности, принимая милостивое расположеніе.

Онъ былъ не только преданнымъ слугою королевскаго семейства; онъ

[1]) Герцогъ Левисъ, Lévis, *Souvenirs et portraits*, Paris 1813. Ферзенъ родился въ 1755 г.; онъ былъ слѣдовательно однихъ лѣтъ съ королевой, въ 1790 г. ему было 36 лѣтъ. См. Geffroy. *Gustave* III, t. I, p. 355.—Klinckowström, *Le Comte de Fersen*, t. I, p. XXXIV et suiv.

былъ горячимъ роялистомъ по убѣжденію. Впрочемъ, его совѣты придавали лишь болѣе точности стремленіямъ королевы: онъ руководилъ ею на пути, куда увлекали ее инстинктъ и воображеніе. Надо дать Собранію перегорѣть, говорилъ онъ, надо чтобы оно потеряло популярность и перевернуло все по своему. «Оно погибнетъ собственною смертью, и когда народъ еще сильнѣе почувствуетъ свою нужду и все зло, причиненное Собраніемъ, тогда наступитъ минута дѣйствія. Необходимы терпѣніе и послѣдовательность, не слѣдуетъ ускорять ничего, надо поддерживать недовольство, которое замѣтно растетъ, а затѣмъ иностранное вмѣшательство довершитъ остальное [8]).

Осенью 1790 г. минута дѣйствія, повидимому, была близка. Людовикъ XVI, до тѣхъ поръ уклонявшійся отъ внушеній королевы и близкихъ ему людей, оказывался податливѣе по мѣрѣ обостренія церковнаго кризиса. Надлежало выработать планъ и подготовить средства для его выполненія. Ферзенъ занялся этимъ вмѣстѣ съ барономъ де-Бретейль, бывшимъ министромъ Людовика XVI, сохранившимъ полное довѣріе двора. Дипломатъ по профессіи, Бретейль сдѣлалъ свою карьеру при содѣйствіи Шуазелей; онъ былъ преданъ королевѣ. Онъ обладалъ привычкою къ дѣламъ, умѣньемъ вести дипломатическія интриги, большою самоувѣренностью, надменностью и неуступчивостью, вслѣдствіе чего нажилъ себѣ не мало враговъ. Послѣ неудачи, постигшей попытку контръ-революціи въ 1789 г., онъ удалился въ Швейцарію. Тамъ, живя въ уединеніи, онъ составилъ планъ спасенія своего государя и возстановленія монархіи. Себѣ онъ предназначалъ главную роль при выполненіи этого плана, что вполнѣ согласовалось съ его честолюбивымъ и подвижнымъ характеромъ. Прежде всего, въ этомъ какъ и во всѣхъ предложенныхъ въ то время Людовику XVI проектахъ, совѣтовалось покинуть Парижъ. Бретейль указывалъ на восточный трактъ, потому что войска, тамъ стоявшія, оставались повидимому вѣрными. а также и потому, что Булье, командовавшій въ Трехъ-Епископствахъ, былъ вполнѣ преданъ королю. Наконецъ, эта граница примыкала къ имперіи, гдѣ, въ случаѣ надобности, нашлись бы союзники; во всякомъ же случаѣ можно было расчитывать на убѣжище. Предлагалось начать съ попытки овладѣть управленіемъ при помощи роялистскаго министерства и опираясь на оставшихся преданными французовъ. Если бы не удалось возстановить порядокъ этимъ способомъ, тогда обратиться къ содѣйствію дружественныхъ державъ. Въ ожиданіи этого и на всякій случай, необходимо узнать ихъ настроеніе. Приготовленіями къ побѣгу долженъ былъ заняться Ферзенъ. Успѣхъ зависѣлъ отъ Булье. Что касается переговоровъ, то ихъ предлагалъ вести Бретейль. Планъ былъ

[8]) Письмо къ Густаву III, 1790. Переписка Ферзена, т. I, стр. 80.

ОТДЕЛ СПЕЦ

рѣшенъ въ октябрѣ. Бретейль передалъ всѣ его подробности Ферзену черезъ посредство памьерскаго епископа, М. д'Агу, возвращавшагося во Францію послѣ поѣздки въ Швейцарію. Ферзенъ сообщилъ планъ королевѣ, которая одобрила его безусловно и обѣщала уговорить короля. Людовикъ XVI все болѣе и болѣе склонялся къ мысли о побѣгѣ; однако онъ продолжалъ еще колебаться. До принятія окончательнаго рѣшенія, онъ пожелалъ убѣдиться въ намѣреніяхъ Булье и написалъ ему 22-го октября письмо, которое было отвезено епископомъ памьерскимъ.

Булье энергически подавлялъ военное возмущеніе въ Нанси. Онъ считался популярнымъ человѣкомъ въ томъ краѣ и пользовался уваженіемъ въ войскѣ. Это не былъ собственно контръ-революціонеръ: онъ склонялся въ пользу конституціи, на манеръ англійской, но прежде всего былъ ройялистомъ. Ради спасенія королевской семьи и возстановленія авторитета короля, онъ не отступалъ даже предъ гражданской войной [9]). По его расчету, король могъ располагать сорока батальонами и ста эскадронами: это были по большей части навербованные за-границей солдаты, и онъ считалъ ихъ болѣе надежными, чѣмъ французскую пѣхоту, которая уже вся перешла на сторону революціи. Чтобы собрать это войско вокругъ короля, Булье придумалъ способъ, который носитъ, въ своемъ родѣ, макіавелистическій оттѣнокъ, свойственный планамъ Мирабо. Императоръ Леопольдъ сосредоточивалъ въ это время въ Нидерландахъ войска, назначенныя для подавленія возстанія. Слѣдовало его убѣдить двинуть эти войска къ французской границѣ, подъ вымышленнымъ предлогомъ оказанія поддержки нѣмецкимъ владѣтельнымъ князьямъ въ Эльзасѣ. Результатомъ такого извѣстія было бы сильное волненіе въ Собраніи и въ обществѣ. Подъ предлогомъ наблюденія за движеніемъ австрійскихъ войскъ, король, въ свою очередь, прикажетъ сосредоточить войска; войска Булье составятъ ядро, и офицеры этой арміи препроводятъ Собранію просьбу о томъ, чтобы король сталъ во главѣ ихъ «въ видахъ поддержанія своимъ присутствіемъ ослабѣвшей дисциплины въ средѣ солдатъ». Булье надѣялся, что Мирабо поддержитъ это предложеніе и проведетъ его въ національномъ собраніи. Король выѣдетъ изъ Парижа, вступитъ въ переговоры съ императоромъ, добьется удаленія австрійскихъ войскъ и сыграетъ, такимъ, образомъ «роль примирителя въ глазахъ страны». Изложивъ свою комбинацію М. д'Агу, Булье прибавилъ однакоже, что планъ бѣгства представляется ему дѣломъ рискованнымъ, коль скоро не увѣрены въ настроеніе державъ. Д'Агу не остановился на обсужденіи этого пункта: онъ объявилъ, что Леопольдъ и другіе союзники короля «требуютъ его

[9]) Droz, t. III, p. 322 et suiv.—Bouillé. *Mémoires*, p. 181 et suiv.—*Correspondance de Mirabeau* t. I, p. 238.

удаленія изъ Парижѣ, а до того времени не могутъ ничего предпринять въ его пользу». Въ виду такого утвержденія, Булье оставалось только повиноваться. Выполненіе плана было отложено до весны. а Булье получилъ шифръ для переписки съ дворомъ.

Въ это самое время въ Собраніи обсуждался вопросъ о присягѣ духовенства. Людовикъ XVI принялъ рѣшеніе. Наканунѣ того дня, когда внесенъ былъ на обсужденіе декретъ, вотированіе котораго казалось ему неизбѣжнымъ, онъ написалъ Бретейлю. Онъ приглашалъ его начать переговоры съ дружественными дворами и давалъ ему, въ этомъ отношеніи, самыя широкія полномочія. «Я избралъ васъ», писалъ онъ ему, «чтобы довѣрить вамъ интересы моего престола. Вамъ извѣстны мои намѣренія... Я одобрю все, что будетъ вами исполнено, въ виду постановленной мною цѣли, заключающейся въ возстановленіи законной моей власти и счастія моихъ подданныхъ» [10]). Королева, съ своей стороны, написала де Мерси, побуждая его къ воздѣйствію на императора. Испанію также позондировали. «Только четыремъ лицамъ извѣстна тайна; это—вѣрное средство для ея сохраненія», писала Марія-Антуанета графу де Мерси [11]) Она ошибалась: не успѣли начаться приготовленія, какъ уже слухи о нихъ ходили по всей Европѣ. Сталь, которому не была открыта тайна ни французскимъ, ни собственнымъ его дворомъ, уже 16 декабря писалъ о ней своему правительству. Строгое молчаніе было необходимо для успѣха предпріятія, но его не умѣли соблюсти. Содѣйствіе Европы было необходимо, но было весьма мало шансовъ его получить. Съ этой именно стороны королевскую семью ожидали самыя жестокія разочарованія. Въ Парижѣ, при дворѣ, такъ же какъ и въ средѣ общества, полагали, что Европу сильно занимаетъ французская революція. Объ Европѣ судили по Англіи, а объ Англіи—по газетамъ и брошюрамъ несравненно болѣе, чѣмъ по рѣчамъ и поступкамъ министровъ Георга III.

[10]) Flammermont, *Négociations secrètes de Louis XVI et du baron de Breteuil*. Paris, 1885, p, 8.

[11]) 11 января 1791. Feuillet de Conches, *Louis XVI et Marie-Antoinette*. Paris, 1860—1872, t I, p. 396.—Fersen, t. I, p. LIX.—Эти четыре лица были: Бретейль, Мерси, Булье и Ферзенъ.

СПБГУ

ГЛАВА II.

Настроеніе Европы.

1790—1791.

I.

Первый боевой кличъ противъ французской революціи раздался въ странѣ, уже завоевавшей себѣ свободу, и изъ устъ англичанина, убѣжденнаго вига и горячаго сторонника революціи 1688 г. Боркъ уже указывалъ государямъ на опасный характеръ французской революціи, еще ими не замѣчаемый. Голосъ его, вначалѣ остававшійся изолированнымъ въ его отечествѣ, и въ особенности въ средѣ его собственной партіи, мало-по-малу встрѣтилъ откликъ. По мѣрѣ развитія во Франціи анархіи и духа пропаганды, въ Англіи становилась все болѣе и болѣе замѣтной реакція противъ французскихъ воззрѣній. Эта реакція собрала вокругъ иниціативныхъ противниковъ революціи массу равнодушныхъ, а вскорѣ и нѣкоторую долю восторженныхъ поклонниковъ. «Дворъ», говоритъ Маколей, «дворянство, собственники, духовенство, фабриканты, негоціанты, однимъ словомъ всѣ, у кого «крѣпкая крыша надъ головою и хорошее платье на плечахъ, неизбѣжно сдѣлались яростными анти-якобинцами. Эти чувства были, по крайней мѣрѣ, настолько же сильны среди противниковъ Питта, какъ и въ средѣ его сторонниковъ». Боркъ принялъ на себя роль ихъ выразителя. Онъ облекъ смутно-бродившія въ умахъ мысли въ краснорѣчивую, и, что еще важнѣе, въ чисто англійскую форму.

Его полемика противъ французской революціи была дѣломъ страстно-національной гордости. Онъ польстилъ самомнѣнію соотечественниковъ и помогъ имъ въ то же время разобраться въ путаницѣ мыслей, высокомѣрно отвергая всякое тождество между исторіей обѣихъ странъ. Въ Англіи XVII столѣтія, говорилъ онъ, королевская власть была революціонной, во французскомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ имѣла притязаніе на уничтоженіе обычаевъ и измѣненіе народныхъ вѣрованій, въ силу отвлеченнаго, метафизическаго принципа. Англичане, низлагая Стюартовъ, только возвращались къ прежнимъ традиціямъ; они совершили обратно противоположное тому, что предпринимается во Франціи. «Уже одно помышленіе фабриковать новое правительство,—заявлялъ Боркъ, наполняетъ насъ ужасомъ и отвращеніемъ. Мы всегда желали, чтобы наши пріобрѣтенія исходили изъ прошлаго, какъ изъ наслѣдства, завѣщаннаго намъ предками. Мы требуемъ нашихъ вольностей не въ качествѣ правъ людей вообще, а какъ права англичанъ... Мы твердо рѣшились сохранить установленную церковь, монархію, аристократію и демократію, каждую въ той степени, въ какой она существуетъ, и не болѣе того» [1]). Онъ усматривалъ въ французской революціи оскорбленіе величія самой Англіи; онъ обрекъ ее на презрѣніе всего свѣта и непріязнь монархической Европы. Въ сущности, онъ предавалъ проклятію всю французскую исторію и духъ французскаго народа, напечатавъ въ октябрѣ 1790 г. свой пресловутый памфлетъ: *Размышленія по поводу французской революціи.*

Боркъ противопоставлялъ традиціонное право—верховной власти народа. Онъ отрицалъ эту власть, забрасывалъ ее грязью и глумился надъ нею. Книга его имѣла громадный успѣхъ. Все высокомѣріе, вся зависть и ненависть англичанъ нашли себѣ въ ней выраженіе. Досада по поводу столкновенія съ Америкой, притязаніе быть единственно-достойными свободнаго правленія, антипатія протестантскаго ригоризма къ галльскому вольномыслію — все вступило, такъ сказать, въ заговоръ для того, чтобы превратить чудовищное обвиненіе въ своего рода манифестъ британскаго патріотизма. Люди группировались или расходились по поводу сочиненія Борка, впрочемъ, всего болѣе породило оно раздоровъ. Нѣсколько наиболѣе знаменитыхъ виговъ, оставшихся либералами, и прежде всего Фоксъ, за нимъ лордъ Стэнгопъ, Шериданъ и докторъ Пристлей, продолжали защищать революцію 89 года. Томасъ Пэнъ напечаталъ, съ цѣлью опроверженія Борка, свой трактатъ *О правахъ человѣка*. Мэкинтошъ написалъ свое *Vindiciae Galliae*; Ричардъ Прайсъ — книгу, проникнутую тѣмъ же духомъ. Но ничто не помогло. Андре Шенье называетъ Борка «дерзкимъ софистомъ»; онъ сравниваетъ его съ гомеровскимъ Терситомъ, «безнаказаннымъ и безтолковымъ говоруномъ, умъ котораго наполненъ нескончаемой и недостойной болтовней» [2]). Напыщенность и язвительность Борка нисколько не вредили успѣху его книги; онѣ отвѣчали духу времени. Боркъ воспламенилъ англичанъ, возстановивъ ихъ противъ французской революціи, подобно тому, какъ Мирабо воодушевлялъ ихъ въ противоположномъ направленіи. «Книга Борка объединила противъ насъ весь англійскій народъ», писалъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ появленія памфлета французскій повѣренный въ дѣлахъ [3]).

Всѣ, сколько ихъ ни было на континентѣ, противники политической

[1]) Taine, *Histoire de la littérature anglaise.* Paris, 1863, t. 3, p. 97.
[2]) *Sur l'esprit de parti*, 1791.
[3]) *Rapport de Barthélémy.* 4 février 1791.

свободы, конституціонной монархіи и реформированной церкви привѣтствовали борца церкви англиканской, великой хартіи и протестантскаго населенія—какъ боговдохновеннаго пророка [4]). Французскіе эмигранты присылали ему адресы. «Читали ли вы неподражаемаго Борка?» восклицаетъ Жозефъ де Местръ. «Не правда ли, какъ превосходно отдѣлываетъ онъ засѣдающій въ манежѣ притонъ и всѣхъ этихъ младенцевъ-законодателей? Что касается меня, то я былъ пораженъ и не могу выразить, насколько онъ усилилъ мои анти-демократическія и анти-галликанскія антипатіи. Мое нерасположеніе ко всему, что дѣлается во Франціи, переходитъ въ ужасъ и отвращеніе». Въ книгѣ своей Боркъ ограничивается разоблаченіями и проклятіями; въ письмахъ же своихъ онъ шелъ до конца своей мысли, т. е. до уничтоженія и войны. Онъ совѣтовалъ ее французскимъ роялистамъ, проповѣдывалъ европейскимъ государямъ. «Прекратите всякія сношенія съ мятежниками,—писалъ онъ французскому двору въ концѣ 1790 г.;—никакихъ сдѣлокъ съ предателями. Обратитесь съ призывомъ къ сосѣднимъ государямъ и возлагайте ваши надежды въ особенности на поддержку иностранныхъ армій» [5]).

Питтъ судилъ о вещахъ съ несравненно большимъ чувствомъ мѣры. На немъ лежала серьезная отвѣтственность. Необдуманное движеніе съ его стороны могло нарушить миръ съ Франціей, а онъ нуждался въ этомъ мирѣ. Безъ сомнѣнія, онъ порицалъ излишества революціонеровъ, но продолжалъ надѣяться на торжество умѣренныхъ. Онъ даже искалъ случая объясниться по вопросу объ этомъ мирѣ съ главарями конституціонной партіи косвеннымъ путемъ и не нарушая нейтралитета, котораго оффиціально держался по отношенію къ двору и Собранію. Гюгъ Элліотъ, бывшій англійскій посланникъ въ Копенгагенѣ, находился въ то время въ Парижѣ. Онъ держалъ себя демократомъ, бывалъ у Мирабо, Барнава и ихъ товарищей по дипломатическому комитету. Ему поручено было успокоить ихъ. Питтъ желалъ отъ Франціи только возможности безпрепятственно слѣдовать своей политикѣ. Императоръ Леопольдъ также не имѣлъ никакихъ иныхъ замысловъ по отношенію къ французской революціи.

II.

Выбранный императоромъ 30-го сентября и коронованный во Франкфуртѣ 9-го октября, Леопольдъ озабоченъ былъ исключительно внутренними дѣлами своего государства и возвращеніемъ себѣ полной свободы

[4]) «Мы—протестанты не изъ равнодушія, но по религіозному рвенію. Церковь и государство, по понятіямъ нашимъ—нераздѣльны»... «Размышленія по поводу французской революціи».

[5]) Stanhope, *William Pitt*, t. II. p. 69.

дѣйствій. Онъ занимался водвореніемъ мира на востокѣ и въ Нидерландахъ; но онъ поступалъ при этомъ гораздо болѣе по собственному усмотрѣнію, чѣмъ согласно желанію и намѣренію рейхенбахскихъ посредниковъ. 19-го сентября онъ подписалъ перемиріе съ турками. Увѣренный въ томъ, что они не нападутъ на него въ теченіе зимы, онъ затянулъ до конца года прелиминаріи конгресса, собравшагося въ Систовѣ, гдѣ должны были засѣдать, рядомъ съ Австріей и Турціей, представители Англіи, Пруссіи и Голландіи. Эти дипломаты съѣхалась лишь 30 декабря. Леопольдъ же намѣревался при помощи инцидентовъ и промедленій протянуть конгрессъ до весны, когда придется начинать все сызнова и откроется поле для дальнѣйшихъ соображеній.

Онъ отложилъ французскія дѣла такъ же, какъ были имъ отложены восточныя. Графъ д'Артуа прислалъ къ нему изъ Парижа довѣренное лицо, графа Кастельно; онъ встрѣтилъ его «сердечно и съ участіемъ», но только для того, чтобы дешевле отдѣлаться отъ него. Кастельно привезъ Кауницу патетическое письмо брата Людовика XVI: «Нѣтъ, князь Кауницъ не потерпитъ уничтоженія алтаря и престола!» [1]). Кауницъ заботился исключительно о престолѣ собственнаго государя и находилъ, что если и не слѣдуетъ разрушать алтаря, то, во всякомъ случаѣ, полезно отъ времени до времени колебать его. Онъ отвѣтилъ, что проекты графа д'Артуа кажутся ему ребячески-смѣшными и прибавилъ, что Австрія не будетъ ничего предпринимать безъ вѣдома Тюильрійскаго дворца. Но и въ Тюильрійскій дворецъ Леопольдъ препровождалъ лишь одни соболѣзнованія.

Секретарь Маріи-Антуанеты, Ожаръ, пріѣхалъ къ нему отъ имени королевы во Франкфуртъ.—Никакое вмѣшательство невозможно, объявилъ императоръ, развѣ только королевская семья оставитъ Парижъ; въ противномъ случаѣ, пытаясь защитить ее, только отдали бы ее подъ ножи; вмѣшательство возможно будетъ лишь при послѣдней крайности и въ томъ случаѣ, если Собраніе вздумаетъ низложить короля. Остальное не касается императора. «Если король хотѣлъ властвовать деспотически, это не мое дѣло... Нѣтъ ни одного государя въ мірѣ, который имѣлъ бы право спрашивать у націи отчета въ конституціи, ею самою дарованной; если она хороша, тѣмъ лучше для нея, если не хороша, этимъ воспользуются сосѣди». Ожаръ замѣтилъ, что дѣло короля Франціи есть дѣло всѣхъ монарховъ, и что съ ихъ стороны несправедливо было бы воспользоваться его несчастіемъ. Леопольдъ, хорошо знавшій прецеденты, не преминулъ возразить: «Ваше правительство не разъ подавало именно такого

[1]) Beer, *Leopold und Kaunitz*. Переписка Леопольда съ Кауницемъ и графомъ д'Артуа Сентябрь, 1790

ОТПЕЧАТАН

рода пагубные примѣры». Онъ не боялся революціонной заразы; ему казалось, что большая часть его государства предохранена отъ французской пропаганды: въ ней не говорятъ по-французски. Что касается Нидерландовъ, то онъ беретъ на себя оградить ихъ. Такъ какъ въ его интересахъ было желать дальнѣйшихъ затрудненій въ королевствѣ, то онъ замаскировывалъ свои расчеты благовидными доводами народнаго права. По такимъ же причинамъ отложилъ онъ и дѣло нѣмецкихъ князей, настаивавшихъ на поддержкѣ своихъ притязаній.

Празднованіе коронаціи, повидимому, разбудило, вмѣстѣ съ патріотическими чувствами, сутяжническіе инстинкты и сварливость нѣмцевъ. Публицисты подливали масло въ огонь и не упускали случая напоминать о старыхъ счетахъ [2]). Случай былъ слишкомъ удобенъ для чернильной войны, и они горячились одинъ передъ другимъ, изливая потоки ядовитѣйшей эрудиціи. Излюбленною темою знатоковъ леннаго права было нарушеніе мюнстерскаго и, по той же причинѣ, вѣнскаго договора, то есть присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи. Шведскій король, въ качествѣ поручителя по первому изъ этихъ трактатовъ, считалъ себя въ правѣ подавать голосъ и становился на сторону нѣмцевъ. Одинъ изъ его посланниковъ, а именно лондонскій, заявлялъ во всеуслышаніе, что «весьма понятно желаніе германской имперіи возвратить себѣ провинціи, которыя были отъ нея отторгнуты» [3]). До своего избранія, Леопольдъ обязался поддерживать права владѣтельныхъ князей. 10 октября, на другой день послѣ коронаціи, избирательная коллегія обратилась къ новому императору съ патетическимъ посланіемъ, предназначаемымъ для побужденія его къ скорѣйшему дѣйствію. «Ваше величество,—писали избиратели,—пріобрѣтете такимъ путемъ неувядаемую славу своего царствованія, исполнивъ горячія пожеланія всего нашего отечества». Но Леопольдъ далеко не раздѣлялъ сутяжническихъ поползновеній имперіи. Онъ обратился къ французскому правительству не ранѣе какъ 14 декабря, причемъ, заявляя свои требованія, увѣдомилъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, при вѣнскомъ дворѣ, «что вовсе не заинтересованъ въ спорѣ князей, а слѣдовательно приметъ въ немъ участіе лишь поскольку это касается его, какъ главы имперіи, и въ случаѣ такой необходимости

[2]) См.: напримѣръ, въ *Staatsanzeigen* Schloezer'a, 1789, t. XIII, p. 352—363, 367—376, статьи по случаю столѣтней годовщины вторженія въ Палатинатъ, озаглавленныя: «Людовикъ Великій, поджигатель въ Шпейерѣ и Вормсѣ, въ 1689 году». Въ замѣткѣ XIV тома, стр. 117, 1790 сдѣлана поправка въ этомъ заглавіи и вмѣсто Людовикъ Великій поставлено: Лувуа.

[3]) *Rapport de Barthélemy*, 7 janvier 1791. См. Governor Morris, 22 nov. 1790, t. II, p. 63.

ограничится точнымъ исполненіемъ долга въ этомъ именно качествѣ» [4]). Всѣ эти проволочки имѣли цѣлью дать ему время для укрѣпленія своей власти въ Венгріи и въ Нидерландахъ.

Съ венгерцами все шло какъ нельзя лучше. Они отпраздновали день смерти Іосифа II иллюминаціей и плясали вокругъ костровъ. Потребовали созванія сейма. Имъ было извѣстно, что Леопольдъ ничего противъ этого не имѣетъ: комитаты, не ожидая его приказа, собрались для произведенія выборовъ. Они были довольно бурны. Произнесены были пламенныя рѣчи и дѣлались различныя демонстраціи, внѣшнимъ образомъ напоминавшія первые дни французской революціи, но духъ былъ иной. Если и употребляли одни и тѣ же выраженія, то вкладывали въ нихъ иной смыслъ, и самъ Боркъ, еслибъ заглянулъ въ сердца венгерцевъ, нашелъ бы ихъ неповинными въ заблужденіи и чистыми отъ грѣха. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые ученики философовъ клонили въ сторону демократіи и взывали къ правамъ человѣка и гражданина, но громадное большинство требовало правъ исключительно для мадьяръ, то есть древнихъ хартій, традиціонныхъ вольностей или, проще говоря, привилегій аристократіи, стоявшей за свои собственныя права и преимущества и съ презрѣніемъ относившейся къ народнымъ стремленіямъ и надеждамъ. Большая часть говорила о равенствѣ лишь для того, чтобы осуждать его принципъ. Не крестьянамъ приходится жаловаться на господъ, а господамъ на крестьянъ, объявляли въ нѣкоторыхъ венгерскихъ комитатахъ; вмѣсто того, чтобы вводить мѣры для облегченія крѣпостного состоянія, слѣдовало бы скорѣе возстановить его во всей силѣ. Демократическая агитація ограничивалась городами: воинственные и хорошо вооруженные дворяне задушили ее въ средѣ сельскаго населенія. «Эта революція не сближала Венгрію съ Франціей, а напротивъ отдаляла отъ нея. Она имѣла исключительно національный характеръ. Стали снова пѣть и спорить на мадьярскомъ языкѣ. Правда, говорилось о возвращеніи къ естественному состоянію и праву, но подразумѣвались естественное состояніе скиѳовъ и татарское право, истолкованныя венгерскими магнатами, а не древне-греческая жизнь и римское право, переложенныя на французскіе нравы. Вдохновлялись не Ликургомъ, а Арпадомъ-завоевателемъ, Гуніадомъ-освободителемъ, а при случаѣ и Аттилой, легендарнымъ основателемъ королевства. Господствующее теченіе было вполнѣ феодальнымъ, и Венгрія, предоставленная собственному усмотрѣнію, погружалась въ средневѣковье [5]).

Сеймъ собрался 21 іюня среди бурныхъ кликовъ и привѣтствій. Онъ потребовалъ подтвержденія древнихъ вольностей, періодическаго созванія

[4]) Вѣнское донесеніе отъ 1 января 1791 г.

[5]) Saxous, *Histoire des Hongrois* de 1790 à 1815, Paris, 1872, p. 15—30.

собраній, права установленія налоговъ, вотированія новыхъ законовъ. Онъ потребовалъ для Венгріи права быть управляемой одними венгерцами и изъятія ея изъ деспотическаго режима, правившаго остальными государствами австрійской имперіи. Леопольдъ спокойно предоставилъ ей излагать пожеланія и даже декретировать ихъ осуществленіе. Онъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, лишь бы только сеймъ оставлялъ ему свободу дѣйствій въ веденіи иностранной политики и безконтрольное распоряженіе венгерскимъ рекрутскимъ наборомъ. Впрочемъ реформаторскій пылъ сейма далѣе этого не пошелъ и умѣрять его правительству не оказалось надобности. Право горожанъ на занятіе общественныхъ должностей было потребовано императоромъ и именно сеймъ-то и отказалъ въ немъ. Крестьяне пріобрѣли право свободнаго передвиженія; но ихъ не избавили отъ тѣлеснаго наказанія. Такимъ образомъ распространеніе французскихъ воззрѣній, поистинѣ, представляло мало опасности въ этой странѣ. Примиреніе между венгерскими ультра-аристократами и уважавшимъ ихъ права государемъ совершилось внезапно и непосредственно. Коронованіе, происходившее 15-го ноября, имѣло блескъ чистонаціональнаго торжества; это было какъ бы возобновленіемъ вѣковаго договора, соединявшаго Венгрію съ австрійскимъ домомъ. Стихотворцы воспѣвали воцареніе короля: «весь міръ завидовалъ по этому поводу ихъ прекрасной родинѣ» [6]).

Въ Венгріи Леопольду удалось предотвратить революцію; въ Бельгіи онъ принужденъ былъ подавлять ее. Но такъ какъ онъ уже располагалъ войсками, то и направилъ въ Нидерланды всѣ тѣ, которыя были свободны вслѣдствіе перемирія, заключеннаго съ Турціей, подчиненія Венгріи и отступленія пруссаковъ. Тѣмъ временемъ конгрессъ, созваніе котораго постановлено было въ Рейхенбахѣ, собирался въ Гагѣ. Леопольдъ назначилъ своимъ уполномоченнымъ посланника при французскомъ дворѣ графа де Мерси. Этотъ дипломатъ прибылъ въ Гагу 14 октября. Въ тотъ же день Леопольдъ объявилъ бельгійцамъ о намѣреніи своемъ сохранить провинціальныя хартіи, подъ обезпеченіемъ трехъ посредничающихъ державъ: Англіи, Пруссіи и Голландіи [7]). Онъ обѣщалъ всеобщую амнистію и призвалъ къ покорности своихъ мятежныхъ подданныхъ, назначивъ имъ срокъ 21 ноября. Всѣ три двора внушали бельгійцамъ согласиться на предлагаемыя имъ условія. Главари бельгійской революціи отвергли ихъ; но имъ пришлось ограничиться демонстраціями. Союзники покидали ихъ; войска приходили въ безпорядокъ; пруссакъ Шенфельдъ,

[6]) Стихотвореніе Песчели, приводимое у Sayous, стр. 39.

[7]) Vivenot, *Quellen*, t. I, p. 63 et s., *Précis des faits relatifs au congrès de la Haye*.—Borgnet, t. I, ch. VI et VII.—Juste, t. II, ch. II, V, VI.

командовавшій частью этихъ войскъ, завершилъ плохо-замаскированной измѣной болѣе чѣмъ двусмысленную роль, которую игралъ все время.

Вся энергія народнаго возстанія таяла и, такъ сказать, испарялась монастырскимъ фанатизмомъ. Брюссель далъ зрѣлище парижскихъ сценъ временъ лиги. Тамъ, какъ позднѣе въ Испаніи, монахи съ бѣшенствомъ призывали чернь къ оружію, поднимая одною рукою кинжалъ, а другою—распятіе. Къ баррикадамъ готовились крестными ходами. Неосторожнаго слова, случайнаго доноса было достаточно, чтобы возбудить толпу къ рѣзнѣ. Какого-то прохожаго обвиняютъ въ оскорбленіи изображенія Св. Дѣвы. Толпа бросается на него. «Смерть ройялисту-безбожнику!»—кричитъ капуцинъ Гюгъ, предводительствовавшій толпою. Виновнаго въ кощунствѣ вѣшаютъ на фонарѣ; веревка обрывается, его ставятъ на колѣни, вѣрнѣе отпиливаютъ, чѣмъ отрубаютъ голову, насаживаютъ ее на пику и, обойдя съ нимъ весь городъ, выставляютъ безобразный трофей въ саду капуцинскаго монастыря. Власти приходятъ въ ужасъ. Охваченное страхомъ Собраніе обсуждаетъ странныя мѣропріятія. Чтобы удовлетворить чернь, недостаточно вернуться къ конституціямъ Маріи-Терезіи, приходится отодвинуться на два-три вѣка назадъ и возстановить средневѣковыя общины.

При такомъ давленіи со стороны уличной толпы, бельгійскій конгрессъ не осмѣливался дать отвѣтъ на ультиматумъ Леопольда. Онъ медлилъ и выжидалъ удобнаго случая. 21 ноября, въ одиннадцать часовъ вечера, за часъ до истеченія послѣдняго срока, назначеннаго императоромъ, конгрессъ провозгласилъ эрцгерцога Карла, третьяго сына Леопольда, наслѣдственнымъ великимъ герцогомъ. Леопольдъ не пожелалъ удовлетвориться такимъ компромиссомъ. Войска его выступили 22 ноября; 24-го Намуръ капитулировалъ; 30-го войска были уже подъ Брюсселемъ. Конгрессъ разошелся, и республика рушилась сама собою. 2 декабря покорность была всеобщая и Леопольдъ снова овладѣлъ Бельгіей. Онъ выказалъ, послѣ побѣды, обѣщанную имъ умѣренность. Указы Іосифа II были отмѣнены, хартіи—возстановлены, и все возвращено было къ тому положенію, которое существовало при Маріи-Терезіи, то-есть во время наибольшаго процвѣтанія тѣхъ провинцій. Договоръ, заключенный въ Гагѣ 10 декабря, положилъ конецъ посредничеству союзниковъ. Бельгійская революція кончилась; Леопольдъ считалъ свою власть обезпеченной на томъ основаніи, что всѣ партіи были заинтересованы въ признаніи его правительства: аристократы, потому что онъ подтверждалъ ихъ привилегіи, демократы, потому что они могли ожидать лишь отъ него одного реформъ въ смыслѣ уравненія правъ.

Лондонскій дворъ воздержался отъ всякаго возраженія. Онъ видѣлъ

въ возстановленіи власти въ Нидерландахъ наилучшее огражденіе отъ самой крупной опасности: союза бельгійцевъ съ французами и вмѣшательства Франціи въ бельгійскія дѣла [8]). Къ тому же Питта серьезно озабочивали успѣхи Россіи, которую онъ пытался сдерживать, а для этой цѣли соглашеніе съ Австріей казалось ему единственнымъ мирнымъ средствомъ. Леопольдъ, прекращая войну съ Турціей, естественно долженъ былъ желать, чтобы и русская императрица не продолжала ея. Расчетъ оказался вполнѣ вѣрнымъ, и когда въ ноябрѣ Питтъ послалъ лорда Эльджена въ Вѣну для соглашенія съ Леопольдомъ, онъ только предупредилъ желаніе самого императора [9]). Подготовлялся цѣлый переворотъ въ европейской системѣ; онъ долженъ былъ нанести ущербъ Пруссіи.

III.

Фридрихъ-Вильгельмъ уже не питалъ никакихъ иллюзій, относительно значенія обязательствъ, принятыхъ въ Рейхенбахѣ: Россія не принимала ихъ въ соображеніе, Австрія обходила ихъ. Пруссія увидѣла себя обманутой врагами, покинутой союзниками, проклинаемой народами, которыхъ подстрекала къ возстанію. Офицеры ея уѣхали изъ Бельгіи, войска очистили Люттихъ, уже занятый австрійцами. Измѣна Густава III и пренебреженіе, съ которымъ Россія отклонила прусское посредничество на Востокѣ, повергли въ уныніе берлинскій дворъ [1]). Въ довершеніе неудачъ, поляки вотировали 6 сентября декретъ, формально воспрещавшій какую бы то ни было уступку территоріи республики въ пользу иностраннаго государства. Полякамъ приходилось теперь расчитывать исключительно на собственныя силы: если они и послѣ этого придавали какое бы то ни было значеніе обезпеченію, данному Пруссіей по отношенію къ ихъ территоріи, то впадали въ величайшее заблужденіе относительно цѣнности трактатовъ вообще и въ частности договора, подписаннаго ими съ берлинскимъ дворомъ. Маркизъ Луккезини покинулъ Варшаву, гдѣ ему уже не зачѣмъ было слѣдить, и отправился на конгрессъ въ Систово, искать новыхъ партнеровъ для своей игры. «Я не былъ бы удивленъ»,— писалъ англійскій посланникъ, близко знакомый съ дипломатическими нравами своего времени,—«если бы маркизъ сталъ добиваться, ради Прус-

[8]) *Rapport de Londres*, 14 décembre 1790, 4 février 1791.

[9]) Herrmann, t. VI, p. 395.—Stanhope, t. II, ch. XV.—*Correspondance de Londres*, novembre et décembre 1795.

[1]) «Удивленіе пруссаковъ граничитъ съ полнымъ упадкомъ духа».—«Это извѣстіе—громовой ударъ, поражающій прусское самомнѣніе». *Rapports de Berlin*, 31 août et 25 sept. 1790.

сіи, расширенія польской территоріи, посредствомъ соглашенія съ имперскими дворами» [2]).

Громкая неудача, постигшая широкіе замыслы Герцберга, окончательно подорвала кредитъ этого министра. Если онъ и продолжалъ еще держаться на своемъ посту и вести текущія дѣла, важныя политическія тайны уже ускользали отъ него: онъ потерялъ довѣріе короля. Святоша Бишофсвердеръ готовился замѣнить его; но этотъ любимецъ былъ слишкомъ ловкимъ человѣкомъ и слишкомъ хорошо зналъ характеръ своего государя, чтобы домогаться министерскаго поста. Ему довольно было закулиснаго вліянія. Онъ пользовался фактическою властью и охотно предоставлялъ оффиціальные посты дипломатамъ по профессіи. Онъ высказывалъ свое мнѣніе лишь съ глазу на глазъ и велъ исключительно тайные переговоры. Эта таинственность и домашнія отношенія въ правительственной сферѣ льстили взбалмошному и подозрительному нраву Фридриха-Вильгельма, который дѣйствительно вѣрилъ, что онъ одинъ руководитъ всей государственной машиной [3]).

Бишофсвердеръ велъ его къ своимъ цѣлямъ весьма извилистою и скрытою тропой. Эти цѣли заключались въ союзѣ между Пруссіею и Австріей. Цѣлью союза было обузданіе честолюбивыхъ стремленій Россіи и подавленіе революціонной пропаганды, исходившей изъ Франціи. Оцѣнивъ умѣнье Леопольда вести свои дѣла, Бишофсвердеръ нашелъ, что такихъ людей какъ австрійскій императоръ лучше имѣть друзьями, чѣмъ противниками. Но для того, чтобы привлечь на свою сторону такого искуснаго игрока, необходимо было предложить ему крупныя выгоды и привести его къ соглашенію ловкимъ и обдуманнымъ ходомъ. Какая-нибудь неосторожность со стороны французовъ могла бы доставить пруссакамъ желанный поводъ. Они рѣшили вызвать этотъ случай собственнымъ починомъ. Парижскіе государственные люди новой школы казались весьма расположенными къ союзу съ Пруссіей. Бишофсвердеръ сообразилъ, что они соблазнятся первыми предупредительными шагами со стороны Пруссіи и увлекутся какою-нибудь дерзкою и безтактною выходкой противъ Австріи: Пруссія же, указавъ въ Вѣнѣ на явное доказательство измѣны Франціи, несомнѣнно будетъ встрѣчена съ признательностью, если предложитъ послѣ того замѣнить собою вѣроломную союзницу, а при случаѣ даже бороться съ нею.

Французскій посланникъ въ Берлинѣ только что занялъ свой постъ. Графъ д'Эстерно, заболѣвшій въ теченіе лѣта, принужденъ былъ уда-

[2]) *Rapport de Hailes*, 29 nov. 1790.—Herrmann, t. VI, p. 331.—См. Ferrand, livre IX.

[3]) Sybel, 4-e éd. t. I, p. 272.—Philippson, t. I, p. 293.

ОТПЕЧАТАН

литься. Преемникъ его, графъ де-Мустье, прибылъ въ Берлинъ только въ декабрѣ. Обходительный свѣтскій человѣкъ и преданный роялистъ, Мустье принадлежалъ къ той классической школѣ, которая еще преобладала въ дипломатическомъ мірѣ и смотрѣла на австрійскую систему, какъ на политическую ересь [4]). Такое возрѣніе обусловливало своего рода расположеніе къ нему революціонныхъ сферъ, не взирая на его явно-монархическія симпатіи [5]). Такимъ образомъ, хотя и по весьма различнымъ мотивамъ, онъ рисковалъ попасть въ ту же прусскую ловушку, которую готовили и демократамъ. Весьма холодно принятый вначалѣ, онъ замѣтилъ, что отношеніе къ нему внезапно измѣнилось и запертыя «тройнымъ замкомъ» двери отворились передъ нимъ. Эта неожиданная милость маскировала запутанный маневръ, предпринятый тогда въ Парижѣ наиболѣе лукавымъ маклеромъ темныхъ дѣлъ, которымъ только располагали въ Берлинѣ: «совѣтникомъ комиссіи» Эфраимомъ. Этотъ еврей только что успѣлъ доказать свою ловкость и умѣнье во время революціи въ Нидерландахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ его въ Парижъ, а письмо этого государя къ Гольцу поручало облегчить Эфраиму пути и доставить ему связи [5]). Гольцъ подготовилъ ихъ еще задолго до того времени. Онъ доставилъ королевскому агенту доступъ къ Лафайету, Барнаву, Ламету; онъ свелъ его съ Петіономъ, Бриссо, Женсонне и вообще со всѣмъ ихъ кругомъ. Эфраимъ нашелъ въ этой средѣ сильное неудовольствіе противъ Австріи и большую снисходительность къ Пруссіи. Впрочемъ онъ громче всѣхъ кричалъ противъ Австріи, а циническія рѣчи его о королевѣ показались достаточно вѣрнымъ доводомъ въ пользу симпатій его къ Франціи. Подготовивъ такимъ способомъ почву, Эфраимъ втерся къ Монморену подъ предлогомъ совѣщанія съ нимъ объ экономическихъ интересахъ обѣихъ націй. «Онъ выставилъ предлогомъ для этого торговый договоръ», писалъ Монморенъ, «но у меня есть основаніе думать, что его миссія не ограничивается этимъ и что ему поручено позондировать насъ относительно политическаго сбли-

[4]) «*Mémoires de M. de Moustier sur les relations de la France et de la Prusse*», oct. 1790 г. Мустье совѣтовалъ поддерживать прусскую политику на Востокѣ и Сѣверѣ, что возвратило бы Францію къ прежней системѣ покровительства Швеціи и Турціи. «Трудно предположить», заключалъ онъ, «чтобы Пруссія сохранила нейтралитетъ по отношенію къ Франціи. Отсрочка—вотъ все, на что мы можемъ расчитывать при настоящемъ положеніи дѣлъ. Все говоритъ въ пользу союза съ нею, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Судьба королевства можетъ зависѣть отъ успѣшнаго заключенія этого союза».

[5]) Донесеніе Ласурса объ образѣ дѣйствій Монморена, 31 августа 1792 г. *Moniteur*, t. XIII, p. 531.

[6]) 14 сентября 1790 г. Sybel, 4-e éd, t. I, p. 274.

женія». Эфраимъ намекалъ на изолированность Мустье въ Берлинѣ, говорилъ, что «почелъ бы себя счастливымъ доставить ему полезныя связи»; въ концѣ концовъ онъ вручилъ Монморену рекомендательное письмо къ своей женѣ, «еврейкѣ Эфраимъ», какъ ее называли. «У нея есть возможность доставить случай видѣть г. Бишофсвердера и даже самого прусскаго короля [7]), прибавилъ обязательный «совѣтникъ комиссіи». Монморенъ нашелъ удобнымъ доставить это письмо Мустье, но озаботился посовѣтовать ему крайнюю осторожность, такъ какъ и само дѣло и люди, которые его вели, кажутся ему въ высшей степени не заслуживающими довѣрія.

Приходилось, такъ сказать, входить съ задняго двора. Еврейка открывала дверь къ фавориту, фаворитъ впускалъ къ королю. Мустье встрѣтился съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ частномъ домѣ, гдѣ разговоръ ихъ «не могъ быть никѣмъ услышанъ». Король сказалъ, что «судьба такой великой націи не можетъ быть безразличною для Европы». Впрочемъ, по его мнѣнію, «Франція, по своему положенію, рессурсамъ и населенію можетъ обходиться безъ остальной Европы».—«Франція тѣмъ не менѣе не отказывается отъ дружескихъ связей», отвѣчалъ Мустье [8]). Король оставилъ это замѣчаніе безъ отвѣта; но Бишофсвердеръ сдѣлалъ нѣсколько дней спустя визитъ французскому посланнику. Онъ подѣйствовалъ на слабую струну Мустье—враждебность къ Австріи.—Король, внушалъ онъ, «видитъ въ Англіи двусмысленную дружбу, а въ императорѣ—скрытаго врага». Франція, прибавилъ онъ, не заинтересована въ ослабленіи Пруссіи въ настоящую минуту, когда она начинаетъ дѣйствовать противъ Россіи. Мустье вывелъ изъ этихъ словъ заключеніе о желаніи возобновить союзъ съ Франціей. «То, что мы считали желательнымъ, повидимому, напрашивается къ намъ само», писалъ онъ. Однако же онъ отвѣчалъ на эти заявленія неопредѣленными вѣжливыми фразами и просилъ инструкцій у Монморена [9]).

У министра были основательныя причины не довѣрять всѣмъ этимъ прусскимъ манёврамъ. Эфраимъ игралъ въ Парижѣ весьма темную роль. Онъ посѣщалъ клубы и обращалъ на себя тамъ вниманіе яростно-демократическими выходками. «Цѣль его», писалъ Монморенъ [10]), «поссорить насъ съ императоромъ, и онъ думаетъ, что, возбуждая умы противъ королевы, всего вѣрнѣе этого достигнетъ. Онъ занимается темными происками и старается повліять на журналистовъ. Я почти увѣренъ, что онъ сыплетъ деньгами, и намъ извѣстно, что онъ получаетъ

[7]) Письмо Монморена къ Мустье, 20 декабря 1790 г.

[8]) Донесеніе Мустье, 30 декабря 1790 г.

[9]) Донесеніе изъ Берлина 26 января 1791 г.

[10]) Письмо къ Мустье отъ 23 января 1791 г. Sybel 4-e édit t. I, p. 275.

значительныя суммы чрезъ банкирскія конторы [11])». Эти революціонные маневры всего способнѣе были разочаровать графа де-Мустье. Движимый вначалѣ любопытствомъ, не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы оставаться надолго ослѣпленнымъ. Къ тому же свѣдѣнія, которыя ему приходилось собирать въ Берлинѣ, заставили бы остерегаться и менѣе осторожнаго дипломата. При томъ положеніи, въ какомъ находится Франція, повторяли вокругъ него «нельзя ни бояться ея, ни желать дружить съ нею». Получивъ совѣтъ держаться на сторожѣ, онъ нашелъ инструкцію весьма разсудительною и охотно сообразовался съ нею [12]).

На этихъ попыткахъ и остановились переговоры, и о нихъ не стоило бы и упоминать, если бы, позднѣе, они не дали повода къ обвиненіямъ противъ Монморена: люди, сами попавшіе въ ловушку Эфраима, обвинили въ измѣнѣ министра за то, что онъ отвергъ предложенія прусскаго короля [13]). Эмиссаръ Фридриха Вильгельма, уличенный въ своихъ темныхъ дѣлахъ, исчезъ изъ министерскихъ переднихъ. Бишофсвердеръ пересталъ посѣщать Мустье и не показывался даже при дворѣ. Распространился слухъ о его немилости. Мустье заподозрилъ новую махинацію. «Быть можетъ», писалъ онъ Монморену, «что если бы извѣстна была причина немилости Бишофсвердера, мы получили бы ключъ къ загадочной политикѣ Пруссіи». Это мнѣніе не лишено было дальновидности, такъ какъ событія доказали его основательность.

Раздувая въ Парижѣ ненависть къ Австріи и работая въ Берлинѣ надъ окончательнымъ уничтоженіемъ союза между Франціей и Австріей,— Пруссія не менѣе дѣятельно поддерживала контръ-революціонное рвеніе эмигрировавшихъ принцевъ и возбуждала враждебность Австріи къ Франціи [14]). Втираясь къ графу Мустье, Бишофсвердеръ въ то-же время посѣщалъ австрійскаго посланника князя Рейсса и держалъ ему рѣчи, совершенно противоположныя тѣмъ, съ какими подходилъ къ агенту французскаго правительства. Мало этого, выходя отъ австрійскаго министра, онъ направлялся къ русскому посланнику и одинаково предлагалъ ему и свои личныя услуги, и дружбу своего короля [15]).

Впрочемъ главное теченіе шло къ Австріи; съ этой стороны представлялись теперь Пруссіи наиболѣе полезныя операціи. Князь Гогенлоэ [16]), герцогъ Брауншвейгскій и другіе вельможи повсюду повторяли, что въ виду опасностей, грозившихъ всѣмъ европейскимъ престоламъ, король прусскій измѣнилъ свои намѣренія; что онъ забываетъ о собственныхъ интересахъ и заботится, главнымъ образомъ, объ интересахъ Европы; что онъ желаетъ сближенія съ Австріей и соглашенія съ нею, въ видахъ возстановленія монархической власти во Франціи. Эти государственные люди не забывали прибавлять, что если французы окажутъ сопротивленіе, союзники вознаградятъ себя на ихъ счетъ за убытки, понесенные вслѣдствіе желанія ихъ усмирить. Если прекрасно стоять за право, то вполнѣ справедливо не упускать изъ вида и собственной пользы. У этихъ борцевъ за святое дѣло уже имѣлся вполнѣ выработанный планъ дѣйствія. Князь Гогенлоэ изложилъ его 13 сентября 1790 г. князю Рейссу; въ случаѣ надобности, Австрія возьметъ себѣ часть Геннегау, а Пруссія присоединитъ Эльзасъ къ палатинату; курфирстъ же уступитъ ей провинціи: Жюльеръ и Бергъ [17]).

Въ Вѣнѣ Кауницъ пожималъ плечами. «Пора, давно пора», писалъ онъ Рейссу [18]) «держаться относительно берлинскаго двора такого способа дѣйствій, который приличествуетъ первоклассной державѣ, какова наша, если только мы желаемъ заставить этотъ дворъ отказаться отъ диктаторскаго тона, въ которомъ онъ осмѣливается говорить съ нами». Кауницъ, также какъ и соперникъ его Герцбергъ, стоялъ за классическую враждебность обоихъ дворовъ. Съ нимъ случилось то же, что и съ Герцбергомъ, то есть, что, пожелавъ измѣнить систему, его государь сдѣлалъ это помимо его вѣдома. Леопольдъ былъ политикомъ безъ предразсудковъ и не отличался упрямствомъ; онъ съ уваженіемъ выслушивалъ совѣты стараго слуги своего дома, но пользовался ими въ мѣру, полагаясь прежде всего

[11]) Ферзенъ писалъ Густаву III отъ 8 марта 1791 г., что Эфраимъ доставляетъ денежныя средства агентамъ революціонной пропаганды». «Еще недавно онъ получилъ 600000 ливровъ». Fersen, t. I, p. 87.

[12]) Донесеніе Мустье изъ Берлина отъ 4, 10 и 28 февраля 1791 г. «Нельзя не согласиться», писалъ Мустье «что при берлинскомъ дворѣ имѣютъ настолько ложное понятіе о политикѣ, что легко смѣшиваютъ ее съ искусствомъ интриговать всякими способами. Безнравственность въ этомъ отношеніи доведена здѣсь до весьма высокой степени». Часть документовъ, касающихся тайныхъ переговоровъ Эфраима находится въ національномъ Архивѣ: Донесенія Мустье 30 декабря 1790 г.; 18, 26 января 4 и 19 февраля 1791 г. Депеша Монморена отъ 4 февраля 1791 г.

[13]) «Монморенъ отвергъ союзъ съ Пруссіей и тѣмъ пожертвовалъ французскими интересами въ пользу австрійскихъ.... Напрасно ваши комитеты предполагали, что онъ не довѣряется искренности предупредительныхъ завѣреній берлинскаго двора. Невозможно, чтобы этотъ дворъ не былъ искренъ».—Донесеніе Ласурса 31 августа 1792 г. *Moniteur*, t. XIII, p. 591. См. Допросъ Монморена, id., p. 493.—См. Masson, *Affaires étrangères*, p. 102, 222.

[14]) Sybel 4-e édit. t. I, p. 275—279.—Beer, *Leopold und Catharina*, p. 36 et suiv.

[15]) Мартенсъ, Русскій договоръ, Т. VI, стр. 146.

[16]) Князь Гогенлоэ Ингельфингенъ—генералъ прусской службы.

[17]) Beer, *Leopold und Catharina*, p. 37. Донесеніе князя Рейсса отъ 14 сент. 1790.

[18]) 14 декабря 1791. Beer, p. 40.

на собственное сужденіе. Расшатанность прусской политики побуждала Фридриха-Вильгельма искать союза съ Австріей; послѣдствія, вытекавшія изъ замысловъ Леопольда, заставляли его благосклонно встрѣчать предупредительность Пруссіи. Интриги съ одной и расчетъ съ другой стороны содѣйствовали сближенію обоихъ государствъ.

Екатерина II только что блестяще закончила кампанію. 22 декабря 1790 г. ея войска, которыми командовалъ Суворовъ, овладѣли Измаиломъ. Это было самое громкое и одно изъ кровопролитнѣйшихъ дѣлъ всего XVIII вѣка [19]). Екатерина полагала, что неустрашимость ея войска и чудовищное истребленіе турокъ внушатъ дипломатамъ соображенія миролюбиваго свойства. Поэтому она и выказала большую требовательность и по отношенію къ противнику, и даже по отношенію къ союзнику. Она потребовала Очаковъ и линію Днѣстра. Леопольдъ не желалъ ни воевать съ Турціей, съ цѣлью поддержанія русскихъ требованій, ни дозволить Россіи расширить предѣлы, не воспользовавшись при этомъ возможностью исправить собственныя границы. Онъ обѣщалъ въ Рейхенбахѣ договориться съ турками на основаніи statu quo, но эта основа допускала различныя толкованія и сдѣлки. Въ ожиданіи и на всякій случай, чтобы не стѣснять себя въ будущемъ, Леопольдъ прервалъ 10 февраля переговоры, начатые въ Систовѣ 20 декабря. Онъ такъ успѣшно запуталъ тамъ дѣла, что единственнымъ возможнымъ соглашеніемъ оказалась отсрочка конгресса [20]).

Однако нельзя было оставить этихъ промедленій безъ надлежащаго разъясненія. Посланный Питтомъ лордъ Эльденъ побуждалъ императора къ опредѣленному рѣшенію, то есть къ тому, чтобы онъ высказался противъ Россіи, которая, вслѣдствіе такого заявленія, принуждена будетъ сократить свои требованія. Леопольдъ, желая уклониться отъ такого шага, пріискалъ весьма благовидный предлогъ. Желательная комбинація, сказалъ онъ, не тройственный союзъ противъ Россіи, а великій союзъ четырехъ державъ: Англіи, Пруссіи, Россіи и Австріи, съ цѣлью взаимнаго обезпеченія территорій и сохраненія всеобщаго мира. «Этотъ проектъ», писалъ англійскій делегатъ «созрѣлъ въ его умѣ вслѣдствіе соображеній о свойствѣ и успѣхѣ того, что онъ называетъ французскими воззрѣніями. Онъ настоятельно указываетъ на то, что французскіе эмиссары волнуютъ Европу, что прусскіе гарнизоны переполнены ими, что мелкія нѣмецкія государства, въ которыхъ, конечно, не мало «тягостныхъ порядковъ», неминуемо сдѣлаются ихъ добычей. При такихъ соотношеніяхъ, союзъ есть единственно-возможная мѣра. Онъ даетъ всеобщему миру наиболѣе прочное основаніе, а члены федераціи, убѣдившись въ неудобствахъ для нихъ военнаго положенія въ Европѣ, предохранили-бы себя отъ козней, самомнѣнія и эгоизма» [21]). Это, такъ сказать, зародышъ Священнаго Союза; но въ умѣ Леопольда онъ былъ не чѣмъ инымъ какъ дипломатическимъ средствомъ; французскія же дѣла хотя и принимались имъ въ соображеніе, но такъ же, какъ и на Рейхенбахской конференціи, лишь въ смыслѣ чего-то добавочнаго и второстепеннаго.

Въ то самое время, какъ Леопольдъ разсуждалъ о положеніи вещей въ Европѣ, князь Рейссъ извѣстилъ его, что Бишофсвердеръ ждетъ только слова, чтобы явиться въ Вѣну. Леопольду показалось, что такой визитъ былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Бишофсвердеру было дано знать, что онъ будетъ хорошо принятъ императоромъ. Тогда-то онъ, уѣзжая изъ Берлина, самъ распространилъ слухъ о мнимой немилости своей, чтобы скрыть свою миссію отъ Герцберга: этотъ министръ, вслѣдствіе своей ненависти къ Австріи, не замедлилъ бы противодѣйствовать планамъ фаворита. Точно также и императоръ почелъ за лучшее скрыть переговоры отъ Кауница. Бишофсвердеръ вошелъ въ сношенія съ вице-канцлеромъ, графомъ Филиппомъ Кобенцлемъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ своего государя. Въ Вѣнѣ, какъ и въ Берлинѣ, требовались новые люди для новой политики, и государи скрывали отъ старыхъ канцлеровъ свои намѣренія, въ ожиданіи того часа, когда придется смѣнить старыхъ слугъ. Бишофсвердеръ былъ принятъ императоромъ 23 февраля. Если Леопольдъ дѣлалъ, такъ-сказать, только абрисъ Священнаго Союза, то Бишофсвердеръ уже говорилъ на его мистическомъ и высокопарномъ жаргонѣ. Его депеши ввели въ дипломатію сентиментальность и прибавили лишній образецъ слоговой напыщенности къ традиціонной галиматьѣ дипломатическихъ канцелярій. «Я въ восхищеніи отъ дарованной мнѣ аудіенціи»,— писалъ онъ на другой день послѣ пріема.—«Какая доброта! какая ясность во всемъ существѣ этого монарха! Онъ созданъ, чтобы царить надъ сердцами!» Бишофсвердеръ утверждалъ, что «голосъ человѣчества говоритъ его устами»; Провидѣніе безпрестанно упоминалось въ его рѣчахъ. Тѣмъ не менѣе говорилось несравненно болѣе о Россіи и Польшѣ, о Торнѣ, Очаковѣ и «усовершенствованномъ statu quo», чѣмъ о французской революціи и распространеніи французскихъ идей. Леопольдъ объявилъ, что

[19]) Русскихъ войскъ было 22.000, турокъ 38.000. Русскія войска потеряли 12.000 человѣкъ. Турокъ убито было 28.000, въ томъ числѣ много горожанъ. Городъ былъ разграбленъ. Langeron, *Journal de la seconde campagne en Bessarabie et en Moldavie* 1790.

[20]) Zinkeisen, t. VI, p. 806. — Vivenot, *Quellen*, t. I, *Correspondances du congrès*.

[21]) Донесеніе лорда Эльджена, 9 янв. 1791. — Herrmann, *Diplomatische Correspondenzen* 1791 — 1797, Gotha, 1867, p. 43. — Id. *Geschichte Russland's*, t. VI p. 397.

© ГПИБ СО РАН

почтетъ себя счастливымъ согласиться по всѣмъ пунктамъ съ прусскимъ королемъ, что встрѣча съ нимъ доставитъ ему большое удовольствіе, но, что ничего нельзя будетъ достигнуть до тѣхъ поръ, пока Герцбергъ остается на министерскомъ посту. Леопольдъ прибавилъ, что онъ во всякомъ случаѣ намѣренъ оставаться вѣрнымъ своему союзу съ Россіей.

Бишофсвердеръ выѣхалъ изъ Вѣны 4 марта, въ восторгѣ отъ оказаннаго ему пріема. Что касается императора, то успокоенный по отношенію къ Пруссіи и твердо рѣшивъ выжидать дальнѣйшихъ шаговъ съ ея стороны, онъ сталъ приготовляться къ отъѣзду въ Италію, приказавъ своему посланнику при петербургскомъ дворѣ сообщить обо всемъ императрицѣ. Онъ полагалъ, что достаточно предоставить вещи ихъ естественному теченію для того, чтобы все сложилось къ его выгодѣ. Увѣренная въ поддержкѣ Австріи, Россія останется непоколебимой въ вопросѣ объ Очаковѣ; Англія не начнетъ войны изъ-за этого лоскута турецкой территоріи; изолированная и впавшая въ уныніе Пруссія, безъ всякихъ условій, согласится на союзъ съ Австріей, а императоръ, сдѣлавшійся третейскимъ судьею въ вопросѣ мира, безъ лишнихъ заботъ, исправитъ свои восточныя границы. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ, Леопольдъ не принималъ въ расчетъ одной Франціи. Мало того, онъ устранялъ ее изо всѣхъ европейскихъ комбинацій, откладывая спорныя съ нею дѣла и приводя этимъ въ отчаяніе мелкія имперскія государства. Но онъ не имѣлъ возможности ни удалить эмиссаровъ французскаго двора, ни вполнѣ освободиться отъ просьбъ французскихъ принцевъ, бѣжавшихъ изъ Франціи: они преслѣдовали его во все время его путешествія и противодѣйствовали всѣмъ его комбинаціямъ.

ГЛАВА III.

Эмигранты.

1790—1791.

I.

Въ лицѣ эмиграціи старый порядокъ переживалъ, такъ сказать, свое паденіе и произносилъ надъ собою безпощадный приговоръ. Франція упразднила его, онъ попытался возстановить себя на ея границахъ и снова завоевать Францію. Я не говорю здѣсь о злополучной толпѣ бѣглецовъ, изгнанныхъ изъ замковъ крестьянскими возмущеніями, изъ городовъ—водворившейся тамъ анархіей, вынужденныхъ бѣжать изъ отечества отъ преслѣдованій мелкихъ деревенскихъ и городскихъ тирановъ, чтобы избѣжать разоренія, тюрьмы или эшафота. Законъ поставилъ имъ добровольное изгнаніе въ преступленіе лишь послѣ того, какъ беззаконіе обусловило имъ избавленіе путемъ бѣгства изъ родной земли. Этихъ несчастныхъ можно сравнить развѣ только съ людьми, эмигрировавшими послѣ отмѣны Нантскаго эдикта; они были жертвами своего происхожденія и заслуживаютъ не меньшаго состраданія. Но такая вынужденная эмиграція началась лишь съ лѣта 1791 года и приняла обширные размѣры только въ 1792 году. Эмиграція же, о которой пойдетъ рѣчь въ настоящей главѣ, это эмиграція болѣе ранняго времени [1]), образовавшая политическую партію и составившая ядро будущей коалиціонной арміи. Она вполнѣ сходствуетъ со всѣми побѣжденными въ отечествѣ мятежными партіями, которыя, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ міра, отправлялись за-границу въ надеждѣ отомстить за свое пораженіе и пріобрѣсти тамъ союзниковъ.

Большинство французскихъ эмигрантовъ нашло убѣжище на лѣвомъ берегу Рейна, въ Кобленцѣ, Майнцѣ и Вормсѣ. Множество офицеровъ, видя, что войска перестали имъ повиноваться и не желая присягать новымъ законамъ, перешли границу въ 1790 году и сгруппировались вокругъ принца Конде. Для нихъ это было дѣло воинской чести, а также и дѣло военнаго тщеславія. Значительное количество непокорныхъ дворянъ изъ провинцій: Ліонне, Фореца, Виваре и Оверни рѣшило остаться во

---

[1]) См. выше о томъ же.

© ГПНТБ СО РАН

Франціи и, сгруппировавшись на югѣ, образовало такъ называемый Жалезскій лагерь [2]). Ихъ ройялизмъ былъ недостаточно аристократиченъ и къ нимъ относились свысока, называя провинціальными дворянчиками. Другіе находили, что долгъ повелѣваетъ остаться вмѣстѣ съ королемъ [3]). Пока ихъ не заклеймили обвиненіемъ въ «подлости и трусости», что̀ не заставило себя долго ждать [4]), они вызывали насмѣшки въ высшемъ свѣтѣ. «Въ твои годы», говорилъ одинъ дворянинъ сыну, «надо поступать такъ, какъ всѣ молодые люди твоего возраста» [5]). «Такъ какъ въ этой странѣ всѣмъ правитъ мода», писалъ Ферзенъ, «то теперь считается бонтоннымъ уѣзжать» [6]).

Эмигрантамъ этого разряда казалось, что они очень скоро вернутся и притомъ не иначе, какъ побѣдителями [7]). Они весело шутятъ по поводу своего отъѣзда, своихъ проектовъ и возвращенія. Они весело уѣзжаютъ изъ окруженнаго опасностями государства и, смѣясь, строятъ воинственные планы. Когда наступитъ минута разочарованія, когда придется выносить и терпѣть не военныя лишенія и страданія, которыя имъ не страшны, потому что все-таки они прежде всего дворяне и воины, но неприглядную нужду, унизительныя лишенія, вульгарныя и горькія испытанія изгнанническої жизни, эти люди отнесутся ко всѣмъ этимъ бѣдамъ съ тою же аристократическою бравадой и надменнымъ задоромъ. Они отнесутся къ смерти какъ къ закладчицѣ, требующей выкупа, то есть съ

[2]) Ernest Daudet, *Histoire des conspirations royalistes du Midi* 1790—1793, Paris, 1881.

[3]) «Съ перваго же взгляда видно, что покидать родину въ ту минуту, какъ она находится въ опасности, есть плохая комбинація... Мы полагаемъ, что долгъ велитъ остаться на родинѣ и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, возстановленію порядка". (Mémoires du Comte de Chaverny), Paris; t. II, p. 86.

[4]) *Souvenirs du comte de Contades*, Paris, 1885, p. 4.

[5]) «Эмиграція была тогда въ модѣ. Въ глазахъ извѣстнаго слоя общества оставаться во Франціи съ королевской семьей для того, чтобы раздѣлить съ нею опасность и защищать ее, считалось слабостью и почти измѣной. Гѣ немногіе знакомые, съ которыми отецъ мой успѣлъ проститься, и въ особенности женщины, не исключая моихъ сестеръ и матери, радовались его отъѣзду, какъ счастливому событію. Съ нимъ прощались какъ съ человѣкомъ, который долженъ вернуться на другой день». (Le Comte d'Haussonville, *Souvenirs et mélanges*). Paris. 1878.

[6]) 9 мая 1791. *Correspondance*, t. I, p. 120.

[7]) Маркисъ де-Фурнесъ, «бывшій чѣмъ-то въ родѣ вербовщика изъ Кобленца, куда онъ совершалъ частыя поѣздки», совѣтовалъ депутатамъ правой, собиравшимся у Ла-Туръ дю-Пэна—разойтись и эмигрировать. «Онъ увѣрялъ меня, въ сентября 1790 г., что будетъ болѣе чѣмъ достаточно увезти изъ Франціи столько денегъ, сколько требуется, чтобы прожить три мѣсяца». *Papiers d'un émigré*, le baron Guilhermy, Paris, 1886, p. 34.

неизмѣннымъ презрѣніемъ; но всегда и повсюду они останутся неисправимо легкомысленными и высокомѣрными. Чернь вторглась въ Версаль и заняла Тюильри, а старый дворъ собрался въ Германіи и забывался въ вихрѣ собственной суеты.

Рейнскіе князья-епископы, и въ особенности майнцскій курфирстъ, сдѣлали роскошный пріемъ эмигрантамъ. Фридрихъ Эртальскій былъ не знатнаго происхожденія: этотъ съѣздъ именитыхъ гостей льстилъ его тщеславію. Въ былое время онъ искалъ извѣстности, покровительствуя литературѣ и гордясь собственнымъ просвѣщеніемъ. Теперь его обуялъ страхъ, онъ сталъ отлучать отъ церкви философовъ и считать за честь поддерживать тѣхъ, кто боролся противъ нихъ. «Его дворъ былъ блестящъ», писалъ одинъ изъ эмигрантовъ [8]); «я безпрестанно получалъ приглашенія на обѣды или ужины, и не только на торжественные и многолюдные, но и въ обществѣ одного курфирста у госпожъ де-Ф. и де-К., которыхъ, втихомолку, называли его министрами». Въ Кобленцѣ, у трирскаго курфирста, гдѣ сосредоточивается главный штабъ эмиграціи, даются ежедневно «концерты и устраиваются собранія». Этотъ епископскій дворъ принадлежитъ къ истинно великосвѣтскимъ, онъ въ большой модѣ» [9]). Наконецъ въ Брюсселѣ, куда хлынули эмигранты немедленно по возвращеніи австрійцевъ, легко одержанная Леопольдомъ побѣда возбуждаетъ иллюзіи и поддерживаетъ веселое расположеніе духа.

Нѣмцевъ занимаетъ вначалѣ шумъ и суета, внесенные этими живыми и бойкими путешественниками. Ихъ жалѣютъ, въ особенности же эксплуатируютъ, потому что ихъ траты оживляютъ торговлю и усиливаютъ обмѣнъ. Но это первое впечатлѣніе изглаживается весьма быстро. Эмигранты не платятъ долговъ и, что еще хуже, смѣются надъ кредиторами. Они осмѣиваютъ, ни мало не стѣсняясь, не только горожанъ, но и мѣстныхъ дворянъ, притязательныхъ, смѣшныхъ и неповоротливыхъ. Они снисходятъ жить у нихъ на квартирахъ, при случаѣ принимать даже денежную помощь, но желаютъ держать ихъ на извѣстномъ разстояніи. Это придворное дворянство, боявшееся болѣе всего на свѣтѣ «опровинціалиться» [10]), еще болѣе остерегалось прослыть «онѣмичившемся». Насмѣшники не щадятъ самого майнцскаго епископа: они называютъ его отцомъ въ обществѣ, они принимаютъ въ своихъ жалкихъ гостиницахъ обѣды, приготовленные на его кухнѣ, но келейно зовутъ его майнцскимъ аббатомъ и выскочкой. То былъ классическій французскій способъ обра-

[8]) Баронъ д'Эскаръ, Geffroy, *Gustave III*, t. II, p. 152.

[9]) Письмо г-жи де-Режкуръ, января 1791 г. См. La Rochetkrie, *Marie Antoinette et l'émigration, Correspondance*, t. XCVIII.

[10]) D'Haussonville, op. cit. p. 24.

ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ

щенія съ этими добряками-нѣмцами и не менѣе классическимъ было у добрыхъ нѣмцевъ пробужденіе глухой, наслѣдственной ненависти къ французамъ, подъ уколомъ подобныхъ сарказмовъ. Скоро эмигрантамъ пришлось познать это собственнымъ опытомъ, какъ извѣдали отцы ихъ во времена войны за наслѣдство австрійскаго престола и Семилѣтней. Ихъ развлеченія быстро вырождаются въ гарнизонные кутежи, если не въ оргіи на почвѣ завоеванной страны.

Нѣмцы перестали выказывать соболѣзнованіе людямъ, которые сохранили такую надменность въ несчастіи, такъ нагло забавлялись ихъ неловкостью и такъ мало помышляли о деликатности по отношенію къ хозяевамъ. Въ средѣ горожанъ и прирейнскаго сельскаго населенія стали находить, что французская революція не лишена однако же весьма уважительныхъ причинъ. Зрѣлище, представляемое эмиграціей, разъяснило нѣмцамъ эту французскую революцію болѣе успѣшно, чѣмъ то могли бы сдѣлать всѣ революціонныя брошюры и эмиссары-пропагандисты [11]).

Французское дворянство повезло съ собою за-границу всѣ причины своего вырожденія и упадка. Неспособность его къ управленію государствомъ довело его до изгнанія; въ изгнаніи оно выказываетъ такую же неспособность управлять собою, какую выказало ранѣе въ государственныхъ дѣлахъ. Его эмиграція есть только слѣдствіе отреченія отъ своей роли внутри страны. Оно составляло во Франціи лишь группу привилегированныхъ людей; за-границей оно является кучкой партизановъ. Эти дворяне упорно продолжаютъ отрицать важное значеніе революціи, которую собираются разгромить. На берегахъ Рейна готовится не суровый, религіозный и проникнутый энтузіазмомъ крестовый походъ, а безпорядочная, безразсудная и крикливая фронда.

Зданіе, о возведеніи котораго хлопочатъ эти дворяне, есть именно то, которое обрушилось на нихъ послѣ того, какъ они сами подкопали его фундаментъ и допустили распаденіе всѣхъ его составныхъ частей. «Мы забрали себѣ въ голову сумасбродную мысль», пишетъ одинъ изъ нихъ, «что чѣмъ сильнѣе будетъ зло, тѣмъ легче съ нимъ справиться; мы не были въ состояніи что-либо понимать» [12]). Они и слышать не хотятъ объ англійской системѣ управленія и въ особенности о двухъ палатахъ. Правда, нѣкоторые «высоко-просвѣщенные» вельможи соглашаются на это, но они представляютъ лишь исключеніе, а

[11]) Biedermann, p. 1219.—Perthes, t. I, p. 65—66, 205—6.—Haeusser, t. I, p. 292—3.—см. о Піемонтѣ, гдѣ замѣчались тѣ же впечатлѣнія, Bianchi, t. I, p. 539 et. suiv.

[12]) *Le baron de Guilhermy au comte de Puisaye*, 1807. *Papiers d'un émigré*, p. 34.

мелкое дворянство отвергаетъ идею палаты пэровъ, какъ унизительнѣйшую уступку. Наибольшимъ оскорбленіемъ для эмигранта было слово *монархистъ (monarchien)* [13]).

Эмигранты ничего не поняли, не понимаютъ и не поймутъ; въ этомъ и заключается ихъ главное несчастіе. Если есть въ мірѣ неотпускаемый грѣхъ, то это грѣхъ противъ разума. Они повинны именно въ немъ, и не эмиграція въ состояніи очистить отъ него. Они страдаютъ отсутствіемъ всякихъ идей, сужденій, опредѣленныхъ намѣреній или, вѣрнѣе, у нихъ одна только идея, одно сужденіе и одно намѣреніе: идея гнѣва, сужденіе ограниченное, намѣреніе мелочное: абсолютная контръ-революція по вопросу о принципахъ; грубо-насильственныя мѣры по отношенію къ людямъ. Они полагаютъ, что все возможно для насилія и все легко, что́ дѣлается силою.

Слабость короля,—его малодушныя сдѣлки, его постоянное отступленіе предъ лицомъ врага,—служитъ неистощимымъ предметомъ ихъ глумленія. Они съ такимъ же презрѣніемъ относятся къ этому добродушному государю, какъ наиболѣе рѣзко оскорблявшіе его парижскіе демагоги. Еще безпощаднѣе они къ королевѣ. Основной элементъ эмиграціи образовался изъ той придворной партіи, которая интриговала противъ Маріи-Антуанеты и преслѣдовала ее клеветами, пасквилями и оскорбительными намеками. Котерія Рогана всѣми мѣрами стремится погубить ее. Враги ея находятъ, что она недостаточно наказана [14]). Они обвиняютъ ее въ демократизмѣ: они объявляютъ, что, одержавъ, побѣду, прежде всего устранять ее и лишатъ всякаго вліянія [15]). «Что же сдѣлала моя несчастная сестра вашимъ французамъ, что они позорятъ ее повсюду, даже въ моемъ паркѣ и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ?» спрашивала эрцгерцогиня Христина, регентша Нидерландовъ, у одного изъ слугъ Маріи Антуанеты [16]). Королевская семья и опасности, которымъ они подвергаютъ ее своею дерзкою неосторожностью, ставятся ими ни во что [17]). Они ставятъ выше всего свой принципъ, то есть возстановленіе стараго порядка.

[13]) Augeard, *Mémoires secrets*, p. 266—8.—La Rocheterie, op. cit. p. 304.

[14]) *Bombelles à Osterman*, 31 janv. 1792.—Feuillet, t. V. p. 185.

[15]) La Rocheterie, op. cit. p. 291 et 304.

[16]) Augeard, p. 266.

[17]) «Въ этой партіи весьма многіе, желавшіе возвращенія къ старому порядку, согласились бы достигнуть этого хотя бы цѣною жизни самого короля». La Marck, 23 avril 1791, t. III, p. 155.—«Они дорожатъ отнюдь не Людовикомъ XVI, а королевскою властью; для нихъ рѣшительно безразлично царствуетъ ли нынѣшній король, или принцъ Конде, лишь бы возвращены были дворянству его старинныя права». Rapport de Staël, Gerfroy, t. II, p. 165.—

Только въ этомъ отношеніи они—люди своего времени. Они витаютъ въ области отвлеченій; абсолютизмъ поглощаетъ ихъ не менѣе властно, чѣмъ самыхъ узкихъ и фанатичныхъ доктринеровъ изъ среды якобинцевъ. Ни малѣйшаго понятія о ходѣ исторіи, никакого инстинкта монархической традиціи и никакого сознанія французской дѣйствительности. Они судятъ о королевской власти помимо всякаго отношенія къ учрежденіямъ и характеру монарха. Они придерживаются понятія о непоколебимой, неприкосновенной королевской власти, подобной той, которая присвоена народу въ «Contrat Social» и приписываютъ ей внутреннюю силу, независимую отъ времени, людей и обстоятельствъ. Они дѣлаютъ изъ этой пустой и неопредѣленной формулы нѣчто въ родѣ таинственнаго божества, проявляющагося въ прорицаніяхъ оракуловъ и чудесахъ. Король, по ихъ понятіямъ, есть мимолетный образъ королевской власти. Это, такъ сказать, схоластическій король, и онъ такъ же мало похожъ на французскаго короля, какъ французская нація—на «народъ» Руссо, въ которомъ безъимянная толпа—все, а личность—ничто. Упорствуя въ отвлеченіяхъ не менѣе революціонеровъ [18]), эмигранты не менѣе ихъ и космополитичны. «Они смотрятъ на себя скорѣе какъ на соотечественниковъ дворянъ всего міра, чѣмъ какъ на согражданъ французовъ» [19]). По мнѣнію революціонера, дворянинъ есть всеобщій врагъ, а каждый возстающій народъ—братскій народъ. Въ глазахъ эмигранта, каждый борющійся противъ революціи—товарищъ по оружію. Революціонеры слѣдуютъ традиціи религіозныхъ войнъ, во время которыхъ народы группировались, смотря по ихъ вѣрованіямъ, и сливались, взаимно поглощая другъ друга; эмигранты же слѣдуютъ традиціи гражданскихъ войнъ, въ которыхъ каждая партія, отождествляя себя съ государствомъ, тѣмъ самымъ считаетъ своихъ противниковъ врагами, а союзниковъ—друзьями этого государства. Отстаивая послѣдніе обломки феодализма, они прибѣгаютъ и къ способу дѣйствія феодальныхъ лигеровъ.

Имъ нельзя сказать, что они вооружаются противъ собственной родины: родина—это государство, а государство—тамъ, гдѣ находятся они сами. Они уносятъ съ собою «истинную Францію», страну своихъ принциповъ; другая, «дѣйствительная Франція», гдѣ живутъ французы,—беззакона и противоестественна: по праву она не существуетъ. Національ-

«Лишь бы только царствовалъ король, раздавались пенсіи и милости, вотъ все, чего онъ требуетъ (принцъ Конде)». Ферзенъ Таубе, 11 апрѣля 1791 г. t. I, p. 100.

[18]) Витролль, воспитанный на Логикѣ Поръ-Ройяля и Новой Элоизѣ, становится въ 17 лѣтъ страстнымъ эмигрантомъ. *Mémoires de Vitrolles*, Paris, 1884, t. I, p. XV.

[19]) Madame de Staël, *Considérations*, 3 partie, ch. I, *De l'émigration*.

ное собраніе есть не болѣе, какъ мятежная шайка: все, что имъ декретируется, недѣйствительно. Эмиграція судитъ о французской революціи, какъ судилъ Римъ объ еретикахъ. То было странное состояніе ума, но въ тѣ времена оно было естественно и понятно для цѣлаго класса людей. Одно изъ послѣдствій революціи заключалось именно въ томъ, что этотъ взглядъ сдѣлался непонятнымъ для большинства французовъ. «Они такъ грозятъ намъ возстановленіемъ деспотизма», писалъ Мирабо, «что увлекутъ насъ, помимо нашей собственной воли, на путь республики» [20]). Въ то самое время какъ эмигранты отдѣляли, такимъ образомъ, дѣло возстановленія королевской власти отъ національной задачи, народъ порывалъ вѣковыя узы, связывавшія его съ династіей и также отрывалъ свое дѣло отъ дѣла королевской власти.

Впрочемъ и въ этихъ логическихъ крайностяхъ, какъ и въ прирожденномъ легкомысліи, эмигранты оставались настоящими французами, и слѣдуетъ отмѣтить и въ ихъ поведеніи и въ ихъ воззрѣніяхъ тѣ похвальныя непослѣдовательности, которыя смягчаютъ ошибки и искупаютъ ложныя сужденія. Они дѣйствительно воображаютъ, что Европа забудетъ о собственныхъ распряхъ и станетъ поддерживать ихъ въ затѣянной борьбѣ; что государи, бывшіе вѣковыми противниками Франціи, внезапно отрекутся отъ своихъ традиціонныхъ притязаній для того, чтобы поднять престижъ монархіи, внушавшей имъ такія серьезныя опасенія; однимъ словомъ, что иностранцы откажутся отъ тѣхъ правъ на французское государство, которыхъ требовали въ теченіе вѣковъ, для того, чтобы возстановить во Франціи общеевропейскіе порядки. Но, требуя отъ иностранцевъ забвенія старыхъ счетовъ и отреченія отъ честолюбивыхъ поползновеній, сами эмигранты не хотятъ отказаться ни отъ одного притязанія собственной страны. Мы увидимъ не разъ, какъ они рукоплещутъ побѣдамъ республиканскихъ армій, какъ возмущаются предложеніями о раздѣлѣ Франціи, а позднѣе — сожалѣютъ даже о невозможности сохранить для королевской власти блестящія завоеванія республики [21]). Подписавъ договоръ, соединяющій ихъ съ иноземцами, они не замедлили почувствовать тяжесть этой цѣпи и возмущаются противъ своихъ покровителей.

Но они не дошли еще до этого фазиса къ концу 1790 г.; это еще время обманчивыхъ надеждъ. Все кажется легкимъ этимъ опрометчивымъ людямъ, у которыхъ кружится голова отъ самолюбиваго гнѣва. Они вол-

[20]) Octobre 1790, 35 note, *Correspondance*, t. II, p. 259.

[21]) См. André Lebon, *L'Angleterre et l'émigration*, Paris, 1882, p. 44, 146, 339, 340, 343, 345.—Chuquet, *La première invasion prussienne*, Paris 1886, p. 281—282 *et Mes Essais d'histoire et de critique*, этюды, озаглавленные: *L'Angleterre et l'émigration, l'Alliance russe et la Restauration.*

ОТПБСОРАН

нуются однакоже въ пустомъ пространствѣ: власть, утраченная ими во Франціи и за которой они гнались по ту сторону ея границы, является призракомъ, постоянно ускользающимъ отъ ихъ преслѣдованій. Они терпятъ недостатокъ во всемъ, по причинѣ собственныхъ внутреннихъ недостатковъ. Они смѣются надъ измѣнчивостью и разъединеніемъ революціонныхъ партій; они проповѣдуютъ повиновеніе, какъ первую изъ государственныхъ добродѣтелей. На самомъ дѣлѣ, они и за предѣлами отечества остаются тѣмъ, чѣмъ были во Франціи — самою разъединенною и лишенною дисциплины партіей: раздоры проистекаютъ у нихъ изъ тщеславія, а отсутствіе дисциплины—отъ ложнаго понятія о чести. Въ ихъ средѣ продолжается антагонизмъ между придворнымъ и провинціальнымъ дворянствомъ; онъ усложняется всѣми столкновеніями и всѣми раздраженіями изгнанической жизни. Мелочныя отличія, раздѣлявшія ихъ во Франціи, становятся нестерпимыми при ежедневномъ общеніи, такъ какъ они противорѣчатъ самому понятію, составленному ими о дворянствѣ. Въ прирейнскихъ гостиницахъ, гдѣ они нашли пріютъ, вспыхиваетъ война оскорбленныхъ самолюбій, напоминающая версальскіе раздоры изъ за-квартиръ, и личное соперничество не умѣряется къ тому же ни этикетомъ, ни уваженіемъ къ королевской власти.

Эмиграція не сдерживалась ничѣмъ; ея главари не отличались ни нравственнымъ превосходствомъ, ни престижемъ. Графъ д'Артуа, покинувшій Францію ранѣе другихъ, присвоилъ себѣ управленіе «внѣшней Франціей». Этотъ принцъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы изящно проиграть сраженіе и любезно разорить династію. Полный самомнѣнія относительно собственныхъ силъ, онъ съ пренебреженіемъ относился къ чужимъ; онъ не зналъ ни Франціи, въ которой жилъ, ни Европы, по которой ѣздилъ, не изучая ея; абсолютистъ по своимъ воззрѣніямъ, онъ былъ непостояненъ въ своихъ намѣреніяхъ; слѣпо держался пустыхъ формулъ, которыя называлъ принципами и которыя замѣняли для него ясныя идеи и послѣдовательное сужденіе; доступенъ всевозможнымъ химерамъ и всякому интригантству; снисходителенъ къ мелкимъ людишкамъ и мелочнымъ поступкамъ; лѣнивъ умомъ, нерѣшителенъ, но съ претензіей на энергію; фанфаронъ въ рѣчахъ и связанный въ поступкахъ боязнью отвѣтственности; рыцарски настроенный и склонный къ мимолетнымъ увлеченіямъ, но холодный въ глубинѣ души; разговорчивый, находчивый, но узкій умомъ; безъ зазрѣнія совѣсти вызывая гражданскую войну, онъ не спѣшилъ въ нее вмѣшаться;—во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкомъ, наименѣе способнымъ руководить партіей и отвоевать вновь королевство. Двоюродный братъ его, принцъ Конде, обладалъ, по крайней мѣрѣ, военными качествами главы партіи.

Онъ достойно носилъ свое громкое и славное въ военномъ мірѣ имя. За неимѣніемъ геніальности, онъ пріобрѣлъ опытность, любилъ войну, умѣлъ вести солдатъ и былъ ими любимъ. Но онъ способенъ былъ скорѣе командовать корпусомъ въ регулярной войнѣ, чѣмъ поднять инсуррекцію и организовать партизанскую войну. Доблестный и рѣшительный, онъ лишенъ былъ умѣнья увлекать толпу и не отличался авантюристскимъ задоромъ, что въ значительной мѣрѣ обусловливало обаяніе людей въ родѣ Шаретта, Боншана, Лескюра и Ла-Рошжаклена.

При этомъ, такъ сказать, поддѣльномъ дворѣ и въ этомъ апокрифическомъ государствѣ, графъ д'Артуа облеченъ былъ въ королевскую мантію, принцъ Конде игралъ роль главнокомандующаго, а де-Калоннъ изображалъ собою весь совѣтъ министровъ и все правительство. Это было самое непослѣдовательное изъ министерствъ и самое рискованное изъ правительствъ. Калоннъ развязно распоряжался погребальнымъ шествіемъ монархіи, банкротство которой ускорялось, а самоубійство подготовлялось имъ же самимъ. При безупречной внѣшности, онъ продолжалъ играть двусмысленную и пагубную роль, которую началъ исполнять еще въ Парижѣ. Онъ ненавидѣлъ Бретейля, представителя короля, ненавидѣлъ королеву. Это былъ самый непопулярный человѣкъ во Франціи; эмиграція же поклонялась ему и восхищалась имъ. Онъ ослѣплялъ этихъ неисправимыхъ расточителей фантасмагоріей цифръ и неисчерпаемымъ фейерверкомъ своего воображенія. Вѣруя въ свои панацеи, онъ не щадилъ ни усердія, ни собственныхъ средствъ, и его находили всегда готовымъ подтвердить на собственный счетъ дѣйствительность предлагаемыхъ имъ мѣръ. Несмотря на то, что онъ разстроилъ и собственное состояніе, и государственные финансы, онъ продолжалъ слыть первымъ финансистомъ своего времени. Къ такой славѣ присоединялась еще и репутація самаго ловкаго дипломата въ Европѣ. А такъ какъ онъ еще ничѣмъ не заявилъ себя въ иностранныхъ дѣлахъ, то эмигранты могли принимать его интригантство за искусство, а дерзость—за глубину.

Таковы были люди, которые, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни войскъ, ни денегъ, ни плана, ни кредита, подготовляли завоеваніе Франціи, какъ какую-нибудь сумасбродную политическую и военную игру, льстя себя надеждой подавить революцію и соединить всѣ европейскія державы во имя возстановленія стараго порядка. Поприще, на которое они выступали, не должно было дать имъ ничего, кромѣ цѣлаго ряда унизительныхъ разочарованій. Эти разочарованія дали знать о себѣ уже съ самыхъ первыхъ шаговъ.

II.

Графъ д'Артуа, находившійся въ Піемонтѣ, при дворѣ короля, своего тестя, занимался подготовленіемъ большого возстанія къ декабрю 1790 г. Жалезскій лагерь долженъ былъ служить ему очагомъ; Конде долженъ былъ поддерживать движеніе, направившись къ Ліону, между тѣмъ какъ другой эмигрантскій корпусъ соберется въ Базелѣ. Расчитывали, что Эльзасъ возстанетъ немедленно и что иностранныя державы поддержатъ экспедицію внушительными демонстраціями. Калоннъ увѣрялъ, что Питтъ доставитъ десять милліоновъ и предоставитъ десять кораблей [1]), что Густавъ Ш прибудетъ съ флотомъ и что Екатерина II, заключивъ миръ съ турками, пошлетъ войска свои на Рейнъ. Сардинскій король обѣщалъ двинуть свои къ Дофине. Испанія не высказывалась, но графъ д'Артуа находилъ, что ея молчаніе стоитъ займа и цѣлаго вспомогательнаго корпуса [2]). Слѣдуетъ замѣтить, что эти государи, щедрые на любезности по отношенію къ эмигрантамъ, осыпавшимъ ихъ просьбами, обусловили свое содѣйствіе двумя требованіями: первое, что французскій король долженъ настоятельно просить изъ помощи; второе, что всѣ остальные государи примутъ участіе въ предпріятіи. Однако Австрія упорно отказывалась отъ него, и этого было достаточно для разрушенія всей комбинаціи.

Леопольдъ судилъ объ эмигрантахъ съ большею строгостью [3]). Онъ находилъ, что они неудобны для него, опасны для королевской семьи и, наконецъ, неудобны для всѣхъ. Тонкій макіавелистъ не могъ не смотрѣть съ глубокимъ презрѣніемъ на этихъ безтолковыхъ политиковъ, докучавшихъ ему своею болтливостью, оскорблявшихъ своей дерзостью и рисковавшихъ уничтожить всѣ его соображенія и замыслы какою-нибудь безразсудною выходкой. Къ тому же онъ располагалъ рѣшительнѣйшимъ мотивомъ для ихъ удаленія: этотъ мотивъ—желаніе французскаго короля.

Какъ только Людовикъ XVI получилъ увѣдомленіе о замыслахъ эмигрантовъ, онъ отправилъ къ нимъ Жорже, съ цѣлью убѣдить ихъ отказаться отъ своего намѣренія и въ этомъ смыслѣ отправилъ письма къ Виктору Амедею и графу д'Артуа [4]).

[1]) Augerd op. cit. p. 257.

[2]) Bianchi, t. I, p. 611.—Baumgarten, p. 311.

[3]) Леопольдъ отнесся такъ къ французской эмиграціи съ самаго начала и не измѣнилъ своего мнѣнія о ней.—См. письмо его къ Іосифу II, іюль 1789.—Beer, *Leopold und Catharina*, p. 219.

[4]) Людовикъ XVI королю Виктору Амедею 7 декабря 1790. Bianchi, t. I, p. 613.

Въ то же время, королева отправила письмо къ Леопольду съ довѣреннымъ лицемъ [5]): «Въ настоящую минуту невозможно дѣйствовать и невозможно уѣхать отсюда; это значило бы все потерять и подвергнуть и себя и другихъ величайшей опасности... Надѣюсь, что это ихъ сдержитъ; несомнѣнно, что только здѣсь и только мы можемъ рѣшить насколько благопріятны обстоятельства и удобно время для прекращенія нашихъ бѣдствій и бѣдствій Франціи и тогда, любезный братъ, я расчитываю на вашу дружбу и обращусь къ вамъ...» До сихъ поръ Бретейль еще не пользовался своими полномочіями; онъ извѣстилъ о нихъ де-Мерси, остававшагося въ Бельгіи послѣ гагскаго конгресса и слѣдившаго оттуда за французскими дѣлами. Онъ подтвердилъ слова королевы [6]).

Тогда-то посланный графомъ д'Артуа, графъ д'Эскаръ, пріѣхалъ просить вмѣшательства императора. Этотъ государь далъ отвѣтъ, имѣвшій цѣлью «отнять какую-либо надежду на помощь» [7]). За неимѣніемъ иныхъ средствъ, эмигранты обладали неисчерпаемымъ богатствомъ обманчивыхъ надеждъ. Съимпровизировавъ тактику, къ которой безпрестанно возвращались съ той поры и въ которую входило столько же расчета, сколько и тщеславія, они смотрѣли на эту неудачу какъ на обѣщаніе. Графъ д'Артуа написалъ 1 января Леопольду, благодарилъ его и испрашивалъ свиданія. Калоннъ взялся устроить его и отправился въ Вѣну. Принцъ слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи [8]). То было время карнавала; венеціанскій карнавалъ пользовался заслуженной извѣстностью. Графъ д'Артуа остановился въ Венеціи и весело проводилъ тамъ время, въ ожиданіи отвѣта, который, по его соображеніямъ, не могъ не быть благопріятнымъ. Онъ получилъ рѣшительнѣйшій отказъ. Императоръ имѣлъ непосредственныя извѣстія изъ Тюильрійскаго дворца чрезъ Дюра, пріѣхавшаго къ нему съ поздравленіями по поводу коронованія. Онъ нашелъ возможнымъ отклонить просьбу графа д'Артуа [9]).

Тѣмъ не менѣе Калоннъ рѣшился быть въ Вѣнѣ и продолжалъ свою поѣздку. Онъ имѣлъ неосторожность сообщить о своемъ намѣреніи графу д'Артуа по почтѣ; Леопольдъ, извѣщенный своимъ «чернымъ кабинетомъ», приказалъ канцлеру сдѣлать все возможное, чтобы избавить его «отъ французскихъ каверзъ, которыя могли принести лишь одинъ вредъ, и въ

[5]) 19 декабря 1790. Arneth, *Marie-Antoinette*, p. 143.

[6]) 12 янв. 1791. См. *Mercy à Kaunitz*. 22 janv. Feuillet, t. I, p. 423.

[7]) Леопольдъ Кауницу, 14 янв. 1791. Beer, p. 384.

[8]) Feuillet, t. I, pp. 390, 393.

[9]) Аудіенція дана была Дюра 6 января. *Duras à Montmorin*, 8 janv. 1791. Affaires étrangères. — *Marie-Antoinette à Léopold* 19 décembre 1790. Arneth, p. 142.—*Léopold au comte d'Artois*, Feuillet, t. I, p. 395.—См. *Mercy à la Marck*, 14 janvier 1791, *Correspondance de la Marck*, t. III, p. 6.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

особенности повредить королевѣ». Калонну пришлось бороться съ большими препятствіями. Въ то время, какъ за нимъ слѣдили по дорогѣ, онъ явился въ Вѣну подъ вымышленнымъ именемъ. Онъ везъ новое письмо отъ графа д'Артуа, который, будучи извѣщенъ о предполагавшемся отъѣздѣ императора, объявилъ, что будетъ ожидать его въ Лайбахѣ [10]). Отвѣтъ Леопольда, посланный Калонну чрезъ посредство Кобенцеля, сухо отклонялъ предложеніе «въ силу крайне важныхъ, какъ для императора, такъ и для королевской четы, государственныхъ соображеній [11]). Калоннъ упорствовалъ и оставался въ Вѣнѣ; чтобы заставить его выѣхать оттуда, Кобенцель прислалъ ему формальный приказъ объ отъѣздѣ 23 января [12]).

Какъ ни были легкомысленны эмигранты, они не могли однакоже принимать за поощреніе этотъ полный презрѣнія образъ дѣйствій. Графъ д'Артуа протестовалъ [13]). Императоръ отвѣтилъ ему въ недопускавшихъ ни малѣйшаго сомнѣнія выраженіяхъ и отдалъ письмо непосредственно д'Эскару. «Я объяснилъ ему вполнѣ точно и ясно мое отношеніе къ дѣлу и то, что не желаю, чтобы меня впутывали въ ихъ планы и проекты» [14]), писалъ онъ Кауницу. Графъ д'Артуа выѣхалъ изъ Венеціи и вернулся 3-го марта въ Туринъ [15]). Разладъ между дворомъ и эмиграціей былъ полный. Дворъ имѣлъ серьезныя основанія оградить себя отъ выходокъ эмигрантовъ. Планъ бѣгства былъ уже рѣшенъ, и неосторожность могла все испортить.

III.

Когда приходится говорить о дворѣ того времени, слѣдуетъ подразумѣвать королеву, потому что одна Марія-Антуанета пыталась дѣйствовать [1]). Отнынѣ, она становится душою всѣхъ совѣтовъ, собиравшихся въ Тюильрійскомъ дворцѣ и ей будетъ принадлежать первая роль въ

[10]) Feuillet, 15 января 1791, t. I, p. 399.

[11]) Ibid. 19 января 1791, t. I 404.

[12]) Ibid., t. I, pp. 406—418, 422, 434, 437.

[13]) Письмо Леопольду 26 янв. 1791. Feuillet, t. I, p. 441.

[14]) Леопольдъ графу д'Артуа, 6 февр. 1791. Feuillet, t. II, p. 2. — Леопольдъ Кауницу 8 февр.—Beer, p. 391.

[15]) La Rochetérie.

[1]) «Король лишенъ всякой энергіи», писалъ Ла-Маркъ: «Монморенъ сообщалъ мнѣ на-дняхъ, что когда приходится говорить ему о дѣлахъ и его положеніи, онъ относится ко всему этому такъ, какъ будто рѣчь идетъ о дѣлахъ китайскаго императора... Я дѣйствую изъ преданности королевѣ. Все только-что мною сказанное еще болѣе оттѣняетъ печальную судьбу этой государыни. Какъ женщина, она связана съ существомъ, поистинѣ коснымъ; какъ королева, она сидитъ на очень шаткомъ престолѣ». La Marck à Mercy 26 janv. 1791. *Correspondance*, t. III, p. 30.

трагическихъ происшествіяхъ, къ которымъ идетъ королевская семья. Лудовикъ XVI рѣшился на бѣгство, но затѣмъ впалъ въ обычную апатію и предоставилъ королевѣ всѣ заботы и всѣ приготовленія. Она предавалась имъ съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; она находила въ нихъ отвлеченіе отъ осаждавшаго ее безпокойства и единственную надежду, за которую могла ухватиться.

3-го февраля она написала Мерси, что рѣшено избрать Монмеди мѣстомъ убѣжища [2]). По прибытіи туда, король издастъ манифестъ: онъ занимается его составленіемъ. «Прежде всего необходимо мотивировать бѣгство», писала королева, «простить народъ, который былъ только увлеченъ, и польстить ему выраженіемъ любви къ нему; исключить изъ помилованія главарей мятежныхъ партій, городъ Парижъ, если только онъ не вернется къ прежнему порядку, и всѣхъ, кто не сложитъ оружія къ назначенному сроку; возстановить парламенты, но придавъ имъ исключительно судебное значеніе для того, чтобы они никогда не могли вмѣшиваться ни въ администрацію, ни въ финансовое управленіе. Наконецъ мы рѣшили принять за основаніе для конституціи декларацію 23-го іюня съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ вызваны обстоятельствами и событіями. Религія должна послужить однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ [3]). Вотъ и все. Они не шли никогда далѣе этихъ поверхностныхъ проектовъ, въ которыхъ замѣчается полное отсутствіе всякой твердости, за исключеніемъ того, что сдѣлало ихъ ненавистными въ глазахъ французовъ, то-есть угрозъ репрессаліями. Эта пагубная мысль, единственная, которая упорно повторяется во всѣхъ дворцовыхъ проектахъ, обрисовывается здѣсь впервые: она утвердится лишь для того, чтобы рѣшить паденіе монархіи.

Полная неизвѣстность и по отношенію къ цѣли, и относительно средствъ. Кто же будетъ управлять въ ту минуту, когда можно будетъ снова овладѣть браздами? Никто не находится на высотѣ задачи. «Не легко найти человѣка и чѣмъ болѣе ищу, тѣмъ болѣе неудобствъ нахожу въ каждомъ» [4]), писалъ Ферзенъ. Въ деньгахъ ощущается недостатокъ: ихъ требуется много и необходима осторожность съ людьми, которые ихъ повезутъ. Ферзенъ посовѣтовалъ попросить въ долгъ *милліардъ* у духовенства и обѣщать за то возвратъ его имѣній.

Людовикъ XVI, повидимому, склонялся къ такой мѣрѣ. Что же касается гражданской войны, онъ продолжалъ порицать ее. Онъ рѣшительно отвергалъ содѣйствіе эмигрантовъ; королева же отвергла эту помощь со

[2]) Feuillet, t. I, p. 444.

[3]) Ibid. Письмо королевы къ Мерси, 3 февр., t. I, p. 447.

[4]) Fersen, t. I, p. 123—128.

ОТПТБ ОЭВАН

страстнымъ негодованіемъ. Презрительные отзывы о ней самой и о характерѣ короля, пренебреженіе къ ихъ жизни и жизни ихъ дѣтей, слухи о низложеніи или, по крайней мѣрѣ, объ опекѣ, доходившіе до Тюильрійскаго дворца, все это сѣяло подозрѣніе и давало пищу тревогѣ. Въ этомъ злополучномъ дворцѣ, среди враждебной черни, какъ и въ веселыхъ эмигрантскихъ убѣжищахъ, полагали, что вернулись времена фронды. Въ душѣ Маріи-Антуанеты угадывается отзвукъ того мучительнаго страха, который такъ часто овладѣвалъ Анною Австрійской. Конде были ея врагами; она ненавидѣла графа д'Артуа, не прощая ему призванія въ совѣтъ Калонна [5]). Ихъ планъ,—говорила она,—поведетъ къ тому, что король будетъ «лишенъ всякаго значенія» въ государствѣ. Призвать ихъ на помощь было не только опасно въ настоящемъ, но и значило поставить себя въ зависимость отъ нихъ въ будущемъ [6]).

Она предпочитала поддержку со стороны австрійскихъ войскъ, но лишь въ качествѣ демонстраціи и для доставленія Булье повода сосредоточить войска. При случаѣ, австрійцы должны были дѣйствовать не иначе, какъ въ виду крайней необходимости, рядомъ съ французскими войсками и только въ качествѣ вспомогательнаго корпуса. «Король»,—писала дама, пользовавшаяся довѣріемъ Маріи Антуанеты,—не желалъ завоевывать свое королевство при помощи иностраннаго войска: онъ хотѣлъ только внушить уваженіе своимъ подданнымъ и договориться съ ними» [7]). Людовикъ XVI и Марія-Антуанета постоянно возвращались къ мысли о вооруженномъ конгрессѣ, одно присутствіе котораго должно было, по ихъ мнѣнію, подчинить королю возмутившійся народъ. Они думали, что опасеніе иноземнаго вторженія броситъ его въ объятія короля; король успокоитъ народъ, явится его спасителемъ и благодарность довершитъ дѣло страха [8]).

Несмотря на всѣ ограниченія, которыхъ намѣревался держаться

[5]) La Marck, *Correspondance*, t. II, p. 317.

[6]) La Rochetelle, p. 307.—Fersen, t. II, p. 112.

[7]) Г-жа де-Бомбелль. La Rochetelle, p. 308. Она прибавляетъ: «Король успокоилъ бы умы, потому что деспотизмъ не могъ бы уже вернуться во Францію, и надо сказать по справедливости, онъ не желателенъ».

[8]) «Мы не просимъ ни у одной изъ державъ (кромѣ, впрочемъ, въ случаѣ крайней необходимости) ввести къ намъ свои войска. Мы желаемъ только, чтобы въ ту минуту, какъ намъ пришлось бы ихъ потребовать, мы могли имѣть увѣренность, что державы выставятъ войска въ пограничныя съ Франціей мѣстности въ достаточномъ количествѣ для оказанія поддержки благомыслящимъ людямъ, которые пожелали бы присоединиться къ намъ, но не въ состояніи были бы это сдѣлать, вслѣдствіе разстоянія, или иныхъ какихъ-либо причинъ». Письмо королевы къ де-Мерси, 14 апрѣля 1790. Feuillet, t. II, p. 37.

дворъ, и нѣкотораго рода туманъ, которымъ окутано было дѣло, проектъ иностраннаго вмѣшательства велъ къ противопоставленію этой тайной политики оффиціальной, правительственной политикѣ, къ организованію въ тѣни королевской контръ-дипломатіи и контръ-полиціи, къ оправданію, однимъ словомъ, вслѣдствіе малѣйшей неосторожности, случайности или нескромности—самыхъ ужасныхъ обвиненій, которыя могли бы выставить противъ двора его враги. Переписка представляла постоянную опасность, несмотря на всѣ усложненія шифра, химическія чернила и всѣ обычные способы тайныхъ сношеній.

Но всего хуже для двора въ этихъ предпріятіяхъ, къ которымъ вынуждала грозная опасность, было то, что ему приходилось опасаться ройялистовъ, по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и революціонеровъ. Дипломатія короля, подъ руководительствомъ Бретейля, должна была непрестанно сталкиваться съ дипломатіей эмигрировавшихъ принцевъ, руководимыхъ Калонномъ. Агенты этой партіи были самыми безразсудными, эгоистичными и нескромными изъ людей; они вносили въ свое соперничество съ агентами короля весь ядъ придворной распри, они ожесточались нетерпѣливыми ожиданіями людей, томившихся въ изгнаніи, и поддерживали сношенія съ Парижемъ чрезъ своихъ эмиссаровъ, жили бокъ-о-бокъ съ интриганами и отверженцами всѣхъ партій. При такихъ условіяхъ, предпріятія, которыя дворъ считалъ наиболѣе сокровенными, обнаруживались этими подонками полиціи и являлись предъ лицомъ печати, клубовъ и Національнаго собранія въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ.

Между тѣмъ настроеніе Европы, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ, вовсе не имѣло успокоительнаго характера. Бретейль старался повліять на Швейцарію, чтобы обезпечить содѣйствіе швейцарскихъ войскъ [9]). Королева не довѣряла Голландіи еще сильнѣе, чѣмъ Пруссіи: въ этомъ случаѣ въ ней сказывалась австрійская кровь. Она видѣла прусскія козни во всѣхъ поступкахъ своихъ враговъ, какъ изъ среды эмигрантовъ, такъ и изъ среды революціонеровъ. Англія казалась непоправимо-враждебной: въ обществѣ, такъ же какъ и въ Тюильрійскомъ дворцѣ, убѣждены были, что она замышляетъ смуту, въ видахъ завладѣнія островами. Чтобы парализовать злостныя намѣренія англичанъ и пруссаковъ, королева и ея совѣтники пришли къ мысли противопоставить имъ лигу, состоящую изъ Австрійской имперіи, Испаніи, Россіи, Сардиніи, Швеціи и Даніи [10]). Ферзенъ писалъ по этому поводу Густаву III, прося этого государя подѣйствовать на Россію и воодушевить Данію.

[9]) Письмо Бретейля къ де-Мерси, янв. 1791. Feuillet, t. I, p. 429.

[10]) Ibid. Письмо Маріи-Антуанеты къ де-Мерси, отъ 3 февр. 1791, t. I, p. 448.—Письмо Ферзена къ Таубе, 7 марта 1791, t. I, p. 83.

Пруссія увѣряла въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, и Екатерину считали благопріятно настроенной. Испанія объявила, что окажетъ военную поддержку, если Сардинія и Швейцарія согласятся выставить войска. Швейцарія и Сардинія заявили, что послѣдуютъ примѣру Испаніи; но всѣ опасались Англіи, и никто не желалъ ничѣмъ рисковать, не имѣя увѣренности въ содѣйствіи австрійскаго императора [11]). Императоръ долженъ былъ играть роль главнаго агента этого большого предпріятія, Англія представляла главнѣйшее препятствіе. Всѣ усилія двора обращены были на Лондонъ и Вѣну.

Европа,—писала королева къ де-Мерси,—не можетъ предать Францію алчности прусскихъ и англійскихъ стремленій. Англія и Пруссія воспользовались бы анархіей для разоренія и раздѣла [12]). «То, что происходитъ во Франціи, даетъ слишкомъ опасный примѣръ. Это дѣло, касающееся всѣхъ государей, а не простое политическое дѣло страны». Марія-Антуанета просила Леопольда посовѣтовать европейскимъ дворамъ не принимать новыхъ посланниковъ, которыхъ пришлютъ изъ Франціи, побудить нѣмецкихъ владѣтельныхъ принцевъ отказаться отъ вознагражденія за убытки, предложеннаго имъ Собраніемъ, однимъ словомъ, она просила поддержать усилія Людовика XVI сдѣлаться посредникомъ между Европой и своими подданными. Но прежде всего она просила не сообщать ничего эмигрантамъ, не довѣрять имъ выпроваживать ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Леопольдъ былъ преисполненъ готовности; что касается всего остального, онъ выказалъ весьма мало желанія исполнить предъявляемыя ему требованія.

Европа полагалась на него; онъ посовѣтовалъ сестрѣ обратиться къ Европѣ. Онъ ничего не можетъ предпринять помимо «содѣйствія и согласія нѣсколькихъ главныхъ державъ» [13]). Письмо его было кратко и сухо; Мерси далъ болѣе пространныя объясненія, не подавая, однако, болѣе обширныхъ надеждъ [14]). Прежде всего необходимо выѣхать изъ Парижа, обезпечить за собою поддержку сильной партіи въ странѣ и необходимыя средства для того, чтобы просуществовать два или три мѣсяца въ провинціи. Тогда Европа можетъ на что-нибудь рѣшиться, въ настоящую же минуту отъ нея нельзя

[11]) Письмо королевы къ Леопольду, 27 февр. 1791. Arneth, p. 146.—Письмо Ферзена къ Таубе, 1 апрѣля 1791, t. I, p. 90.—Ферзена къ Бретейлю, t. I, p. 94. (Это письмо, напечатанное 2 апр., было написано послѣ 18-го: оно, по всей вѣроятности, было отъ 20 числа.

[12]) 3-го февраля 1791. Feuillett, t. I, p. 444. — Fersen, t. I, p. 96—98, 100.

[13]) Письмо Леопольда къ Маріи-Антуанетѣ, 14-го марта 1791 г. Arneth, p. 151.

[14]) Письмо де-Мерси къ Маріи-Антуанетѣ, 7 и 29 марта 1791.—Arneth, p. 147, 152.

ничего ожидать. Все находится въ выжидательномъ положеніи. «Невѣрный исходъ русской войны держитъ Европу въ величайшемъ затрудненіи. Черезъ три мѣсяца можетъ загорѣться война между Австріей и Пруссіей и охватить всѣ европейскія государства». Англія задерживаетъ Испанію. Необходимо добиться отъ нея поддержки или, по крайней мѣрѣ, нейтралитета. «Было бы верхомъ дипломатическаго искусства, еслибъ удалось, хотя бы цѣною нѣкоторыхъ жертвъ, побудить лондонскій дворъ не противиться возстановленію королевской власти во Франціи. Безъ такого предварительнаго успѣха, ни одна иностранная держава, какъ бы ни были благожелательны ея намѣренія, не можетъ выступить и оказать дѣйствительную поддержку». Впрочемъ, прибавлялъ этотъ политикъ, «не слѣдуетъ забывать, что великія державы ничего не дѣлаютъ безвозмездно. Эта истина несомнѣнна, хотя и нѣсколько унизительна; ее всегда умѣютъ замаскировывать государственной пользой. Мало или вовсе нѣтъ примѣровъ, чтобы государства отъ нея уклонялись; слѣдуетъ сообразоваться съ этимъ правиломъ, если желаешь добиться серьезнаго политическаго успѣха и примѣненіе его не особенно затруднительно въ настоящемъ случаѣ». Мерси внушалъ, что Испанія будетъ удовлетворена, если ей уступятъ пограничную мѣстность близъ Наварры, и что Сардинія останется довольна, если ей предоставятъ Женеву и полосы французской территоріи вдоль Альпъ и по берегу Вара. Императоръ—единственный государь, отъ котораго можно ожидать «безкорыстной помощи»; но вѣдь необходимо, чтобы Пруссія ему не препятствовала, а поведеніе Пруссіи зависитъ отъ образа дѣйствій англичанъ.

Обычные совѣтники Тюильрійскаго двора нашли, что необходимо принести благоразумныя жертвы, чтобы расположить въ свою пользу Англію. Булье намекнулъ объ «уступкѣ нѣкоторыхъ и даже всѣхъ индійскихъ владѣній;» другіе говорили объ одномъ только островѣ. Король въ высшей степени нерасположенъ былъ къ подобнымъ уступкамъ; онъ отложилъ рѣшеніе, желая узнать сперва мнѣніе Бретейля. Впрочемъ всѣ согласны были съ тѣмъ, что было бы неосторожно рисковать предложеніями такого рода, не освѣдомясь предварительно о томъ какъ они будутъ приняты. Опасались, чтобы англичане, въ видахъ раздуванія огня, не открыли главарямъ демократической партіи тайну сдѣланныхъ имъ предложеній. Рѣшили позондировать ихъ мнѣніе относительно одного только вопроса, а именно: отъѣзда короля. Къ переговорамъ же предполагали приступить, если въ томъ окажется надобность, лишь послѣ того, какъ король выѣдетъ изъ Парижа. Въ этомъ смыслѣ изготовлена была инструкція для Бартелеми, управлявшаго въ то время дѣлами посольства. Инструкцію рѣшено было поручить Шампсенецу, управляющему Тюильрійскимъ дворцомъ; но такъ какъ не были увѣрены, можно ли вполнѣ положиться на

Бартелеми, то отложили отправку эмиссара и инструкціи до полученія болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній [15]).

Королевская семья вращалась въ центрѣ безысходнаго круга, постоянно сжимавшагося и тѣснившаго ее. Иностранцы обѣщали помощь, подъ условіемъ предварительнаго сформированія сильной партіи во Франціи, а вмѣшательство Европы почиталось именно средствомъ для сплоченія такой партіи. Каждая держава подчиняла свое содѣйствіе содѣйствію другихъ, и всѣ признавали, что при настоящемъ положеніи дѣлъ общая поддержка невозможна. Наконецъ, требовались деньги, пятнадцать милліоновъ, чтобы имѣть возможность приступить къ дѣлу. Мерси отвѣчалъ, что въ деньгахъ нуждаются всѣ, исключая англичанъ, которые ихъ не дадутъ. Ландграфъ гессенскій располагалъ нѣсколькими милліонами флориновъ, но онъ хотѣлъ ссудить ихъ не иначе, какъ при «чрезвычайномъ обезпеченіи. Онъ отказалъ уже въ займѣ двумъ большимъ дворамъ!» Мерси приходилъ къ заключенію, что дѣло весьма щекотливо и совѣтовалъ осторожность. «Одна мысль объ ужасахъ, которые могли бы произойти, если бы васъ предали, арестовали, приводитъ въ трепетъ» [16]). Нетвердые совѣты, только усиливающіе нерѣшительность, сомнительныя поощренія, вызывающія одни колебанія; ничего яснаго и несомнѣннаго, кромѣ затрудненій; ничего очевиднаго, кромѣ опасности; ничего постояннаго, кромѣ томительной тревоги,—вотъ весь результатъ этой опасной переписки.

IV.

Болѣе чѣмъ компрометирующее письмо де Мерси къ королевѣ отъ 7 марта было перехвачено и передано «полицейскому комитету» Національнаго Собранія (comité des recherches) [1])». Только и было слуховъ, что о заговорахъ, коалиціяхъ, планахъ иностраннаго вторженія и лигахъ, имѣвшихъ въ виду раздѣлъ Франціи (ligues copartageantes) [2]). Австрія уже выговорила себѣ долю: Эльзасъ и Лотарингію; прусскій король имѣлъ надежду вознаградить себя въ Бельгіи и австрійской Силезіи. «То, что я не переставалъ предрекать, случилось», писалъ Камиль Демуленъ. «Короли заключили союзъ во имя общаго дѣла. Шведскій король является истиннымъ Агамемнономъ осады Парижа» [3]). Памфлеты, направленные про-

[15]) См. письма Ферзена къ Таубе 1, 11 и 18 апрѣля 1791, t. I, p. 90, 98, 101; Бретёйлю, t. I, p. 94.—Письмо Маріи Антуанеты къ Мерси, 14 апрѣля. Feuillet, t. II, p. 38.—О Шампсенецѣ см. Lescure, *Rivarol*, p. 147.

[16]) Мерси королевѣ 21 и 27 апрѣля 1791. Arneth, p. 156, 160.

[1]) Arneth, p. 147, note.

[2]) См. наприм. отчетъ Сталя отъ 18 ноября 1790 г., 6 января, 17 марта и 2 мая 1791 г.

[3]) *Révolutions de France et de Brabant*, numéros 71 et 79.

тивъ королевы, сыплются дождемъ [4]). Только что вышедшіе въ свѣтъ [5]) «Тайные Мемуары» Дюкло даютъ публикѣ нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта заднимъ числомъ, романическое повѣствованіе о козняхъ Австріи во время Семилѣтней войны. Марія-Терезія злоупотребляла Франціей, Марія Антуанета предаетъ ее. Все сговорилось, чтобы посѣять смуту въ Тюильри, возбудить тамъ умы и довести ихъ до послѣдней крайности.

Королевская семья уже не внимала увѣщаніямъ Мирабо; но Мирабо продолжалъ ограждать ее и защищать своимъ краснорѣчіемъ. Онъ неожиданно исчезъ со сцены, падая подъ ударами собственной тревожной жизни скорѣе, чѣмъ отъ революціонной бури [6]): онъ кончалъ насильственной смертью существованіе, полное неожиданностей и грезъ. Эта внезапная кончина сопровождалась, по крайней мѣрѣ, соболѣзнованіемъ. Она окружила его могилу всегда обаятельной таинственностью недовершеннаго великаго дѣла. Было что-то безконечно потрясающее въ этомъ внезапномъ молчаніи мощнаго голоса, страстные раскаты котораго были для Франціи то славой, то соблазномъ.

Мирабо ускользалъ отъ испытаній власти и отъ разочарованій побѣды; онъ погибалъ среди битвы и его слава дополнялась всѣмъ тѣмъ, чего еще ждали въ будущемъ отъ его генія.

Онъ желалъ, чтобы дворъ господствовалъ и извлекъ пользу изъ національныхъ разногласій. Потерявъ надежду на успѣхъ, онъ слѣдилъ за этими раздорами съ какою-то томительною тоскою. Декреты о новомъ устройствѣ духовенства вызывали повсюду волненіе, а въ нѣкоторыхъ департаментахъ и открытое возмущеніе: «Вотъ», писалъ онъ [7]), «еще новая рана, но самая ядовитая; она прибавитъ новый гангренозный центръ ко всѣмъ тѣмъ, которые подтачиваютъ, разъѣдаютъ и разлагаютъ наше политическое тѣло; мы имѣемъ законодательный корпусъ, который судитъ, производитъ слѣдствіе, награждаетъ и караетъ, однимъ словомъ, творитъ все, кромѣ того, что долженъ дѣлать. Въ настоящую минуту мы ставимъ религіозный расколъ рядомъ съ расколомъ политическимъ; намъ показалось, что мы испытали не довольно много сопротивленія, мы вызываемъ его съ избыткомъ; изъ опасностей, мы навлекаемъ наиболѣе ужасную; изъ затрудненій—самое безысходное; этого достаточно, чтобы сгубить все, если только Собраніе не устанетъ подчиняться анархіи....»

Собраніе, напротивъ, привыкало къ такому подчиненію и въ резуль-

[4]) Staël, 30 mai 1791.

[5]) Объявленіе объ этой книгѣ помѣщено въ Монитёрѣ отъ 12 ноября 1790 г.

[6]) 2 апрѣля 1791 г.

[7]) Въ частной замѣткѣ, январь 1791 г.—Lucas Montigny, t. VIII, p. 248.

ОТПЕЧАТОК

татѣ получались такія критическія отношенія между нимъ и дворомъ, которыя уже никто не могъ уладить. Инцидентъ, котораго впрочемъ давно слѣдовало ожидать, обнаружилъ всю опасность кризиса. Приближался праздникъ Пасхи. Людовикъ XVI получилъ отъ папы письмо, въ которомъ заявлялось, что нельзя присягать гражданской конституціи, не впадая въ ересь. Король спрашивалъ себя, имѣетъ ли онъ право причаститься на страстной недѣлѣ [8]). Онъ сообщилъ о своихъ сомнѣніяхъ клермонтскому епископу, монсиньору Бональду, который посовѣтовалъ ему воздержаться отъ причастія. Это было для набожнаго Людовика самымъ тягостнымъ испытаніемъ. Но такое воздержаніе, которое было бы только пользованіемъ права свободной совѣсти и именно въ томъ, что было въ немъ наиболѣе личнаго и священнаго, не подходило подъ воззрѣнія революціонныхъ вожаковъ. Весьма мало религіозные сами, эти свободные мыслители и деспоты находили, что король обязанъ подчиняться церковному расколу, который они заставили его санкціонировать. Они требовали, чтобы, подавая примѣръ повиновенія закону, Людовикъ посѣщалъ свою приходскую церковь, исповѣдывался у священника, присягнувшаго конституціи, и принялъ бы изъ его рукъ, такъ сказать, конституціонное причастіе. Чернь, возбуждаемая клубами противъ духовенства, отказавшагося отъ присяги, принуждала полицію закрывать домовыя церкви. Въ дворцовой церкви служили исключительно не присягавшіе священники. Людовикъ не сомнѣвался въ томъ, что его отказъ отъ посѣщенія приходской церкви подастъ поводъ къ народному волненію. Онъ нашелъ способъ выпутаться изъ затрудненія, рѣшившись провести пасхальныя каникулы въ Сенъ-Клу. 17-го апрѣля, въ Вербное воскресенье, обѣдня въ Тюильрійскомъ дворцѣ послужила поводомъ къ небольшому бунту. Агитаторы объявили о намѣреніи короля уѣхать изъ столицы, истолковывая эту поѣздку какъ маневръ, направленный противъ народа, и какъ первый шагъ къ осуществленію тайныхъ замысловъ, слухи о которыхъ ходили по всему городу. 18 числа, когда Людовикъ XVI захотѣлъ выйти изъ дворца, національные гвардейцы, охранявшіе Тюильри, воспротивились этому. Ихъ поддерживала толпа.

Лафайетъ попытался вмѣшаться, но его не послушали. Онъ обратился къ солдатамъ, которые отказались повиноваться,—къ гражданскимъ властямъ, которыя не захотѣли вмѣшиваться въ это дѣло, наконецъ—къ самому королю, который не пожелалъ отдавать приказаній. Королевская семья принуждена была вернуться въ Тюильрійскій дворецъ. «По крайней мѣрѣ», сказала королева своимъ приближеннымъ, «вы не можете не признать теперь, что мы не свободны!» [9]).

Съ этой поры они ждали спасенія лишь отъ избытка зла и направили всѣ усилія къ тому, чтобы заставить Европу констатировать лишеніе свободы, которому ихъ подвергали, и обмануть бдительность тѣхъ, кого считали своими тюремщиками, посредствомъ видимыхъ уступокъ. До сихъ поръ ихъ поступки были двусмысленны. Послѣ этого событія они стали двуличными. «Король не измѣнилъ рѣшенія уѣхать во второй половинѣ мая» писалъ Ферзенъ... [10]). «Для болѣе успѣшнаго выполненія плана, его величество рѣшилъ держаться другого способа дѣйствій: чтобы усыпить зоркость мятежниковъ относительно своихъ истинныхъ намѣреній, онъ покажетъ видъ, что созналъ необходимость окончательно перейти на сторону революціи и сблизиться съ ними; онъ будетъ руководствоваться исключительно ихъ совѣтами и постоянно будетъ предупреждать желанія черни, чтобы отнять у нея всякіе поводы къ инсурреціи, поддержать спокойствіе и внушить довѣріе, что безусловно необходимо для выхода изъ Парижа». «Ихъ величества», прибавлялъ онъ [11]), «будутъ присутствовать въ воскресенье при богослуженіи въ приходской церкви, и если отъ нихъ того потребуютъ, будутъ исповѣдываться и пріобщаться у присягнувшаго священника». Коль скоро ихъ совѣсть доведена была до подобной уступки и они не отступили отъ такого святотатства, что значило для нихъ приносить присягу, отъ которой отрекались въ душѣ, слѣпо подписывать декреты, которыхъ не одобряли, и наконецъ вести тайные переговоры объ иноземномъ вмѣшательствѣ? Все это были въ ихъ глазахъ политическія мѣры, оправдываемыя государственной пользой! Въ видахъ противодѣйствія революціи, они опирались на грозное правило общественнаго спасенія, на которое, въ свою очередь, сошлется и революція для ихъ собственной погибели.

Министры потребовали отъ Людовика XVI, чтобы онъ объявилъ, что признаетъ себя свободнымъ: онъ отправился въ Собраніе 19 апрѣля и исполнилъ это. Отъ него потребовали, чтобы онъ подтвердилъ то же самое европейскимъ дворамъ, онъ не противорѣчилъ: 12 апрѣля съ этою цѣлью былъ отправленъ Монмореномъ циркуляръ ко всѣмъ французскимъ дипломатическимъ агентамъ за-границей [12]). Но въ то же время, предупрежденный Ферзеномъ Бретейль увѣдомлялъ всѣхъ европейскихъ государей, что они не должны изумляться никакими поступками короля и королевы.

[8]) Письма Ферзена и Елизаветы, сестры Людовика XVI, Fersen t. I, p. 102.—Feuillet, t. II, p. 448.—Falloux, *Louis XVI*, p. 222.—Staël, *Correspondance*, p. 198.

[9]) Fersen, t. I, p. 105.

[10]) Бретейлю въ послѣднихъ числахъ апрѣля, т. I, и стр. 94.

[11]) Таубе, 22 апрѣля 1791 г. т. I, стр. 108.

[12]) *Moniteur*, t. VIII, p. 213.

«Все это—не болѣе какъ послѣдствія ихъ несвободнаго состоянія!» [13]). Всѣ, кто оставался вѣренъ королю за-границей, получили приказъ ускорить свою дѣятельность и увѣрить за-границей, что послѣднія событія доказываютъ необходимость отъѣзда короля изъ Парижа и безотлагательной помощи со стороны его союзниковъ.

V.

Тревога усиливалась во Франціи. Собраніе потребовало предохранительныхъ мѣръ. 28 января оно рѣшило, что войска будутъ поставлены на военное положеніе и вотировало наборъ въ сто тысячъ человѣкъ. Революціонный энтузіазмъ овладѣвалъ всѣми скамьями Собранія. Политическіе ораторы, юристы, и въ особенности военные, присоединялись къ «мятежнымъ патріотамъ», какъ называлъ ихъ Камиль Демуленъ, забившій тревогу въ клубахъ и въ газетахъ и грозившій уничтоженіемъ неосторожнымъ монархіямъ, которыя рѣшатся напасть на Францію [1]). Не одно только министерство казалось подозрительнымъ, но и дипломатическій комитетъ стали считать недальновиднымъ, если не потворствующимъ. Къ чему онъ? спрашивалъ Робеспьеръ: «Онъ вамъ ни на кого не доноситъ» [2]). Дипломатическіе агенты почти всѣ присягнули въ вѣрности конституціи: но такая покорность уже не считается достаточнымъ доказательствомъ преданности. Министерство смѣняетъ однихъ и перемѣщаетъ другихъ: эти перемѣщенія приписываются придворнымъ внушеніямъ и новыхъ агентовъ находятъ слишкомъ аристократичными [3]).

Придавленный, такъ сказать, дворомъ, съ одной, и Собраніемъ—съ другой стороны, Монморенъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ вліяніе и изнемогаетъ подъ бременемъ непосильной задачи. Посвященный отчасти въ противодѣйствіе двора Собранію и уполномоченный этимъ самымъ Собраніемъ приводить въ дѣйствіе нѣкоторыя мѣры противъ двора, подозрѣвая намѣренія, которыя скрываетъ отъ него королева, и между тѣмъ подозрѣваемый въ сообщничествѣ съ нею, онъ принужденъ играть нестерпимую роль человѣка, который проповѣдуетъ довѣріе, не испытывая его самъ и не внушая его другимъ. Собраніе желало бы покорнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическаго правительства, но само дѣлаетъ невозможнымъ энергическое дѣйствіе стѣсненіями, которыми окружаетъ власть, а покорность—несосуществимою, по причинѣ нетвердости своихъ предписаній и постоянныхъ колебаній въ своемъ настроеніи. Оно путается въ противорѣчіяхъ между провозглашенными имъ самимъ правилами и житейскою дѣйствительностью, возмущающеюся противъ декретовъ, между политическими привычками и провозглашенными имъ принципами. Ни въ чемъ не проявлялись эти противорѣчія съ такою силою, какъ въ преніяхъ по поводу эмиграціи.

Когда, къ концу 1790 г., эмиграція начала казаться опасной, члены Учредительнаго собранія замѣтили, что они уничтожили въ принципѣ и упразднили фактически всѣ законы, которые дозволили бы принять мѣры противъ эмиграціи. Старый порядокъ давалъ суровый законъ и безпощадные прецеденты относительно эмиграцій. Этотъ законъ—не что иное, какъ эдиктъ Людовика XIV августа 1669 г.; кара, предназначавшаяся эмигрантамъ, заключалась въ конфискаціи имущества, лишеніи французскаго гражданства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно для тѣхъ, кто поступалъ на иностранную службу даже въ мирное время — законъ грозилъ смертной казнью [4]). Если къ этому присоединялся заговоръ или замышленіе такового въ сообществѣ съ недовольными, проживающими въ предѣлахъ французскаго королевства, или же съ иностранцами, внѣ этихъ предѣловъ, то это считалось оскорбленіемъ величества и влекло за собою смерть и конфискацію. Эти законы были общи всѣмъ монархіямъ. Англичане примѣняли ихъ къ католикамъ въ то время, какъ Людовикъ XIV примѣнялъ ихъ къ протестантамъ. Брабантцы еще недавно испытали ихъ жестокія послѣдствія [5]).

Собраніе, справедливо почитая эти старинные способы прежняго порядка орудіями деспотизма, торжественно отвергло ихъ и уничтожило. 21-го января 1790 года, вслѣдствіе доклада Гильотена, оно вотировало декретъ, имѣвшій цѣлью преобразованіе уголовнаго законодательства. Въ статьѣ 3-й постановлялось: «Ни въ какомъ случаѣ не допускается конфискація имущества осужденнаго». 9-го декабря гасконскій адвокатъ Ба-

[13]) Fersen, t. I, p. 94—108.—*Kaunitz à Léopold*, 8 mai 1791.—Beer, *Kaunitz*, p. 401.—La Rochetelle, p. 308.

[1]) См. наприм. рѣчь барона генерала-маіора Мену, депутата отъ дворянства.

[2]) 19 апрѣля 1791 г.

[3]) См. рѣчи Мирабо, отъ 28 января, и Мену, отъ 6 апрѣля 1891 г.—Назначенія 27 марта: Де-Сегюръ, де-Вибре, де-Дюрфоръ, Осмондъ, де-Гуверне, де-Монтескіу, Боннъ-Карреръ, посланные въ Римъ, Стокгольмъ, Венецію, Петербургъ, Гагу, Дрезденъ, Люттихъ. Masson, *Affaires étrangères*, p. 87.

[4]) Королевскій эдиктъ августа 1669 г. заключающій воспрещеніе всѣмъ подданнымъ удаляться изъ королевства съ цѣлью водворенія въ иноземныхъ странахъ, безъ дозволенія короля.

[5]) Трактатъ по предмету уголовныхъ преступленій, указанныхъ въ ордонансѣ августа 1670. «Traité des matières criminelles suivant l'ordonnance d'août 1670, par Guy du Rousseaud de la Combe», Paris, 1751, 4-e édition, p. 84—90.—Erskine-May, *Histoire Constitutionnelle de l'Angleterre*, traduction de Cornélis de Witt, Paris, 1865, t. I, p. 377—598; t. II, p. 375—376, 393.

реръ, хвастливый, рѣчистый и низкій, пародировавшій всѣ добродѣтели и прославившій всѣ гнусности того времени, прочиталъ докладъ о возвращеніи имущества, конфискованнаго вслѣдствіе религіознаго преслѣдованія. Такое возстановленіе правъ было только справедливо; но унизительно для великодушнѣйшаго изъ собраній выслушивать защиту этого права отъ безстыднѣйшаго изъ сикофантовъ самой кровавой тиранніи, когда-либо существовавшей во Франціи. Бареръ клеймилъ «ужасный законъ», въ силу котораго «на основаніи простого доноса и безъ суда» предавалось во власть фиска состояніе стольких лицъ, виновныхъ лишь въ томъ, что не пожелали отречься отъ своихъ вѣрованій» [6]). Онъ осуждалъ «жестокихъ законодателей», «отнесшихся къ праву выѣзда изъ отечества какъ къ «преступленію противъ націи», между тѣмъ какъ это право принадлежитъ каждому, кто не находитъ у себя на родинѣ счастья и спокойствія» [7]).

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ того дня, какъ Собраніе рукоплескало такимъ рѣчамъ, какъ уже оно искало способовъ обойти собственныя рѣшенія и законъ, имъ же самимъ вотированный. На угрозы, заговоры, приготовленія эмигрантовъ указывали какъ на общественную опасность. Такъ смотрѣло на дѣло большинство, и оно постановило 21 февраля 1791 г., что конституціонный комитетъ озаботится изученіемъ вопроса о томъ, можно-ли препятствовать гражданамъ «покидать отечество въ минуту кризиса». Собраніе было связано въ этомъ случаѣ своею реформою уголовныхъ законовъ, подобно тому, какъ было связано ранѣе въ Авиньонскомъ вопросѣ своей декларацією отреченія отъ завоеваній. Нашлись казуисты, взявшіеся согласовать общій законъ съ частными необходимостями политики. Уже 25 февраля Бареръ, въ видѣ, такъ сказать, прелюдіи къ своему отступничеству въ эпоху Террора, утверждалъ, что въ минуту кризиса и ради безопасности народа справедливо отмѣнять пользованіе естественнымъ правомъ свободы [8]). 28-го, будущій авторъ закона о лицахъ подозрительныхъ, Мерленъ, ссылаясь на самый законъ, на его пророка Руссо и на «Contrat Social» утверждалъ, что «въ смутное время эмиграція можетъ быть запрещена». Ревбель и Пріёръ высказали такое же мнѣніе. Это были предвѣстники «комитета общественной безопасности». Они, по выраженію, заимствованному Бомецомъ у Монтескье, предлагали «набросить покрывало на боговъ».

[6]) Эдикты октября 1685 и декабря 1689; декларація 4 мая 1724; постановленіе совѣта министровъ 15 мая 1751, касающееся переписи имѣній бѣжавшихъ изъ Франціи протестантовъ.

[7]) «Естественное право эмиграціи», такъ выражался Бареръ еще 25 февраля 1791 г.

[8]) *Moniteur*, t. VII, p. 477.

Послѣ горячаго столкновенія, въ которомъ боролся духъ 1789 г. съ духомъ 1793 г., Собраніе рѣшило, что выслушаетъ чтеніе проекта, выработаннаго конституціоннымъ комитетомъ. Докладчикъ Шапелье, порицая заранѣе трудъ комитета, усматривалъ въ немъ «истинную диктатуру и нарушеніе конституціонныхъ законовъ». Дѣйствительно это было не что иное, какъ возстановленіе во всей силѣ эдиктовъ Людовика XIV: въ смутное время, комитетъ, состоящій изъ трехъ лицъ, будетъ облеченъ верховною властью и будетъ рѣшать вопросъ о правѣ выѣзда изъ королевства и объ обязанности возвращенія. Тѣ, кто по предъявленіи приказа о возвращеніи не исполнятъ его, подвергаются конфискаціи. При этихъ словахъ, требовавшихъ взятія назадъ одной изъ мѣръ, которыми оно всего справедливѣе гордилось, Собраніе почувствовало себя оскорбленнымъ. «Оставьте», воскликнулъ Мирабо [9]), рѣчь котораго въ этомъ засѣданіи была однимъ изъ послѣднихъ его огненныхъ лучей, «оставьте подобные законы державамъ, которыя сдѣлали изъ своихъ государствъ обширныя тюрьмы. Самые тираническіе законы объ эмиграціи никогда не имѣли иныхъ послѣдствій, кромѣ поощренія бѣгства изъ отечества. Человѣкъ не связанъ съ землею корнями, онъ не прирастаетъ къ землѣ. Человѣкъ—не поле, не лугъ, не скотина; поэтому онъ не можетъ почитаться чьею-либо собственностью». Собраніе, какъ то бывало съ нимъ всегда, коль скоро приходилось выбирать между отреченіемъ отъ своихъ принциповъ и послѣдствіемъ ихъ примѣненія, остановилось на компромиссѣ. Оно отложило обсужденіе вопроса по существу, поручило своему комитету подготовить декретъ о паспортахъ и постановило 28-го марта, что всѣ правительственные агенты обязаны оставаться въ странѣ: рѣшеніе благоразумное и законное, но уже въ силу своей умѣренности неспособное ни предупредить, ни сдержать эмиграцію. Чтобы предупредить, необходимо было бы сообразоваться съ закономъ; чтобы сдержать, слѣдовало бы пріостановить его дѣйствіе [10]). Собраніе не обладало ни достаточной энергіей для того, чтобы поддержать свои декреты, ни прискорбной отвагой для ихъ явнаго нарушенія. Оно пришло къ худшему изъ противорѣчій: обязать дворянъ оставаться во Франціи и сдѣлать это пребываніе для нихъ нестерпимымъ; возвратить на родину наиболѣе ожесточенныхъ враговъ революціи и доставить имъ

[9]) Засѣданіе 28 февраля 1791 г.

[10]) «Всѣ хорошіе законы предотвращаютъ эмиграцію», писалъ Андре Шенье. «Позаботьтесь о томъ, чтобы исполнялись существующіе законы; пусть всякая собственность будетъ неприкосновенна; пусть приказываютъ одни представители закона; пусть каждому мирному гражданину обезпечена будетъ безопасность; пусть темныя подозрѣнія не подаютъ повода къ преслѣдованіямъ, и каждый останется у своего очага». «*Sur l'esprit de parti*», André Chénier. Avril. 1791.

новыхъ союзниковъ. Декреты Собранія влекли за собою всѣ неудобства злоупотребленія силой; дѣйствія его приносили всѣ неудобства излишней слабости.

VI.

Гостепріимство, оказанное эмигрантамъ въ Германіи, могло только обострить столкновеніе, возникшее между парижскимъ собраніемъ и ратисбонскимъ сеймомъ, по поводу Эльзаса. Улаженіе конфликта по этой причинѣ нисколько не подвигалось. Франція все болѣе и болѣе запутывалась въ одну изъ безысходныхъ тяжбъ изъ-за господства, которыя во всѣ времена перерождались въ войны, по поводу установленія границъ, и въ національное соперничество. Франція соглашалась даровать нѣмецкимъ владѣтельнымъ принцамъ лишь добровольное вознагражденіе за убытки; она допускала только непосредственныя сношенія съ заинтересованной стороной; она отклоняла компетенцію сейма и, тѣмъ болѣе, вмѣшательство державъ-поручительницъ вестфальскаго мира [1]). Имперія воспрещала принцамъ частныя сдѣлки, она признавала соотношеніе между территоріальными уступками, сдѣланнымп Франціи въ 1648 г., и обезпеченіемъ правъ принцевъ. 14-го декабря императоръ передалъ королю

[1]) Декретъ 28 октября 1790 г. — Франція предлагала нѣмецкимъ принцамъ «вступить въ переговоры или по предмету вознагражденія, или же въ видахъ полнаго отчужденія ихъ имѣній». Депеша, препровожденная въ Вѣну 4 декабря 1790 г.—«Франція приглашаетъ этихъ принцевъ прислать въ Парижъ довѣренныхъ лицъ ad hoc; французскимъ уполномоченнымъ при европейскихъ дворахъ поручено предложить имъ эту мѣру». Депеша въ Вѣну отъ 24 января 1791 г.—Основы для переговоръ указаны точно и опредѣленно: «Право опредѣленія внутренняго порядка Эльзасской провинціи не зависитъ отъ иностраннаго воздѣйствія. Право это безспорно и изъ него вытекаетъ, по существу, и право подчиненія Эльзаса принципу единообразнаго управленія, составляющаго одну изъ основъ нашей конституціи. Этотъ принципъ собственно распространяется на владѣнія принцевъ, какъ и на всѣ остальныя, на томъ основаніи, что они находятся въ предѣлахъ французскаго господства». Имперскій сеймъ не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло: «Мы знаемъ принцевъ, владѣющихъ въ Эльзасѣ лишь въ качествѣ вассаловъ, а не какъ членовъ германскаго политическаго тѣла; наша верховная власть независима отъ имперіи въ той же мѣрѣ, какъ и ихъ вассальныя отношенія. Земли, которыми принцы владѣютъ въ Эльзасѣ, сдѣлались чуждыми имперіи съ той минуты, какъ перестали заключаться въ ея предѣлахъ». Депеша въ Вѣну, 4 декабря 1790 г. — «Одна и та же территорія не можетъ имѣть двухъ верховныхъ властей. Наша же таковая власть равно безусловна въ Эльзасѣ, какъ и въ Нормандіи и Шампани. Если имперія намѣрена прибѣгнуть къ вмѣшательству, это будетъ означать, что ни одна территорія, уступленная въ силу трактатовъ, не можетъ сдѣлаться независимою отъ своего прежняго государя». Депеша въ Вѣну отъ 18 апрѣля 1791 г.

подкрѣпленныя его авторитетомъ требованія [2]). Никакія разсужденія въ мірѣ не могли доказать, что Франція не облечена верховною властью, что имперія не обладаетъ таковою же, что каждая изъ этихъ державъ есть единственная истолковательница своей верховной власти и что каждая можетъ истолковывать ее противоположнымъ образомъ. При такихъ условіяхъ не было иного исхода кромѣ войны или сдѣлки путемъ третейскаго суда; именно на этомъ второмъ способѣ остановилось французское министерство и изложило свое требованіе Леопольду [3]). Обратились къ нему какъ къ союзнику Франціи, а не какъ къ императору; это была пустая канцелярская тонкость, потому что въ такомъ чисто нѣмецкомъ дѣлѣ, въ отношеніяхъ своихъ къ нѣмецкимъ принцамъ, Леопольдъ могъ лишь весьма искусственнымъ образомъ раздѣлять то, что соединялось въ его лицѣ—главу австрійскаго дома и главу священной имперіи. «Неужели стоитъ перевернуть вверхъ дномъ Европу изъ-за такого дѣла»! воскликалъ Монморенъ [4]). При Лудовикѣ XIV подобныя потрясенія производились однакоже по несравненно менѣе важнымъ мотивамъ; и ничто не обнаруживаетъ въ такой степени важнаго значенія кризиса, какъ именно это обращеніе къ вмѣшательству императора, къ которому рѣшился прибѣгнуть растерявшійся министръ Людовика XVI. Точно такъ же ничто

[2]) Имѣнія, находящіяся въ Эльзасѣ, писалъ императоръ, были уступлены лишь подъ условіемъ огражденія правъ принцевъ. Это условіе не можетъ быть уничтожено національными декретами. Эти земли не были отнесены къ французскому королевству, онѣ подчинены верховной власти императора и имперіи; ни одинъ изъ членовъ германской монархіи не имѣетъ права передавать эту власть иностранному государству. Изъ этого слѣдуетъ, что декреты недѣйствительны, поскольку касаются имперіи и ея членовъ, и что все должно быть возвращено къ прежнему порядку». Леопольдъ Людовику XVI, 14 декабря 1790 г.

[3]) «Не въ интересахъ императора обострять это столкновеніе», писалъ Монморенъ, «такъ какъ поддержка принцевъ съ его стороны могла бы повлечь за собою серьезныя послѣдствія. Она повлекла бы за собою войну, и войну тѣмъ болѣе опасную, что ее возбудили бы во Франціи, гдѣ народъ увидѣлъ бы въ ней угрозу, направленную противъ французскихъ границъ и конституціи... Рѣшенія, принятыя по вопросу о нѣмецкихъ принцахъ, не могутъ быть измѣнены; ихъ можетъ разрушить только сила, и въ этомъ отношеніи нельзя ждать ни соглашенія, ни сдѣлокъ. На основаніи этихъ рѣшеній вѣнскому министерству представляется двѣ альтернативы: или разрушить ихъ силою оружія, или пригласить принцевъ согласиться на предложенные имъ переговоры, а въ случаѣ отказа съ ихъ стороны не оказывать имъ никакой поддержки». Монморенъ французскому повѣренному въ дѣлахъ Габару, 24 января 1791 г. Нойаль находился въ это время въ отпуску. Въ томъ же смыслѣ составлены депеши, отправленныя въ Вѣну 4 марта, 18 апрѣля и 11 мая 1791 г.

[4]) Депеша въ Вѣну 10 февраля 1791 г.

не показываетъ яснѣе, до какой степени французская революція измѣняла всѣ прежнія отношенія. Въ былыя времена вся политика заключалась въ томъ, чтобы, такъ сказать, нейтрализировать императора чрезъ посредство имперіи; теперь принуждены были обращаться къ императорскому авторитету противъ сеймовыхъ коалицій и союзовъ мелкихъ государствъ. На самомъ дѣлѣ ихъ только сближали, объединяя ихъ интересы во вредъ Франціи.

Подобное же явленіе, и по аналогичнымъ причинамъ, проявилось въ отношеніяхъ французскаго государства къ папскому престолу и галликанской церкви. Французскіе епископы обратились къ папѣ съ просьбой защитить ихъ отъ вторженій государства въ область церкви; министры Людовика XVI обращались къ нему же, прося совѣта и помощи въ своей борьбѣ съ этими самыми епископами. Такимъ образомъ Пій VI становился верховнымъ судьей между французскими католиками и государствомъ, чего, какъ извѣстно, постоянно домогались папы. Но теперь нечего было и думать о примѣненіи прецедентовъ временъ стараго порядка, то есть объ улаженіи спорныхъ дѣлъ путемъ уступки со стороны духовной власти, во вниманіе къ земнымъ интересамъ. Когда Людовикъ XV потребовалъ у папы упраздненія іезуитскаго ордена, онъ просилъ его лишь о примѣненіи папскаго авторитета, а не объ отреченіи отъ него, что̀ неминуемо долженъ былъ бы сдѣлать Пій VI, если бы захотѣлъ терпѣть гражданское устройство духовенства. Когда Людовикъ XIV требовалъ утвержденія правъ своихъ на Авиньонъ, онъ не провозглашалъ правъ авиньонцевъ; онъ секвестрировалъ графство, а не революціонировалъ его. Этихъ существенныхъ различій вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему, послѣ декретовъ Собранія, всякое сношеніе съ Римомъ на прежнихъ основаніяхъ становилось невозможнымъ. Собраніе не хотѣло и слышать о нихъ; Римъ констатировалъ полную безполезность уступокъ, не отвѣчавшихъ ни его вкусамъ, ни его принципамъ, и которыя были бы поставлены ему въ вину и сочтены слабостью всею французскою церковью. Берни, найдя гражданскую присягу несовмѣстимою со своимъ епископскимъ достоинствомъ, отказался принести ее и потерялъ свой постъ посланника при римскомъ дворѣ [5]).

Министерство думало одно время замѣнить его графомъ Сегюромъ, который не могъ вернуться въ Петербургъ и оставался безъ должности.

[5]) Берни Монморену, 24 декабря 1790, 22 и 23 февр. 1791. Для Берни это была и отставка и разореніе: прелатъ-дворянинъ перенесъ испытаніе съ покорностью судьбѣ. Крайне легкомысленный въ счастьѣ, онъ съ достоинствомъ кончилъ въ изгнаніи и среди лишеній поприще, въ которомъ свѣтъ, дворъ и правительство всегда занимали болѣе обширное мѣсто, чѣмъ церковь. Masson, *Bernis*, ch. XV, XVI: *La Destitution, les dernières années du cardinal.*

Въ качествѣ либеральнаго ройялиста или, какъ выражались въ то время, «монархиста» (monarchien), онъ былъ невозможенъ при русскомъ дворѣ, гдѣ нѣкогда считался однимъ изъ наиболѣе блестящихъ представителей Франціи. Онъ собирался уже ѣхать въ Италію [6]), когда папское посланіе окончательно осудило гражданскую конституцію духовенства [7]). Ссылаясь на «Изложеніе принциповъ», доставленное ему французскими епископами, папа приказывалъ всѣмъ духовнымъ, присягнувшимъ ей, взять назадъ свою присягу; онъ объявлялъ недѣйствительными, противозаконными и святотатственными всѣ рукоположенія, произведенныя или имѣющія быть произведенными на основаніи новаго порядка, и заклиналъ французскихъ католиковъ не измѣнять вѣрѣ отцовъ. Нѣсколько дней спустя, Пій VI далъ понять, что не приметъ ни одного, присягнувшаго конституціи, посланника [8]). Въ Римѣ остался одинъ повѣренный въ дѣлахъ, Бернаръ, секретарь посольства при Берни; онъ хотя и присягалъ въ вѣрности конституціи, но, не занимая оффиціальнаго поста, продолжалъ оставаться въ Римѣ и вести посольскую переписку [9]). Въ Парижѣ нунцій протестовалъ противъ мѣръ, принятыхъ въ графствѣ [10]). Чернь сожгла 4 мая въ Пале-Ройялѣ манекенъ, изображавшій папу; нунцій потребовалъ паспортъ и выѣхалъ изъ Парижа 30-го числа [11]). Разрывъ былъ полный.

Тѣмъ временемъ междоусобица въ графствѣ приняла особенно жестокій характеръ. Авиньонскія банды наводили ужасъ на страну и осаждали Карпентрасъ. «То была варварская война съ обѣихъ сторонъ; обострившіеся старые счеты и новая свирѣпая вражда; не война, а скорѣе рядъ страшныхъ сценъ убійствъ и засадъ [12]). Мену представилъ Собранію 30-го апрѣля новый докладъ отъ имени дипломатическаго комитета и отъ комитета по авиньонскимъ дѣламъ. Въ заключеніи, онъ приходилъ къ не-

[6]) *Instructions de M. de Ségur* (Инструкціи Сегюру, подписанныя королемъ и Монмореномъ въ апрѣлѣ 1791).

[7]) *Caritas quoe docente Paulo apostolo....* 13 апр. 1791. Jaскв, t. XIX, p. 355. —Порицая и осуждая принципъ, папа отложилъ окончательное рѣшеніе и спросилъ мнѣніе французскихъ епископовъ въ аллокуціи. *Quod aliquantum*, 10 марта 1791. *Recueil des allocutions consistoriales*, Paris, 1865.

[8]) *Rapports de Rome*, 27 avril, 2 mai, 11 mai 1791.

[9]) Masson, *Bernis*, p. 507.

[10]) *Notes du nonce*, 15 janvier et 12 mars 1791.

[11]) Онъ оставилъ вмѣсто себя викарія, который уѣхалъ 1 іюля. Бернаръ вскорѣ пересталъ вести дипломатическую переписку. Съ 25-го сент. 1791 г. прекратились всякія оффиціальныя и полуоффиціальныя сношенія между Франціей и папскимъ престоломъ.

[12]) Mignet, *Histoire de la Révolution*, t. II, p. 471.—Городъ Кавальонъ разграбленъ 10 января. Осада Карпентраса начинается въ апрѣлѣ. Она была снята 13 мая.

обходимости присоединенія и Авиньона и графства. Пренія, затѣмъ послѣдовавшія, воспроизводили, за малыми исключеніями, тѣ, которыя уже происходили въ ноябрѣ предыдущаго года. Ново было только обсужденіе пресловутой записки, составленной при Шуазелѣ королевскимъ генеральнымъ прокуроромъ при провансальскомъ парламентѣ—Монкларомъ. Эту записку долгое время напрасно искали въ архивахъ; предполагали уже, что она уничтожена по требованію папскаго престола, но, наконецъ, отыскали. Норманскій юрисконсультъ Гупиль де-Префельнъ торжественно принесъ ее на трибуну. Получивъ новую пищу изъ этой «богатой сокровищницы», пренія возобновились ожесточеннѣе прежняго. Прежде, когда шла рѣчь объ эльзасскихъ дѣлахъ, можно было подумать, что находишься въ мецскомъ парламентѣ; теперь въ Національномъ собраніи воскресалъ парламентъ экскій. Революціонеры-идеалисты и наиболѣе смѣлые новаторы проникались неожиданнымъ уваженіемъ къ прецедентамъ и юриспруденціи. «Дѣло идетъ не о какихъ-либо нововведеніяхъ», воскликнулъ Робеспьеръ, «а о подтвержденіи существующаго права!» [13]). Докладъ Мену опирался на желаніе населенія какъ на главный доводъ [14]). Ораторы правой выражали сомнѣніе въ искренности этого желанія [15]). «Это ничего не значитъ», возражали сторонники присоединенія, «жители этихъ провинцій никогда не переставали быть французами». Оппоненты допускали, что Франція, въ качествѣ дружественной папскому престолу державы, можетъ послать войска для возстановленія порядка въ графствѣ. Лѣвая отвергала такую мѣру: это значило бы вмѣшаться въ дѣла иностранной націи и подать поводъ къ подобнымъ же вмѣшательствамъ въ дѣла самой Франціи. Надо принять рѣшеніе, основанное на правѣ, объявилъ Мерленъ: если жители графства—французы, то Франція и введетъ у нихъ французскіе законы; если же они—не французы, то Франція не будетъ вмѣшиваться въ ихъ раздоры [16]). И снова принялись разсуждать о принципѣ завоеваній.

[13]) Рѣчь Робеспьера 2 мая 1791 г.

[14]) «Существуетъ нѣсколько подлинныхъ документовъ, очевидно доказывающихъ желаніе значительнаго большинства авиньонскихъ гражданъ. Въ графствѣ, изъ 95 общинъ 51 доставила вамъ протоколы преній, благопріятныхъ присоединенію; другія заявили, что намѣрены выжидать и присоединятся къ большинству. Населеніе графства равняется 126000; населеніе общинъ, выразившихъ желаніе быть присоединенными — 86317..» Докладъ Мену, 30 апрѣля 1791 г.

[15]) Рѣчи: Клермона Тоннера, Ла-Рошфуко, 2 мая; Малуе, Дюшателе, 3 мая 1791 г.

[16]) Рѣчи Казалеса и Мори, 30 апрѣля; Петіона, 30 апрѣля; Робеспьера, 2 мая; Ламета, 3 мая; Мерлена, 4 мая 1791 г.

Всѣ доводы были уже приведены во время преній, происходившихъ въ 1790 г.; но событія принуждали возвратиться къ нимъ, и сквозь извилины этихъ словопреній можно было прослѣдить возраставшую страстность и постепенное уклоненіе отъ первоначальныхъ воззрѣній. Юрисконсульты и представители военнаго міра, руководившіе преніями, мало-помалу приводятъ ихъ къ прежнимъ формуламъ, отличаютъ завоеваніе, «явившееся слѣдствіемъ открытой войны», отъ возвращенія себѣ несправедливо отторгнутой территоріи. На замѣчаніе правой: «если бы Авиньонъ принадлежалъ не намъ, а другому болѣе могущественному государю, рѣшились-ли бы вы присоединить его?» Мену отвѣчаетъ [17]): «Болѣе сильный не совершаетъ несправедливости, когда возвращаетъ себѣ то, что ему принадлежало... Когда собственность присвоена несправедливо болѣе сильными, тогда ждутъ только благопріятнаго случая, чтобы заявить о своемъ правѣ. Если бы наше собраніе могло породить войну, вы не были бы нападающими; слѣдовательно, въ вашемъ дѣйствіи не было бы противорѣчія съ декретомъ, которымъ вы отказались отъ всякаго завоеванія и враждебнаго намѣренія». Это была не только по своей основѣ, но даже и по выраженіямъ, вся классическая теорія правъ короля. Система комитета вела новую Францію къ требованію наслѣдія Карла Великаго. Указывая на это, Клермонъ Тоннеръ самъ считалъ свои слова только ироніей [18]). Парадоксъ остался незамѣченнымъ; но безпощадная логика исторіи сдѣлала изъ него предсказаніе. Малуе окончательно сбросилъ покрывало [19]). «Собраніе, сказалъ онъ, повидимому, не отдаетъ себѣ отчета въ истинномъ значеніи своихъ декретовъ. Оно должно измѣрить это значеніе. Въ этой революціи есть черта, свойственная ей одной: это свойство обобщенія принциповъ, примѣнимости ихъ ко всѣмъ странамъ и народамъ, ко всѣмъ правительствамъ; это своего рода духъ завоеванія или, скорѣе, апостольства, который охватилъ болѣе страстные умы и стремится къ внѣш-

[17]) Докладъ 30 апрѣля 1791 г.

[18]) «Если бы вы прибавили къ приведеннымъ основаніямъ еще и это, то, ссылаясь на принципъ отреченія отъ завоеваній, вы впали бы въ крайнюю иллюзію. Такъ какъ возвращеніе прежнихъ владѣній не есть завоеваніе, а всякое нарушеніе владѣній не можетъ быть дозволяемо, вы могли бы, не нарушая собственной декларації, но переступая далеко за предѣлы нашихъ границъ, потребовать владѣнія, несомнѣнно принадлежавшія Карлу Великому, и это нисколько не противорѣчило бы цѣли, указанной докладчикомъ г. Мену, а именно, касательно того, чтобы сообразоваться относительно времени возвращенія прежнихъ владѣній съ большимъ или меньшимъ въ данную минуту могуществомъ державъ, ими владѣющихъ». Клермонъ Тоннеръ, рѣчь 2 мая 1791 г.

[19]) 2 мая 1791 г.

нему распространенію. Это равняется нападенію на иностранныя державы и должно внушать имъ опасенія и вооружить ихъ противъ насъ...»

Эти доводы производятъ на Собраніе потрясающее впечатлѣніе; доводы противоположнаго характера волнуютъ его не менѣе первыхъ и внезапно заставляютъ его переходить отъ благоразумія и осторожности, къ которымъ оно склонялось въ силу политическаго инстинкта, къ беззавѣтной отвагѣ, внушаемой страстями и являющейся логическимъ слѣдствіемъ заложенныхъ имъ въ основу принциповъ. «Если мы отступимъ предъ какимъ-нибудь посланіемъ папы», замѣчаетъ Барнавъ [20]), «державы предположатъ, что и отъ всѣхъ остальныхъ правъ своихъ мы можемъ отказаться съ такою же легкостію. То, что будетъ сдѣлано относительно Авиньона, потребуютъ и для Эльзаса». Собраніе колеблется между разнородными и противорѣчащими одно другому предложеніями, съ которыми къ нему обращаются съ разныхъ сторонъ. Оно не можетъ ни рѣшить, ни отклонить вопроса, оно связано имъ и постоянно къ нему возвращается.

4-го мая оно отклоняетъ [21]) проектъ декрета комитетовъ, объявляющаго, что «Авиньонъ и графство Венессенское составляютъ неотъемлемую часть Франціи». Но на другой же день, подобно парламентамъ, которые принимали къ свѣдѣнію указы о возвращеніи этихъ земель папѣ, подъ оговоркою правъ короля, оно подвергаетъ свою вотировку толкованіямъ и тѣмъ беретъ ее назадъ. «Всѣмъ извѣстно», замѣчаетъ Бушъ, «что Авиньонъ и графство въ настоящее время не входятъ въ предѣлы французскаго господства, но всѣ также знаютъ, что они должны принадлежать Франціи и будутъ принадлежать ей рано или поздно» [22]). Собраніе именно такъ и смотрѣло на дѣло, отвергая текстъ, предложенный комитетами; иначе говоря, оно ничего не рѣшило и отложило вопросъ до другого времени.

Пренія возобновились 24-го, по поводу новаго доклада, авторомъ котораго былъ Мену. Присоединеніе отвергается снова [23]), но 25-го мая Собраніе постановляетъ, что будутъ отправлены посредники для водворенія спокойствія и мира среди жителей графства и авиньонцевъ, «въ видѣ временной мѣры, необходимой въ ожиданіи дальнѣйшаго рѣшенія относительно правъ Франціи на эти земли». Итакъ, заявленіе правъ отложено, а вмѣшательство рѣшено. Присоединеніе же, отвергнутое 4-го мая большинствомъ 171 голоса, отвергается на этотъ разъ только большинствомъ

[20]) 3 мая 1791 г.

[21]) 487-ю голосами противъ 316; 67 воздержалось отъ подачи голоса.

[22]) *Moniteur*, t. VIII, p. 306. Собраніе рѣшаетъ, что Авиньонъ и Венессенское графство не входятъ въ составъ Франціи.

[23]) 374 голосами противъ 368

6 голосовъ. Съ этой минуты становится несомнѣннымъ, что Собраніе декретируетъ присоединеніе и что вмѣшательство будетъ лишь средствомъ и способомъ его подготовить. Члены Учредительнаго собранія однако вполнѣ искренни въ своей діалектикѣ; но они напоминаютъ тѣхъ гнѣвныхъ и щепетильныхъ богослововъ, которые, явившись на соборъ съ цѣлью подтвержденія своей ортодоксальности, выходятъ изъ него еретиками и выводятъ свою ересь изъ самихъ преній, начатыхъ ими въ видахъ укрѣпленія основъ своей вѣры.

Объявляя, что возвращеніе несправедливо отнятой территоріи или присоединеніе края, жители котораго сами желаютъ присоединиться — не могутъ считаться завоеваніемъ, Собраніе желало лишь опредѣлить свое принципіальное воззрѣніе на отреченіе отъ завоеваній вообще. Пришлось понасиловать текстъ для того, чтобы растянуть его до такихъ отдаленныхъ послѣдствій; напротивъ, достаточно было слегка коснуться заключенія, чтобы окончательно поколебать самый принципъ. Въ истолкователяхъ не оказалось недостатка. За серьезными и степенными людьми, намѣтившими пути, появились безпокойные ученики, доведшіе до крайностей всѣ установленныя учителями правила. Подобно компиляторамъ, которые переносятъ въ новый текстъ и присвоиваютъ новымъ законамъ всѣ добавленія и всю юриспруденцію старыхъ, изобрѣтательные публицисты немедленно приспособили къ системѣ отреченія отъ завоеваній прецеденты завоеванія.

Предупреждать нападеніе значитъ только защищаться, объявляетъ одинъ изъ нихъ; изъ этого слѣдуетъ, что если нападаютъ во имя самозащиты, то не нарушаютъ тѣмъ принципа, и въ такомъ случаѣ можно завоевывать на законномъ основаніи, хотя бы для того, чтобы вознаградить себя за издержки на справедливую войну и предупредить ея повтореніе [24]). Поддержаніе равновѣсія между державами есть одно изъ условій безопасности государствъ; изъ этого вывели, что если кто-нибудь нарушитъ это равновѣсіе въ свою пользу, или замышляетъ нарушить, то возстановленіе пропорціональности силъ не будетъ нарушеніемъ конституціи: нарушеніе одного

[24]) Камиль Демуленъ пишетъ въ своихъ Révolutions, № 63: «Я увѣренъ, что Гара, Карра, Маратъ, Линге, Горса, Лакло, Бриссо, Оддонъ, Фреронъ, Робертъ и я, также какъ и всѣ воинствующіе патріоты—всѣ мы отправимся зажигать Палатинатъ; но эти пожары заставятъ благословлять французское имя настолько же, насколько проклинали пожаръ Лувуа. Насъ можетъ остановить только декретъ, которымъ французскій народъ отказался бы отъ завоеваній и мы должны желать нападенія со стороны Леопольда, чтобы имѣть право перейти на другой берегъ Рейна. Если феодальная Германія столкнется съ монархической Франціей, сказалъ Карра, одна изъ нихъ должна раздавить другую».

© ГПБ СПбРАН

освобождаетъ другого отъ даннаго имъ обѣщанія [25]). На такомъ основаніи одинъ глубокомысленный политикъ предложилъ французскому министерству предпринять реформу Германіи посредствомъ общей секуляризаціи епископскихъ княжествъ [26]) и упорядочить восточный вопросъ при помощи раздѣла и Турціи и Польши. По мнѣнію такихъ дипломатовъ-казуистовъ, подобная операція была бы вполнѣ ортодоксальна. Нидерланды остались бы за Франціей, которая позаботилась бы о томъ, чтобы они сами попросили присоединенія, для согласованія буквы конституціи съ духомъ политики. Другой, еще болѣе смѣлый прожектеръ совѣтовалъ тѣсный союзъ съ Россіей противъ Англіи и Пруссіи и въ ущербъ туркамъ [27]). Пусть Россія возьметъ, что захочетъ, Франція же пріобрѣтетъ Критъ, Лемносъ и въ особенности Египетъ, что̀ будетъ «самымъ блестящимъ изъ завоеваній, такъ какъ оно возвратитъ Франціи блескъ, на который она имѣетъ право, и поставитъ ее во главѣ всѣхъ промышленныхъ и морскихъ державъ цѣлаго міра».

Все это—прекрасныя патріотическія мечты, но какъ далеко уносятъ онѣ насъ отъ Учредительнаго собранія, вѣчнаго мира, иллюзій 1789-го и декретовъ 1790 года! Отъ области чистаго права до сферы дипломатическихъ приличій и государственной пользы ведетъ незамѣтно-извилистая тропинка. Старый обычай воскресъ изъ пепла послѣ того, какъ подвергся торжественному сожженію. Въ Европѣ стараго порядка также существовало своего рода отреченіе отъ завоеваній: то были трактаты, подписываемые державами и обязывавшіе ихъ къ взаимному уваженію чужихъ границъ; впрочемъ трактаты подписывались съ оговорками и было придумано не мало способовъ нарушенія обязательствъ, оказавшихся неудобными. Публицисты французской революціи, истолковывая новое право, низвели его до уровня права стараго режима. Собраніе ввело законъ, которому принадлежитъ будущее: въ силу этого закона, желаніе народовъ должно почитаться верховнымъ рѣшеніемъ въ дѣлѣ завоеваній. Но этотъ прекрасный законъ оказался несвоевременнымъ въ тогдашней Европѣ, и онъ извращается, какъ только пытаются примѣнить его къ практикѣ дѣйствительной жизни, которая управляется и еще долго будетъ управляться согласно съ обычаями стараго порядка. Революціи необходимо вернуться къ этому обычаю, подъ страхомъ отреченія отъ всякой роли въ мірѣ. Національный интересъ возьметъ верхъ надъ чистымъ разумомъ и не только вернетъ новую Францію къ обыкновеннымъ войнамъ прежнихъ временъ, но и увлечетъ ее къ самымъ крайнимъ «завоевательнымъ излишествамъ». Такое превращеніе замѣчается уже въ 1791 году, и для полнаго уясненія этого факта предъ лицомъ Франціи и Европы, для того, чтобы духъ конвента проявился уже въ этихъ, такъ сказать, пророческихъ преніяхъ, мы видимъ 3 мая будущаго докладчика Комитета общественнаго спасенія, заставляющаго молчать ораторовъ правой слѣдующею фразой, резюмирующей всю программу Дантона и учениковъ его III года: «Я полагалъ», восклицаетъ Бареръ, «что Франція могла бы, ради собственной безопасности, воспользоваться тѣми же правами, которыми пользовались Людовикъ XIV и Людовикъ XV ради менѣе важныхъ интересовъ».

[25]) Въ меморіи министру иностранныхъ дѣлъ отъ 6 апрѣля 1791 г. читаемъ: «Франція формально отказалась отъ завоеваній; но это отреченіе не настолько обязательно, чтобы отказаться отъ всякаго вознагражденія, необходимаго для возмѣщенія убытковъ войны, предпринятой ради собственной защиты, и въ предѣлахъ котораго каждая держава можетъ и должна принять мѣры для поддержанія должнаго общаго равновѣсія».

[26]) *Projet de modification dans la Confédération germanique*, автора меморіи.

[27]) *Observations sur la position actuelle de la France, avantages auxquels elle pourrait prétendre en s'alliant avec la Russie et en contribuant au demembrement de l'empire ottoman.* 1791 г. Авторъ выбралъ эпиграфомъ слѣдующую фразу Гибера: «Самый бредъ гражданина, мечтающаго о счастьѣ родины, имѣетъ въ себѣ нѣчто заслуживающее уваженія». Эта цитата, заимствованная у автора. «Похвалы Фридриху II» не мѣшаетъ публицисту выказывать относительно Пруссіи замѣчательную и рѣдкую въ то время дальновидность. Онъ ставитъ ее на ряду съ Англіей въ число непримиримыхъ враговъ Франціи и прибавляетъ: «Польша—за Торнъ и Данцигъ; Россія—за Курляндію, Ливонію и проч. Данія—за Гольштейнъ, Швеція за Померанію, Саксонія—за собственную территорію—не должны ли они всего опасаться отъ короля, располагающаго лучшею арміей въ мірѣ, не знающаго иныхъ законовъ, кромѣ собственнаго интереса и собственнаго честолюбія и который рѣшится на все, если можетъ расчитывать на безнаказанность».

ГЛАВА IV.

Варенне.

1791.

I.

Европа мало дорожила трактатами, манифестами, о нихъ объявлявшими, и послѣдствіями, которыя они могли принести въ будущемъ: она занималась исключительно фактами настоящаго. Дѣйствія Собранія казались робкими и неопредѣленными; они не внушали опасеній. Папскій престолъ протестовалъ противъ присоединенія Авиньона, но министерства иностранныхъ дѣлъ привыкли не обращать вниманія на папскія жалобы. Нѣмецкіе принцы интриговали при всѣхъ дворахъ; но и къ ихъ требованіямъ никогда не относились серьезно, а къ дѣламъ сейма Европа была вполнѣ равнодушна. Ничто не казалось весною 1791 года менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ коалиція державъ противъ Франціи, и восточный вопросъ продолжалъ занимать кабинеты несравненно болѣе французской революціи. Снова начали носиться слухи о войнѣ. Прусскій король далеко не раздѣлялъ оптимизма Бишофсвердера и считалъ себя проведеннымъ Леопольдомъ. Мистицизмъ этого короля уступалъ его гнѣвливости. Онъ велѣлъ туркамъ держаться на-готовѣ и двинуть войска къ Дунаю [1]), извѣстивъ ихъ, что англійскій флотъ вооружается для кампаніи въ Балтійскомъ морѣ: какъ только этотъ флотъ появится въ его водахъ, будетъ объявлена война Россіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ твердо увѣренъ въ содѣйствіи англичанъ. Раздраженный австрійскими проволочками и высокомѣрнымъ образомъ дѣйствій Россіи, Питтъ рѣшился подѣйствовать на эти державы военной демонстраціей, расчитывая, что покорность Россіи послужитъ примѣромъ и для Австріи. Онъ пустилъ пруссаковъ впередъ и на совѣтѣ министровъ 27-го марта рѣшилъ, что на другой же день король обратится къ парламенту съ посланіемъ, испрашивающимъ ассигнованія суммъ на вооруженія, въ виду войны съ Россіей. Между парламентомъ и кабинетомъ существовали большія разногласія по этому вопросу. Общественное мнѣніе было единодушнѣе. Мысль о разрывѣ съ Россіей встрѣтила въ Лондонѣ всеобщую оппозицію. Союзъ съ Россіей продолжалъ еще считаться въ лондонскомъ Сити основнымъ принципомъ англійской системы. Торговый міръ былъ озабоченъ исключительно дѣловыми сношеніями съ сѣверомъ и торговлею на Балтійскомъ морѣ; этотъ міръ ни мало не думалъ ни о Средиземномъ, ни о Черномъ моряхъ и не подозрѣвалъ переворота въ англійской политикѣ, который долженъ былъ явиться слѣдствіемъ утвержденія англійскаго господства въ Индіи. Посланный въ Англію Ростопчинъ весьма ловко пользовался такимъ настроеніемъ. Онъ ревностно поддерживалъ недовольство. По его указаніямъ печатались статьи въ газетахъ и распространялись брошюры, направленныя противъ Питта. Въ Лондонѣ возбужденіе было такъ сильно, что прохожіе писали мѣломъ на стѣнахъ домовъ: «не надо войны съ Россіей!» [2]). Что касается государственныхъ людей, то и они возставали противъ Питта. Они находили, что министръ увлекается, что онъ покидаетъ традиціонную политику, завѣщанную Чатамомъ, ради пустого желанія отнять у Россіи Очаковъ и усилить вліяніе прусскаго короля [3]).

Пренія въ обѣихъ палатахъ начались 29 марта и, постоянно оживляемыя новыми предложеніями, тянулись въ теченіе недѣль: пренія эти, въ сущности, были довольно монотонны, несмотря на краснорѣчіе ораторовъ, и цифры лились въ нихъ обильнѣе фразъ въ Національномъ собраніи. Нападали и защищались при помощи сомнительныхъ статистическихъ данныхъ и не менѣе сомнительныхъ политико-экономическихъ истинъ. Но въ этихъ преніяхъ проявляется общественное мнѣніе и отношеніе англичанъ къ европейскому кризису. «Россія — наша естественная союзница»,—заявлялъ графъ Карлейль. «Кто заинтересованъ въ ослабленіи Россіи?—восклицаетъ Фоксъ.—Франція, быть можетъ, Испанія, но не мы. Какое намъ дѣло даже до Средиземнаго моря? Если Россія проникнетъ въ него, тамъ будетъ три державы, вмѣсто двухъ: Франція, Испанія и Россія, а такъ-какъ первыя двѣ намъ враждебны, то послѣдняя можетъ быть и союзницей. Предположимъ даже, что онѣ поладятъ, въ такомъ случаѣ мы будемъ удалены изъ Средиземнаго моря, и только»... Относительно Оттоманской имперіи англичане не стѣсняются. Поддерживать турокъ, не значитъ ли это работать для Франціи, которая постоянно дѣлала ихъ орудіемъ собственныхъ козней? Боркъ не допускаетъ, чтобы въ Турціи видѣли одного изъ факторовъ европейскаго равновѣсія. Онъ громитъ ихъ съ такою же яростью, какъ и французскую революцію. «Какое отношеніе къ Европѣ могутъ имѣть эти существа, стоящія ниже дика-

[1]) Мартъ 1791. Herrmann, *Geschichte Russland's*, t. VI, ch. VI, p. 388 № 1. —Id. Dip. corr. p. 9.—Beer, *Leopold und Catharina*, p. 59.

[2]) *Автобіографія Растопчина*, въ Архивѣ князя Воронцова.

[3]) Stanhope, *William Pitt*. t. II, p. 110. — Докладъ Ла-Люцерна отъ 1-го апрѣля.

рей и вносящія только войну, разрушеніе и чуму? Все, что есть святого и нравственнаго въ человѣчествѣ, требуетъ, чтобы относились съ ужасомъ и отвращеніемъ ко всему, что могло бы усилить эту державу. Всякое христіанское государство должно быть предпочтено этимъ дикарямъ-разрушителямъ. Что до меня касается, то хотя мое мнѣніе можетъ показаться устарѣлымъ, но не въ моемъ вкусѣ этотъ антикрестовый походъ. Я не нахожу, чтобы слѣдовало покровительствовать этимъ варварамъ, угнетателямъ христіанъ, въ ущербъ цивилизаціи и человѣческому прогрессу». [4]). Во время этихъ-то преній Питтъ произнесъ знаменитыя слова, значеніе которыхъ ускользало отъ пониманія его современниковъ и которымъ суждено было сдѣлаться основою англійской политики слѣдующаго столѣтія: [5]). «Намъ говорятъ: предоставьте Россіи сохранить всѣ свои завоеванія; оставьте ее дойти до конца и изгнать турокъ изъ Европы, это не можетъ касаться нашихъ интересовъ! Съ тѣми, кто кладетъ такую основу нашей политикѣ, я отказываюсь спорить».

О Франціи не разъ упоминается въ теченіе преній. Революція является однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ доводовъ для сторонниковъ мира. Она волнуетъ всѣхъ. Консерваторы зачитываются книгой Борка. Демократы распространяютъ сочиненіе Пэна. Ихъ разногласія проявляются въ страшныхъ парламентскихъ стычкахъ. Онѣ повлекли за собою публичный разрывъ двухъ знаменитыхъ ораторовъ партіи виговъ: Фокса и Борка [6]). Фоксъ говоритъ съ восторгомъ о *правахъ человѣка*, Боркъ относится къ нимъ съ явнымъ презрѣніемъ. «Страшитесь французской конституціи»! восклицаетъ онъ и продолжаетъ, приводя Мильтона: «Это мрачный, чудовищный и грозный образъ смерти. Это безобразное чудовище, порожденое адомъ и хаосомъ»!—«По крайней мѣрѣ», сказалъ Фоксъ, обращаясь къ старому товарищу, «наша личная дружба не пострадаетъ отъ этого»!—«Напротивъ», отвѣтилъ ему Боркъ, «наша дружба пришла къ концу: таково вліяніе этой ненавистной революціи, что она отравляетъ все, до чего ни коснется». Фоксъ не сказалъ на это ни слова и залился слезами.

То были громкія ораторскія сцены. Ихъ практическимъ слѣдствіемъ было то, что англичане не пожелали ни нападать на Францію, ни порывать съ Россіей. [7]). Питтъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться

[4]) Засѣданія палаты лордовъ и палаты общинъ. 29 марта 1791. Hansard, t. XXIX, p. 35.

[5]) 15 апрѣля. Hansard.

[6]) 6 мая 1791. Пренія по поводу канадской конституціи. Hansard, t. XXIX, p. 364.

[7]) Ла-Люцернъ писалъ 6 мая 1791.—«Англійскій министръ, который за-

во французскую революцію; онъ понялъ также, что его соотечественники отказывались отъ вмѣшательства въ восточный вопросъ, и нашелъ болѣе благоразумнымъ остановиться во-время. И власть и популярность его были сохранены этою цѣною. Къ тому же онъ былъ сильно озабоченъ индійскими дѣлами: возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Типу-Саибъ, требовало энергическихъ мѣръ [8]). Питтъ рѣзко отказался отъ всѣхъ начатыхъ въ Европѣ мѣропріятій, не соблюдая при этомъ никакихъ дипломатическихъ предосторожностей и учтивостей. Онъ взялъ назадъ нѣкотораго рода ультиматумъ, съ которымъ обратился къ Россіи, и послалъ въ Петербургъ Фаукнера, чтобы, по словамъ Растопчина, сдѣлать все угодное императрицѣ [9]). Онъ объявилъ, что согласенъ уступить по вопросу объ Очаковѣ, поручилъ лорду Эльджену ѣхать въ Италію для соглашенія съ императоромъ Леопольдомъ и извѣстилъ Пруссію, что англійскій флотъ не пойдетъ въ Балтійское море. Эти мѣры рѣшены были въ концѣ апрѣля. Статсъ-секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, лордъ Лидсъ не одобрялъ ихъ: онъ вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ лордомъ Грэнвиллемъ. Этотъ министръ, руководившій англійскою внѣшнею политикою во все время французскаго революціоннаго кризиса, былъ человѣкомъ образованнымъ и серьезнымъ; его со вниманіемъ слушали въ палатѣ лордовъ, но у него былъ недостатокъ, крайне неудобный для дипломата, и онъ самъ признавался въ немъ: «я не умѣю, говорилъ онъ, обращаться съ людьми» [10]).

Поворотъ въ англійской политикѣ равнялся для Пруссіи проигранному сраженію. Фридриху-Вильгельму оставалось только отступить, а искусство его совѣтниковъ должно было замаскировать это отступленіе. Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный прусской партіи войны и старой политики, которой только поддержка со стороны Англіи придавала еще нѣкоторую силу. Герцбергъ заболѣлъ и оставилъ министер-

хотѣлъ бы напасть на насъ безъ всякаго повода, не только встрѣтилъ бы оппозицію со стороны друзей французской революціи, а такихъ не мало, но и со стороны тѣхъ, кто наиболѣе ей враждебенъ, и это потому, что каждый благоразумный англичанинъ сознаетъ опасность, въ которой находится его отечество; онъ сознаетъ, что если налоги будутъ увеличены, въ народѣ проявится сильное недовольство, и отсюда до того, что произошло у насъ во Франціи,—одинъ только шагъ. Итакъ, я думаю, что Питтъ не имѣетъ въ настоящее время никакихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ намъ; но я полагаю, что онъ чрезвычайно опасается нашего выздоровленія»...

[8]) Отчетъ Ла-Люцерна.

[9]) Автобіографія. Stanhope II, ch. XV.—*Political Memoranda of Duke of Leeds*, 1791.

[10]) Stanhope, t. II, p. 119.

ство [11]). Его замѣнили графы: Альвенслебенъ и Шуленбургъ. Они нашли тамъ Финкенштейна, пользовавшагося довѣріемъ Фридриха и сохранившаго расположеніе его преемника. Эти три министра совокупно занимались государственными дѣлами. Финкенштейну было семьдесятъ семь лѣтъ и онъ почти не оказывалъ вліянія. Альвенслебенъ, дипломатъ по профессіи, находился въ цвѣтѣ силъ, но онъ не отличался ни особеннымъ образованіемъ, ни твердостью характера; онъ былъ извѣстенъ своею враждебностью къ Франціи и слылъ врагомъ Польши. Главную роль въ этомъ совѣтѣ игралъ Шуленбургъ, и онъ, какъ до него Герцбергъ, фактически управлялъ внѣшними дѣлами. Ему было около пятидесяти лѣтъ, онъ близко знакомъ былъ со свѣтомъ и политикой; если ему не доставало геніальности и возвышенности ума, то онъ обладалъ разсудительностью, трудолюбіемъ и большею послѣдовательностью, чѣмъ того требуетъ вѣрноподданническая покорность Всѣ трое, впрочемъ, были истыми пруссаками по воспитанію и привычкамъ: въ высшей степени осторожными совѣтниками и гибкими исполнителями, съ раннихъ лѣтъ дрессированными для всѣхъ ухищреній дипломатическихъ переговоровъ, не имѣвшихъ въ виду ничего, кромѣ непосредственныхъ государственныхъ выгодъ, и болѣе алчными, чѣмъ предусмотрительными въ дѣлѣ опредѣленія этихъ выгодъ. Способные управляющіе, люди, знающіе толкъ въ равновѣсіи, дѣлежахъ, вознагражденіяхъ, смотрящіе на Европу, какъ на обширное поле для прусской эксплуатаціи и полагающіе, что земельная собственность составляетъ лучшее помѣщеніе для капитала, всего вѣрнѣе обезпечивая чистую прибыль. Съ этой-то точки зрѣнія отнесутся они къ революціямъ своего времени, а именно къ французской и польской. Расходясь, порою, въ деталяхъ, они всегда приходили къ соглашенію, по волѣ своего господина. Фридрихъ-Вильгельмъ съ намѣреніемъ выбралъ людей такого нрава. Онъ предоставлялъ имъ исполненіе, оставляя за собою высшее руководительство; иначе говоря, это руководительство перешло въ руки Бишофсвердера, и фаворитъ сдѣлался закулиснымъ министромъ внѣшнихъ сношеній Пруссіи.

Событія принимали оборотъ, оправдывавшій его политику. Принимая въ соображеніе враждебныя отношенія ея къ Россіи, Пруссіи необходимо было заручиться если не дружбой, то, по крайней мѣрѣ, нейтралитетомъ Австріи. Бишофсвердеру поручено было отправиться въ Италію къ Леопольду: предметомъ этой миссіи была попытка сближенія государей, свиданія между ними и, если то окажется возможнымъ, союза. Повидимому, того требовали всѣ важнѣйшіе государственные интересы [12]).

[11]) Онъ вышелъ оффиціально въ отставку только 5 іюля 1791 г.

[12]) Sybel 4 изд. I т. Herrmann, *Dip. corr. Instructions de Bischoffswerder* 18 м. 1791 г.—Король прусскій Леопольду 29 мая 1791 г.—Vivenot, *Quellen.*

Германскіе и въ особенности прирейнскіе принцы продолжали шумно волноваться по поводу дѣла о феодальныхъ правахъ. Къ этимъ волненіямъ присоединились теперь столкновенія, вызванныя новымъ порядкомъ устройства французскаго духовенства и явившіяся его результатомъ епархіальныя разграниченія между епископами: трирскимъ, шпейерскимъ, люттихскимъ и базельскимъ, за которыми трактатъ 1648 г. сохранялъ нѣкоторыя права духовной юрисдикціи на французской территоріи. Потревоженные въ своихъ досугахъ и рискуя потерею имущества, возбужденные къ тому же французскими эмигрантами, эти, обыкновенно робкіе, князья становились рѣзкими и задорными [13]). Шпейерскій епископъ отказывался отъ какихъ бы то ни было переговоровъ; епископъ-эрцгерцогъ кельнскій предлагалъ поставить кордонъ вдоль границы, изгнать въ видѣ репрессаліи французскіе товары съ нѣмецкаго рынка, секвестровать имущество французовъ и принять строгія и рѣшительныя мѣры противъ агентовъ французской пропаганды [14]). Курфирстъ майнцскій требовалъ не только отмѣны декретовъ; онъ находилъ, что Германія должна заставить Францію сохранить въ пограничныхъ провинціяхъ «конституцію, сходную съ имперской и которая препятствовала бы французамъ управлять этими провинціями съ такимъ же произволомъ и самостоятельностью, какъ и своими внутренними владѣніями» [15]). Всѣ сходились впрочемъ на томъ, что декреты нарушаютъ трактаты и дозволяютъ сейму, освобожденному по этой причинѣ отъ всякихъ обязательствъ,—объявить недѣйствительность актовъ, путемъ которыхъ были отторгнуты отъ имперіи: Эльзасъ, Лотарингія, Франшъ-Конте и такъ далѣе [16]). Они призывали на помощь Швецію, какъ одну изъ поручительницъ вестфальскаго договора. Курфирстъ трирскій обратился даже къ Россіи, и русскіе агенты въ Германіи внушали мысль о вмѣшательствѣ своего двора на томъ основаніи, что Россія была державою-поручительницею тешенскаго договора, а этотъ договоръ подтверждалъ трактатъ 1648 года.

Среди этого броженія «германскаго патріотизма», императоръ оставался холоднымъ и равнодушнымъ. Однако онъ не желалъ рисковать своею популярностью и нашелъ нужнымъ заявить о себѣ. Онъ написалъ въ Парижъ, жалуясь на революціонную пропаганду, требуя репрессіи и порицанія [17]). Затѣмъ онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и 25 апрѣля оф-

[13]) Haeusser, t. I.—Vivenot: *Корреспонденція нѣмецкихъ государей.*

[14]) Кёльнскій епископъ къ епископу майнцскому, 11 апрѣля 1791 г., Vivenot t. I.—Haeusser t. I.

[15]) Письмо къ императору, 21 марта 1791 г. Haeusser t. I.

[16]) Haeusser. t. I, p. 284.

[17]) 12 февраля 1791 г. Vivenot, t. I.

фиціально сообщилъ сейму письмо Людовика XVI отъ 15 марта, которымъ отклонялось вмѣшательство имперіи и предлагались непосредственныя сношенія съ германскими князьями [18]).

Если бы онъ пренебрегъ такою мѣрою, Пруссія не замедлила бы ея выполненіемъ. Князья осаждали берлинскій дворъ тѣми же требованіями, которыя не переставали предъявлять вѣнскому. Они затрогивали наиболѣе чувствительную струну Фридриха-Вильгельма, а именно — его притязаніе на роль покровителя Германіи. Въ то время какъ дѣла Пруссіи подвергались такой полной неудачѣ, они не безъ ироніи напоминали о проектѣ федераціи германскихъ государей, съ такимъ шумомъ нѣкогда предлагавшемся Пруссіей. «Куда же дѣвалась энергія Fürstenbund'a,—восклицалъ кельнскій епископъ-эрцгерцогъ,—если допускаютъ отнимать у столькихъ имперскихъ государствъ, земли права и доходы» [19]).

Вмѣшательство въ пользу князей входило къ тому же въ реакціонный планъ Вельнера, примѣняемый имъ внутри страны въ то время, какъ Бишофсвердеръ пытался проводить его во внѣшней политикѣ Пруссіи. Убѣжденный въ томъ, что Австрія не допуститъ его съиграть роль единственнаго покровителя нѣмецкихъ князей, Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ нею выгоды предпріятія и побуждалъ императора къ дѣйствію, надѣясь за нимъ послѣдовать. Такимъ-то образомъ эти два двора подстрекали другъ друга и вмѣшивали одинъ другого въ конфликтъ, разъединявшій Францію и австрійскую имперію. Ихъ соперничество, побуждавшее къ соглашенію по германскимъ дѣламъ, заставило ихъ, въ силу соображеній подобнаго же свойства, согласиться и по вопросу о Польшѣ; такова была странная судьба этого государства: оно всегда способствовало во вредъ собственнымъ интересамъ союзу тѣхъ, кого призвано было разъединять, ради своего спасенія.

II.

Важный переворотъ только что совершился въ Варшавѣ. Это—прекраснѣйшая страница новѣйшей исторіи Польши и одна изъ лучшихъ чертъ эпохи, богатой великодушными движеніями и благородными рѣчами. Всѣ условія, приведшія къ раздѣлу 1772 года, повторялись повидимому въ 1790. Патріоты, составлявшіе большинство на варшавскомъ сеймѣ, уже въ теченіе трехъ лѣтъ вели смутныя пренія по поводу реформы государственнаго управленія. Они поняли, что наступила минута, настоятельно требовавшая ея осуществленія. Но старая конституція имѣла упорныхъ

[18]) Отчетъ Ноаля 13 апрѣля 1791 г.

[19]) Максимиліанъ Леопольду, конецъ іюня 791 г. Vivenot, т. I.

сторонниковъ. Къ тому же ихъ поддерживали извнѣ и совѣтомъ и деньгами... Необходимо было застигнуть ихъ врасплохъ и предупредить ихъ сопротивленіе. Реформа конституціи была подготовлена, какъ подготовляютъ coup d'Etat [1]). Патріотамъ удалось расположить короля въ пользу своихъ проектовъ. Поверхностный и пустой Станиславъ увлекся на минуту мыслью о славномъ царствованіи и ему показалось заманчивымъ связать свое имя съ возрожденіемъ родины.

Третьяго мая сеймъ собрался при громадномъ стеченіи гражданъ, толпившихся вокругъ зданія и у всѣхъ входовъ. По приказанію короля, маршалъ сейма прочелъ донесенія агентовъ польскаго правительства за границей. Они указывали на опасность, грозившую государству. Окончивъ чтеніе, маршалъ повернулся въ сторону короля и сказалъ: «Вашему величеству предстоитъ предложить наиболѣе дѣйствительныя средства для спасенія родины». Тогда Станиславъ-Августъ ознакомилъ сеймъ съ планомъ конституціи, выработаннымъ патріотами: королевскій престолъ становился наслѣдственнымъ; по смерти царствующаго короля онъ долженъ былъ перейти къ саксонскому дому; *liberum veto* отмѣнялось; сеймъ раздѣлялся на двѣ палаты; проекты законовъ вотировались большинствомъ голосовъ; королю присвоивалось право *veto*; шесть отвѣтственныхъ министровъ раздѣляли съ нимъ управленіе; королю принадлежало право назначенія на должности. Онъ же былъ главнокомандующимъ войсками. Введеніе такой конституціи подорвало бы въ корнѣ анархію. Пренія были въ высшей степени одушевленными и краткими. Они носили декламаторскій и театральный характеръ, во вкусѣ времени. Представители русской партіи съ ожесточеніемъ отстаивали древнія привилегіи. Одинъ изъ нихъ, сопровождаемый шестилѣтнимъ внукомъ, становится посреди залы и, опустившись на колѣни, простираетъ руки къ королю: «Я привелъ его,—говоритъ онъ,—чтобы принести его въ жертву свободѣ, если ей суждено погибнуть въ этотъ злосчастный день!» Оппозиція ссылалась на хартіи, на *pacta conventa*, на полномочія, данныя избирателями своимъ депутатамъ. «Я безъ боязни предстану предъ лицомъ моихъ довѣрителей,—отвѣтилъ одинъ изъ патріотовъ—и объявлю имъ, что достоинъ ихъ уваженія, такъ какъ преступилъ наложенное ими на меня обязательство во имя спасенія отечества!» Послѣ семичасовой борьбы, новая конституція была принята единогласно. Король присягнулъ ей въ вѣрности и пригласилъ патріотовъ послѣдовать за нимъ въ соборъ для принесенія въ свою очередь присяги. Депутаты вышли изъ залы, привѣтствуемые восторженными кликами толпы; затѣмъ они направились къ церкви. Тамъ, среди націо-

[1]) Ferrand, t. III, liv. X.—Herrmann, *Geschichte Russland's*, t. VI, ch. VI.

нальныхъ трофей, предъ гробницами польскихъ героевъ, они торжественно подняли руки и пропѣли благодарственный гимнъ.

Этотъ день, ознаменовавшій въ Польшѣ конецъ анархіи, напоминалъ великія сцены, ознаменовавшія нѣкогда паденіе деспотизма во Франціи. Варшавскій сеймъ, подобно французскому Національному собранію, ставилъ во главѣ своей конституціи слѣдующія слова: «Въ человѣческомъ обществѣ всякая власть существенно истекаетъ изъ воли народа» [2]). Вліяніе Руссо даетъ себя чувствовать въ новомъ конституціонномъ законѣ, но это Руссо, истолкованный, такъ сказать, имъ самимъ, *Общественный договоръ*, умѣряемый *Польскимъ государственнымъ управленіемъ* [3]). Жанъ-Жакъ не совѣтовалъ полякамъ ввести у себя непосредственную гражданскую свободу; онъ находилъ, что необходимо приготовить къ ней народъ и вводить ее постепенно; по его мысли, буржуазія должна мало-по-малу подняться до уровня дворянства, на котораго ради общей пользы будетъ возложено управленіе государствомъ. Конституція 3-го мая представляла собою въ этомъ смыслѣ лишь робкій первый шагъ; но она заключала въ себѣ зародышъ, изъ котораго могъ развиться тотъ прогрессъ республики, въ силу котораго, по выраженію Руссо, «постепенно, безъ всякаго видимаго переворота, наиболѣе многочисленная часть націи проникается искреннею любовью къ отечеству и къ правительству» [4]). Была провозглашена полная и безусловная вѣротерпимость, и этимъ вводилось значительное улучшеніе, но прозелитизмъ былъ запрещенъ и католическое вѣроисповѣданіе оставалось государственною религіей. Въ этомъ отношеніи духъ католицизма вполнѣ согласовался съ духомъ «Общественнаго договора». «Каждый, покидающій это вѣроисповѣданіе,—говоритъ польскій законъ,—подвергается наказанію, какъ за отступничество» [5]).

Въ цѣломъ, и въ особенности по своимъ тенденціямъ, польская конституція была проникнута духомъ, господствовавшимъ во Франціи и повѣявшимъ въ XVIII вѣкѣ на всѣ европейскія страны. Польскіе патріоты приводили въ примѣръ Національное собраніе; ораторы этого собранія горячо привѣтствовали польскую революцію. Уже 24 мая Мену прославлялъ въ Парижѣ съ трибуны Собранія великія рѣшенія этого «дотолѣ аристократичнѣйшаго изъ сенатовъ, составленнаго изъ членовъ самаго надменнаго дворянства въ Европѣ, которое, подъ напоромъ возвышеннаго порыва любви къ свободѣ и уваженія къ правамъ народовъ, приняло главнѣйшія основы нашей конституціи». Но подражаніе совершалось такъ далеко отъ Франціи и ея жизненныхъ условій, что отъ наблюденія современниковъ ускользало различіе въ условіяхъ и было ясно одно тождество идей. Польская революція имѣла рѣдкое преимущество вызвать восторгъ и сторонниковъ революціи, и непримиримѣйшаго ея противника. Боркъ прославлялъ ее слогомъ диѳирамба [6]). Апологія подъ его перомъ не могла казаться подозрительной: но она осталась вполнѣ напрасной и никого не убѣдила. Боркъ порицалъ французскую революцію по той причинѣ, что она разнуздывала анархію, и восхищался польскою, потому что она ее сдерживала; вотъ именно это-то обстоятельство и составило въ глазахъ большинства государственныхъ людей старой Европы величайшее преступленіе этой революціи. Она шла наперекоръ ихъ политикѣ, а такъ какъ эта политика не имѣла иныхъ принциповъ, кромѣ дипломатическихъ приличій, то они и не затруднялись ни различіемъ событій, ни противорѣчіями своихъ сужденій о нихъ.

Первымъ впечатлѣніемъ нѣмцевъ было удивленіе и разочарованіе. Поддерживаніе смутъ въ Польшѣ было одною изъ нѣмецкихъ традицій. Они нашли умѣстнымъ обмѣняться мнѣніями по поводу недавнихъ событій и измѣненій, могущихъ произойти вслѣдствіе того въ политикѣ Россіи.

Занятая одновременною войною съ турками и шведами, Екатерина на нѣкоторое время оставляла Польшу безъ вниманія. Но по мѣрѣ того, какъ затрудненія уменьшались, она стала озабочиваться польскими дѣлами. Потемкинъ, которому не удалось завоевать себѣ королевство на берегахъ Дуная, надѣялся получить его на берегахъ Вислы. Война съ Пруссіей могла доставить ему удобный къ тому случай [7]). Революція 3-го мая противорѣчила всѣмъ русскимъ замысламъ. Не имѣвъ возможности предотвратить ее, Екатерина рѣшила уничтожить ея послѣдствія. Она хорошо знала поляковъ и ихъ короля и не сомнѣвалась въ томъ, что при

[2]) Статья V конституціи 3-го мая 1791 года.

[3]) См. томъ I.

[4]) Срав. статьи конституціи 3-го мая, касающіяся городового положенія и сельскаго населенія съ VI и XIII главами *Gouvernement Polonais* Руссо.

[5]) Статья VII конституціи 3-го мая.

[6]) «Человѣчество должно радоваться и гордиться при видѣ измѣненій въ управленіи Польши: въ немъ нѣтъ ничего, говорящаго о слабости, и ничего постыднаго. Мы видимъ въ ней уничтоженіе анархіи и рабства; мы видимъ тронъ, укрѣпленный любовью націи безъ оскорбленія свободы... Дворянство, многочисленнѣйшее и великодушнѣйшее въ мірѣ, стало во главѣ гражданъ свободныхъ и благородныхъ, какъ и оно само; никто не потерпѣлъ ущерба и никто не былъ угнетенъ: отъ короля до самаго незначительнаго частнаго лица, каждый обезпеченъ въ своихъ личныхъ и общественныхъ интересахъ; все осталось на своемъ мѣстѣ и все улучшено. «О, счастливая нація, если бы только было дано тебѣ довершить то, что ты начала!» *Burke's Works*, Boston 1839, t. III, p. 442: *Appeal from the new to the old whigs.*—Ferrand, см. прим. выше.

[7]) Beer, *Leopold und Catharina*, p. 101. *Orientalische Politik Oesterreich's.* Prague, 1883, p. 762.—Geffroy, *Gustave III*, t. I, p. 124.

помощи интригъ, денегъ и времени удастся посѣятъ раздоръ въ сеймѣ и разрушить всѣ мѣропріятія патріотовъ. Дипломаты всегда могутъ возбудить мятежные элементы, а солдаты по окончаніи войны съ Турціей—потушить огонь. Съ этой минуты Польша въ глазахъ императрицы заслонила собою всѣ остальные интересы. Она ничего не могла предпринять на Востокѣ, если не будетъ спокойна относительно поляковъ; послѣднія событія вполнѣ подтверждали это. Екатерина, со свойственною ей энергіей, немедленно приняла рѣшеніе. Европа совѣтовала ей прекратить войну и помышляла даже о томъ, чтобы заставить заключить миръ: императрица нашла необходимымъ выказать на этотъ разъ уступчивость и объявила, что удовлетворится Очаковымъ и линіей Днѣстра. Убѣжденная, что Англія согласится на такія условія, что Австрія не будетъ имъ противиться, а Пруссія вынуждена будетъ покориться имъ, она приступила къ сосредоточенію войскъ по направленію къ Польшѣ. Салтыковъ получилъ приказъ вести до сорока тысячъ солдатъ къ Полоцку, въ то время какъ Потемкинъ готовился поддержать это движеніе дунайскою арміей [8]).

Но для того, чтобы смирить Польшу, было необходимо отдалить отъ нея Австрію и Пруссію. Для русской императрицы было крайне важно, чтобы эти державы не препятствовали ея намѣреніямъ и, подъ предлогомъ равновѣсія силъ, не потребовали бы какого-нибудь новаго раздѣла. «Я ломаю себѣ голову,—говорила она,—стараясь заставить вѣнскій и берлинскій дворъ вмѣшаться во французскія дѣла. Я желаю, чтобъ они занялись ими для того, чтобы у меня были развязаны руки. У меня не мало неоконченныхъ предпріятій, и я хочу, чтобы эти оба двора были заняты и не мѣшали бы мнѣ» [9]). Такова сущность ея политики за этотъ періодъ времени, и въ этой политикѣ слѣдуетъ искать причины неожиданныхъ движеній, которыя въ теченіе революціи измѣняли ходы и отклоняли отъ ихъ назначенія всѣ мѣропріятія державъ, коализированныхъ противъ Франціи. Постоянство и несложность русскихъ интересовъ, ясность, съ которою относилась къ нимъ Екатерина, настойчивость, съ которою она стремилась доставить имъ перевѣсъ, преимущество географическаго положенія имперіи и примитивное состояніе народа объясняютъ и характеръ и успѣхъ политики, которой держалась русская императрица во время этого кризиса.

Она не боится революціонной пропаганды. Ей достаточно полицейскаго распоряженія для того, чтобы заставить умолкнуть тѣхъ немногихъ масоновъ, которые являлись единственными представителями агитаціи на

[8]) Sybel, t. II.

[9]) Дневникъ Храповицкаго, цитированный у Мартенса въ «Русскихъ договорахъ», т. II.

французскій ладъ [10]). По отношенію къ Франціи она ультра-роялистка и не допускаетъ иного способа дѣйствій, кромѣ полной контръ-революціи. Для нея это не столько дѣло вкуса, сколько политическій расчетъ. Она дорожитъ сильною Франціей и не находитъ для этого иного способа, какъ въ возстановленіи королевскаго абсолютизма [11]). Она побуждала къ тому всѣми силами, постоянно поддерживая самыя суровыя мѣры. Она тѣмъ болѣе горячо стоитъ за такой крестовый походъ, что твердо рѣшилась не принимать въ немъ участія. Французская революція для нея лишь поводъ къ диверсіи: прямая и личная цѣль ея—Польша.

Въ своихъ комбинаціяхъ она не раздѣляетъ ихъ, и не слѣдуетъ удивляться ея сужденіямъ, такъ какъ въ ней говорятъ страсть и интересъ. Такъ, мы видимъ, напримѣръ, что она смѣшиваетъ парижскихъ якобинцевъ съ варшавскими патріотами; рѣзко порицаетъ Національное собраніе, обвиняя его въ разрушеніи королевской власти и въ то же время обвиняетъ польскій сеймъ въ уничтоженіи свободы [12]). Какъ относится она къ собраніямъ, такъ же точно смотритъ она и на людей. Фоксъ находитъ, что ее не слѣдуетъ стѣснять на Востокѣ: она считаетъ Фокса великимъ человѣкомъ и ставитъ его бюстъ рядомъ съ бюстомъ Демосѳена въ той галлереѣ, гдѣ помѣщались ею въ былое время изображенія французскихъ мыслителей [13]). Боркъ отлучаетъ отъ церкви революцію; ей этого достаточно, чтобы пріобщить и его къ храму славы, и онъ въ свою очередь слыветъ Демосѳеномъ. Она не заботится о томъ, согласны-ли въ своихъ сужденіяхъ эти англійскіе Демосѳены: они ей служатъ и этого вполнѣ достаточно для ея цѣлей: Фоксъ, помогая сохранить завоеванное

[10]) «Пропаганда, надъ которой смѣюсь». Письма Екатерины къ Гримму, 16, 27 сентября 1791 г. См. Этюды Рамбо о революціи и Екатеринѣ II, *Revue politique*, 1878 и 1881.

[11]) Письма Екатерины къ Гримму въ іюнѣ 1791.

[12]) Въ письмѣ къ Гримму, напримѣръ, отъ 21 мая 1791 г., Екатерина слѣдующимъ образомъ выражаетъ свои, повидимому, противорѣчивыя мнѣнія: «По ремеслу и по долгу я—роялистка и никогда не видѣла, чтобы національное собраніе или сеймъ дѣлали что-нибудь кромѣ ошибокъ». Относительно Польши вотъ что пишетъ она въ томъ же письмѣ: «Ну, вотъ этотъ польскій сеймъ, который вы ставите выше вашего Національнаго собранія, только что довершилъ свое безуміе, такъ какъ изъ любви къ свободѣ отдалъ себя со связанными руками и ногами во власть польскаго короля, отмѣнивъ liberum veto, т. е. паладіумъ ихъ польской свободы, и сдѣлалъ королевскую власть наслѣдственною. Не безуміе ли нарушать такимъ образомъ свой собственный, основной принципъ?»

[13]) Geffroy, *Gustave III*, t. II. p. 170. *Lettres à Grimm*, 23 janv. 1791 p. 505.

ОТТИСК

на Востокѣ, Боркъ — призывая Европу къ оружію противъ Франціи. «Каждый произведетъ свою контръ-революцію», писала она своему дипломатическому агенту въ Вѣнѣ: нѣмцы—въ Парижѣ, а русскіе—въ Варшавѣ» [14]). Она собираетъ вокругъ себя поляковъ, преданныхъ ея партіи, то есть именно партіи, стоящей за анархію, и французскихъ эмигрантовъ—ярыхъ приверженцевъ абсолютизма. Она отсылаетъ нѣмецкимъ князьямъ всѣхъ французскихъ дворянъ, которые приливаютъ въ Россію, и «настраиваетъ ихъ» [15]). Самихъ князей она осыпаетъ похвалами, сравниваетъ ихъ съ Генрихомъ IV и надѣляетъ обѣщаніями. Въ сущности, она смотритъ на нихъ такъ же, какъ и на поляковъ, то есть съ презрѣніемъ. «Всѣ они не доросли до своей задачи» [16]), замѣчаетъ она; но какое ей до этого дѣло, лишь-бы они служили ея собственнымъ цѣлямъ.

Ш.

Екатеринѣ II не стоило большого труда найти и двинуть впередъ человѣка, наиболѣе способнаго запутать дѣла и ускорить наступленіе кризиса. Такимъ человѣкомъ былъ Густавъ Ш, нѣкогда ожесточеннѣйшій изъ ея враговъ, а отнынѣ покорнѣйшій изъ агентовъ. Въ теченіе всей зимы императрица держала его въ неизвѣстности [1]). Шведскій уполномоченный въ Петербургѣ Штедингъ домогался окончательнаго рѣшенія императрицы, побуждалъ ее стать во главѣ союза государей и подавить въ самомъ очагѣ ея «эпидемію народныхъ волненій, распространившуюся отъ Америки до Франціи». Императрица медлила, подтрунивая надъ жалкимъ положеніемъ Людовика XVI. «Только французскій король»,—говорила она,—«можетъ съ такимъ равнодушіемъ смотрѣть на все, что у него дѣлается. Какъ помочь тому, кто не желаетъ, чтобы ему помогали?» Тѣмъ не менѣе, она послала въ Швецію графа Штакельберга съ планомъ совмѣстнаго дѣйствія противъ Франціи. Рвеніе Густава Ш не нуждалось впрочемъ, въ такомъ поощреніи.

Еще ничѣмъ не заручившись со стороны Россіи, онъ обезпечиваетъ выполненіе рѣшеній императрицы. Онъ предлагаетъ Бретейлю шестнадцать тысячъ шведскаго войска и обѣщаетъ восемь тысячъ русскаго: въ награду онъ проситъ только поста главнокомандующаго этой союзной ар-

[14]) Sybel, t. I. p. 307.

[15]) «Я настраиваю всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые попадаются мнѣ въ руки». Письма къ Гримму 7 и 24 сентября 1791.

[16]) *Lettre à Monsieur*, 30 août 1791. Feuillet, t. II, p. 195, 235.—Гримму 27 сентября 1791.

[1]) *Rapports de Stedingk*, janvier 1791. Geffroy, t. II, p. III et s.—Léouzon-le-Duc, *Correspondance de Staël*, p. XXVI et suiv.

міей и возобновленія прежнихъ договоровъ съ дополнительной субсидіей въ размѣрѣ трехъ милліоновъ рублей [2]). Что касается плановъ самого шведскаго короля, то они вполнѣ отвѣчали желаніямъ русской императрицы. Распустить Національное собраніе, объявить всѣхъ его членовъ мятежниками и стоящими внѣ закона, «приказать всѣмъ и каждому въ королевствѣ травить ихъ какъ звѣрей»; вернуть эмигрантовъ, созвать парламенты, «возстановить все въ томъ порядкѣ, какой существовалъ до начала революціи», за исключеніемъ привилегій относительно налоговъ; отвергнуть всякую систему смѣшаннаго образа правленія; приговорить къ смерти герцога Орлеанскаго и для увѣнчанія зданія—разрушить Парижъ, «уничтожить логовище убійцъ и предать забвенію самое мѣсто ихъ существованія» [3]). Принявъ такое рѣшеніе, Густавъ III отправился въ Ахенъ. «Оттуда»,—писалъ онъ Бретейлю,—«мнѣ удобнѣе будетъ слѣдить за событіями и я прибуду въ Ахенъ 17 мая» [4]). «Я буду имѣть возможность вести переговоры съ нѣмецкими принцами, права которыхъ нарушены Собраніемъ, а потому требуютъ покровительства со стороны законовъ имперіи, поручителемъ которыхъ я состою».

Такія рѣчи и намѣренія способны были привести въ восторгъ французскихъ эмигрантовъ; слухи о нихъ сильно встревожили однако же французскій дворъ. Людовикъ XVI и Марія Антуанета не прочь были воспользоваться помощью со стороны Густава Ш. Они находились въ полномъ нравственномъ изнеможеніи и ихъ положеніе казалось имъ столь ужаснымъ, что они готовы были «все поставить на карту» [5]). Они уже рѣшили спасаться бѣгствомъ; но не слѣдовало подавать новыхъ поводовъ къ болѣе зоркому наблюденію и мѣшать приготовленіямъ къ побѣгу, которыя, сами по себѣ, были и весьма сложны, и весьма рискованы. Несвоевременныя демонстраціи Швеціи и хвастливая болтовня эмигрантовъ могли послужить именно такими поводами. Бретейль умолялъ Густава Ш умѣрить свое рвеніе и соблюдать бо́льшую осторожность въ своихъ мѣропріятіяхъ. Ферзенъ пытался разъяснить шведскому королю разногласія, существовавшія между дворомъ и эмиграціей [6]). Бомбелю и Дюрфору поручено было сдерживать графа д'Артуа и предупредить императора по поводу просьбъ, съ которыми графъ могъ къ нему обратиться. Сверхъ

[2]) 17 мая 1791.—Geffroy, t. II, p. 132.—Feuillet t. III, p. 353.

[3]) Письмо къ Сталю, Geffroy, t. II, p. 134.—Таубе Ферзену, 6 мая 1791. Fersen, t. I, p. 116.

[4]) Geffroy, t. II. p. 132 et suiv. Онъ выѣхалъ 24 мая.

[5]) Ферзенъ Таубе, 9 мая 1791. Fersen, t. I, p. 119.

[6]) Ферзенъ Таубе, 20 и 31 мая 1791. Fersen, t. I, p. 127—133. Бретейлю 61 мая, Бретейль Густаву Ш, 9 іюня 1791. Feuillet, II, t. p. 365.

© ГПБ СПбАН

того, Бомбель долженъ былъ сообщить Леопольду о послѣднихъ подробностяхъ плана бѣгства и условиться относительно движеній австрійскихъ войскъ, которыя Булье находилъ необходимыми для мотивированія сосредоточенія собственныхъ полковъ [7]). Наконецъ, былъ выработанъ планъ заинтересованія Англіи въ судьбѣ королевской фамиліи. Шампсенецъ получилъ инструкцію, помѣченную 6-мъ мая: онъ долженъ былъ воспользоваться ею не ранѣе, какъ послѣ отъѣзда короля, и лишь въ томъ случаѣ, если найдетъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ Бартелеми заслуживающимъ довѣрія. Шампсенецъ долженъ былъ поручить ему позондировать лондонскій дворъ относительно мнѣнія о лигѣ державъ въ пользу Людовика XVI. Онъ долженъ былъ узнать, можно ли расчитывать на «полный нейтралитетъ Англіи, сдѣлавъ ей уступки въ торговомъ отношеніи и поступившись нѣкоторыми владѣніями въ Индіи и на Антильскихъ островахъ» [8]).

Тѣмъ не менѣе, оставалось уладить еще и соглашеніе съ императоромъ, какъ необходимый прелиминарій. Ничто не могло быть предпринято помимо его согласія и выполнено безъ его содѣйствія. Въ этомъ отношеніи эмигранты были вполнѣ согласны со дворомъ и признавали Леопольда третейскимъ судьею въ своемъ конфликтѣ съ Людовикомъ XVI. Графъ д'Артуа вышелъ изъ себя, когда ему сообщили о желаніи и увѣщаніяхъ короля. «Что такое король?»—воскликнулъ онъ, когда Бомбель передалъ ему возложенное на него порученіе.—«Въ настоящую минуту, милостивый государь, нѣтъ другого короля, кромѣ меня, и вы обязаны дать мнѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ» [9]). И графъ д'Артуа немедленно отправился во Флоренцію съ цѣлію предупредить прибытіе уполномоченныхъ брата. Такимъ образомъ планы бѣгства Людовика XVI, комплоты эмигрантовъ, широкій планъ Густава III, вмѣшательство Англіи въ видахъ поддержанія спокойствія и мира на Востокѣ, комбинаціи Екатерины, предложенія союза со стороны Пруссіи, французскія, германскія, польскія и турецкія дѣла—всѣ эти нити, протянутыя со всѣхъ концовъ Европы, шли въ Италію и завязывались узломъ въ рукахъ Леопольда.

IV.

Англичане явились первыми со своими условіями мира. Леопольдъ принялъ лорда Эльджена во Флоренціи 7 мая. Когда онъ увидѣлъ, что этотъ дипломатъ расположенъ предоставить Россіи Очаковъ, онъ заключилъ изъ этого, что англичане отказываются отъ войны, и ему можно будетъ добиться исправленія границъ. Вслѣдствіе этого онъ извѣстилъ своихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ въ Систовѣ, гдѣ только-что возобновились совѣщанія, что они должны требовать не точнаго, а исправленнаго statu quo, что доставляло Австріи Оршову и турецкую Кроацію до Унны [1]). Для этихъ переговоровъ необходимо было нѣсколько продолжительное спокойствіе. Французскія дѣла нарушали его весьма некстати, по мнѣнію Леопольда. Онъ получилъ письма отъ королевы и отчеты Мерси. Они встревожили его болѣе, чѣмъ бы онъ того, быть можетъ, желалъ. Вообще говоря, онъ не отличался чувствительностью и нѣжностью; Францію онъ не любилъ, а сестру почти не зналъ. Когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, ей было десять лѣтъ: присылка портретовъ, довольно холодныя, краткія и рѣдкія письма, вотъ все, что поддерживало въ теченіе двадцати пяти лѣтъ воспоминанія дѣтства, между тѣмъ какъ политическіе интересы постоянно разъединяли брата и сестру. Тѣмъ не менѣе, узы крови давали себя чувствовать: въ Маріи-Антуанетѣ все же текла кровь императорскаго дома, кровь Маріи-Терезіи. Какъ глава этого дома и какъ государь, онъ былъ равно встревоженъ близкой катастрофой, о которой ему сообщали. Но размышляя о возможныхъ случайностяхъ, онъ находилъ несвоевременными и неосуществимыми планы французскаго двора. Планы эти не могли быть выполнены безъ содѣйствія великихъ державъ; а содѣйствіе это зависѣло отъ мира на Востокѣ, быстрое заключеніе котораго противорѣчило австрійскимъ интересамъ [2]).

Эти противоположныя чувства боролись въ душѣ Леопольда, и онъ склонялся къ выжидательному образу дѣйствій, входившему въ его соображенія, когда неожиданно встрѣтилъ, 18 мая, въ Мантуѣ графа д'Артуа и Дюрфора. Императоръ былъ сильно предубѣжденъ противъ брата Людовика XVI; онъ принялъ его только изъ вѣжливости, выслушалъ, чтобы не оскорблять приличій, нашелъ его «романтичнымъ», обошелся съ нимъ сообразно съ этой характеристикой [3]), и такъ смутилъ этого принца, что тотъ обѣщалъ ему сидѣть смирно. Леопольдъ повторилъ ему и Дюрфору, что ничего не предприметъ до тѣхъ поръ, пока король и королева не выѣдутъ изъ Парижа, не возьмутъ назадъ тѣ мѣры, которыя были навязаны имъ силою, не призовутъ оставшихся имъ вѣрными подданныхъ и не потребуютъ помощи у своихъ союзниковъ. Но и въ этомъ случаѣ

---

*) Ферзенъ Бретейлю, 23 мая. Fersen, t. I, p. 124, 126, 132.—Марія-Антуанета Леопольду, 22 мая 1791. Arneth, p. 165.

[8]) Эта инструкція была напечатана въ *Intermédiaire* отъ 10 мая 1875.

[9]) La Rochetelle.

[1]) Vivenot, *Quellen*, t. I, p. 172. Дневникъ переговоровъ, веденныхъ съ лордомъ Эльдженомъ.—*Леопольдъ Кауницу*, 9 мая..—*Отчетъ Луккезини*. Систово, 19 мая. Vivenot, t. I, p. 126—128.

[2]) Кауницъ Кобенцелю, 8 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 188.

[3]) Леопольдъ Маріи Христинѣ, 12 іюня 1791. Arneth, p. 177.

онъ будетъ дѣйствовать только по соглашенію съ Испаніей, Сардиніей, германскими государствами и, въ особенности, если будетъ увѣренъ, что Пруссія и Англія не будутъ создавать ему препятствій. Если король и королева не успѣютъ выйти изъ Парижа, то, по его мнѣнію, имъ можетъ оказать поддержку только соглашеніе между державами: онѣ обнародуютъ манифестъ, который подтвердятъ военными демонстраціями, и потребуютъ гарантій въ видахъ обезпеченія безопасности королевской фамиліи и противъ распространенія революціонной пропаганды. Такое соглашеніе еще не существуетъ, и оно требуетъ подготовленія. Леопольдъ обѣщалъ взять это на себя.

Дѣйствительно, онъ позондировалъ намѣренія большихъ дворовъ. Онъ объявилъ, что дастъ болѣе быстрое теченіе дѣлу владѣтельныхъ князей и согласился сосредоточить нѣкоторое количество войскъ на нидерландской границѣ; но отказалъ въ 15 милліонахъ, которыхъ просили чрезъ Бретейля [4]). Таковы были отвѣты тонкаго политика на отчаянный призывъ королевской семьи: дипломатія его не находила другихъ средствъ противодѣйствія одному изъ самыхъ болѣзненныхъ кризисовъ, когда-либо испытанныхъ царственной фамиліей. Только событія могли заставить дѣйствовать Леопольда, и именно это и случилось,

Главнымъ предметомъ его заботъ была Пруссія: съ этой стороны онъ весьма скоро былъ успокоенъ. Бишосфвердеръ пріѣхалъ къ нему въ Миланъ 11 іюня [5]). Онъ сообщилъ о желаніи Фридриха-Вильгельма имѣть личное свиданіе съ императоромъ для объясненія и соглашенія по поводу европейскихъ дѣлъ вообще, но главнымъ образомъ по поводу Польши и восточнаго вопроса. Въ Польшѣ Пруссія не имѣла никакихъ притязаній и находила удовлетвореніе въ томъ обстоятельствѣ, что польская корона была присоена саксонскому дому. На востокѣ она находилась вынужденной поддерживать турокъ, если они будутъ продолжать войну, а война эта будетъ продолжаться, если Австрія откажетъ въ своемъ согласіи относительно соблюденія полнаго statu quo, какъ основы предстоящихъ переговоровъ. Фридрихъ-Вильгельмъ совѣтовалъ Леопольду принять эту основу, предоставляя себѣ право исправленія границъ впослѣдствіи, когда дѣло будетъ идти уже о примѣненіи трактата. Пруссія, освободившись отъ своихъ обязательствъ, не станетъ этому противиться, а турки, предоставленные собственнымъ силамъ, окажутся сговорчивѣе. Эти предложенія показались

[4]) Леопольдъ Кауницу, 20 мая 1791. Beer, *Kaunitz*, p. 404.—Письмо къ Мерси, 20 мая. Feuillet, t. II. p. 60.

[5]) Дневникъ переговоровъ. Vivenot, t. I, p. 176.—Кауницъ Кобенцелю, 8 іюля. t. I, p. 187,—Herrmann, Dip. corr., p. 31.– Sibel, t. I, p. 295—297.

императору удобными и своевременными. Онъ только что получилъ извѣстіе о твердомъ рѣшеніи французской королевской фамиліи оставить Парижъ между 12 и 20-мъ [6]). Медлить долѣе было невозможно. Леопольдъ покорился неизбѣжности. 18 іюня онъ извѣстилъ Бишофсвердера, что согласенъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ и присоединяется къ проекту союза; затѣмъ сообщилъ лорду Эльджену, что принимаетъ миръ на условіяхъ statu quo ante и что поддержитъ предложенія союзниковъ при русскомъ дворѣ. Прусскій и англійскій уполномоченные были въ восторгѣ и объявили, что какъ скоро миръ будетъ заключенъ, ихъ дворы доставятъ императору возможность исправить границы въ сторону Кроаціи [7]). Бишофсвердеръ уѣхалъ 24 іюня, съ надеждой заставить императора служить своимъ цѣлямъ.

Рѣшено было, что свиданіе состоится въ теченіе лѣта въ Пильницскомъ замкѣ у саксонскаго курфирста. Это было для Леопольда случаемъ подвергнуть обсужденію проекты союза и конгресса, которые впрочемъ довольно смутно бродили у него въ умѣ. «Прежде всего, мы переговоримъ о французскихъ дѣлахъ», сказалъ онъ Бишофсвердеру въ первой бесѣдѣ съ нимъ. «Необходимо искоренить зло,—прибавилъ онъ въ другой разъ.—Всѣ державы обязаны согласиться по поводу прекращенія этого бѣдствія». Тѣмъ не менѣе онѣ должны приняться за эту задачу съ «чрезвычайною осторожностью»; надо дать созрѣть событіямъ, «подождать, пока самъ французскій народъ почувствуетъ потребность въ перемѣнѣ». Вмѣшательство можетъ принести результатъ лишь въ случаѣ его коллективности. Леопольдъ настойчиво указывалъ на это въ замѣткѣ, врученной Бишофсвердеру. Это предварительное условіе имѣло важнѣйшее значеніе для его политическихъ цѣлей [8]).

И дѣйствительно онъ намѣревался въ предстоящемъ совѣщаніи служить не чему иному какъ этимъ цѣлямъ. Онъ и не думалъ жертвовать своими интересами; интересы же его были крайне сложны въ этомъ дѣлѣ. Конечно, ему было желательно, «чтобы Франція своимъ полнымъ ослабленіемъ не дала простора деспотическимъ видамъ Англіи [9]); но если по такимъ соображеніямъ Леопольдъ находилъ цѣлесообразнымъ противиться распаденію французской монархіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что

[6]) Ферзенъ Бретейлю, 30 мая 1791. Fersen, t. I, p. 132.—Марія-Антуанета Леопольду, 1 іюня. Feuillet, t. II, p. 172.

[7]) Vivenot, *Quellen*, t. I, p, 176, 179, 188.

[8]) Ibid., t. I, p. 188. — Herrmann, Dip. corresp., p. 28. — Sybel, t. I, p. 298.

[9]) Кауницъ Кобенцелю въ Петербургъ, 8 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 190 et s.—Кауницъ Мерси, 23 іюня, id., t. I. p. 539.

было-бы неосторожностью идти далѣе. Европейскій концертъ, говорилъ онъ себѣ, «никогда не долженъ приводить къ возстановленію политическаго преобладанія самой Франціи». Онъ долженъ имѣть цѣлью «доставленіе христіаннѣйшему королю, кромѣ должной степени безопасности, уваженія и блеска, извѣстной степени авторитетности и вліянія, чтобы спасти Францію отъ анархіи и недопустимой распущенности. Леопольдъ ожидалъ отъ Россіи, что она раздѣлитъ его мнѣніе по всѣмъ этимъ предметамъ. Испанія, по всей вѣроятности, склонится къ такимъ же чувствамъ и будетъ руководствоваться сходными соображеніями. Ей, безъ сомнѣнія, не желательно, разсуждалъ императоръ, «чтобы Франція вернула себѣ и прежнее благоденствіе, и прежнее преобладаніе, обусловленное ея счастливымъ географическимъ положеніемъ и сравнительною обширностью предѣловъ». Съ Англіей договориться, по всей вѣроятности, будетъ трудно: хотя она и опасается вліянія французской революціи на свою конституцію, на свои колоніи, въ особенности на Ирландію, тѣмъ не менѣе она желаетъ «продолженія внутренней смуты и внѣшней слабости своей соперницы». Напротивъ, со стороны Пруссіи Леопольдъ ждалъ наиболѣе активнаго содѣйствія. «Уничтоженіе политическаго кредита Франціи противно естественнымъ интересамъ Пруссіи; изъ этого слѣдуетъ, что она будетъ согласна и даже охотно станетъ содѣйствовать полнѣйшей контръ-революціи».

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ политика преобладала надъ чувствомъ, а размышленія, порожденныя интересомъ, занимали болѣе мѣста чѣмъ тѣ, которыя имѣли источникомъ право: но такъ смотрѣла на вещи старая Европа. Леопольдъ находилъ, что сдѣлалъ великое дѣло, начертивъ этотъ сложный планъ и согласившись вести переговоры о мирѣ на Востокѣ, чтобы имѣть досугъ озаботиться французской революціей. Комбинаціи австрійскаго императора не были лишены изобрѣтательности, но буря была слишкомъ сильна, чтобы возможно было долгое время лавировать вдоль береговъ. По выраженію Кауница, кризисъ «смутилъ благоразумныя заботы императора».

V.

Отъѣздъ королевскаго семейства затянулся до послѣднихъ чиселъ іюня. Слухи о приготовленіяхъ къ нему начинали проникать въ публику; необходимо было торопиться, въ противномъ случаѣ была-бы пропущена благопріятная минута. Извѣстія, получаемыя дворомъ отъ принцевъ и эмигрантовъ, положили конецъ всякимъ колебаніямъ. Слѣдуя тактикѣ, которая обратилась у нихъ въ привычку, агенты эмиграціи извращали то, что имъ приходилось выслушивать за границей. Вмѣсто правдивыхъ сообщеній о высокомѣрныхъ, презрительныхъ и отнимающихъ всякую надежду рѣчахъ, съ которыми ихъ встрѣчали въ Вѣнѣ и Мантуѣ, они сочиняли рѣчи, полныя заманчивыхъ обѣщаній для ихъ партіи, и угрозъ по отношенію къ мятежной Франціи. Такъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ узнали, что графъ д'Артуа пришелъ къ соглашенію съ императоромъ, что этотъ государь соглашался двинуть сто-пятьдесятъ тысячъ войска, что это войско начнетъ кампанію 15 іюня, что будетъ обнародованъ манифестъ, возлагающій всю отвѣтственность за событія на городъ Парижъ и что вслѣдствіе всего этого королю остается спокойно ожидать своего избавленія [1]). Такой планъ смутилъ королевскую фамилію: онъ подвергалъ ее величайшимъ опасностямъ, въ настоящемъ, и въ будущемъ долженъ былъ привести къ подорванію значенія короля. Вмѣшательство эмигрантовъ раздражало умѣренныхъ, которыхъ нечего было бояться двору, и возбуждало крайнихъ, отъ которыхъ можно было ожидать всего. Король, низведенный до пассивной и нейтральной роли заложника, утратилъ-бы характеръ третейскаго судьи и примирителя, который желалъ себѣ присвоить. Онъ уже не былъ-бы обязанъ возстановленіемъ своей власти народу, вернувшемуся къ долгу въ силу благодарности, но получилъ-бы эту власть благодаря самой непопулярной изъ партій. Дворъ чувствовалъ, что его окружаютъ интриги, и видѣлъ, что дѣла его почти настолько же скомпрометированы извнѣ, сколько и внутри страны. Двойное опасеніе быть задержанными революціонерами и предупрежденными эмигрантами взяло верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, внушаемыми осторожностью, и королевская семья покинула Парижъ.

20 іюня, король, королева, принцесса Елизавета и королевскія дѣти, переодѣвшись, выѣхали въ каретѣ изъ Парижа. Графъ Прованскій и Ферзенъ одновременно выѣхали изъ Парижа по разнымъ дорогамъ. Предосторожности не были достаточны, подозрѣніе возбуждено, и всѣ подробности побѣга вызывали его: карета обращала на себя вниманіе своими огромными размѣрами, ѣхали крайне медленно и подолгу останавливались на почтовыхъ станціяхъ. Повсюду встрѣчали патрули. Французы были убѣждены, что спасеніе Франціи и успѣхъ революціи зависятъ отъ присутствія среди нихъ короля. Бѣглецамъ приходилось остерегаться не однихъ анархистовъ, но каждый прохожій становился для нихъ шпіономъ, и самый наивно-преданный имъ подданный былъ такъ же опасенъ, какъ и жесточайшій врагъ. Людовикъ XVI былъ арестованъ 21 іюня вечеромъ, въ Вареннѣ. Булье не подоспѣлъ во-время, чтобы его освободить; впро-

[1]) Марія-Антуанета Леопольду, 12 мая 1791. Arneth, p. 167.—Ферзенъ Таубе, 2 іюня. Fersen, t. I, p. 134.

чемъ и войска отказывались отъ повиновенія мятежному, по отношенію къ Собранію, генералу. Булье оставалось только бѣжать самому за-границу. Графу Прованскому и Ферзену удалось бѣжать въ Бельгію.

Леопольдъ узналъ объ отъѣздѣ сестры, находясь въ Падуѣ. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ, 1-го іюля, получено было имъ извѣстіе и объ арестѣ: оно исходило одновременно отъ трирскаго курфирста и принца Конде. На слѣдующій день оно было опровергнуто: курьеры, пріѣхавшіе изъ Женевы и Турина, сообщали, что король, спасенный генераломъ Булье, прибылъ въ Мецъ и направляется въ Люксамбургъ. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ привезена была и декларація Людовика XVI французамъ [2]). «Бѣгство короля, обнародованный имъ манифестъ и безопасное положеніе королевской фамиліи въ Люксамбургѣ совершенно измѣняютъ положеніе вещей», сказалъ Леопольдъ [3]). Расчетливый и осторожный австріецъ, на минуту, поддался душевному волненію. Въ его политикѣ проявилась сердечность и порывъ великодушія. Онъ написалъ Маріи-Антуанетѣ: «Благодарю небо за ваше счастливое избавленіе. Король, государство, Франція и всѣ прочія монархіи будутъ обязаны своимъ избавленіемъ вашей твердости, вашему мужеству и благоразумію. Все, что имѣю самъ, принадлежитъ вамъ: деньги, войска, однимъ словомъ—все! Располагайте мною, не стѣсняясь» [4]). Онъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія въ Нидерландахъ [5]); онъ побуждалъ Сардинію, Испанію, Швейцарію и Пруссію къ оказанію содѣйствія французскому королю. Онъ извѣстилъ принца Конде, что тотъ долженъ подчиниться Людовику XVI: «Отнынѣ всѣ распоряженія будутъ зависѣть отъ свободнаго короля» [6]).

6 іюля все разстроилось: истина была обнаружена. «Вы можете представить себѣ мое безпокойство по поводу послѣдствій и результатовъ», пишетъ Леопольдъ Максимиліану [7]). Онъ слишкомъ хорошо предвидѣлъ и опасался этихъ послѣдствій; но хладнокровіе не покидаетъ его и съ первой же минуты рѣшеніе его принято. Онъ непосредственно обращается ко всѣмъ европейскимъ государямъ: къ русской императрицѣ, къ королямъ: англійскому, прусскому, испанскому, неаполитанскому и сардинскому [8]).

[2]) Arneth, p. 181.—Vivenot, t. I, p. 545.—Feuillet, t. II, p. 95.

[3]) Брату, курфирсту кёльнскому, 5 іюля. Vivenot, t. I, p. 546.

[4]) 2 іюля, Arneth, p. 181.

[5]) 5 іюля, id., p. 182—183. *Инструкція Маріи-Христинѣ, регентшѣ Нидерландской.* 5 іюля. Feuillet, t. III, p. 373—376.

[6]) 4 іюля, Vivenot, t. I, p. 545.

[7]) Подробности взяты изъ писемъ Леопольда курфирсту кёльнскому и и трирскому, 6 іюля. Vivenot, t. I, p. 546—547.—Маріи-Христинѣ, 6 іюля. Feuillet, t. III, p. 385.

[8]) Vivenot, t. I, p. 185.

Ему не трудно было привести доводы, способные на нихъ подѣйствовать. Эти государи, писалъ онъ, «раздѣлятъ негодованіе, вызванное въ немъ самомъ неслыханнымъ посягательствомъ», то есть арестованіемъ королевской фамиліи; они должны раздѣлить также испытываемыя имъ опасенія, по поводу возможныхъ «жестокихъ послѣдствій» этого событія. Этотъ актъ насилія налагаетъ печать противозаконности на все, что было сдѣлано во Франціи, и «непосредственно нарушаетъ честь всѣхъ государей и безопасность всѣхъ правительствъ». Императоръ предлагаетъ союзъ во имя возстановленія свободы и чести христіаннѣйшаго короля и его семейства, а равно и съ цѣлью прекращенія опасныхъ крайностей французской революціи, пагубный примѣръ которыхъ столь важно подавить для всѣхъ правительствъ» [9]).

Въ томъ же духѣ и смыслѣ сдѣлалъ Леопольдъ заявленія всѣмъ имперскимъ государямъ. Въ былое время онъ ихъ сдерживалъ. Теперь онъ приказываетъ своимъ министрамъ «возбуждать умы и настраивать ихъ такъ, чтобы возможно было дѣйствовать быстро и энергично». Онъ продолжаетъ, однако, устранять эмигрантовъ. Онъ совѣтуетъ сестрѣ своей Маріи-Христинѣ и курфирстамъ «препятствовать своеволію этихъ французовъ и графа д'Артуа» [10]). Предупреждаетъ непосредственно и самого графа. Отправивъ письма, онъ возвращается въ Австрію. Онъ желаетъ свиданія съ прусскимъ королемъ, соглашенія съ Россіей, стремится къ сосредоточенію своихъ силъ, въ особенности же къ заключенію мира, такъ какъ этотъ миръ составлялъ необходимое предварительное условіе для образованія лиги державъ, а такая лига являлась отнынѣ необходимостью. «Я ѣду въ Вѣну,—пишетъ онъ брату своему Максимиліану. Давно пора спасти сестру нашу и задушить эту французскую эпидемію» [11]).

[9]) Онъ внушаетъ мысль о врученіи дипломатическимъ агентамъ декларацій, «способныхъ образумить вожаковъ крайней партіи», оставляя однако же открытымъ «путь къ честному раскаянію». Надлежало потребовать освобожденія короля, угрожать «рѣшительнымъ возмездіемъ за дальнѣйшія посягательства» и прибавить, что европейскіе государи признаютъ лишь одобренную королемъ конституцію; наконецъ, дипломатическіе агенты должны были-бы заявить, что, въ случаѣ неисполненія такихъ требованій, державы примутъ всевозможныя совмѣстныя мѣры для подавленія мятежа. — Vivenot, t. I, p. 186, проектъ декларацiи, приложенный къ письму Леопольда.

[10]) Леопольдъ трирскому и кельнскому курфирстамъ, 6 іюля. Vivenot, t. I, p. 546—547; Маріи-Христинѣ, 6 іюля. Feuillet, t. III, p. 386.

[11]) 6 іюля, Vivenot, t. I, p. 547.

© ПЕТРОГРАД

КНИГА III.

Конфликты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пильницъ.

1791.

I.

Императоръ возвратился въ Вѣну въ концѣ іюля. Канцлеръ Кауницъ предупредилъ де-Ноаля, что онъ не долженъ просить аудіенціи и что ему слѣдуетъ даже воздержаться отъ появленія при дворѣ. Кауницъ грозилъ французскому посланнику репрессаліями, могущими коснуться его личности и имущества въ томъ случаѣ, если императорская миссія въ Парижѣ подверглась бы какимъ-либо оскорбленіямъ.—Къ намъ относятся, какъ къ новому государству, которое вольны и не признавать [1])—писалъ этотъ посланникъ.—До какой степени измѣнилось положеніе вещей въ Германіи послѣ варенискаго событія, покажетъ слѣдующій эпизодъ. Еврей Эфраимъ, остававшійся въ Парижѣ, былъ арестованъ по обвиненію, впрочемъ, совершенно основательному, въ умышленномъ возбужденіи смутъ. Пруссія потребовала его освобожденія, и онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы: Австрія приняла участіе въ его судьбѣ: «Кто бы могъ подумать прошедшею зимой,—писалъ де-Ноаль —когда прусское министерство платило еврею Эфраиму за его парижскіе происки, что этотъ человѣкъ можетъ встрѣтить участіе со стороны австрійскаго двора. Вообще, здѣсь въ настоящее время скорѣе склонны оправдывать берлинскій дворъ, чѣмъ отмѣчать его вины» [2]). Это зависѣло отъ того, что союзъ съ Пруссіей былъ положенъ въ основаніе союза, который Леопольдъ пытался установить между державами, и безъ котораго, по его мнѣнію, невозможно было никакое вмѣшательство во французскія дѣла. Дипломаты занимались собираніемъ необходимыхъ элементовъ и опредѣленіемъ ближайшаго предмета конференціи.

[1]) Отчетъ де-Ноаля, отъ 15 іюля.—Отчетъ Якоби отъ 27 іюля. Herrmann, *Dipl. Corresp.*, p. 60.

[2]) Отчетъ 6 августа 1791 г. Арестованіе Эфраима было однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненій противъ Монморена. *Moniteur*, t. XIII, p. 493.

Циркуляръ и меморія, съ которыми Кауницъ обратился по этому случаю къ дипломатическимъ агентамъ императора, представляли лишь многорѣчивый пересказъ тѣхъ мыслей, которыя были уже выражены Леопольдомъ въ его частныхъ письмахъ къ европейскимъ государямъ [3]). Престарѣлый канцлеръ старался указать на общеевропейскій характеръ предпріятія, установить, что рѣчь идетъ не о семейномъ дѣлѣ или частной комбинаціи австрійской политики. Доводы его поверхностны и многословны. Онъ приводитъ всевозможные аргументы въ пользу совмѣстнаго дѣйствія, но видимо слабо убѣжденъ въ необходимости самаго вмѣшательства. Онъ разсуждаетъ, дѣлаетъ выводы и остается холоднымъ и равнодушнымъ. Сущность французской революціи продолжаетъ ускользать отъ него. Онъ не замѣчаетъ того, что отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ переворотовъ; онъ измѣряетъ ее лишь степенью интенсивности. Онъ усматриваетъ въ ней послѣдствія «своеволія и мятежнаго духа»; онъ опасается только примѣра этой анархіи, естественно соблазнительной для населенія всѣхъ странъ и которую республиканская партія Собранія распространяетъ за предѣлами Франціи «коварными способами, угрожающими спокойствію всѣхъ правительствъ». Державы имѣютъ право предохранить себя отъ подобной опасности. Собраніе дѣйствуетъ вызывающимъ образомъ: оно затрогиваетъ ихъ права, оно нарушаетъ обязательства Франціи по отношенію къ Европѣ, оно узурпируетъ Авиньонъ и обираетъ нѣмецкихъ князей. Всѣ европейскія правительства имѣютъ основаніе для сопротивленія и общихъ усилій, «въ видахъ огражденія общественнаго спокойствія и безопасности государствъ, неприкосновенности владѣній и соблюденія трактатовъ».

Главный интересъ этого оффиціальнаго документа вѣнскаго канцлерства заключается въ томъ кроющемся въ немъ абрисѣ политической Европы, признающей по отношенію къ самой себѣ и права и обязанности. Такое воззрѣніе, развивавшееся не однимъ философомъ, оставалось однако весьма чуждымъ государственнымъ людямъ стараго порядка; оно должно было проникнуть въ ихъ умы какъ отраженный ударъ французской революціи и занять мѣсто въ европейской политикѣ лишь вслѣдствіе этой революціи. Въ названномъ документѣ это воззрѣніе находится въ зачаточномъ состояніи, крайне неопредѣленно и проникнуто философіей того вѣка. Кауницъ признаетъ, что заразительность французской анархіи можетъ

[3]) Циркуляръ канцлера къ посланникамъ и другимъ представителямъ императора. Меморія канцлера посланникамъ и другимъ представителямъ императора. 17 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 203, № 213.

сдѣлаться опасной и что надлежитъ этому противодѣйствовать; но само средство, имъ предлагаемое, кажется ему пагубнымъ. «Необходимость этихъ средствъ противъ зла, распространяющагося, главнымъ образомъ, посредствомъ злоупотребленія просвѣщеніемъ и общеніемъ, сдѣлается бѣдствіемъ для всѣхъ европейскихъ народовъ, благоденствіе и преобладаніе которыхъ надъ остальными тѣсно связаны съ общностью всякаго рода учрежденій, внутренней администраціи, мягкости нравовъ, просвѣщенныхъ воззрѣній и очищенной, благодѣтельной религіи, связывающей ихъ какъ бы въ одну семью... [4]). Необходимость принятія мѣръ предосторожности, соразмѣрныхъ съ опасностью соблазна, поощряемаго столькими путями, можетъ повести лишь къ изолированію отдѣльныхъ націй и принудитъ наиболѣе мудрыхъ и мягкихъ государей отказаться отъ дѣйствительно полезныхъ преобразованій и пожертвовать ради главнѣйшихъ основъ порядка и спокойствія новыми шагами на поприщѣ благоденствія и преуспѣянія» [5]). Въ этихъ словахъ не слышатся вопли ненависти эмигрантовъ или проклятія Борка; это протестъ просвѣщеннаго деспотизма противъ революціонной демократіи, тревога аристократическаго ученика Вольтера, въ виду вторженія бурной и парадоксальной республиканской толпы учениковъ Руссо.

Отступленіе въ область публичнаго права и философіи не заставляетъ однако же канцлера терять изъ вида австрійскіе интересы. Не можетъ быть и рѣчи о возстановленіи грознаго правительства Людовика XIV. Необходимо, чтобы державы, принимая свои мѣры, «успокоили бы французскую націю, по поводу ея опасеній насильственной и безусловной контръреволюціи». Онѣ будутъ опираться на умѣренныхъ, составляющихъ большинство и въ настоящее время угнетаемыхъ крайними. Что касается практическихъ способовъ, то Кауницъ указывалъ на тѣ, которые уже ранѣе предлагались императоромъ: конгрессъ или конференція, далѣе, коллективное требованіе прекращенія вооруженій, подавленіе пропаганды, возстановленіе феодальныхъ правъ въ Эльзасѣ или же вознагражденіе нѣмецкихъ князей, возвращеніе Авиньона папскому престолу, возстановленіе внутренняго порядка, обезпеченіе существенныхъ основъ монархическаго правленія, свобода и безопасность короля. Если же подобная декларація не оказала бы надлежащаго дѣйствія, державы отзовутъ своихъ

[4]) Сравн. слѣдующія слова Вольтера: «Давно уже можно было смотрѣть ва христіанскую Европу, за исключеніемъ Россіи, какъ на обширную республику, раздѣленную на отдѣльныя государства, сносящіяся другъ съ другомъ, исповѣдующія одну и ту же, хотя и раздробленную на нѣсколько сектъ, религію, признающія однѣ и тѣ же основы политики и публичнаго права...» *Siècle de Louis XIV*, *Introduction*, ch. II.

[5]) Vivenot, t. I, p. 209—210.

дипломатическихъ агентовъ, прекратять «всякія личныя и торговыя сношенія» и подтвердятъ эти мѣры выставленіемъ «весьма значительнаго количества войскъ», предназначеннаго въ случаѣ необходимости «дать отпоръ насильственнымъ и враждебнымъ дѣйствіямъ, могущимъ быть предпринятыми Франціей за ея предѣлами». Военные расходы должны возмѣщаться сообща. Австрія и Пруссія доставятъ каждая по 50000 человѣкъ.

Леопольду было уже извѣстно, что такія мѣры были согласны съ желаніями королевской фамиліи. Онъ получилъ подтвержденіе отъ Ферзена [6]), съ которымъ видѣлся 4 августа, и извѣстилъ о томъ сестру свою Марію-Христину. «Не вѣрьте ничему,—писалъ онъ ей [7]),—не поддавайтесь ни на что и не исполняйте никакихъ требованій со стороны принцевъ и французовъ, ограничиваясь свѣтскою вѣжливостью и обѣдами; ни войска, ни денегъ, ни поручительствъ за нихъ». Къ этому онъ прибавилъ: «Я заключаю миръ съ турками... Я поведу имперію легальнымъ путемъ». Имперія готова была слѣдовать за императоромъ. 6-го августа сеймъ принялъ рѣшеніе (conclusum), приглашающее его поддержать права принцевъ и трактаты, призвать къ вмѣшательству державъ-поручительницъ и вызвать, если въ томъ окажется надобность, вооруженіе другихъ. Курфирстъ трирскій попросилъ о помощи: Леопольдъ отвѣтилъ, что шесть тысячъ пруссаковъ и шесть тысячъ австрійцевъ будутъ двинуты въ Швабію и Франконію. Французское правительство было извѣщено объ этой мѣрѣ [8]). Таковы были ближайшія послѣдствія соглашенія между Австріей и Пруссіей; соглашеніе это было обезпечено и намѣревались скрѣпить его формальнымъ договоромъ.

Бишофсвердеръ вернулся въ Вѣну и велъ непосредственныя сношенія съ Кауницемъ. Старый канцлеръ не любилъ и не уважалъ Франціи; послѣ того, какъ онъ пренебрежительно эксплуатировалъ ее при Людовикѣ XV, временное возвышеніе ея при Людовикѣ XVI встрѣчено было имъ съ досадою; въ лицѣ революціи онъ ненавидѣлъ Францію [9]). Эта ненависть была такъ сильна въ немъ, что заставила его забыть на время антипатію къ пруссакамъ. Къ тому же пруссаки выказывали гибкость и вкрадчивость. Кауницу не приходилось переносить сарказмовъ Фридриха, заносчивости его агентовъ и хвастливости Герцберга. Теперь онъ встрѣчалъ свѣтскаго человѣка, въ высшей степени вѣжливаго, царедворца со

[6]) Fersen, *Journal*, t. I, p. 9.

[7]) 30 іюля 1791. Feuillet, t. III, p. 423.

[8]) Haeussser$_2$ t. I, p. 283—285.—Vivenot, t. I, p. 216.

[9]) Fersen, *Journal*, 6 août, 1791, t. I, p. 12.—Beer, *Kaunitz*, p. 419 et suiv.—Sybel, t. I, p. 302—304.—Haeussser, t. I, p. 313.

слащавою рѣчью, переходившею при каждомъ поводѣ въ сентиментальныя изліянія или туманныя хвалы. Болѣе чѣмъ когда-либо преисполненный самомнѣнія, онъ далъ опутать себя ханжѣ. Онъ вообразилъ, что ему такъ же легко будетъ руководить Фридрихомъ-Вильгельмомъ и его любимцемъ, какъ не трудно было вертѣть Людовикомъ XV и его фавориткой. Онъ полагалъ, что найдетъ въ союзѣ съ Пруссіей легкое и плодотворное вознагражденіе за разрывъ съ Франціей. Прелиминарный договоръ былъ подписанъ имъ и Бишофсвердеромъ 25 іюня: онъ былъ «вѣрнымъ сколкомъ» съ трактата 1756 года и представлялъ, по словамъ канцлера, «приблизительно второй томъ Версальскаго договора, въ свое время изумившаго Европу и спасшаго австрійскую монархію [10]). Договоръ ставилъ условіями оборонительный союзъ и обезпеченіе территорій обѣихъ сторонъ: союзники обязывались слѣдовать общей политикѣ во французскихъ дѣлахъ и поддерживать «неприкосновенность свободной польской конституціи». Заключеніе окончательнаго договора зависѣло отъ заключенія мира между Австріей и Турціей [11]). Этотъ миръ послѣдовалъ 5 августа въ Систовѣ и на условіяхъ, рѣшенныхъ еще въ Италіи. Съ той минуты казалось, что ничто не въ силахъ отклонить Австрію отъ ея проекта вмѣшательства; но проектъ этотъ зависѣлъ отъ предварительнаго соглашенія между державами, а получаемые отъ различныхъ дворовъ отвѣты показывали, что такое соглашеніе было весьма мало вѣроятно. Достаточно было пожелать объединенія Европы для того, чтобы констатировать ея безсвязное, хаотическое состояніе [12]).

«Ничего дѣйствительнаго нельзя будетъ предпринять безъ одобренія Англіи», писалъ де Мерси [13]). Онъ отправился въ Лондонъ и нашелъ англичанъ такъ мало расположенными къ конгрессу, какъ только было возможно. Всему міру было ясно, что анархія во Франціи могла только служить англійскимъ интересамъ. Франція разлагалась, колоніи ея дезорганизировались. Англія, желавшая пріобрѣсти Сенъ Домингъ и Иль де Франсъ, ждала, что они неминуемо попадутъ въ ея руки. Англійскіе фонды повышались до чрезвычайности. Нейтралитетъ доставлялъ Англіи,

[10]) Письмо къ Леопольду, 26 іюля 1791. Beer, *Kaunitz*, p. 420.

[11]) Neumann, *Traité de l'Autriche*, Leipzig, 1855—59, t. I, p. 452.

[12]) «Несмотря на величайшія предосторожности, съ которыми приступали къ этому дѣлу, въ видахъ избѣжанія препятствій, которыя могли явиться вслѣдствіе противоположности интересовъ и существующей или могущей вновь пробудиться враждебности, слабость успѣха на первыхъ порахъ превратилась въ окончательную неудачу...» *Kaunitz à Cobenzl*, 12 novem. 1791. Vivenot, t. I, p. 272.—Feuillet, t. II, p. 167.

[13]) Письмо къ Маріи-Антуанетѣ, 28 іюля 1791. Arneth, p. 186. *Correspondance de La Marck*, t. III, p. 177.

безъ убытковъ и опасностей, всѣ преимущества удачной войны съ Франціей: «Вамъ извѣстна исторія Англіи, говорилъ одному иностранному дипломату членъ палаты лордовъ; я спрашиваю васъ, развѣ во времена нашихъ междуусобныхъ войнъ Франція находила нужнымъ поддерживать нашу королевскую партію?» [14]). Мерси оставался въ Англіи недолго и уѣхалъ въ весьма уныломъ настроеніи [15]). «Наканунѣ своего отъѣзда, писалъ Бартелеми, онъ сказалъ мнѣ: я всегда полагалъ, что Англія способствовала всѣмъ несчастнымъ раздорамъ вашей родины. Я уѣзжаю отсюда болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденный въ этой печальной истинѣ и въ томъ, что вопреки интересамъ всѣхъ остальныхъ державъ, желающихъ Франціи возстановленія ея могущества, Англія будетъ продолжать втайнѣ подкапываться подъ нее съ цѣлью полнаго разоренія и очищенія для себя самой пути къ всемірному владычеству». Англійскій король написалъ императору въ уклончивыхъ выраженіяхъ [16]). Его министры не ограничивались отклоненіемъ всякаго участія въ конгрессѣ, они побуждали къ тому же и Испанію.

Испанскій дворъ началъ съ патетическихъ возгласовъ. Узнавъ объ арестѣ двоюроднаго брата, Карлъ IV воскликнулъ: «Почему же не освободилъ онъ себя мужественною смертью? Меня никогда не вернули бы живымъ въ столицу!» [17]). Вся эта доблесть вылилась въ напыщенную декларацію Флориды-Бланки, которая была передана Національному Собранію [18]). Поспѣшный и заискивающій отвѣтъ императору [19]), нѣсколько передвиженій войскъ на границѣ и высылка 30000 иностранцевъ, большею частью французовъ, дополнили мѣры, принятыя Испаніей. Затѣмъ гнѣвъ миновалъ и усердіе угасло «Это не значитъ,—говорилъ Леопольдъ,—что Испанія неблагопріятно настроена, но она сама въ плохомъ положеніи [20]). Сосредоточеніе войскъ не производилось. Ощущался недостатокъ въ солдатахъ: мобилизировавъ восемь кавалерійскихъ полковъ, едва могли направить на сѣверъ 3000 человѣкъ. Черезъ три мѣсяца удалось собрать 10000 въ Каталоніи и 2000 въ Наваррѣ. Испанію истощили эти усилія. Всѣ государственныя кассы были пусты; уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ даже Кастильскій совѣтъ не получалъ жалованья. Дворъ попытался заключить заемъ въ Генуѣ и другой—въ Голландіи: съ великимъ трудомъ достали

[14]) *Rapports de Barthélémy* août et sept. 1791. Бартелеми резюмируетъ впечатлѣнія де-Мерси и свои собственныя.

[15]) *Rapport* du 2 septembre 1791.

[16]) 23 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 227.

[17]) Baumgarten, p. 322—330.

[18]) Замѣтка отъ 1 іюля 1791. *Moniteur*, t. IX, p. 88—89.

[19]) 7-го августа 1791. Feuillet, t. IV, p. 131.

[20]) Fersen, t. I. p. 10.

400000 піастровъ, которые были обѣщаны графу д'Артуа. Къ этимъ затрудненіямъ присоединялись и натянутыя отношенія съ Марокко, окончившіяся объявленіемъ войны. Но болѣе всего опасались Англіи. Начавъ войну противъ Франціи, не заручившись благожелательнымъ нейтралитетомъ Англіи, Испанія подвергла бы свои колоніи англійскимъ посягательствамъ. Между тѣмъ англичане не переставали спорить по поводу малѣйшихъ предосторожностей, принимаемыхъ испанцами въ приморскихъ пунктахъ. При такихъ затрудненіяхъ и стѣсненіяхъ, Испаніи оставалось только прибѣгнуть къ различнаго рода уловкамъ, что она и сдѣлала и что продолжала дѣлать въ теченіе долгаго времени. Боркъ сравнивалъ эту страну съ китомъ, задыхающимся на морскомъ берегу. Уже съ начала августа Карлу IV показалось, что Людовикъ XVI могъ-бы прекрасно поладить со своимъ народомъ при помощи конституціи.—Это было бы, замѣчалъ онъ, и наилучшею развязкою, такъ какъ, судя по настроенію французовъ и энтузіазму, съ которымъ они относятся къ своей революціи, едва-ли война съ ними приведетъ къ практическимъ результатамъ. Арміи завоевателей ничего не пріобрѣтутъ во Франціи, кромѣ той площади, которую будутъ занимать [21]). Мадридское правительство рѣшило остаться при нейтралитетѣ. Неаполитанское написало нѣсколько прекрасныхъ депешъ, обѣщало нѣсколько кораблей, запретило ввозъ французскихъ газетъ и велѣло сжечь произведенія Филанджіери. Болѣе этого оно не въ силахъ было предпринять. Сардинія объявила, что готова выставить всѣ свои войска, но такъ какъ полагала, что сама находится въ опасности, то попросила помощи для водворенія спокойствія въ собственныхъ предѣлахъ [22]). Что касается русской императрицы, то она прислала императору энергическое воззваніе; она поручила своимъ дипломатическимъ агентамъ возбуждать рвеніе всей Европы во имя общаго дѣла ея государей; эмигрантамъ была послана ею субсидія; но она не предложила коалиціи ни денегъ, ни войскъ [23]): они были необходимы ей для собственныхъ операцій. «Императрица не приметъ участія ни въ чемъ,—писалъ шведскій уполномоченный [24]);—она отвѣчаетъ, что время года неудобно и что слѣдуетъ обождать отвѣтовъ остальныхъ дворовъ». Одинъ изъ французскихъ эмигрантовъ просилъ ее одолжить, по крайней мѣрѣ, корабли для доставленія шведскихъ войскъ. Она холодно отвѣтила: «Мои корабли разоружаются. Впрочемъ, надо знать, какъ отнесутся къ этой экспедиціи англичане? Имъ

[21]) Карлъ IV Густаву III, 3 августа 1791. Fersen, t. I, p. 153.

[22]) Fersen, p. 9—10.—Vivenot, t. I, p. 272.—Franchetti, p. 59—60.—Bianchi, t. I, p. 681.

[23]) Екатерина II Леопольду, 1 августа 1791. Vivenot, t. I, p. 550.

[24]) Geffroy, t. II, p. 177.

нельзя довѣрять. Этотъ проектъ невозможенъ» [25]). Австріи оставалось, слѣдовательно, надѣяться только на одну Пруссію, и европейская лига сводилась на союзъ между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами. Но и въ самомъ Берлинѣ намѣренія были далеко неясны: оставалось не мало задннхъ мыслей. Прежде чѣмъ предпринять крестовый походъ, крестоносцамъ приходилось на этотъ разъ распутать множество страшно переплетенныхъ интересовъ.

II.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ сентименталенъ и очень гордился своей королевской властью. Арестъ Людовика XVI затронулъ въ немъ наиболѣе чувствительныя струны. По словамъ одного дипломата: «онъ былъ задумчивъ въ своемъ домашнемъ кругу и нѣсколько разъ воскликнулъ: какой ужасный примѣръ!» [1]). Прусскій король выказалъ вначалѣ много рвенія и объявлялъ во всеуслышаніе, что поддержитъ усилія императора. Его, всегда тревожное, самолюбіе находило выгоды въ такомъ великодушіи: Пруссія, испытывавшая въ теченіе трехъ лѣтъ однѣ неудачи, подниметъ свой престижъ блестящимъ предпріятіемъ [2]). Но если этотъ государь былъ невоздержанъ на слова, то поступки его не страдали необдуманностью. Къ тому же его удерживали министры. Они сомнѣвались въ выгодѣ предпріятія. Въ Пруссіи царило спокойствіе и благоденствіе; они не боялись для нея вліянія французской пропаганды. Имъ казалось, впрочемъ, что для предохраненія отъ нея всего лучше не обременять народъ новыми налогами [3]). Король мечталъ о войнѣ, во имя принципа; предусмотрительные министры интересовались, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ, на кого падутъ военные расходы. Они не находили удобнымъ отнести ихъ на счетъ прусскаго казначейства.

[25]) *Rapp. de Stedingk*, 11 août 1791. Geffroy, t. II, p. 179.—Fersen, t, I, p. 28.

[1]) Отчетъ Мустье, 2 іюля 1791. *Mémoires d'un homme d'Etat*, Paris 1828 t. I, p. 122.

[2]) Haeussер, t. I, p. 320.

[3]) Мустье писалъ отъ 2-го августа 1791: «Повидимому, прусское правительство до сихъ поръ весьма спокойно относилось къ вліянію французской революціи на свои владѣнія. Дѣйствительно, если не стремятся къ новшествамъ, если поземельные налоги неуклонно взимаются по самымъ старинымъ кадастрамъ, если богатства справедливо распредѣлены, если государственные доходы превышаютъ расходы до такой степени, что возможны резервные фонды, наконецъ, если армія превосходно дисциплинирована,—то нечего опасаться революціи, въ особенности отъ такого народа, который не отличается ни подвижностью, ни непостоянствомъ». Haeussер, t. I, p. 312.

© ГПИБ СОРАН

Таково было ихъ настроеніе въ то время, когда австрійскій посланникъ князь Рейссъ передалъ имъ, 27-го іюля, меморію, редактированную согласно съ инструкціями Кауница. Записка эта имѣла цѣлью установленіе соглашенія по всѣмъ мѣрамъ, которыя должны быть приняты въ виду предстоящаго союза; въ числѣ такихъ мѣръ, Австрія настоятельно указывала на необходимость общей декларації союзниковъ, устраняющей всякую мысль о завоеваніи. Прусскіе министры весьма быстро пришли къ рѣшенію. Уже на слѣдующій день они предложили на разсмотрѣніе короля проектъ отвѣта, который былъ одобренъ государемъ и немедленно препровожденъ къ прусскому повѣренному въ дѣлахъ, Якоби [4]). Документъ этотъ отличался свойственнымъ берлинскому министерству практическимъ смысломъ. Тонъ не обличалъ энтузіазма, а духъ не свидѣтельствовалъ о безкорыстіи. Король принималъ въ принципѣ проектъ Австріи относительно соглашенія державъ; но онъ откладывалъ всякія практическія мѣры по отношенію къ французамъ до заключенія мира между Россіей и Турціей. Онъ отказывался прекратить всякія торговыя сношенія съ Франціей, такъ какъ это нанесло бы ущербъ его подданнымъ. Онъ требовалъ извѣстій о намѣреніяхъ прочихъ дворовъ и, въ особенности, англійскаго. Далѣе, раскрывая заднюю мысль, которая вскорѣ сдѣлалась руководящею и преобладающею во всѣхъ этихъ переговорахъ, онъ указывалъ, что система безкорыстія была бы вполнѣ понятна, если бы дѣло шло о спасеніи Людовика XVI и возстановленіи его власти, «но, продолжалъ онъ,—какъ поступимъ мы въ томъ случаѣ, если война не дастъ желаемаго результата и если измѣненіе настоящаго положенія вещей во Франціи встрѣтитъ непреодолимыя препятствія, а союзнымъ державамъ удастся завоевать Эльзасъ и Лотарингію? Въ этомъ случаѣ не было бы никакого основанія возвратить ихъ Франціи. Нѣмецкимъ князьямъ возвращены будутъ всѣ ихъ права; но владѣнія этихъ князей составляютъ не болѣе четвертой части названныхъ провинцій; что же дѣлать съ остальными? Если возвратить ихъ прежнему владѣльцу, то есть австрійскому дому, то очевидно, что такое возвращеніе не будетъ для меня безразличнымъ и, если не послѣдуетъ предварительнаго соглашенія по этому предмету, а равно и по поводу предоставленія мнѣ равноцѣннаго вознагражденія, то могутъ возникнуть разногласія, а быть можетъ—и полный разрывъ между союзниками. Въ виду этого я нахожу, что въ высшей степени важно заблаговременно условиться по этому пункту [5]).

[4]) Фридрихъ-Вильгельмъ Якоби, 28 іюля 1791. Vivenot, t. I, p. 218.—Письмо къ Леопольду, 30 іюля, см. тамъ же стр. 228.—Herrmann, *Dip. cor.*, p. 48 et suiv.

[5]) *Post-scriptum à la dépêche ostensible du 28 juillet*, Herrmann, *Dip. cor.*, p. 57.—Haeussen, t. I, p. 314.—Sybel, t. I, p. 304—305.

Прусскіе министры уже имѣли планъ округленія границъ. Имъ казалось, что самое подходящее для Пруссіи—будетъ присоединеніе къ ней австрійской Силезіи [6]). Имъ еще не былъ извѣстенъ прелиминарный вѣнскій договоръ. Ознакомившись съ нимъ, они нашли, что Бишофсвердеръ дѣйствовалъ недостаточно предусмотрительно: что онъ слишкомъ много заботился о принципахъ и слишкомъ мало объ обезпеченіяхъ. Статья объ ипотекахъ отсутствовала въ черновомъ наброскѣ договора, составленномъ 25-го іюля. Министры стали ждать отвѣта императора, чтобы уже по полученіи его приступить къ поправкамъ и дополненіямъ. Король не препятствовалъ имъ, находя, что осторожность практиковъ не можетъ повредить дѣлу. Вполнѣ увѣренный, что эта осторожность совѣтниковъ предохранитъ его отъ всякихъ необдуманныхъ обязательствъ, онъ предоставлялъ себѣ недорого стоющее проявленіе возвышенныхъ рыцарскихъ чувствъ. Онъ принималъ эмигрантовъ, льстившихъ его тщеславію и слабостямъ; онъ приглашалъ къ своему двору Булье, прося его выработать планъ военныхъ дѣйствій [7]), и, подъ рукою, поощрялъ Бишофсвердера продолжать играть добродѣтельную роль, которую тотъ взялъ на себя въ Вѣнѣ [8]).

Это сплетеніе ханжества, алчности, политическаго расчета и величія души сильно озабочивало императора, который былъ слишкомъ уменъ, чтобы его можно было обмануть. «Они постоянно повторяютъ, что надо подождать, условиться относительно способовъ», — говорилъ онъ Ферзену [9]);—«они желаютъ знать, на кого падутъ расходы; они хотятъ быть увѣренными въ платежѣ, но какъ ихъ убѣдить? Мнѣ кажется, что они желали бы получить что-нибудь подъ залогъ, но когда получатъ, захотятъ ли возвратить? Вы знаете, что то, что удобно взять, удобно и удержать, и мнѣ кажется, что таковъ именно ихъ принципъ. Къ тому же они ожидаютъ отвѣта Англіи...» Это было своего рода бѣличье колесо, и изъ всей этой дипломатической переписки можно было вывести лишь заключеніе о невозможности соглашенія между державами. Но помимо такого соглашенія, Леопольдъ не намѣренъ былъ что-либо предпринимать: онъ находилъ это «безполезною жертвою» [10]) и ни мало не стремился къ ней. Европа отказывалась вѣрить опасности, на которую онъ указывалъ;

[6]) *Rapport d'Ewart*, 4 août 1791. Herrmann, *Dip. cor.*, p. 74.

[7]) *Bouillé à Gustave III*, 11 août 1791. Feuillet, t. III, p. 435.—*Mémoires de Bouillé*, ch. XII, p. 292.

[8]) *Manstein à Bischoffswerder*, 2 août; *Kaunitz à Spielmann*, 14 août 1791. Vivenot, t. I, p. 222.

[9]) Fersen, *Journal*, 14 août. 1791, t. I, p. 14.

[10]) Леопольдъ Маріи Христинѣ, 6 августа 1791 г. Feuillet, t. III, p. 430.

въ сущности онъ и самъ не вѣрилъ въ нее. Всѣ эти прекрасные проекты вмѣшательства, выработанные его дипломатами, были въ его глазахъ лишь упражненіями на политическую тему. Совѣсть брата и государя мирилась въ немъ съ подобными размышленіями, и онъ вернулся къ своей излюбленной выжидательной системѣ. Извѣстія, получаемыя изъ Франціи, давали ему если не серьезный, то по крайней мѣрѣ благовидный къ тому поводъ.

Марія-Антуанета прислала ему, чрезъ посредство Ноаля, письмо, въ которомъ сообщала, что положеніе дѣлъ во Франціи измѣнилось, что подготовляютъ конституцію, что, принявъ ее, король обезпечитъ себѣ свободу и что онъ надѣется придти къ соглашенію съ Собраніемъ [11]). Отправляя это письмо, королева въ то же время извѣщала де-Мерси, что не слѣдуетъ вѣрить ни одному слову этого письма; что это—простая уловка съ цѣлью усыпить бдительность тюремщиковъ; что истинныя намѣренія ея остаются неизмѣнными, и что, ожидая отъ императора оффиціальнаго извѣщенія, которое могло бы успокоить Собраніе, она надѣется на продолженіе переговоровъ съ цѣлью вмѣшательства [12]).

Леопольдъ понялъ мысль сестры [13]), но ему было удобно притвориться непонимающимъ. Онъ увидѣлъ въ этомъ выходъ и воспользовался имъ. Онъ старался увѣрить себя, что при помощи покорности судьбѣ, времени и нѣкотораго умѣнья, Людовику XVI удастся спасти и жизнь свою, и признаки власти. Болѣе этого Леопольдъ и не желалъ для своего зятя; можно даже сказать, что изо всѣхъ исходовъ кризиса именно этотъ всего болѣе согласовался съ его собственною политикою. Лишь бы только не совершали покушеній противъ особъ королевской фамиліи, а Франція, низведенная до уровня Польши, нисколько не противорѣчила видамъ австрійскаго дома [14]). Съ той поры Леопольдъ принялъ окончательное рѣшеніе: онъ дѣлалъ видъ, что не понимаетъ и не отвѣчалъ на тайныя письма королевы и принималъ буквально притворныя декларація Людовика XVI, предназначенныя для введенія въ заблужденіе Собранія и публики. Леопольдъ совѣтовалъ Маріи-Антуанетѣ дѣйствовать въ духѣ примиренія, прибавляя даже, въ видахъ облегченія соглашенія между Тюильрійскимъ дворомъ и Собраніемъ, что добровольное признаніе королемъ

[11]) 30 іюня 1791 г. Arneth, p. 188.

[12]) Марія Антуанета—де-Мерси, 31 іюля и 1 августа 1791 г. Arneth, p. 193—194.

[13]) Въ дневникѣ Ферзена отъ 14 апрѣля читаемъ: «Онъ (императоръ) понялъ, что письмо было вынужденное и что они продолжаютъ ждать поддержки; повидимому, онъ рѣшился ее оказать, но оградивъ ихъ предварительно отъ буйствъ черни».

[14]) См. депешу Кауница Кобенцелю, 8 іюля 1791 г. Vivenot, t. I. p. 191.

конституціи обезпечило бы монархическій образъ правленія, послужило бы единственнымъ способомъ успокоенія державъ и сдѣлало бы излишними дѣйствія лиги, къ образованію которой онѣ приступали [15]). Таковъ былъ результатъ шестинедѣльныхъ совѣщаній. Европа пришла къ соглашенію лишь для того, чтобы предоставить французскаго короля его злой судьбѣ. Императоръ былъ вполнѣ удовлетворенъ подобнымъ исходомъ затруднительнаго кризиса. Его озабочивала въ эту минуту одна Польша; но онъ полагалъ, что, достигнувъ соглашенія съ Пруссіей, съумѣетъ уладить и это дѣло по собственному желанію.

Эти соображенія Леопольда не входили въ расчеты великой Екатерины. Она только что подписала прелиминаріи мирнаго договора съ Турціей, въ Галацѣ, 11 августа. Она оставляла за собою Очаковъ и полосу земли между Бугомъ и Днѣстромъ. Это было немного сравнительно съ тѣмъ, къ чему она стремилась три года назадъ, начиная эту восточную войну. Этой государынѣ не свойственно было довольствоваться малымъ, и если теперь она покидала такъ называемый «греческій планъ», то лишь на время и для того, чтобы привести въ исполненіе свои намѣренія относительно Польши. Мѣропріятія ея по французскимъ дѣламъ ограничивались дипломатическими заявленіями. Она отдала приказъ парижскому агенту Симолену выѣхать изъ Парижа немедленно вслѣдъ за представителями другихъ державъ. Въ Петербургѣ, канцлеръ Остерманъ объявилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ Женету, что не приметъ отъ него никакого сообщенія и что онъ запретилъ всѣмъ русскимъ подданнымъ принимать изъ его рукъ какое бы то ни было письменное сообщеніе «подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія» [16]).

Екатерина полагала, что ничего не можетъ быть легче обузданія французскихъ революціонеровъ. Она была убѣждена, что если пожелаетъ, то справится съ ними такъ же легко, какъ со шведами и поляками. Она считала французскія идеи пустяками, а революціонеровъ—простыми буянами. Мысль о возможности общаго національнаго отпора не допускалась ею. «Галламъ нуженъ Цезарь, который бы могъ завоевать ихъ», говорила она; «но это дѣло не трудное» [17]). «Бьюсь объ закладъ, что стоитъ только войску овладѣть двумя домишками, и всѣ эти овцы станутъ прыгать черезъ палку въ которую угодно сторону» [18]). Сказать это нетрудно; остается найдти палку и руку, способную ее держать. «Двадцати тысячъ

[15]) Леопольдъ Маріи Антуанетѣ 17 и 20 августа 1791 г. Arneth, p 198—200.

[16]) Отчеты Женета, 1 сентября и 14 октября 1791 г.

[17]) Письмо къ Гримму, 27 апрѣля 1791 г. *Corresp.* p. 506.

[18]) Тоже, 7 сентября 1791 г. *Corresp.* p. 551.

козаковъ было бы слишкомъ много, чтобы протянуть зеленый коверъ отъ Страсбурга до Парижа; 2000 казаковъ и 6000 кроатовъ было бы вполнѣ достаточно» [19]). Однако Екатерина не находитъ нужнымъ ихъ доставлять. Она предоставляетъ честь экспедиціи прусскому королю, надъ которымъ смѣется, и императору австрійскому, которому не довѣряетъ. «Это единственный человѣкъ, которому я прощаю его игру», говорила она о Леопольдѣ; «если онъ не обманываетъ, то мнѣ его жаль».

Въ этомъ отношеніи Леопольдъ менѣе чѣмъ кто-либо заслуживалъ сожалѣнія. Онъ весьма ясно угадывалъ намѣренія императрицы, а менѣе проницательный Фридрихъ-Вельгельмъ инстинктивно не довѣрялъ сочувствію могущественной государыни дѣлу, которое она такъ мало поддерживала. Рвеніе обоихъ нѣмцевъ сразиться на Рейнѣ охлаждалось по мѣрѣ того, какъ усиливалось стремленіе Россіи подвинуть ихъ на эту войну. Мало-по-малу они оставили Францію и обратили свое вниманіе на Польшу. Между тѣмъ Екатерина не теряла времени. Поляки, принадлежавшіе къ русской партіи, снова принялись за свои заговоры; шведскій король шумѣлъ во главѣ будущей коалиціи, а французскіе эмигранты, распростертые у ногъ русской царицы, оглашали міръ громомъ своей признательности.

III.

У эмиграціи былъ теперь и король и коннетабль. Королемъ былъ графъ Прованскій, выѣхавшій изъ Франціи въ концѣ іюня; коннетаблемъ—Густавъ III, прибывшій 14 числа въ Ахенъ [1]). Здѣсь онъ держалъ себя главою партіи и главнокомандующимъ монархической Европы, примѣшивая ко всѣмъ своимъ, даже наиболѣе серьезнымъ и благороднымъ, дѣйствіямъ нѣсколько шумливую и комическую торжественность. Онъ устраивалъ блестящіе пріемы эмигрантамъ, съѣзжавшимся въ Ахенъ съ цѣлью засвидѣтельствовать ему свою признательность. Три раза въ недѣлю онъ давалъ обѣды на сто кувертовъ своимъ благороднымъ французскимъ кліентамъ. Онъ смотрѣлъ героемъ, посредникомъ, въ особенности же покровителемъ и человѣкомъ принципа. Принципы, имъ выставляемые, отличались радикальною простотою. Пропаганда и эмиссары не казались ему важнѣйшею опасностью, которой подвергала Европу французская революція; по его мнѣнію, дѣйствительно серьозную опасность представляли «монархисты» и ихъ «метафизическое» правительство, которое, если ему удастся окрѣпнуть «подастъ еще болѣе опасный примѣръ

[19]) Письмо къ Гримму, 13 сентября 1791 г. *Corresp.* p. 556.

[1]) Geffroy, *Gustave III*, t. II, ch. IX.

и поколеблетъ престолы» [2]). Его логика доводила эти соображенія до ихъ крайнихъ предѣловъ; въ его глазахъ, монархія—все, а монархъ—ничто; лишь бы государь пользовался неограниченною властью, а какое имя онъ носитъ—совершенно безразлично. «Все равно»,—писалъ онъ Екатеринѣ [3]), царствуетъ ли Людовикъ XVI, Людовикъ XVII или Карлъ X, лишь бы тронъ былъ возстановленъ, лишь бы чудовище, засѣдающее въ манежѣ, было побѣждено, а разрушительные принципы уничтожены вмѣстѣ съ гнуснымъ собраніемъ и гнуснымъ логовищемъ, въ которомъ оно возникло. Единственное средство для этого—желѣзо и пушки. Весьма возможно, что въ настоящую минуту король и королева находятся въ опасности, но эта опасность не можетъ равняться съ тою, которою грозитъ французская революція всѣмъ вѣнценоснымъ главамъ».

Это—чистѣйшая доктрина общественнаго спасенія; она вполнѣ совпадала со взглядами, господствовавшими въ средѣ эмигрантовъ и даже въ средѣ приближенныхъ принцевъ крови. «Они внушаютъ мнѣ отвращеніе. Здѣсь замѣчается циничная радость»! писалъ Ферзенъ, пріѣхавъ въ Брюссель, послѣ событія въ Вареннѣ. «Я встрѣтилъ многихъ, говорившихъ, что арестъ короля—истинное счастье», передаетъ въ то же время Ожаръ [4]). Дѣйствительно, эмиграцію уже ничто не сдерживало: арестованіе Людовика XVI освобождало ее отъ повиновенія, которымъ она тяготилась, хотя и ранѣе не особенно соблюдала его. Немедленно по пріѣздѣ въ Брюссель, графъ Прованскій, старшій изъ братьевъ короля, обратился къ высшимъ представителямъ магистратуры, къ пэрамъ, придворнымъ сановникамъ, архіепископамъ и епископамъ. Было единогласно рѣшено, что въ силу французскихъ законовъ, несвободнаго положенія короля и дофина, братъ короля становится по праву и ipso facto—регентомъ французскаго королевства; что онъ можетъ и долженъ принять это званіе и что все отъ него исходящее должно разсматриваться какъ исходящее отъ самой королевской власти; что онъ не нуждается ни въ какомъ актѣ, ни въ какой предварительной формальности и вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ силу своего непосредственнаго права [5]). Принцы и ихъ совѣтники становились властителями «истинной Франціи»; они имѣли возможность слѣдовать исключительно внушеніямъ своего генія, спасать государство по собственному усмотрѣнію и принимать грандіозныя мѣры. Къ этому они и приступили, не теряя времени.

[2]) Geffroy, *Lettre à Stedingk*, 10 juillet 1791, t. II, p. 174.

[3]) 9 іюля 1791. Feuillet, t. III, p. 399.

[4]) Fersen, *Journal*, 10 juillet 1791, t. I, p. 4.— Augeard, *Mémoires*, p. 274.

[5]) *Mémoire de Gustave III à Catherine*, 9 juillet 1791. Feuillet, t. III, p. 395.

© ГПИБ СПбАРАН

5 іюля шведскій король собралъ на нѣкотораго рода совѣтъ графа Прованскаго, графа д'Артуа и епископа аррасскаго г. де-Конзье [6]). Густавъ, приказавшій еще 27 іюня Сталю порвать всякія сношенія съ французскимъ правительствомъ, изложилъ, какимъ образомъ онъ полагаетъ его ниспровергнуть для возстановленія прежняго порядка вещей.— Такъ какъ король несвободенъ, сказалъ онъ, то первый братъ короля долженъ принять титулъ регента, составить правительство, назначить посланниковъ, вести переговоры для пріобрѣтенія союзниковъ. Всѣ благомыслящіе французы, которые станутъ на его сторону, не будутъ мятежниками; напротивъ, они будутъ вѣрными подданными, борящимися противъ власти узурпаторовъ. По возвращеніи своемъ во Францію, первый братъ короля созоветъ вокругъ себя пэровъ, высшихъ придворныхъ сановниковъ, епископовъ, парламенты и дастъ слово сохранить старинные законы королевства и прежнія сословныя права. Старый порядокъ будетъ возстановленъ во всей своей цѣлости; будетъ водворена «чистая монархія» [7]).—Съ своей стороны, принцы объявили, что всѣ декреты конституціоннаго Собранія такъ ненавистны, «что невозможно сохранить ни одного, не потерявъ всего». «Король, которому возвращенъ будетъ его авторитетъ, даруетъ своимъ подданнымъ все то, чего они могутъ ожидать отъ его милосердія. Онъ исправитъ злоупотребленія и опредѣлитъ границы разумной свободы»... Но до тѣхъ поръ ни сдѣлки, ни уступки не допускаются. «Не существуетъ ни одной, которая была-бы примѣнима въ настоящую минуту. Нельзя идти на соглашеніе съ преступленіемъ, нельзя довѣриться коварству; нельзя сноситься съ Собраніемъ, не имѣющимъ законнаго значенія»... «Только силою оружія возможно подчинить фанатизмъ общественнаго мнѣнія» [8]). Эта сила должна быть непреодолимой: Густавъ III ручается за нее. Создавъ въ своемъ воображеніи и по политическимъ романамъ Колонна фантастическую Европу, онъ уже видѣлъ какъ 35000 австрійцевъ вторгаются во Францію чрезъ Фландрію, 12000 швейцарцевъ вступаютъ въ нее чрезъ Франшъ-Конте, 15000 сардинцевъ—чрезъ Дофине, 20000 испанцевъ чрезъ Пиренеи; 16000 шведовъ съ 6-ю или 8000 русскихъ высадятся подъ его начальствомъ въ Нормандію, займутъ берега Сены и заморятъ голодомъ Парижъ, между

[6]) Записка, прочитанная шведскимъ королемъ Екатеринѣ II, 9 іюля 1791, Feuillet, t. III, p. 379—391.—*Les princes á Catherine, 31 juillet 1791.* Feuillet.

[7]) La Rochetebie.

[8]) Слова, отмѣченныя кавычками, извлечены изъ письма къ Екатеринѣ. Feuillet, t. II. p. 192—193.—Fersen, t. I, p. 7, *Journal* du 25 juillet: «Графъ д'Артуа не желаетъ никакихъ переговоровъ, онъ стоитъ исключительно за военную силу».

тѣмъ какъ принцы съ эмигрантами и имперскими войсками проникнутъ во Францію чрезъ Брисгау и Эльзасъ. Англія не будетъ препятствовать. Въ случаѣ надобности ей заплатятъ за нейтралитетъ Антильскими островами.

Этотъ планъ былъ принятъ принцами и ихъ союзникомъ. Но принявъ его, надо было найдти денежныя средства и солдатъ, то есть заручиться содѣйствіемъ Европы. Густавъ III взялъ на себя роль представителя регентства, которое было создано почти имъ самимъ. Онъ уже ранѣе написалъ прусскому королю, теперь написалъ и испанскому [9]); онъ поручилъ Ферзену привлечь къ дѣлу императора и послалъ пространную меморію русской императрицѣ, отъ которой ждалъ всего. Затѣмъ онъ призвалъ маркиза Буллье для совѣщанія о практическомъ выполненіи своего плана. Буллье пріѣхалъ, раздраженный своимъ безсиліемъ спасти короля, возбужденный противъ революціи и съ такою жаждой мести, что утратилъ всякую мѣру и сдержанность. Онъ написалъ Собранію безразсудное письмо [10]): «Я хотѣлъ спасти родину, короля и его семью... Вы отвѣтите за ихъ жизнь не мнѣ, а передъ лицомъ всѣхъ государей; объявляю вамъ, что если тронутъ хотя одинъ волосъ съ ихъ головы, то не останется камня на камнѣ въ Парижѣ. Я знаю пути, я проведу по нимъ иностранныя арміи!».. Буллье намѣтилъ вмѣстѣ съ Густавомъ III промежуточныя станціи. Обращая противъ Франціи свѣдѣнія, которыя поручено было ему собрать до того времени въ видахъ ея защиты, онъ указалъ шведскому королю границу, беззащитную по отношенію къ иноземному нашествію, указалъ на французскую армію, обреченную на неминуемую гибель, лишенную офицеровъ, страдающую отсутствіемъ дисциплины, недостаткомъ боевыхъ снарядовъ; укрѣпленные пункты пришли въ ветхость, не имѣютъ артиллеріи и переполнены сообщниками, готовыми предать ихъ въ руки непріятеля. Онъ надѣялся, довѣрившись такимъ образомъ шведскому королю, что этотъ государь не злоупотребитъ этимъ довѣріемъ въ ущербъ Франціи [11]). Онъ видѣлъ въ немъ единственнаго безкорыстнаго союзника Людовика XVI и смѣшивалъ спасеніе своего государя съ избавленіемъ родины и государства: этимъ оправдывали свои поступки предъ исторіей многіе мужественные люди того времени, подобно Буллье выбитые изъ колеи революціонной бурей и одинаково съ нимъ неспособные ни измѣрить ея силы, ни понять ея направленія.

[9]) Густавъ III прусскому королю, 3 іюля 1791; испанскому—16 іюля 1791. Geffroy, t. II, p. 186., Екатеринѣ—9 іюля, Feuillet, t. III, p. 391; Ферзену—21 іюля, Fersen, t. I, p. 148.

[10]) 26 іюня. *Mémoires de Ferrières*, Paris, 1822, t. II, p. 472.—*Moniteur*, t. IX, p. 6.—La Rochetebie, см. выше о томъ-же.

[11]) Bouillé, *Mémoires*, ch. XII et Appendice: «*Notes sur les affaires de France*».

Густавъ III нашелъ, что ему уже излишне принимать какіе либо новые совѣты и выслушивать чужія мнѣнія; онъ не сомнѣвался ни въ содѣйствіи державъ, ни въ успѣхѣ предпріятія и уѣхалъ въ Швецію, съ цѣлью ускорить военныя приготовленія къ предстоящей кампаніи.

Французскіе принцы старались возбудить у иностранныхъ дворовъ сочувствіе къ своему регентству. Прежде всего они обратились къ великой Екатеринѣ [12]). Эта императрица выполнила такъ много изумительныхъ дѣлъ со времени вступленія своего на престолъ; она выказала въ теченіе своего славнаго царствованія такую рѣдкую геніальность, что ослѣпленіе ея величіемъ, даже со стороны принцевъ славнѣйшаго изъ европейскихъ царственныхъ домовъ, было вполнѣ понятно. Тѣмъ не менѣе, эти внуки Людовика XIV выказали ничѣмъ не оправдываемую угодливость [13]). Графъ Прованскій, редактировавшій посланіе, расточалъ въ этомъ документѣ всѣ сокровища остраго ума, которымъ гордился. Екатерина слыла почитательницею «Генріады». Братъ Людовика XVI не поскупился на намеки по поводу Генриха IV, и притомъ въ такомъ родѣ, который нисколько не соотвѣтствовалъ способу выраженія этого гордаго и насмѣшливаго беарнца: «Когда Генрихъ IV считалъ за честь званіе рыцаря королевы Елизаветы, онъ уже могъ назвать себя героемъ, мы же еще не совершили ничего достойнаго привлечь взоры Екатерины». Всего лучше въ этомъ приторномъ посланіи было слѣдующее мѣсто заключенія, представляющее впрочемъ крайне наивное и полное иллюзій обращеніе къ ученицѣ и сотрудницѣ великаго Фридриха: «Соединенная поддержка Россіи и Швеціи имѣетъ неоцѣненное преимущество: очевидность ея безкорыстія. Безъ сомнѣнія, справедливо, чтобы возстановленная на прежнихъ основахъ французская монархія вознаградила державы, протянувшія ей руку помощи, путемъ ли субсидій, или иного рода уплаты за авансы и военные расходы. Но раздѣлы, которые съузили бы предѣлы королевства и нарушили бы европейское равновѣсіе, не должны быть цѣною великодушной поддержки, обѣщанной принцамъ—братьямъ короля, дѣйствующимъ его именемъ и ради защиты его короны. Отъ нихъ не требуютъ ничего подобнаго... Примѣръ Екатерины II и значеніе ея вліянія достаточны для того, чтобы устранить всякія сомнѣнія, могущія возникнуть у французской націи въ этомъ отношеніи». Нельзя не признать, что рядомъ съ двусмысленными мотивами, побудившими графа Прованскаго присвоить себѣ регенство, послѣдній, по крайней мѣрѣ, заслуживаетъ уваженія. Этотъ принцъ льстилъ себя надеждой, что если онъ станетъ во главѣ коалиціи, союзники его не оберутъ государя, права котораго отстаивали вмѣстѣ съ нимъ. Такой взглядъ казался принципіально вѣрнымъ, но дѣло въ томъ, что Европа менѣе всего озабочивалась именно принципами, и не такимъ тономъ слѣдовало говорить съ нею, чтобы быть ею выслушаннымъ.

[12]) Меморія принцевъ, посланная Екатеринѣ II, 31 іюля. Feuillet, t. II, p. 189.

[13]) «Нѣтъ такого рода славы, которой ваше величество не были бы причастны: вы раздѣляете съ Петромъ Великимъ великую заслугу созданія обширной имперіи, такъ какъ если онъ первый вызвалъ ее изъ хаоса, то ваше величество, подобно Прометею, достали солнечный лучъ для ея оживотворенія»

Принцы расчитывали на Россію; они полагали, что весьма не трудно будетъ также добиться содѣйствія прусскаго короля; оставалась наиболѣе трудная часть задачи—повліять на императора [14]). Не теряя энергіи послѣ многихъ неудачъ, испытанныхъ именно съ этой стороны, они рѣшились, на новую попытку. Графъ д'Артуа, въ сопровожденіи Калонна и Эстергази, отправился въ Вѣну, куда и прибылъ 15-го августа [15]). Въ это самое время Леопольдъ собирался въ Пильницъ, для свиданія съ прусскимъ королемъ. Посѣщеніе графа д'Артуа показалось ему въ высшей степени несвоевременнымъ; однако онъ не нашелъ возможнымъ избѣжать его и принялъ принца и его спутниковъ 20-го августа. Графъ д'Артуа изложилъ свои планы и напомнилъ «обѣщанія, данныя ему императоромъ въ Италіи». Леопольдъ отвѣтилъ, что графъ преувеличиваетъ значеніе сказанныхъ тогда словъ; что все зависитъ отъ европейскаго соглашенія, а соглашеніе это встрѣчаетъ серьезныя затрудненія. Графъ д'Артуа настаивалъ, спорилъ по поводу выраженій и такъ горячился, что императоръ, желая положить конецъ разговору, объявилъ, что беретъ назадъ то, что обѣщалъ. При этихъ словахъ французскій принцъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, а въ Вѣнѣ распространился слухъ, что онъ дошелъ до того, что предложилъ императору Лотарингію, лишь бы заставить его подтвердить прежнія обѣщанія [16]). Леопольдъ остался непоколебимымъ. Графъ д'Артуа добился только одного: разрѣшенія пріѣхать въ Пильницъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ его предупредили, что присутствіе его тамъ будетъ совершенно безполезно и ничего не измѣнитъ въ намѣреніяхъ императора [17]). Тонъ рѣчей австрійскихъ министровъ способенъ былъ повергнуть въ еще бо́льшее уныніе; они не скрывали, что «смотрятъ на ослабленіе Франціи какъ на большое преимущество для австрійскаго дома и что было бы не-

[14]) *Les princes à Flachslanden*, 2 juillet 1791. Feuillet, t. II, p. 43.

[15]) *Mémoires d'Esterhazy*, extrait publié par Feuillet, t. IV, p. 59.—Sybel tr. f., t. I, p. 308.

[16]) Sybel, t. I, p. 308. — Haeussер, t. I, p. 322. — Herrmann, *Dip. cor.* p. 65—68.

[17]) *Mémoires d'Esterhazy*, Feuillet, t. IV, p. 59.

согласно съ политикою этого дома возвращать Франціи ея прежнее могущество, не получивъ по крайней мѣрѣ въ замѣнъ крупнаго вознагражденія». Кауницъ находилъ, что «французскія дѣла непоправимы». Онъ совѣтовалъ своему государю не принимать въ нихъ никакого участія. «Впрочемъ,—прибавлялъ онъ,—если Людовикъ XVI придетъ къ соглашенію съ Собраніемъ, то война окажется безполезной». Императоръ не только не готовился къ войнѣ, но намѣревался ограничить свои вооруженія [18]). Въ такомъ-то настроеніи отправился онъ 22 августа въ Саксонію. Въ тотъ же день выѣхалъ графъ д'Артуа со свитою, пополненною нѣсколькими вліятельными эмигрантами.

IV.

Пильницъ—замокъ въ окрестностяхъ Дрездена и лѣтняя резиденція саксонскихъ государей. Императоръ прибылъ туда 25 августа съ маршаломъ Ласи и барономъ Шпильманомъ, референдаріемъ дворцовой и государственной канцеляріи, интриганомъ довольно мелкаго разбора, своего рода факторомъ, поднявшимся изъ весьма низкаго общественнаго положенія и пользовавшимся закулиснымъ вліяніемъ, благодаря милости императора. Онъ началъ съ роли наперсника и мѣтилъ теперь на вторыя роли: по своему характеру, происхожденію и наклонностямъ это былъ вполнѣ подходящій партнеръ для полковника Бишофсвердера. Шпильманъ уже сносился въ Вѣнѣ съ любимцемъ прусскаго короля. Онъ снова встрѣтился съ нимъ въ свитѣ этого государя. Фридрихъ-Вильгельмъ явился въ Пильницъ нѣсколькими минутами позднѣе императора; онъ привезъ съ собою одного изъ важнѣйшихъ придворныхъ сановниковъ, князя Гогенлоэ-Ингельфингена и довѣреннаго адъютанта Манштейна, тайнаго соперника Бишофсвердера, выказывавшаго, тѣмъ не менѣе, большое расположеніе къ королевскому фавориту. Наслѣдники прусскаго и австрійскаго престоловъ сопровождали своихъ августѣйшихъ отцовъ. Это было первое изъ послѣдовавшихъ затѣмъ безчисленныхъ свиданій между Францемъ II и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, въ теченіе необычайныхъ событій, подготовлявшихся въ то время и обусловившихъ бурное поприще ихъ обоихъ.

Пріемъ оказанный саксонскимъ курфирстомъ, былъ блестящъ: роскошный банкетъ съ послѣдовавшимъ за нимъ торжественнымъ спектаклемъ, иллюминаціей, блестящимъ вечернимъ собраніемъ и ужиномъ заняли весь день и часть ночи. Среди празднествъ, которыя продолжались и на слѣдующій день, государи могли обмѣняться мнѣніями лишь урывками и въ общихъ чертахъ. Тѣмъ не менѣе эти бесѣды произвели прекрасное впечатлѣніе на обѣ стороны. «Король прусскій,—писалъ Леопольдъ [1]),—былъ какъ нельзя болѣе прямодушенъ, дружественъ и искренен со мною; мнѣ кажется, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ пользѣ союза и дѣйствительно желаетъ его заключенія». Государи ограничились взаимнымъ засвидѣтельствованіемъ довѣрія, въ сущности и не имѣлось иной цѣли при этомъ свиданіи. Министры вели рѣчь о Польшѣ, но не приходя ни къ какому рѣшенію, и весьма вѣроятно, что въ Пильницѣ не стали бы обсуждать никакого серьезнаго дѣла, если бы не явились туда французы [2]). Графъ д'Артуа пріѣхалъ въ замокъ 26 августа, окруженный всѣми дипломатами и всѣмъ военнымъ совѣтомъ эмиграціи: Конде, Калоннъ, Ролль, Эстергази, д'Эскаръ, Полиньякъ, Флокспанденъ, Шатонёфъ и наконецъ Булье—всѣ были на лицо. Булье привезъ планъ кампаніи, выработанный подъ наблюденіемъ графа Прованскаго маршалами: Брольи и де-Кастри [3]). Принцъ Нассау-Зигенскій, оффиціозный агентъ Екатерины, состоявшій при французскихъ принцахъ, присоединился къ ихъ свитѣ. Цѣлью этого шумнаго визита было открыто показать прикосновенность германскихъ государей къ дѣлу французскаго дворянства и увлечь ихъ къ такимъ поступкамъ, которые они впослѣдствіи неминуемо должны были бы подтвердить насильственными дѣйствія, напримѣръ оккупаціей Эльзаса [4]). Король прусскій, повидимому, склонялся къ этому: мысль ввести свои войска во французское королевство льстила его самолюбію; къ тому же за этимъ могли послѣдовать территоріальные обмѣны, къ которымъ онъ не былъ равнодушенъ. Онъ написалъ уже изъ Пильница своему дипломатическому агенту въ Вѣнѣ Якоби [5]): «То, что вы сообщаете по поводу Лотарингіи, о которой шла рѣчь въ Вѣнѣ между императоромъ и графомъ д'Артуа и которая могла бы служить вознагражденіемъ за военныя издержки,—весьма важно и заслуживаетъ величайшаго вниманія». Такъ разсуждалъ этотъ государь въ ту самую минуту, когда эмигранты, убѣжденные въ его великодушіи, обманывали себя надеждой на его безкорыстіе.

Графъ д'Артуа развилъ свой планъ предъ императоромъ и прусскимъ королемъ. «Онъ страшно [6]) настаивалъ», добиваясь ихъ согласія относительно десяти *имѣющихъ быть рѣшенными пунктовъ*, которые онъ представилъ въ письменномъ изложеніи [7]); сущность ихъ заключалась въ

[18]) *Rapports de Jacobi*, 20 et 29 août 1791. Herrmann, *Dip. cor.*, p. 67—69.

[1]) Кауницу, отъ 30 августа 1791. Beer, *Kaunitz*, p. 424.
[2]) Отчетъ Шпильмана, Vivenot, t. I, p. 236.—Sybel, t. I, p. 311.
[3]) Bouillé, *Mémoires*, p. 293.
[4]) *Léopold à Kaunitz*, 30 août, Beer, *Kaunitz*.
[5]) 28 августа 1791. Herrmann, *Dip. cor.*, p. 68.
[6]) Слова Леопольда. Письмо къ Кауницу.
[7]) *Points à fixer*, Vivenot, t. I, p. 231.

признаніи регентомъ графа Прованскаго, въ наборѣ войскъ въ предѣлахъ имперіи, въ организаціи ихъ въ Нидерландахъ, въ вооруженіяхъ для оказанія поддержки дѣйствіямъ принцевъ и въ манифестѣ къ французамъ, грозящемъ мятежнымъ депутатамъ Собранія, въ случаѣ покушенія на жизнь короля,—*страшнѣйшими казнями*, а Парижу—*разрушеніемъ*. Леопольду были извѣстны эти намѣренія и онъ нисколько не одобрялъ ихъ. По уходѣ графа д'Артуа, онъ оспаривалъ ихъ, стараясь убѣдить прусскаго короля. Но планы эмигрантовъ отвѣчали желаніямъ самого Фридриха-Вильгельма, и онъ не оставался равнодушнымъ къ лести, на которую они были весьма щедры; однако же основною чертою его было все-таки благоразуміе, и къ тому же онъ подчинялся вліянію Леопольда. Онъ не обманывалъ себя относительно затрудненій, могущихъ явиться вслѣдствіе войны, предпринятой помимо обезпеченнаго содѣйствія Европы: онъ сознавалъ ея опасности и не былъ увѣренъ въ ея выгодахъ. Союзники рѣшили отвѣтить на требованія графа д'Артуа по пунктамъ [8]): регентство брата короля можетъ привести къ результату, противоположному тому, который былъ бы желателенъ; то есть возвращенію довѣрія народа Людовику XVI; манифестъ можетъ исходить исключительно изъ соглашенія державъ; державы уже приглашены къ образованію союза; надлежитъ ждать ихъ отвѣта; императоръ не имѣетъ возможности облегчить принцамъ вербовку войскъ въ предѣлахъ имперіи, и если онъ дозволяетъ эмигрантамъ «спокойно» проживать въ его владѣніяхъ, то не можетъ допустить ихъ организовываться на военную ногу ранѣе, чѣмъ будетъ установлено по этому поводу соглашеніе между державами.

Затѣмъ, такъ какъ нельзя было прямо выпроводить столь высокорожденнаго принца и всю его блестящую аристократическую свиту, то ихъ пригласили принять участіе въ банкетахъ и празднествахъ. Они не замедлили на нихъ появиться; волновались и выставляли на-показъ свои внѣшнія отличія, что придавало имъ нѣкоторый вѣсъ и значеніе въ глазахъ ихъ сторонниковъ и публики. Они искали бесѣдъ съ глазу на глазъ, бѣгали за министрами и любимцами, докучали имъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ особенности настаивали они на необходимости манифеста. Шпильманъ находилъ, что графъ д'Артуа и Калоннъ проявляли по этому поводу «безпримѣрную наглость и докучливость».

Впрочемъ съ пруссаками не такъ трудно было ладить, какъ съ австрійцами. Калоннъ имѣлъ дѣловое свиданіе съ княземъ Гогенлоэ и Бишофсвердеромъ; но бесѣда не дала ожидаемыхъ имъ результатовъ [9]). «Генералъ Гогенлоэ сказалъ мнѣ», передаетъ Ферзенъ [10]), «что вспыльчивость, безтактность и легкомысліе г. де-Калонна испугали прусскаго короля и охладили самого Бишофсвердера».

[8]) Извѣстное сообщеніе императора. Vivenot, t. I, p. 233.

[9]) 26 августа. *Mémoires d'Esterhazy.*

Послѣ усиленныхъ стараній и заискиваній у министровъ, графъ д'Артуа добился, наконецъ, созванія конференціи, которая должна была обсуждать вопросъ о манифестѣ. Это была idée fixe эмигрантовъ, по мнѣнію которыхъ манифестъ однимъ своимъ появленіемъ уничтожитъ революцію и революціонеровъ. Леопольдъ же увидѣлъ въ манифестѣ способъ избавиться отъ стѣснявшихъ его гостей; онъ полагалъ также, что угроза вмѣшательствомъ заставитъ призадуматься французовъ и приведетъ ихъ къ примиренію съ королемъ. Шпильману поручено было изготовить текстъ, могущій примирить всѣ воззрѣнія, не высказываясь опредѣленно ни за одно. Избавиться отъ эмигрантовъ, не отрекаясь отъ нихъ публично, встревожить французовъ, не раздражая ихъ безъ мѣры, поддерживать замыслы двора, не вызывая въ то же время гнѣва революціонеровъ, однимъ словомъ, казаться дѣйствующими и не обязывать себя ни къ чему—такова была цѣль туманной и двусмысленной декларациіи, черновой набросокъ которой сдѣлалъ Шпильманъ [11]).

Леопольдъ одобрилъ его, найдя, что все было расчитано для того, чтобы «графъ д'Артуа не могъ злоупотребить декларацією, если бы того пожелалъ» [12]). Декларацію должны были подписать: императоръ и прусскій король; въ ней значилось, что оба эти монарха, выслушавъ представленія брата короля и графа д'Артуа, отнеслись къ положенію Людовика XVI а равно и къ возстановленію порядка въ монархіи, какъ къ дѣлу общаго всѣмъ государямъ интереса.

«Ихъ величества надѣются, что общность этого интереса не замедлитъ быть признанной державами, къ *помощи которыхъ обратились*... и что, слѣдовательно, *онѣ не откажутся* прибѣгнуть совокупно съ ихъ величествами къ наиболѣе дѣйствительнымъ средствамъ, по силѣ и возможности каждой... Въ семъ послѣднемъ случаѣ, ихъ величества, императоръ и король прусскій, рѣшили дѣйствовать безотлагательно и по общему согласію въ видахъ достиженія общей цѣли. До тѣхъ же поръ они отдадутъ войскамъ надлежащіе приказы, дабы содержать ихъ въ готовности къ дѣйствію».

Въ этой декларациіи все было гадательно: вооруженія, о которыхъ въ ней упоминалось, были поставлены въ зависимость отъ проблематичнаго соглашенія между державами. О соглашеніи говорилось, какъ о далекой

[10]) Отчетъ Густаву III 27 сент. 1791. Feuillet, t. IV, p. 107.

[11]) Vivenot, t. I, p. 234.

[12]) Письмо къ Кауницу. Beer, *Kaunitz*, p. 425.

ОТДЕЛ ОБРАН

надеждѣ; его требовали, но ничто не указывало на его близость, или даже вѣроятіе. Дѣло въ томъ, что Леопольдъ, увѣдомленный о намѣреніяхъ Англіи, смотрѣлъ на содѣйствіе Европы, какъ на вещь невозможную, а потому не обязывалъ себя ни къ чему. «Слова *тогда* и въ *такомъ случаѣ*,—говорилъ онъ,—вотъ для меня законъ и пророки; если Англія не будетъ съ нами—*случая* не будетъ существовать» [13]).

Конференція происходила 27 августа. Въ ней участвовали: Калоннъ, Шпильманъ и Бишофсвердеръ. Калоннъ былъ несговорчивый, посредственный и преисполненный самомнѣнія дипломатъ; но онъ былъ истымъ царедворцемъ, былъ опытенъ въ интригахъ, и если ему недоставало инстинкта въ великихъ дѣлахъ, то въ малыхъ онъ обладалъ весьма тонкимъ чутьемъ. Онъ не поддался на нѣмецкія хитрости. Находя декларацію «редактированную въ крайне-неопредѣленныхъ выраженіяхъ и двусмысленныхъ фразахъ, такъ что дѣйствіе ея будетъ очевидно ничтожно» [14]), онъ принялся спорить противъ текста и горячился, желая ввести въ него поправку, могущую измѣнить его смыслъ и значеніе. Противники его были люди упорные, вкрадчивые и изобрѣтательные. Они постоянно находили возраженія, и онъ выходилъ изъ себя. «Онъ выказалъ вспыльчивость и легкомысліе [15]),—говоритъ императоръ.—Когда ему противорѣчили, онъ восклицалъ: «о, мнѣ пришла неожиданная мысль!» И эта мысль была новымъ безразсудствомъ». Спорили въ особенности по поводу послѣдней фразы о вооруженіяхъ. Вынужденный довольствоваться этимъ векселемъ, безъ опредѣленной величины и опредѣленнаго срока уплаты, Калоннъ прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы истолковать его въ смыслѣ обязательства со стороны государей—привести въ боевой порядокъ всѣ свои войска и начать кампанію въ ту же зиму. Несмотря на его «невѣроятную вспыльчивость» и на не менѣе горячую настойчивость графа д'Артуа, нѣмцы не уступили ни на волосъ. Они съ такимъ же упорствомъ отстаивали свой текстъ, съ какимъ французы нападали на него. Нѣмцы одержали верхъ послѣ долгой борьбы. Декларація была подписана 27 августа со всѣми оговорками и подразумѣваемыми условіями, которыя, по мысли самихъ подписавшихъ ее, отнимали у нея всякое практическое значеніе [16]).

V.

Это было полнѣйшею неудачею для эмигрантовъ; но не такіе были они люди, чтобы смутиться отказомъ. Они были очень свѣдущи въ дѣлѣ

[13]) Sybel, t. I, p. 311.
[14]) *Mémoires d'Esterhazy.*
[15]) Fersen, *Journal*, t. I, p. 28.
[16]) Леопольдъ Кауницу, 30 авг. Beer, p. 425.

умѣнья себя держать. Такъ и въ этомъ случаѣ они нашлись и выдавали всѣмъ за обѣщаніе союза отказъ, который только что былъ имъ выраженъ въ дипломатической формѣ. Ранѣе они жаловались на неопредѣленность декларації; теперь они замѣтили, что двусмысленность можетъ быть обращена ими въ свою пользу. Они задались цѣлью взять съ комментаріевъ то, въ чемъ отказывалъ имъ текстъ, и старались окружать нѣмецкихъ государей, чтобы подтверждать ихъ мнимою милостью слухи, распространяемые ими самими по поводу якобы состоявшагося соглашенія Австріи и Пруссіи съ графомъ д'Артуа.

Леопольдъ держался на сторожѣ. Обмѣнявшись съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ новыми увѣреніями въ полномъ согласіи относительно имперскихъ и польскихъ дѣлъ, онъ уѣхалъ изъ Пильница, твердо рѣшившись держаться самой буквы декларації. Онъ отправился въ Прагу для возложенія на себя богемской короны. За нимъ послѣдовали: наслѣдный принцъ прусскій, князь Гогенлоэ и Ферзенъ. Булье и Полиньякъ присоединились къ нимъ, чтобы служить совѣтами, доставлять свѣдѣнія и поощрять рвеніе союзниковъ. Прусскій наслѣдный принцъ не былъ посвященъ въ государственныя дѣла: что касается Гогенлоэ, то король увѣдомилъ Леопольда, что не поручалъ князю никакой миссіи [1]). Гогенлоэ понялъ, что единственный способъ угодить императору — не говорить ни слова о войнѣ [2]). Когда Булье попытался заговорить о войнѣ съ Ласи, маршалъ отвѣтилъ, что не имѣетъ инструкцій для подобной бесѣды, что подобную войну нельзя начинать необдуманно, что Франція владѣетъ обширными средствами и что, по его мнѣнію, границы королевства неуязвимы [3]). Леопольдъ былъ откровененъ только съ Ферзеномъ: онъ находилъ его болѣе разсудительнымъ, чѣмъ эмигранты, болѣе скромнымъ и болѣе преданнымъ интересамъ королевской фамиліи. Онъ показалъ себя взволнованнымъ униженіями, которыя приходилось испытывать его сестрѣ, и опасностью, которая грозила ей; но когда Ферзенъ попытался коснуться вопроса о помощи, императоръ уклонился. Онъ указывалъ на позднее время года, на необходимость единодушія между державами, на Англію, безъ которой нельзя было обойтись и намѣренія которой были неизвѣстны и, наконецъ, на возможность соглашенія между королемъ и Собраніемъ, по поводу конституціи [4]). Идея гипотетическаго концерта оставалась попрежнему неопредѣленной и неуловимой. Императоръ замѣчалъ по временамъ, что имѣющій собраться конгрессъ долженъ быть вооруженнымъ; Кобенцель и

[1]) Fersen, *Journal*, t. I. p. 30.
[2]) Haeussер, t. I, p. 322—323.
[3]) Bouillé, *Mémoires*, ch. XII, p. 296—297.
[4]) Fersen, *Journal*, 2—18 sept. 1791, t. I, p. 22—30.

СПИТБ ОСРАН

Шпильманъ утверждали, что этого не должно бы быть [5]). Всѣ съ недовѣріемъ относились къ пруссакамъ, въ свою очередь не скрывавшимъ собственнаго недовѣрія къ новымъ союзникамъ. «Они хотятъ воспользоваться этимъ для своихъ происковъ», писалъ Ферзенъ, послѣ разговора съ Гогенлоэ [6]). Ко всему этому присоединились тревожные слухи о замыслахъ Россіи и опасенія, вызываемыя ея приготовленіями по отношенію къ Польшѣ [7]). Ничто, слѣдовательно, не обѣщало близкаго осуществленія пильницской декларацiи. Императоръ, его канцлеръ и министры, всѣ были согласны въ томъ, что все должно быть отложено до вотированія конституціи. Прусскій король сдался на ихъ увѣщанія и даже написалъ своему вѣнскому агенту, чтобы онъ далъ такое направленіе дѣламъ, которое лишило-бы всякаго значенія конференцію 27 августа [8]). Эмигранты возобновили свои усилія. Князь Полиньякъ жилъ въ Прагѣ на большую ногу, по случаю коронаціи. При дворѣ Леопольда говорили, что «у Полиньяка нѣтъ ничего, кромѣ посуды и повара». Поэтому онъ и извлекалъ изъ этихъ средствъ все, что могъ [9]). Онъ вручилъ императору письмо отъ графа д'Артуа, докладную записку, касавшуюся регентства другого брата Людовика XVI и мнимыхъ пильницскихъ обѣщаній. Императоръ находилъ всѣ эти ходатайства крайне докучными. «Я принужденъ былъ отвѣтить ему рѣзко», писалъ онъ сестрѣ своей Маріи-Христинѣ [10]), «и объявить, что выражу публичное порицаніе всему, что они предпримутъ вопреки нашимъ пильницскимъ рѣшеніямъ. Эти принцы со своими планами и въ особенности руководитель ихъ Калоннъ—большой негодяй, вмѣшивающійся во все,—думаютъ только о себѣ, а вовсе не о королѣ и успѣхѣ дѣла; они желаютъ только интриговать и связать меня и прусскаго короля какимъ-нибудь обязательствомъ, чтобы заставить насъ потомъ поддерживать его всѣми нашими силами... Съ такими людьми невозможно вести дѣло, а королю и королевѣ можно помочь лишь при содѣйствіи всѣхъ дворовъ, что будетъ трудно: Испанія не хочетъ дѣйствовать, а Англія желаетъ мѣшать ея участію». Леопольдъ не ограничился одними заявленіями своихъ мнѣній: онъ санкціонировалъ ихъ,

[5]) Ферзенъ Густаву III, 21 сент. 1791. Feuillet, t. IV, p. 105.

[6]) *Journal*, 6 sept., t. I, p. 25.

[7]) Herrmann, *Geschichte Russland's*, t. VI, p. 445; *Dip. corr.*, p. 226.

[8]) Ibid. *Dip. corr.*, p. 99.

[9]) Fersen. t. I, p. 25.—Отчетъ, предст. Густаву III, 21 сент..—Feuillet, t. IV, p. 105.—Haeusser, p. 322.—Vivenot, t. I, p. 235.

[10]) 5-го сентября 1791. Feuillet, t. IV, p. 86.—Императоръ графу д'Артуа, 5 сент. Vivenot, t. I, p. 243.

нѣкоторымъ образомъ, министерскою конференціей, засѣдавшей 10 сентября и совѣщаніе которой было передано въ особомъ протоколѣ [11]).

Онъ побесѣдовалъ со своими офицерами о передвиженіяхъ войскъ, которыя потребовались бы въ случаѣ созванія конгресса и согласія союзныхъ державъ приступить къ мобилизаціи. Но эти военныя соображенія пока не вели ни къ чему. Прочія мѣры также были пріостановлены. Происки штатистовъ въ Бельгіи и интриги ихъ съ венгерскими эксъіезуитами озабочивали императора несравненно болѣе, чѣмъ французскія дѣла. Онъ писалъ сестрѣ своей регентшѣ 5 сентября: «Изъ войскъ, которыя вы имѣете въ Нидерландахъ, не будетъ двинуто ничего противъ Франціи» [12]). Онъ не только не побуждалъ имперію браться за оружіе, но задерживалъ даже ратификацію *conclusum*'а сейма, по поводу Эльзаса [13]). Однимъ словомъ, онъ пускалъ въ ходъ всѣ свои дипломатическіе рессурсы, чтобы затягивать дѣло и облегчить сдѣлку между королемъ и представителями Франціи, что казалось ему самымъ лучшимъ и простымъ исходомъ. Такой исходъ совѣтовалъ онъ Маріи-Антуанетѣ и поручалъ тайно указывать на него умѣреннымъ представителямъ Собранія [14]).

Таково-то было истинное значеніе пресловутой пильницской декларацiи, которую, по словамъ одного дальновиднаго публициста, можно причислить къ разряду августѣйшихъ комедій [15]). Политическіе дѣятели и не ошибались въ этомъ отношеніи [16]). Но было два разряда лицъ, равно

[11]) Vivenot, t. I, p. 245.

[12]) Feuillet, t. IV, p. 85.

[13]) Haeusser, t. I, p. 324.

[14]) Леопольдъ Маріи Антуанетѣ, 17 и 20 августа 1791. Arneth, p. 198—200.—Haeusser, t. I, p. 323.

[15]) Mallet du Pan, *Mémoires et correspondance*, t. I, p. 254.

[16]) См. Письмо Ла-Марка къ де-Мерси, отъ 10 сентября 1791 г. *Correspondance*, t. I, p. 225. «Повидимому, державы приходятъ, прежде всего, къ соглашенію относительно проектовъ, враждебныхъ Франціи, такъ что было бы химерично расчитывать на прочность такого соглашенія...» и проч. Любопытно письмо Наполеона Бонапарта, писанное изъ Валенціи по поводу того же вопроса Нодену, 27 іюля 1791 г. Это письмо заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, первое заявленіе политическихъ взглядовъ Наполеона: «Будетъ ли у насъ война? Я постоянно стоялъ за отрицательный отвѣтъ. Европа дѣлится на государей, повелѣвающихъ людьми, и такихъ, которые повелѣваютъ быками или лошадьми. Первые вполнѣ понимаютъ революцію, они устрашены ею... они никогда не посмѣютъ сбросить маску, изъ боязни, чтобы не загорѣлось и у нихъ. Вотъ исторія Англіи и Голландіи... Что же касается тѣхъ государей, которые повелѣваютъ лошадьми, то они не въ состояніи понять конституцію въ ея цѣломъ; они относятся къ ней съ презрѣніемъ; они думаютъ, что этотъ хаосъ разнородныхъ идей повлечетъ за собою разрушеніе государства фран..... Эти не двинутся; они будутъ ждать начала

ОТДЕЛ РЕДКОЙ

заинтересованныхъ въ искаженіи дѣйствительнаго смысла акта 27 августа и его значенія: революціонеры, желавшіе найти въ немъ доказательство измѣны со стороны двора и заговора короля съ иностранными государствами; эмигранты, желавшіе увѣрить, что европейская коалиція въ ихъ пользу—совершившійся фактъ и смутить революціонеровъ ужасомъ, въ который повергнетъ такое событіе все французское населеніе. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, за что они брались, эмигранты работали на погибель королевской власти и во вредъ собственному дѣлу; они оказали услугу одной лишь насильственной революціи. «Эмигранты», замѣчаетъ Ривароль, сами того не подозрѣвая, придавали значительную степень энергіи Собранію: именно то, чѣмъ они стараются напугать, привлекаетъ къ законодательному корпусу всѣ умы и всѣ сердца» [17]). Ничто не могло возстановить и ожесточить противъ королевской фамиліи въ такой мѣрѣ, какъ письмо, которымъ братья короля доводили до всеобщаго свѣдѣнія декларацію 27 августа. Къ отвращенію, возбуждаемому у французовъ мыслью о возстановленіи стараго порядка, присоединился ужасъ предъ чужеземнымъ нашествіемъ, и ненависть къ эмигрантамъ усилилась всѣми опасеніями, внушаемыми патріотическимъ чувствомъ. Французы увидѣли въ принцахъ не только враговъ своихъ политическихъ и гражданскихъ вольностей, но и враговъ самой національной независимости своей. Письмо братьевъ Людовика XVI, помѣченное изъ Кобленца отъ 10 сентября, представляетъ совершенный манифестъ, оскорбительный для Франціи, которой онъ грозитъ порабощеніемъ и завоеваніемъ, и унизительный для короля, публично обвиняемаго предъ цѣлой Европой въ трусости и подвергаемаго нравственному низложенію.

Принцы объявляли, что «державы, къ помощи которыхъ они прибѣгали» ради короля, «рѣшили употребить на это свои силы и что императоръ и король прусскій только что пришли къ обоюдному соглашенію». Они увѣряли, что всѣ европейскіе дворы «раздѣляютъ такое настроеніе». Англійская нація, «слишкомъ великодушная для того, чтобы препятствовать тому, что находитъ справедливымъ», безъ сомнѣнія не будетъ возставать противъ «благороднаго и неопреодолимаго союза». «Безсмертная Екатерина, которой не чуждъ ни одинъ родъ славы, не откажется отъ возможности защитить общее дѣло всѣхъ вѣнценосцевъ». Опираясь такимъ образомъ на всю Европу, принцы объявляли Людовику XVI, что если его принудятъ подписать конституцію, «которую отвергаетъ его сердце и запрещаетъ королевскій долгъ, они будутъ протестовать предъ

гражданской войны». Coston, *Biographie des premières années de Bonaparte*. Paris, 1840, t. II, p. 174.

[17]) *Note au roi*, 4 septembre. Lescure, *Rivarol*, p. 264. Paris, 1883.

лицомъ цѣлаго міра и самымъ торжественнымъ образомъ противъ лишеннаго всякаго законнаго основанія акта и всѣхъ его послѣдствій». И во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, они прибавляли: «Если бы даже вы сами запретили намъ это и вынуждены были объявить, что запрещеніе это дѣлается вами безъ принужденія, то такое запрещеніе, очевидно противное вашимъ чувствамъ, потому что было бы противно первѣйшей изъ вашихъ обязанностей... не могло бы заставить насъ измѣнить своему долгу, пожертвовать вашими интересами и не выполнить того, что Франція въ правѣ требовать отъ насъ при подобныхъ обстоятельствахъ». Декламаторскій манифестъ, напечатанный въ газетахъ, составлялъ болѣе грозный обвинительный актъ противъ королевской семьи, чѣмъ всѣ тѣ обвиненія, которыя могли быть предъявлены ей самыми ожесточенными изъ революціонеровъ. Въ ту минуту, когда единственной охраной Людовика XVI являлась присяга конституціи, братья его заранѣе объявляли такую присягу измѣною и отнимали такимъ образомъ послѣднюю тѣнь искренности у поступковъ короля.

Къ манифесту была приложена, въ качествѣ оправдательнаго документа, пильницская декларація, софистическимъ комментаріемъ которой онъ служилъ. Именно въ такомъ духѣ и смыслѣ прочитала и поняла его цѣлая Франція [18]). Въ сравненіи съ этимъ запальчивымъ комментаріемъ, что сталось съ искусными умолчаніями текста и всѣми кропотливыми оттѣнками, въ которые Шпильманъ завернулъ и какъ бы парализовалъ свои фразы? Чудодѣйственныя слова, *тогда* и *въ такомъ случаѣ*, восхищавшія Кауница и успокоивавшія Леопольда, потеряли всякій реальный смыслъ для французовъ. Они руководились страстью, истолковывая этотъ документъ, редактированный весьма-лукавымъ дипломатомъ и предназначенный для чтенія собратовъ по ремеслу, читающихъ лишь между строками и говорящихъ не иначе, какъ обиняками. Скрытый смыслъ пильницской декларації ускользнулъ отъ непосвященныхъ, но вѣдь и не скрытымъ смысломъ воспламеняется народное воображеніе. Народъ желаетъ простыхъ и ясныхъ мыслей; а если онѣ не ясны, онъ упрощаетъ ихъ, хотя бы во вредъ ихъ дѣйствительному смыслу. Именно этому обстоятельству и подверглн себя авторы декларації. Принцамъ нельзя было сдѣлать упрека въ недостаточной опредѣленности. Ихъ манифестъ былъ, по крайней мѣрѣ, какъ нельзя болѣе ясенъ; но чѣмъ онъ былъ яснѣе, тѣмъ пагубнѣе становился онъ для тѣхъ, кто его составилъ. Самомнѣніе эмигрантовъ, въ этомъ случаѣ, равнялось казуистикѣ нѣмцевъ. Дерзость плана и несоразмѣрность средствъ, которыми намѣревались остановить по-

[18]) Письмо-манифестъ принцевъ напечатано въ Монитёрѣ 23 сентября, т. IX, стр. 773. О немъ было извѣстно уже 18-го. См. тамъ же, стр. 693.

© ГПИБ СОПАН

ступательное движеніе революціи, указываютъ на неспособность понять и оцѣнить ея значеніе. Французская публика увидѣла въ пильницкой декларації не уклончивую дипломатическую уловку, чѣмъ она и была на самомъ дѣлѣ, а то, за что выдавала ее опиравшаяся на нее въ собственныхъ интересахъ партія. Такимъ-то путемъ этотъ, скомбинированный въ видахъ отпора и задерживанія событій, актъ въ дѣйствительности послужилъ къ ихъ ускоренію и обострению. Онъ не только не оказалъ поддержки планамъ Людовика XVI, но, напротивъ того, содѣйствовалъ уничтоженію послѣднихъ средствъ и способовъ, отъ которыхъ ждалъ избавленія этотъ несчастный король [19]).

[19]) Это прекрасно опредѣлено было де-Мерси, годъ спустя, когда послѣдствія стали вполнѣ очевидными для всѣхъ. «Циркуляръ, исходящій изъ Падуи, вызвалъ лигу государей, съ цѣлью защиты одного изъ нихъ, и былъ первымъ шагомъ, запутавшимъ державы въ невозможную систему... Пильницкая декларація подтвердила и почти осуществила угрозу крестоваго похода, партіозной войны противъ независимости французскаго народа». Депеша 3 октября 1792 г. *Correspondance de La Marck*, t. III, p. 348.

ГЛАВА II.

Конституція.

1791 г.

I.

Если бы во Франціи 1791 года было много сторонниковъ республики, то не могло бы представиться болѣе удобнаго случая для ея утвержденія, какъ бѣгство Людовика XVI. Но за исключеніемъ Дантона и демагоговъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ авангардѣ демократической партіи [1]), за исключеніемъ Сіейеса и нѣкоторыхъ осторожныхъ и тонкихъ политиковъ, замышлявшихъ, главнымъ образомъ, перемѣну династіи [2]), никто не говорилъ о республикѣ и никто не хотѣлъ слышать о ней въ Національномъ собраніи. «При извѣстіи объ отъѣздѣ короля»,—передаетъ очевидецъ [3]),—«общимъ чувствомъ былъ ужасъ. Въ арестѣ короля видѣли спасеніе; декретъ объ арестованіи, согласно съ волей народа, не имѣлъ иной причины» [4]). Темный инстинктъ исторической традиціи еще жилъ въ народѣ. Политическій расчетъ приводилъ умѣренныхъ къ одинаковому заключенію. Они хотѣли короля съ слабою властью, именемъ котораго они могли бы управлять. Минута показалась имъ удобною, чтобы заставить королевскую власть сдаться на капитуляцію. Они были испуганы прогрессомъ анархическихъ идей и чрезмѣрною усталостью умовъ. Собраніе засѣдало уже два года. Франція перенесла на него то безграничное довѣріе и надежды, которыя нѣкогда внушала ей королевская власть. Несмотря на многочисленныя и благодѣтельныя реформы, Собраніе было настолько уже дескредитировано въ общественномъ мнѣніи, насколько была дескредитирована королевская власть наканунѣ созванія генеральныхъ штатовъ, и это потому, что Собраніе не управляло. Нація же не довольствовалась одними прин-

[1]) Louis Blanc, t. V, p. 379—381.—Отчетъ лорда Гоуэра, 8 іюля 1791.

[2]) Mallet du Pan, t. I, p. 260.

[3]) Ла Маркъ Мерси, 23 августа 1791. *Correspondance*, t. III, p. 179.

[4]) Dubois-Crancé, *Analyse de la Révolution*, publiée par le colonel Jung. Paris. 1885, p. 60.—Рѣчь Робеспьера въ клубѣ якобинцевъ 13 іюля 1791. Louis Blanc, t. V, p. 461; id., p. 356 et suiv., les extraits des journaux révolutionnaires.—Hamel, *Histoire de Robespierre*, Paris, 1865—67, liv. V, ch. XX et XXII.—Quinet, liv. VIII, ch. IV.

ГПНТБ СО РАН

ципами. Она хотѣла не только реформъ, но и общественной безопасности, доставить которую способно только твердое правительство. Умѣреннымъ показалось, что это желаніе общественнаго мнѣнія, эта, своего рода, реакція въ пользу королевской власти дозволили бы исправить излишества первыхъ конституціонныхъ декретовъ и возвратить, путемъ окончательныхъ декретовъ, если не особѣ государя,—что было для нихъ безразлично,—то, по крайней мѣрѣ, исполнительной власти,—что касалось ихъ несравненно ближе,—тотъ престижъ, безъ котораго не могло существовать ни одно министерство [5]). Тѣ, которые нѣкогда ожесточенно боролись противъ Мирабо, пытались теперь возобновить его планы.

Этотъ второй періодъ революціи олицетворялъ Барнавъ, подобно тому, какъ Мирабо былъ олицетвореніемъ перваго. Барнавъ обладалъ мужествомъ, въ немъ почерпнулъ онъ великія мысли и тайну своего краснорѣчія. Онъ былъ однимъ изъ трехъ комиссаровъ, назначенныхъ Собраніемъ для возвращенія короля въ Парижъ. Они сѣли въ карету Людовика XVI, вмѣстѣ съ королевой, сестрой короля и двумя королевскими дѣтьми. Страхъ за будущее, униженіе настоящаго, сдержанный гнѣвъ, подавленный стыдъ и, наконецъ, физическая усталость угнетали королевскую семью. Любопытство толпы, оскорбленія, угрозы, сознаніе вынужденнаго сосѣдства въ этой тюрьмѣ на колесахъ придавали что-то жестокое и вульгарное этому горькому испытанію. Комиссарамъ слѣдовало бы держать себя съ уваженіемъ, по отношенію къ своимъ плѣнникамъ. Такъ и поступилъ Латуръ-Мобуръ, державшій себя вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ; Петіонъ выказалъ грубость и недостойную безтактность [6]). Барнавъ почувствовалъ жалость. Ему было тридцать лѣтъ; онъ обладалъ романическимъ воображеніемъ и честолюбиво стремился играть крупную роль, служа родинѣ. У него была одна изъ тѣхъ возвышенныхъ душъ, которыхъ коробитъ дерзкій

[5]) Duvergier de Hauranne, *Histoire du gouvernement parlementaire*, Paris 1857, t. I, p. 179 et suiv.—La Marck, *Correspondance*, t. III, p. 127 suiv.—Madame de Staël, *Considérations*, 2 partie, ch. XXI.

[6]) «Латуръ-Мобуръ и Барнавъ держали себя хорошо, Петіонъ же—неприлично», писалъ Ферзенъ, выслушавъ разсказъ королевы (*Journal*, t. II, p. 8) Ему былъ неизвѣстенъ разсказъ самого Петіона. Слово: «неприлично» слишкомъ слабо. Этотъ сентиментальный и похотливый Донъ-Жуанъ мелкаго разбора, драпировавшійся въ плащъ Сенъ-Прё и случайно замѣшанный въ одну изъ наиболѣе трагическихъ сценъ всемірной исторіи, увидѣлъ въ ней лишь поводъ къ неблагопристойной импровизаціи, пародіи на одну изъ невозможнѣйшихъ страницъ *Confessions*. Съ нею можетъ сравниться по развращенности и грубости вкуса развѣ предисловіе Манюэля къ письмамъ Мирабо. Андре Шенье вполнѣ справедливо бичевалъ это произведеніе (Observations aux auteurs du Journal de Paris, 12 févr. 1792. Oeuvres en prose, p. 112).—О Петіонѣ см. Quinet, t. I, liv. VII, ch. V.

успѣхъ, которыя возмущаются грубостью насилія и не могутъ равнодушно присутствовать при зрѣлищѣ чужого горя. Горе королевы привязало его къ ней сразу. Если двору потребовался милліонъ ливровъ, чтобы заплатить за содѣйствіе Мирабо, то на этотъ разъ достаточно было нѣсколькихъ слезъ, чтобы закупить Барнава [7]). Онъ вернулся въ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ спасти монархію.

Этотъ планъ былъ великодушенъ, но все было противъ него. Роялисты отрекались отъ конституціонистовъ или фельяновъ, какъ называли ихъ по имени стараго монастыря, гдѣ происходили засѣданія ихъ клуба [8]). Партія чистой монархіи съ снисходительной ироніей смотрѣла на ихъ усилія выплыть изъ бурныхъ волнъ, ими самими взволнованныхъ. Вчерашніе союзники ихъ, демократы, превратившись въ противниковъ, обвиняли ихъ въ измѣнѣ. Въ кампаніи, которую они вели противъ королевской власти, начиная съ 1789, конституціонисты черпали всю свою силу въ содѣйствіи революціонной партіи. Эта партія, нѣкогда ихъ поддерживавшая, нападала на нихъ со всѣхъ сторонъ, а для сопротивленія у нихъ оставалась крѣпость съ разрушенными ими самими укрѣпленіями и разогнанными гарнизонами. Монархія не могла дать имъ никакихъ средствъ сопротивленія: отъ нея осталась одна фикція.

Въ сущности, въ то время какъ Собраніе обсуждаетъ монархическую конституцію, Франція становится уже республикою. Фельяны не замѣчаютъ, что сами влекутъ страну къ этой формѣ правленія въ то самое время, когда полагаютъ, что избѣжали ее навсегда [9]). Облеченное верховной властью, Собраніе правитъ и господствуетъ; министры ведутъ дѣла подъ контролемъ его комиссаровъ; оно разсылаетъ циркуляры дипломатическимъ агентамъ и ноты представителямъ иностранныхъ державъ; оно посылаетъ комиссаровъ въ войска. Такимъ образомъ Конституціонное собраніе даетъ Франціи первый абрисъ Конвента и когда, годъ спустя, провозгласили республику, для организаціи временного правительства стоило только вернуться къ прецедентамъ, установленнымъ Національнымъ собра-

[7]) Sainte-Beuve, *Causeries du lundi*, t. II, art. *Barnave*. Онъ сказалъ позднѣе, что, «запечатлѣвъ въ памяти этотъ незабываемый примѣръ несчастія, онъ научился легче переносить собственныя невзгоды». «Барнавъ,—замѣчаетъ госпожа Сталь,—которому знакомы были тѣ сложныя чувства, когда сердечныя и политическія страсти одинаково волнуютъ душу, Барнавъ проникся почтительною *жалостью, въ особенности къ судьбѣ королевы*». Оттѣнокъ чувства указанъ здѣсь вѣрно и этимъ и ограничился романъ. *Considérations*, 2 partie, ch. XXI.

[8]) Ferrières, *Mémoires*, Paris, 1822, t. II, p. 417;—Malouet, *Mémoires* Paris, 1868, t. II, p. 159.—Dumont, p. 336.—Guilhermy, p. 32.

[9]) Quinet, liv. VIII, ch. III.

ніемъ. Король, подвергнутый бдительному надзору въ собственномъ дворцѣ, находился въ своего рода предварительномъ заключеніи, и власть его была фактически пріостановлена вплоть до принятія имъ закона, обсуждавшагося депутатами. Во время этого трехмѣсячнаго междуцарствія, республика, новизна которой пугала столь многихъ, фактически уже существовала и изъ утопической, какою казалась вначалѣ, стала казаться естественнымъ завершеніемъ революціи.

Такой исходъ вытекалъ нѣкоторымъ образомъ изъ самой конституціи. Онъ не могъ быть инымъ, если желали доказать невозможность умѣренной монархіи [10]). Всѣ виды власти мѣшаютъ одна другой. Въ государствѣ единственной пружиной является анархія. Обсуждаютъ повсюду и не дѣйствуютъ нигдѣ. Все такъ прекрасно скомбинировано для отпора узурпаціямъ короны, что не остается никакой преграды для вторженія толпы. Король назначаетъ министровъ; но онъ не можетъ ни избирать ихъ изъ среды Собранія для обезпеченія себѣ большинства въ немъ, ни распустить это Собраніе, когда его большинство находится въ разладѣ съ министрами. Непосредственное обращеніе къ народу, являющееся необходимымъ рессурсомъ и законнымъ рѣшеніемъ во всѣхъ кризисахъ конституціонныхъ государствъ, не допускается во Франціи. Этотъ законъ, который организуетъ столкновеніе властей, не оставляетъ имъ иного способа, какъ обоюдную узурпацію, иначе говоря,—революцію. Перепутываютъ самые сложные механизмы, чтобы согласовать неприкосновенность королевской власти съ всемогуществомъ Собранія. Достаточно привести въ дѣйствіе этотъ нелѣпый механизмъ, чтобы доказать его нестройность. Отнынѣ королевская власть необходимо будетъ являться препятствіемъ въ глазахъ Собранія, препятствіемъ стѣснительнымъ и легко разбиваемымъ. Раздѣлить власти казалось легко; еще легче покажется сосредоточить ихъ: обладающее же ими Собраніе захочетъ пользоваться ими непосредственно; король, еще не утратившій ихъ, захочетъ удержать за собою. Собраніе и королевская власть роковымъ образомъ увлекаются къ перевороту и результатомъ явится неминуемый деспотизмъ Конвента или узурпатора.

Повидимому, Національное собраніе предчувствовало такой исходъ. Истомленное чрезмѣрностью труда, оно заканчивало свое поприще среди перемежающейся лихорадки, за каждымъ приступомъ которой слѣдовало глубокое уныніе. Въ два года оно прошло весь путь, сдѣланный старымъ порядкомъ отъ воцаренія Людовика XVI и преобразованій Тюрго до ухищреній Калонна и созванія генеральныхъ штатовъ. Оно исчерпало, подобно монархіи, всю свою изобрѣтательность и всѣ свои средства и, изнемогая подъ бременемъ задачи, обращалось къ странѣ. Въ декретѣ, запрещавшимъ конституціонистамъ участіе въ законодательномъ собраніи и отправленіе какой бы то ни было государственной должности въ теченіе четырехъ лѣтъ, было столько же безсилія, сколько и безкорыстія. «Въ такихъ случаяхъ», говорилъ Ришелье англійской королѣ,—«кто отказывается отъ игры, теряетъ ее» [11]). Люди 89 года совершали, такъ сказать, самоубійство. Конституція, предложенная 5 августа на разсмотрѣніе Собранія, была принята 1 сентября; 3-го депутація представила ее Людовику XVI; въ его санкціи оно не сомнѣвалось: цѣною этой санкціи ставилась его свобода, жизнь его и его дѣтей.

[10]) Duvergier de Hauranne, t. I, p. 191—220.

II.

Покинувъ Парижъ бѣглецомъ, Людовикъ XVI возвращался въ него заложникомъ. Заключенная въ тюильрійскомъ дворцѣ королевская семья, подобно всякаго рода заключеннымъ, стремится только къ свободѣ. Исторія этого заключенія представляетъ непрерывный заговоръ, съ цѣлію добиться освобожденія. Вся тяжесть этого заговора падаетъ на королеву. Людовикъ XVI бездѣйствуетъ и духъ его угнетенъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Мысли его застываютъ, такъ-сказать, въ разслабленіи и нерѣшительности. Минута великихъ жертвъ, которая будетъ для него моментомъ подъема духа, еще не наступила. Смиренный и покорный судьбѣ, онъ ждетъ, чтобы королева думала за него, чтобы преданные люди дѣйствовали въ его пользу, а Богъ сжалился бы, наконецъ, надъ французскимъ царственнымъ домомъ.

Королева не теряетъ изъ вида необходимости минуты. Она была тронута почтительностью Барнава. Однако, если она не питала по отношенію къ нему непобѣдимаго отвращенія, которое вызывалъ въ ней Мирабо, то въ глубинѣ души не имѣла къ нему и полнаго довѣрія. Но ей было извѣстно, что Европа не придетъ къ ней на помощь [1]). «У насъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ,—писала она къ Мерси;—мы можемъ только выжидать» [2]). Вынужденная выбирать между эмигрантами и фельянами, она попыталась нейтрализовать однихъ другими. Въ концѣ концовъ фельяны казались ей менѣе ненавистными и менѣе опасными для королевской власти, чѣмъ эмигранты. Притязанія брата короля на регентство глубоко оскорбили ее. Самъ Людовикъ XVI былъ на минуту выведенъ изъ своего равнодушія. Революція смущала его; онъ переносилъ ее какъ болѣзнь, не понимая ея истиннаго значенія. Но въ происках братьевъ и ихъ совѣт-

[11]) *Instructions à Montreuil*, février 1641. Guizot, *Charles* I, t. I. p. 464.

[1]) Mercy à la reine, 28 juillet 1791.

[2]) 1-го и 7-го августа 1791. Arneth, p. 186.

ОТДЕЛ ОР РАН

никовъ онъ угадывалъ честолюбіе, расчетъ и коварство. Предъ лицомъ дворцовыхъ происковъ онъ становился снова королемъ, ясно судилъ о дѣлахъ и говорилъ еще языкомъ властелина. Онъ высказалъ формальное порицаніе мнимому регентству и одобрилъ только тѣ сношенія съ державами, которыя велись бы по соглашенію съ барономъ Бретейлемъ. Королева поддерживала въ немъ это настроеніе; она присоединяла къ этому негодованіе женщины, которая знаетъ о существующей къ ней ненависти. Происки графа Прованскаго подрывали ея единственную надежду на славу и счастье сына [3]). «Эмигранты,—говорила она,—если даже имъ удастся ихъ предпріятіе, поставять насъ въ зависимость отъ ихъ агентовъ, что будетъ новымъ и большимъ рабствомъ [4]). Ничего для нихъ и ничего съ ними. Необходимо, чтобы этого потребовалъ императоръ; это единственный способъ оказать услугу, и въ особенности мнѣ. Недостойные, покинувъ насъ, требуютъ, чтобы мы одни подвергались опасности и служили ихъ собственнымъ интересамъ» [5]).

Враждебность къ эмигрантамъ была единственнымъ чувствомъ, могущимъ связать Тюильрійскій дворецъ съ фельянами. Людовикъ XVI охотно согласился препроводить къ братьямъ записку, приглашающую ихъ вернуться во Францію. Записка была составлена по совѣту Барнава. Куаньи получилъ 31 іюля приказъ отвезти ее къ графу д'Артуа. Требованія, предъявленныя фельянами королевѣ по поводу императора, оказались не столь легко исполнимыми. Дѣло шло о томъ, чтобы расположить этого государя въ пользу ихъ намѣреній и добиться его содѣйствія въ дѣлѣ успокоенія французскаго народа относительно намѣреній австрійскаго правительства. Королева имѣла основаніе опасаться, что ея братъ не пришлетъ такого рода ходатайства. Тѣмъ не менѣе, она не видѣла иного средства прійти къ соглашенію съ людьми, которыхъ судьба дѣлала ея единственными защитниками; она покорилась необходимости. По замѣткамъ Барнава, написано было ею письмо къ Мерси и къ императору; она присоединила къ этимъ письмамъ меморію фельяновъ, составленную для им-

[3]) Эта мысль постоянно озабочиваетъ ее. «Въ жилахъ моего сына течетъ моя кровь, и я надѣюсь, что со временемъ онъ будетъ достойнымъ внукомъ Маріи-Терезіи». Мерси, 16 августа. Feuillet, t. II, p. 225.—Трагическая судьба внуковъ Маріи-Терезіи, рожденныхъ во Франціи: одинъ изъ нихъ, сынъ короля изъ дома Бурбоновъ, умираетъ въ грязномъ казематѣ Тампля, подъ надзоромъ тюремщика Симона; другой, сынъ корсиканца Цезаря, умираетъ въ Вѣнѣ, подъ развращающимъ вліяніемъ Меттерниха. Fersen, t. I, p. 147. — Arneth, p. 184. — Feuillet, t. II, p. 156, 291; t. IV, p. 167, 469.

[4]) Письмо къ Мерси, 16 августа 1791. Feuillet, t. II, p. 223.

[5]) Тоже, 21 августа 1791. Arneth, p. 204.

ператора; всѣ документы переданы были эмиссару, представленному Ла-Маркомъ, который казался способнымъ не только передать ихъ, но и снабдить надлежащими разъясненіями: то былъ аббатъ Луи, въ то время мало значущій человѣкъ, искавшій случая отличиться, способный и нетерпѣливо желавшій сдѣлать карьеру. Онъ уѣхалъ въ Вѣну, увозя бриллианты, принадлежавшіе королевѣ [6]). Въ то же время другой эмиссаръ, посланный къ Мерси, извѣщалъ его, что письма, врученныя Луи, повидимому, написаны не самой королевой; что Луи—не что иное, какъ интриганъ; что единственною цѣлью этой уловки—выиграть время; что слѣдуетъ принять посланіе фельяновъ, выслушать, даже поощрить благопріятнымъ отвѣтомъ, но, въ сущности, неизмѣнно держаться того плана вмѣшательства, который выработанъ былъ въ іюнѣ [7]).

Обсужденіе проекта конституціи близилось къ окончанію; наступала минута, когда королю пришлось бы ее утверждать, что значило для него солгать передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ, или отвергнуть предлагаемую Собраніемъ конституцію, что равнялось бы его собственной гибели. «Эта минута ужасна»,—писала королева [8]); и дѣйствительно она была ужасна: Марія-Антуанета не видѣла исхода ни въ какомъ смыслѣ. «Желаютъ, чтобы мы ѣхали въ Фонтенебло или въ Рамбулье, но кто и какъ будетъ охранять насъ? Съ другой стороны, народъ не допуститъ увезти моего сына. Народъ привыкъ смотрѣть на него, какъ на свою собственность. Ничто не заставитъ народъ уступить, а мы не можемъ оставить здѣсь сына одного. Жить такъ долѣе невозможно» [9]). Что же, однако, предпринять такое, чего уже не пытались сдѣлать и что еще не потерпѣло неудачи до отъѣзда въ Варенны? За неимѣніемъ помощи, которая заставляла себя ждать, королева просила совѣтовъ и получала ихъ со всѣхъ сторонъ. «Я выслушивала ихъ, насколько могла,—писала она къ Мерси,—и изъ совокупности всѣхъ ихъ совѣтовъ составила себѣ собственное мнѣніе». Совѣты, подаваемые королевѣ, повторяли въ новой формѣ вѣчную утопію конгресса европейскихъ державъ и посредничества короля [10]). «Конституція,—говорила Ма-

[6]) Письмо Маріи-Антуанеты къ Мерси, 29 іюля; Леопольду, 30 іюля; Мерси, 1 августа 1791. Arneth, p. 187, 188.—Ла-Маркъ Мерси, 5 и 10 августа. *Correspondance*, t. III, p. 171, 174.—Сталь Густаву III, Geffroy, t. II, p. 456.

[7]) Королева Мерси, 31 іюля и 1 августа 1791. Arneth, p. 193—194.—Ла-Маркъ Мерси, 5, 10 и 23 августа; *Correspondance*, t. III, p. 171, 174, 178.

[8]) Мерси, 7 августа 1791. Arneth, p. 196.

[9]) Тоже, 7 августа 1791, p. 197.

[10]) Марія-Антуанета Леопольду 12-го августа 1791, Feuillet, t. V, p. 21.—Мерси 16 августа. Feuillet, t. II, p. 220.—La Marck, t. I, p. 314;—ко-

рія-Антуанета,—«такъ ужасна и такъ чудовищна, что она не можетъ продержаться. Франція получитъ къ ней отвращеніе вслѣдствіе самыхъ излишествъ, которыя неминуемо изъ нея проистекаютъ. Надо ждать поворота въ общественномъ мнѣніи, а пока подготовлять его. Слѣдуетъ усыпить новыхъ главарей Собранія и внушить имъ довѣріе, чтобы впослѣдствіи разстроить ихъ планы». Необходимѣе всего устранить эмигрантовъ, вмѣшательство которыхъ повлекло бы ужаснѣйшее изъ золъ—междуусобную войну. Королева измѣриваетъ весь ужасъ такой борьбы; передъ ея глазами, подобно мгновенной галлюцинаціи, обрисовывается ожидающая ее будущность, а между тѣмъ, по странному заблужденію, она увѣряетъ себя, что стоитъ только остановить эмигрантовъ, чтобы избѣжать междуусобія, и избѣжать гражданской войны для того, чтобы иностранное вмѣшательство могло спасти все. «Конгрессъ помогъ бы достиженію желанной цѣли. Твердое и единодушное усиліе европейскихъ державъ, подкрѣпленное военной демонстраціей, могло бы имѣть наиболѣе счастливыя послѣдствія: оно сдержало бы дерзость эмигрантовъ, роль которыхъ сдѣлалась бы второстепенною; мятежныя партіи были бы разстроены, и мужество вернулось бы къ благомыслящимъ людямъ, друзьямъ порядка и монархіи». «Военная демонстрація» громадныхъ военныхъ силъ должна была ограничиться нравственнымъ давленіемъ. Она не должна переходить въ рѣзню и преступленіе. Необходимо успокоить страну и не оставить у нея по этому поводу ни малѣйшаго сомнѣнія; манифестъ разъяснилъ бы ей намѣренія европейскихъ державъ; онѣ объявили бы, что не имѣютъ притязаній на вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи, но что онѣ хотятъ знать только короля и желаютъ сноситься съ нимъ лишь по его освобожденіи. Такая декларація должна сопровождаться угрозами по отношенію къ мятежникамъ. Устрашенный народъ сталъ бы умолять короля спасти его отъ чужеземнаго вторженія и войны. «Королю, по возстановленіи его власти, было бы поручено сноситься съ иностранными державами, а принцы, при водвореніи всеобщаго спокойствія, снова заняли бы при дворѣ подобающее ихъ званію мѣсто» [11]).

Все это были смутныя и нестройныя мечты заключенныхъ, подобныя

ролева Мерси 21 и 26 августа, Arneth p. 203, 285;—Леопольду—8-го сентября, id. p. 206, Мерси 12 сентября, id. p. 209.—Mémoire joint à la lettre à Léopold du 8 septembre. Feuillet, t. II, p. 289,—О намѣреніяхъ двора во время кризиса см. Марія-Антуанета Ферзену 26 сентября, 19 октября, 31 октября, 25 ноября и 9 декабря. Fersen, t. I, p. 192, 198, 199, 206, 230, 271.—Объяснительная записка короля, приложенная къ письму отъ 25 ноября. Fersen, t. I. p. 231.

[11]) Объяснительная записка, приложенная къ письму къ Леопольду, отъ 8 сентября 1791, Feuillet, t. II, p. 299—308. Въ этой запискѣ заключается

лихорадочнымъ снамъ, химерическіе замыслы, сто разъ оставляемые, потому что разсудокъ порицаетъ ихъ, и сто разъ возвращающіеся, потому что они овладѣваютъ воображеніемъ и заполоняютъ душу, оцѣпенѣвающую такъ сказать, вслѣдствіе, постояннаго колебанія и перехода отъ отчаянія къ надеждѣ. Королева лелѣяла эти мечты вслѣдствіе малой способности къ послѣдовательному мышленію и глубокаго отвращенія къ постоянному притворству. Открытая борьба болѣе соотвѣтствовала ея мужественному сердцу, но ежечасныя хитрости и уловки, ежедневное маскированіе истинныхъ намѣреній, постоянная конспирація и подземные пути, письма, тайно передаваемыя эмиссарамъ, проникающимъ во дворецъ при помощи переодѣваній, раздражаютъ и утомляютъ ее; она предпочла бы явиться съ сыномъ на рукахъ среди венгерцевъ Маріи-Терезіи.

Въ минуты уныніе, призрачность надеждъ является очевидной ея уму и повергаетъ ее въ ужасъ; тогда она взываетъ къ помощи и прибѣгаетъ къ брату: «Убѣдите его, что у насъ нѣтъ другой надежды, что наше счастье, наша жизнь и жизнь моего сына зависятъ отъ него одного» [12]). Когда наконецъ по ея настояніямъ король принялъ рѣшеніе, она объявляетъ объ этомъ съ тоской [13]): «Судьба наша рѣшена. Не думайте, что меня покидаетъ мужество; нѣтъ, ради меня самой, ради моего ребенка я стану принуждать себя и выполню до конца долгъ моей тягостной жизни. Я не различаю болѣе словъ этого письма. Прощайте:» [14]).

13 сентября Людовикъ XVI заявилъ Собранію путемъ королевскаго посланія, что принимаетъ конституцію. Королевское посланіе, редактированное фельянами, было написано съ большимъ достоинствомъ. Депутаты встрѣтили его громкими рукоплесканіями. Слова: «свобода», «миръ», «благоденствіе» неминуемо производятъ впечатлѣніе на всѣ умы. Но на другой день король долженъ былъ явиться въ Собраніе самолично, и пустого случая достаточно было, чтобы обнаружить, до какой степени было непримиримо разногласіе. Людовикъ XVI отправился въ Собраніе для принесенія присяги санкціонированной имъ конституціи. Внѣшній видъ церемоніи согласовался съ новыми принципами. На эстрадѣ, вмѣсто трона, стояло простое кресло по лѣвую сторону отъ предсѣдательскаго. Въ тотъ день предсѣдателемъ былъ норманскій легистъ Турэ, бывшій раньше адвокатомъ при Руанскомъ парламентѣ. Король подошелъ къ назначенному ему креслу; депутаты встрѣтили его стоя и съ непокрытой головой. Ко-

все содержаніе позднѣйшаго манифеста герцога Брауншвейгскаго, а именно, все относящееся до «правилъ, устано ляемыхъ по случаю войны».

[12]) Мерси, 16 августа. Feuillet, t. II, p. 225.

[13]) Тоже, 26 августа. Arneth, p. 206.

[14]) Тоже, 12 сентября. p. 210.

роль, также стоя и безъ шляпы, приступилъ къ произнесенію формулы присяги. Въ эту минуту депутаты надѣли шляпы и сѣли; король не ожидалъ этого; онъ съ минуту колебался, сильно поблѣднѣлъ, затѣмъ вдругъ опустился въ кресло. Онъ закончилъ чтеніе присяги дрожащимъ голосомъ. Рукоплесканія и крики: «да здравствуетъ король» не въ силахъ были утѣшить его; онъ видѣлъ въ поступкѣ Собранія оскорбленіе, а въ собственномъ движеніи—нѣчто унизительное для королевскаго достоинства. Онъ вернулся въ Тюильрійскій дворецъ болѣе взволнованный молчаливымъ проявленіемъ народнаго верховенства, чѣмъ даже буйствомъ парижской черни. Перемѣна въ этикетѣ повидимому обнаружила передъ нимъ глубину французской революціи и его собственнаго паденія. Королева присутствовала при церемоніи, сидя въ ложѣ. «Все погибло»,— воскликнулъ Людовикъ XVI по возвращеніи во дворецъ. «О,—сказалъ онъ королевѣ,— вы были свидѣтельницей этого униженія! Вы пріѣхали во Францію, чтобы видѣть!»... Рыданія не дали ему окончить [15]). Людовикъ XVI извѣстилъ 18-го иностранныхъ государей объ установленіи конституціи [16]). Онъ сообщилъ о томъ же своимъ братьямъ оффиціальнымъ письмомъ, въ которомъ выражалъ порицаніе ихъ пребыванію въ Пильницѣ и недавнимъ дѣйствіямъ. Онъ приглашалъ вернуться во Францію: «Вспомните»,—говорилъ онъ,— «что побѣда—ничто, если послѣ нея нельзя управлять страной, а управлять великимъ королевствомъ, противясь господствующему настроенію, невозможно [17]). Въ то самое время, какъ онъ держалъ эти благоразумныя и осторожныя рѣчи, дѣйствуя чисто въ конституціонномъ духѣ, его тайные агенты повсюду опровергали оффиціальныя королевскія заявленія. Они утверждали, что все это—пустыя формальности, вынужденныя необходимостью; Европа не должна придавать имъ серьезнаго значенія; она должна видѣть въ нихъ лишь средство усыпить мятежниковъ до того дня, когда вмѣшательство державъ принудитъ ихъ къ покорности. «Безуміе принцевъ и эмигрантовъ заставило насъ поступать такимъ образомъ»,—писала королева [18]); необходимо было отнять всякое подозрѣніе относительно нашей искренности; чѣмъ болѣе зрѣетъ нашъ планъ, тѣмъ болѣе негодяи будутъ чувствовать свои бѣдствія; быть можетъ они сами пожелаютъ прихода иностранцевъ»...

Въ такой то трагической двойственности находила убѣжище эта несчастная королевская чета. Они заставляли себя увѣрять Европу и Францію въ необходимости двухъ противоположныхъ политическихъ уло-

[15]) *Mémoires de madame Campan*, t. II, ch. XIX. Louis Blanc, t. VI. p. 92.
[16]) Письмо къ Леопольду 18 сентября. Arneth, p. 212.
[17]) Feuillet, t. II, p. 328.
[18]) Ферзену, 26 сентября. Fersen, t. I, p. 192.

вокъ. Для того чтобы французы признали за королемъ роль посредника, отъ которой онъ ждалъ спасенія, ему необходимо было публичное примиреніе съ французскимъ народомъ, а это дѣлало конгрессъ въ глазахъ Европы совершенно излишнимъ; въ то же время королю необходимо было подготовить вмѣшательство Европы, результатомъ чего была бы невозможность примиренія короля съ народомъ при первомъ подозрѣніи о такомъ вмѣшательствѣ. Вполнѣ искренняя преданность со стороны тѣхъ, которые называли себя союзниками, искренняя покорность со стороны тѣхъ, кто называлъ себя его сторонниками—вотъ что могло уменьшить опасности предпріятія, къ которому съ одинаковою силою влекли Людовика XVI и сила событій и слабость его; но, къ несчастью, государи—союзники заинтересованы были въ томъ, чтобы вѣрить искреннему признанію имъ конституціи, для того, чтобы не имѣть надобности придти къ нему на помощь; между тѣмъ какъ принцы, братья короля, нашли полезнымъ обнаружить его тайну въ видахъ побужденія Европы къ оказанію ему содѣйствія. Результатомъ этого было то, что европейскія державы отложили конгрессъ, что эмигранты объявили о его созваніи, что Франція имъ повѣрила, что Людовикъ XVI сталъ считаться сообщникомъ иностранцевъ въ ту минуту, какъ они покидали его, и что онъ до созванія конгресса утратилъ довѣріе, которое долженъ былъ внушить народу въ видахъ успѣха самаго этого конгресса.

III.

«Трусость и слабодушіе добряка Людовика XVI выпутаютъ насъ изъ затрудненія»,—говорилъ Кауницъ послѣ Пильницской декларации [1]). Извѣстіе о томъ, что король принялъ конституцію, получено было въ Прагѣ 25 сентября и вызвало тамъ наилучшее впечатлѣніе. Императоръ объявилъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ король далъ свою санкцію, не остается болѣе ничего дѣлать» [2]). Въ Вѣнѣ канцлеръ выказалъ не меньшее удовольствіе. «Мы должны благодарить Бога за то, что добрякъ король выпуталъ насъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя мы себя поставили» [3]). Леопольдъ оставилъ Прагу вполнѣ успокоенный. Ферзенъ, остававшійся въ Богеміи до конца пребыванія тамъ императора, впалъ въ уныніе. «Я не ошибся относительно плановъ вѣнскаго кабинета,— писалъ онъ Густаву III;—они будутъ уклоняться и тянуть насъ до весны.

[1]) Кауницъ Шпильману, 4 сентября 1791. Vivenot, t. I, p. 241.
[2]) Fersen, *Journal*. t. I, p. 30.
[3]) Кауницъ Шпильману, 28 сентября 1791. Vivenot, t. I, p. 259.

ОГПИБ СПРАН

чтобы избавить себя отъ необходимости дѣйствовать». Такое же впечатлѣніе вынесли Гогенлоэ и Буллье [4]).

Но вѣнскому двору недостаточно было испытывать удовольствіе, онъ имѣлъ еще претензію согласовать свои интересы съ принципами и украсить свои дипломатическія депеши нѣсколькими отвлеченными разсужденіями. Къ такого рода разсужденіямъ Кауницъ всегда имѣлъ слабость [5]). Дѣло съ конституціей подогрѣло его оцѣпенѣвшее краснорѣчіе. Онъ подробно доказывалъ, что въ этомъ дѣлѣ все вполнѣ согласуется съ публичнымъ правомъ. Вмѣшательство,—писалъ онъ,—могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы французскій король его потребовалъ, но король его не требуетъ, и нѣтъ интереса его желать [6]). Волненіе, господствующее во Франціи, увеличеніе государственнаго долга, всѣ затрудненія, являющіяся результатомъ метафизической и непримѣнимой конституціи, отвратятъ другіе народы отъ подражанія французамъ. Положеніе вещей, устанавливающееся у нихъ въ настоящее время, есть именно то сносное положеніе, которое конгрессъ европейскихъ державъ имѣлъ бы цѣлью достигнуть. Оно преимущественно благопріятствуетъ интересамъ вѣнскаго двора. «Болѣе чѣмъ вѣковой опытъ, который нерѣдко давалъ испытывать цѣлой Европѣ преобладаніе, доставляемое Франціи географическимъ положеніемъ и безконечными рессурсами этого королевства подъ управленіемъ абсолютнаго монарха, убѣдилъ, и въ особенности Австрію, что ничто не согласовалось съ полною и прочною безопасностью ея собственныхъ владѣній, разрозненныхъ и окруженныхъ могущественными врагами, болѣе чѣмъ ослабленіе и осложненіе внутреннихъ пружинъ этой грозной монархіи, которыя должны на будущее время отвлечь ея энергію отъ завоевательныхъ предпріятій» [7]). Вотъ и вся философія стараго порядка по части революціи: если парижское Собраніе оставалось вѣрнымъ обычаю, то вѣнское канцлерство не менѣе того слѣдовало своей традиціи [8]).

Австрія надѣялась, что вѣковая соперница ея, а затѣмъ второстепенная союзница, Франція снизойдетъ до уровня Польши и что надъ нею можно будетъ господствовать такъ, какъ господствовала Россія надъ Варшавою и Стокгольмомъ [9]). Леопольдъ призналъ конституцію, возобновилъ дипломатическія сношенія съ Франціей и снова сталъ принимать Ноаля при своемъ дворѣ [10]). Онъ обратился съ циркуляромъ ко всѣмъ державамъ, которыхъ приглашалъ на конгрессъ [11]), объявилъ, что при настоящемъ измѣненіи обстоятельствъ созваніе конгресса не имѣетъ непосредственной цѣли. Тѣмъ не менѣе будущее оставалось невѣрнымъ, и дворы могутъ обмѣниваться мнѣніями, «на случай необходимости конгресса». Это была отсрочка въ дипломатической формѣ. Французскіе принцы были извѣщены о ней, и Леопольдъ посовѣтывалъ имъ вести себя сообразно съ новымъ положеніемъ дѣла [12]).

Пруссаки остались довольны благоразумнымъ рѣшеніемъ Австріи. Министры сохранили свое достоинство и король нашелъ случай выказать великодушіе, не принося никакихъ денежныхъ жертвъ. 1-го октября онъ далъ прощальную аудіенцію Мустье, котораго отзывали во Францію. Онъ объявилъ, положивъ руку на шпагу, что готовъ идти на помощь къ французскому королю съ 50 тысячами солдатъ, въ томъ случаѣ, если Австрія съ своей стороны выставитъ такое же количество войска; но главной задержкой является императоръ! [13]). Императоръ задерживалъ людей, въ сущности весьма мало спѣшившихъ за нимъ слѣдовать, въ особенности, если не имѣлось въ виду вознагражденіе въ видѣ нѣмецкихъ, французскихъ или польскихъ земель. «Французская королева—сестра императора»,—говорилъ одинъ прусскій дипломатъ Густаву III; «прусскій король боится, что, по возстановленіи власти короля, французская королева

[4]) Ферзенъ Густаву III, 21 сентября 1791. Feuillet, t. IV, p. 106—109.—Fersen, *Journal*, t. I, p. 28.—Леопольдъ Густаву III, 25 сентября. Feuillet, t. IV, p. 128.—Bouillé, *Mémoires*, ch. XII, p. 297.

[5]) См. *Question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 113: свиданіе въ Нейштадтѣ и *Catéchisme politique*.

[6]) *Reflexions du prince de Kaunitz*. Vivenot, t. I, p. 284—286, 298, 303.—«Собраніе дѣйствовало правильно во все время своихъ засѣданій, и король добровольно сдѣлалъ то, что почелъ за благо:—каково бы ни было достоинство конституціи, ему одному принадлежитъ судить о томъ, какъ о своемъ домашнемъ дѣлѣ. Присвоивать себѣ такое право, значило бы узурпировать его власть... Никогда и никто не почиталъ себя въ правѣ принуждать независимый народъ сохранять собственное правительство или не дозволять ему вносить измѣненія, коль скоро и то и другое не представляются угрожающими и наступательными дѣйствіями, по отношенію къ общей безопасности и всеобщему спокойствію».

[7]) Кауницъ Кобенцелю, въ Петербургъ, 12 ноября 1791. Vivenot, t. I, p. 275.

[8]) См. т. I.

[9]) «Императоръ желаетъ быть посредникомъ между королемъ, королевою и Собраніемъ, вліять на Францію и управлять ею, чрезъ посредство тѣхъ или другихъ лицъ, расчленить ее и постоянно поддерживать въ ней смуты. Собственная сестра проклятаго «флорентинца», сдѣлалась бы его первою жертвою, если бы онъ нашелъ въ томъ какую-либо выгоду».—Баронъ Таубе Ферзену, 15 ноября 1791. Fersen, t. I, p. 226.

[10]) 17 октября 1791.—Леопольдъ Людовику XVI, 23 октября. Vivenot, t. I, p. 209.—Леопольдъ Маріи-Христинѣ 9 и 25 октября. Feuillet, t. VI, p. 151 и 217.—Отчетъ де-Ноэля, 17 октября.

[11]) Циркуляръ 12 ноября 1791. Vivenot, t. I, p. 270.

[12]) Леопольдъ принцамъ, 12 ноября 1791. Feuillet, t. IV, p. 246.

[13]) Отчетъ Мустье, 1-го октября.—Fersen, t. I, p. 32, 198, 236.

станетъ оказывать слишкомъ много услугъ своему брату» [14]). Такого же рода недовѣріе питалъ и Леопольдъ по отношенію къ Фридриху-Вильгельму [15]). Прелиминарный договоръ, подписанный обоими дворами въ Вѣнѣ 25 іюля, не обѣщалъ, повидимому, превратиться въ дѣйствительный союзъ [16]).

Въ Мадридѣ графъ Флорида-Бланка выказалъ много высокомѣрія и скептицизма, когда французскій уполномоченный Бургоанъ сообщилъ ему объ утвержденіи конституціи. Онъ объявилъ, что она лишена всякаго значенія и вынуждена насиліемъ. Но вскорѣ вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ письма изъ Вѣны и Берлина. Тогда онъ принялся осуждать слабость Пруссіи и эгоизмъ Австріи; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ удобнымъ послѣдовать ихъ примѣру и, смягчивъ тонъ своихъ рѣчей, представилъ Бургоана ко двору. «Эта политика непостижима по своей непослѣдовательности», писалъ одинъ дипломатъ. Но дѣло объяснялось очень просто: Испанія не имѣла ни кредита, ни войска, ни союзниковъ; по мѣрѣ того какъ Франція падала, дерзость Англіи по отношенію къ испанцамъ возрастала; какъ ни были они горды, необходимо было соблюдать осторожность [17]).

Что касается оговорокъ, которыя Людовикъ XVI тайно присоединялъ къ своимъ публичнымъ заявленіямъ, то политическій расчетъ совѣтывалъ европейскимъ дворамъ не обращать на нихъ вниманія, и они дѣлали видъ, что ничего о нихъ не знаютъ. Единственными правительствами, интересовавшимися дѣлами французскаго двора, была Швеція, которая впрочемъ

[14]) Fersen, t. II, p. 206.—Treitschke. t. I, p. 123.

[15]) Fersen, t. I, p. 214.

[16]) Бартелеми писалъ изъ Лондона отъ 21 октября: «Прусскій уполномоченный въ Лондонѣ (Редернъ), бесѣдуя нѣсколько дней тому назадъ о нашихъ дѣлахъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, сказалъ ему, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль опасался, чтобы его государь и императоръ не рѣшились, дѣйствительно, напасть на Францію; что въ настоящую минуту они, безъ сомнѣнія, оставили это намѣреніе; что успокоенные до нѣкоторой степени по поводу опасностей, которыхъ могли-бы ожидать отъ нашей революціи, судя по причиненнымъ ею у насъ бѣдствіямъ, они предпочтутъ, такъ же какъ и остальныя державы, предоставить насъ ослабленію вслѣдствіе нашихъ собственныхъ раздоровъ; что весною они будутъ сообразовать свой образъ дѣйствій съ нашимъ положеніемъ; что если къ этому времени у насъ вспыхнетъ междуусобная война, вмѣшательство ихъ станетъ неизбѣжнымъ; но, что онъ надѣется на то что мы воспользуемся этимъ промежуткомъ времени, чтобы поправить наши дѣла... То, что Редернъ сказалъ о заинтересованности Европы въ нашемъ ослабленіи, можетъ быть сказано съ особою справедливостью объ Англіи, которая обогащается всѣмъ тѣмъ, что мы теряемъ».

[17]) Baumgarten, p. 333—349.—Англія, говоритъ Флорида-Бланка, содѣйствуетъ общему конфликту, «чтобы помѣшать возстановленію могущества Франціи и вознаградить себя за издержки на счетъ богатствъ испанскихъ колоній» *Отчетъ Зиновьева*. Трачевскій.

ничего не могла сдѣлать, и Россія, которая желала побудить къ дѣйствію другихъ. Екатерина негодовала на «недобросовѣстность» императора; она надѣялась заставить его «обнажить шпагу» [18]). Нъ въ то же время она бранила тюильрійскій дворъ и Бретейля, котораго находила непокорнымъ своимъ совѣтамъ и своей дипломатіи [19]). Всѣ дѣйствія державъ,— говорила она,—должны имѣть въ виду несвободное состояніе французскаго короля: «Можно признавать главами государства только тѣхъ государей, которые пользуются полною свободой» [20]). Такимъ образомъ и съ этой стороны все клонилось къ тому, чтобы разстраивать планы королевской фамиліи. Людовикъ XVI просилъ помощи у Екатерины и требовалъ отъ нея ограниченія своевольства эмигрантовъ. Нѣкоторые изъ государей охотно соглашались удалить ихъ изъ своихъ предѣловъ, но не хотѣли ничего дѣлать для короля: другіе выражали готовность начать кампанію, но требовали предварительнаго отреченія короля въ пользу эмиграціи. Образъ дѣйствій принцевъ дѣлалъ это отреченіе болѣе тягостнымъ чѣмъ когда-либо для Людовика XVI.

IV.

Въ то самое время, когда королевская семья переживала въ августѣ и сентябрѣ недѣли томительнаго ожиданія и горькихъ испытаній, въ эмиграціи предавались радужнымъ иллюзіямъ и кружились въ вихрѣ удовольствій. «Заграничная Франція» считала себя государствомъ и выставляла напоказъ Европѣ свой собственный дворъ и свой собственный лагерь, изображавшіе въ уменьшенномъ и искаженномъ видѣ старую французскую монархію.

Резиденціей этого двора былъ Кобленцъ; здѣсь царилъ графъ Прованскій [1]). Остроумный, проницательный, скептикъ, загадочный для другихъ, слишкомъ небрежный и слишкомъ нерѣшительный для того, чтобы вполнѣ сознательно относиться къ самому себѣ; непостоянный и хитрый во всемъ, послѣдовательный только въ своемъ эгоизмѣ, этотъ принцъ не проявилъ еще ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя пріобрѣлъ впослѣдствіи вслѣдствіе опыта. Онъ тѣшился показнымъ престижемъ королевской власти и отличался скорѣе тщеславіемъ, чѣмъ честолюбіемъ [2]). Чтобы

[18]) Таубе Ферзену 26 января 1792. Fersen, t. II, p. 151.

[19]) Нота Екатерины II въ концѣ 1791. Feuillet, t. IV, p. 282.

[20]) *Отчетъ Штединга*, 5 ноября 1791. Fersen, t. I, p. 217.

[1]) La Rochetterie, *Correspondant*, t. XCVIII, p. 941. — Geffroy, *Gustave III*, t. II, p. 147.

[2]) «Братъ короля ничего не имѣетъ противъ того, чтобы были убѣждены въ ничтожествѣ короля, такъ какъ именно на этомъ убѣжденіи въ его

дѣйствовать властелиномъ, онъ не сталъ ждать полномочія отъ Людовика XVI. Онъ даже прямо нарушилъ его неоднократныя инструкціи, лишилъ полномочій барона Бретейля и сталъ самостоятельно заправлять дипломатическими сношеніями [3]). Онъ организовалъ правительство, въ которомъ Калоннъ былъ первымъ министромъ, одновременно завѣдывавшимъ и полиціей и финансами; канцлеромъ у него былъ епископъ Аррасскій, де-Конзье, философъ, вольнодумецъ и свѣтскій человѣкъ [4]). Водрелю было поручено военное министерство съ обязательствомъ совѣтываться по всѣмъ военнымъ операціямъ съ главнымъ ихъ руководителемъ—принцемъ Конде. У этого правительства были и свои посланники: баронъ Флаксланденъ въ Вѣнѣ, баронъ Ролль въ Берлинѣ, графъ Эстергази въ Петербургѣ, баронъ д'Эскаръ въ Стокгольмѣ, не говоря уже о цѣлой тучѣ импровизированныхъ секретарей, временныхъ миссій и цѣлаго штата дипломатовъ-волонтеровъ, которыми кишѣлъ этотъ дворъ праздныхъ, безпокойныхъ людей, нетерпѣливо ждавшихъ случая отличиться и разъѣзжать по свѣту хотя бы только въ видахъ собственнаго развлеченія [5]).

Въ довершеніе сходства со старыми дворами, графъ водворилъ въ Кобленцѣ законную супругу и фаворитку. Всѣмъ было извѣстно, что супруга давно покинута. Фаворитка находилась въ штатѣ ея придворныхъ дамъ. Одаренная природнымъ умомъ, болѣе насмѣшливая, чѣмъ привлекательная, высокомѣрная, увѣренная въ себѣ и въ своемъ вліяніи, госпожа Бальби любила держать вокругъ себя царедворцевъ, ненависть которыхъ къ ней была ей прекрасно извѣстна [6]). Окончивъ службу у графини, она принимала въ своемъ салонѣ весь дворъ графа Прованскаго. Сидя у камина, опираясь на трость, на набалдашникѣ которой изображалась голова Людовика XIV, силуэтъ которой рисовался на стѣнѣ, съ расчитаннымъ эффектомъ, братъ короля любилъ упражняться въ остроуміи. О немъ говорили, что онъ не требуетъ отъ своей фаворитки ничего, кромѣ репликъ на свои изысканные діалоги и поводовъ сказать острое словцо. Равнодушный къ наслажденіямъ, такъ же какъ и къ дѣламъ, менѣе озабоченный управленіемъ, чѣмъ внѣшнимъ престижемъ, онъ видѣлъ въ любви поводъ къ упражненію въ изящномъ слогѣ; политика его испарялась въ разсужденіяхъ, управленіе государственными дѣлами—въ эпиграммахъ.

Графъ д'Артуа держалъ себя проще. Онъ былъ горячо привязанъ къ страстной женщинѣ, госпожѣ де Поластронъ и былъ поглощенъ этой привязанностью [7]). Каждая изъ фаворитокъ имѣла своихъ преданныхъ людей, жившихъ на ножахъ между собою. Оба брата отрицали другъ въ другѣ всякія достоинства; ихъ министры относились отрицательно къ нимъ обоимъ. Въ маленькихъ кружкахъ, гдѣ онъ обыкновенно ораторствовалъ, Калонъ распоряжался принцами, своими владыками, съ такою же безцеремонностью, какъ распоряжался Франціей и Европою [8]). Франція и Европа оставляли ему большіе досуги; онъ употреблялъ ихъ на происки, направленные противъ соперниковъ, и отдавалъ этому все время, свободное отъ карточной игры или распутства. Бретейль, котораго онъ устранилъ, поносилъ Калонна и всячески старался вредить ему [9]).

Въ роялистскихъ кружкахъ, такъ же какъ и въ революціонныхъ клубахъ, господствовали крайніе. Спорили о принципахъ и весьма скоро стали видѣть добродѣтель въ насиліи и правовѣріе—въ парадоксѣ. Эти большею частью крайне легкомысленные дворяне не имѣли претензіи на философію, но узость ихъ идей не мѣшала ихъ абсолютности. Бонтонный фанатизмъ довелъ у нихъ до крайности привычную нетерпимость и аристократическую дерзость; они отлучали отъ своей церкви всѣхъ, кто не находился на одной съ ними «геометрической линіи» воззрѣній [10]). Въ этомъ обществѣ надо было доказать свою монархическую вѣру, какъ доказывали благородство происхожденія. «Когда встрѣчаются два эмигранта, они взаимно оспариваютъ чистоту своего монархизма»—говорилъ современникъ [11]). «Пре-

---

ничтожествѣ строитъ всю свою политику». *Mémoires de Goguelat*, éd. Lescure, p. 240.—«У него болѣе самолюбія, чѣмъ привязанности къ брату и тѣмъ болѣе ко мнѣ», писала королева. «Онъ всю жизнь печалился о томъ, что ему не придется властвовать, и эта жажда власти только усилилась со времени нашихъ несчастій, потому что они даютъ ему случай выдвинуться». Письма къ г-жѣ Ламбалль, іюль 1791. Feuillet, t. II, p. 148.

[3]) Графъ Прованскій Бретейлю, 2-го іюля 1791 г. Feuillet, t. II, p. 138. Королева Ферзену, 8-го іюля. Fersen, t. I, p. 148.

[4]) Forneron, *Histoire générale des émigrés*, Paris, 1884, t. I, p. 256.

[5]) «Въ Кобленцѣ господствовалъ тотъ духъ, который присущъ всѣмъ сборищамъ праздныхъ и скучающихъ людей». *Souvenirs du comte de Contades*, Paris, 1885, p. II.

[6]) Contades, *Souvenirs*, p. 16—20.

[7]) «Госпожа де-Поластронъ—любовница графа д'Артуа, видѣла въ немъ героя, забывая, что, проводя у нея все свое время, онъ пренебрегалъ и славой и дѣлами. Кротость и доброта, ее отличавшія, расположили къ ней всѣхъ. Сравнивая графа д'Артуа съ Генрихомъ IV—она весьма естественно приравнивала себя къ Габріэли, но Великій Генрихъ не проводилъ у своей фаворитки по пятнадцати часовъ въ день и не приходилось искать его у нея въ домѣ каждый разъ, когда долгъ призывалъ его въ другое мѣсто». Contades, *Souvenirs*, p. 23—24.

[8]) Contades, *Souvenirs*, p. 26. Штединга Ферзену, 20 января 1792. Fersen, t. II, p. 140. *Mémoires d'Esterhazy*. Feuillet, t. IV, p. 58.—[9]) Id, t. IV, p. 194.

[10]) Mallet du Pan, t. I, p. 370.

[11]) «Отъ всѣхъ, отправлявшихся въ Кобленцъ, требовали подписанной четырьмя дворянами аттестаціи, удостовѣрявшей въ преданности дѣлу и надлежащихъ убѣжденіяхъ». Ferrières, t. III, p. 35.—D'Allonville, *Mémoires se-*

бываніе въ Кобленцѣ перенесло меня въ Версаль», передаетъ одинъ отпавшій отъ партіи королевы эмигрантъ; «это была клоака интригъ, козней всякаго рода, глупостей и обезьянничанія стараго двора». «Я уѣхалъ изъ Кобленца, отрясая прахъ ногъ своихъ и обѣщалъ себѣ никогда не возвращаться въ такое непотребное мѣсто» [12]).

«Лагерь» находился въ Вормсѣ. Кобленцъ представлялъ въ миніатюрѣ и рельефѣ всѣ пороки дворянства и двора; Вормсъ сосредоточивалъ въ себѣ всѣ недостатки дворянской военщины [13]). Эта военщина тѣмъ не менѣе была несравненно выше придворнаго круга. Въ ней, правда, замѣчалось то же безразсудство, но это безразсудство носило рыцарскій характеръ, и каждый готовъ былъ заплатить за него цѣною собственной крови. Глава этого міра командуетъ и всѣ ему повинуются. Конде, не преминувшій выставлять напоказъ въ епископской резиденціи свою фаворитку, госпожу Монако, пользовался доходившею до боготворенія любовью своихъ солдатъ. «Принцъ Конде, — разсказываетъ одинъ изъ нихъ,—обладалъ истинно магическимъ вліяніемъ на дворянъ своей арміи». Но умѣя увлечь ихъ въ битву, онъ не отличался умѣніемъ ихъ дисциплинировать. Въ концѣ октября насчитывали около 10000 эмигрантовъ изъ дворянъ; къ февралю надѣялись собрать ихъ отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ. Въ этихъ войскахъ было много офицеровъ и весьма мало солдатъ. Большая часть явилась въ надеждѣ на командованіе и не имѣла никакого желанія повиноваться. Они смѣются надъ своими импровизированными офицерами и находятъ унизительнымъ учиться военному дѣлу у шведовъ-инструкторовъ, употребляя палки за неимѣніемъ ружей, которыхъ не откуда было взять [14]). Къ тому же всѣ они были недовольны кобленцскимъ дворомъ и принцами и единодушно

crets, Paris, 1838—1845, t. II, p. 209.—D'Haussonville, *Mélanges*, p. 23.—Д'Аваре заподозрили въ нѣкоторомъ демократизмѣ. Ему приписывали слѣдующія слова: «Графъ д'Артуа—чистый монархистъ, а я нѣтъ». Forneron, t. I, p. 257. La Rochetelle, *Correspondant*.—Mallet du Pan, t. I, p. 261.

[12]) Augeard, *Mémoires secrets*, p. 281 — 282. «Это очагъ ужаснѣйшихъ интригъ», писалъ Ферзенъ, 6 августа, Густаву III. Feuillet, t. III, p. 432. La Rochetelle, *Correspondant*, t. XCVIII, p. 948; t. XCIX, p. 278.

[13]) La Rochetelle. *Correspondant*, t. XCVIII, p. 949—952; XCIX, p. 117—126. Geffroy, *Gustave III*, t. II, p. 147. Daudet, *Conspirations royalistes*, p. 121. Chuquet, *La première invasion prussienne*, Paris, 1886, ch. VIII, *les Emigrés*. p. 273—280.—Contades, *Souvenirs*, p. 10—35.

[14]) *Mémoires d'Esterhazy*, Feuillet, t. IV, p. 58. «Графъ Лаваль только что вернулся изъ Кобленца, онъ говоритъ, что отсутствіе субординаціи достигло тамъ высочайшаго предѣла и что мелкое дворянство возмущается противъ двора». Fersen, *Journal*, t. II, p. 2. «Грустно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытно ихъ видѣть и слышать», сказалъ Густавъ III, мечтавшій однако вести ихъ въ битву. Письмо отъ 16 іюня 1791. Geffroy, t. II, p. 162.

обвиняли ихъ въ медленности, безпечности и слабости. «Дайте имъ вернуться во Францію»,—говорила Екатерина II съ обычною по отношенію къ нимъ ироническою привѣтливостью, — «принцы, если только они достойны крови, текущей въ ихъ жилахъ, прекрасно справятся съ своей задачей и одни... Для этого необходимо не болѣе четырехъ или пяти составныхъ веществъ, которыя найти не трудно: храбрость, твердость, милосердіе, благоразуміе и разсудительность, и все придетъ въ порядокъ» [15]). Великой государынѣ легко было говорить такимъ образомъ. Но за исключеніемъ храбрости, которая всегда оказывалась на лицо, именно въ указанныхъ составныхъ веществахъ ощущался полный недостатокъ въ средѣ французскихъ эмигрантовъ.

До ареста короля они держали себя по отношенію къ нему еще съ нѣкоторой сдержанностью, но со времени ареста потеряли къ нему всякое уваженіе. Монархія ставилась ими выше короля, а дворянство—выше монархіи. Подъ именемъ *провинціальнаго союза* они составили нѣчто въ родѣ лиги, которая должна была развѣтвляться по всей Франціи. Въ случаѣ возстановленія королевской власти, предполагалось поставить Бурбоновъ въ то положеніе, въ которое Гизъ и его партія хотѣли поставить Валуа. Король будетъ главою этой лиги лишь для того, чтобы повиноваться ея приказамъ. Онъ будетъ царствовать, а дворянство—управлять [16]). Въ ожиданіи подчиненія Людовика XVI, они занимаются тѣмъ, что оскорбляютъ его. «*Бѣдняга, бревно, блаженный...*» всѣ эти эпитеты Людовика, по словамъ Гогела, были введены въ моду придворными его брата. «Никогда не приходилось мнѣ слышать, чтобы такъ третировали Людовика XVI» [17]). Принцы заранѣе протестовали противъ принятія конституціи Людовикомъ XVI. Письмо, переданное имъ королемъ черезъ посредство Куаньи [18]), заключало въ высшей степени разумныя соображенія и обличало замѣчательный историческій смыслъ. Это письмо дѣлало честь Барнаву, бывшему его вдохновителемъ; на принцевъ оно не произвело никакого впечатлѣнія и ни въ чемъ не измѣнило ихъ настроенія. Преступная нелѣпость союза съ иноземцами [19]), невозможность

[15]) Письмо къ Гримму, 25 августа 1792, стр. 573.

[16]) La Rochetelle, *Correspondant*, t. XCIX, p. 129.—Augeard, p. 277.

[17]) *Mémoires*.—Augeard, p. 180.—La Rochetelle, p. 128.

[18]) См. выше.

[19]) «Можно-ли думать, что графъ д'Артуа, членъ призванной царствовать фамиліи, до такой степени забываетъ о собственномъ интересѣ и славѣ, что первый возбуждаетъ къ междоусобной войнѣ, чтобы предать королевство въ руки чужеземцевъ и причинить его распаденіе? Даже въ случаѣ успѣха, человѣкъ, навлекшій такое зло, сдѣлался бы предметомъ всеобщей ненависти... Слѣдуетъ однако же ждать безпримѣрной въ лѣтописяхъ какого бы ни было

СПБГУ

контръ-революціи, необходимость преобразованій въ монархіи, если только желали укрѣпить ее, всѣ эти соображенія, отвѣчавшія требованіямъ минуты и вполнѣ оправданныя послѣдовавшими событіями, развиты были въ письмѣ съ замѣчательною твердостью. «Если принять во вниманіе,—говорилось въ концѣ этого документа,—что, даже въ случаѣ полной побѣды, завоевателю пришлось бы имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ, щадить всѣ тѣ пункты, на которыхъ оно было непреодолимо, т. е. возстановить приблизительно все, что ему желательно было бы ниспровергнуть, то придется сознаться, что планъ войны противъ великаго народа, съ цѣлью заставить его измѣнить свои законы, есть, къ счастью, не что иное, какъ чистѣйшее безуміе».

Когда принцы узнали, что Людовикъ XVI присягнулъ конституціи, они высказали ему публичное порицаніе и въ конфиденціальномъ письмѣ, съ которымъ обратились къ нему, прибавляли, говоря о конституціонистахъ: «Если намъ говорятъ отъ имени этихъ людей, мы не станемъ выслушивать: если намъ говорятъ отъ вашего имени, мы выслушаемъ, но пойдемъ прямо къ цѣли своимъ путемъ» [20]). Путь, по которому они намѣревались идти, былъ не чѣмъ инымъ, какъ собственно завоеваніемъ. Средства ихъ крайне несложны: вмѣсто убѣжденія—угроза, а въ видахъ достиженія покорности — насиліе; лозунгъ: «никакихъ сдѣловъ» [21]). «Война, которую они намѣреваются вести, приметъ характеръ феодальной войны» [22]).

Но именно этой военной силы, въ которой резюмируется вся ихъ политика и на которой сосредоточиваются всѣ ихъ надежды, и не имѣлось на-лицо. Армія ихъ лишена запасовъ, казна ихъ пуста, кредитъ отсутствуетъ. По части финансовъ, принцамъ приходится вѣдаться лишь съ собственными долгами, и все искусство Калонна заключается въ отсрочкѣ платежей. Они принуждены довольствоваться субсидіями, т. е. средствами на покрытіе издержекъ первой необходимости. Начинаются денежныя затрудненія: они бравируютъ ихъ съ презрѣніемъ; но нѣмецкіе кредиторы не соглашаются на отсрочки и не убѣждаются дерзкими и высокомѣрными выходками должниковъ-аристократовъ. Они съ свойственной имъ про-

народа войны, войны цѣлаго народа противъ арміи, народа, который ринется къ своимъ предѣламъ, чтобы отстоять не только свои очаги, но и законы и свободу мысли. Его любовь къ свободѣ дошла бы до фанатизма и удвоила бы его силы; чувство собственнаго достоинства соединило бы противъ чужеземцевъ всѣхъ враждующихъ между собою гражданъ». *Mémoire envogé à M. le comte d'Artois, Correspondance de la Marck*, t. III, p. 163.

[20]) La Rochetterie, p. 112—115.

[21]) Mallet du Pan, t. I, p. 261.

[22]) Pellenc à la Marck, 28 décembre 1791. *Correspondance*, t. III, p. 279.

стодушною грубостью заявляютъ, что иностранные гости для нихъ обременительны и убыточны [23]). Эмигранты не обращаютъ на это вниманія и продолжаютъ сохранять свою свѣтскую невозмутимость. Они рѣшили заставить терпѣть себя въ Европѣ и увлечь ее въ свое предпріятіе. Послѣ свиданія въ Мантуѣ они, на каждомъ шагу, хвалятся обѣщанными имъ милліонами и войсками. Послѣ Пильница они хвастаютъ займами, гарантіями, трактатами и коалиціями, направленными противъ Франціи [24]). Когда графъ д'Артуа вернулся изъ неудачной поѣздки, его сторонники устроили ему торжественную встрѣчу, и агенты принцевъ стали разъѣзжать повсюду, требуя выполненія мнимыхъ обѣщаній, отъ которыхъ такъ рѣшительно отказывались европейскіе государи [25]).

Англійское министерство выпроваживаетъ ихъ безъ всякой пощады. Питтъ судитъ объ эмигрантахъ совершенно такъ же, какъ Орасъ Вальполь, находившій ихъ людьми безразсудными. Въ Англіи за нихъ стоитъ только Боркъ, рыцарское воображеніе котораго заставляетъ его раздѣлять ихъ химерическія надежды; но Боркъ предлагаетъ имъ однѣ свои рѣчи и присылаетъ только брошюры: малѣйшій денежный заемъ былъ бы имъ полезнѣе въ эту минуту [26]). Леопольдъ дѣйствуетъ по примѣру Англіи. Прусскій король выказываетъ имъ болѣе вниманія.

Берлинскій дворъ представлялъ наиболѣе удобное поприще для маневровъ эмиграціи. Швейцарскій офицеръ, баронъ Ролль, генералъ-маіоръ французской службы, человѣкъ тяжеловатый и неловкій по внѣшности, но вкрадчивый и опытный въ интригѣ, развертываетъ при этомъ дворѣ большую дипломатическую предпріимчивость и изворотливость. Онъ встрѣчаетъ неожиданнаго помощника въ двусмысленной личности, которую съ той минуты мы встрѣтимъ во всѣхъ подозрительныхъ сношеніяхъ того времени. Это нѣкто Гейманъ, эльзасскій баронъ, служившій въ войскахъ Булье въ чинѣ генералъ-маіора [27]). Вынужденный эмигрировать послѣ Варенна, онъ бѣжалъ въ Пруссію, гдѣ король зачислилъ его въ свой глав-

[23]) Perthes, t. I. p. 66, 206. — Haeussер, t. I, p. 292—293. — Philippson, t. II, p. 14.—Varnhagen von Ense, t. I, p. 84—86. — «Меня увѣряли, что на нихъ очень худо смотрятъ въ городахъ Германіи. Они, какъ слышно, много тамъ тратили и никому ничего не платили». Кочубей Воронцову, Бернъ, 17 августа 1791 г. Архивъ князя Воронцова, т. XVIII, Москва, 1880 г., стр. 12.

[24]) Марія Антуанета де Мерси, 12 сентября 1791 г. Arneth, p. 209.

[25]) *Mémoire à l'Empereur et au roi de Prusse*, 29 août 1791. Feuillet, t. II, p. 255.—La Rochetterie, t. XCVIII, p. 968; t. XCIX, p. 111.

[26]) Stanhope, *William Pitt*, t. II, p. 133.—Rémusat, *l'Angleterre au dix-huitième siècle*, t. II, p. 410.—Forneron, *Histoire des émigrés*, t. I, p. 215.

[27]) Chuquet, *l'Invasion prussienne*, p. 119—120.

ный штабъ. Вращаясь во Франціи среди того безпокойнаго дворянства, которое бросилось въ революцію не столько вслѣдствіе идейнаго энтузіазма, сколько изъ стремленія къ новизнѣ и потребности въ движеніи, Гейманъ слылъ орлеанистомъ. Онъ былъ знакомъ съ Мирабо, бывалъ у Бирона и встрѣчался по временамъ съ человѣкомъ еще мало извѣстнымъ, вынужденнымъ довольствоваться закулисными происками, но котораго событія скоро выдвинутъ на аванъ-сцену. Этотъ человѣкъ былъ Дюмурье. Разнообразныя связи позволяли Гейману одновременно служить самымъ противоположнымъ партіямъ. Онъ втирается въ оба лагеря, переходитъ изъ одного въ другой и играетъ самыя противоположныя роли. Настойчивость склоннаго къ интригѣ характера, потребность играть роль, услужливость человѣка, желающаго вмѣшиваться во всевозможныя дѣла, тщеславное желаніе хвалиться дружбой съ знаменитостями, природная услужливость и несомнѣнная искренность въ личныхъ привязанностяхъ, дѣлали изъ этого второстепеннаго политическаго дѣятеля цѣннаго повѣреннаго и въ высшей степени полезнаго сотрудника. Въ сущности, онъ всего болѣе склоненъ былъ сочувствовать эмиграціи и служить прусскому королю.

Бишофсвердеръ доставляетъ доступъ къ своему государю этому апокрифическому посланнику. Любимецъ Фридриха Вильгельма и эмпирики эмиграціи понимали другъ друга на полусловѣ, надували другъ друга и взаимно считали себя вздорными людьми, а то и прямо обманщиками высшаго полета. Они касались въ своихъ бесѣдахъ самыхъ щекотливыхъ пунктовъ. Бишофсвердеръ далъ почувствовать, «что при помощи нѣкоторыхъ жертвъ на счетъ французскихъ границъ можно было легко добиться содѣйствія прусскаго короля». Комбинація состояла въ предоставленіи Пруссіи части Палатината изъ наслѣдства Жюльерскаго княжества, что содѣйствовало бы округленію прусскихъ границъ на Рейнѣ; курфирстъ палатинъ могъ бы при этомъ вознаградить себя частью Эльзаса; императоръ взялъ бы остальное и французскую Фландрію, что удовлетворило бы его съ избыткомъ [28]). Братья короля порицали эти тайные происки; но ихъ агенты выслушивали подобныя предложенія съ крайнею снисходительностью, и этого было достаточно для того, чтобы ихъ повсюду обвиняли въ сообщничествѣ съ людьми, предлагавшими подобныя комбинаціи [29]). Этого

[28]) Замѣтка маркиза Бомбелля о причинахъ несогласій между французскимъ королемъ и принцами—его братьями. Feuillet, t. V, p. 82.

[29]) Бартелеми писалъ изъ Лондона послѣ бесѣдъ съ русскимъ посланникомъ, то есть представителемъ державы, наиболѣе благопріятствовавшей эмигрантамъ и наиболѣе свѣдущей относительно ихъ дѣлъ: «Г. Воронцевъ заставилъ меня дать слово не называть его, но долгъ велитъ мнѣ извѣстить васъ о томъ, что ему самымъ положительнымъ образомъ извѣстно, что наши эмигранты говорили прусскому королю о сдѣлкѣ, которая позволила-бы ему расширить предѣлы на Рейнѣ путемъ пріобрѣтеній, часть которыхъ, а именно Эльзаса, послужила-бы вознагражденіемъ курфирсту-палатину». Отчетъ 2-го сентября 1791. Бартелеми возвращается къ этому предмету 30-го сентября: «Онъ (Воронцевъ) повторилъ мнѣ вчера за вполнѣ достовѣрное, что французскіе принцы, съ цѣлью склонить прусскаго короля къ оказанію поддержки войсками, предлагали ему взять Бергъ и Жюльеръ, а палатина вознаградить частью Эльзаса; что прусскій король, восхищенный этимъ планомъ, сообщилъ о немъ императору, давъ понять ему, что онъ съ своей стороны можетъ сдѣлать пріобрѣтенія въ Эльзасѣ и французской Фландріи».

было также достаточно, чтобы воскресить въ душѣ Фридриха-Вильгельма духъ наживы, характеризовавшій всѣ тевтонскіе крестовые походы. Возвращаясь однажды изъ Потсдама, министръ Шуленбургъ воскликнулъ: «король желаетъ войны!» [30]). Вслѣдствіе всего этого, эмигранты были увѣрены въ содѣйствіи Пруссіи.

Густавъ III былъ вполнѣ искрененъ въ своихъ обѣщаніяхъ, но онъ могъ располагать только своимъ словомъ и мечемъ. Агентъ принцевъ, господинъ д'Эскаръ, испыталъ по пріѣздѣ въ Швецію, въ концѣ сентября, жестокое разочарованіе [31]). Онъ надѣялся найти тамъ флотъ и армію, готовую къ отплытію къ берегамъ Нормандіи. Шведскіе порты были пусты, арсеналы опустошены и въ казнѣ царило безденежье. Русская императрица должна была доставить обозъ, людей и деньги. Густавъ III продолжалъ вести съ ней переговоры по поводу союза, обѣщаннаго ею со времени заключенія мира. Принцамъ оставалось только ждать милостей отъ этой государыни, и они окружали ее самою утонченною лестью. Посланія ихъ становятся дифирамбами. Они впадаютъ въ восторженное состояніе при мысли о томъ, что она «благоволитъ интересоваться ихъ дѣломъ». «Писать ей—это, такъ сказать, пріобщать ее къ нашимъ совѣщаніямъ». «Если удастся перейти Рейнъ хотя бы съ 10000 человѣкъ, мы будемъ имѣть ихъ скоро 100000: геній Екатерины II поведетъ насъ къ побѣдѣ» [32])! Екатерина принимаетъ при своемъ дворѣ уполномоченнаго брата Людовика XVI, Эстергази; она соглашается признать регентство графа Прованскаго; она посылаетъ къ нему посланника, графа Румянцева; наконецъ она даритъ ему два милліона рублей, совѣтуетъ читать Генріаду и проникнуться геніемъ дѣда, который царствовалъ и по праву завоевателя, и по праву своего рожденія [33]).

[30]) Haeussер, t. I, p. 322.

[31]) Отчеты Geffroy, t. II, p. 195.

[32]) Принцы Екатеринѣ II, 14 и 23 сентября 1791. Feuillet, t. II, p. 327—359. *Архивъ князя Воронцова*, т. XVIII, стр. 14, письмо Кочубея къ Воронцову 12 октября 1791 г. и адресъ Екатеринѣ, стр. 15.

[33]) *Mémoires et Instruction d'Esterhazy.* Feuillet, t. IV, p. 62; t. II, p. 265. Екатерина принцамъ, 19 августа 1791. Feuillet, t. II, p. 238, 338, 355.

Этимъ однако ограничивается ея содѣйствіе. Не было ѳиміама, хотя бы расточаемаго однимъ изъ Бурбоновъ, когорый способенъ былъ бы отуманить, хотя на минуту, мозгъ достойной ученицы Фридриха Великаго. Политика ея сообразуется исключительно съ государственной пользой: эта польза говоритъ ей, что армія принцевъ существуетъ только на бумагѣ и что всѣ ихъ рессурсы остаются пока однѣми надеждами. Она постарается къ будущей веснѣ подумать о «способахъ оказанія содѣйствія, если то дозволятъ обстоятельства» [34]). Всѣ ея отвѣты не что иное, какъ благовидные, насмѣшливые отказы. Принцы обманываютъ себя на этотъ счетъ, и Калоннъ, проживающій въ Лондонѣ, гдѣ на долю его выпадаютъ однѣ неудачи, пишетъ въ концѣ сентября одному изъ своихъ пріятелей: «наши средства начинаютъ значительно увеличиваться. Принцы только что получили дружественную, рѣшающую и превосходную депешу отъ русской государыни» [35])!

Испанія дѣлаетъ, что можетъ [36]). Карлъ IV удѣляетъ часть испанскаго золота своимъ двоюроднымъ братьямъ. Они получаютъ сначала 400000 піастровъ, а затѣмъ и милліонъ. Король обѣщаетъ десять милліоновъ Густаву III въ видѣ субсидіи. Онъ начинаетъ говорить о своемъ желаніи стать во главѣ войска: у него 15000 солдатъ въ Каталоніи, къ нимъ присоединятся 20000 навербованныхъ швейцарцевъ. Эта экспедиція будетъ поддержана роялистской инсуррекціей. Эмигранты возбуждаютъ броженіе на югѣ. Возстаніе загорѣлось въ Перпиньянѣ, но оно оказалось неудачнымъ, и энтузіазмъ Испаніи охладѣлъ. «Чего ожидать отъ людей, озабоченныхъ болѣе удовольствіями, чѣмъ отстаиваніемъ своихъ правъ»! — говорилъ Флорида Бланка. «Госпожа Монако руководитъ политикой принца Конде, а госпожа Полластронъ ведетъ политическія дѣла графа д'Артуа» [37]). Въ кругу дипломатовъ всѣ говорятъ о затрудненіяхъ, причиняемыхъ повсюду эмигрантами, о назойливости, которая дѣлаетъ ихъ нестерпимыми. «Ихъ не станетъ поддерживать ни одна иностранная держава», говоритъ французскому посланнику Бартелеми прусскій уполномоченный въ Лондонѣ, Редернъ [38]). Но если имъ не удается увлечь Европу и замѣшать ее въ свои распри, зато они вполнѣ успѣваютъ раздражить французовъ своимъ задоромъ и хвастовствомъ. Ослѣпленіе ихъ такъ велико, что они радуются этому, какъ какой-нибудь крупной удачѣ.

[34]) Екетерина князю Нассау Зигенскому, августъ, 1791. Fecillet, t. II, p. 329. Отвѣтъ Эстергази, сентябрь 1791. Fecillet, t. II, p. 357.

[35]) Отчетъ Бартелеми, 30 сентября 1791.

[36]) Baumgarten, p. 333—340.—[37]) Id., p. 339.

[38]) Отчеты Бартелеми, 2 октября, 2 и 9 декабря 1791 г.

V.

Королевская семья и эмиграція, такъ много ожидавшія отъ европейскаго вмѣшательства, добивались его, но безъ успѣха; Франція, опасавшаяся такого вмѣшательства, безсознательно навлекала его на себя. Для того, чтобы затронуть за живое европейскихъ государей, революціи должна была коснуться ихъ собственныхъ интересовъ: именно къ этому клонилась революція осенью 1791 года...

12-го сентября, на другой день послѣ того, какъ принятіе конституціи королемъ сдѣлало ее основнымъ государственнымъ закономъ, собраніе декретировало присоединеніе къ Франціи Авиньона и графства Венессенскаго. Собраніе послало эмиссаровъ въ графство для обезоруженія мѣстныхъ партій [1]). Но партіи не соглашались положить оружіе; эмиссары вернулись въ Парижъ и привезли заявленіе большинства жителей, выражавшихъ желаніе быть присоединенными къ Франціи, такъ какъ видѣли въ этомъ единственное средство прекратить жестокую междоусобицу [2]). Дѣло передано было въ комитетъ, завѣдывавшій имъ и ранѣе. Мену представилъ докладъ въ засѣданіе 13-го сентября. Докладъ приходилъ къ заключенію о необходимости присоединенія [3]). Всѣ доводы были исчерпаны. Мори попытался исправить проектъ декрета. Собраніе не захотѣло его выслушивать. Присоединеніе было принято большинствомъ голосовъ. Декретъ санкціонировалъ такимъ образомъ смѣшеніе стариннаго и новаго права, на которое опирались и которое постоянно затемняли предварительныя пренія [4]). Собраніе полагало, что удовлетворило всѣмъ принципамъ, и своимъ и европейскимъ; оно находило себя послѣдовательнымъ, вѣрнымъ себѣ и безукоризненнымъ въ глазахъ Европы. Оно полагало, что положило конецъ всѣмъ возраженіямъ, рѣшивъ, что будетъ приступлено къ переговорамъ съ римскимъ дворомъ «для обсужденія надлежащихъ вознагражденій и возмѣщенія убытковъ». Легисты, переполнявшіе

[1]) См. выше о томъ же

[2]) 10 сентября. *Moniteur*, t. IX, p. 633.

[3]) Изъ числа 98 общинъ съ 152919 жителей, подали голоса 71 : 52 подали голосъ за присоединеніе, 19—противъ, 27 воздержались. Общины, высказавшіяся за присоединеніе, представляли 101045 жителей; не принявшія его—51813, изъ которыхъ только 30667 выразили свой отказъ въ отрицательномъ отвѣтѣ.

[4]) «Національное Собраніе объявляетъ, что въ силу правъ Франціи на Авиньонъ и Венессенское графство и согласно съ свободно выраженнымъ желаніемъ большинства общинъ и гражданъ этого края быть присоединенными къ Франціи, Авиньонъ и графство отнынѣ входятъ въ составъ французскаго государства».

комитеты, забывали, что судьею въ этомъ спорномъ вопросѣ не могъ быть парламентъ юрисконсультовъ, передъ которымъ развиваютъ логическія доказательства и который рѣшаетъ дѣло теоретическими опредѣленіями; судьею была Европа. Заботясь не о словахъ, а о конкретныхъ предметахъ, весьма равнодушная въ дѣлѣ принципа и весьма небрежно относившаяся къ текстамъ договоровъ, она судила о намѣреніяхъ по дѣламъ, а о декретахъ—по вытекающимъ изъ нихъ послѣдствіямъ. Люди дальновидные не ошиблись относительно значенія присоединенія, вотированнаго Собраніемъ: прежде, ему предшествовавшія, впрочемъ, достаточно уяснили это значеніе.

«Очевидно», писалъ графъ де-Ламаркъ [5]), «что вслѣдствіе такого образа дѣйствій Франція поставитъ себя на военное положеніе по отношенію ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ; она будетъ непрерывно грозить имъ инсуррекціей въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, а инсуррекціи поведутъ ее къ завоеваніямъ. Римъ, низлагая государей, когда ихъ народы становились подъ его покровительство, слѣдовалъ той же системѣ... Весьма возможно, что нѣсколько сумасбродныхъ головъ въ новомъ Собраніи воспользуются энтузіазмомъ по случаю присоединенія, чтобы декретировать вторженіе въ Нидерланды, отнесясь къ угрозамъ державъ какъ къ заявленіямъ враждебности и въ томъ убѣжденіи, что новая инсуррекція въ Нидерландахъ была бы для Франціи лишнимъ препятствіемъ. Отсюда до инсуррекціи въ Люттихѣ и Голландіи одинъ только шагъ. Можетъ быть, вы сочтете все это безуміемъ, но вы увидите, что въ будущую сессію всѣ эти безумныя мѣры, поддерживаемыя честолюбіемъ Лафайета, покажутся самымъ обыкновеннымъ дѣломъ».

Это мнѣніе свидѣтельствуетъ о дальновидности автора. Нидерланды во всѣ времена были театромъ королевскихъ завоеваній; они же должны были прежде всего сдѣлаться поприщемъ національныхъ присоединеній. Въ то самое время, какъ во Франціи развивали принципъ подобныхъ присоединеній, въ Нидерландахъ подготовлялись поводы примѣнить ихъ на дѣлѣ. Возстановленное тамъ австрійское правительство пыталось лавировать между всѣми партіями; оно достигало лишь возбужденія всеобщаго недовольства. Всѣ единодушно желали новой революціи, аристократы столько же, сколько и демократы, прежніе штатисты столько же, сколько Вонкъ и его сторонники, бѣжавшіе во Францію. Во Франціи поощряли ихъ иллюзіи и благопріятно относились къ ихъ стремленіямъ и приготовленіямъ къ возмездію. Лафайетъ, Бриссо, Камиль Демуленъ старались увѣрить ихъ, что Франція поможетъ основанію республики соединенныхъ штатовъ Фландріи,

[5]) Мерси, 4 сентября 1791. *Correspondance*, t. III, p. 234.

что составляло завѣтную мечту всѣхъ бельгійскихъ патріотовъ. Даже французскій посланникъ въ Брюсселѣ считалъ своимъ долгомъ работать вмѣстѣ съ своими секретарями во вредъ австрійскому правительству [6]). Эти подземные маневры отзывались скорѣе интригами стараго порядка, чѣмъ революціонной пропагандой. Болѣе непосредственно проявилась эта пропаганда въ Люттихѣ и тамъ же выступилъ впервые будущій министръ иностранныхъ дѣлъ республики.

Возстановленіе власти люттихскаго епископа послѣдовало за возстановленіемъ австрійскаго правительства въ Нидерландахъ. Поддерживаемый войсками императора, люттихскій епископъ совершилъ полнѣйшую контръ-революцію. Мѣстные патріоты бѣжали во Францію и попытались тамъ организоваться. Во главѣ ихъ стоялъ темный, неизвѣстный авантюристъ, котораго странныя превратности судьбы должны были вскорѣ поставить на постъ, нѣкогда занимаемый Ришелье, Мазареномъ, Іонномъ Торси, Шуазелемъ, Верженномъ, и сдѣлать руководителемъ французской политики во время одного изъ величайшихъ кризисовъ французской исторіи [7]). То былъ Лебрёнъ-Тондю. Онъ родился въ Нойонѣ въ 1763 г., былъ французомъ по происхожденію, но космополитомъ по своимъ склонностямъ, по воспитанію и карьерѣ, если можно дать такое имя причудливымъ превратностямъ, которыя вернули его на родину въ качествѣ люттихскаго рефюжье. Онъ поступилъ въ коллежъ Людовика Великаго стипендіатомъ Нойонскаго капитула, затѣмъ пробылъ нѣкоторое время въ семинаріи и готовился вступить въ духовное званіе, но такъ какъ выказалъ болѣе склонности къ математикѣ, чѣмъ къ богословію, то семинарское начальство помѣстило его пансіонеромъ короля въ обсерваторію. Онъ оставался тамъ недолго. Отказавшись отъ духовнаго званія, онъ отдался наукѣ; науку оставилъ для войны, а войну—ради путешествій: поступивъ на военную службу онъ дезертировалъ. Случай привелъ его въ Люттихъ. Мы видимъ его здѣсь домашнимъ учителемъ у одного изъ городскихъ старшинъ, а затѣмъ—приказчикомъ у содержателя типографіи, одновременно бывшаго и издателемъ газеты. Онъ основалъ *Journal général de l'Europe*, пользовав-

[6]) Меттернихъ писалъ Кауницу изъ Брюсселя 17 сентября 1791 г.: «Французскіе демократы поощряютъ въ Бельгіи и аристократовъ и демократовъ, несмотря на различіе въ воззрѣніяхъ тѣхъ и другихъ.... Броженіе, поддерживаемое ими среди старыхъ бельгійскихъ мятежниковъ, можетъ быть имъ полезно современемъ; они надѣются, что оно приведетъ къ нѣкоторымъ движеніямъ». Borgnet, t. I, p. 249. — Affaires étrangères: *Correspondance de Bruxelles*,—Wolf, *Marie-Christine*, ch. IX.—Feuillet, *les lettres de Marie-Christine à Léopold en automne* 1791.

[7]) Masson, *Affaires étrangères*, p. 161.—Ernouf, *Maret duc de Bassano*, Paris, 1878. p. 41.—Borgnet, ch. IX et X.

шійся большимъ успѣхомъ въ Нидерландахъ и на Рейнѣ. Въ новомъ званіи своемъ онъ изучаетъ урывками публичное право, исторію, урывками же почерпаетъ изъ чтенія и случайныхъ бесѣдъ нестройное понятіе о вещахъ и людяхъ европейской политической жизни. Ему удалось накопить цѣлый ворохъ безпорядочныхъ знаній. Природный здравый смыслъ и счастливая узость ума помогли ему разобраться въ этомъ безпорядочномъ ворохѣ съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ то могло бы удасться болѣе даровитому, болѣе одаренному воображеніемъ, человѣку. Лебрёнъ былъ посредственностью, но не лишенъ былъ экзальтаціи. Посредственность однако же брала верхъ надъ экзальтаціей, и если это не спасло его отъ эшафота, зато спасало отъ трагическихъ сумасбродствъ. Онъ былъ общителенъ, горячъ и откровененъ; ему удалось завязать дружескія сношенія со многими людьми, изъ которыхъ впослѣдствіи онъ извлекъ пользу и на которыхъ основывалась вся его дипломатія.

По возвращеніи въ Парижъ, онъ познакомился съ Дюмурье, который съ перваго же раза произвелъ на него чарующее впечатлѣніе и сохранялъ надъ нимъ постоянное вліяніе. Такимъ образомъ онъ попалъ въ общество революціонныхъ агитаторовъ.

Бриссо стоялъ въ этой средѣ на первомъ планѣ и задавалъ тонъ. Вокругъ него группировались Маре, только что въ ступившій въ это время на поприще журналистики, Геро-де-Сешель, выбитый изъ колеи парламентаристъ, стремившійся вернуть себѣ при новомъ положеніи вещей то положеніе, которое утратилъ при старомъ порядкѣ. У него было большое состояніе, привычка къ свѣтской жизни и умѣніе держать себя въ обществѣ; здѣсь же вращался наконецъ Дантонъ, царившій среди хаоса демагогіи и по временамъ обращавшій на Европу свое грозное любопытство [8]). Здѣсь же встрѣчаемъ мы секретаря якобинскаго клуба, отчасти клиента и приспѣшника Мирабо, назначеннаго нѣкогда вслѣдствіе покровительства великаго оратора посланникомъ въ Люттихѣ; [9]) это былъ отставной лейтенантъ, по имени Боннъ-Кареръ, котораго Верженнъ посылалъ съ различными порученіями въ Англію, Индію и Африку. Посѣщая всевозможные клубы и не принадлежа собственно ни къ одному, онъ исполнялъ во Франціи, по желанію люттихскихъ эмигрантовъ, ту миссію, которую не позволялъ ему выполнить при своемъ дворѣ люттихскій епископъ.

[8]) Robinet, *Danton émigré*, Paris 1887, p. 5: *Danton en Angleterre.*

[9]) Masson, p. 156.—Ernouf, p. 41.—«Г. де-Боннъ-Карреръ, джентлеменъ, о которомъ вашей свѣтлости, безъ сомнѣнія, уже пришлось слышать, такъ какъ онъ неоднократно бывалъ въ Англіи, человѣкъ не лишенный умѣнья вести дѣла и опытный въ интригахъ, отправляется въ Люттихъ». Отчетъ лорда Гауэра 1 апрѣля 1791 г.

Между тѣмъ какъ во Франціи и на ея границахъ скоплялось столько горючаго матеріала, избиратели приступали къ назначенію депутатовъ въ законодательное Собраніе и конституція провозглашена была по всему королевству среди выраженія обычнаго восторга, съ которымъ населеніе привѣтствуетъ всякое нововведеніе. То было время восторговъ и изліяній и можно сказать, что цѣлая Франція радостно приносила жертвы невѣдомому Богу! Быть можетъ, утомленные двумя годами революціи, умы старались ободрить себя надеждой, и въ этомъ всенародномъ выраженіи довѣрія было болѣе старанія вѣрить, чѣмъ истиннаго энтузіазма [10]). «Устраивали празднества, какъ будто чувствовали себя счастливыми»,— говоритъ одинъ современникъ [11]); «праздновали, желая убѣдить себя, что революція завершена и свобода установлена. Тѣмъ не менѣе каждый старался почерпнуть въ увѣренности сосѣда чувство безопасности, не ощущаемое имъ самимъ». 30-го сентября Людовикъ XVI отправился въ Собраніе: онъ подтвердилъ уже сдѣланное имъ заявленіе относительно преданности своей народу и рѣшимости заставить уважать права государства. Депутаты привѣтствовали его слова неоднократно повторенными криками: «да здравствуетъ король!» «Государь,—сказалъ ему предсѣдатель Собранія Туре; «ваше величество положили конецъ революціи своимъ лойяльнымъ и искреннимъ признаніемъ конституціи». Онъ прибавилъ, что Собраніе закончило свои труды и депутаты разошлись. Они декретировали миръ внутри и извнѣ; но противорѣчіе господствовало въ воззрѣніяхъ, вражда тлѣла въ душахъ, и извнѣ, какъ и внутри страны, сила вещей неизбѣжно вела къ конфликтамъ. Та же конституція, роялистская и миролюбивая по своимъ статьямъ, должна была, въ силу естественнаго сочетанія своихъ элементовъ, привести французскій народъ къ республикѣ и войнѣ. Мы видимъ это съ полною ясностью уже во время первыхъ засѣданій законодательнаго Собранія.

[10]) *Journal d'une bourgeoise*, publié par Ed. Lockroy, Paris, 1880: 2 авг. 1791. «Изъ всего слышаннаго мною въ частныхъ бесѣдахъ слѣдуетъ, что общественное мнѣніе исполнено довѣрія; думаютъ, что мы близки къ цѣли. Что касается коалиціи державъ то: paturiunt montes, nascetur ridiculus mus». 11 августа «Внѣшнихъ враговъ опасаются мало, надъ внутренними смѣются». 15 августа: «Я совсѣмъ не считаю опасными всѣ эти иностранныя державы, которыми насъ пугаютъ. Разногласіе замѣчается у нихъ во всемъ и пока онѣ совѣщаются по главному вопросу, то есть нападенію, наступитъ зима, которая и защититъ насъ».

[11]) Madame de Staël, *Considérations*, 2 partie, ch. XXIII.

ОГИЗ Библиотека

ГЛАВА III.

Партіи и война.

1791.

I.

Законодательное Собраніе открылось 1-го октября. Оно насчитывало 745 депутатовъ. «Никогда не видано было болѣе молодого собранія. Оно явилось подобно однородному отряду людей, которые всѣ были почти одного возраста, принадлежали къ одному классу общества, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ и носили одинаковое платье. За исключеніемъ Бриссо, Кондорсе и нѣкоторыхъ другихъ, все это были люди неизвѣстные» [1]). Можно прибавить, что и посредственные и не обладавшіе никакою опытностью. Правая, то есть тѣ, кого отнынѣ будутъ называть конституціонистами, насчитывала не болѣе ста представителей. Вмѣстѣ съ весьма мало надежными союзниками своими въ центрѣ, эта партія могла собрать 160 голосовъ. Около 250 депутатовъ безъ опредѣленной окраски, составляющихъ обыкновенное большинство всякихъ собраній и рѣшающихъ судьбы государства становясь на ту или другую сторону, обязано было своимъ избраніемъ, въ большинствѣ случаевъ, вліянію якобинцевъ; это большинство связано съ якобинскимъ обществомъ не только своимъ избраніемъ, но и въ особенности своимъ настроеніемъ и своими предубѣжденіями. Оно относится съ ненавистью къ аристократіи, двору и духовенству; оно подозрѣваетъ вездѣ коаліціи и заговоры, имѣющіе цѣлью контръ-революцію; оно увѣрено въ томъ, что для огражденія революціи необходимо ускорить ея ходъ.

Якобинцевъ-депутатовъ было въ Собраніи около 330; они сидѣли по лѣвую сторону: большинство изъ нихъ вышло изъ судебныхъ учрежденій мелкихъ провинціальныхъ городовъ, откуда имъ удалось перейти въ департаментскую администрацію. Эти провинціальные законники не оказывали никакого вліянія на Собраніе. Все вліяніе перешло къ кругу лю-

[1]) Мишелет, *Histoire de la Révolution.* — «Повидимому, на сценѣ одни актеры на вторыя роли»... «Три четверти депутатовъ — ничтожности; остальные замѣчательны только по своей революціонности». La Marck à Mercy, 16 septembre et 15 octobre, t. III, p. 233, 252.

дей, остававшемуся почти незамѣтнымъ въ Конституціонномъ собраніи и который отнынѣ завладѣваетъ трибуной: это риторы и писатели. Литературный міръ вторгается въ сферу государственныхъ дѣлъ. Это начало царства кружковаго самолюбія, самаго ожесточеннаго и непреодолимаго изъ всѣхъ самолюбій на свѣтѣ; оно-то въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ раздирать Францію, извращать революцію и примѣшивать мелочное соперничество къ благороднѣйшей борьбѣ, когда-либо выпадавшей на долю человѣчества. Общая ненависть къ врагу связываетъ этихъ людей до той поры, пока дѣло идетъ о нападеніи; честолюбіе тотчасъ же разъединяетъ ихъ, когда крѣпость сдается на капитуляцію и приходится дѣлить власть. Личное соперничество, отнынѣ займетъ мѣсто принципіальныхъ преній, ознаменовавшихъ начало революціи.

На крайней лѣвой, наиболѣе экзальтированные изъ якобинцевъ образовали передовой отрядъ республиканской партіи: здѣсь видимъ мы Мерлена-де-Тіонвиля, Шабо, Лекоантра, Базира, Тюріо, Кутона, Камбона и Геро-де-Сешеля. Эта группа имѣетъ болѣе вліянія внѣ Собранія, чѣмъ въ немъ самомъ. Она ведетъ Францію посредствомъ клубовъ и увлекаетъ по своему пути революцію. Робеспьеръ, отсутствующій въ настоящемъ Собраніи, такъ какъ былъ членомъ Конституціоннаго, уже пріобрѣлъ въ якобинскомъ клубѣ преобладающіе вліяніе и стоялъ во главѣ этого общества. Въ то время, какъ онъ уже заявляетъ свои властолюбивыя и инквизиторскія поползновенія, Дантонъ становится будущимъ трибуномъ республики. Онъ-то обезпечиваетъ якобинцамъ, въ критическія минуты, рѣшающую поддержку народныхъ массъ.

Группа, господствующая на лѣвой Собранія, получитъ впослѣдствіи наименованіе Жиронды, въ отличіе отъ болѣе радикальной фракціи республиканской партіи, которая одна сохранитъ названіе якобинской. Въ средѣ жирондистовъ считается главою не наиболѣе блестящій, краснорѣчивый и выдающійся по своимъ нравственнымъ качествамъ, а наиболѣе безпокойный, стоящій всегда на виду, шумящій на сценѣ и отличающійся наибольшею подвижностью за кулисами. По его имени всю фракцію обозначали именемъ бриссотинцевъ (Brissotins).

Бриссо былъ человѣкомъ довольно образованнымъ, не лишеннымъ дарованій, ловкости, горячности и своего рода слезливой гуманности, которая страннымъ образомъ уживалась въ немъ съ самою ядовитою враждою къ нѣкоторымъ людямъ. Вынужденный убѣжать изъ Франціи, вслѣдствіе какого-то литературнаго прегрѣшенія, которое завело его въ Бастилію, онъ провелъ лучшіе годы своей молодости въ Лондонѣ среди достаточно безнравственнаго общества политическихъ и литературныхъ продажныхъ пасквилянтовъ, добровольныхъ изгнанниковъ или высланныхъ изъ отече-

ства людей всевозможныхъ національностей. Бриссо жестоко разоблачилъ ихъ впослѣдствіи [2]); тѣмъ не менѣе онъ жилъ среди нихъ и ихъ профессіей и навсегда сохранилъ пріобрѣтенныя въ этой грязной средѣ привычки. Принимая участіе въ происках всесвѣтныхъ заговорщиковъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ продажными поставщиками свѣдѣній, съ тайными маклерами и апологетами, состоявшими на жалованьѣ у всѣхъ европейскихъ канцлерствъ, онъ ознакомился съ закулисною жизнью Европы. Онъ привыкъ почерпать свѣдѣнія изъ показаній эмигрантовъ, болѣе ошибочныхъ порою, чѣмъ даже свѣдѣнія полиціи; онъ привыкъ къ двусмысленнымъ способамъ дѣйствія и къ связямъ съ темными личностями. Въ тѣ времена, когда и высшее общество отличалось развращенностью и цинизмомъ, онъ вращался среди его подонковъ и усвоилъ себѣ тонъ ихъ рѣчей. Онъ пріобрѣлъ привычку къ поспѣшнымъ сужденіямъ, къ построенію системъ на обрывкахъ идей, къ сочиненіямъ, составленнымъ на скорую руку и при помощи отрывочныхъ историческихъ знаній. Непрестаннымъ упражненіемъ онъ развилъ свои необыкновенныя импровизаторскія способности; но вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ, вслѣдствіе безстрастнчивой, потому что не налагала никакой отвѣтственности, полемики чутье правды, чувство мѣры, точность въ оцѣнкѣ значенія словъ, правильность сужденія и чуткость въ нравственныхъ вопросахъ. Когда Бриссо вернулся во Францію и основалъ 1789 г. свою газету: «Patriote français», ему было тридцать семь лѣтъ; онъ объѣздилъ Англію, Швейцарію и Америку. О европейскихъ дѣлахъ судилъ онъ съ крайнею самонадѣянностью. Это былъ своего рода экзальтированный Фигаро, жаждавшій движенія, болѣе чѣмъ самой власти, достаточно легкомысленный, чтобы позволить себѣ все сказать, достаточно искренній, чтобы всему повѣрить; достаточно фанатичный, чтобы на все рѣшиться, всегда готовый оказать услугу друзьямъ, мстительный съ противниками, упорно добивавшійся цѣли, безкорыстный лично, а потому считавшій гражданскими доблестями всѣ, даже мелочныя, страсти свои. «У него рвеніе монаха», говорилъ о Бриссо близко-знавшій его человѣкъ. *Бриссотировать*—на языкѣ того времени значило интриговать. Онъ былъ вожакомъ своей партіи, распредѣлялъ роли, держалъ всѣ нити, проповѣдывалъ революцію въ публичномъ правѣ на столбцахъ своей газеты, въ клубахъ, съ каѳедры, пропагандировалъ ученіе Фавье съ безпорядочностью и многословіемъ писателя-авантюриста и соединялъ съ нравами тайнаго агента стараго порядка заразительную восторженность сектанта-философа.

Бриссо будетъ самымъ дѣятельнымъ зачинщикомъ войны, готовой за-

[2]) См. *Mémoires de Brissot*, ch. XLI «L'infâme Morande».

горѣться между старыми монархіями и французской революціей. Его товарищи, даже наиболѣе блестящіе, стоятъ на второмъ планѣ въ этихъ великихъ европейскихъ распряхъ, довольствуясь ролью корифеевъ, какъ Верньо и Иснаръ, или должностью дидактическаго редактора манифестовъ, какъ Кондорсе. Сіесъ охотно принималъ участіе въ ихъ совѣщаніяхъ, нерѣдко руководя ихъ своими совѣтами и почти всегда вдохновляя ихъ. Человѣкъ тонкаго и остраго ума, непрактичный законодатель, неискусный политикъ, доктринеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ макіавелистъ, дезертеръ изъ среды духовенства, кочевникъ въ свѣтѣ, этотъ выбитый изъ колеи богословъ, сказавшій первое слово революціи и имѣвшій сказать ея послѣднее слово, воображалъ, что владѣетъ тайной того вѣка. Онъ ждалъ часа открыть эту тайну своимъ современникамъ и торжественно хранилъ въ мозгу ту форму, въ которую должна отлиться новая Франція. По временамъ взглядъ его былъ вѣренъ, но онъ всегда видѣлъ слишкомъ издалека и не принимая въ соображеніе препятствій. Политическая дальнозоркость заставляла его предсказывать событія, которыя спутывали всѣ соображенія, выдвигать людей, которые разрушали его собственныя намѣренія, наконецъ пріискивать дѣйствительныя средства и популярныя формулы только для чужихъ идей. Онъ дѣйствовалъ подобно алхимикамъ, которые искали абсолюта и подготовили появленіе положительнаго знанія, а съ нимъ—и безвозвратное крушеніе собственныхъ притязаній. Ненависть ко двору сближала его въ то время со сторонниками Бриссо: убѣжденный въ томъ, что революція укрѣпится лишь путемъ перемѣны династіи, онъ поддерживалъ и воодушевлялъ людей, которыхъ считалъ наиболѣе пригодными для ускоренія такого переворота [3]). Въ этомъ заключается секретъ ихъ тѣсной связи, но *бриссотинцы* не замедлили разрушить его комбинаціи своею горячностью и опрометчивостью.

Появленіе ихъ на сценѣ было тріумфомъ. Сцена въ настоящемъ случаѣ—не метафора, и если мы говоримъ здѣсь о театрѣ и драмѣ, то именно потому, что несмотря на свою искренность жирондисты представляются намъ несравненно менѣе агентами великаго историческаго кризиса, чѣмъ героями трагедіи, въ которой они движутся подъ руководствомъ невидимаго вліянія, заранѣе распредѣлявшаго имъ роли. Но эти роли они исполняютъ съ глубокой вѣрой и отдаются имъ вполнѣ. Народъ громко привѣтствуетъ ихъ. Они олицетворяютъ всѣ его стремленія, чувства, всѣ противорѣчивыя увлеченія. Отсюда изумительный успѣхъ ихъ первыхъ дебютовъ, быстрота внезапной немилости и глубина пораженія. Тотъ самый народъ, который, привѣтствуя ихъ, рукоплескалъ своимъ собствен-

[3]) Mallet du Pan, t. I, p. 260, 430.—La Marck, t. III, p. 260.

нымъ надеждамъ, не проститъ имъ безсилія осуществить эти упованія. Онъ почтетъ себя обманутымъ, вѣроломно-преданнымъ, и жирондисты падутъ жертвами ими самими вызванныхъ иллюзій. Невозможно изучать ихъ судьбу, не проникаясь къ нимъ участіемъ, нельзя порицать ихъ, не испытывая въ то же время искренняго сожалѣнія; ихъ отмѣчало горячее увлеченіе молодости, обаяніе пламеннаго краснорѣчія, великодушіе порыва; но исторія судитъ людей по ихъ дѣламъ, а поступки этой партіи представляютъ лишь рядъ непослѣдовательностей и несомнѣнное отсутствіе твердости. Если бы жирондисты довольствовались репутаціей философовъ или славой даровитыхъ ораторовъ, они оставили бы по себѣ память горячихъ друзей человѣчества; но они захотѣли управлять людьми, а для этого недостаточно обладать энтузіазмомъ и великодушіемъ. Для этого требуется именно то, чѣмъ всего менѣе отличались жирондисты: твердость намѣреній, строгая послѣдовательность и то качество, которое въ государственныхъ дѣлахъ господствуетъ надъ самимъ геніемъ—характеръ.

Одною изъ первыхъ заботъ новаго большинства было обезпеченіе за собою власти. Комитеты, которые образовывались со дня на день въ Конституціонномъ собраніи и дѣятельность которыхъ продлилась на неопредѣленное время, дѣлаются въ Законодательномъ собраніи основными учрежденіями. Всѣхъ комитетовъ было двадцать три, и они распредѣлили между собою все управленіе государственными дѣлами. Фактически—это непосредственное, облеченное верховною властью, правительство и болѣе и болѣе отчетливо очерчивающійся абрисъ Конвента. Собраніе сводитъ, такимъ образомъ, къ нулю и министровъ и самую королевскую власть. Оно придаетъ особое значеніе руководительству тѣми дѣлами, которыя составляютъ прерогативу монарха, то есть дѣламъ внѣшней политики. Дипломатическій комитетъ Собранія дѣлается его главнымъ очагомъ. Онъ состоитъ изъ двѣнадцати членовъ и подлежитъ возобновленію чрезъ каждые три мѣсяца. Пятьдесятъ пять депутатовъ записались кандидатами для избранія въ этомъ комитетѣ. Онъ конституировался 16 октября: за исключеніемъ публициста Коха и Бриссо, считающагося компетентнымъ лицомъ по европейской политикѣ, всѣ остальные члены—люди мало извѣстные. Изъ нихъ только три имени остались въ исторіи: Жансонне, Лемонте и Жокуръ. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что вопросы, всего сильнѣе волновавшіе Собраніе, повели и къ дипломатическимъ столкновеніямъ. Первый конфликтъ возникъ по поводу эмигрантовъ.

II.

Двѣ, наиболѣе враждебныя между собою, партіи революціи, якобинцы и эмигранты, ненавидѣвшіе, исключавшіе другъ друга и замышлявшіе взаимное уничтоженіе, не переставали въ дѣйствительности поощрять другъ друга своимъ способомъ дѣйствій и, такъ сказать, работали одни для другихъ. Франція раздѣляла ненависть якобинцевъ къ феодальному порядку и иностранному господству. Якобинцы эксплуатировали въ пользу своего режима эту наивную страстную ненависть. Они предполагали уничтожить дворянъ и произвести экспропріацію ихъ земель, лишивъ ихъ всякихъ преимуществъ. Они клонили къ болѣе и болѣе суровымъ мѣрамъ по отношенію къ дворянамъ, оставшимся во Франціи, принуждали ихъ къ оставленію родины и укрѣпляли эмигрантовъ въ убѣжденіи о невозможности какихъ бы то ни было сдѣлокъ между обществомъ стараго порядка и революціей. Такимъ путемъ они обрекали на отчаянное сопротивленіе цѣлый классъ французовъ и постоянно доставляли новыхъ членовъ партіи, бывшей весьма мало опасной вначалѣ, какъ потому, что она сама осудила себя на изгнаніе, такъ и потому, что вызвала непримиримую ненависть со стороны громаднаго большинства французскаго народа. «Кобленцскіе безумцы не имѣютъ болѣе вѣрныхъ пособниковъ», говорилъ Андре Шенье о якобинцахъ [1]). Съ своей стороны, кобленцскіе безумцы постоянно доставляли парижскимъ крайнимъ поводы къ новымъ обличеніямъ, за которыми слѣдовали и новыя насилія.

Отложенныя на февраль и прерванныя на полумѣрѣ, касавшейся паспортовъ и запрещенія отлучекъ изъ отечества должностнымъ лицамъ, пренія объ эмиграціи возобновились въ іюлѣ, подъ впечатлѣніемъ бѣгства короля и провозглашенія регенства его брата. Послѣ нѣсколькихъ горячихъ стычекъ, во время которыхъ съ обѣихъ сторонъ ссылались на Людовика XIV, — одни для того, чтобы порицать его эдикты, а другіе, чтобы на нихъ опираться, Собраніе издало 1-го августа декретъ, въ силу котораго эмигранты должны были вернуться въ отечество въ мѣсячный срокъ, а въ случаѣ неповиновенія такому приказу—уплатить тройную пошлину. Декретъ этотъ былъ упраздненъ 15-го сентября общею амнистіей, послѣдовавшей за провозглашеніемъ конституціи. Но снисхожденіе, какъ и репрессія, имѣли одинаковыя послѣдствія. 14-го октября король издалъ прокламацію, приглашавшую эмигрантовъ къ подчиненію. Этимъ способомъ онъ надѣялся избѣжать преній по вопросу объ эмиграціи на трибунѣ Собранія. Предосторожность оказалась напрасной; пренія начались 20-го октября и съ того дня вопросъ этотъ не сходилъ съ очереднаго по-

[1]) *De la cause des désordres*, 26 février 1792. Oeuvres en prose, p. 130

рядка. Болѣе единодушные въ своемъ направленіи и менѣе стѣснявшіеся въ принципіальныхъ вопросахъ, чѣмъ ихъ предшественники, новые депутаты не расточали обильныхъ доводовъ. Государственная польза казалась имъ мотивомъ вполнѣ достаточнымъ, и Людовикъ XIV съ его эдиктами служилъ основнымъ и главнымъ аргументомъ этихъ преній [2]). 31-го октября Собраніе пригласило регента, брата короля, вернуться во Францію ранѣе двухмѣсячнаго срока, подъ страхомъ отрѣшенія отъ званія регента. 9-го ноября оно объявило всѣхъ собиравшихся за границей французовъ подозрѣваемыми въ заговорѣ противъ королевства французскаго; оно декретировало, что они подвергнутся смертной казни, а имущества ихъ будутъ конфискованы, если владѣльцы не возвратятся во Францію ранѣе 1-го января 1792 года [3]). Доводя до крайняго предѣла примѣненіе къ аристо-

[2]) Сравнить рѣчи 1791 съ предисловіемъ къ эдикту 1669 года. «Я не говорю уже о нравственномъ долгѣ, о тѣхъ чувствахъ, которыя хранятъ благородныя и признательныя сердца по отношенію къ родинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она оказала имъ несправедливость.... Но я нахожу, что каждый гражданинъ обязанъ спѣшить къ ней на помощь по первому ея призыву; абсолютная свобода свойственна однимъ дикарямъ; гражданинъ и отечество связаны взаимными узами обязательствъ, заботъ, опасностей и любви». Кондорсе, 25 октября 1791 г. Въ іюлѣ, 9-го числа, Барреръ сказалъ: «Тотъ, кто покидаетъ городъ въ минуту опасности, теряетъ свои права». 7-го іюля, докладчикъ Вернье, опредѣляя «преступное отсутствіе», сказалъ, что такимъ слѣдуетъ считать «отсутствіе во времена бурныя и смутныя», и прибавилъ, говоря о тѣхъ, кто перенесъ свое оружіе или дѣла за границу: «Подобное излишество свободы можетъ быть допущено только въ естественномъ состояніи, оно прямо противорѣчитъ общественному договору». — А вотъ текстъ 1669 года: «Хотя узы рожденія, привязывающія подданныхъ къ государямъ и отечеству, принадлежатъ къ числу наиболѣе тѣсныхъ и неразрывныхъ узъ въ гражданскомъ обществѣ; хотя долгъ службы имъ со стороны всѣхъ и каждаго глубоко начертанъ въ сердцахъ даже наименѣе цивилизованныхъ народовъ и признается всѣми первѣйшимъ и необходимѣйшимъ долгомъ человѣка: тѣмъ не менѣе мы были извѣщены, что за послѣднее тревожное время нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ, забывая о томъ, къ чему обязываетъ ихъ происхожденіе, перешли въ чужеземные предѣлы.... и служатъ чужимъ государствамъ, въ противность тому, чѣмъ обязаны намъ и своему отечеству. Сіе заставляетъ насъ.... возобновить прежніе по сему предмету указы....»

[3]) *Edit d'octobre 1685 portant révocation de celui de Nantes, art.* X. (Эдиктъ октября 1685 г., въ силу котораго отмѣняется Нантскій эдиктъ). «Протестантамъ дается четырехмѣсячный срокъ для возвращенія въ королевство; въ случаѣ такого возвращенія, они получатъ право пользованія своими имуществами, въ противномъ же случаѣ эти имущества останутся конфискованными». *Déclaration du Roi du 1 juillet 1686, art.* V. Всѣ протестанты, которые стали-бы собираться для отправленія своего богослуженія, наказуемы смертью.

кратамъ закона, изданнаго нѣкогда противъ еретиковъ, Кондорсе предложилъ предоставить имъ право принесенія гражданской присяги и возвращеніе гражданскихъ правъ тѣмъ, которые согласились-бы присягнуть [4]). Собраніе отказалось дойти до этой степени конституціоннаго правовѣрія по отношенію къ мірянамъ, но не задумалось превзойти ее относительно лицъ духовнаго званія. Такимъ путемъ оно съ крайнею неосмотрительностью доставило эмиграціи то, въ чемъ она болѣе всего нуждалась,— союзниковъ въ средѣ самаго французскаго народа.

Эмигрировавшіе дворяне составляли мятежную партію, имѣвшую притязаніе навязать свою волю Франціи, съ оружіемъ въ рукахъ: было вполнѣ законнымъ и необходимымъ заставить ихъ уважать законы, правильно установленные народнымъ представительствомъ. Свободныя государства, такъ же какъ и государства деспотическія, не могутъ допускать ни государства въ государствѣ, ни государства, враждебнаго законно-существующему; но въ какомъ-бы то ни было свободномъ государствѣ гражданинъ долженъ пользоваться свободою мнѣній и совѣсти. Собраніе погрѣшило противъ самаго духа революціи, смѣшивая поведеніе не желавшаго присягать конституціи духовенства съ образомъ дѣйствій вооруженной эмиграціи. Оно не ограничилось требованіемъ отъ духовенства подчиненія гражданскимъ и политическимъ законамъ; оно изъявило притязаніе на повиновеніе совѣсти въ дѣлахъ вѣры и по отношенію къ истинно-государственной религіи. Присяга, которой требовали отъ священниковъ, налагала обязанность присоединенія къ новому устройству духовенства, торжественно отвергнутому церковью и признаннаго ею схизмой и ересью. 29-го ноября новый декретъ объявлялъ, что каждый, не присягнувшій священникъ, не только лишается права на пенсію и становится внѣ закона конституціонной церкви, но и лишается общихъ гражданскихъ правъ: онъ становится подозрѣваемымъ въ мятежѣ, подвергается надзору властей и можетъ быть удаляемъ изъ своего мѣстожительства по приказу департаментскаго начальства. Именно такова была система стараго порядка, примѣнявшаяся къ диссидентамъ. Людовикъ XIV придерживался ея по отношенію къ реформатамъ; но не для того же совершала Франція свою революцію, чтобы воскресить нетерпимость и возобновить старый государственный произволъ. Новый декретъ предоставлялъ католическому духовенству выборъ между отступничествомъ, лицемѣріемъ и мятежомъ. Съ точки зрѣнія права, декретъ былъ несправедливостью; практически говоря, онъ былъ безтактенъ.

[4]) *Déclaration du 1 juillet 1686, art. VI.* «Повелѣть соизволяемъ... что всѣ, кто возвратятся въ королевство наше ранѣе указаннаго дня, 1-го марта (1687 г.) и отрекутся отъ своей фальшивой вѣры, вступятъ снова во владѣніе своимъ имуществомъ»...

Онъ возстановлялъ и вызывалъ на борьбу противъ революціи все низшее духовенство, то есть именно то, которое сочувственно отозвалось на принципы французской революціи при ея началѣ; далѣе, декретъ возстановлялъ противъ новаго порядка массу вѣрующихъ изъ буржуазіи, ремесленниковъ, крестьянъ, во имя интересовъ которыхъ и совершена была революція. Весь этотъ людъ горячо стоялъ за новый порядокъ вещей, но не допускалъ, чтобы, освободивъ лично и имущественно, посягнули на его вѣрованія. Собраніе связывало и дѣлало солидарнымъ то, что оно, во что-бы то ни стало, должно-бы было разъединить, а именно: дѣло эмигрировавшаго дворянства и дѣло католической вѣры. Единственная серьезная междуусобица, которую пришлось выдержать революціи, была гражданская война въ западной Франціи, и эта война была вызвана ноябрьскимъ декретомъ 1791 года. Это событіе доказало всю ошибочность этого акта Законодательнаго собранія и крайнимъ ожесточеніемъ борьбы, и самой легкостью, съ которою произведено было усмиреніе. Цѣлая Франція встала какъ одинъ человѣкъ, чтобы дать отпоръ эмигрантамъ. Республика истощила свои лучшія войска въ войнѣ съ вандейскими инсургентами. Но эти крестьяне, шайки которыхъ казались одно время опаснѣе наилучше-организованныхъ армій, покорились немедленно послѣ того, какъ имъ возвратили ихъ священниковъ. Они показали этимъ, что хотя бунтовали одновременно съ эмиграціей, но боролись не во имя одного съ нею дѣла, и что если существовалъ непреодолимый антагонизмъ между вооруженной эмиграціей и революціонной Франціей, то его не было между новой Франціей и вандейскими крестьянами-католиками.

Столкновенія, повлекшія за собою серьезныя внутреннія затрудненія, обострили и коллизіи между Франціей и Европой. Озабоченное происками эмигрантовъ, Собраніе не могло терпѣть и допускать безнаказанность ихъ вооруженій у дверей Франціи. По этому поводу Бриссо произнесъ 20 октября свою первую большую дипломатическую рѣчь. Въ ней уже обрисовываются всѣ черты, которыми будетъ отличаться его воинственная полемика. Это тонъ силы и дерзкаго вызова. Не требуется переговоровъ, еще менѣе слѣдуетъ заботиться о пощадѣ: угроза, по мнѣнію оратора, есть единственный языкъ, доступный пониманію властителей.

«Англичане,—сказалъ онъ,—не тѣшили себя мелкими постановленіями противъ эмиграціи: они приказали иностраннымъ государямъ выгнать англійскихъ принцевъ изъ своихъ предѣловъ, и самъ надменный Людовикъ XIV принужденъ былъ выслать своего близкаго родственника». Бриссо,—и это будетъ однимъ изъ любимыхъ пріемовъ его краснорѣчія,—нарисовалъ картину Европы крупными, размашистыми мазками. Изображеніе это переполнено рѣзкими контрастами; ни рисунка, ни правильныхъ

линій, ни перспективы, но краски ярки, эпизоды выбраны замѣчательно удачно. Есть мелкія государства, которыя позволяютъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла Франціи и фрондировать противъ нея; Бриссо говоритъ о нихъ тономъ великаго короля, отзывающагося о генуэзскомъ дожѣ: «Венеціанское правительство, которое есть не что иное какъ пустая комедія!» Генуя «этотъ атомъ республики!» Германскіе князьки, «дерзость которыхъ навлекла бы въ прошломъ вѣкѣ всѣ громы деспотизма Людовика XIV». Ихъ роль—трепетъ. Что касается враждебности крупныхъ державъ, то Бриссо выводитъ изъ нея такое заключеніе: необходимо твердо и рѣшительно заставить Европу или «прогнать французскихъ бунтовщиковъ, или оказывать имъ покровительство явно и открыто». Такой тонъ долженъ быть поддержанъ всѣми силами государства. Если отвѣты не будутъ удовлетворительны, колебанія неумѣстны: «Вы должны сами напасть на державы, которыя осмѣлятся грозить вамъ». Однимъ словомъ, онъ призываетъ къ войнѣ. Какъ ни склонно къ увлеченіямъ Собраніе, такой исходъ можетъ устрашить и его; но Бриссо зоветъ на борьбу лишь для того, чтобы тотчасъ же успокоить относительно легкости успѣха. Это также его любимый ораторскій пріемъ. Эта Европа, которая еще сейчасъ замышляла противъ Франціи грозный союзъ, не что иное какъ призракъ. «Отъ меня далека мысль о внушеніи вамъ страха!...» Если лондонское правительство ненавидитъ насъ, то «англійскій народъ любитъ нашу революцію... Я долженъ успокоить васъ по поводу отношенія къ намъ австрійскаго двора: глава его любитъ миръ, желаетъ мира, нуждается въ мирѣ». О Россіи Бриссо не заботится,—она слишкомъ далеко, слишкомъ поглощена другими интересами для того, чтобы вредить намъ [5]). Къ прусскому королю онъ относится съ оттѣнкомъ презрѣнія, такъ какъ этотъ король разоряется и съ грѣхомъ пополамъ платитъ недовольнымъ солдатамъ. Слѣдовательно, «Франція должна высоко держать свою голову». Она должна «заставить забыть униженіе, до котораго довели ее безпечность или малодушіе». Подобныя рѣчи вполнѣ пригодны для того, чтобы взволновать людей и вызвать то настроеніе, при которомъ гнѣвъ смѣшивается съ самомнѣніемъ и которое тѣмъ легче приводитъ къ крайнимъ рѣшеніямъ, что они начинаютъ казаться и болѣе необходимыми, и менѣе опасными.

Монморенъ попытался вернуть Собраніе къ болѣе точному пониманію положенія вещей. Отъ него требовали отчета объ отношеніяхъ Франціи съ европейскими державами [6]); онъ представилъ его 31 октября. Это былъ дѣловой отчетъ, тяжеловатый по формѣ, правдивый въ смыслѣ фактовъ

[5]) «Она озабочена лишь отвлеченіемъ вниманія своихъ соперниковъ и ожиданіемъ владычества своего на Востокѣ».

[6]) 22 октября. *Moniteur*, t. X, p. 178.

СПбГУ

и добросовѣстный въ выводахъ. Въ немъ не умалчивалось ни о холодности, съ которой встрѣчено было установленіе французской конституціи со стороны европейскихъ дворовъ, ни о намѣреніи нѣкоторыхъ изъ нихъ составить лигу, направленную противъ Франціи. Онъ приписывалъ причину такой враждебности пропагандѣ, увлеченіямъ печати и дѣйствіямъ эмиссаровъ революціонныхъ клубовъ. Отсюда вся опасность, и только она угрожаетъ Франціи. Эмигранты не должны внушать опасеній ни сами по себѣ, ни своими союзниками: у нихъ нѣтъ оружія и никто ихъ не поддерживаетъ. Докладчикъ дипломатическаго комитета Кохъ также соглашался съ тѣмъ, что эмигранты представляютъ лишь «жалкое сборище» и что въ Европѣ всѣ находятъ «почти проиграннымъ дѣло этихъ мятежниковъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ къ тому заключенію, что Франція можетъ и должна потребовать отъ нѣмецкихъ государей разсѣянія эмигрантскихъ сборищъ, какъ противныхъ международному праву [7]).

Отчетъ Монморена вызвалъ довольно горячія пренія. Собраніе выказало при этомъ случаѣ свою склонность къ той угрожающей дипломатіи, которую уже начинали называть политикой въ римскомъ вкусѣ [8]). Французскихъ агентовъ при германскихъ дворахъ стали обвинять въ недостаточной твердости. Ихъ робость приравнивалась къ измѣнѣ. Эльзасскій депутатъ Рюль, богословъ съ пошибомъ юриста, потребовалъ отозванія убыточныхъ, подозрительныхъ и безполезныхъ посланниковъ. Бриссо ссылался на Людовика XIV; Рюлю также необходимо было опереться на авторитетъ, и онъ сослался на прусскаго короля: «Фридрихъ Великій,—сказалъ онъ,—когда ему приходилось имѣть дѣло съ этими людьми, то есть съ нѣмцами, посылалъ къ нимъ офицера-вербовщика съ письмомъ, въ которомъ и излагались его требованія, которыя затѣмъ не подвергались никакому обсужденію: переговоры такого рода всегда оказывались удачными и не обходились дороже ста луидоровъ» [9]). Собраніе декретировало 29 ноября, что къ королю отправится депутація, которая выразитъ ему озабоченность Собранія по поводу грозящихъ отечеству опасностей, пригласитъ его потребовать разсѣянія эмигрантовъ, ускорить ходъ дѣла о владѣтельныхъ князьяхъ и произвести въ дипломатическомъ корпусѣ перемѣщенія, могущія обезпечить точное и быстрое выполненіе правительственныхъ распоряженій. На другой же день депутація отправилась въ Тюильрійскій дворецъ. Вобланъ прочелъ Людовику XVI рѣчь, предварительно одобренную

[7]) *Rapport de Koch*, 22 novembre. *Moniteur*, t. X, p. 441.

[8]) Пресловутый кругъ Попилія становится ходячей метафорой ораторскаго слога. См. рѣчи: Авергульта, 27 ноября (*Moniteur*, t. X, p. 482) и Робеспьера, 28 ноября. Louis Blanc, t. VI, p. 224.

[9]) Рѣчь 29 ноября.

Собраніемъ. Въ этой рѣчи рѣшительно приступали и къ королю, и къ Европѣ; Собраніе обращалось къ нимъ въ одинаково-недовѣряющемъ, высокомѣрномъ и повелительномъ тонѣ:

«Скажите иностраннымъ державамъ, что мы свято сохранимъ клятву отреченія отъ какого бы то ни было завоеванія [10]); что мы предлагаемъ имъ добрыя сосѣдскія отношенія, ненарушимую дружественность свободнаго и сильнаго народа; что мы будемъ уважать ихъ законы, обычаи, конституцію, но желаемъ, чтобы и онѣ, съ своей стороны, уважали нашу. Скажите имъ, что если германскіе государи будутъ продолжать благопріятствовать приготовленіямъ, направленнымъ противъ Франціи, мы понесемъ къ нимъ не огонь и мечъ, а свободу. Имъ предстоитъ расчитать, каковы могутъ быть послѣдствія пробужденія народовъ... Назначьте краткій срокъ, послѣ котораго не будетъ принятъ никакой уклончивый отвѣтъ; ваше заявленіе должно быть поддержано движеніемъ ввѣренныхъ вамъ военныхъ силъ, и пусть узнаетъ народъ, кто ему другъ и кто—врагъ. По этому рѣшительному шагу мы признаемъ въ васъ защитника конституціи».

И далѣе, увлекаемые сходствомъ событій, депутаты, съ такою яростью и ожесточеніемъ преслѣдовавшіе и уничтожавшіе старый порядокъ, ссылаются именно на самый ненавистный изъ прецедентовъ монархіи:

«Если бы французы, изгнанные изъ отечества отмѣной Нантскаго эдикта, собрались бы съ оружіемъ въ рукахъ на границѣ, если бы имъ оказали покровительство нѣмецкіе государи, мы спрашиваемъ васъ, государь, какъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ Людовикъ XIV?... То, что онъ сдѣлалъ бы ради поддержанія собственнаго авторитета, да будетъ сдѣлано вами ради спасенія государства и поддержанія конституціи».

Требованія эти были вполнѣ основательны съ точки зрѣнія права. Но дѣло въ томъ, что при старомъ порядкѣ вопросъ объ эмиграціи и правѣ убѣжища никогда не разсматривался принципіально, а рѣшался сообразно съ выгодой или принятымъ обычаемъ. По отношенію къ Франціи, иностранныя державы не стали бы рѣшать его согласно съ ея доводами, а имѣя въ виду ея тенденціи и поступки. Онѣ не стали бы спрашивать себя, права ли Франція съ точки зрѣнія своихъ принциповъ, а спросили бы, окажетъ ли она имъ справедливость и вниманіе, которыхъ требовала отъ нихъ сама. Миръ между государствами покоится на молчаливомъ соглашеніи: если Франція желаетъ, чтобы Европа уважала ея права, необходимо, чтобы и она гарантировала иностранцамъ такое же уваженіе правъ.

[10]) Кохъ сказалъ уже 22 ноября, по поводу требованій нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей и предлагаемаго имъ вознагражденія: «Декларація наша объ отреченіи отъ завоеваній не послужитъ ли имъ достаточнымъ вознагражденіемъ за утрату нѣкоторыхъ феодальныхъ правъ?»

Собраніе скоро замѣтило, что оно не могло бы и не пожелало бы это выполнить и слишкомъ очевидно доказало, что въ этомъ дѣлѣ уже не существуетъ общей мѣрки между Франціей и ея сосѣдями.

18 декабря, Лебрёнъ-Тондю явился въ Собраніе во главѣ депутаціи люттихскихъ рефюжье: они просили разрѣшенія образовать легіонъ волонтеровъ. На слѣдующій же день правительство объявило, что бельгійскіе эмигранты собираются въ Лиллѣ и Дуэ. Эти эмигранты принадлежали къ аристократической партіи; подъ вліяніемъ брабантскихъ демократовъ, власти Сѣвернаго департамента приняли мѣры противъ организаціи бельгійскихъ аристократовъ. Министерство спросило по этому поводу мнѣніе Собранія [11]). Нѣсколько депутатовъ правой замѣтили, что нельзя требовать отъ императора мѣръ противъ французскихъ эмигрантовъ въ Германіи, если станутъ терпѣть сборища эмигрантовъ-бельгійцевъ. Геро предложилъ вернуться къ предварительному вопросу. «Я не вижу, почему мы должны отталкивать и гнать на родину людей, которые бѣгутъ отъ гнета», сказалъ Дюгемъ. Умѣренные добились однако декрета о распущеніи эмигрантскихъ сборищъ; но для этого пришлось мотивировать аристократическимъ характеромъ бельгійской эмиграціи и обратиться къ содѣйствію и вліянію нидерландскихъ демократовъ, бѣжавшихъ въ Парижъ [12]). Такимъ образомъ, бельгійцевъ распускали не потому, что они вооружались противъ Австріи, а потому, что они готовились къ борьбѣ противъ демократіи. Якобинцы громко выразили намѣреніе благопріятствовать тѣмъ рефюжье, которые, какъ напримѣръ батавскіе патріоты, люттихцы и вонкисты готовились поддерживать дѣло демократіи въ Люттихѣ, Голландіи и Бельгіи. Становилось очевиднымъ и несомнѣннымъ, что революціонная партія будетъ сообразовать свой образъ дѣйствій во внѣшней политикѣ исключительно съ интересами революціи, и что отпоръ угнетенію сдѣлается ея конституціоннымъ принципомъ не только внутри страны, но и извнѣ. Это было въ высшей степени послѣдовательно и логично, но и въ высшей степени несовмѣстимо съ европейскимъ спокойствіемъ; не могло быть ничего менѣе успокоительнаго для сосѣдей Франціи и менѣе располагающаго ихъ къ мировымъ сдѣлкамъ. Дипломатическое столкновеніе, завязавшееся бы при такихъ условіяхъ, должно было неминуемо привести къ войнѣ. Только война могла рѣшить споръ, предметомъ котораго было бы уже не примѣненіе, а самая сущность вопроса о правѣ убѣжища. Никто и не обманывалъ себя по этому поводу въ Парижѣ; и въ Собраніи, такъ же какъ и въ клубахъ, начались горячія и необычайныя по своему характеру пренія.

[11]) Засѣданія 20 и 21 декабря.

[12]) Рѣчь Рамона, 20 ноября. Bonnet, t. I, p. 255;—Ernest, p. 44.

III.

Это была первая вспышка знаменитаго разногласія, разъединившаго обѣ фракціи революціонной партіи. Расколъ между жирондистами и собственно якобинцами произошелъ не по существу дѣла. Съ той и съ другой стороны стремились къ одной цѣли: ослабленію, а затѣмъ и уничтоженію королевской власти. Разногласіе же проявилось по поводу средствъ для достиженія общей цѣли. По мнѣнію жирондистовъ, война должна обезпечить успѣхъ революціи: по мнѣнію якобинцевъ, она испортитъ дѣло. Въ этомъ и тѣ и другіе выказали несомнѣнную дальновидность, если не по отношенію къ собственнымъ и государственнымъ интересамъ, то, по крайней мѣрѣ, относительно замысловъ ихъ общихъ противниковъ.

Жирондисты полагали, что королю стоитъ только искренно держаться конституціи и управлять хотя съ нѣкоторымъ авторитетомъ въ смыслѣ общественнаго мнѣнія, чтобы снова завладѣть расположеніемъ народа, который ускользнетъ тогда отъ ихъ вліянія. Они видѣли только одинъ способъ сгруппировать вокругъ себя умы: этимъ способомъ было возбужденіе двухъ присущихъ французамъ чувствъ: страсти къ равенству и любви къ отечеству. Эти чувства слѣдовало отождествить съ революціей и направить противъ королевской власти, причемъ война смѣшаетъ дѣло короля съ дѣломъ иностраннаго вмѣшательства, эмигрантовъ и контръ-революціи [1]). Къ этимъ чисто-политическимъ мотивамъ присоединяются ихъ личныя убѣжденія, ихъ фанатизмъ, горячность пропаганды, страсть къ славѣ, великодушіе: они станутъ во главѣ военныхъ дѣйствій, война поставитъ ихъ во главѣ Франціи, во главѣ революціи, они будутъ освободителями цѣлой Европы и благодѣтелями человѣчества. Пламеннымъ проповѣдникомъ этого крестоваго похода былъ Испаръ, организаторомъ — Бриссо. Испаръ первый принесъ на трибуну, въ засѣданіи 29 ноября, тотъ яростный прозелитизмъ, который до той поры проявлялся въ однихъ клубахъ. Онъ возбуждалъ тотъ ферментъ героизма и гордости, тотъ духъ приключеній, ту потребность въ экспансивности и великодушію, къ которому примѣшивается честолюбіе далекихъ завоеваній, смутно тлѣющее въ душѣ каждаго француза. Никогда еще «великая война» не облекалась въ болѣе ослѣпительныя краски. Ни разу еще не звучалъ призывъ и не будилъ въ людяхъ священнаго трепета великой борьбы съ такою силою и страстью:

«Французы станутъ первымъ народомъ міра: они умѣли быть неустра-

[1]) «За четыре мѣсяца до вступленія Дюмурье въ министерство, я высказалъ мое мнѣніе въ якобинскомъ клубѣ и доказалъ, что война есть единственное средство для разоблаченія предательства Людовика XVI». — Рѣчь Бриссо, 3 апрѣля 1793 г. *Moniteur*, t. XVI, p. 54.

шимыми и гордыми среди рабства; могутъ-ли они, сдѣлавшись свободными, выказать робость и слабость? Обращаться со всѣми народами какъ съ братьями, не оскорблять, но и не терпѣть оскорбленія; ополчаться только ради справедливости и успокоиваться только послѣ побѣды: наконецъ, всегда быть готовыми отстаивать свободу съ оружіемъ въ рукахъ, всегда быть готовыми къ смерти ради свободы и предпочесть полное исчезновеніе съ лица земли возвращенію въ цѣпи рабства—вотъ характеръ французскаго народа! Не думайте, что наше настоящее положеніе является препятствіемъ къ великимъ и славнымъ дѣламъ. Народъ, совершающій революцію, непобѣдимъ. Знамя свободы есть и знамя побѣды... Обратимся къ министрамъ, королю, Европѣ съ подобающею намъ твердостью. Скажемъ министрамъ, что до сихъ поръ народъ не вполнѣ доволенъ дѣйствіями каждаго изъ нихъ; что отнынѣ имъ придется выбирать между общественною благодарностью и возмездіемъ законовъ, и что подъ словомъ *отвѣтственность* мы разумѣемъ смерть... Скажемъ Европѣ, что народъ французскій, обнаживъ мечъ, не вложитъ его въ ножны до тѣхъ поръ, пока побѣда не увѣнчаетъ его лаврами. Скажемъ Европѣ, что если ея кабинеты увлекутъ королей въ войну противъ народовъ, то мы увлечемъ народы въ войну противъ тирановъ. Скажемъ, что всѣ битвы, происходящія между народами по внушенію деспотовъ, суть не что иное, какъ борьба въ темнотѣ, когда друзья, не узнавая другъ друга, наносятъ удары, возбуждаемые коварнымъ подстрекателемъ, но стоитъ явиться дневному свѣту, и они бросятъ оружіе, обнимутся и покарaютъ того, кто обманулъ ихъ; такъ точно, въ минуту борьбы непріятельскихъ армій съ нашими, свѣтъ мысли осѣнитъ ихъ, и народы бросятся другъ другу въ объятія предъ лицомъ низверженныхъ тирановъ, умиротворенной земли и ликующаго неба... Скажемъ, наконецъ, Европѣ, что десять милліоновъ французовъ, объятыхъ пламенемъ свободы, вооруженныхъ мечомъ, перомъ, разумомъ и краснорѣчіемъ, могли-бы, если ихъ къ тому побудятъ, измѣнить все лице земли и заставить задрожать всѣхъ тирановъ міра».

Собраніе приведено было этою рѣчью въ восторженное состояніе: оно вотировало разсылку ея оттиска по департаментамъ. Французы увѣровали и въ свою человѣчность, и въ свою непобѣдимость. Иностранные приверженцы революціи являлись просить ихъ дружбы и поощрять ихъ надежды. Анахарсисъ Клотцъ, который уже въ прошедшемъ году [2]) представлялся Учредительному собранію въ качествѣ оратора «Комитета иностранцевъ», вновь появился въ Законодательномъ собраніи 13 декабря въ званіи «orateur du genre humain» (оратора человѣчества). Онъ потребовалъ, чтобы 20 января 1792 г. три арміи двинулись чрезъ Брюссель, Люттихъ и Кобленцъ къ устьямъ

[2]) 19 іюня 1790.

Шельды, Мааса и Рейна. «Чудеса восемнадцаго вѣка затмятъ чудеса шестнадцаго». Народы Германіи, Богеміи, каталонцы, аллоброги, батавцы «потрясутъ своими цѣпями и разобьютъ ихъ съ бѣшенствомъ»! Вотъ и вся программа перваго революціоннаго крестоваго похода. Нѣмецкій баронъ, начитавшійся философскихъ сочиненій и сдѣлавшійся ревностнымъ ученикомъ той школы, которая въ XVIII вѣкѣ превращала цивилизованную Европу въ своего рода великую французскую республику, еще въ 1786 году намѣтилъ эту программу въ своемъ странномъ революціонномъ пророчествѣ «Voeux d'un gallophile» (Пожеланія галлофила) [3]). Теперь онъ развиваетъ эту программу съ трибуны якобинскаго клуба и со свойственной его воображенію изобрѣтательностью одновременно открываетъ и цѣль и средство проектируемой войны, — планъ завоеваній Дантона и финансовый проектъ Камбона: естественныя границы и декретъ 15 декабря 1792 г. «Я требую войны, потому что хочу мира. Наши умѣренныя сочиненія—факелы для Германіи. Знаете-ли, какой самый опасный изъ памфлетовъ? Ассигнаціи. Наводнимъ ихъ провинціи нашими ассигнаціями, чрезъ посредство нашихъ армій. Шахматная доска Франціи увеличится двѣнадцатью новыми клѣтками, *краями ихъ будутъ: Рейнъ и вершины Альпъ*»! [4]).

Именно та партія, которая въ концѣ 1791 года [5]) проповѣдуетъ эти завоевательные, пропагандистскіе планы, будетъ, чрезъ нѣкоторое время и когда ея проповѣдь одержитъ верхъ, стараться умѣрить принципъ и ограничить его примѣненіе. Напротивъ, люди, которые скоро сдѣлаютъ изъ естественныхъ границъ ненарушимую статью конституціи и возведутъ въ систему вооруженную пропаганду, тогда еще крайне враждебно относились къ той самой политикѣ, которая поставитъ ихъ у кормила власти и позволитъ удержать эту власть за собою. Якобинцы говорятъ себѣ, что въ ту минуту война можетъ оказаться благопріятной только ихъ противникамъ или соперникамъ. Если она будетъ удачна, къ королю вернется покорная армія, а съ нею—сила и престижъ; если она будетъ несчастна, дворъ потерпитъ крушеніе, но власть перейдетъ къ жирондистамъ. Робеспьеру одинаково нежелательны и царствованіе Людовика XVI и регентство Бриссо. И это не потому, чтобы его фанатизмъ уступалъ жирондистскому, а якобинцы были

[3]) Онъ предлагалъ измѣненіе въ распредѣленіе европейскихъ владѣній: Австрія должна получить Молдавію и Валахію; Пруссія—Данцигъ и Познань; Голландія—Фризъ; Франція—берега Рейна. «Относительно Кёльна, Люттиха, Трира, Майнца и Шпейера будутъ приняты послѣдовательныя мѣры. Но прежде всего пусть Клевъ, моя долина, моя колыбель, будетъ возсоединена съ Франціей»! Georges Avenel, *Anacharsis Clootz*, Paris, 1865, t. 1, p. 85.

[4]) Рѣчь въ якобинскомъ клубѣ, 1 января 1792. Louis Blanc, t. VI, p. 243.

[5]) 16 декабря. Louis Blanc, t. VI, p. 231.—Buchez и Roux, *Histoire parlementaire*, t. XII, p. 410.

менѣе проникнуты вѣрою въ революцію: они въ этомъ отношеніи равняются съ ними и даже превосходятъ самыхъ экзальтированныхъ жирондистовъ ревностью своего прозелитизма; но они находятъ, что побѣда революціонной партіи должна проистекать изъ рессурсовъ, даваемыхъ самою революціей. Война, которую они ждутъ, порождена будетъ революціей и будетъ вестись ради революціонеровъ. Прежде всего для нихъ важно овладѣть властью внутри. Вотъ почему походъ на европейскихъ властителей представляется имъ безуміемъ до той минуты, пока не приведена къ концу война съ королемъ Франціи.

Робеспьеръ говорилъ теперь исключительно въ клубѣ якобинцевъ: сюда переносится борьба и въ этомъ-то клубѣ, изъ котораго вышелъ впослѣдствіи Конвентъ, образуются отдѣльныя фракціи, сдѣлавшія Конвентъ самымъ разъединеннымъ трагическимъ и кровавымъ изъ собраній. Бриссо является въ клубъ излагать свою политику, а Існаръ—проповѣдывать свой крестовый походъ.

18 декабря швейцарецъ изъ Невшателя присылаетъ клубу мечъ, предназначенный первому французскому командиру, который одержитъ побѣду надъ врагами свободы. Існаръ схватываетъ мечъ, цѣлуетъ его и, поднявъ его, восклицаетъ: «Вотъ онъ! Онъ одержитъ побѣду. Боевой кличъ исходитъ изъ Франціи, всѣ народы отвѣтятъ на него: земля покроется воинами, и всѣ враги свободы будутъ вычеркнуты изъ списка людей» [6])! Робеспьеръ умѣлъ расчитывать шансы только въ заговорѣ и былъ глубокъ только въ своей подозрительности; съ властью онъ не справился; онъ выказалъ себя безпокойнымъ, безплоднымъ деспотомъ, и жалкое паденіе его было какъ нельзя болѣе логично; но въ дѣлѣ нападенія онъ проявилъ необыкновенныя способности и умѣнье: проницательность, послѣдовательность, смѣсь коварной хитрости и рѣшимости, софистическое искусство заставать противника врасплохъ, поставить его въ безвыходное положеніе, сбить съ позиціи. Онъ былъ великимъ обличителемъ, и рѣдко ударъ его былъ направленъ съ такою ловкостью какъ тотъ, которымъ поразилъ онъ въ этомъ засѣданіи жирондистовъ. Холоднымъ словомъ, ледянымъ жестомъ онъ прекратилъ всѣ восторги и призвалъ клубъ къ хладнокровію и недовѣрію [7]). Онъ разоблачилъ ловушки, ожидающія неосторожныхъ патріотовъ, которые бросились-бы къ границамъ, не оглядываясь на то, что оставляютъ за собою. Бриссо приводилъ въ примѣръ Людовика XIV; онъ же съ несравненно большимъ смысломъ указалъ на примѣръ американцевъ: «Развѣ они могли бы восторжествовать, если бы ими руководили министры и вели въ битву генералы Георга III?... Не

[6]) Louis Blanc, t. VI, p. 234.—[7]) Id. t. VI, p. 235.

слѣдуетъ объявлять войну въ настоящую минуту. Прежде всего необходимо готовить оружіе повсюду и безостановочно; надо вооружить народъ, хотя бы простыми пиками!... Надо наказать виновныхъ министровъ и усмирить мятежныхъ священниковъ [8])! «Я опасаюсь одного,—возразилъ Бриссо—измѣны». «Крупныя измѣны будутъ пагубны только для предателей. Намъ нужны крупныя измѣны»!

Бриссо повторилъ въ Собраніи то, что было уже имъ сказано въ якобинскомъ клубѣ: «Въ настоящую минуту война будетъ національнымъ благодѣяніемъ, и мы должны опасаться какъ бѣдствія ея отсутствія [9]). Геро де Сешель поддерживаетъ его такими доводами, которые приводятъ въ смущеніе Жиронду [10]). Война, сказалъ онъ, будетъ гибелью контръ-революціи: она позволитъ подавить всякое внутреннее сопротивленіе. Приторный демагогъ оказался дальновиднѣе самыхъ отважныхъ трибуновъ: «Во время войны вы можете принимать мѣры, которыя показались бы слишкомъ строгими въ мирное время.... Всѣ мѣры, принятыя вами ради спасенія государства, будутъ справедливы, какъ справедлива была консульская власть, созданная римлянами въ минуту бѣдствія... Настала минута набросить покрывало на статую свободы» [11])! Но это вѣдь диктатура: жирондисты отвергаютъ ее, и большинство Собранія отворачивается отъ нея. Подобно риторамъ, его увлекающимъ, Собраніе ослѣплено иллюзіями: оно надѣется примирить свободу съ войною, потому что война, какъ оно себѣ представляетъ ее, будетъ вестись только ради свободы. Блестящей авангардной стычки достаточно было бы, чтобы разогнать эмигрантовъ, и предпріятіе завершится торжественнымъ дефилированіемъ французскихъ

[8]) 30 декабря 1791. Louis Blanc, t. VI, p. 241.

[9]) 29 декабря 1791. *Moniteur*, t. X, p. 753, 754, 759. Онъ постоянно возвращается къ своему двойному тезису, что война необходима и что война не будетъ опасной». «Напрасно искать на картѣ Европы державу, которой еще могла бы опасаться Франція»... «Ни одна изъ значительныхъ державъ не будетъ въ состояніи напасть на насъ»... «Надо выказать силу для того, чтобы прекратить комедію, которую играютъ вѣнценосцы»!

[10]) Онъ считалъ себя знатокомъ европейскихъ дѣлъ и, какъ и Бриссо, старается успокоить Собраніе послѣ того, какъ его напугалъ. «Существуетъ великій заговоръ противъ міровой свободы. Вездѣ, гдѣ есть тронъ, имѣется у насъ и врагъ». Но, добавляетъ онъ тотчасъ же, эти враги не опасны. «Они обременены долгами или разорены». «Весьма вѣроятно, что прусскій король не станетъ на сторону враговъ Франціи». Леопольдъ—философъ и человѣкъ миролюбивый, онъ долженъ опасаться возбужденія взрыва въ Брабантѣ, потому что этотъ взрывъ перенесъ-бы самый Брабантъ во Францію».—Рѣчь 29 декабря, *Moniteur*, t. X, p. 762.

[11]) Засѣданіе 29 декабря 1791.

© ГПИБ СОРАН

войскъ среди народовъ Германіи, восторженно привѣтствующихъ свое освобожденіе.

Эти смутныя и великодушныя мечты находятъ себѣ выраженіе въ манифестѣ, который предлагается Кондорсе и вотируется въ засѣданіи 29 декабря. Это идеальный кодексъ освободительной войны, о которой мечтали жирондисты. Годъ спустя, Собраніе, замѣнившее Законодательное, издаетъ вмѣстѣ съ декретомъ 15 декабря реалистическій и неумолимый кодексъ войны революціонной, войны якобинской, какъ можно назвать ее, чтобы опредѣлить однимъ словомъ и противопоставить взглядамъ и планамъ 1791 года. Предложеніямъ Жиронды суждено было имѣть изумительныя послѣдствія; чѣмъ страннѣе кажутся они по первому взгляду, тѣмъ болѣе важно, и для послѣдовательной связи фактовъ, и для точности сужденія, опредѣлить ихъ утопическій характеръ и указать на лежащій въ ихъ основѣ парадоксъ:

«Французская нація не перестанетъ видѣть дружественный народъ въ населеніи территорій, занятыхъ мятежниками и управляемыхъ государями, имъ покровительствующими. Мирные граждане, страну которыхъ займетъ армія, не будутъ почитаться врагами. Они не будутъ считаться даже и подданными... Гордясь завоеваніемъ естественныхъ правъ человѣка, армія не станетъ попирать ихъ въ другихъ людяхъ; ревниво охраняя собственную независимость.... она не посягнетъ на независимость другихъ народовъ... Она съумѣетъ явить предъ лицомъ Европы націю, дѣйствительно свободную, вѣрную правиламъ справедливости среди военныхъ грозъ и уважающую повсюду, во всякое время и по отношенію ко всѣмъ людямъ—права, которыя должны быть равны для всѣхъ и каждаго... Жестокое право репрессалій, оправдываемое обычаемъ, осуждаемое природой, не заставитъ ее прибѣгнуть къ этимъ средствамъ... Послѣ побѣды она не будетъ искать ни вознагражденія, ни мщенія... Таковъ планъ новой принимаемой ею политики. Давать отпоръ силѣ, противиться угнетенію, все забыть, когда ей нечего будетъ опасаться, и видѣть только братьевъ въ побѣжденныхъ противникахъ, обезоруженныхъ и примиренныхъ: вотъ, что всѣ народы встрѣтятъ въ глубинѣ души французовъ».

Партія войны восторжествовала въ концѣ концовъ и въ Собраніи и въ якобинскомъ клубѣ; но, вовлекая революцію въ это рискованное предпріятіе, жирондисты, надѣявшіеся оставить за собою руководительство имъ, разрушали, напротивъ, самымъ успѣхомъ своей политики всю будущность своей партіи. Они годились только въ проповѣдники крестоваго похода, но неспособны были вести войну и въ особенности ту, которую сами вызвали—войну революціонную. Борьба предстояла безпощадная, полная неожиданностей, неизвѣстности, заговоровъ; чтобы она оказалась по силамъ, нужна была необычайная энергія, мощный импульсъ импровизаціи, здравое пониманіе дѣйствительности, отвага предпріимчивости, неразборчивость по отношенію къ средствамъ, равнодушіе къ вопросу о правѣ, прирожденная властность, однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ чудовищнаго государственнаго инстинкта, который вполнѣ отсутствовалъ у жирондистовъ. Не обладалъ этими свойствами и Робеспьеръ; но въ ту минуту, когда возникли для революціи новыя необходимости, появился человѣкъ, для котораго какъ будто и готовилась новая борьба и который одинъ на минуту казался способнымъ вынести ее на своихъ плечахъ. «Якобинскій клубъ высказался, наконецъ, за войну, и за войну наступательную», писалъ 23 декабря одинъ изъ наиболѣе проницательныхъ наблюдателей, людей того времени [12]). «Онъ вызываетъ новую революцію, насколько то въ его власти, и помимо этой власти она распространится по всей Европѣ. Каждое засѣданіе клуба даетъ новыя черты его пропагандистской системы извнѣ и республиканизма внутри страны. Повидимому, въ немъ будетъ отнынѣ играть большую роль Дантонъ».

IV.

Между двумя крайними партіями: вооруженной эмиграціей, желающей возвращенія къ старому порядку, и якобинцами всѣхъ оттѣнковъ, стремящимися къ республикѣ, умѣренные исчезаютъ. Разсѣянные въ Собраніи, они съ великимъ трудомъ успѣваютъ сгруппироваться, но имъ не удается сохранить единодушіе.

Монморенъ былъ исчерпанъ. Онъ оставался на своемъ посту единственно для того, чтобы помочь королю перейти чрезъ опасный водоворотъ конституціи. Отставка его была объявлена Собранію еще 31 октября. Замѣнить его было не легко. Королева указывала на Мустье. Фельяны находили его слишкомъ аристократичнымъ, и дворъ остановился на Сегюрѣ. Сегюръ, котораго позондировалъ одинъ изъ его друзей, объявилъ, что приметъ портфель лишь въ томъ случаѣ, если ему возможно будетъ надѣяться на полное довѣріе со стороны короля и королевы. Онъ понялъ, что на такое довѣріе расчитывать невозможно и отказался. Кое-кто говорилъ о Биго-де Сентъ-Круа, служившемъ съ отличіемъ и въ рядахъ арміи, и въ дипломатіи. Королева не одобрила этого выбора. Спрошенные по тому же поводу Шуазель-Гуфье и Бартелеми отклонили предложеніе. Тогда, утомившись неудачными поисками, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ Лессару. Онъ принесъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ банальный эмпиризмъ, покорность, нерѣшительность посредственнаго и трудолюбиваго

[12]) *Pellenc à la Marck, Correspondance*, t. III, p. 272.

приказчика, которому власть кружитъ голову, а отвѣтственность подавляетъ. Морское министерство поручено было бывшему интенданту Бертрану де-Моллевилю; министерство внутреннихъ дѣлъ—адвокату Кайе де-Жервилю; Дюпоръ дю-Тертръ остался хранителемъ печати, а Тарбе—министромъ финансовъ. Наиболѣе важное военное министерство поручено было графу Нарбонну. Всѣ эти министры считались принадлежащими къ партіи фельяновъ; но если они шли къ одной цѣли, то намѣренія и средства, которыя они выбирали, были совершенно у нихъ противоположны. Они плохо ладили и не довѣряли другъ другу, внося уже въ весьма затруднительное положеніе новый элементъ смуты и осложненія. Короче говоря, они составляли кабинетъ, наименѣе способный регулировать общественное мнѣніе, сгруппировать умы, господствовать надъ партіями и руководить дворомъ.

Бертранъ де-Моллевиль дѣйствовалъ отдѣльно отъ своихъ товарищей по совѣту министровъ и былъ единственнымъ его членомъ, къ которому король питалъ нѣкоторое уваженіе. Онъ былъ уменъ, рѣшителенъ, искусенъ; но онъ былъ склоненъ къ интригѣ, вѣрилъ въ ея дѣйствительность и запутался въ ея сѣтяхъ. Онъ раздавалъ деньги, покупалъ продажныхъ писателей, давалъ субсидіи продажнымъ демагогамъ и завязывалъ тайныя двусмысленныя сношенія съ подозрительными эмиссарами: это было убыточное и пустое дѣло, которое, въ концѣ концовъ, ни къ чему не приводило [1]). Остальные министры разбивались на двѣ партіи: одна изъ нихъ, къ которой причисляли Дюпора, Кайе де-Жервиля, Тарбе и Лессара, находилась подъ вліяніемъ Барнава и Ламетовъ. Планъ ихъ заключался въ дескредитированіи Собранія, съ которымъ, по ихъ мнѣнію, невозможно было управлять, въ созваніи новаго Собранія, въ пересмотрѣ конституціи, въ укрѣпленіи королевской прерогативы и въ учрежденіи двухъ палатъ, выбранныхъ народомъ [2]). Они опасались войны, потому что, въ случаѣ неудачи, она разнуздала бы анархію, а въ случаѣ успѣха—укрѣпила бы королевскую власть; но продолжали надѣяться на полезную диверсію, которую могъ бы произвести конгрессъ державъ и посредничество самого короля. Они надѣялись, что Леопольдъ разгонитъ эмигрантскія сборища и что послѣ такого удовлетворенія, даннаго французамъ, онъ заставитъ выслушать себя, когда посовѣтуетъ, отъ имени Европы, пойти на сдѣлку съ королемъ. Эти конституціонисты присоединялись такимъ образомъ, и помимо своего вѣдома, къ замысламъ двора. Но они имѣли противъ себя

[1]) Pellenc à la Marck, 23 decembre 1791, 3 janvier 1792. *Correspondance* t. III, p. 271, 284.—Mallet du Pan, t. I, p. 257.

[2]) Mallet du Pan t. I, p. 257, 431.

и въ самой средѣ кабинета опаснаго противника, шедшаго наперекоръ ихъ планамъ, графа Нарбонна.

Нарбонну было въ то время тридцать шесть лѣтъ. Къ обаянію громкаго имени присоединялось въ немъ и обаяніе ума, симпатичность характера и геніальность, приписываемая ему современниками. Въ немъ видѣли второго Гибера, нѣкогда очаровывавшаго высшій свѣтъ и который внезапно исчезъ со сцены, прервавъ въ прологѣ роль, обѣщавшую героя драмы. Нарбоннъ былъ основательнѣе по своему уму, сильнѣе и мужественнѣе по характеру. Онъ повышался въ арміи, благодаря исключительно личнымъ заслугамъ, находилъ время много читать и усвоить множество разнообразныхъ политическихъ знаній. Изучивъ публичное право въ Страсбургѣ, подъ руководствомъ Коха, онъ ознакомился съ дипломатическими дѣлами, служа въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и при содѣйствіи такихъ опытныхъ и свѣдущихъ руководителей, какъ Жераръ де-Рейневаль и Рюльеръ. Однимъ словомъ, Нарбоннъ олицетворялъ совершеннѣйшій образецъ либеральнаго вельможи, котораго легкій оттѣнокъ немилости при дворѣ дѣлалъ тѣмъ болѣе популярнымъ въ глазахъ народа. «Въ его душѣ преобладала воинская честь и французская доблесть», говорила о немъ г-жа де-Сталь, восхищавшаяся имъ, вдохновлявшая его своими идеями и своимъ энтузіазмомъ. «Противиться чужеземцамъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ казалось ему всегда долгомъ гражданина и дворянина». Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ свои дарованія, несмотря на рѣдкую возвышенность ума и чисто-рыцарскую горячность души, Нарбоннъ былъ слишкомъ человѣкъ своего времени для того, чтобы стать выше обстоятельствъ, и слишкомъ связанъ былъ своимъ кругомъ для того, чтобы быть въ состояніи увлечь Францію. Свѣтскій человѣкъ и человѣкъ котеріи слишкомъ преобладалъ въ немъ надъ политическимъ дѣятелемъ; въ его отвагѣ слышалось самомнѣніе, мѣшавшее ему вѣрно оцѣнить опасность и съужившее, такъ сказать, его планы. Онъ былъ недостаточно вооруженъ противъ скептицизма по отношенію къ людямъ и средствамъ, который господствовалъ въ той свѣтской и испорченной средѣ, гдѣ онъ вращался; онъ слишкомъ поддавался вкрадчивой интригѣ, прикрывающейся изящной формой и проникающей, какъ утонченный пріемъ фехтовальнаго искусства, въ расчеты великихъ міра, даже и такихъ, кто съ крайнимъ презрѣніемъ смотритъ на грубое интригантство.

Близкими людьми у Нарбонна были Бирон и Талейранъ. Первый былъ его повѣреннымъ, второй—совѣтникомъ. Оба были людьми аристократическаго происхожденія, выбитыми изъ колеи революціей: Бирон, вслѣдствіе нравственной распущенности, Талейранъ—по развращенности ума; отъ

одного отрекся дворъ, другого отлучила церковь [3]); разорившіеся расточители, оба они скандализировали даже то общество, которое крайне снисходительно относилось къ любовнымъ похожденіямъ и игрокамъ. По мѣткому выраженію одного современника, эти люди «предались честолюбію и стремились сдѣлать каррьеру для того, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла» [4]). Биронъ былъ болѣе распущенъ, чѣмъ дѣйствительно безнравственъ. Въ его ошибкахъ нерѣдко руководящимъ мотивомъ было тщеславіе. Послѣ неудавшихся попытокъ очаровать Марію Антуанету и оказать вліяніе на Екатерину, онъ поневолѣ принужденъ былъ довольствоваться ролью выскочки въ революціи, вмѣсто роли Лейстера или Потемкина. Въ этомъ человѣкѣ не уцѣлѣло ничего, кромѣ впрочемъ военной чести, храбрости и патріотизма; въ этомъ заключалась его ставка въ игрѣ, въ которую онъ бросился очертя голову. Онъ изучилъ революціонныя движенія въ Польшѣ и велъ себя во время французской революціи какъ польскій магнатъ: конспирировалъ, воевалъ, не различая цѣлей интригъ, въ которыхъ рисковалъ честью, и цѣли войны, въ которой рисковалъ жизнью. Талейранъ обладалъ болѣе яснымъ пониманіемъ вещей. Въ немъ развивался политическій дѣятель по мѣрѣ того, какъ развертывалась революція, въ которой ему пришлось быть не столько вожакомъ, сколько учителемъ въ началѣ и совѣтникомъ въ моментъ ея зрѣлости.

Если планъ Барнава сближалъ его съ дворомъ, то замыслы Нарбонна и его сторонниковъ заставляли его примыкать къ Жирондѣ и приводили къ подготовленію войны, подобно тому, какъ Барнаву приходилось оказывать содѣйствіе подготовленію конгресса. Они искали средства спасти конституцію и королевскую власть въ возрожденіи арміи [5]). Они намѣревались увезти короля въ Фонтенебло и поставить его во главѣ оставшагося вѣрнымъ ему войска. Блестящая кампанія возстановила бы дисциплину въ полкахъ и возвратила бы престижъ королю. Преобразованная армія, говорилъ Нарбоннъ, сдѣлалась бы для короля «убѣжищемъ, изъ котораго онъ поддерживалъ бы болѣе здравую часть Собранія и устрашалъ бы клубы» Сборища эмигрантовъ въ Трирскомъ курфиршествѣ доставили бы популярный предлогъ для экспедиціи, которая могла бы быть и непродолжительной и легкой. Авторы этого плана расчитывали на то, что Австрія не станетъ дѣйствовать энергически безъ поддержки Пруссіи и

[3]) Папское посланіе 26 апрѣля, напечатанное въ Монитёрѣ отъ 1 марта 1791 г.

[4]) Моррисъ Вашингтону, 4 февраля 1792 г. Morris, t. II, p. 109.

[5]) Mallet du Pan, t. I, p. 257.—Письмо Пеленка, отъ 3 января 1792 г. *Correspondance de la Marck*, t. III, p. 285.—Villemain, *Souvenirs contemporains, M. de Narbonne*, Paris, 1856, t. I, p. 33.

льстили себя надеждой удержать Пруссію, если уже не удастся заставить ее присоединиться къ новой политикѣ Франціи.

Планы, задуманные Барнавомъ, Нарбонномъ и ихъ сторонниками во имя утвержденія свободы и спасенія монархіи, сами по себѣ не были ни нелѣпы, ни неосуществимы; эти планы были только преждевременны. Война, возрождающая армію, армія, становящаяся вершительницею судебъ государства, побѣдитель и миротворецъ-генералъ, укрощающій анархію и регулирующій гражданскія пріобрѣтенія революціи,—все это увидимъ мы восемь лѣтъ спустя, а именно въ 1799 году. Иностранное вторженіе, конгрессъ державъ, государь, посредничающій между коалиціей и Франціей, дающій миръ странѣ, возстановляющій королевскій престолъ и гарантирующій французамъ существенныя и основныя начала, провозглашенныя Учредительнымъ собраніемъ,—именно это и произошло въ 1814 году. Въ томъ и другомъ кризисѣ, Талейранъ, внушавшій необходимость такихъ мѣръ еще въ 1791 году, явился главнымъ орудіемъ. Но каковы бы ни были его дальновидность и умственная проницательность и хотя, какъ тонко выразился онъ самъ о другомъ лицѣ, «въ его умѣ было всего болѣе будущности» [6]), безъ сомнѣнія ему не могло придти въ голову въ то время, когда онъ предугадывалъ судьбы Франціи въ салонѣ г-жи де-Сталь, что для свершенія этихъ судебъ ему понадобится милость артиллерійскаго поручика, котораго онъ не зналъ тогда даже по имени; что этотъ солдатъ, сдѣлавшись его господиномъ, произведетъ его въ камергеры, Нарбонна назначитъ посланникомъ, а г-жу Сталь вышлетъ изъ предѣловъ Франціи за то, что она останется вѣрной идеямъ ихъ общей юности.

Конституціонное министерство становилось у кормила правленія «при такихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы заставить трепетать даже такихъ людей какъ Ришелье, Оксенштирнъ или Чатамъ» [7]). Это министерство не только не было господиномъ положенія, но, разъединенное въ себѣ самомъ, оно представляло своимъ противникамъ бреши, открытыя со всѣхъ сторонъ нестройностью своихъ дѣйствій, безпрестанно давая поводы къ придиркамъ. Нарбоннъ искалъ популярности, отчасти намѣренно, отчасти по склонности и слабости; онъ опирался на сторонниковъ Бриссо; бриссотинцы служили ему, но единственно съ цѣлью ускорить ходъ событій, которыя должны были привести къ его паденію. Союзъ съ ними принуждалъ его къ послабленіямъ, которыя разрушали въ его рукахъ всѣ пружины власти; этотъ союзъ дѣлалъ его подозрительнымъ въ глазахъ двора и его менѣе воинственныхъ товарищей по министерству. Барнавъ

[6]) *Essai sur les avantages à retirer des colonies.* Mémoire lu à la séance publique de l'Institut, le 25 messidor, an V.

[7]) Malouet, t. I, p. 245.

дѣйствовалъ заодно съ дворомъ, Нарбоннъ шелъ за Бриссо. Онъ желалъ сохраненія монархіи, но не той, которой желалъ дворъ, а дворъ, пользуясь его услугами, въ то же время глухо подкапывался подъ него. Наконецъ и Нарбоннъ и Барнавъ, собиравшіеся, каждый по-своему, спасать короля, помимо его собственной воли, встрѣтили на своемъ пути препятствія, воздвигнутыя ихъ собственной партіей за послѣдніе три года, между собою и королевскою властью. Они требовали отъ Людовика XVI довѣрія къ себѣ, требовали, чтобы онъ внушалъ довѣріе народу и поступалъ съ надлежащею энергіей, послѣ того какъ все сдѣлали для ограниченія его власти и дискредитированія его въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Собраніе не вѣрило искренности короля; король не довѣрялъ искренности конституціонистовъ. Но та же сила вещей, которая заставляла министровъ подпирать зданіе, фундаментъ котораго былъ разрушенъ ими самими, обрекала и дворъ колебать столбы, на которые онъ пытался опереться. Королевская политика шла въ ногу съ политикою партіи, стремившейся къ ниспроверженію королевской власти.

V.

Въ планы и соображенія двора входило, чтобы министерство подрывало конституцію, а Собраніе доказало бы невозможность и безсиліе министерства. По словамъ близкаго Тюильрійскому двору лица, тамъ не настаивали на предложеніи Мустье поста министра иностранныхъ дѣлъ, единственно «изъ уваженія къ этому человѣку» [1]). Напротивъ того, нѣкоторое время желали видѣть министромъ Сегюра—изъ враждебности къ нему. «Я бы хотѣла, чтобы онъ согласился,—писала королева;—онъ хорошо говоритъ, а это все, что требуется въ настоящую минуту, когда мы не можемъ имѣть своихъ хорошихъ министровъ и, наконецъ, это можетъ и погубить его; въ этомъ не будетъ большой бѣды» [2]). Горечь этихъ словъ указываетъ столько же на безнадежность положенія, сколько и на презрѣніе къ людямъ. Королевская фамилія продолжала смотрѣть на свое пре-

[1]) Ла Маркъ, письмо къ Мерси, 30 октября 1791. *Correspondance*, t. III, p. 259.

[2]) Письма королевы: къ Ферзену и Мерси 19 окт. 1791 и въ февралѣ 1792 г. «Между министрами Лессаромъ и Нарбонномъ—открытая война. Лучшій изъ нихъ двоихъ ничего не стоитъ». Fersen, t. I, p. 199.—Arneth, p. 245. Генералъ Сегюръ сообщаетъ, что отецъ его вернулся изъ Тюильри, убѣжденный, что «какой бы то ни было министръ, взявшійся давать совѣты королевѣ, даже ради ея собственной пользы, неизбѣжно потерялъ бы ея уваженіе и лишился бы у нея всякаго кредита. *Histoire et Mémoires*, Paris, 1873, t. I, p. 9.

бываніе во дворцѣ, какъ на заточеніе. Она чувствовала себя какъ бы намѣренно унижаемой и внутренними врагами, и мнимыми приверженцами за границей. Мелкіе уколы растравляли рану и, раздражая ее, поражали въ самое сердце [3]). Въ концѣ сентября, Людовикъ XVI обращался къ своимъ братьямъ съ письмомъ благоразумнымъ и прочувствованнымъ: онъ жаловался, что узналъ объ ихъ манифестѣ изъ газетъ, ранѣе чѣмъ получилъ его отъ нихъ самихъ; онъ доказывалъ имъ несостоятельность ихъ предпріятія и приглашалъ прекратить дальнѣйшіе шаги, такъ какъ они могли только вредить его собственному образу дѣйствій [4]). 16 октября и 11 ноября онъ написалъ имъ вторично въ болѣе твердомъ и настоятельномъ тонѣ [5]). Они не уступили, и непокорность принцевъ нанесла тѣмъ болѣе чувствительный ударъ, что вызвала семейный раздоръ. Сестра короля, принцесса Елизавета, не только не удивлялась и не возмущалась поведеніемъ братьевъ, но оправдывала ихъ и окружала себя ихъ эмиссарами. «Наша домашняя жизнь—это цѣлый адъ... нѣтъ возможности говорить другъ съ другомъ, потому что пришлось бы ссориться цѣлые дни», писала Ферзену Марія-Антуанета. Король не поддерживалъ ея. «Апатія Людовика XVI парализовала его до конца» [6]).

Мужество Маріи-Антуанеты не угасало, но оно истощалось въ безплодныхъ усиліяхъ, подобно пламени костра, возбуждаемому и въ то же время разбрасываемому вѣтромъ. По временамъ она выходитъ изъ себя: «Какое счастье, если бы я могла когда-нибудь доказать этимъ негодяямъ, что имъ не удалось обмануть меня!» Но иногда, какъ бы утомившись гнѣвными вспышками, она принимается шутить со свойственною ей природною веселостью: «Графъ Нарбоннъ сдѣлался наконецъ военнымъ министромъ... Какая честь г-жѣ де-Сталь и какое удовольствіе для нея обладать цѣлою арміей!» Это была одна изъ тѣхъ шутокъ, послѣдствія которыхъ были нѣкогда такъ пагубны для нея въ Версалѣ. Но такая веселость посѣщала ее рѣдко и женщина сказывалась въ ней только утомленіемъ, раздраженіемъ и слезами [7]).

[3]) См. *Мемуары г-жи Кампанъ*, томъ II, гл. XIX, и отчетъ князя Нассау-Зигенскаго у Фёлье, т. IV, с. 315.

[4]) Feuillet, t. II, p. 328.—[5]) Ibid., t. IV, p. 201, 241.

[6]) Ла Маркъ, письмо къ Мерси 28 сентября 1791. *Correspondance*, t. III, p. 237.

[7]) «Прощайте! Я утомлена всѣмъ этимъ писаньемъ; никогда не приходилось мнѣ этимъ заниматься, и я постоянно боюсь забыть что-нибудь или напутать... У меня нѣтъ ни минуты свободной; все время распредѣлено между посѣщеніями разныхъ лицъ, писаньемъ и дѣтьми. Послѣднее занятіе, которое отнимаетъ не мало времени, есть моя единственная радость, и когда мнѣ становится очень грустно, я беру на руки моего маленькаго мальчика, цѣлую

Она настойчиво проситъ, умоляетъ брата придти къ ней на помощь [8]); но недоразумѣніе между нею и императоромъ обостряется съ каждымъ днемъ. Мѣры, которыя принужденъ принимать Людовикъ XVI для того, чтобы дать державамъ время приготовиться къ дѣйствію, становятся для нихъ лишь поводами къ бездѣйствію. Такъ, 12 ноября, король, въ видахъ успокоенія умовъ, издалъ прокламацію, въ которой порицался образъ дѣйствій принцевъ. Онъ объявлялъ, что готовъ охранять безопасность королевства «противъ всякаго рода вооруженныхъ сборищъ на границѣ». Австрія приняла это къ свѣдѣнію, чтобы рѣшить, что король свободенъ, и что съ этой минуты «конгрессъ могъ скорѣе повредить, чѣмъ принести пользу Франціи» [9]). «Императоръ обманываетъ васъ,—пишетъ Ферзенъ.—Онъ ничего не сдѣлаетъ, онъ покидаетъ васъ, предоставляя васъ вашей судьбѣ и оставляя совершиться окончательной гибели королевства, подъ благовиднымъ предлогомъ вашей личной безопасности и исполненія вашего желанія лишить принцевъ его поддержки [10]).

Марія Антуанета поражена этими извѣстіями; она видитъ вокругъ себя «адскій заговоръ»; она подозрѣваетъ, что письма ея перехватываются; она отказывается вѣрить подобной измѣнѣ со стороны брата [11]). Между тѣмъ, Ферзенъ предлагаетъ ей планъ, долженствующій разрушить всѣ коварные расчеты; королева слѣдуетъ этому плану и располагаетъ въ его пользу короля. Людовикъ XVI подписываетъ приказы, заготовленные Ферзеномъ, и передаетъ письма, мысль которыхъ принадлежитъ этому неутомимому слугѣ [12]). Король желаетъ имѣть только одного представителя за границей, барона Бретейля; остальные представители будутъ состоять подъ его начальствомъ: Бомбель—въ Петербургѣ, Бриссакъ—въ Берлинѣ, Ла-Вогюйонъ—въ Мадридѣ. Принявъ эту мѣру, Людовикъ XVI пишетъ прусскому королю. Письмо помѣчено 3 декабря. Людовикъ призываетъ на помощь государей. «Я предлагаю имъ созвать конгрессъ, подкрѣпленный вооруженною силой, какъ лучшее средство сдержать здѣсь мятежниковъ, дать возможность установить болѣе желательный порядокъ вещей и не допустить распространенія зла на другія государства [13]). Въ

его отъ всего сердца и это утѣшаетъ меня на минуту». Изъ письма къ Ферзену въ концѣ 1791 г.

[8]) Королева Леопольду 4 окт. 1791. Feuillet, t. II, p. 405.

[9]) Мерси королевѣ, 18 и 30 ноября. Arneth, p. 223—227.

[10]) *Mémoire pour la Reine*, 26 novembre 1791. *Journal*, t. I, p. 34. *Rapport à Gustave* III, t. I, p. 184.

[11]) Письмо къ Ферзену.

[12]) *Mémoire pour la reine*, Fersen, t. I.

[13]) Feuillet, t. IV, p. 269 и t. VI, p. 15.—Flammermont, *Négociations secrètes de Louis XVI et du baron de Breteuil avec la cour de Berlin*, Paris, 1885.

томъ же смыслѣ написалъ онъ и шведскому королю. Королева переписала и подписала письмо, предназначенное Екатеринѣ [14]). Въ то же время она обращается къ Мерси съ призывомъ, полнымъ отчаянія: «Пусть же убѣдится братъ мой, что мы не можемъ держаться конституціи, которая составляетъ несчастіе и грозитъ гибелью королевству... Наша участь будетъ вполнѣ зависѣть отъ императора... Я надѣюсь, что онъ поступитъ какъ братъ и истинный союзникъ короля... Невозможно болѣе медлить, наступила минута оказать намъ услугу. Если она будетъ упущена, все кончено, и императору останется только позоръ и упрекъ предъ лицомъ всего свѣта въ томъ, что, имѣя возможность отстранить, онъ допустилъ униженіе сестры и зятя».

Людовикъ XVI послалъ къ братьямъ графиню Оссенъ и барона Віоменіля; но принцы такъ же мало обратили вниманія на изустныя, какъ и на письменныя, увѣщанія короля. Они отвѣтили ему 3-го декабря; письмо ихъ звучитъ насмѣшкой и заканчивается рѣшительнымъ отказомъ въ повиновеніи. «Они убиваютъ, они рѣжутъ насъ!—воскликнула королева;—Каинъ, Каинъ! Братъ короля предаетъ и губитъ насъ,—повторяла она съ рыданіемъ;—какое каменное сердце!.. Намъ остается только умереть!» [15]). Король обратился къ принцамъ съ новымъ посланіемъ, въ которомъ ярко выразились доброта его сердца, слабость характера и наивныя иллюзіи, которыя онъ не переставалъ питать. «Я внимательно прочиталъ письмо ваше; я вижу цѣль, которую вы себѣ ставите; я понялъ, что вы заботитесь о себѣ болѣе, чѣмъ обо мнѣ; я понялъ, что вы намѣрены произвести невозможный переворотъ, что вы требуете возстановленія стараго порядка, которое не обошлось бы безъ пролитія моря крови. О, вы заставляете меня трепетать отъ ужаса. Пусть рухнетъ монархія, это было бы лучше, чѣмъ присоединяться къ подобнымъ планамъ! Вашъ долгъ перестать создавать враговъ Франціи». Преданный человѣкъ, баронъ Гогела уполномоченъ былъ 10 декабря отвезти это письмо братьямъ короля и присовокупить изустно все, что могло бы убѣдить ихъ и привести ихъ къ покорности.

Между тѣмъ королю предстояло высказаться по поводу декретовъ Собранія, направленныхъ противъ эмиграціи и ослушныхъ присягѣ священниковъ. Людовикъ рѣшительно отказался отъ преслѣдованія священ-

[14]) *Louis XVI à Gustave III.* Feuillet, t. IV, p. 271. *Marie-Antoinette à Catherine*, 3 décembre, *à Gustave III*, 8 décembre 1791. Feuillet, t. IV, p. 276, 290.

[15]) *Mémoires de Goguelat.*

ОТДЕЛ

никовъ. Ему казалась невозможною уступка по этому вопросу; онъ направилъ всю свою строгость противъ эмигрантовъ. Онъ надѣялся, что мѣры, принятыя противъ нихъ по его приказу, заставятъ державы рѣшиться на вмѣшательство и дадутъ имъ достаточно «сильный и осязательный къ тому поводъ». «Мнѣ кажется,—писала королева Ферзену отъ 9 декабря,—что мы объявимъ войну не сильной державѣ,—для этого у насъ слишкомъ мало мужества,—а курфирстамъ и нѣкоторымъ изъ германскихъ государей въ надеждѣ, что они не въ силахъ будутъ защищаться. Эти глупцы не видятъ, что, поступая такъ, какъ они поступаютъ, значитъ служить намъ, потому что если мы начнемъ войну, то державы принуждены будутъ вмѣшаться каждая для отстаиванья своего права». 14 декабря Людовикъ XVI отправился въ Собраніе и объявилъ, что, продолжая надѣяться на сохраненіе мира и не переставая требовать содѣйствія императора, онъ, тѣмъ не менѣе, заявилъ трирскому курфирсту, что станетъ относиться къ нему какъ къ врагу, если до 15 января не будутъ разсѣяны эмигрантскія сборища.

Въ тотъ же день онъ объяснилъ барону Бретейлю мотивы своего образа дѣйствій и то, чего онъ ждетъ отъ Европы. «Ясно и очевидно для всякаго,—говоритъ онъ,—что внутренно я не могу одобрять революціи и нелѣпой, ненавистной конституціи, которая ставитъ меня ниже, чѣмъ былъ поставленъ король польскій». И однако онъ не желаетъ, чтобы курфирстъ сдался на его требованія: это придало бы новую дерзость революціонной партіи, и подобный успѣхъ «поддержалъ бы машину еще нѣкоторое время». Людовикъ требовалъ отъ державъ взять дѣло въ свои руки, разсѣять сборища, принять безоружныхъ эмигрантовъ и оказать защиту курфирстамъ. Если послѣдствіемъ всего этого будетъ война, то онъ ея не боится. «Вмѣсто междоусобной у насъ будетъ внѣшняя война, и это значительно, улучшитъ положеніе вещей... Нравственное и физическое состояніе Франціи не позволило бы ей долго вести войны; но надо, чтобы казалось, что я дѣйствительно готовъ ее начать, какъ то было бы въ прежнія времена... Мое поведеніе должно быть таково, чтобы въ несчастіи народъ видѣлъ спасеніе только въ моихъ рукахъ».

Это было злополучное стеченіе взаимно уничтожавшихъ себя проектовъ, рискованныя уловки, не имѣвшія иной связи, кромѣ необходимости предпринимать ихъ, и казавшіяся искусными только издали и въ силу иллюзіи, порожденной непониманіемъ современныхъ событій. Страстная женщина-королева, неспособная владѣть своими страстями, апатичный король, въ которомъ личныя добродѣтели заглушаютъ и ослабляютъ понятіе о государственной пользѣ, бросаются, такъ сказать, съ завязанными глазами въ лабиринтъ заговоровъ, способныхъ исчерпать энергію Екатерины

и макіавелизмъ Леопольда. При иностранныхъ дворахъ появились агенты, объявлявшіе отъ имени французскихъ министровъ, что король требуетъ полнаго нейтралитета державъ; другіе агенты, напротивъ того, заявляли, что не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на требованія этихъ министровъ, что такъ какъ король не свободенъ, люди, говорящіе отъ его имени, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Въ довершеніе всей этой путаницы, министры, въ свою очередь, обзавелись и оффиціальной и тайной дипломатіей, взаимно противорѣчащими одна другой. Декларація 14 декабря, которая, казалось, способна была связать короля съ конституціонной партіей, на самомъ дѣлѣ, и по мысли короля, и по мысли фельяновъ, должна была служить совершенно противоположнымъ намѣреніямъ. И на этотъ разъ соглашеніе носило двусмысленный характеръ. Вступали въ союзъ лишь для того, чтобы вредить другъ другу.

VI.

Разногласія, разъединявшія конституціонистовъ по внутреннимъ вопросамъ, становились еще болѣе рѣзкими, какъ скоро приступали къ дѣламъ внѣшней политики. Барнавъ и его сторонники желали созванія конгресса и не хотѣли войны: вся ихъ комбинація основывалась на соглашеніи съ Леопольдомъ. Они требовали отъ него воздѣйствія на Германію, въ смыслѣ ея обузданія и подчиненія трирскаго курфирста [1]). Отъ Пруссіи требовали невмѣшательства, отъ Англіи—нейтралитета. Нарбоннъ и его партія желали войны, но войны ограниченной; они не только не опасались, но находили желательнымъ вмѣшательство Австріи, полагая, что это могло бы лишь придать популярность предпріятію. По ихъ соображеніямъ, всего важнѣе было нейтрализировать Австрію и расположить въ свою пользу Пруссію. Союзъ съ этою державою составлялъ главнѣйшую статью ихъ проекта; необходимымъ слѣдствіемъ такого союза былъ нейтралитетъ Англіи. Такимъ образомъ Барнавъ предполагалъ видоизмѣнить и сохранить систему 1756 года; Нарбоннъ же намѣревался уничтожить ее и замѣнить другою противоположною системой. Министръ иностранныхъ дѣлъ Лессаръ стоялъ между обѣими котеріями, склоняясь къ тому и другому плану и, подъ предлогомъ примиренія людей и направленій, лавировалъ между ними, принималъ полумѣры, прибѣгалъ къ увертками и отсрочкамъ.

Возрожденіе арміи было основною статьей плана Нарбонна. Необходимо было приняться за него безотлагательно: это послужило поводомъ къ замѣчательно страннымъ переговорамъ, которые лучше чѣмъ что бы

[1]) *Mémoire pour l'Empereur*, Арнетъ, p. 270. Эта меморія была отправлена въ январѣ 1792 г.

ОТИЕ БОРАН

то ни было характеризуютъ то смутное время, когда новая Франція съ трудомъ и тягостными усиліями отрывалась отъ старой. Дѣло въ томъ, что для возрожденія арміи по плану, задуманному военнымъ министромъ, недоставало человѣка, главы. Нарбоннъ не считалъ себя достаточно авторитетнымъ; кредитъ Лафайета былъ подорванъ. Требовался военачальникъ, имя котораго внушало бы уваженіе и двору и странѣ и репутація котораго могла бы побѣдить всякую оппозицію. Память о Морицѣ Саксонскомъ еще жила во Франціи; призваніе иностраннаго генерала для командованія французскими войсками не возмущало ничьей совѣсти и не оскорбляло ничьей щекотливости ни въ придворной сферѣ, ни въ средѣ конституціонистовъ. Во всей Европѣ былъ только одинъ государь, казавшійся предназначеннымъ для такой великой роли,—то былъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, одинъ изъ героевъ XVIII вѣка и одинъ изъ полубоговъ философіи [2]). Думали, что призвать его въ Парижъ будетъ верхомъ дипломатическаго искусства: у Германіи былъ бы такимъ путемъ похищенъ знаменитѣйшій изъ ея воиновъ, Франція пріобрѣла бы въ немъ весьма уважаемаго въ Берлинѣ посредника; Австріи же нанесенъ бы былъ жесточайшій ударъ. По довольно странному совпаденію, этотъ «другъ просвѣщенія» пользовался одновременно и милостью въ роялистскомъ великосвѣтскомъ мірѣ, и восторженнымъ поклоненіемъ со стороны наиболѣе пылкихъ революціонеромъ. Карра прославлялъ его добродѣтели, а Ферзенъ совѣтовалъ королевѣ привлечь его въ свою партію [3]) Переговоры были весьма щекотливымъ дѣломъ. Ихъ рѣшились однако поручить молодому человѣку Франсуа, Кюстину, сыну извѣстнаго генерала. Рано поступивъ въ военную службу, въ которой онъ успѣлъ уже отличиться, Франсуа Кюстинъ былъ хорошъ съ Нарбонномъ и принадлежалъ къ числу преданныхъ почитателей г-жи де-Сталь. Ему было въ то время не болѣе двадцати трехъ лѣтъ, но онъ отличался образованіемъ, серьезностью и разсудительностью. Мирабо, встрѣтившій его въ Берлинѣ въ 1786 г., былъ отъ него въ восхищеніи; онъ угадалъ въ немъ одного изъ дипломатовъ, которымъ предстояло играть видную роль въ будущемъ [4]). Самая молодость Кюстина могла быть полезна при такой миссіи, въ

[2]) См. Т. I, *Политическіе нравы и традиціи. La mission de Custine à Brunswick*, *Revue historique*, t. I, p. 154. — Chuquet, *Invasion prussienne*, p. 123—127.

[3]) «Герцогъ Брауншвейгскій — человѣкъ умный, даровитый и весьма честолюбивый; онъ пользуется вліяніемъ въ Берлинѣ. Не находите ли вы, что слѣдуетъ расположить его въ нашу пользу: онъ всегда любилъ Францію». 22 декабря 1791 г. Fersen, t. I, p. 317.—Carra, *Annales patriotiques*, 1792. *Précis de la défense de Carra*, 1793. Vatel, *Vergniaud*, Paris, 1872, t. II. p. 454—456.

[4]) *Histoire secrète*, письмо отъ 21 октября 1786 г. Т. I, стр. 251.

которой приходилось убѣждать не столько путемъ логическихъ доводовъ, сколько горячностью чувства. Продолжительное пребыванія въ Германіи, гдѣ онъ изучалъ военное дѣло въ школѣ Фридриха, доставила ему вліятельныя связи, между прочимъ и знакомство съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Этотъ принцъ былъ друженъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и считался главою того, что еще носило названіе французской партіи въ Берлинѣ.

Лессаръ выказалъ нѣкоторую оппозицію этому рискованному плану. Король не рѣшался его одобрить. «Нарбонну пришла безумная мысль», писала Ферзену королева, постоянно сообщавшая ему о всѣхъ мѣропріятіяхъ министровъ. Нарбоннъ настаивалъ; утомившись сопротивленіемъ, Людовикъ XVI уступилъ, расчитывая, что герцогъ откажется и что эта неудача послужитъ на пользу его собственнымъ намѣреніямъ. Онъ согласился подписать письмо герцогу, редактированное министрами: оно должно было служить вѣрительною граматою Кюстину и дать ему возможность быть принятымъ и выслушаннымъ. Король выражалъ въ письмѣ однѣ миролюбивыя намѣренія. Что же касалось настоящей миссіи Кюстина, то она должна была оставаться тайною до той поры, пока министры узнаютъ о томъ, какъ приметъ ее герцогъ. Въ случаѣ благопріятнаго отношенія, министерство увѣдомитъ Собраніе о предложеніи и обратится къ герцогу уже оффиціальнымъ образомъ. Кюстинъ уѣхалъ въ началѣ января 1792 г.

Удовлетворивъ такимъ образомъ нуждамъ арміи, Нарбоннъ и его друзья занялись собственно дипломатіей. Бриссо и Клавьеръ, оба близко знакомые съ лондонскими политическими интригами и слывшіе знатоками англійскихъ дѣлъ, утверждали, что не только возможно заручиться нейтралитетомъ Англіи, но что при нѣкоторой ловкости можно добиться даже союза съ этой державой. Эти непримиримые противники Австріи находили, что для достиженія союза не слѣдуетъ отступать ни предъ какими жертвами; а такъ какъ можно закупить людей не иначе, какъ предлагая имъ желательное и заманчивое, то Нарбонну и его совѣтникамъ изъ жирондистовъ пришлось возобновить Питту обѣщанія и намеки, которые нѣкогда сдѣланы были ему же Шампсенецомъ отъ имени двора. Но на этотъ разъ національное наслѣдіе рѣзалось еще свободнѣе, чѣмъ на то отваживались въ Тюильри, и въ случаѣ недостаточности Табаго, готовы были обѣщать Иль де-Франсъ и островъ Бурбонъ [5]). Полагаютъ даже, что пошли еще далѣе и намекали, что въ случаѣ необходимости предоставятъ англичанамъ и «нѣкоторые укрѣпленные пункты» [6]). Посредника для такого рода

[5]) Morris, *Journal*, 11 janvier 1792, t. I, p. 235—236. *Pellenc à la Marck*, 8 janvier 1792. Feuillet, t. V, p. 125.

[6]) Отчетъ Сталя: Léouzon le Duc, p. 249. Сталь имѣлъ вполнѣ точныя

переговоровъ не приходилось долго искать: Талейранъ былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ для такого порученія. Говернеръ Моррисъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совѣтовалъ бывшему отёнскому епископу искать поста посланника. «Это,—говорилъ онъ, — наилучшій способъ сдѣлать карьеру и быть на виду, въ то же время не слишкомъ себя компрометируя. Талейрану былъ вполнѣ по вкусу такой совѣтъ. Англія всегда привлекала его; союзъ съ ней, скрѣпленный торговымъ договоромъ, входилъ въ планы, которые выработывалъ онъ уже ранѣе въ сотрудничествѣ съ Мирабо. Талейранъ надѣялся ловко опутать Питта при содѣйствіи стараго пріятеля своего Бирона.

Подобные замыслы не могли не устрашать своею рискованностью такого робкаго политика какъ Лессаръ. Однако, поддаваясь на лесть и заискиванія, которыми окружили его въ салонѣ г-жи Сталь, онъ готовъ былъ сдаться; но дворъ отнесся къ проекту враждебно. Бертранъ де-Молевильль формально воспротивился талейрановской миссіи, а Барнавъ поддержалъ его. Кончили тѣмъ, что остановились на полумѣрѣ. Въ качествѣ бывшаго члена Учредительнаго собранія Талейранъ не могъ исполнять оффиціальныхъ порученій. Рѣшено было, что онъ отправится въ Лондонъ частнымъ образомъ для того, чтобы слѣдить за событіями, зондировать почву, и соображаясь уже съ отчетами, которые онъ пришлетъ, будетъ приступлено и къ оффиціальнымъ переговорамъ.

Лессара озабочивала, главнымъ образомъ, Австрія. Попытка сближенія съ Англіей не могла не вызвать неудовольствія со стороны Леопольда. Лессаръ поспѣшилъ предупредить его и успокоить.—Поѣздка отёнскаго епископа, писалъ онъ де-Ноалю 16 января 1792 г., не имѣетъ иной цѣли, кромѣ успокоенія общественнаго мнѣнія: когда увидѣли готовность императора поддерживать трирскаго курфирста, то стали упрекать короля за слѣпое довѣріе къ нему и пренебреженіе другими союзниками. Но императору эта поѣздка не должна внушать опасеній; отъ него требуютъ одного—подчиненія трирскаго курфирста: если онъ хочетъ войны, то играетъ въ руку Англіи [7]).—Дипломатія министра иностранныхъ дѣлъ шла въ разрѣзъ съ тактикой военнаго министра въ Лондонѣ и Вѣнѣ. То же самое должно было повториться, и еще въ сильнѣйшей степени, относительно сейма и имперскихъ княжествъ. Надлежало предупредить какое-бы то ни было вмѣшательство сейма и имперіи въ пользу трирскаго курфирста. Барбе-Марбуа, дипломату уже

свѣдѣнія. Моррисъ упоминалъ о Дюнкирхенѣ и Кале. См. его отчетъ отъ 4 февраля 1792, во II томѣ его дневника (Journal).

[7]) «Этотъ дворъ поддерживаетъ наши внутреннія смуты и старается создать для насъ и внѣшнія затрудненія». Ноалю, 23 декабря 1791 г.

не разъ исполнявшему въ Германіи дипломатическія порученія, поручено было успокоить мелкихъ германскихъ государей, по поводу намѣреній Франціи [8]): онъ долженъ былъ указать имъ и на опасность союза между Австріей и Пруссіей для независимости германскихъ государствъ, и на полезность сближенія съ Франціей. Усѣянныя высокопарными отступленіями по поводу новыхъ международныхъ отношеній и новыхъ началъ французской политики, инструкціи, данныя Марбуа, были расчитаны на успѣхъ при прочтеніи ихъ въ дипломатическомъ комитетѣ; но истинная миссія Марбуа, завѣрявшаго въ своей преданности коронѣ, заключалась не въ возбужденіи германскихъ государей противъ Австріи, а въ миролюбивыхъ увѣреніяхъ и сдѣлкахъ, какъ въ Ратисбоннѣ, куда онъ предварительно направлялся, такъ и въ Вѣнѣ. Къ этой оффиціальной миссіи и къ поправкѣ ея полуоффиціальнаго свойства присоединялось еще третье, болѣе секретное порученіе, въ которомъ сказалась рука людей, изучившихъ дипломатическіе переговоры въ кабинетѣ Фавье. Въ лицѣ этихъ людей революціонная дипломатія подавала руку тайной дипломатіи Людовика XV. Послѣдняя можетъ считаться ея источникомъ, и мы увидимъ впослѣдствіи, какъ самые рьяные изъ демократовъ вернутся за свой счетъ къ интригантскимъ способамъ и даже къ комбинаціямъ, задуманнымъ въ 1791 году приспѣшниками Лакло и приверженцами Бирона. Одна изъ наиболѣе остроумныхъ интригъ заключалась въ планѣ подкупа побочныхъ сыновей герцога цвейбрюкенскаго. Повидимому, эти побочные дѣти пользовались большимъ расположеніемъ своего отца. Надѣялись помирить его при помощи ихъ вліянія съ двоюроднымъ братомъ Карломъ-Теодоромъ Баварскимъ, которому онъ долженъ былъ наслѣдовать на баварскомъ престолѣ. Этимъ путемъ расчитывали разъединить Баварію съ Австріей и помѣшать ей поддерживать германскихъ князей. Это было обходное движеніе весьма тонкаго стратегическаго свойства. Но тактика, которую намѣревались примѣнить въ Берлинѣ, была еще несравненно рискованнѣе.

Союзъ съ Пруссіей былъ рычагомъ всѣхъ дѣйствій новой школы; но сторонники этого союза хорошо знали, что французская партія въ большой немилости при берлинскомъ дворѣ. Фавориты и фаворитки наперерывъ возстановляли прусскаго короля противъ Франціи. Враждебность ихъ

[8]) Инструкціи 1 января 1792 г.– Министерство пыталось также успокоить Швейцарію относительно опасности французской пропаганды. Это поручено было Бартелеми, назначенному посланникомъ при швейцарскомъ союзномъ правительствѣ. «Г. Бартелеми долженъ дать понять, что въ конституціи ничего не говорится о томъ, чтобы преданные ей люди должны были стремиться къ введенію у другихъ народовъ нашей собственной правительственной системы». Относительно инструкціи Бартелеми см. у G. Kaulek, Paris. 1886 г. въ его книгѣ: *Les Papiers de Barthelemy* 1792.

© ГПИБ СПбГУ

къ Франціи была извѣстна всѣмъ и каждому, но не менѣе извѣстна была и ихъ продажность. Въ Парижѣ думали, что обладаютъ вѣрнымъ средствомъ расположить ихъ въ свою пользу. Мирабо въ былое время сообщалъ объ этомъ средствѣ въ своихъ шифрованныхъ письмахъ изъ Берлина; Талейранъ, нѣкогда разбиравшій Верженну эти письма, былъ убѣжденъ въ его дѣйствительности; Бирономъ, производившій въ былое время развѣдки берлинской почвы, ручался за успѣхъ операціи [9]); онъ надѣялся къ тому же встрѣтить при берлинскомъ дворѣ агента и пособника въ лицѣ Геймана. Бирономъ въ то время командовалъ частью войскъ на сѣверѣ; узнавъ о назначеніи Нарбонна военнымъ министромъ, онъ тотчасъ же сообщилъ ему о своемъ планѣ и развилъ этотъ планъ въ частныхъ письмахъ на имя Талейрана. Онъ предлагалъ подкупить «приближенныхъ короля изъ разряда продажныхъ мистиковъ или, какъ тогда выражались, иллюминатовъ: Бишофсвердера, Вельнера, графиню Денгофъ, дядю ея Линдорфа, вліятельную фаворитку Рицъ, ея мужа, камердинера короля, и самого Геймана, которому можно обѣщать мѣсто министра. Талейранъ горячо принялся за дѣло. Эти прусскіе переговоры казались ему необходимымъ дополненіемъ переговоровъ съ англійскимъ кабинетомъ. «Я сдѣлаю все, что могу, для успѣха этого великаго мѣропріятія,—писалъ Талейранъ Бирону.—Если намъ удастся заручиться поддержкой прусскаго короля, мы будемъ хозяевами положенія; конституція пойдетъ своимъ чередомъ и недовѣрію будетъ положенъ конецъ. Я не сомнѣваюсь, что рѣшеніе прусскаго короля заставитъ рѣшиться и императора».

Такого же мнѣнія были Барнавъ и Лессаръ; но они иначе смотрѣли на способы веденія переговоровъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Опасаясь прежде всего, чтобы этотъ государь, подъ вліяніемъ подстрекательства эмигрантовъ, не выступилъ первымъ, а императору не пришлось бы за нимъ послѣдовать, они старались только сдерживать его. Со времени возвращенія Мустье въ Берлинѣ оставался только одинъ повѣренный въ дѣлахъ. Министерство нашло необходимымъ безотлагательно назначить туда посланника. Миссія требовала осмотрительности, такта и авторитетности. Лессаръ предложилъ довѣрить ее Сегюру. Этотъ дипломатъ принялъ неблагодарную задачу, которую ему предоставляли. Имъ руководило при этомъ чувство преданности дѣлу: онъ вполнѣ сознавалъ всю его трудность и не безъ основанія опасался со стороны двора писемъ, противорѣчащихъ его инструкціямъ. Инструкціи, полученныя Сегюромъ 22 декабря, носили вполнѣ миролюбивый характеръ: посланникъ долженъ былъ пригласить Пруссію воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія

[9]) *Correspondance intime et politique du général Biron*, 9—10 déc. 1791. Архивъ французскаго военнаго министерства.

дѣла Франціи, не поддерживать военными силами трирскаго курфирста, употребить свое вліяніе для разсѣянія эмигрантскихъ сборищъ и для побужденія эльзасскихъ владѣтельныхъ князей къ принятію вознагражденія за убытки.

Выборъ столь испытаннаго агента и порядочнаго человѣка разстроивалъ соображенія Бирона и его пособниковъ. «Это—мѣра, дѣлающая всѣ остальныя непримѣнимыми», писалъ онъ Талейрану. Дворъ былъ смущенъ и взволнованъ не менѣе самого Бирона. Если бы Сегюръ успѣлъ добиться нейтралитета Пруссіи, весь планъ, изложенный Людовикомъ XVI въ инструкціяхъ Бретейлю, неминуемо былъ бы разрушенъ. «Мнѣ неизвѣстенъ предметъ миссіи Сегюра,—писалъ Ферзенъ,—но эта миссія не можетъ не быть вредной; я полагалъ, что ее необходимо предупредить, если еще не поздно, или, по крайней мѣрѣ, противодѣйствовать ей въ томъ случаѣ, если къ ней уже приступлено». Онъ послалъ эстафету шведскому посланнику въ Берлинѣ Каризьену. Эмигранты, взволнованные не менѣе двора, съ своей стороны предупредили Ролля, агента принцевъ при дворѣ Фридриха-Вильгельма, чтобы онъ немедленно началъ дѣйствовать. Неосторожность придворныхъ уже создавала средство погубить Сегюра.

Бирономъ скоро успокоился послѣ первой минуты досады. То, чего не могъ сдѣлать оффиціальный посланникъ, могъ попытаться исполнить тайный агентъ. Бирономъ нашелъ у себя подъ рукою необходимое ему орудіе и, нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ писалъ Талейрану «все пропало», онъ посылалъ уже ему человѣка, который, по его увѣренію, способенъ все исправить. То былъ нѣкій Жарри, человѣкъ на всѣ руки, бывшій оффиціознымъ секретаремъ у Ла-Марка, Ліанкура и Ноаля. Проведшій всю жизнь среди всевозможныхъ интригъ, Жарри прослужилъ двадцать лѣтъ въ Пруссіи и принималъ негласное участіе въ прусскихъ происках во время недавней бельгійской революціи. Его еще встрѣчали, по временамъ, въ Брюсселѣ, гдѣ онъ разыгрывалъ роль демократа. Онъ поселился въ Ресмѣ, на границѣ, поблизости отъ замка Ла-Марка. «Этотъ человѣкъ преданъ исключительно мнѣ», писалъ Ла-Маркъ. «Онъ служитъ поневолѣ той партіи, которая пользуется его услугами... Онъ хотѣлъ присоединиться къ принцамъ въ Кобленцѣ, но я не допустилъ, увѣривъ его, что найду для него возможность послужить Тюильрійскому двору». Случай къ тому представлялся теперь. Не вѣря въ добродѣтель людей, какъ всѣ, подобные ему развратники, Бирономъ слѣпо вѣрилъ въ интриганство. Онъ встрѣтилъ Жарри, увѣровалъ въ его способности, передалъ ему письмо къ Талейрану и сообщилъ ему обо всѣхъ своихъ планахъ. Два дня спустя, Ла-Марку было уже все извѣстно, и онъ передалъ Мерси извлеченіе изъ мнимыхъ инструкцій графа Сегюра, представлявшихъ

ОПИТЬ ОБРАТ

почти буквально планъ, развитый Бирономъ Талейрану въ его письмѣ отъ 17-го декабря. Въ тотъ же день Ферзенъ, съ своей стороны, получилъ копію съ этого извлеченія и переслалъ ее немедленно Каризьену. Между тѣмъ, пріѣхавшій въ Парижъ Жарри переговорилъ съ Талейраномъ, настаивавшемъ на томъ, что «берлинскій планъ—самое спасительное средство въ настоящую минуту». Нарбоннъ не погнушался такими темными путями. Лессаръ отвергъ ихъ, но затѣмъ, какъ и всегда, согласился. «Онъ путается немного съ этими людьми,—писалъ Ла-Марку одинъ изъ его корреспондентовъ;—онъ часто ужинаетъ у г-жи Сталь и его окружаетъ именно эта партія». 5 января 1792 г. все было готово, и Талейранъ писалъ Бирону: «Я надѣюсь, что вы будете довольны мною, любезный Лозенъ (Бирон). Жарри уѣзжаетъ, по вашему распоряженію, въ Пруссію; инструкціи его будутъ тѣ, которыя вы продиктуете». Талейранъ выказывалъ бы менѣе самоувѣренности, еслибы ему извѣстно было содержаніе писемъ, которыя препроводилъ къ Мерси, нѣсколько дней спустя, Ла-Маркъ: «Новый агентъ, отправившійся, нѣсколько дней тому назадъ изъ Парижа въ Берлинъ, нѣкій Жарри. Онъ только что извѣстилъ меня о порученной ему миссіи и сообщилъ свой берлинскій адресъ». Въ то время, какъ Нарбоннъ подготовлялъ, такимъ образомъ, частную войну съ трирскимъ курфирстомъ и императоромъ [10]), Барнавъ устранялъ благожелательное посредничество Леопольда, а дворъ хлопоталъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ всѣхъ европейскихъ державъ,—Собраніе и парижане возбуждали дѣйствительную и страстную войну, національную войну, въ которой вѣковая вражда къ Австріи раздувалась пламенемъ революціонной пропаганды. Всѣ шаткія построенія дипломатіи и политическихъ козней какъ во Франціи, такъ и въ остальной Европѣ, будутъ разрушены этимъ грознымъ факторомъ.

[10]) 14 декабря, послѣ королевской декларації, Нарбоннъ объявилъ о формированіи трехъ армій: одной на сѣверѣ, подъ командованіемъ Рошамбо; другой—на Маасѣ, подъ начальствомъ Лафайета; третьей—на Рейнѣ, порученной Люкнеру. Онъ разослалъ по департаментамъ циркуляръ для ускоренія образованія волонтерскихъ отрядовъ, созванныхъ еще іюньскими декретами, затѣмъ онъ уѣхалъ для личнаго осмотра войскъ и обозрѣнія средствъ обороны. См. Chuquet, *Première Invasion prussienne*, ch. II, L'Armée française.

ГЛАВА IV.

Австро-прусскій союзъ.

1792.

I.

Во Франціи упрекали Леопольда за поддержку трирскаго курфирста; въ Германіи его обвиняли за то, что онъ покинулъ этого самаго государя. Императоръ продолжалъ лавировать. Послѣ приказа о недопущеніи вооруженныхъ эмигрантскихъ сборищъ въ Нидерландахъ, онъ затянулъ до 10 декабря 1791 г. ратификацію декрета, въ силу котораго сеймъ предписалъ еще въ августѣ энергическое требованіе возстановленія правъ нѣмецкихъ князей, нарушенныхъ Франціей. Онъ ограничился тѣмъ, что написалъ 3 декабря Людовику XVI и изложилъ факты. Мелкія нѣмецкія государства жаловались на слабость императора; они серьезно опасались успѣховъ революціи. Въ Саксоніи, Швабіи и имперскихъ городахъ замѣчались признаки безпокойнаго настроенія. Волненія росли въ краѣ на лѣвомъ берегу Рейна и хотя они не были опасны, но уже внушали страхъ слабымъ и плохо вооруженнымъ государствамъ. Городъ Вормсъ потребовалъ изгнанія эмигрантовъ. Штаты трирскаго курфиршества требовали пользованія верховною властью, которую объявляли себѣ присвоенною. Въ Вѣнѣ убѣждены,—пишетъ одинъ дипломатъ,—что если французы перейдутъ черезъ Рейнъ, то «всѣ села отъ Бонна до Базеля станутъ на ихъ сторону и перерѣжутъ всѣхъ князей, графовъ и дворянъ, которые попадутся имъ подъ руку» [1]).

Газеты и письма, получаемыя изъ Парижа, обнаруживали очевидную опасность, грозившую всей Европѣ. Дипломаты начинали замѣчать во французской революціи грозныя новшества, ускользавшія до тѣхъ поръ отъ ихъ наблюденія. «Цѣль мятежниковъ болѣе явно, чѣмъ когда-либо, клонитъ къ окончательному ниспроверженію монархіи и замѣненію ея республиканскимъ правительствомъ», писалъ де-Мерси отъ 24 декабря въ отчетѣ, въ которомъ сказывается вліяніе сочиненій Малле дю-Пана. «Все, что произойдетъ вслѣдствіе революціи, будетъ имѣть совершенно новый характеръ, и тѣмъ болѣе опасный, что принципы французской революціи

[1]) Отчетъ Симолена, 17 марта 1792. Feuillet, t. V, p. 310.

© ГПИБ СО РАН

и химерическаго правительства, которое она породила бы, могутъ разсматриваться не столько какъ политическіе вопросы, сколько какъ фанатизмъ, способный охватить народъ, обѣщая землю неимущимъ, на подобіе того, какъ христіанство обѣщало небесное блаженство. Права человѣка сдѣлались общимъ для всѣхъ народовъ евангеліемъ, дающимъ имъ непосредственную верховную власть, по праву принципа и опираясь на Бога и природу» [2]).

Императоръ серьезно задумывался надъ этимъ въ то время, когда его извѣстили о требованіяхъ, предъявленныхъ трирскому курфирсту французскимъ правительствомъ. «Все курфиршество проникнуто почти невѣроятнымъ паническимъ страхомъ», писалъ ему этотъ курфирстъ. «Мнѣ грозитъ, съ одной стороны, бунтъ моихъ подданныхъ, зараженныхъ отчасти духомъ своихъ сосѣдей, а съ другой—вторженіе непріятельскихъ французскихъ войскъ». Курфирстъ призывалъ на помощь и Австрію и Пруссію. Пруссія предлагала поддержать его; Леопольдъ, не колеблясь, обѣщалъ свою помощь. «Видя, что ни одна власть не пользуется уваженіемъ, получая ежедневные зловѣщіе отчеты объ успѣхахъ демократическаго духа во Франціи, онъ рѣшился оказать защиту трирскому курфирсту, несмотря на то, что не одобряетъ его образа дѣйствій». Дѣйствительно, императоръ объявилъ, что готовъ защищать этого архіепископа въ случаѣ нападенія, но подъ условіемъ предварительнаго разсѣянія имъ эмигрантскихъ сборищъ, т. е. соблюденія правъ Франціи.

Трирскій курфирстъ немедленно повиновался. Майнцскій почелъ за лучшее послѣдовать его примѣру. Изгнанные изъ Кобленца эмигранты бродили по дорогамъ по снѣгу и грязи. Ихъ отъѣздъ походилъ на бѣгство. Населеніе безнаказанно проявляло свою враждебность по отношенію къ этимъ изгнаннымъ французамъ. Ихъ выгоняли отовсюду. Ландграфъ гессенскій, герцогъ виртембергскій и даже король прусскій запретили бѣглецамъ переступать предѣлы своихъ владѣній. Конде удалился со своими приближенными въ Эттенгеймъ, въ помѣстье кардинала Рогана. У трирскаго курфирста остались только братья Людовика XVI, приходившіеся ему племянниками и которыхъ онъ не нашелъ возможнымъ лишить гостепріимства. 21 декабря курфирстъ оффиціально извѣстилъ французское правительство о принятыхъ имъ мѣрахъ. Въ тотъ же день это извѣстіе было подтверждено Кауницемъ; онъ требовалъ, однакожъ, что если, не взирая на данное Франціи удовлетвореніе, будетъ произведено нападеніе на курфиршество, Австрія окажетъ ему помощь. «Императоръ горячо желаетъ,—писалъ Кауницъ,—избѣжать этой крайности и неизбѣжныхъ по-

[2]) Vivenot, t. I, p. 331, — Sayous: Mallet du Pan, *Extraits du Mercure*, t. I, p. 248. Отчетъ Мерси написанъ былъ по-французски.

слѣдствій, которыя она повлекла бы за собою, какъ со стороны главы и государей германскаго союза, такъ и со стороны остальныхъ европейскихъ государей, соединившихся ради поддержанія общественнаго спокойствія, безопасности и чести вѣнценосцевъ». Союзъ этотъ былъ далекъ отъ своего осуществленія, но королева неоднократно повторяла Леопольду, что одно заявленіе о немъ должно уже произвести благодѣтельное впечатлѣніе на французовъ. Императоръ надѣялся, что угроза заставитъ ихъ одуматься, и онъ подтвердилъ ее кое-какими вооруженіями.

Раздраженіе не ослабѣвало, однако, при дворахъ, гдѣ замышляли контръ-революцію и держали сторону французскихъ принцевъ. Здѣсь со всѣхъ сторонъ раздавались протесты противъ дѣйствій «проклятаго флорентинца». Густавъ III, подписавшій, наконецъ, дружественный договоръ съ Россіей, выражалъ нетерпѣніе по поводу того, что ему не даютъ прославиться. Гнѣваясь на Австрію, онъ доходилъ до подозрѣванія Маріи-Антуанеты въ доставленіи брату предлоговъ для воздержанія отъ дѣйствія. Людовикъ XVI давно уже не внушалъ этимъ дворамъ ничего, кромѣ презрительной жалости. «Постыдное поведеніе французскаго короля,—писалъ Густавъ III,—безъ сомнѣнія превзошло подлостью и гнусностью все, чего можно было ожидать». Употребляя такія рѣзкія выраженія, шведскій король настраивался на ладъ своей союзницы: «Это—дѣйствительно недостойная подлость,—заявляла Екатерина;—можно подумать, что у нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Я страшно взбѣшена; я топнула ногою, читая эти... эти... мерзости» [3]). Дѣло шло пока о конституціонныхъ законахъ; декларація 14 декабря вызвала еще сильнѣйшее негодованіе. Казалось, что ни французскій дворъ не понималъ дѣйствительнаго положенія Европы, ни европейскія канцлерства не отдавали себѣ отчета въ положеніи французскаго двора. Необходимо было, во что бы то ни стало, разсѣять недоразумѣніе. Ферзенъ отправился въ Парижъ. Онъ путешествовалъ подъ вымышленнымъ именемъ съ паспортомъ, выданнымъ португальскимъ правительствомъ.

Всего болѣе надеждъ возлагалъ онъ на Россію. Экспедиція, предположенная Густавомъ III, расчитана была на содѣйствіе Екатерины. Шведскій король не сомнѣвался относительно намѣреній императрицы; онъ ручался за нихъ Людовику XVI. А между тѣмъ эти намѣренія далеко не были ясны. Въ то время, какъ въ Швеціи, Парижѣ и на Рейнѣ питали неосновательныя надежды на ея помощь, Екатерина писала Гримму, отъ 2 ноября: «Новый союзникъ не стыдится просить позволенія явиться

[3]) Густавъ Ферзену, 11 ноября 1791 г. Fersen, t. I, p. 223.—Екатерина Гримму, 25-го сентября. См. у Ферзена, т. I, стр. 278 и 281, письма Густава къ Ферзену и Людовику XVI, 22 декабря 1791.

сюда, чего мы постараемся избѣжать, насколько возможно. Какъ вы хотите, чтобы я поручила ему войска: онъ не умѣетъ ими командовать». Эти войска направлялись тѣмъ временемъ къ Польшѣ и составляли стотридцати-тысячную армію и предназначались для выполненія не столь рискованнаго и рыцарскаго, но несравненно болѣе практическаго и выгоднаго, предпріятія, чѣмъ спасеніе Людовика XVI. Окончательный миръ съ турками только что былъ заключенъ въ Яссахъ [4]) и русскіе генералы получили приказъ вступить въ предѣлы Польши. «Если Австрія или Пруссія будутъ противиться этому плану», писала Екатерина графу Зубову, передавая ему этотъ приказъ, «я предложу имъ вознагражденіе или раздѣлъ» [5]).

Вѣнскіе и берлинскіе дипломаты прекрасно понимали русскую тактику. «Императрица,—говорилъ Кауницъ,—ждетъ только того, чтобы Австрія и Пруссія вмѣшались во французскія дѣла, чтобы все перевернуть въ Польшѣ». Австрійскіе интересы были одинаковы и во Франціи, и въ Польшѣ: во Франціи они требовали установленія извѣстнаго компромисса между партіями монархической конституціи, которая поддерживала бы постоянное броженіе, слабость внутри и отсутствіе всякаго вліянія извнѣ; въ Польшѣ Австрія желала установленія монархіи, довольно прочной для того, чтобы не быть поглощенной сосѣдями, и достаточно немощной, чтобы никому не внушить опасеній, однимъ словомъ, такой державы, которая «существовала бы только для приличія и лишена была самостоятельнаго значенія» [6]).

Но становившіяся все болѣе и болѣе опредѣленными и настоятельными письма Маріи-Антуанеты, парижскія событія, отчеты о засѣданіяхъ Собранія, усиленіе ненависти къ Австріи, о которомъ они свидѣтельствовали, извѣстія о вооруженіяхъ, о дипломатическихъ тайныхъ и явныхъ миссіяхъ, все это не позволяло императору обманывать себя относительно неизбѣжности войны. Министерство считаетъ войну неизбѣжной, писалъ Ноаль 24 декабря. Дѣло о владѣтельныхъ князьяхъ, веденное до того времени довольно мягко, внезапно обостряется. Это—дѣло первостепенной важности, говорятъ австрійцы; императоръ не можетъ пренебрегать имъ, не дискредитируя себя въ имперіи. «Несомнѣнно, что война начнется весной», пишетъ Ноаль. Австрійцы проводятъ мысль о вознагражденіи нѣмецкихъ князей путемъ обмѣна земель. Они не скрываютъ, что вторженіе французскихъ войскъ въ предѣлы имперіи сочтено будетъ германскимъ

[4]) 9 января 1792 г., на основаніи галацскихъ преліминарій.

[5]) Екатерина Зубову. Herrmann, *Dip. Corresp.*, p. 231.

[6]) Канцелярская докладная записка, 12 янв. 1792.—*Соображенія Кауница*, см. у Vivenot, t. I, p. 340, 418—420.

союзомъ объявленіемъ войны и что императоръ будетъ поддерживать эту войну всѣми силами [7]). Впрочемъ они опасаются, и не безъ основанія, «соглашенія и заговора» между революціонерами французскими и брабантскими; они боятся внезапнаго вторженія французовъ въ Нидерланды.

Интересы Австріи требовали отъ императора принятія нѣкоторыхъ мѣръ. Совѣтъ министровъ собрался 17 января 1792 г., подъ предсѣдательствомъ Леопольда и эрцгерцога Франца. Снова обсуждали вмѣшательство и опредѣляли ближайшій къ нему поводъ. О возстановленіи абсолютной монархіи не могло быть и рѣчи: Кауницъ положительно заявилъ объ этомъ.—Подобное намѣреніе повлекло бы насъ въ убыточную войну и успѣхъ его вовсе не былъ бы желателенъ для Австріи. «Жертвовать нашимъ золотомъ и нашею кровью ради возстановленія прежняго могущества Франціи, ея вліянія въ Европѣ, а слѣдовательно и ея соперничества съ нами, это значило бы совершить одну изъ опаснѣйшихъ политическихъ ошибокъ, когда-либо сдѣланныхъ и могущихъ быть сдѣланными австрійскимъ домомъ. Что касается вознагражденія, долженствующаго покрыть военныя издержки и военный рискъ, то всего выгоднѣе было для Австріи обмѣнять Нидерланды на Баварію». Канцлеръ заявилъ въ заключеніе, что находитъ необходимымъ возобновленіе переговоровъ съ державами, прерванныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Державы должны согласиться относительно требованія немедленнаго прекращенія угрожающихъ мѣръ противъ Германіи и, въ особенности, военныхъ приготовленій, о которыхъ было объявлено 14 декабря. Совѣтъ принялъ эти предложенія. Императоръ предлагалъ союзникамъ, для подтвержденія совмѣстнаго дѣйствія, войска, стоящія въ Нидерландахъ, и сорока-тысячную армію, подъ тѣмъ условіемъ, что и Пруссія выставитъ такое же количество войска. Остальныя державы должны указать, сколько именно войска онѣ могутъ предоставить въ распоряженіе коалиціи. Что касается конгресса, то онъ будетъ созванъ лишь въ томъ случаѣ, если французскій народъ выразитъ желаніе видѣть короля своимъ посредникомъ по отношенію къ Европѣ.

Переговоры по поводу договора между Австріей и Пруссіей не прерывались, но въ этомъ дѣлѣ ограничивались до сихъ поръ одними преліминаріями. Австрія заявила берлинскому правительству о своемъ желаніи возможно скорѣе прійти къ окончательному соглашенію, какъ относительно Франціи, такъ и по поводу Польши. Она предложила составить относительно Польши особый договоръ: Пруссія и Австрія обязались бы этимъ договоромъ щадить цѣлость республики и поддерживать конституцію 3-го мая 1791 г.; эти державы пригласятъ, затѣмъ, и Россію примкнуть къ

[7]) Кауницъ Ноалю, 5 января. Блумендорфу, 11 янв. 1792. Vivenot, t. I, p. 564—567.

этому договору. Инструкціи, препровожденныя Леопольдомъ представителю своему въ Берлинѣ, князю Рейссу, не касались вопроса о вознагражденіи [8]). Леопольдъ намѣревался предоставить инціативу въ этомъ дѣлѣ пруссакамъ; но въ бесѣдахъ съ Якоби Кауницъ не устранялъ вопроса о вознагражденіи. Шпильманъ же не стѣснялся говорить объ этомъ во всеуслышаніе. «Весьма вѣроятно,—говорилъ онъ,—что Австрія и Пруссія возьмутъ нѣсколько провинцій и слѣдовало бы удержать ихъ до той минуты, когда обезпечено будетъ вознагражденіе за военныя издержки». Что касается высшаго командованія союзными арміями, то оно могло быть ввѣрено лишь испытанному генералу, который стоялъ бы выше всякаго соперничества по происхожденію и репутаціи и авторитетность котораго признавалась бы и австрійскими и прусскими войсками. Всѣ указывали уже на герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Такова была слава этого «героя», что Франція и Германія, въ минуту столкновенія, искали его содѣйствія, какъ залога побѣды, и оспаривали другъ у друга честь сражаться подъ его начальствомъ.

II.

Кюстинъ пріѣхалъ 12 января въ Брауншвейгъ. Герцогъ принялъ его «съ изысканною вѣжливостью, но и крайне сдержанно» [1]). Кюстинъ бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько разъ, не осмѣливаясь объявить о предметѣ своей миссіи. Герцогъ Брауншвейгскій отличался «выдающимся умомъ, чуждымъ какихъ бы то ни было предразсудковъ, онъ стоялъ выше тщеславія и абсолютизма»; честолюбіе его было изъ крупныхъ, холодное и расчитанное. Это былъ государь-философъ, другъ свободомыслія, но одинаково мало клонившійся и въ сторону демократіи, и въ сторону церкви. Глумленіе надъ предразсудками, реформаторское рвеніе и любовь къ человѣчеству соединялись у него, какъ у Вольтера и Фридриха II, съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ невѣжественной народной массѣ и грубой черни. Онъ восхищался принципами революціи и порицалъ безпорядки, ее сопровождавшіе; онъ сожалѣлъ о судьбѣ эмигрантовъ, нисколько, впрочемъ, не уважая ихъ; онъ сожалѣлъ объ уничтоженіи дворянства: Это предразсудокъ,—говорилъ онъ,—но предразсудокъ, распространенный по всей Европѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ ничего не желалъ предпринимать для возстановленія дворянства во Франціи. «Онъ устранялъ всякую мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ въ ея внутреннія дѣла».

[8]) Императоръ Кауницу и Рейссу, 4-го января 1792 г. Vivenot, t. I, p. 304.

[1]) Слова, обозначенныя кавычками, заимствованы изъ отчетовъ самого Кюстина. См. *Revue historique*, t. I, p. 162.

20 января, вслѣдствіе разговора, въ которомъ герцогъ былъ менѣе сдержанъ, чѣмъ обыкновенно, Кюстинъ повелъ рѣчь о грандіозности роли, которую могъ бы сыграть въ Европѣ «человѣкъ сильнаго характера, который, съумѣвъ водворить порядокъ во Франціи преобразованіемъ арміи, внушивъ снова уваженіе къ этой странѣ извнѣ, сдѣлался бы богомъ французовъ и благодѣтелемъ потомства». Герцогъ снисходительно слушалъ; Кюстинъ, сдѣлавшись болѣе смѣлымъ и взявъ съ герцога честное слово въ томъ, что разговоръ останется тайною между ними, продолжалъ: «Еслибы французскій народъ, признавъ важное значеніе только что мною изложеннаго, объявилъ чрезъ посредство своихъ представителей, что среди кризиса, грозящаго ему и внутри страны и извнѣ, только одинъ человѣкъ способенъ свершить его великую судьбу и въ силу прошлыхъ заслугъ, и по своимъ высокимъ дарованіямъ; если бы онъ обратился къ этому единственному человѣку, имя котораго принадлежитъ потомству; если бы самъ король присоединился къ такому заявленію и сдѣлалъ рѣшительный шагъ и если бы этимъ великимъ человѣкомъ были вы, ваша свѣтлость, что бы отвѣтили вы на такое предложеніе?» Кюстинъ произнесъ все это глубоко взволнованнымъ голосомъ. Герцогъ казался также взволнованнымъ и въ то же время растроганнымъ; но онъ сталъ дѣлать возраженія, извинялся, требовалъ времени на размышленіе. Возвращаясь изъ герцогскаго дворца, Кюстинъ невольно вспомнилъ сужденіе Мирабо о Фердинандѣ: въ основѣ этого характера лежитъ нерѣшительность, недовѣріе къ себѣ и другимъ, парализующее самую страсть къ славѣ, мелочная осторожность, сдерживающая порывы воображенія и горячность честолюбія. Когда Кюстинъ увидѣлъ герцога на другой день, онъ былъ уже вполнѣ спокоенъ. Отвѣтъ его былъ проникнутъ эгоизмомъ, но разсудителенъ и не допускалъ возраженій. «Въ этомъ дѣлѣ пришлось бы преодолѣть слишкомъ много затрудненій», сказалъ онъ. «У васъ слишкомъ много умныхъ людей, слишкомъ просвѣщенныхъ и слишкомъ строгихъ судей, общественное мнѣніе у васъ слишкомъ измѣнчиво... Повѣрьте, общія мѣста и софизмы тѣхъ, кто сталъ бы увѣрять, что я иду сражаться противъ интересовъ королевской власти, не въ состояніи были бы остановить меня. Я знаю, что слѣдуетъ думать о декламаторствѣ и свожу его къ его истинной стоимости. Въ своей жизни я не избѣгалъ крупныхъ предпріятій и умѣю цѣнить великую роль на первой изъ міровыхъ сценъ. Но съ моей стороны только большое самомнѣніе и бездарность могли бы скрыть невозможность для меня успѣха именно въ этомъ предпріятіи; будучи увѣренъ, что если мнѣ поручатъ командованіе войсками, я съумѣю вести ихъ не хуже другого, я слишкомъ самолюбивъ, чтобы рисковать своею репутаціей въ такомъ рискованномъ и сложномъ пред-

ОТДЕЛ БОРАН

пріятіи». Кюстинъ, однако, продолжалъ надѣяться. Онъ думалъ, что второе письмо короля, болѣе настойчивое и опредѣленное, положитъ конецъ колебаніямъ герцога Брауншвейгскаго. Въ этомъ онъ ошибался вполнѣ, принимая за увертки то, что было простымъ отказомъ. Герцогъ относился къ нему съ симпатіей и вѣжливо выпроваживалъ. Кюстинъ могъ почитать себя еще счастливымъ, что не встрѣтилъ въ Брауншвейгѣ жестокихъ неудачъ, ожидавшихъ въ Пруссіи его коллегу, Сегюра.

Сегюръ выѣхалъ въ Берлинъ 26 декабря [2]). Въ то время, какъ онъ направлялся туда черезъ Страсбургъ, снабженный министерскими инструкціями, кавалеръ Бельзенсъ спѣшилъ въ Берлинъ изъ Брюсселя съ инструкціями, полученными отъ Бретейля [3]). Въ письмѣ къ Шуленбургу, отъ имени Людовика XVI, Бретейль отрицалъ всякое значеніе миссіи Сегюра и заранѣе подрывалъ его полномочія. Онъ инсинуировалъ даже, что миссія конституціоннаго посла связана съ революціонно-пропагандистскими цѣлями въ прусскихъ владѣніяхъ. Сильно компрометирующій доносъ подтвердилъ эти инсинуаціи Бретейля. Сегюръ остановился въ Страсбургѣ. Этотъ городъ сдѣлался главнымъ очагомъ распространенія новыхъ идей въ имперіи; нѣмцы, восторгавшіеся французскими идеями, ѣздили туда подышать воздухомъ свободы, услышать новое слово, прославить федерацію и даже, при случаѣ, и записаться въ ряды демократическихъ обществъ [4]). Сегюра посѣтилъ въ гостиницѣ городской меръ Дитрихъ. То былъ горячій патріотъ. Онъ полагалъ что Эльзасу грозитъ иноземное вторженіе. Онъ говорилъ съ Сегюромъ «о своихъ связяхъ въ Германіи и о готовности народовъ примкнуть къ дѣлу французовъ». Сосѣдній номеръ занималъ какой-то нѣмецъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ любопытныхъ и нескромныхъ путешественниковъ, которые позволяютъ себѣ подслушивать у перегородокъ. Онъ плохо зналъ французскій языкъ, уловилъ отрывки разговора и понялъ на-половину. Но полный патріотическо-нѣмецкаго усердія, онъ немедленно отправилъ доносъ въ Берлинъ. Частную бесѣду Сегюра съ Дитрихомъ онъ изобразилъ въ видѣ «совѣщанія якобинцевъ, обсуждавшихъ способъ пропаганды въ Германіи» [5]).

Прусскій агентъ принцевъ, Ролль, раздулъ клевету; онъ прибавилъ и болѣе коварный маневръ. Во время своего посланничества въ Петербургѣ,

[2]) Относительно подробностей миссіи Сегюра и клеветнической легенды, къ которой она подала поводъ. см. статьи, напечатанныя въ *Temps* 10, 12 и 18 октября 1878 г.

[3]) Бретейль Шуленбургу, 4 января 1792 г. Flammermont, p. 10.

[4]) См. Wohlwill, *notes sur Kerner et Schubart*; Venedey, *notes sur Eulogе Schneider*.

[5]) Слова, обозначенныя кавычками, заимствованы изъ отчета Сегюра 12 февраля 1792 г.—Отчетъ Рейсса отъ 14 января. Vivenot, t. I, p. 321.

Сегюръ, упорно добивавшійся союза съ Россіей, дѣятельно боролся противъ прусской политики и дѣлалъ все возможное, чтобы отдалить Екатерину отъ Фридриха Вильгельма. Не разъ упражнялъ Сегюръ свое саркастическое остроуміе по поводу его кудесниковъ, его многоженства, періодическихъ разводовъ, кабинета привидѣній и гарема ханжей. Въ Берлинѣ гнѣвались на его дипломатическую дѣятельность столько же, сколько и на его ядовитыя насмѣшки. Ролль растравилъ раны уязвленнаго самолюбія, напомнилъ о плохихъ услугахъ Сегюра въ Россіи, передавалъ его эпиграммы, и эмигранты общимъ голосомъ характеризовали его, какъ личнаго врага прусскаго короля и Пруссіи.

Тѣмъ временемъ шведскій и австрійскій посланники получили, одинъ чрезъ Ферзена, другой отъ Меттерниха, и оба изъ Брюсселя, извлеченіе изъ апокрифическихъ инструкцій Сегюра. Они немедленно стали распространять копіи этого извлеченія; весь Берлинъ заговорилъ о нихъ. Заинтересованныя, т. е. лица, на которыхъ указывалось въ этихъ мнимыхъ инструкціяхъ съ обозначеніемъ ихъ подкупной стоимости: морганатическая супруга, Бишофсвердеръ, старшая фаворитка, ея мужъ—камеръ-лакей, однимъ словомъ вся клика кричала громче другихъ и доказывала свою честность, клеймя интригана. Именно Гейманъ, которому Биронъ хотѣлъ поручить «махинацію секретныхъ фондовъ», взялъ на себя сообщить объ этой тайнѣ прусскому королю. Этотъ государь, сильно предубѣжденный уже противъ Сегюра и встревоженный успѣхами пропаганды, отнесся къ миссіи Сегюра, какъ къ явному оскорбленію. Онъ не допускалъ, чтобы его считали «настолько непослѣдовательнымъ, чтобы отказаться отъ системы, принятой восемь дней назадъ» и чтобы его находили способнымъ измѣнить союзнику только потому, что какой-то интриганъ подкупилъ его любовницу. Сегюръ пріѣхалъ 10 января, когда уже все было условлено и рѣшено противъ него. Онъ отправился къ министрамъ тотчасъ по пріѣздѣ. Шуленбургъ долго и откровенно бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ не скрылъ настоящихъ причинъ готоваго вспыхнуть конфликта. «Помѣшать войнѣ можно только въ самой Франціи. Я не вижу ничего способнаго внушать серьезныя опасенія въ кучкѣ эмигрантовъ, которымъ запрещаютъ даже вооружаться. Удовлетворите имперскихъ владѣтельныхъ князей въ Эльзасѣ. Прекратите у себя смуты, тревожащія другіе народы, и не удивляйтесь, если образуется лига королей, министровъ и дворянъ противъ распространенія вашихъ идей, направленныхъ противъ нихъ и причиняющихъ столько безпорядковъ». «Но почему же германскіе князья не идутъ на соглашеніе съ нами?» спросилъ Сегюръ. «Неужели вы хотите, чтобы мы нарушили единство нашихъ законовъ, возмутили народъ, навлекли бы на себя междуусобицу только потому, что имперскіе князья или, вѣрнѣе, имперія (нѣкоторые

князья вѣдь идутъ на сдѣлку) отказывается принять справедливое вознагражденіе?» —«Ваши затрудненія и ваша конституція нисколько не касаются иностранцевъ», возразилъ министръ. «У имперіи также была конституція, запрещавшая уступать какую бы то ни было часть территоріи и, однако, вамъ уступили же Эльзасъ. Имперія не можетъ довольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ, потому что деньги проживаются и отъ нихъ ничего не остается; къ тому же, есть права чести, за которыя ничѣмъ нельзя вознаградить». Въ концѣ-концовъ, Шуленбургъ намекнулъ на возможность обмѣна территоріи.

Эта первая встрѣча мало обѣщала Сегюру относительно успѣха дальнѣйшихъ переговоровъ. Онъ чувствовалъ себя окруженнымъ глухою враждебностью и плохо скрываемымъ неодобреніемъ. «Онъ старался подкупить меня лестью,—говорилъ Рейссъ королю;—но я отвѣчалъ ему какъ добрый нѣмецъ».—«Такимъ же способомъ выпровожу его и я», отвѣтилъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Король принялъ Сегюра 12 января только по настоянію министровъ и выказалъ весьма замѣтную холодность. «Франція,—сказалъ онъ,—надолго утратила всякое вліяніе въ Европѣ».—«Да она и не имѣетъ никакого желанія вмѣшиваться въ чужія дѣла; но Франція слишкомъ обширна и слишкомъ населена, чтобы, несмотря на это, не имѣть вліянія», возразилъ Сегюръ. «Надѣюсь, что царствованіе вашего величества будетъ всегда счастливо; однако, если судьба принесла бы вамъ нѣкоторыя превратности, вліяніе Франціи оказалось бы весьма необходимымъ, и ваше величество пожалѣли бы объ ослабленіи этого полезнаго противовѣса». Этотъ доводъ мало подѣйствовалъ на Фридриха-Вильгельма. Онъ былъ, казалось, полонъ надеждъ на будущее. Сегюръ заключилъ изъ этого, что союзъ между Пруссіей и Австріей уже состоялся, хотя ему недостаетъ еще нѣкоторыхъ формальностей. «Можетъ быть,—прибавлялъ онъ, передавая объ аудіенціи Лессару,—если встрѣтится отпоръ, вознагражденіемъ долженъ послужить самъ Эльзасъ». 17 января, убѣдившись въ безполезности своей миссіи и находя въ ней одни поводы къ личнымъ непріятностямъ, онъ просилъ уволить его какъ можно скорѣе. Пріѣздъ Жарри, который явился вслѣдъ за нимъ, далъ новую пищу клеветѣ. Сегюръ узналъ, наконецъ, причины остракизма, которому подвергся въ Берлинѣ. Онъ былъ пораженъ. Здоровье его было потрясено; онъ заболѣлъ. Враги его увѣряли, что онъ сошелъ съ ума отъ стыда и хотѣлъ убить себя. Агенты эмиграціи разослали это извѣстіе по всѣмъ дворамъ и произвели скандалъ во всей Европѣ. Сегюру оставалось только уѣхать, и онъ снова потребовалъ своего отозванія.

Однако, извѣрившись въ успѣхѣ своихъ переговоровъ въ Берлинѣ, Сегюръ не терялъ надежды на сохраненіе мира, хотя соглашеніе съ Пруссіей считалъ вполнѣ несбыточнымъ. Въ этомъ случаѣ онъ оказался дальновиднымъ. Дѣло конгресса не двигалось. Фридрихъ-Вильгельмъ съ чувствомъ удовлетворенія принялъ предложенія, сообщенныя его правительству Рейссомъ 10-го января. Но это первое впечатлѣніе было ослаблено дальнѣйшимъ обсужденіемъ. Совѣты министровъ всегда охлаждали рвеніе прусскаго короля. Онъ признавалъ, что «при удачной комбинаціи конгрессъ могъ имѣть желаемый успѣхъ»; но, прибавлялъ онъ, «это было бы трудною и медленною операціей». Король не скрылъ этого мнѣнія въ отвѣтѣ своемъ Людовику XVI, прикрывъ его уклончивою и привѣтливою формой. Онъ требовалъ, чтобы ему обезпечили вознагражденіе за военныя издержки ранѣе, чѣмъ будетъ имъ что-либо предпринято. Прусскіе министры говорили, что война, безъ сомнѣнія, можетъ быть избѣгнута, если Франція удовлетворитъ требованія имперіи, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, не было ничего чрезмѣрнаго.

Подобныя же впечатлѣнія вынесъ и Ноаль изъ бесѣдъ своихъ съ вѣнскими дипломатами. Императоръ казался удовлетвореннымъ меморіей конституціонистовъ. Мерси находилъ эту записку разумной, и въ Вѣнѣ расчитывали еще на переговоры. Но для этого требовалась готовность Франціи. «Я сказалъ бы даже,—писалъ Ноаль 20 января, послѣ свиданія съ Колоредо,—что война будетъ только въ томъ случаѣ, если мы ее объявимъ сами». Марбуа извѣщалъ изъ Мюнхена, что нигдѣ не видѣлъ войскъ и что въ имперіи нигдѣ не думали собирать ихъ. Пребываніе въ Вѣнѣ окончательно утвердило его въ этомъ мнѣніи. «Я думаю,—писалъ онъ 18-го февраля,—что миръ еще въ нашихъ рукахъ». Ему казалось, что этотъ миръ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ дѣла владѣтельныхъ эльзасскихъ князей. и онъ полагалъ, что оно можетъ быть улажено.

Могло ло согласиться французское министерство на условія сохраненія мира, поставленныя императоромъ и прусскимъ королемъ? Могло ли оно возвратить папѣ Авиньонъ, дать князьямъ территоріальное вознагражденіе, подавить пропаганду, возвратить силу королевской власти? Ничто не указываетъ на возможность такого исхода; къ тому же, министерство не имѣло и случая для такой попытки. Слишкомъ много различныхъ теченій стремилось къ разрушенію намѣреній министерства. Самыя противоположныя партіи вступали въ заговоръ, чтобы не допустить ихъ осуществленія. Придворные агенты приглашали эмигрантовъ противиться приказамъ о распущеніи и вновь организовывать сборища, будучи убѣждены, что Франція перейдетъ въ наступленіе, а императоръ вынужденъ будетъ защищать имперію. Жирондисты въ Собраніи побуждали къ войнѣ: мѣры, ими вызываемыя, были такого свойства, что дѣлали всякую сдѣлку невозможною, а разрывъ—неминуемымъ.

ОТДЕЛ ОБРАЗ

III.

31 декабря 1791 г. Лессаръ сообщилъ Собранію оффиціальное извѣщеніе Кауница, объявлявшее, что императоръ окажетъ поддержку трирскому курфирсту, въ случаѣ нападенія на него, и что въ этомъ смыслѣ уже отданъ приказъ по войскамъ, расположеннымъ въ Нидерландахъ. Вслѣдъ за тѣмъ министръ прочиталъ и отвѣтъ короля: Людовикъ XVI объявлялъ императору, что если въ назначенный срокъ не будутъ дѣйствительно распущены эмигрантскія сборища, ему придется обратиться къ оружію. Собраніе рѣшило подвергнуть вопросъ обсужденію. Такимъ образомъ вопросъ о войнѣ перенесенъ былъ на трибуну, съ которой говорились рѣчи, и ораторы принялись обращаться съ государствами, народами и иностранными государями совершенно такъ же, какъ привыкли обращаться во Франціи съ партіями, министрами и дворомъ. Перваго января 1792 г., по предложенію Бриссо и по докладу Жансонне, братья короля и Калоннъ объявлены были декретомъ преданными суду. Пятаго начались пренія по внѣшнимъ дѣламъ. Існаръ выступилъ первымъ и съ первыхъ же словъ открылъ пальбу со всѣхъ пунктовъ: «Война готова загорѣться, воскликнулъ онъ,—война, необходимая для довершенія дѣла революціи, но которая, быть можетъ, охватитъ своимъ пламенемъ всю Европу». Не слѣдуетъ успокоивать себя обманчивымъ довѣріемъ къ намѣреніямъ императора. «Сущность политики императоровъ заключается въ задушеніи свободы народовъ». Франція изолирована: она лишена союзниковъ, и въ этомъ виновенъ Монморенъ. Правда, она можетъ и обойтись безъ союзниковъ, но король обязанъ ихъ найти, а чтобы успѣть въ этомъ, стоитъ только попытаться.—Існаръ предложилъ затѣмъ политическую панацею Жиронды, специфическое средство, составляющее основу всѣхъ его дипломатическихъ и военныхъ соображеній, то есть прусскій союзъ.—«О, если бы живъ былъ Фридрихъ! этотъ король-философъ съумѣлъ бы найти во французской революціи основу для установленія на вѣки-сѣвернаго равновѣсія.»

Во время этихъ преній, безпрестанно прерываемыхъ дѣлами болѣе настоятельной важности, Нарбоннъ, только что вернувшійся съ осмотра сѣверныхъ и восточныхъ границъ, прочелъ сенсаціонный и рискованно-смѣлый отчетъ, польстившій иллюзіямъ большинства, которое покрыло его рукоплесканіями. Онъ утверждалъ, что Франція готова къ войнѣ. «Все возможно для насъ, исключая допущенія такого позорнаго договора, который позволилъ бы иностранцамъ вмѣшиваться въ наши политическія пренія!» Это неосмотрительное заключеніе было весьма далеко отъ истины. Булье, къ несчастію, былъ ближе къ ней въ своемъ отчетѣ иностранцамъ о военной дезорганизаціи Франціи. На самомъ дѣлѣ, «ни въ какомъ

отношеніи не были готовы» [1]). Самолюбивый оптимизмъ Нарбонна вызвалъ неожиданное для него послѣдствіе, обратившееся противъ его собственныхъ плановъ. Собраніе, успокоенное его отчетомъ, отказалось утвердить зачисленіе въ линейныя войска волонтёровъ, а также и наборъ въ 51.000 человѣкъ, требуемые министромъ для довершенія боевой готовности. Въ то же время, считая себя способными выдержать борьбу и необходимую и незатруднительную, всѣ готовы были броситься въ нее тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ. Заявленія министра породили недоразумѣніе. Нарбоннъ желалъ войны исключительно противъ курфирста, котораго слабо поддерживала бы Австрія, вслѣдствіе боязни встрѣтить противодѣйствія со стороны Пруссіи. Готовымъ онъ объявлялъ себя именно для такого рода большихъ маневровъ съ пушечной пальбой, или дуэли до первой царапины; но онъ не былъ готовъ для народной, революціонной войны, войны европейской и ожесточенной; а между тѣмъ именно на это шла Франція [2]). Въ клубахъ и газетахъ народная экзальтація сорвала покровы дипломатическихъ соображеній, и война какъ только была объявлена, тотчасъ же потеряла тотъ искусственный и политическій характеръ, который надѣялись придать ей фельяны. Она ускользнула изъ-подъ ихъ вліянія немедленно послѣ того, какъ они попытались урегулировать ее и поставить въ извѣстныя рамки.

«Я также требую войны!—говорилъ Робеспьеръ [3]).—Я громко требую ея, но только такую, какою объявилъ бы ее геній свободы, такою, какою повелъ бы ее самъ французскій народъ, а не низкіе интриганы... Но, что я вижу! Всѣ ораторы, стоявшіе за войну, уже останавливаютъ меня; вотъ г. Бриссо говоритъ мнѣ, что это дѣло долженъ вести графъ Нарбоннъ, что необходимо повиноваться приказаніямъ маркиза Лафайета, что исполнительной власти надлежитъ вести націю къ побѣдамъ и свободѣ. О, французы! Одно это слово разрушаетъ очарованіе, уничтожаетъ всѣ мои планы. Прощай, народная свобода!» Однимъ этимъ ораторскимъ пріемомъ Робеспьеръ сводилъ къ нулю министерство и наносилъ смертельный ударъ

[1]) «Не могу постичь, какъ могли объявить войну, не будучи ни въ какомъ отношеніи готовыми». Лафайетъ де Граву, 6 мая. См. Camille Rousset, *Les Volontaires*, Paris, 1870, ch. I—IV.—Chuquet, *Invasion prussienne*, ch. II: *l'armée française*.

[2]) «Патріоты настолько желаютъ войны, насколько опасаются ея аристократы», пишетъ Мерленъ де Дуэ 18 января 1792. Reynaud, *Merlin de Thionville*, Paris, 1860, p. 5.—Моррисъ писалъ Вашингтону 4 февраля: «По разнообразнымъ мотивамъ вся нація желаетъ войны. Слѣдуетъ замѣтить, что духъ этой страны всегда былъ воинственнымъ». Письмо Пелленка къ Ла Марку, *Correspondance*, t. III, p. 278, Mallet du Pan, t. I, p. 247.

[3]) Въ клубѣ якобинцевъ, 11 января. Louis Blanc, t. VI, p. 243.

Жирондѣ. Жирондисты почувствовали, что ихъ уже окружаютъ подозрѣнія. Съ той минуты не слѣдовало ни расчитывать, ни размышлять, ни примѣняться къ событіямъ; слѣдовало отдаться энтузіазму, дать волю пылкости, доходить до крайностей, обличать заговоры и преслѣдовать дворъ съ неумолимою ненавистью: только такою цѣною пріобрѣталась теперь популярность и власть. Жирондисты ревниво стремились и нетерпѣливо добивались и той и другой. Они слѣпо ринулись на приступъ [4]).

14 января Жансонне представилъ отъ имени дипломатическаго комитета общій докладъ объ отношеніяхъ Франціи къ вѣнскому двору. Въ этомъ докладѣ онъ собралъ всѣ накопленныя за тридцать лѣтъ неудовольствія противъ союза съ Австріей. Онъ изобразилъ этотъ союзъ какъ истинно-государственное преступленіе: доводы его задѣваютъ королеву и тотъ таинственный «австрійскій комитетъ», о которомъ говорятъ повсюду, который никому не извѣстенъ, но подъ именемъ котораго революціонеры охватываютъ съ одинаковою подозрительностью: дворъ, конституціонистовъ, императора и всѣхъ противниковъ, къ гибели которыхъ стремятся. Жансонне объявляетъ, что слѣдуетъ предупредить нападеніе и вдохновиться примѣромъ, даннымъ Фридрихомъ Великимъ, въ началѣ Семилѣтней войны. Онъ требуетъ, чтобы императора заставили до 10 февраля объясниться по поводу его намѣреній относительно Франціи. «Война необходима, заключаетъ онъ;—общественное мнѣніе вызываетъ ее; общественная безопасность дѣлаетъ ее обязательной». Въ томъ же докладѣ онъ упомянулъ о проектѣ конгресса, какъ объ измѣнѣ со стороны двора. При этихъ словахъ, предсѣдательствовавшій въ Собраніи Гюаде покидаетъ свое кресло и бросается на трибуну: «Намѣтимъ же заранѣе мѣсто для предателей, сказалъ онъ,—и пусть этимъ мѣстомъ будетъ эшафотъ. Я предлагаю декретировать немедленно, что французскій народъ смотритъ какъ на гнусныхъ измѣнниковъ отечества и оскорбителей національнаго достоинства—на всякаго агента исполнительной власти, на каждаго француза, который, прямо или косвенно, принялъ бы участіе: въ конгрессѣ, имѣющемъ цѣлью видоизмѣненіе конституціи, въ посредническихъ переговорахъ между націей и мятежниками, наконецъ въ сдѣлкѣ съ эльзасскими владѣтельными князьями». Собраніе глубоко потрясено этими словами, депутаты встаютъ и, поднявъ руки по направленію къ трибунѣ, восклицаютъ: «Клянемся въ томъ! Да, да, конституція или смерть!» Декретъ принятъ. Король даетъ свою санкцію въ тотъ же день. Съ этой минуты онъ обреченъ или разорвать декретъ, или подчиниться всѣмъ его послѣдствіямъ.

[4]) «Они думали только о томъ, чтобы зажечь всю Европу и провозглашать свои рѣшенія среди сценъ, способныхъ волновать народное воображеніе». Louis Blanc, t. VI, p. 258.

Министерство чувствуетъ, что оно погибло. Напрасно Лессаръ пытается въ засѣданіи 16 числа успокоить умы, увѣряя, съ документами въ рукахъ, что эмигрантскія сборища разсѣяны. Напрасно 17 числа Кохъ объявляетъ отъ имени дипломатическаго комитета, что извѣстія, получаемыя изъ Германіи и Нидерландовъ, принимаютъ вполнѣ успокоительный характеръ. Первоначальный поводъ конфликта, эмигрантскія собранія, уже не существуетъ. Но по устраненіи этого повода возникаетъ другой, несравненно болѣе способный возбудить страстное негодованіе, а именно: конгрессъ и планъ чужеземнаго вмѣшательства, козни министерства и двора. На это-то больное мѣсто направляетъ Бриссо всѣ громы своихъ филиппикъ. «Маска упала наконецъ; мы знаемъ, кто нашъ истинный врагъ!» Онъ ссылается подобно Існару на великаго Фридриха, котораго возводятъ въ званіе одного изъ пророковъ революціи. — Не ждите, не теряйте времени на переговоры! Леопольдъ будетъ затягивать ихъ и воспользуется ими для того, чтобы вооружиться. Да наконецъ, кто же будетъ вести эти переговоры? Придворные дипломаты, ненавидящіе конституцію и, подобно своимъ предшественникамъ, жертвующіе интересами Франціи ради выгодъ Австріи.—Бриссо заявляетъ, что конституція есть проклятіе для абсолютизма; но вдругъ, по свойственной ему непослѣдовательности и отуманенный собственною горячностью, онъ заговорилъ о Пруссіи, возвращающейся къ своей естественной союзницѣ Франціи, о союзѣ имперскихъ государствъ съ цѣлью порвать чудовищныя узы, связывающія Фридриха-Вильгельма съ Леопольдомъ. Императоръ изолируется и обезоруженный вынужденъ будетъ сдаться ранѣе начала борьбы. «Я боюсь одного», прибавляетъ онъ, обнаруживая всю свою мысль, «боюсь, что у насъ не будетъ войны и, къ несчастію, мои опасенія должны осуществиться, потому что у всѣхъ кабинетовъ желаніе войны было игрою съ цѣлью напугать насъ». Конституціонисты пытаются отвѣчать. Но нѣсколькихъ словъ Верньо достаточно для уничтоженія тяжеловатой аргументаціи Матье Дюма, который, не отваживаясь выступать открытымъ противникомъ войны, проповѣдуетъ какую-то неопредѣленную умѣренность. «Отстаивайте вашу свободу и свободу всего человѣчества!—восклицаетъ жирондистскій ораторъ.—Расторженіе союза настолько же необходимо для свободы Европы, насколько необходимо было для Франціи разрушеніе Бастиліи». «Нападайте, пока все обѣщаетъ вамъ успѣхъ! Если бы во время саксонской войны Фридрихъ позволилъ себѣ медлить, его преемнику пришлось бы, можетъ быть, и теперь оставаться только маркизомъ бранденбургскимъ». Рамонъ возражаетъ, но его рѣчь не убѣждаетъ никого; Беньо не успѣваетъ дойти до заключенія. Фоше проповѣдуетъ всемірную пропаганду, всеобщій союзъ народовъ и отмѣну всѣхъ междуна-

родныхъ договоровъ. Послѣ этой гуманитарной интермедіи, Бекке возвращается къ тезису фельяновъ: «осторожность въ переговорахъ, соединенная съ силой». Тогда Испаръ разражается такими словами: «Если представители вѣнскаго двора откажутся отъ выполненія нашихъ справедливыхъ требованій, мы понесемъ свободу въ Бельгію, она охватитъ Люттихъ и, можетъ быть, самую Голландію... Римъ всегда держался, приблизительно, такой политики. Когда грозила ему какая-нибудь внутренняя буря, сенатъ переносилъ войну за предѣлы государства, и результатомъ такой спасительной диверсіи являлось спокойствіе въ Римѣ и побѣда надъ внѣшнимъ врагомъ». Что касается министровъ, если имъ не довѣряютъ, то существуютъ вѣрныя средства вернуть ихъ къ исполненію долга, а именно: «хорошо отточить для нихъ самихъ лезвіе закона». 25 января Собраніе, по предложенію Геро де-Сешеля, декретировало, что императоръ приглашенъ будетъ объявить о своемъ отказѣ отъ какого бы то ни было враждебнаго верховной власти и независимости французскаго народа намѣренія и дѣйствія. Срокомъ для такого заявленія ему назначалось 1-е марта. Молчаніе, равно какъ и неопредѣленный отвѣтъ, сочтены будутъ объявленіемъ войны.

Волненіе росло. 9 февраля Собраніе наложило секвестръ на имущество эмигрантовъ. Составъ парижскаго муниципалитета возобновился: отнынѣ здѣсь преобладаетъ вліяніе Петіона, Манюэля и Дантона. Шаррье предлагаетъ поголовное ополченіе, при звукахъ набата. Пропаганда удваиваетъ свою дѣятельность и принимаетъ, нѣкоторымъ образомъ, характеръ оффиціальности и публичности. Въ тѣни дипломатическаго комитета и подъ руководствомъ Кондорсе и Бриссо организуется агентство съ цѣлью изысканія способовъ вызвать революцію въ Бельгіи. Собираются бельгійскіе и люттихскіе легіоны, вооружающіеся подъ наблюденіемъ Лебрена-Тондю, Боннъ-Каррера и Маре. Послѣдній отправляется въ Бельгію. Миссія его заключается въ примиреніи различныхъ, враждующихъ между собою, бельгійскихъ патріотовъ, въ видахъ совокупнаго дѣйствія. Нѣсколько голландцевъ являются въ Собраніе. Въ тотъ день предсѣдательствуетъ одинъ изъ ихъ соотечественниковъ, изгнанникъ 1787 г., сдѣлавшійся французскимъ гражданиномъ, Давергу. «Батавцы,—сказалъ онъ имъ,—вы, которыхъ римскій народъ почтилъ своею дружбою, будете союзниками французскаго народа!» [5]). Въ клубахъ воинственнымъ кликамъ нѣтъ конца. «Veto наложено на декреты противъ эмигрантовъ и ослушнаго духовенства,—восклицаетъ Анахарсисъ Клотцъ въ якобинскомъ клубѣ;—санкціонируемъ же декреты пушечными выстрѣлами, перейдемъ чрезъ Рейнъ!»

[5]) Засѣданіе 19 января 1792 г.

Сбитое съ толку министерство изнемогаетъ среди этой бури, грозящей ему со всѣхъ сторонъ. Лессаръ предполагалъ пріобрѣсть, въ видахъ вознагражденія эльзасскихъ князей, земли въ Польшѣ и Германіи. 21 января Кохъ отъ имени дипломатическаго комитета представляетъ декретъ, расчищающій путь для этой мѣры. «Какъ!—говоритъ Майль,—когда Людовики XIV и XV отмѣняли всѣ регаліи, противныя режиму французской монархіи, когда Людовикъ XV и даже Людовикъ XVI сдѣлали то же самое въ Лотарингіи, имперія и императоръ хранили молчаніе. А когда самъ народъ во всей своей совокупности примѣняетъ свою верховную власть, имперія и императоръ захотятъ оспаривать у него это право!» [6]). Майль протестуетъ противъ покупки земель для князей; по его мнѣнію, это значило бы сказать населенію: «Вы рабы, мы покупаемъ васъ лишь для того, чтобы вы перемѣнили господина. Подобная мѣра нанесла бы безчестье французской націи». Онъ предлагаетъ объявить права Франціи на Эльзасъ и Лотарингію путемъ декрета, удовлетворить князей денежнымъ вознагражденіемъ и считать отказавшимися отъ него тѣхъ, которые не согласятся начать переговоры по этому поводу ранѣе 1 апрѣля. Собраніе рѣшаетъ напечатать рѣчь Майля, также какъ и проектъ декрета.

Воспоминаніе о Людовикѣ XIV, парящее надъ этимъ Собраніемъ, имя Фридриха Великаго, которое постоянно у всѣхъ на устахъ, все это обличаетъ затаенные импульсы, двигавшіе депутатами. Въ этихъ смутныхъ признакахъ уже сказывалась грядущая военная имперія, которую революція несла въ себѣ, но эти признаки ускользали отъ наблюденія современниковъ. Вопреки гуманитарнымъ декламаціямъ космополитовъ, Франція близилась къ завоевательному деспотизму якобинцевъ, все болѣе и болѣе отдаляясь отъ мирнаго либерализма конституціонистовъ. Въ то время этого еще не подозрѣвали, а если, по временамъ, при какомъ-нибудь непредвидѣнномъ случаѣ являлось предчувствіе дальнѣйшихъ событій, то это внушало ужасъ и желаніе вернуться назадъ. Такъ, въ 1792 г. Собраніе энергически отвергло мысль о пріобрѣтеніи староствъ въ Польшѣ или имѣній въ Германіи для вознагражденія нѣмецкихъ князей въ Эльзасѣ. Тѣ, кто съ несомнѣнною искренностью выражали совершенно, впрочемъ, законное для людей, проникнутыхъ духомъ начала революціи, негодованіе по этому поводу, не предвидѣли, что въ ближайшемъ будущемъ они посмотрятъ на завоеваніе цѣлыхъ провинцій за предѣлами старой Франціи, какъ на необходимую для спасенія революціи мѣру, а для сохраненія этихъ завоеваній доведены будутъ уже не до обмѣна нѣсколькихъ вотчинъ, а до потрясенія громадныхъ территорій, разчлененія государствъ и участія въ торгѣ цѣлыми народами.

[6]) Засѣданіе 25 февраля 1792 г.

© ГПИБ СССР

Дипломатическіе переговоры становились безполезными. Лессаръ робко пытался отдалить катастрофу: онъ истощилъ всѣ палліативы, стараясь смягчить въ глазахъ иностранныхъ государствъ то, что дѣлалось въ Парижѣ, а въ глазахъ парижанъ умалить степень раздраженія за границей. Онъ передавалъ въ Вѣну всѣ рѣзкія заявленія Собранія, но при этомъ совѣтовалъ Ноалю сообщать о нихъ императору «съ возможно большею осторожностью» [7]). Что касается Пруссіи, то понявъ, что отъ нея нечего ждать, онъ отозвалъ Сегюра. «Напрасно,—писалъ онъ ему,—льстили бы мы себя надеждой убѣдить прусскаго короля отдѣлиться отъ императора въ дѣлѣ, въ которомъ заинтересованъ германскій союзъ. Неизмѣнное рѣшеніе Фридриха-Вильгельма, принятое еще покойнымъ королемъ, заключается въ укрѣпленіи довѣрія имперскихъ государствъ къ берлинскому кабинету, препятствуя императору овладѣть этимъ довѣріемъ». Министерство рѣшило оставить въ Берлинѣ одного только повѣреннаго въ дѣлахъ: Кюстинъ, пребываніе котораго въ Брауншвейгѣ оказывалось уже безполезнымъ, получилъ приказъ отправиться въ Пруссію и вести дипломатическую переписку.

О призваніи нѣмецкаго государя для возрожденія французской арміи уже не было и рѣчи; самъ Нарбоннъ едва ли могъ надѣяться командовать ею долѣе нѣсколькихъ недѣль. Внезапная аттака Жиронды перевернула всѣ его соображенія. Дворъ поздравлялъ себя по этому поводу.

IV.

Королевская фамилія дошла до той степени отчаянія, когда чрезмѣрная и томительная тоска вызываетъ въ воображеніи своего рода миражъ избавленія. «Я предпочитаю,—говорила королева агенту Екатерины II Симолину,—подвергнуться всѣмъ возможнымъ опасностямъ, лишь бы не вести долѣе полную униженія и горя жизнь, которою живу теперь» [1]). Собраніе, объявляя войну, неминуемо заставило бы дѣйствовать императора. «Пусть же почувствуетъ онъ хоть собственныя оскорбленія,—писала Мерси королева;—пусть станетъ онъ во главѣ другихъ державъ, но съ внушительными силами, и я увѣряю васъ, что все задрожитъ здѣсь. Они дерзки отъ избытка страха» [2]).

14 февраля Ферзенъ прибылъ въ Тюильрійскій дворецъ. Онъ напрасно

[7]) 21 января 1792. Vivenot, t. I, p. 380.

[1]) Fersen, t. II, p. 4.

[2]) Королева Леопольду и Мерси, 1 февраля 1792 г. Arneth, p. 243—245. Отчетъ Симолина. Feuillet, t. V, p. 165. Бретейль Шуленбургу 1 февраля 1792. Flammermont, p. 14—18.

пытался убѣдить Людовика XVI рѣшиться на отъѣздъ. Король не согласился: онъ обѣщалъ остаться и не желалъ нарушать даннаго имъ слова. Онъ согласился только попытаться бѣжать чрезъ лѣса, при помощи контрабандистовъ и дать встрѣтить себя кавалерійскому отряду, но не ранѣе приближенія союзныхъ войскъ. Онъ продолжалъ надѣяться въ дѣйствительность конгресса, «полагая,—говорилъ онъ,—что ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ мятежникамъ необходимо его посредничество для капитуляціи». Ферзенъ увѣрялъ его, что при содѣйствіи иностранцевъ легко можно возстановить королевскій авторитетъ во всей его полнотѣ; онъ, повидимому, склонилъ его ко всѣмъ своимъ планамъ и уѣхалъ изъ Парижа убѣжденный, что планъ установленъ и что успѣхъ еще возможенъ. На самомъ дѣлѣ онъ увозилъ лишь новыя иллюзіи и далеко не считался съ намѣреніями Европы.

Ферзенъ продолжалъ сильно расчитывать на Пруссію; отъ этой же монархіи ждали наиболѣе дѣйствительной помощи и эмигранты. Странное сближеніе, доказывающее всю силу французскихъ традицій! Въ то время, какъ Бриссо указывалъ на австрійскій союзъ, какъ на причину всѣхъ государственныхъ бѣдствій, и видѣлъ въ союзѣ съ Пруссіей спасительное средство отъ этихъ золъ, наиболѣе преданные друзья французскаго двора обвиняли Леопольда почти въ такихъ же рѣзкихъ выраженіяхъ за измѣну зятю, приписывали его эгоистическимъ заднимъ мыслямъ неудачу, постигшую всѣ попытки вмѣшательства, и побуждали французскаго короля броситься въ объятія Фридриха-Вильгельма [3]). Пруссія очевидно была въ милости у французовъ. Въ Парижѣ и на Рейнѣ французы не иначе говорили объ Австріи, какъ обличая ея коварство, «глухую и вѣроломную политику»; напротивъ, въ революціонной партіи безъ устали хвалили «просвѣщенность» прусскаго правительства, а въ партіи дворянства—рыцарскія чувства прусскаго короля. Эмигранты окружали лестью Фридриха Вильгельма, который выслушивалъ ихъ съ ежедневно возраставшею благосклонностью; дѣло въ томъ, что въ Берлинѣ опасность революціи начинала казаться болѣе грозною и болѣе близкою, чѣмъ когда-либо. Пренія въ Собраніи и въ особенности «дикій декретъ» 25 января, какъ его называли, вызвалъ въ Пруссіи всеобщее волненіе. «Замѣтили,—писалъ одинъ дипломатъ [4]),—что французскія идеи сдѣлали быстрые успѣхи въ народной средѣ и что среди берлинскихъ жителей много демократовъ и даже республиканцевъ. Дворъ и городъ серьезно встревожены. Приближенные короля раздражаютъ его своими, часто преувеличенными, донесеніями.

[3]) *Mémoire du roi de Suède envoyé au roi de France.* Fersen, t. I, p. 285.

[4]) Кюстинъ, въ своемъ общемъ и ретроспективномъ отчетѣ отъ 1 апрѣля 1792 г.

ОТПЕЧАТОК

Затѣмъ послѣдовала миссія Сегюра и съ нею и всѣ сопровождавшія ее клеветы, слухи о подкупахъ, революціонныхъ попыткахъ и всякаго рода козняхъ. Съ той поры враждебность не знаетъ предѣловъ; въ берлинскихъ салонахъ аристократизмъ не уступаетъ теперь аристократизму парижскихъ. То, что до сихъ поръ служило предметомъ лишь слабаго вниманія, сдѣлалось главнымъ и единственнымъ содержаніемъ всѣхъ толковъ. Къ кобленцскимъ агентамъ отнеслись милостиво до чрезвычайности... Видя брата короля у принцевъ и нерѣдко у самого Фридриха-Вильгельма и у г-жи Денгофъ, эти агенты пользуются средствами, въ которыхъ строгость этикета отказываетъ посланникамъ иностранныхъ дворовъ, не допускаемымъ во всѣ эти мѣста».

Въ этомъ подвижномъ и праздномъ мірѣ наперерывъ подстрекали другъ друга къ войнѣ. «Ее представляли себѣ въ видѣ непродолжительной и не трудной экспедиціи: всѣмъ памятна была Голландія» [5]). Прусской арміи достаточно было трехъ недѣль для того, чтобы подавить эту революцію, говорили при берлинскомъ дворѣ; для подавленія французской, ей потребуется мѣсяца два. Польщенный такими рѣчами, король предавался славолюбивымъ мечтамъ. Однако министры продолжали еще сдерживать и умѣрять его воинственный пылъ. Классическая политика еще находила защитниковъ: то была старо-прусская партія, состоявшая изъ учениковъ Фридриха, снисходительно смотрѣвшихъ на французскія идеи и, въ особенности, проникнутыхъ неисправимымъ недовѣріемъ къ Австріи. Они сгруппировались вокругъ принца Генриха; ихъ подстрекалъ Герцбергъ; полный раздраженія и желчи по отношенію къ новой системѣ, досадуя на примѣнявшихъ ее временщиковъ, онъ забывалъ о своей исконной ненависти къ Франціи, предаваясь завистливымъ чувствамъ министра не у дѣлъ. Мнѣнія Герцберга находили многочисленныхъ сторонниковъ среди должностныхъ лицъ, и въ особенности въ войскѣ, гдѣ господствовала большая свобода слова и жила ненависть къ австрійцамъ. Появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Предостереженіе въ интересахъ прусскаго народа», въ которой проповѣдывался союзъ съ Франціей и обличались коварные замыслы Россіи. Герцогъ Брауншвейгскій колебался между этими двумя партіями, пользуясь вниманіемъ той и другой и ревностно заботясь о сохраненіи всеобщаго поклоненія. Онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ опасностяхъ и неудобствахъ войны и не любилъ Австріи; но ему было извѣстно, что на него расчитывали для главнаго командованія германскими арміями, и это льстило его самолюбію. Онъ не простилъ бы себѣ пренебреженія къ

[5]) Philippson, t. I, ch. IV—V.—Haeussер, t. I, p. 334.—Chuquet, p. 20.—Custine, 2 mai 1792.—Haeussер, t. I, p. 348—349.

такому почетному отличію, а потому боялся самой тѣни немилости и остерегался противорѣчить наклонностямъ короля [6]).

Но былъ одинъ пунктъ, на которомъ сходились всѣ, король, временщики, министры, и этотъ то пунктъ являлся камнемъ преткновенія для всего дѣла: возмѣщеніе издержекъ предпріятія. Шуленбургъ объяснялся по этому поводу съ Бретейлемъ. Послѣдній, оставаясь въ Брюсселѣ, отправилъ въ Пруссію виконта де-Карамана, выѣхавшаго туда въ началѣ февраля. Повидимому пруссаки уже съ самаго начала дали почувствовать, что потребуютъ за свои старанія территоріальнаго вознагражденія даже въ томъ случаѣ, если имъ удалось бы возстановить французскую монархію. Это обстоятельство произвело непріятное впечатлѣніе въ роялистскомъ лагерѣ, и Шуленбургъ удовольствовался обѣщаніемъ денежнаго вознагражденія [7]). Онъ рѣшился на это однако не безъ мысленной оговорки. Если не удастся реставрація трона Людовика XVI, можно будетъ вознаградить себя натурою. Урегулированіе такой случайности составляло основу переговоровъ между вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами. Король желалъ точныхъ обязательствъ: настаивая на еще ранѣе внушенной Пруссіей комбинаціи, онъ указывалъ какъ на свой пай на Юлихъ и Бергъ; Австрія и палатинатъ могли бы вознаградить себя въ Эльзасѣ или Лотарингіи. Императоръ отказался входить въ подробности, но не отрицалъ принципіально прусскихъ притязаній. Далѣе этого не шли въ Берлинѣ, сознавая, что при болѣе точномъ и ясномъ объясненіи неминуемо возникло бы разногласіе.

Говорить о территоріальныхъ вознагражденіяхъ, значило говорить о Польшѣ, и по этому поводу существовало значительное противорѣчіе въ видахъ обоихъ дворовъ. Въ Вѣнѣ желали сохраненія польской республики, въ Берлинѣ чуяли раздѣлъ. Леопольдъ предлагалъ соглашеніе, направленное противъ Россіи и имѣющее цѣлью огражденіе и нѣкотораго рода нейтрализованіе Польши; Фридрихъ-Вильгельмъ склонялся въ пользу сближенія съ Екатериной, имѣя въ виду долю при новомъ раздѣлѣ Польши. «Если русскія войска вторгнутся въ Польшу и если императрица предложитъ новый раздѣлъ,—писалъ англійскій посланникъ въ Берлинѣ,—здѣсь не затруднятся пріискать благовидные предлоги и доказать политическую необходимость участія въ дѣлежѣ» [8]).

При такихъ обстоятельствахъ договоръ, о которомъ шли переговоры

[6]) *Revue historique*, t. I, p. 174—177. Sybel, t. I, liv. I, ch. III.

[7]) Бретейль Шуленбургу 1 и 2 февраля. Шуленбургъ Бретейлю 13 февраля 1792. Flammermont, p. 14—18. Ферзенъ Густаву III, 29 февр., т. II.

[8]) Отчетъ Мортона Эдена, 16 февр. 1792. Herrmann, *Dip. Corres.* p. 246. Sybel, t. I.—Martens, t. II, p. 197.—Haeussер, t. I, p. 352.

между обоими дворами, могъ содержать лишь двусмысленныя условія и неясныя статьи. Таковымъ онъ и оказался по заключеніи его въ Берлинѣ 7 февраля [9]). Имъ устанавливался оборонительный союзъ, какъ и въ версальскомъ договорѣ 1756 года, послужившемъ ему образцомъ. Нидерланды, съ одной стороны, и прусско-вестфальскія владѣнія—съ другой исключались изъ гарантіи. Каждый изъ союзниковъ обязывался доставить другому, по его востребованію, 20000 солдатъ, что могло быть замѣнено денежной субсидіей. Въ тайныхъ статьяхъ говорилось о соглашеніи по поводу французскихъ дѣлъ и о приглашеніи Россіи не предпринимать ничего, могущаго нарушить неприкосновенность свободной конституціи въ Польшѣ. Австрія предложила упомянуть въ окончательномъ трактатѣ, какъ то было сдѣлано въ прелиминарномъ—о неприкосновенности и поддержаніи свободной польской конституціи, подъ которой ясно подразумѣвалась конституція 3 мая 1791 г.; Пруссія согласилась упомянуть лишь вообще о конституціи, что не обязывало ее ни къ чему. Такимъ образомъ договоръ 7 февраля не представлялъ въ сущности ничего, кромѣ канцелярской процедуры. Союзъ оставался невыясненнымъ: если хотѣли дѣйствовать, его необходимо было обезпечить.

Фридрихъ-Вильгельмъ казался готовымъ на это, по крайней мѣрѣ относительно Франціи. Австрія предложила, чтобы каждый изъ союзниковъ выставилъ сорока-тысячную армію, изъ этого числа 6000 немедленно; прусскій король согласился, замѣтивъ, что голосованіе Собранія 25 января равнялось объявленію войны. Онъ вызвалъ въ Берлинъ герцога Брауншвейгскаго для выработки плана кампаніи и отправилъ въ Вѣну Бишофсвердера для обсужденія вопроса о вознагражденіяхъ [10]), *существеннаго вопроса*, какъ заявлялось безъ обиняковъ въ инструкціяхъ прусскаго уполномоченнаго. Этотъ документъ обнаруживалъ новый оттѣнокъ въ переговорахъ. До сихъ поръ предвидѣлось только двѣ гипотезы: возстановленіе или паденіе французской монархіи; въ первомъ случаѣ предполагалась уплата денежнаго вознагражденія со стороны Людовика XVI, во второмъ—имѣли въ виду самовольное территоріальное вознагражденіе. Но прусскіе министры усмотрѣли и третью случайность, а именно то, что, даже въ случаѣ возстановленія королевской власти во Франціи, «отчаянное положеніе французскихъ финансовъ сдѣлало бы крайне затруднительнымъ, медленнымъ, а можетъ быть и невозможнымъ какое бы то ни

[9]) См. этотъ текстъ у Neumann, t. I. p. 471.—Ranke, *Ursprung und Beginn der Revolutionskriege*, Berlin, 1875, 347.

[10]) Совѣщаніе съ герцогомъ Брауншвейгскимъ происходило 17 февраля; инструкціи Бишофсвердеру помѣчены 18-мъ. См. текстъ ихъ у Ранке въ указанномъ выше сочиненіи, стр. 351.—Sybel, t. I, p. 456 фр. изд.

было денежное вознагражденіе». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, завоеванія «представились бы естественнымъ средствомъ обезпечить себѣ справедливое возмѣщеніе убытковъ». Таковы были успѣхи коалиціи. Трудно было опредѣлить ея руководящее начало. По мѣрѣ того, какъ пытались примѣнить его, измѣнялся весь характеръ предпріятія. Вмѣшательство, предназначавшееся на защиту общаго дѣла монарховъ, публичнаго права и жизни французскаго короля, мало-по-малу преобразовывалось подъ вліяніемъ установившихся политическихъ нравовъ въ барышническое предпріятіе, въ которомъ охраненіе общественнаго порядка фигурировало лишь въ качествѣ благовиднаго предлога, спасеніе французскаго короля являлось придаткомъ, а споліація его королевства станетъ главною, а скоро и единственною цѣлью союзниковъ.

Прусскій король не замедлилъ объявить во всеуслышаніе, что готовъ защищать имперію. 28-го февраля Гольцъ сообщилъ французскому правительству, что въ Берлинѣ посмотрятъ, какъ на *casus belli* на всякое вторженіе въ предѣлы Германіи. Пріѣхавшій 22 февраля Кюстинъ отправился вмѣстѣ съ Сегюромъ къ Шуленбургу. Этотъ министръ увѣрялъ ихъ, что нѣмцы не желаютъ посягать на французскую конституцію. «Но,—съ живостью прибавилъ онъ,—слѣдуетъ же предохранять себя отъ гангрены». Французскіе уполномоченные вынесли изъ этого посѣщенія убѣжденіе, что если французы «ступятъ на нѣмецкую территорію, національная гордость превратитъ всѣхъ нѣмцевъ во враговъ Франціи» [11]). Сегюръ уѣхалъ нѣсколько дней спустя. Онъ видѣлъ теперь только одно средство предотвращенія войны, но не находилъ его примѣнимымъ: подавленіе пропаганды. «Если безпорядки будутъ продолжаться,—писалъ онъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ отъ 25 февраля,—въ насъ будутъ видѣть и опасныхъ сосѣдей, и въ то же время легкую добычу, а при такомъ условіи вся французская доблесть не въ силахъ была бы спасти насъ отъ величайшихъ несчастій». Относительно настроенія Пруссіи невозможны были сомнѣнія. Впрочемъ, прусскіе министры, въ свою очередь, не забывали ссылаться, и не безъ ироніи, на Фридриха Великаго, имя котораго такъ дерзко произносилось съ трибуны французскаго Собранія. Однажды, когда Кюстинъ пытался еще продлить переговоры, Шуленбургъ отвѣтилъ ему: «Если бы Фридрихъ былъ живъ, приглашеніе вашего короля, 25 января, безъ сомнѣнія, повлекло бы за собою немедленное объявленіе войны: достоинство монарховъ должно быть поддерживаемо и отомщаемо» [12]).

Разрывъ задерживали только колебанія Леопольда. На первыхъ порахъ

[11]) Отчетъ графа Сегюра, 24 февраля.—[12]) Отчетъ Кюстина, 6-го марта 1792 г.

онъ задѣтъ былъ за живое вызовомъ Собранія. «Французы хотятъ войны,—воскликнулъ онъ въ первую минуту;—хорошо, будетъ война, но они заплатятъ за ея издержки» [13]). Его безпокоила Бельгія. «Вы сослались на такой опасный принципъ,—говорилъ Кобенцель Ноалю по поводу авиньонскаго вопроса,—что въ тотъ же день можно было заставить населеніе Нидерландовъ сказать, что и они желаютъ быть присоединенными къ Франціи [14]). Въ Вѣнѣ, какъ и въ Берлинѣ, полагали, что война будетъ скорѣй «бурнымъ вторженіемъ, чѣмъ методическими, опасными и продолжительными военными дѣйствіями» [15]). Но гнѣвная вспышка улеглась, и императору показалось наиболѣе благоразумнымъ ждать до тѣхъ поръ, пока событія не вынудятъ броситься въ это приключеніе. Леопольдъ еще разъ попытался совѣтовать терпѣніе французскому двору и умѣренность французскому правительству. Агентъ Екатерины Симолинъ уѣхалъ изъ Парижа съ письмомъ королевы къ брату. По пріѣздѣ въ Вѣну, 24 февраля, онъ явился къ Кауницу и нашелъ его болѣе сухимъ, педантичнымъ и ироническимъ, чѣмъ когда-либо. «Я не вижу, чего именно желаютъ французскій король и королева: возстановленія стараго порядка? Это невозможно. Если же имъ желательно измѣненіе конституціи, то это должно быть сдѣлано по обоюдному согласію. Иностранныя державы не могутъ вмѣшиваться ни по праву, ни фактически въ домашнія дѣла независимой націи, если ихъ о томъ не просятъ, а ихъ не просятъ». Что касается европейскаго концерта, Кауницъ находилъ его образованіе невозможнымъ. Симолинъ описалъ ему горе королевы, униженія и опасности, которымъ она подвергается. «Это,—сказалъ Кауницъ,—уже слышанныя мною общія мѣста». Императоръ и его министръ полагали, что санитарнаго кордона было бы вполнѣ достаточно для обузданія пропаганды. «Остается одно,—повторялъ старый канцлеръ, — помѣшать переходу французскихъ идей чрезъ границу и оставить Францію опускаться все ниже и ниже».

Его отвѣты на французскія ноты, хотя и отличавшіеся нѣсколько высокомѣрнымъ характеромъ, вызваннымъ обвинительнымъ тономъ декретовъ Собранія, все-таки давали еще нѣкоторую возможность продолжать переговоры. Австрія спорила, но не вооружалась. Такой образъ дѣйствій не походилъ на поведеніе государя, желающаго войны и вызывающаго ее. Леопольдъ продолжалъ откладывать столкновеніе и медлить, когда, 1 марта, умеръ почти скоропостижно. О немъ не сожалѣли противники революціи. «Во всѣхъ сферахъ,—писалъ Ферзенъ,—смерть его произвела весьма слабое впечатлѣніе и ничего не измѣнила въ отношеніяхъ сторонъ. Генералы

[13]) Fersen, t. II, p. 3.—Hermann, *Dip. Corresp.*, p. 148.

[14]) Отчетъ Ноаля, 12-го марта 1792.—[15]) Мерси Кауницу, 29-го февраля 1792 г.

не только не были огорчены, но даже радовались; офицеры выражали удовольствіе. Тугутъ сказалъ барону Бретейлю, что очень доволенъ». Мнѣніе, составленное роялистами о преемникѣ Леопольда, вмѣстѣ съ ихъ досадою на покойнаго императора, вызывало радость по поводу его кончины и о замаскированіи этого чувства они не особенно заботились.

V.

Францъ II слылъ «воиномъ въ душѣ»; увѣряли, что онъ неоднократно «порицалъ слабую и нерѣшительную политику отца». Ему не было еще двадцати-четырехъ лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ, и онъ не обладалъ ни малѣйшею опытностью въ политическихъ дѣлахъ. Онъ не отличался широтою взглядовъ, но не лишенъ былъ здравомыслія; упрямый, но способный доводить свое упрямство до степени постоянства, новый король Венгріи и Богеміи умѣлъ держать себя съ достоинствомъ и всѣми внѣшними признаками авторитетности и характера. Весьма склонный, въ сущности, подчиняться чужому вліянію, онъ, сознавъ свою ошибку, благодушно подсмѣивался надъ тѣми, кто вовлекъ его въ нее. Мелочно набожный, исповѣдывавшій въ отношеніи государственной доктрины культъ абсолютной неподвижности; исполнительный въ дѣлѣ обязанностей, ревниво дорожившій любовью народа, падкій на вульгарную популярность, выражающуюся въ уличныхъ овацiяхъ, недовѣрчивый къ людямъ, обсуждающимъ и взвѣшивающимъ свои мнѣнія; смѣшивавшій съ суровостью въ мѣропріятіяхъ и командованіи то поверхностное добродушіе и ту мимолетную чувствительность, которыя не исключаютъ ни эгоизма, ни сухости; не знавшій иныхъ радостей, кромѣ семейныхъ, но вносившій въ семью что-то банальное и безличное, онъ долженъ былъ послѣдовательно обмануть надежды и тѣхъ, кто расчитывалъ на твердость его принциповъ, и тѣхъ, кто довѣрялся силѣ его привязанностей. «Никогда не было монарха съ такимъ *государственнымъ сердцемъ*», говорилъ о немъ позднѣе Меттернихъ. Эти принципы, на которые онъ ссылался, были весьма близки тѣмъ, которыхъ придерживалась нѣкогда Марія-Терезія по отношенію къ Польшѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, угрызеній совѣсти и слезъ. Францъ считалъ несправедливыми исключительно неравные раздѣлы. Рѣдко подвергался монархъ такимъ необычайнымъ превратностямъ вслѣдствіе непониманія своей выгоды и сцѣпленія политическихъ обстоятельствъ. Въ теченіе своего царствованія, длившагося болѣе сорока-трехъ лѣтъ, онъ велъ войну противъ революціи и санкціонировалъ затѣмъ ея тріумфъ семейнымъ союзомъ, работалъ надъ низложеніемъ династіи, съ которой связалъ свой собственный домъ, два раза вступалъ въ Парижъ для довер-

ОТДЕЛ РАН

шенія несчастія своего внука, возстановилъ монархію, паденіе которой было имъ самимъ санкціонировано, и видѣлъ новое паденіе ея подъ ударами революціи, съ которой боролся цѣлые полвѣка, не будучи никогда въ состояніи понять ее. Величавый и невозмутимый свидѣтель громадныхъ катастрофъ, среди которыхъ выдающійся по своимъ дарованіямъ министръ создалъ ему одну изъ наиболѣе видныхъ ролей, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ олицетворяется исторія времени, но которые не дѣлаютъ этой исторіи. Тусклая и неопредѣленная фигура его, по странной случайности, стоитъ на первомъ планѣ въ величайшей изъ драмъ исторіи новаго времени.

Австрія внезапно заговорила въ болѣе воинственномъ тонѣ и ускорила свои движенія. Францъ не испытывалъ къ прусскому союзу недовѣрія своего отца. Въ самый день смерти Леопольда онъ извѣстилъ объ этомъ событіи Фридриха-Вильгельма собственноручнымъ письмомъ и выразилъ при этомъ желаніе скрѣпить союзъ. Онъ желалъ этого союза. Всѣ, кто стоялъ за него, были въ милости. Къ тому же Францъ былъ кандидатомъ на императорскую корону; ему надлежало заручиться содѣйствіемъ Бранденбурговъ и не слѣдовало уступать никому защиты германскихъ интересовъ. Самъ старый Кауницъ, заботясь о сохраненіи остатковъ вліянія, которое, какъ онъ сознавалъ, уже ускользало отъ него, испытывалъ приливъ благоволенія къ Пруссіи, какъ во времена перваго раздѣла Польши, и заговорилъ въ берлинскомъ тонѣ. «Настала пора,—говорилъ онъ,—поставить Францію въ необходимость или исполнить предъявленныя ей требованія, или объявить намъ войну, или дать намъ право ее объявить; но,—прибавлялъ онъ,—слѣдуетъ предпочесть нападеніе съ ея стороны, «для того, чтобы право было на сторонѣ державъ и могло дозволить имъ дѣлать завоеванія, если то окажется возможнымъ, и сохранить ихъ законнымъ, въ этомъ случаѣ, путемъ, въ видѣ вознагражденія за военные убытки, которое иначе напрасно старались бы получить». Это значило рѣшиться на войну, обыкновенную войну стараго времени и, такимъ образомъ, ежедневно отдаляться отъ конгресса, на посредничество котораго возлагалъ надежды Людовикъ XVI. Этотъ взглядъ Кауница преобладалъ въ средѣ приближенныхъ Франца и его поручено было изложить въ Вѣнѣ Бишофсвердеру. Послѣдствія такихъ перемѣнъ не замедлили отозваться въ Берлинѣ. Коль скоро король Богеміи сталъ соперничать съ прусскимъ королемъ въ дѣлѣ германскаго патріотизма, ничто не могло уже отнынѣ сдержать пылъ партіи, стоявшей за войну. Тѣ изъ прусскихъ министровъ, которые находили возможность оказывать сопротивленіе, увидѣвъ себя не въ силахъ сдерживать долѣе короля, рѣшились предупредить его. Они перестали создавать затрудненія для союза съ Австріей: они вовсе не были

убѣждены въ его полезности, но думали, что вѣрнѣйшее средство отвратить отъ него короля, это привести къ нему, и полагали, что для разрушенія этой системы нѣтъ иного способа, какъ примѣнить ее на практикѣ. Вотъ почему,—писалъ Кюстинъ,—они «расположены ускорить кризисъ, въ которомъ Австрія рискуетъ болѣе, чѣмъ Пруссія, и конецъ котораго будетъ и концомъ союза». Къ этимъ тонкимъ соображеніямъ присоединились и положительные доводы. Ихъ взялась доставить Россія.

Екатерина находила, что Австрія и Пруссія задерживаютъ выполненіе ея плановъ. Русскія войска были готовы для вступленія въ предѣлы Польши, а пути не были свободны. Очевидно, что въ Вѣнѣ и Берлинѣ догадались о намѣреніяхъ императрицы. Для Екатерины, безъ сомнѣнія, было бы удобнѣе занять обѣ державы во Франціи и затѣмъ располагать Польшею по своему желанію. Но, полагая, что пруссаки не двинутся до тѣхъ поръ, пока сохранятъ какія-либо опасенія по поводу Россіи, боясь въ особенности, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ не пришелъ къ соглашенію съ Австріей въ видахъ противодѣйствія ея собственной политикѣ, она рѣшилась допустить и эти державы до раздѣла. 28 февраля вице-канцлеръ Остерманъ заявилъ объ этомъ прусскому посланнику въ Петербургѣ, Гольцу.—Если утвердится конституція 3-го мая,—сказалъ онъ ему,—Польша, въ соединеніи съ Саксоніей, образуетъ первоклассную державу; она стѣснитъ Пруссію болѣе, чѣмъ насъ самихъ; наконецъ, послѣдствіемъ всего этого будетъ усиленіе вліянія саксонскаго дома въ средѣ имперскихъ государствъ.—Гольцъ выслушалъ и понялъ на полусловѣ, на что намекалъ Остерманъ. Онъ угадалъ, что Россія готова была бы присоединиться къ Пруссіи, въ виду новаго раздѣла, подъ условіемъ уничтоженія въ Польшѣ конституціи 1791 года и «устраненія наслѣдственности польскаго престола». Въ этой бесѣдѣ Остерманъ говорилъ о Франціи съ полнымъ равнодушіемъ и лишь мимоходомъ. Онъ совѣтовалъ хранить въ тайнѣ все, что относилось до польскихъ дѣлъ. «Это касается только насъ троихъ,—сказалъ онъ;—согласимся между собою, и мы посмѣемся надъ остальными».

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ уже извѣщенъ о намѣреніяхъ Россіи, когда, 10 марта, австрійскій посланникъ Рейссъ вручилъ прусскому посланнику ноту, въ которой настаивалъ на неприкосновенности Польши, огражденіи ея конституціи и принципа наслѣдственности ея престола. «Мы никогда не согласимся на это!» воскликнулъ прусскій король. Австрія предлагала ему «политическое самоубійство» [1]), Россія—расширеніе предѣловъ. Послѣднее было заманчивѣе. Однако Фридрихъ-Вильгельмъ могъ

[1]) Sybel, t. I, p. 458 (фр. изд.).

имѣть причины если не обречь себя на самоубійство, то, по крайней мѣрѣ, попытаться жить, оставаясь вѣрнымъ данному слову. Трактатъ 7 февраля 1792 г. не могъ затруднять его: статьи этого трактата дозволяли всевозможныя толкованія; но договоръ съ Польшей, подписанный 29 марта 1790 г. не оставлялъ мѣста для недоразумѣній. Статья 27 формально обезпечивала республикѣ «мирное пользованіе государствами, провинціями, городами и землями, которыми владѣла во время заключенія договора о союзѣ». Это не остановило прусскаго короля и его министровъ. Король, нашедшій въ своей консисторіи казуистовъ для расторженія брака, стѣснявшаго его матримоніальные капризы, зналъ, что найдутся въ его канцлерствѣ и законники, способные расторгнуть союзъ, стѣснительный для его алчности. Онъ и предоставилъ имъ эту заботу, а самъ занялся вопросомъ, не имѣвшимъ никакого отношенія ни къ морали, ни къ принципамъ, а именно: вопросомъ о возможности сопротивленія со стороны Австріи желанной операціи. Онъ заглянулъ въ прецеденты, посовѣтовался съ Финкенштейномъ, которому они были близко знакомы, и сказалъ себѣ, что предъ лицомъ совершившагося факта Австрія, связанная войною съ Франціей, неспособна будетъ оказать серьезное противодѣйствіе его намѣреніямъ [2]). Къ тому же война можетъ дать случай и вознаградить ее. «Если бы можно было расчитывать на успѣхъ,—писалъ онъ 12 марта въ Вѣну, своему дипломатическому агенту,—русскій планъ всего выгоднѣе для Пруссіи: само собою разумѣется, что мы пріобрѣли бы такимъ способомъ весь лѣвый берегъ Вислы». 13 марта министры написали въ Вѣну, что отклоняютъ предложенія Австріи относительно Польши, и въ Петербургъ—что готовы выслушать предложенія Россіи.

Эти рѣшенія, принятыя въ Петербургѣ и Берлинѣ, естественнымъ образомъ единственно въ силу игры интересовъ и подъ вліяніемъ обычая, пріобрѣли впослѣдствіи громадное значеніе. Съ этими глухими движеніями дипломатіи произошло то же, что случается съ незамѣтными волнообразными движеніями почвы, которыя обусловливаютъ на большихъ равнинахъ теченіе рѣкъ. Было рѣшено, что съ того времени монархи не будутъ вести крестовыхъ походовъ. Какъ бы для того, чтобы выразить яркимъ знаменіемъ эту несостоятельность и это клятвопреступничество монархій по отношенію къ себѣ самимъ, единственный государь, принесшій въ коалицію безкорыстныя намѣренія, погибъ въ тотъ самый моментъ, когда коалиція начала стремиться къ завоеваніямъ.

[2]) «Что намъ за дѣло—согласится, или не согласится вѣнскій дворъ на это пріобрѣтеніе? Если мы поладимъ съ русскими, они (австрійцы) во всякомъ случаѣ принуждены будутъ хотя и съ ворчаньемъ признать вещи, которыхъ не могутъ измѣнить...» Фридрихъ Финкенштейну. См. *La Question d'Orient au dix-huitième siècle*, ch. XI, p. 168.

«Я вернусь въ свою столицу съ высоко поднятою головою», сказалъ Густавъ III, уѣзжая изъ Ахена.—«Меня можно убить, но лишить престола—никогда!» [3]). Онъ былъ убитъ 16 марта въ Стокгольмѣ, во время маскарада. Убійство это было слѣдствіемъ заговора, и событіе это—одно изъ наиболѣе характеристичныхъ для тогдашняго европейскаго смутнаго времени. Государь, вооружившійся во имя возвращенія привилегій французскому дворянству, палъ на пути къ этому дѣлу отъ руки шведскихъ дворянъ, которыхъ онъ же лишилъ ихъ старинныхъ льготъ [4]). Французскіе революціонеры желали его погибели, потому что онъ намѣревался возстановить во Франціи старый порядокъ; шведскіе фанатики погубили его именно за то, что онъ уничтожилъ старый режимъ въ Швеціи. Въ этой странѣ рядомъ съ буйнымъ дворянствомъ образовалась преисполненная энтузіазма демократія: всѣ сознавали, что Густавъ, воюя ради абсолютизма, отправлялся на Рейнъ бороться противъ ихъ собственныхъ вольностей. Наиболѣе рьяные соединились, чтобы не допустить этого. Они нашли поддержку у самыхъ ступеней трона. Братъ короля, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій былъ отдѣленъ отъ короны только четырнадцатилѣтнимъ племянникомъ. Этотъ герцогъ былъ честолюбивъ, угрюмъ и сверхъ того еще и духовидецъ; ясновидцы, его окружавшіе, объяснили ему, что насильственная смерть короля и послѣдующее за нею регентство входятъ въ предначертанія свыше. Онъ повѣрилъ имъ и оказывалъ тайную помощь заговорщикамъ. Въ заговорѣ было пять лицъ: графъ Риблингъ, личный врагъ Густава; графъ Горнъ, мстившій за своего отца, жертву государственныхъ переворотовъ; баронъ Пехлинъ, бывшій душою заговора, семидесятидвухлѣтній старецъ, котораго Густавъ называлъ «первымъ шведскимъ республиканцемъ»; Лиліенгорнъ, капитанъ гвардіи, безвѣстный пособникъ и, наконецъ, самъ убійца Анкастрёмъ, узкій и дикій фанатикъ, экзальтированный уединеніемъ мистикъ, скорѣе иллюминатъ чѣмъ республиканецъ и болѣе сродный по духу Жаку Клеману, чѣмъ Шарлоттѣ Кордэ.

Густавъ прожилъ нѣсколько дней послѣ покушенія. Во время этой

[3]) *Journal des campagnes, 1790—1791*, par le comte de Langeron.

[4]) «Все,—говоритъ Жефруа (Geffroy, t. II, ch. X),—было противъ Густава: недовольство дворянства, которое онъ хотѣлъ принудить къ покорности и которое было только унижено, демагогическія страсти, суевѣрный страхъ, порожденный ниспроверженіемъ всякой религіозной или нравственной доктрины, слабость царствованія, разрушившаго всѣ результаты своихъ прежнихъ либеральныхъ начинаній излишествами неосмотрительнаго и необдуманнаго абсолютизма, безразсудное исканіе славы, сдѣлавшееся очевидною уловкой во избѣжаніе затрудненій, созданныхъ неудачною политикою».

агоніи онъ былъ брошенъ всѣми. Мать его умерла ранѣе,—впрочемъ они всегда ненавидѣли другъ друга. Жена и сынъ почти не подходили къ его изголовью. Волнуемый, подобно всѣмъ современникамъ своимъ, образами римской республики и постоянно питая воображеніе свое трагедіями, онъ и на смертномъ одрѣ бредилъ потрясающими сценами во плутарховскомъ родѣ, которыя такъ часто видѣлъ Парижъ въ революціонную эпоху. «Пусть несутъ меня на носилкахъ!—восклицалъ онъ.—Я пойду на площадь. Я буду говорить народу. Идите, прибавлялъ онъ, обращаясь къ любимцу своему Армфельду,—идите, и какъ второй Антоній покажите окровавленныя одежды Цезаря, чтобы уничтожить его враговъ!»

Въ Парижѣ, между тѣмъ, чествовали гражданскую доблесть Брута-Анкастрема. Въ Европѣ приписывали шведскій заговоръ революціонной пропагандѣ. Всѣ монархи были потрясены. Сама Великая Екатерина была на минуту разстроена. Эмигранты были смущены. Ихъ вождь исчезалъ: подъ предводительствомъ короля они еще могли считать себя силою; отнынѣ роль ихъ сводилась къ пособничеству коалиціи. «Сѣверъ опустѣлъ», говорили въ эмигрантской средѣ. Швеціи предстоятъ смуты регентства: заговорщики убили короля, а шведы дали на то молчаливое согласіе только для того, чтобы избѣжать европейскаго кризиса и возвратить себѣ традиціонныя вольности. Съ исчезновеніемъ Густава, Франція теряла наиболѣе убѣдительный изъ голосовъ, стоявшихъ за конгрессъ.

Это европейское собраніе имѣло теперь значеніе только въ рѣчахъ якобинцевъ, указывавшихъ на него какъ на общественную опасность и измѣну двора. Европа, въ сущности, отказывалась отъ конгресса и все сводилось къ частному германскому вмѣшательству. Испанія отпадала отъ коалиціи одновременно съ Швеціей, но Густава унесла трагическая смерть, Испанія же уклонялась глухо и въ силу собственнаго паденія. Флорида-Бланка не былъ великимъ министромъ, тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ дѣятельнымъ министромъ. Онъ хранилъ традиціи и уваженіе къ государственнымъ дѣламъ. За неимѣніемъ рессурсовъ для крупныхъ политическихъ дѣлъ, онъ обладалъ инстинктомъ и нѣкоторыми стремленіями. За послѣднее время его занималъ проектъ союза между Испаніей, Россіей, Даніей и Швеціей. Этотъ четверной союзъ имѣлъ-бы цѣлью противодѣйствіе морскому деспотизму Англіи. Вмѣшательство во французскія дѣла подразумѣвалось и включалось въ кругъ дѣятельности союза, и эта мысль, исходившая отъ Екатерины, казалась здравой совѣтнику Карлу IV. Но въ то время, какъ онъ мечталъ объ этомъ планѣ, придворныя козни вызвали его опалу. 28 февраля узнали о ней въ Аранжуэцѣ, а нѣсколько дней спустя министръ былъ арестованъ: его обвиняли въ злоупотребленіи властью и въ лихоимствѣ. Но истинная причина опалы заключалась въ томъ, что

онъ пытался открыть глаза королю на придворные скандалы и на близкую опасность, грозившую государству. Королева плакала, грозила, доносила, въ свою очередь, на министра, а смущенный и растерявшійся король пожертвовалъ испытаннымъ слугою своего отца мести женщины, которая позорила его корону и дерзко растрачивала казну. Марія-Луиза не была однако достаточно увѣрена въ своемъ вліяніи, чтобы призвать къ власти Годоя. Графу Аранда поручено было временное управленіе министерствомъ; онъ подготовлялъ путь безсовѣстному авантюристу, обворожившему королеву и околдовавшему короля.

Арандѣ было семьдесятъ пять лѣтъ; онъ принадлежалъ въ былое время къ числу министровъ—«друзей просвѣщенія», которыми гордилась образованная Европа; онъ восхищался Фридрихомъ, ненавидѣлъ Англію, проповѣдывалъ союзъ съ Франціей и посѣщалъ философовъ, пріѣзжая въ Парижъ. Изгнаніе іезуитовъ сдѣлало его знаменитымъ. Во Франціи его назвали «добродѣтельнымъ» Арандой; добродѣтельнымъ онъ былъ настолько же, насколько Помбаль въ Лиссабонѣ, Бернсторфъ въ Даніи, Манфредини во Флоренціи, Мелендорфъ въ Берлинѣ; быть добродѣтельнымъ, это значило быть «порядочнымъ человѣкомъ», какъ выражались во времена Людовика XIV, то есть человѣкомъ хорошаго тона, въ духѣ и во вкусѣ своего вѣка. Онъ обладалъ опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и слылъ независимымъ: Испанія радостно привѣтствовала его возвращеніе въ кормилу правленія. Никто менѣе его не сталъ-бы потворствовать интригамъ королевы, но и никто не сыгралъ-бы съ такимъ успѣхомъ роли ширмъ. Самая репутація безкорыстія Аранды какъ нельзя болѣе благопріятствовала планамъ Маріи-Луизы. Аранда никогда не отличался трудолюбіемъ; состарѣвшись, онъ еще болѣе облѣнился. Онъ предоставилъ дѣйствовать другимъ, и самая слабость его позволила людямъ, которые ею пользовались, дискредитировать его, а при удобномъ случаѣ и избавиться отъ него.

Конституціонный французскій посланникъ Бургоанъ пріѣхалъ въ Мадридъ за нѣсколько дней до опалы Флориды-Бланки: этотъ министръ, горѣвшій желаніемъ образованія коалиціи, отказался принять его. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Аранды, напротивъ, было—принять французскаго посланника. Въ противоположность предшественнику, онъ выказывалъ большую сдержанность, по отношенію къ представителямъ сѣверныхъ державъ, и былъ холоденъ и даже враждебенъ, по отношенію къ французскимъ эмигрантамъ, которыхъ ненавидѣлъ. Сближеніе съ Франціей казалось возможнымъ; во всякомъ случаѣ, нейтралитетъ Испаніи казался несомнѣннымъ. «До тѣхъ поръ, пока Франція будетъ оставаться въ состояніи смуты и разложенія», говорилъ Аранда прусскому посланнику въ

послѣднихъ числахъ марта, «Испанія не можетъ ни быть ей союзницей, ни вести съ нею дружбу. Но я считаю французовъ народомъ, который и по своему положенію, и по своимъ отношеніямъ неразлученъ съ Испаніей, и я отнесусь къ нимъ бережно и гуманно». Ни французскій дворъ, ни нѣмцы не могли расчитывать на содѣйствіе Испаніи. Къ тому же озабоченность Испаніи по отношенію къ Англіи сама по себѣ уже принуждала ее соблюдать крайнюю осмотрительность. Англія хранила внушающее опасенія молчаніе. Въ ея интересахъ было держаться принятой ею наблюдательной системы. Друзья французскаго двора не надѣялись вывести Англію изъ ея сосредоточенности; не болѣе того посчастливилось въ этомъ смыслѣ и повѣренному фельянскаго министерства.

VI.

Георгъ III вносилъ въ свою ненависть ко французской революціи всю необузданность своего характера. Въ качествѣ германскаго принца, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ упраздненіемъ феодальныхъ правъ въ Эльзасѣ. Распря владѣтельныхъ князей волновала его такъ, какъ будто касалась его непосредственныхъ интересовъ. Принимая французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Гирзингера, замѣнившаго Бартелеми, перемѣщеннаго въ Швейцарію, Георгъ III сказалъ ему: «Отъ всего сердца соболѣзную вашему королю и королевѣ, они очень несчастны. Ваше національное собраніе—сборище бѣснующихся сумасбродовъ и безумцевъ, которые въ конецъ погубятъ это прекрасное королевство своими глупостями и безразсудствами; поистинѣ, французскому должностному лицу можно жить спокойно только въ Лондонѣ или Константинополѣ. Очень радъ за васъ, что вы здѣсь [1]). Но внѣ этой личной антипатіи, не вліявшей на политику, и сварливыхъ выходокъ, на которыя никто не обращалъ серьознаго вниманія, Георгъ III подчинялся мнѣнію Питта, а Питтъ не хотѣлъ войны. Парламентъ собрался 21-го января. Въ королевскомъ посланіи объявлялось, что никогда миръ не былъ настолько обезпеченъ, какъ въ настоящее время; объявлялось о разоруженіи, предлагалось уменьшеніе налоговъ на 200 тысячъ фунтовъ и въ то же время погашеніе государственнаго долга на такую же сумму. Такимъ образомъ подтверждалось то, что Англія не станетъ вмѣшиваться въ дѣла континента. Питтъ находилъ, что у нея достаточно и собственныхъ заботъ: въ Ирландіи происходили волненія; въ Индіи завязывалось опасное столкновеніе съ Типу Саибомъ; наконецъ и движеніе, проявлявшееся въ самой Англіи, побуждало министра поторопиться съ дѣ-

[1]) Отчетъ Гирзингера, 20 января 1792 г.

ломъ финансовой реформы, которое онъ имѣлъ въ виду уже съ давнихъ поръ и которое составляло въ ту минуту главный предметъ его управленія.

Французская революція не оставалась однако же безъ нѣкотораго вліянія и на англійскій народъ. Но вмѣсто того, чтобы, какъ то дѣлалось въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ, прійти къ заключенію о необходимости подавленія революціи во Франціи и распространенія революціонныхъ воззрѣній въ Европѣ, Питтъ заботился о предотвращеніи революціи у себя дома, удовлетворяя желанія большинства англичанъ. Желанія эти не клонились къ французскимъ новшествамъ. По мѣрѣ того, какъ революція принимала характеръ насилія и анархіи, симпатіи, возбужденныя ею вначалѣ среди либераловъ, быстро охладѣвали. Болѣе пылкіе люди, конечно, воодушевлялись примѣромъ Франціи и поддерживаемые этимъ примѣромъ волновались горячѣе прежняго; но число такихъ людей не увеличивалось. Образовалось общество подъ именемъ «*Друзей народа*»; оно насчитывало до сотни членовъ, изъ нихъ двадцать восемь были парламентскими депутатами. Вмѣсто Фокса, который не принадлежалъ къ этому обществу, въ немъ можно было встрѣтить нѣсколькихъ близкихъ ему людей: Грея, Шеридана, лорда Мейдланда и графа Лаудердаля. Было и другое, болѣе революціонное по своимъ тенденціямъ, общество: «*Общество конституціонныхъ изысканій*, но мало дѣятельное и скорѣе напоминавшее ученый клубъ, чѣмъ агентство пропаганды. Французская пропаганда имѣла очагомъ *Общество лондонской корреспонденціи*», которое собственно одно только и могло внушать опасенія. Въ немъ группировалось до шести тысячъ членовъ, руководимыхъ тайнымъ комитетомъ изъ шести лицъ. Дѣятельность его заключалась въ изданіи памфлетовъ, обличеніи тираніи королей, продажности министровъ, лицемѣрія духовенства, несправедливости и утѣснительности законовъ. Питтъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью этихъ обществъ; онъ зналъ, что противники не преминутъ обратить ее въ орудіе противъ него. Кромѣ того, въ министерствѣ замѣчался расколъ: канцлеръ Турлау ненавидѣлъ перваго министра и глухо подкапывался подъ него. Питтъ полагался только на Дундаса и Гренвилля. Всѣ эти причины не позволяли ему примыкать къ коалиціи противъ Франціи, но и не поощряли къ сближенію съ нею. При такихъ-то обстоятельствахъ Талейранъ пріѣхалъ въ Лондонъ, съ цѣлью добиться нейтралитета Англіи и, если то окажется возможнымъ, расположить умы въ пользу союза.

Это были первые дебюты дипломата, которому суждено было играть впослѣдствіи такую крупную роль. Какъ ни блестяща и необычайна была эта роль, въ ней не было однакоже ничего неожиданнаго для этого человѣка. Талейранъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому революція рас-

чистила пути. Напротивъ, она повидимому увлекала его съ широкой дороги для того, чтобы вернуть на нее позднѣе на склонѣ лѣтъ, послѣ необычайныхъ приключеній, которыя, несмотря на блескъ удачи, долгое время низводили его на степень знаменитаго неудачника среди вліятельныхъ выскочекъ. При старомъ порядкѣ все, казалось, обѣщало ему доступъ къ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ. Если онъ уступалъ Ришелье въ широтѣ общихъ соображеній и послѣдовательности мышленія, а также въ твердости духа и той высокой геніальности, которая ставитъ человѣка выше его сана и званія, то несомнѣнно равнялся съ авторомъ пиренейскаго мира по гибкости ума, плодовитости и находчивости въ дѣлѣ изобрѣтенія способовъ дѣйствія и выхода изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. На его сторонѣ были также: и знатность происхожденія, недоставшая Мазарини, и кругъ совѣтниковъ, котораго лишенъ былъ Рецъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что онъ вполнѣ проникнутъ былъ духомъ своего вѣка, то есть несравненною тонкостью, изощренностью и обаятельностью ума. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы выдвинуть его на первый планъ. Нося одно изъ благороднѣйшихъ именъ во Франціи, епископъ въ тридцать пять лѣтъ, онъ былъ рожденъ кардиналомъ и министромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рожденъ былъ безпечнымъ, развращеннымъ и скептикомъ; ему было чуждо крупное сосредоточенное въ себѣ честолюбіе, которое медленно накопляетъ силы и ставитъ себѣ отдаленныя цѣли. Въ дѣтствѣ это былъ заброшенный, не согрѣтый нѣжностью ребенокъ: молодость протекла для него печально и болѣзненно. Карьеру свою онъ выносилъ, ненавидя ее, и смотрѣлъ на нее, какъ на опалу; лицемѣріе, котораго требовало его званіе, оскорбляло въ немъ гордость невѣрующаго и дворянское чувство чести; пресыщеніе и скука снѣдали его, порождая душевную тревогу, которую не могла заглушить разсѣянная жизнь: пустота сердца соединялась въ немъ съ безпокойствомъ ума, и онъ чувствовалъ непреодолимую потребность быть унесеннымъ изъ своей сферы волнами жизни. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ признавался, что избѣжалъ полнаго отчаянія лишь оцѣпенѣвъ въ индифферентизмѣ. «Я недостаточно любилъ другихъ, — говорилъ онъ; — но я и себя-то не любилъ и недостаточно интересовался собою... Революція нападала на принципы и обычаи, жертвою которыхъ я былъ самъ; мнѣ казалось, что она способна порвать мои цѣпи, она нравилась моему уму; я ревностно примкнулъ къ ея дѣлу, а затѣмъ мною располагали событія» [2]).

Вначалѣ онъ поддался теченію; позднѣе та же склонность, которая заставляла его отдавать себя на волю событій, заставила его стремиться

[2]) *Mémoires de madame de Rémusat*, Paris. 1880, t. III, p. 325—328.

къ направленію ихъ, обращенію въ свою пользу, а затѣмъ и къ созиданію ихъ. Дѣла, въ омутъ которыхъ онъ бросился ради развлеченія, стали для него потребностью. Къ тому же все располагало его къ этому: церковь дала ему первую выучку, Національное собраніе окончательно выработало его. Онъ обладалъ тѣмъ инстинктомъ, который въ каждомъ сцѣпленіи обстоятельствъ угадываетъ существенный элементъ, въ каждомъ кризисѣ — выдающагося человѣка и въ каждой задачѣ ея — практически возможное рѣшеніе; онъ питалъ отвращеніе ко всему парадоксальному, неясному, несоразмѣрному, однимъ словомъ, у него было чувство мѣры и, такъ-сказать, вкусъ въ политикѣ; онъ отличался способностью упрощенія, различенія основныхъ чертъ и умѣньемъ сгруппировать ихъ. Находчивость доходила у него до геніальности: онъ умѣлъ находить удачныя слова и выраженія, что дается только полною отчетливостью мысли, обладалъ искусствомъ держать себя въ свѣтѣ въ той же степени, какъ Вольтеръ владѣлъ искусствомъ писать. Бесѣда его была неподражаема, а умѣнье молчать доведено до изысканнаго совершенства. Безкорыстіемъ онъ не отличался, напротивъ, въ немъ замѣчалась даже алчность; онъ безъ зазрѣнія совѣсти облагалъ данью клієнтовъ своей дипломатіи и взималъ десятину съ прибылей республики; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ охотно согласовалъ свои выгоды съ государственной пользой, бралъ только съ тѣхъ, кому считалъ полезнымъ оказывать услуги, находя умѣстнымъ ни у кого не быть въ долгу и оставаясь всегда министромъ, даже въ своихъ поборахъ. Прибавьте къ этому невозмутимую самоувѣренность, которая порою, возвышалась до истинной неустрашимости, изумительную гибкость, съ которой умѣлъ подготовлять поворотъ въ политикѣ, величавое спокойствіе, съ которымъ объявлялъ о немъ. Спокойствіе не измѣняло ему въ самомъ цинизмѣ; порокъ былъ облеченъ у него въ ту обаятельную форму, которая ослѣпляетъ свѣтъ; умѣнье держать себя съ достоинствомъ предупреждало удивленіе и подавляло презрѣніе; соблюденіе внѣшнихъ приличій и неизмѣнный тактъ прикрывали дерзко-скандалезную жизнь: высокая умственная культура обособляла его нѣкоторымъ образомъ въ средѣ дурного общества и ограждала отъ панибратства подчиненныхъ; налетъ его либерализма пережилъ вынужденный и добровольный сервилизмъ; наконецъ, въ основѣ его характера лежала государственная доблесть, которая укрѣпилась со временемъ и до нѣкоторой степени загладила его слабости и недостатки: онъ искренно любилъ Францію [3]).

[3]) Ségur: *Histoire et Mémoires*, t. VII, p. 137. — Guizot, *Mémoires*, t. II, p. 266, 268, 269. — Mignet, *Portraits et notices*, t. I, art. *Talleyrand*. — Sainte-Beuve, *Nouveaux Lundis*, t. XII, art. *Talleyrand*. — Henri Litton Bulwer, *Essai sur Talleyrand*. trad. M. G. Perrot, Paris, 1868.

Въ 1792 году, Талейранъ былъ еще начинающимъ, неопытнымъ дипломатомъ; ему предстояло учиться дипломатическому искусству въ Лондонѣ. Онъ выказалъ не мало легкомыслія во время назначенія Жарри въ Берлинъ; еще болѣе опрометчивости проявилъ онъ во время подготовленія къ исполненію своей лондонской миссіи. Онъ избѣгалъ встрѣчъ съ лордомъ Гоуэромъ, интриговалъ противъ Питта, давалъ почувствовать, что онъ въ силахъ лишить его власти, и льстилъ себя надеждой подкупить, немедленно по своемъ прибытіи въ Лондонъ, всѣхъ нужныхъ людей. Эти неосторожныя рѣчи выслушивались, впрочемъ, съ нѣкоторымъ довѣріемъ вслѣдствіе того, что Талейранъ выбралъ себѣ въ товарищи Бирона. Предлогомъ для путешествія была закупка лошадей для французской арміи; но никто этому не вѣрилъ, и миссія приняла характеръ политической интриги, что громко говорилось при дворѣ. Вызвать въ королѣ Георгѣ предубѣжденіе противъ новаго посланника было не трудно. Эмигранты и агенты королевы усердно работали надъ этимъ, выставляя Талейрана англійскому государю въ самомъ отталкивающемъ свѣтѣ. Его называли вельможей-заговорщикомъ противъ короля, прелатомъ, цинично-похваляющимся вѣроотступничествомъ. Еще до пріѣзда его въ Лондонъ 24 января, отъ него отрекался французскій дворъ и въ средѣ людей его касты, пользующихся нѣкоторымъ вліяніемъ и довѣріемъ въ Англіи, онъ былъ окончательно дискредитированъ [4]).

Талейранъ везъ письмо де-Лессара къ графу Гренвиллю. Въ письмѣ объяснялось, что «бывшій отёнскій епископъ ѣдетъ въ Англію по лично касающимся до него дѣламъ». Г. Талейранъ, прибавлялъ министръ, —не можетъ брать на себя никакихъ дипломатическихъ функцій, «вслѣдствіе званія члена Національнаго собранія; но такъ какъ онъ имѣлъ возможность изучить наши политическія отношенія, и въ особенности отношенія наши съ Англіей, то я желаю, чтобы ваша свѣтлость соблаговолили побесѣдовать съ нимъ объ этомъ предметѣ». Повѣренный въ дѣлахъ Гирзингеръ получилъ приказаніе состоять при Талейранѣ; онъ устраивалъ ему свиданія съ Питтомъ и Гренвиллемъ и добился для него представленія ко двору. Сверхъ того у Талейрана были письма къ нѣкоторымъ представителямъ либеральной оппозиціи: лорду Ландсоуну, Фоксу, Шеридану, и онъ попытался втереться къ нимъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ благопріятное настроеніе и подъ первымъ впечатлѣніемъ сдѣланнаго ему пріема онъ писалъ въ Парижъ 27 января: «Сближеніе съ Англіей не химера». Вскорѣ

[4]) Ферзенъ Густаву III, 15 янв. 1792, *Мемуары*, т. II, стр. 132. Ла Маркъ Мерси 22 янв., *Corresp.*, t. III, p. 293. Моррисъ Вашингтону, 17 марта 1792. Отчетъ Гирзингера 17 янв. 1792.

вслѣдъ за тѣмъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, что Англія далеко не на пути къ такому сближенію.

Гирзингеръ ввелъ его къ Питту. Талейранъ уже ранѣе встрѣчался съ англійскимъ премьеромъ: они видѣлись въ 1783 г. у епископа Реймскаго, дяди Талейрана, во время поѣздки тогда еще молодого Питта въ Парижъ, вмѣстѣ съ Элліотомъ и Вильберфорсомъ. Талейранъ нашелъ, что Питту слѣдовало первому вспомнить объ этой встрѣчѣ. Этотъ личный оттѣнокъ предупредительности могъ указать на нѣкоторое желаніе прійти къ соглашенію. Питтъ предпочелъ обойтись безъ такой любезности и не сталъ вспоминать о дядюшкѣ, чтобы имѣть возможность не узнать племянника. Во время визита ограничились обмѣномъ свѣтскихъ вѣжливостей. То же самое произошло и у графа Гренвилля. Талейранъ представлялся королю 1 февраля, а королевѣ—2-го. Король сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на него никакого вниманія; королева повернулась къ нему спиною. Пріемъ при дворѣ опредѣлилъ и характеръ пріема его высшимъ обществомъ. Талейранъ увидѣлъ себя исключеннымъ изъ этого круга въ качествѣ опаснаго человѣка, агента мятежной партіи, котораго нельзя оттолкнуть, но и не слѣдуетъ считать за своего. Онъ тѣмъ чаще сталъ посѣщать домъ Ландсоуновъ. Здѣсь искали знакомства съ нимъ. Всѣ, кто не переставъ тяготѣть къ французскимъ идеямъ, съ нетерпѣніемъ ожидали появленія человѣка, принимавшаго столь дѣятельное участіе въ трудахъ Національнаго собранія. Талейранъ встрѣтилъ въ этомъ обществѣ Дюмона, котораго зналъ въ Парижѣ и который привелъ къ нему Дюроверэ, своего женевскаго соотечественника, одного изъ финансовыхъ дѣльцовъ Мирабо. Обращеніе и духъ епископа-царедворца, превратившагося въ апологета революціи, нѣсколько сбивали съ толку англичанъ, посѣщаемыхъ Талейраномъ. Они не находили въ немъ ничего, что отвѣчало бы общераспространеннымъ понятіямъ о французахъ: ни легкомыслія, ни болтливости, ни національной веселости. Онъ былъ «сентенціозенъ въ разговорѣ, холодно вѣжливъ и наблюдателенъ, дипломатически скрытенъ. Онъ оставлялъ въ обществѣ впечатлѣніе человѣка замѣчательно молчаливаго и замѣчательно блѣднаго». Все обаяніе свое онъ берегъ для болѣе тѣсныхъ личныхъ сношеній. Тогда онъ очаровывалъ «простотою, ласковостью, внимательностью, угодливостью, умѣлъ посмѣшить и позабавить» [5]).

Дѣловыя сношенія не завязывались; онъ наблюдалъ и, за невозможностью вести на практикѣ переговоры съ англичанами, онъ теоретически рѣшалъ болѣе успѣшные способы вести ихъ. Его письма министру за это время — не столько отчеты, сколько проекты

[5]) Dumont, p. 361, 362.—Bulwer, p. 24.

инструкціи. Англія, писалъ онъ, — находитъ свою выгоду въ нейтралитетѣ. Слѣдуетъ заставить ее еще сильнѣе почувствовать его необходимость и подкрѣпить свои разсужденія морской демонстраціей. «Мы бесѣдуемъ съ сѣверными державами, имѣя сто пятьдесятъ тысячъ солдатъ за плечами; я твердо увѣренъ, что для бесѣды съ англичанами требуется эскадра». «Настроеніе болѣе чѣмъ успокоительно, даже благопріятно, чтобы надѣяться на хорошіе результаты». Къ тому же недостаточно того, чтобы Англія оставалась нейтральною, надо, чтобы она объявила о своемъ нейтралитетѣ. Въ этихъ видахъ Франція должна внушить довѣріе, а для этого должна показать увѣренность въ собственныхъ силахъ. Слишкомъ много говорено было о ея слабости и немощности, о томъ, что у нея не имѣется никакой политики. «Франція должна умѣть себя поставить». Посредникъ, преданный революціи, долженъ убѣдить англичанъ въ томъ, что французская конституція обезпечиваетъ ихъ собственную и что интересы англійской торговли находятся въ зависимости отъ соглашенія съ Франціей. «Такой посредникъ долженъ дать почувствовать полезность союза, къ которому надо же намъ когда нибудь прійти...» Талейранъ полагалъ, что имѣетъ возможность приступить къ такимъ переговорамъ. Онъ, впрочемъ, готовъ былъ цѣнить вещи по ихъ настоящей стоимости и, въ случаѣ надобности, предлагалъ въ видахъ убѣжденія англичанъ уступить имъ Табаго, подъ условіемъ гарантированія французскому правительству займа въ размѣрѣ отъ трехъ до четырехъ милліоновъ фунтовъ. Его послали позондировать почву; онъ это исполнилъ. Теперь онъ ждалъ дальнѣйшихъ указаній и настоятельно требовалъ ихъ. «Вы мнѣ ничего не пишете»,— говорится въ его письмѣ къ Лессару отъ 14 февраля,—«не понимаю, почему вы это дѣлаете и увѣряю васъ, что это не хорошо».

Вскорѣ имъ овладѣло нетерпѣніе и уныніе. Извѣстія, приходившія изъ Франціи, колебали и ту небольшую долю расположенія, какую онъ успѣлъ пріобрѣсти. «Все, что внѣ Франціи,—писалъ онъ,—спрашиваетъ, къ кому же, наконецъ, можно обращаться и на кого расчитывать». Парижскія газеты осыпали его бранью и враги передавали эту брань въ Лондонѣ. Его изображали, какъ агента «орлеанистской шайки». Печатали во всѣхъ подробностяхъ мнимый разговоръ его съ Питтомъ: Питтъ, будто бы, позволялъ себѣ весьма ироническое отношеніе къ Франціи и не скупился на діатрибы по поводу конституціоннаго министерства [6]). Отго-

[6]) Питту приписывали слѣдующія рѣчи, что было очевидно грубымъ шаржемъ: «Прощайте; у меня свиданіе съ г. Моррисомъ, который теперь въ Лондонѣ съ порученіемъ работать въ направленіи, прямо противоположномъ вашему. Изъ этого слѣдуетъ, что въ ближайшей бесѣдѣ съ вами вы увидите меня болѣе свѣдущимъ въ вашихъ дѣлахъ.—Прекрасно, отвѣчалъ Талейранъ.—Я, съ своей стороны, отправляюсь къ Фоксу, чтобы онъ просвѣтилъ меня и по части вашихъ». *Moniteur*, 7 févr. 1792, t. XI, p. 313.

лоски скандала, разразившагося въ Берлинѣ вокругъ Сегюра, дошли и до Лондона. Бironъ доставилъ своимъ врагамъ случай къ еще болѣе громкому скандалу. 6 февраля его арестовали за долги; эту западню устроили эмигранты. Талейранъ освободилъ своего пріятеля на слѣдующей же недѣлѣ, но дѣло успѣло получить огласку и бросило тѣнь на все это французское посольство. Талейранъ, замѣтивъ, что почва ускользаетъ отъ него, рѣшился на слѣдующій шагъ.

15 февраля онъ отправился къ Гренвиллю. Разговоръ вышелъ изъ предѣловъ свѣтской банальности, но говорилъ одинъ Талейранъ. Въ продолженіе трехъ-четвертей часа онъ держалъ рѣчь, начавъ съ апологіи собственнаго образа дѣйствій по отношенію къ революціи. Онъ указалъ на желаніе Франціи—достигнуть соглашенія съ Англіей. «Я всегда утверждалъ,— сказалъ онъ,—что Англія—наша естественная союзница». Затѣмъ, онъ изложилъ положеніе дѣлъ въ королевствѣ, объяснилъ причину смутъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе столь великихъ преобразованій, изобразилъ энергію, проявляемую націей въ дѣлѣ защиты конституціи и отпора иноземному вторженію. Онъ отрицалъ всякое намѣреніе пропаганды. Франція, по его словамъ, въ концѣ концовъ дѣлала только то, что совершала у себя Англія въ предшествующія столѣтія. Въ заключеніе, онъ выразилъ пожеланіе тѣснаго союза, которымъ скрѣпилась бы гарантія обоюдныхъ владѣній въ Европѣ и на Востокѣ; послѣднія слова имѣли цѣлью успокоить лорда Гренвилля относительно Ирландіи. Изложивъ свое предложеніе, онъ просилъ своего собесѣдника не давать немедленнаго отвѣта и обдумать все вышесказанное. Невозможно было болѣе искусно принять въ соображеніе виды англійскаго министра. Гренвилль ограничился тѣмъ, что отвѣтилъ Талейрану, что онъ находитъ нужнымъ, «во вниманіе къ его требованіямъ, повидаться съ нимъ вторично, хотя въ то же время нашелъ, что лояльность заставляетъ его указать на безусловную невозможность входить въ какое бы то ни было дѣловое обсужденіе съ лицомъ, не облеченнымъ оффиціальною функціей». Этотъ отвѣтъ равнялся пораженію; Талейранъ пожелалъ увидѣть въ немъ поощреніе къ дальнѣйшимъ переговорамъ и написалъ Лессару о присылкѣ въ возможно-скоромъ времени формально аккредитованнаго уполномоченнаго. Онъ указалъ для этого на маркиза Шовелена, молодого человѣка, котораго считалъ незначущимъ и котораго надѣялся имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи. «Онъ необыкновенно уменъ,—великодушно прибавлялъ Талейранъ,—онъ искренно и опредѣленно относится къ революціи».

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Талейранъ получилъ

инструкцію изъ Парижа. Депеша Лессара помѣчена была 15-мъ февраля. По всей вѣроятности, она исходила изъ министерскихъ канцелярій; отъ нея не вѣяло новымъ духомъ, но зато она преисполнена была здравомыслія. Министръ отвергалъ мысль о морской демонстраціи: такая демонстрація повела бы къ разрыву, такъ какъ англичане не имѣютъ обыкновенія принимать рѣшеній подъ впечатлѣніемъ угрозъ. Слѣдовало откровенно объясниться съ ними по поводу намѣреній Франціи и ихъ собственныхъ. «Если загорится война, Нидерланды, прежде всего, сдѣлаются ея театромъ». По этому-то щекотливому пункту и слѣдуетъ позондировать Англію. Съ другой стороны, король Георгъ—ганноверскій электоръ: какова будетъ его роль въ Германіи? Если онъ ограничится, въ случаѣ надобности, доставленіемъ своего имперскаго контингента, то это не представитъ затрудненій; но если онъ направитъ въ Германію всѣ свои военныя силы, то уже не можетъ считать себя нейтральнымъ, въ качествѣ короля.

Эти инструкціи не отвѣчали вполнѣ желаніямъ Талейрана; онъ подвергъ ихъ нѣкоторымъ измѣненіямъ, но руководился ими при новомъ свиданіи съ лордомъ Гренвиллемъ, послѣдовавшемъ 1 марта. Англійскій министръ считалъ Талейрана «умнымъ и опаснымъ человѣкомъ». Онъ держался съ нимъ самаго сухого лаконизма, повторяя то, что уже было имъ высказано во время первой бесѣды. Это,—утверждалъ онъ,—единственный отвѣтъ, который можетъ быть данъ на предложенія Талейрана. Онъ увѣрялъ его однако же, что Англія не относится враждебно къ Франціи и что она отнюдь не желаетъ для нея продленія нынѣ существующихъ тамъ смутъ. Онъ защищалъ свое правительство отъ нареканія, приписывавшаго ему возбужденіе этихъ самыхъ смутъ. «Противъ насъ не можетъ быть выставлено ни малѣйшихъ доказательствъ», прибавилъ онъ. Тогда Талейранъ вернулся къ прежнимъ внушеніямъ, выдавая ихъ за свое личное мнѣніе. Онъ имѣлъ, впрочемъ, осторожность не упоминать болѣе о Табаго, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ компрометировалъ бы себя этимъ совершенно безполезно. Гренвилль уклонялся отъ всякихъ авансовъ. «Наконецъ,—писалъ Талейранъ,—я откровенно сказалъ ему, что для меня ясно и несомнѣнно заключеніе этого союза рано или поздно. На это онъ отвѣтилъ, что и самъ надѣется на такой исходъ». Выслушавъ эти благожелательныя слова, Талейранъ удалился. «Нейтралитетъ не подлежитъ сомнѣнію», писалъ онъ Лессару. Намѣренія Англіи далеко не тревожнаго свойства. Англійское правительство, ради собственныхъ выгодъ, благоразумія и даже по убѣжденію не захочетъ ни безпокоить насъ, ни противодѣйствовать намъ». Въ своемъ оптимизмѣ онъ надѣялся даже, что Англія не станетъ противиться вторженію въ

Бельгію, въ случаѣ войны между Франціей и Австріей, разсуждая слѣдующимъ образомъ: Англія болѣе всего опасается усиленія Австріи и Россіи; гагскій трактатъ 10 декабря 1790 г. никогда не былъ ратифицированъ; трактатъ этотъ, обезпечивавшій къ тому же Англіи только внутреннее спокойствіе Бельгіи, предусматривалъ революцію, но не вторженіе. «Могу васъ увѣрить,—писалъ въ заключеніе Талейранъ,—что я, съ своей стороны, желаю только оффиціальнаго положенія и времени, чтобы положить начало и упрочить здѣсь самыя полезныя для Франціи отношенія» [7]).

Поѣздка Талейрана въ Лондонъ сильно напоминала путешествіе туда же герцога Орлеанскаго въ началѣ революціи. Но съ 1790 года событія значительно созрѣли и иллюзіи, которыми обольщалъ себя этотъ принцъ, не могли обмануть надолго проницательность бывшаго отёнскаго епископа. По зрѣломъ размышленіи онъ понялъ, что Англія не желаетъ союза, а если бы она и пожелала его, то условія ея будутъ несовмѣстимы съ видами господствующей во Франціи партіи. Сверхъ того, для успѣха переговоровъ о такомъ союзѣ необходимо, чтобы во Франціи было правительство, представлявшее хоть какое-нибудь обезпеченіе, а именно этого лишенъ былъ Талейранъ. Письма близкихъ ему людей доказывали, что министерство поколеблено и ослаблено во всѣхъ отношеніяхъ. Кризисъ казался неминуемымъ. Талейранъ нашелъ, что не слѣдуетъ ожидать конца этого кризиса въ Лондонѣ. Онъ уѣхалъ, увозя съ собою Дюмона и Дюроверэ: онъ расчитывалъ на кредитъ этихъ двухъ женевцевъ, и въ особенности второго, пользовавшагося репутаціей революціонера, что могло подѣйствовать на Бриссо и расположить его въ пользу плановъ Талейрана. Всѣ три путешественника прибыли въ Парижъ 9 марта: они узнали тамъ, что Нарбоннъ лишился своего поста военнаго министра и что Бриссо собирался потребовать преданія суду де Лессара.

---

[7]) Письмо отъ 2 марта.

ОТНБ СОРАН

КНИГА IV

Война.

ГЛАВА I

Разрывъ съ Австріей.

1792.

I.

Жирондисты желали войны и путемъ войны добивались власти. Какъ и всѣ партіи, устранявшія одна другую и замѣщавшія другъ друга во время революціи, жирондисты смѣшивали торжество революціи съ собственнымъ успѣхомъ и общественное спасеніе—съ собственнымъ спасеніемъ. Восторженное стремленіе къ свободѣ, великодушнѣйшій прозелитизмъ, честолюбивое искаціе власти, любовь къ родинѣ, все соединялось и содѣйствовало тому, чтобы увлечь къ гибели эти безпокойные и химерическіе умы. Благородныя стремленія уживались въ нихъ съ весьма узкими страстями, и въ поступкахъ своихъ они руководились настолько же энтузіазмомъ, насколько и расчетомъ. Къ этому присоединялось много неосмотрительности и задорнаго легкомыслія, опьяняемаго борьбою, порывающагося къ славѣ и успѣху и не заботящагося о томъ, что послѣдуетъ на другой день послѣ побѣды. Они не помышляли о томъ, какъ будутъ управлять государствомъ, ставъ у кормила правленія, и ни мало не озабочивались этимъ вопросомъ, полагая, что геній революціи справится съ дѣломъ. Ослѣпленные идеями и самонадѣянно довѣряя своимъ силамъ, они шли въ битву, не безпокоясь о томъ, какая армія шла за ними: для нихъ достаточно было, чтобы эта армія толкала ихъ впередъ, чтобы мнить себя ея вождями. Имъ незнакома была отвѣтственность власти; имъ неизвѣстна была даже осторожность, внушаемая соображеніями государственной пользы. Всѣ средства казались имъ пригодными: такъ, они съ безпримѣрною неосторожностью вооружили тѣ самыя руки, которыя поразили ихъ впослѣдствіи и, такъ сказать, установили всѣ прецеденты собственнаго процесса. Они знали о намѣреніяхъ эмигрантовъ, подозрѣвали планы двора и не отдѣляли первыхъ отъ второго. Всѣ эти планы сводились ими къ полной контръ-революціи, то есть уничтоженію ихъ принциповъ, къ проскрипціи и даже личной гибели. Они видѣли себя окруженными заговорами. Однако, несмотря на зловѣщія предчувствія, смущавшія покой нѣкоторыхъ изъ нихъ и доводившія до галлюцинацій [1]), несмотря на «римскую печаль», напускаемую на себя другими, несмотря на постоянное ожиданіе «рѣзни и Варѳоломеевской ночи патріотовъ», поддерживаемое газетами, мы составили-бы себѣ ложное представленіе о томъ времени, если бы изображали его себѣ мрачными красками [2]). Настроеніе Франціи, и въ особенности Парижа, не было ни мрачно, ни уныло: ихъ попеременно волновали страхъ, гнѣвъ и надежда. Такіе рѣзкіе переходы отъ одного чувства къ другому выбивали людей изъ будничнаго строя души и вели ко всякаго рода крайностямъ. То были дни грозъ, давящихъ, но затѣмъ оживляющихъ природу и открывающихъ далекіе и сіяющіе горизонты по своемъ минованіи.

Жирондисты держались тактики, которую унаслѣдовали у нихъ всѣ послѣдующія революціонныя партіи: получить содѣйствіе національной гвардіи, вооруженныхъ секцій и парижской черни. Они восхваляютъ эту чернь; они повторяютъ, что она-то и есть народъ и верховный властитель; они потакаютъ ея инстинктамъ и разнуздываютъ ея вожделѣнія. Они не боятся возбудить ее къ соціальной войнѣ, чтобы сильнѣе воодушевить ее на войну съ внѣшнимъ врагомъ. Они поддерживаютъ ея подозрѣнія, смущаютъ и пугаютъ ее. Всѣ ихъ нападенія имѣютъ въ виду австрійскій комитетъ, неуловимый очагъ постоянно возникающихъ заговоровъ, тѣмъ болѣе страшныхъ, что они скрыты отъ всѣхъ глазъ. Жирондисты видятъ въ этихъ заговорахъ козни всѣхъ своихъ враговъ. Душою этихъ козней являлась королева; вокругъ нея группируются: Монморенъ, фельяны, тріумвираты, какъ называли—Дюпора, Барнава и Ламета. Министръ Лессаръ служитъ имъ агентомъ. Нарбонна, нѣкогда восхваляемаго, подозрѣваютъ въ сообществѣ съ ними. «Завтра наступитъ чередъ для принца Орлеанскаго, Дюмурье и Боннъ-Карера!» иронически замѣтилъ одинъ изъ членовъ правой. Этотъ депутатъ высказалъ свое мнѣніе въ видѣ шутки: въ слѣдующемъ году Бриссо, заподозрѣнный въ свою очередь, погибнетъ жертвой той самой паники, которую такъ ревностно вызывалъ во Франціи. Лессаръ занималъ постъ, который жирондисты находили для себя самымъ важнымъ и необходимымъ; у Лессара не было ни престижа, ни твердой почвы: онъ первый былъ преданъ суду.

Перваго марта онъ явился въ собраніе и прочелъ дипломатическую пе-

[1]) Шамфору казалось, что онъ стоитъ на готовой взорваться минѣ; Сіейсъ видѣлъ въ своихъ галлюцинаціяхъ, какъ голова его скатывается на коверъ. Dumont, ch. XIX, p. 391.

[2]) *Journal d'une bourgeoise*, p. 85—92.

переписку съ вѣнскимъ дворомъ, согласно съ рѣшеніемъ депутатовъ. Депеша Кауница Блумендорфу, отъ 17-го февраля, съ первыхъ словъ вызвала громкій ропотъ неудовольствія. Канцлеръ входилъ въ этой депешѣ въ пространныя объясненія по поводу прелиминарій конгресса и пильницкой декларацiи; онъ крайне строго судилъ о внутреннихъ дѣлахъ Франціи и о пропагандѣ; онъ приписывалъ причину безпорядковъ «вліянію и необузданности республиканской партіи»; онъ обращался для противодѣйствія этимъ опаснымъ элементамъ къ здравой и миролюбивой части націи. Составляя этотъ высокомѣрный и безтактный документъ, Кауницъ расчитывалъ внушить французамъ спасительный страхъ и привести ихъ къ раскаянію; вмѣсто того онъ вызвалъ всеобщее порицаніе. Враждебныя замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ, когда Лессаръ прибавилъ: «король отвергаетъ всякую мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Франціи; онъ извѣщаетъ о томъ вѣнскій кабинетъ; взамѣнъ своихъ миролюбивыхъ заявленій, онъ ожидаетъ, что Австрія выразитъ свое желаніе сохранить миръ «скорымъ, откровеннымъ и категорическимъ отвѣтомъ», искренность котораго докажетъ возвращеніемъ своихъ нидерландскихъ войскъ къ тому положенію, какое они занимали въ февралѣ 1791 года.—Эти сообщенія заняли все утреннее засѣданіе, на которомъ негодованіе проявилось въ еще болѣе бурной формѣ. Умѣренный тонъ лессаровскихъ депешъ былъ названъ трусостью. Собраніе рѣшило, что будетъ представленъ докладъ объ образѣ дѣйствій министра. Этимъ осуждается все правительство, и этого не скрываютъ. «Собранію слѣдуетъ взять въ свои руки исполнительную власть, или же король долженъ исполнить свой долгъ», сказалъ на другой день Камбонъ.

Министерство было близко къ паденію. Сторонники Барнава обвиняли Нарбонна въ сообщничествѣ съ жирондистами; сторонники Нарбонна обвиняли Барнава въ сообщничествѣ съ Австріей. Королева стремилась погубить однихъ посредствомъ другихъ. Нарбоннъ казался ей наиболѣе опаснымъ, а случай устранить его—удобнымъ. Подъ предлогомъ, что онъ «желалъ сдѣлаться министромъ націи и независимымъ отъ короля», Бертранъ, поддерживаемый товарищами, потребовалъ отъ Людовика XVI отставки военнаго министра [3]). Людовикъ охотно согласился и 9 марта замѣнилъ его полковникомъ де-Гравъ. Фельяны вообразили, что одержали побѣду, избавясь отъ компрометирующаго коллеги, который вовлекалъ ихъ въ безразсудную войну; Собраніе весьма скоро отняло у нихъ эту иллюзію.

Корреспонденція, сообщенная 1-го марта Лессаромъ, была передана дипломатическому комитету. Докладъ поручено было сдѣлать Бриссо. Послѣ засѣданія, какой-то иностранецъ, присутствовавшій при чтеніи доклада,

[3]) Ферзенъ Густава III. 24 марта 1792. Feuillet, t. V, p. 359. Кочубей Воронцову, 12 марта 1792. *Архивъ князя Воронцова*, т. XVIII, с. 28.

замѣтилъ Бриссо и Клавьеру, что обвиненія, выставленныя противъ министра, неопредѣленны и противорѣчивы [4]). Бриссо слушалъ съ насмѣшливою улыбкой. «Это—рѣшающая мѣра!» воскликнулъ онъ. «Небходимо отправить Лессара въ Орлеанъ [5]). Мы должны опередить якобинцевъ, и это преданіе суду докажетъ, что мы ранѣе ихъ сдѣлали то, что они сдѣлали-бы сами. Я знаю, что онъ будетъ оправданъ, потому что у насъ имѣются одни подозрѣнія и никакихъ доказательствъ; но мы будемъ въ выигрышѣ, если удалимъ его изъ министерства. Мы должны спасти Францію и не сможемъ уничтожить иначе австрійскій комитетъ, какъ поставивъ вѣрнаго человѣка во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ». «Онъ дошелъ до того», передаетъ очевидецъ, «что я слышалъ, какъ онъ предлагалъ переодѣть нѣсколько человѣкъ солдатъ въ австрійскіе уланскіе мундиры и велѣть имъ произвести ночное нападеніе на какія-нибудь французскія деревни; при полученіи извѣстія объ этомъ можно-бы внести предложеніе въ Законодательное собраніе и добиться восторженнаго декрета». Неспособность двора избавила Бриссо отъ труда прибѣгнуть къ подобной стратагемѣ и доставила Жирондѣ случай, въ которомъ она нуждалась.

Утромъ 10-го марта все способствовало возбужденію въ Собраніи того лихорадочнаго состоянія, которое всегда предшествуетъ парламентскимъ катастрофамъ. Извѣстіе объ отставкѣ Нарбонна и вѣсть о смерти Леопольда одновременно получены были въ корридорахъ Собранія. Междуцарствіе, наступавшее въ имперіи, замѣчали по этому поводу, замедлитъ вооруженія; отъ этого можетъ пострадать соглашеніе между Австріей и Пруссіей; радовались опалѣ Флориды-Бланки въ Испаніи и вступленію въ кабинетъ Аранды, на котораго, какъ думали, можно положиться. Коалиція, повидимому, была разстроена; дворъ терялъ союзниковъ. «Обѣ враждующія партіи одинаково взвѣсили и оцѣнили послѣдствія измѣнившагося положенія вещей, и ужасъ одной изъ нихъ былъ равенъ дерзости другой» [6]). Жирондистская партія немедленно воспользовалась смятеніемъ правой. Едва успѣлъ президентъ прочитать Собранію лаконическое письмо, которымъ Людовикъ XVI извѣщалъ о смѣщеніи Нарбонна, какъ раздались громкіе протесты со скамей лѣвой. Собраніе, которое еще наканунѣ готово было обвинять этого министра въ измѣнѣ, вотировало теперь сожалѣніе по поводу его отставки. Затѣмъ Бриссо приступилъ къ чтенію своего доклада и начали разыгрываться сцены, не разъ съ какимъ-то монотоннымъ трагизмомъ повторявшіяся въ знаменательные дни революціи. Эти сцены и сто лѣтъ спустя еще производятъ впечатлѣніе, благодаря своему нѣсколько теат-

[4]) Dumont, ch. XIX, p. 378—411.

[5]) Мѣстопребываніе верховнаго суда (haute cour de justice).

[6]) Пелленкъ ла-Марку, 11 марта 1792. *Corresp.*, t. III, t. 296..

ральному характеру [7]). Въ тотъ день Бриссо читалъ назиданіе Бареру и ткалъ канву всѣхъ послѣдующихъ обвинительныхъ актовъ: это было патетическое изобличеніе темнаго комплота, въ которомъ инсинуаціи замѣняли доказательства, а окрикъ заступалъ мѣсто обсужденія; въ видахъ поддержанія обвиненія, трибуны покрывали голоса защитниковъ заказанными заранѣе возгласами, приводившими въ ужасъ судей. Если мы сравнимъ докладъ Бриссо со всѣми тѣми, которые выслушивались въ 1793 и 1794 годахъ и подъ ударами которыхъ послѣдовательно погибали министры, король, жирондисты, дантонисты, Робеспьеръ и сами монтаньяры, то увидимъ, что планъ остается неизмѣннымъ, постановка засѣданія совершенно тождественна, и измѣняются лишь одни имена обвиняемыхъ. Подобно гильотинѣ, которой оно поставляло жертвы, это инквизиторское краснорѣчіе глухо и слѣпо: оно убиваетъ не слыша и не видя.

Противъ Лессара существовали одни подозрѣнія; но удары, направленные противъ министра, перелетаютъ, такъ сказать, черезъ его голову и поражаютъ королевскую фамилію. Это чувствовалось всѣми; въ этомъ заключался патетическій интересъ того дня. Бриссо предлагаетъ предать суду Лессара и пригласить вѣнскій дворъ объявить, что онъ отказывается отъ плана европейскаго вмѣшательства во французскія дѣла. Жирондисты, поддерживаемые всей лѣвой и трибунами требуютъ немедленнаго голосованія. Фельяны внушаютъ, что слѣдовало-бы отложить его и выслушать министра. «Для того, чтобы декретировать обвиненіе, достаточно и подозрѣній», отвѣчаетъ Верньо. Но что за дѣло до Лессара и его защиты? Это лишь простые инциденты начинающагося процесса. Напоминая о знаменитыхъ словахъ Мирабо, Верньо воскликнулъ: «Съ этой трибуны виденъ дворецъ, гдѣ коварными совѣтами вводятъ въ заблужденіе короля... Страхъ и ужасъ нерѣдко исходили изъ этого дворца; да войдутъ же они въ него сегодня именемъ закона! Пусть всѣ, кто обитаетъ въ немъ, знаютъ, что одинъ король неприкосновененъ, что законъ покараетъ тамъ, безъ различія, всѣхъ виновныхъ и что ни одна голова, преступленіе которой будетъ доказано, не избѣгнетъ законной кары!» Декретъ былъ принятъ при громкихъ рукоплесканіяхъ.

Между тѣмъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ съ тоскою и страхомъ прислушивались къ отголоскамъ этого страшнаго засѣданія. Королева находилась еще подъ впечатлѣніемъ неожиданной смерти брата, когда пришли сообщить ей, что въ тотъ же день долженъ быть приведенъ въ исполненіе давно подготовляемый заговоръ, въ которомъ герцогъ Орлеанскій и Лафайетъ участвовали на ряду съ Бриссо, Сіесомъ, Кондорсе и Нарбонномъ: планъ заговорщиковъ состоялъ въ лишеніи власти короля и секвестрѣ дофина. Но, прибавляли вѣстовщики, маневръ этотъ успѣли предупредить и единственной жертвой будетъ Лессаръ; тѣмъ не менѣе необходимо безотлагательно принять серьозное рѣшеніе. Такія-то рѣчи держали королевской семьѣ единственные выслушиваемые ею приближенные. То, что происходило въ Собраніи, повидимому, подтверждаетъ ихъ разсказы. Къ тому же король и королева готовы на все. Угрозы, раздающіяся вокругъ нихъ, возвѣщаютъ тотъ послѣдній кризисъ, отъ котораго они вынуждены ждать избавленія. Европа принуждена будетъ прійти наконецъ къ нимъ на помощь. Имъ извѣстно, что переговоры въ видахъ коалиціи возобновлены. Они надѣются, что Францъ будетъ дѣятельнѣе и горячѣе отца и что событія заставятъ его дѣйствовать. Они говорятъ себѣ, что война, которою думаютъ погубить ихъ, дастъ имъ случай спастись. Отказываться отъ нея—значило подтвердить справедливость подозрѣній; слѣдуетъ смѣло высказаться за войну и смутить жирондистовъ, отдавшись въ ихъ руки. Они хотятъ власти; имъ дадутъ эту власть и тѣмъ самымъ сразу уничтожатъ ихъ, давъ себѣ возможность и время дождаться прибытія союзниковъ. Королева отправила Гогела въ Вѣну 13-го марта, поручивъ ему передать Францу записку въ двѣ строки; затѣмъ она сожгла свои бумаги и дала знать Ферзену, что онъ не долженъ писать ей. »Король», передаетъ одинъ очевидецъ, «держитъ себя въ своей домашней жизни какъ человѣкъ, готовящійся къ смерти». «Безъ всякой опоры, безъ совѣта и утѣшенія они съ твердостью и покорностью судьбѣ ждутъ участи, которую имъ готовятъ, не имѣя никакого средства избѣжать ее...» писалъ Ферзенъ, послѣ свиданія съ эмиссаромъ Тюильрійскаго дворца. «Вотъ каково раздирающее душу положеніе Бурбонскаго дома: единственной надеждой является для него помощь иностранныхъ державъ; вся надежда его основана на ихъ великодушіи» [8]).

Людовикъ XVI принялъ отставку своихъ министровъ и обратился къ жирондистамъ для назначенія имъ преемниковъ. Вожди жирондистской партіи, по конституціонному закону, не могли стать непосредственно у кормила правленія. Подобно Барнаву и Ламетамъ, въ фельянскомъ министерствѣ они поставили вмѣсто себя второстепенныхъ лицъ. Де-Гравъ остался военнымъ министромъ; Лакостъ сдѣлался морскимъ, а Дюрантонъ—хранite-

[7]) Современники, свидѣтели и дѣйствующія лица именно такъ и смотрѣли на эти сцены. Госпожа Жюльенъ (де-ла-Дромъ), фанатичная республиканка, но добросовѣстная свидѣтельница, писала по выходѣ изъ одного изъ такихъ засѣданій въ 1792. «Засѣданіе было исполнено постоянно и до конца возрастающаго интереса, точно Провидѣніе создало для этого дня великолѣпную трагедію, жгучій интересъ которой усиливался съ каждой сценой». *Journal d'une bourgeoise*, 30 avril 1792, p 79.

[8]) *Correspondance de la Marck*, t. III, p. 278. Feuillet, t. V, p. 361.

лемъ государственной печати. Для министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ необходимы были болѣе извѣстные люди: государственная казна требовала ловкаго министра, а полиція—человѣка съ тактомъ. Финансы были поручены Клавьеру: французъ по происхожденію, женевецъ—по своей второй родинѣ, агитаторъ, журналистъ и неутомимый писатель брошюръ, одинъ изъ сотрудниковъ Мирабо, сдѣлавшійся совѣтниковъ Бриссо, человѣкъ предпріимчиваго ума, не лишенный проницательности и тонкости, не обладавшій истинною отвагой, но упорный и настойчивый въ силу самолюбія выскочки, онъ полагалъ, что во Франціи можно безъ труда установить народовластіе, которое не удалось ему ввести въ Женевѣ [3]). Роланъ, котораго назначили министромъ внутреннихъ дѣлъ, выказалъ на этомъ посту стоическія добродѣтели, пріемы педагога, безсиліе идеалиста, смущеннаго событіями, и неспособность приказчика, заваленнаго дѣлами. Но несравненно важнѣйшее значеніе имѣлъ въ данную минуту постъ министра иностранныхъ дѣлъ, ради котораго жирондисты и начали борьбу 10 марта. Внѣшнія дѣла были единственною отраслью управленія, отъ которой еще не вполнѣ отказался дворъ, и въ министры иностранныхъ дѣлъ нельзя было предложить королю перваго попавшагося пріятеля. Жиронда остановила свой выборъ на генералѣ Дюмурье, воображая, что ничего болѣе удачнаго невозможно было и изобрѣсти.

II.

Сразу выдвинувшись въ первый рядъ, Дюмурье былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ и главнокомандующимъ. Что всего болѣе изумляетъ въ этомъ внезапномъ возвышеніи, это множество неожиданныхъ рессурсовъ, проявленныхъ этимъ выскочкою, своего рода вдохновеніе, внѣшніе признаки великаго человѣка, чѣмъ онъ вовсе не былъ... Любопытенъ этотъ романъ, сотканный интригою и обманувшій на минуту аллюрами грандіозности въ періодъ своего главнаго кризиса и своихъ перипетій, за которыми послѣдовала измѣна и заключительная катастрофа. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ превратностяхъ, Дюмурье оставался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ всегда. Связь между разнообразными ролями, которыя онъ сыгралъ, слѣдуетъ искать въ его прошломъ.

Отецъ его былъ военнымъ комиссаромъ; въ 1757 году онъ служилъ при войскахъ маршала д'Эстре, дѣйствовавшихъ въ Германіи противъ прусской арміи. Дюмурье, которому было тогда восемнадцать лѣтъ, сопровождалъ отца въ этой экспедиціи и отправился, «желая», по его словамъ, «всякаго успѣха великому Фридриху» [1]). Онъ дебютировалъ одновременно и на военномъ поприщѣ и на поприщѣ интригъ. Онъ близко видѣлъ непріятеля и имѣлъ случай изучить веденіе большой войны; этимъ впрочемъ и ограничилось его военное образованіе, такъ какъ ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ онъ уже не принималъ участія до самаго того времени, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ. Въ 1763 году по заключеніи мира онъ получилъ чинъ капитана и крестъ св. Людовика съ 600 ливровъ пенсіи. Въ этомъ заключалась для него вся выгода этой кампаніи. Онъ возвратился раненый и разочарованный, но преисполненный восторженнаго поклоненія къ прусскому королю [2]) и жестокой ненависти къ Австріи. Это обстоятельство сблизило его съ Фавье, съ которымъ ему пришлось встрѣтиться по возвращеніи во Францію; они подружились, и эта дружба имѣла рѣшающее вліяніе на будущность Дюмурье [3]). Наживъ себѣ множество враговъ, по причинѣ своего характера, и ведя крайне безпорядочную жизнь, Фавье не успѣлъ сдѣлать карьеры и оказался въ области дипломатіи такимъ же неудачникомъ, какимъ былъ Дюмурье въ военной сферѣ. Оба принадлежали къ разряду недовольныхъ, но такъ какъ Фавье былъ много старше Дюмурье, то онъ былъ болѣе закоренѣлымъ и радикальнымъ недовольнымъ. Онъ внушилъ своему ученику презрѣніе къ оффиціальной дипломатіи, ненависть къ людямъ съ чиновнымъ положеніемъ и суевѣрное пристрастіе къ тайной политикѣ, какъ къ единственному пути, при помощи котораго оба они еще могли попытать счастья. Онъ внушилъ ему свои воззрѣнія, планы и систему.

Между тѣмъ приходилось искать средствъ къ существованію. Дюмурье добивался дипломатическаго порученія въ Италію, а пока присвоилъ себѣ миссію самозваннымъ образомъ. Такъ началъ онъ бродячую жизнь, которую велъ долгое время, съ которой разстался въ краткій періодъ политической грозы и къ которой вернулся для того, чтобы завершить свою жалкую жизнь такъ, какъ и началъ ее—въ трактирахъ и на окольныхъ дорогахъ. Въ Корсикѣ происходила революція, это привлекло его; онъ компрометируетъ себя тамъ и бѣжитъ въ Испанію, затѣмъ перебирается въ Португалію, возвращается въ Парижъ и получаетъ, наконецъ, отъ Шуазёля дипломатическую миссію въ Польшѣ, гдѣ и заканчиваетъ свое конспираторское и партизанское образованіе. Замѣшанный въ послѣдній темный заговоръ тайной дипломатіи Людовика XV, онъ попа-

[3]) Mallet du Pan, t. II, p. 267.—Dumont. p. 398.

[1]) *Mémoires de Dumouricz*, Hamburg, 1794, Paris 1822.

[2]) «Фридрихъ—величайшій изъ королей міра». *Instructions de Dumouriezà Naillac*, 1 avril 1792.

[3]) О Фавье и его системѣ см. главу: *Политическіе нравы и традиціи*. Также: Senac de Meilhan, *le Gouvernement, les moeurs et les conditions en France avant la Révolution, éd. Lescure*, Paris, 1862, p. 439.

даетъ въ Бастилію [4]). Здѣсь онъ занимается чтеніемъ серьезныхъ книгъ, смѣется надъ своими судьями и терпѣливо ждетъ помилованія, которое даровалъ ему Людовикъ XVI при вступленіи своемъ на престолъ. Въ 1789 г. онъ состоялъ комендантомъ въ Шербургѣ, составляя безконечныя докладныя записки, имѣвшія цѣлью доказать пользу и указать средства основанія въ шербургскомъ портѣ большой верфи. Работа эта не доставляла ему ни славы ни выгоды, а онъ жадно стремился и къ тому и къ другому.

Въ Шербургѣ онъ съ великимъ трудомъ добился своей невысокой должности, послѣ тридцати лѣтъ тревожной жизни, въ теченіе которыхъ онъ болѣе занимался дипломатическими дѣлами, чѣмъ военными, и еще болѣе всякаго рода кознями и происками. Въ основѣ характера его лежало честолюбіе: его преслѣдовала неудача, и онъ сдѣлался безпокойнымъ фрондёромъ, недовольнымъ. Изъ оставшихся въ живыхъ членовъ тайнаго министерства Людовика XV, нѣкоторые знали Дюмурье и видѣли въ немъ непризнаннаго генія. Въ военномъ министерствѣ его считали взбалмошнымъ человѣкомъ; въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ смотрѣли на него, какъ на сумасброда и опаснаго агента. И вотъ онъ безплодно тратитъ силы въ провинціальной глуши, вѣчно въ долгу, мотъ и нищій въ одно и то же время, считаетъ себя пригоднымъ для всякаго рода должностей, нетерпѣливо грызетъ сковывающую его цѣпь ничтожества, толкается всюду, терпитъ оскорбительныя неудачи и послѣ преисполненной такими неудачами жизни, ждетъ наступленія того возраста, когда и самые отважные и самонадѣянные перестаютъ надѣяться на непредвидѣнные и счастливые повороты судьбы. А между тѣмъ, все это было лишь преддверіемъ его карьеры. Но какъ могъ онъ сознавать это? Судьба, выпавшая на его долю, была изъ тѣхъ, которыя ускользаютъ отъ какихъ-бы то ни было вычисленій и превосходятъ самыя дерзкія мечты.

Революція открыла предъ нимъ какъ бы новый міръ. Ему показалось, что она именно для него то и создана. Вотъ почему онъ сталъ на сторону ея принциповъ, не понимая истиннаго характера и значенія этой революціи ни прежде, ни послѣ. Онъ увидѣлъ въ ней прежде всего поводъ для перемѣщенія должностныхъ лицъ, случай реванша для потерпѣвшихъ крушеніе во времена стараго порядка. Онъ былъ слишкомъ измятъ жизнью, слишкомъ утомленъ своими долгими блужданіями, слишкомъ домогался личнаго успѣха, чтобы понять и оцѣнить чистоту, великодушіе и безкорыстіе перваго порыва французской революціи. Онъ не принадлежалъ къ поколѣнію юныхъ героевъ; между его настроеніемъ и душевнымъ строемъ какого-нибудь Марсо, Гоша, Дезэ не было ничего общаго. Въ его глазахъ

[4]) См. *Le secret du roi*, par le duc de Broglie, Paris, 1879, liv. II, ch. IX.

французская революція не была возрожденіемъ человѣчества. Для него это былъ вопросъ карьеры — и только. Онъ отдался революціонному потоку съ полнѣйшимъ скептицизмомъ, съ полнымъ равнодушіемъ къ выбору средствъ и расчитывая играть съ этой революціей какъ въ былыя времена игралъ съ фрондой Рецъ, какъ Фридрихъ игралъ съ философіей и «просвѣщеніемъ». Дюмурье смотрѣлъ на революцію, такъ сказать, со стороны: онъ судилъ о французскихъ партіяхъ какъ иностранецъ: хитрилъ, договаривался, сносился съ ними, твердо рѣшившись пользоваться всѣми и не отдаваться никому. Тѣмъ не менѣе и онъ былъ человѣкомъ того времени, читалъ Жанъ-Жака, пропитанъ былъ Дидеротомъ, легко приходилъ въ волненіе и проливалъ слезы. Къ тому же онъ былъ во всемъ изумительнымъ импровизаторомъ, и его краснорѣчивый задоръ могъ сойти за истинное вдохновеніе. Необыкновенная гибкость его темперамента, способность ассимиляціи и удивительно-искусная мимика дѣлали изъ него рѣдкаго артиста, умѣющаго создать роль, отождествить себя съ изображаемымъ дѣйствующимъ лицемъ и играть эту роль съ убѣжденіемъ. Онъ могъ говорить языкомъ энтузіазма и по временамъ даже ощущать это чувство; но, сойдя со сцены и очутившись у себя дома, онъ становился тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ: до геніальности ловкимъ дѣльцомъ, лишеннымъ какихъ-бы то ни было нравственныхъ правилъ.

Въ философіи онъ былъ деистомъ, въ политикѣ — конституціонистомъ, но прежде всего былъ онъ солдатомъ, то есть врагомъ безпорядка, презиравшимъ «чернь», стремящимся къ сильному правительству, которое гарантировало-бы реформы, мечтающимъ покончить съ этой революціей, которая разразилась ему на пользу; позднѣе онъ сказалъ Людовику XVI, что необходимо примѣниться къ обстоятельствамъ, «дѣйствовать въ духѣ якобинцевъ, усвоить ихъ духъ, ихъ рѣчь для того, чтобы ловчѣе обмануть ихъ впослѣдствіи». Однимъ словомъ, онъ совѣтовалъ идти съ якобинцами до той поры, когда явится возможность идти противъ нихъ [5]). Онъ задумалъ медленное обходное движеніе и одинъ изъ первыхъ искалъ спасенія государства во вмѣшательствѣ войска.

У него были связи съ вліятельными людьми; при ихъ содѣйствіи лѣтомъ 1790 г. онъ отправился въ Бельгію изучать на мѣстѣ будущее поле своихъ дѣйствій и битвъ [6]). По возвращеніи онъ получилъ чинъ генералъ-маіора и постъ командующаго войсками въ Ніорѣ. Здѣсь онъ сблизился съ Жансонне, который и познакомилъ его съ жирондистами. Ненависть къ Австріи замѣнила ему демократическіе принципы и доставила доступъ къ Бриссо. Но онъ не пренебрегалъ и связями, имѣвшимися у него при дворѣ. Министръ двора

[5]) *Mémoires de Malouet*, t. II, p. 207

[6]) *Mémoires*, t. II, liv. II, ch. IV, Bornet, t. I, p. 169.—Juste, t. II, p. 211.

Лапортъ зналъ его уже издавна. Дюмурье увѣрилъ его, что бросился въ революцію съ исключительною цѣлью спасти монархію. Когда партія, стоявшая за войну, одержала верхъ, а маневръ короля въ видахъ сохраненія короны сошелся съ комбинаціей революціонеровъ, имѣвшихъ цѣлью лишить его этой короны, тогда Дюмурье оказался необходимымъ министромъ. Онъ заручился довѣріемъ жирондистовъ и въ то же время тайно выралъ готовность служить королю. Такимъ-то образомъ, 15 марта 1792 г., Людовикъ XVI назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. «Я буду работать на широкомъ, очень широкомъ поприщѣ», говорилъ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ Дюмурье Шуазёлю, посылавшему его тогда въ Польшу. Онъ долго ждалъ своего часа, часъ этотъ наступилъ. Если война приметъ несчастный оборотъ и королевская власть рушится во время кризиса, онъ станетъ необходимымъ человѣкомъ и ему предложатъ диктатуру; если, напротивъ, война будетъ счастлива и ему удастся спасти монархію,—онъ будетъ коннетаблемъ. Дюмурье игралъ, такъ-сказать, навѣрняка и начиналъ свою грандіозную партію съ невозмутимымъ довѣріемъ къ своей счастливой судьбѣ,

Ему было тогда пятьдесятъ три года: «Это былъ коренастый, приземистый, нервный человѣкъ; лицо его было вульгарно, почти некрасиво, но съ пріятной физіономіей: маленькіе, живые и смѣлые глаза, большой ротъ, кроткая, а порою хитрая и презрительная улыбка... тонъ голоса ясный и твердый, рѣзкія, но не грубыя манеры, нѣкоторая сдержанность въ движеніяхъ». Тщательно напудренные волосы, изысканность въ костюмѣ и ничего напоминающаго наемнаго солдата или выслужившагося офицера; еще менѣе казался онъ фанатикомъ или пуританиномъ; образованный, начитанный, вѣжливый, остроумный, одинаково привычный и къ лагернымъ и къ министерскимъ нравамъ, онъ ближе подходилъ къ типу штабнаго офицера Фридриха II, чѣмъ къ типу приближеннаго Кромвеля или Вашингтона [7]).

Онъ дождался наконецъ великой удачи. Жизнь дала ему все для эксплуатированія счастливаго стеченія обстоятельствъ, но ничего для того, чтобы съумѣть стать выше ихъ. Онъ знакомъ былъ съ дѣлами, примѣнялся къ нимъ съ изумительною умственною гибкостью и неусыпною зоркостью, обладалъ глазомѣромъ, находчивостью, изобрѣтательностью. Но ему знакома была одна закулисная, такъ сказать, подпольная дипломатія. Геніальность его была второразрядная. Онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе лицамъ, и въ особенности собственной личности, слишкомъ мало считался съ событіями, ожидая успѣха отъ игры мелкихъ страстей, которыми умѣлъ управлять, и теряя изъ вида благородные импульсы, по-

[7]) Roederer, t. III, p. 274.—*Notes de Stahremberg*, Vivenot, t. III. p. 4.

тому что они были ему чужды; онъ былъ слишкомъ искуснымъ интриганомъ, слишкомъ вѣрилъ во всемогущество хитрости. Проницательность его была такого свойства, что онъ ясно видѣлъ только предметы, находящіеся на близкомъ разстояніи, и не различалъ того, что находилось на высотахъ. Самомнѣніе заставляло его обманываться въ выборѣ средствъ и не оцѣнивать по достоинству препятствій; наконецъ, неисправимая опрометчивость портила все и постоянно порывала нить его намѣреній. Въ немъ были несомнѣнныя политическія дарованія, но они являлись въ рамкѣ тайнаго агента, пріемы котораго онъ сохранилъ и сдѣлавшись министромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ военный человѣкъ онъ сохранилъ привычки оратора и партизана. Онъ могъ, въ силу своей даровитости «быть принятымъ за великаго человѣка» [8]), но ему не доставало главнаго свойства, а именно—характера. Бурныя волны, въ которыя онъ бросился, подняли его очень высоко, но, очутившись на берегу, онъ явился такимъ, какимъ выработало его двусмысленное существованіе. Его поперемѣнно и чрезъ весьма краткій промежутокъ времени видѣли героемъ и измѣнникомъ. Въ сущности, въ его натурѣ уживались оба эти элемента: прежде всего онъ былъ авантюристомъ.

III.

Дюмурье занялъ министерскій постъ, вооруженный готовою политическою программою и окруженный людьми, которымъ приходилось доставить мѣста [1]). Онъ смѣстилъ прежнихъ должностныхъ лицъ: Жерара, Рейневаля и Геннена, казавшихся ему недостаточно вѣрными людьми, и замѣнилъ ихъ людьми новаго направленія и на которыхъ, по его мнѣнію, можно было положиться. Боннъ-Карреръ занялъ постъ старшаго директора. Лебрену Тондю, въ качествѣ старшаго секретаря, поручена была переписка съ Англіей, Голландіей и Бельгіей; дипломатическая переписка съ Германіей поручена была одному изъ старыхъ товарищей Дюмурье, а также и Робеспьера, нѣкоему Ноэлю, бывшему тонзурованному клерку, затѣмъ учителю и наконецъ журналисту. Въ посольскомъ персоналѣ Дюмурье готовилъ большія перемѣны, но большая часть выбранныхъ имъ агентовъ уже и ранѣе извѣстны были въ дипломатическихъ сферахъ [2]). Они были простыми орудіями революціи, подготовляемой имъ въ области дипломатіи. Онъ рѣшился произвести из-

[8]) Mignet, *Histoire de la Révolution française*.

[1]) Dumouriez, *Mémoires*, liv. III, ch. VI.—Masson, *Affaires étrangères*, ch. IV

[2]) Де Мольде—въ Гагу, Нальякъ—въ Цвейбрюккенъ, Семонвиль—въ Туринъ, Вернинакъ—въ Стокгольмъ, Вибрэ—въ Копенгагенъ, Макко—въ Неаполь· Монтескіу (сынъ генерала)—въ Дрезденъ, Мезоннёвъ—въ Штутгардъ, Кальяръ—въ Ратисбоннъ, Виллярсъ—въ Майнцъ, Понса—въ Кельнъ.

мѣненіе фронта передъ лицомъ непріятеля и осуществить въ самый разгаръ европейскаго кризиса *Conjectures raisonnées* учителя своего Фавье. Планъ былъ остроуменъ въ общемъ и отличался даже глубиною въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Это уже не были робкія комбинаціи Нарбонна или неловкіе и затрудненные пріемы Лессара. Дѣло объ эмигрантскихъ сборищахъ и эльзасскихъ князьяхъ, послужившее исходною точкой конфликта, отодвинуто было на второй планъ и становилось простымъ аксессуаромъ. Главною и прямою цѣлью поставлена была война съ Австріей, и театръ войны переносился изъ Трира въ Нидерланды.

Дюмурье исходилъ изъ того, впрочемъ совершенно вѣрнаго, положенія, что Европа смотритъ на Францію, какъ на разлагающееся государство, какъ на вторую Польшу; что сосѣднія державы желаютъ, какъ и въ Польшѣ, воспользоваться анархіей для вмѣшательства, а вмѣшательствомъ—для раздѣла; что болѣе отдаленныя державы предоставятъ дѣйствовать другимъ, не желая препятствовать предпріятію, или же не имѣя возможности присоединиться къ нему. Возвѣщали о конгрессѣ; это не что иное, какъ предисловіе раздѣла. Необходимо было разстроить образующуюся лигу, отдѣлить Австрію отъ союзниковъ и воспользоваться раздраженіемъ ея бельгійскихъ подданныхъ для смѣлаго перенесенія войны въ ея предѣлы. «Я совѣтовалъ наступательную войну,—писалъ Дюмурье нѣкоторое время спустя по вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ [3]),—потому что я находилъ ее полезною въ Нидерландахъ: 1) въ видахъ удаленія бѣдствія и безпорядковъ на границѣ, находящейся въ пятидесяти льe отъ Парижа; 2) потому что бельгійскій народъ, повидимому, только ждалъ нашего вторженія въ Нидерланды для того, чтобы отдаться дѣлу свободы... потому что я зналъ о недостаточности національныхъ средствъ для веденія войны [4])... Я не обманывалъ себя относительно недостатка дисциплины въ войскахъ, неопытности офицеровъ, и даже нѣкоторыхъ генераловъ; но я полагался на храбрость французовъ»...

Довѣріе это не лишено было основанія; событіе подтвердило мнѣніе Дюмурье. «Мы выдержимъ эту войну съ энергіей и даже съ успѣхомъ,—писалъ онъ 30 марта [5]),—потому что не могутъ быть удачны военныя операціи, комбинированныя совмѣстно столькими державами, а также и потому, что жажда свободы овладѣетъ всѣми наемниками, которые придутъ въ соприкосновеніе съ нами». «Каковы-бы ни были наши первыя военныя попытки» [6]), писалъ онъ около того же времени, «если даже превосходство дисциплины доставитъ на первыхъ порахъ нѣкоторый успѣхъ врагамъ Франціи, никогда не будутъ они въ состояніи восторжествовать надъ сопротивленіемъ многолюдной, мужественной и поголовно-вооруженной націи, которая въ два мѣсяца выслала къ границѣ сто тысячъ рекрутъ вмѣсто пятидесяти тысячъ, которыхъ отъ нея требовали, которая владѣетъ поземельною собственностью, достаточною для покрытія всѣхъ своихъ долговыхъ обязательствъ, націи, на которую подданные государей, желающихъ угнетать, смотрятъ уже какъ на свою освободительницу и которая имѣетъ двѣсти тысячъ десятинъ хорошей земли, «отобранной отъ мятежныхъ подданныхъ и могущей быть предложенной непріятельскимъ солдатамъ, если они предпочтутъ гнетущему ихъ ярму званіе свободныхъ людей и солдатъ-гражданъ»... Это была пропаганда въ древне-римскомъ вкусѣ, и государства стараго порядка никогда не отказывались отъ этого способа вербовки сторонниковъ и поощренія друзей. Россія готовилась примѣнить его въ широкихъ размѣрахъ по отношенію къ Польшѣ, и Дюмурье только пользовался въ интересахъ свободы однимъ изъ древнѣйшихъ способовъ обольщенія, практиковавшимся деспотическими правительствами. Всѣ соображенія его проникнуты старымъ духомъ; новый духъ только скрашиваетъ поверхность, и революція по его плану является какимъ-то поводомъ и импульсомъ къ традиціонной войнѣ.

Планъ этой войны былъ обдуманъ Дюмурье издавна. Въ немъ онъ только давалъ практическое примѣненіе весьма распространеннымъ, въ средѣ дипломатовъ и военныхъ людей того вѣка, идеямъ о расширеніи предѣловъ Франціи и о системѣ ея границъ. Въ прежнее время онъ излагалъ свои проекты Лессару, который не обратилъ на нихъ вниманія. Главная мысль заключалась въ томъ, чтобы «держаться строго оборонительнаго положенія повсюду, гдѣ горы, какъ напримѣръ Альпы и Пиренеи, или рѣки, какъ напримѣръ Рейнъ, представляли естественную преграду; тамъ же, гдѣ такой преграды не существовало, переступать границу и вести наступательную войну». На югѣ онъ предполагалъ «захватить всѣ владѣнія сардинскаго короля до самыхъ Альпъ». На сѣверѣ — вторгнуться въ Бельгію и люттихскія земли, а позднѣе, если представится возможность, завладѣть и провинціями, лежащими вдоль лѣваго берега Рейна.

Рѣшивъ предупредить такимъ образомъ непріятельское нападеніе и

[3]) Проектъ письма дипломатическому комитету, 1 мая 1792.

[4]) Онъ прибавлялъ, что «важнымъ преимуществомъ этого плана является возможность найти въ богатой странѣ денежныя средства, могущія уменьшать затрудненія, въ которыя поставила бы насъ чисто-оборонительная война». Докладъ Собранію 4 мая 1792. См. Mathiez Dumas, t. II, p. 503.

[5]) *Réflexions pour la négociation d'Angleterre en cas de guerre*, 30 mars 1792.

[6]) *Projet d'instructions pour* M. M. *Chauvelin, Talleyrand et Duroverai*, 19 avril 1792.

непосредственно перенести войну на классическое поле битвы Франціи, Дюмурье находилъ, что нечего хитрить съ Австріей и терять время на дипломатическія формальности. Рѣшительный тонъ, котораго требовали его намѣренія, льстилъ его личнымъ антипатіямъ: онъ ненавидѣлъ Австрію и Кауница и самолюбію его доставляло острое удовольствіе унижать австрійскій дворъ и его министра, относившагося къ нему въ былое время съ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ. 18-го марта онъ препроводилъ весьма настоятельныя инструкціи къ Ноалю. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ къ нему пріѣхалъ курьеръ отъ этого посланника; онъ привезъ крайне сухую ноту Кауница, помѣченную 18 числомъ. Австрія и не думала о разоруженіи; она не признавала основательности неудовольствій Франціи, подтверждала свои собственныя и настаивала на необходимости вмѣшательства державъ. Дюмурье отвѣтилъ 27-го марта настоящимъ ультиматумомъ: Франція не уступитъ ни въ чемъ и потребуетъ полнаго удовлетворенія по всѣмъ пунктамъ ранѣе 15-го апрѣля; если же за этотъ срокъ ей станетъ извѣстно, что вооруженія Австріи продолжаются, она посмотритъ на нихъ какъ на объявленіе войны. Онъ прочиталъ ноту Кауница Собранію и объявилъ, что имъ потребованы категорическія объясненія. Увѣренный, впрочемъ, что Австрія не отступитъ передъ войной, онъ занялся подготовленіемъ военныхъ операцій.

Въ Бельгіи онъ хотѣлъ вызвать возстаніе, которое облегчило бы вторженіе французскихъ войскъ. Сосѣднія державы почувствовали бы послѣдствія этого возстанія. Въ Голландіи было множество недовольныхъ; «патріотическая партія», побѣжденная пруссаками въ 1788 г., ожидала только удобной минуты для возмездія. Штатгальтеру и его сторонникамъ пришлось бы призадуматься. Вторженіе въ Бельгію, сверхъ того, не только застало бы врасплохъ Австрію, но парализовало бы и Англію. По старымъ примѣрамъ можно было бы предположить, что наступленіе французовъ должно бы и въ 1792 г. повлечь за собою заступничество Англіи за Австрію. Но Дюмурье расчитывалъ на обратный результатъ. Дѣло въ томъ, что онъ не имѣлъ въ виду присоединять Бельгію. Онъ хорошо зналъ эту страну; ему было извѣстно, что за исключеніемъ демократовъ, представлявшихъ слабое меньшинство, бельгійское населеніе относится къ французской революціи еще болѣе враждебно, чѣмъ къ австрійскому господству. Оно готово было привѣтствовать французовъ, если бы они явились освободителями, но неминуемо возстало бы противъ нихъ, еслибы послѣдніе вздумали «революціонировать». Однимъ словомъ, они желали быть свободными на свой образецъ. Дюмурье предполагалъ установить въ Бельгіи федеративную республику, подъ болѣе или менѣе явнымъ протекторатомъ Франціи. Эта комбинація, примирявшая

принципъ отреченія отъ завоеваній съ интересами, требовавшими ослабленія Австріи, была и весьма естественна и весьма практична. Дюмурье надѣялся также, что Англія покорится ей во избѣжаніе прямого присоединенія Бельгіи и въ особенности революціи въ Голландіи. Онъ поручилъ Маре сгруппировать усилія всѣхъ противниковъ Австріи въ Нидерландахъ и держать въ рукахъ всѣ нити. Онъ сблизился съ этимъ человѣкомъ, возлагалъ на него большія надежды и возбуждалъ его честолюбіе. Въ видахъ доставленія опытности, онъ разсказывалъ ему о своихъ кампаніяхъ въ Польшѣ, подготовляя ему, какъ онъ увѣрялъ, аналогичную роль въ Бельгіи, но при лучшихъ условіяхъ и съ большими шансами на успѣхъ.

Дюмурье совѣтовалъ Маре и другимъ агентамъ Франціи не опираться исключительно ни на какую партію, потому что ни одна изъ нихъ не могла достигнуть преобладанія. Необходимо дѣйствовать на всѣ и если возможно соединить ихъ. «Старайтесь», писалъ онъ одному изъ своихъ эмиссаровъ, «чтобы изъ всѣхъ своихъ теперешнихъ чувствъ они сохранили одну только ненависть къ австрійскому дому и желаніе стряхнуть съ себя его иго». Вотъ все, что ему было нужно въ ту минуту, такъ какъ дальнѣйшіе замыслы зависѣли отъ образа дѣйствій Англіи. Онъ предоставлялъ себѣ всѣ шансы и не обязывался никому. Подготовивъ такимъ образомъ нападеніе на австрійцевъ, Дюмурье сталъ заботиться объ изолированіи Австріи.

Онъ обратился къ Пруссіи. Онъ зналъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ, окруженный эмигрантами, увлеченный своими любимцами, горячо стоялъ за войну и шумно готовился къ крестовому походу королей; но онъ говорилъ себѣ также, что у Пруссіи есть свои традиціи, интересы и историческія необходимости; что соперничество съ Австріей — первое и послѣднее слово ея политики, что если эти два наслѣдственные врага сблизились на нѣкоторое время, то единственно для того, чтобы вѣрнѣе обмануть затѣмъ другъ друга; что въ Берлинѣ, даже при дворѣ, въ канцлерствѣ и въ войскахъ существуетъ партія прусскихъ философовъ, клонящая въ сторону Франціи и враждебная Австріи; что рано или поздно эти причины сблизятъ Пруссію съ Франціей и оторвутъ ее отъ коалиціи. Этотъ результатъ долженъ быть достигнутъ со временемъ; Дюмурье хотѣлъ ускорить наступленіе этого времени. Уже 18-го марта онъ написалъ Кюстину депешу, заключавшую въ себѣ обратно противоположное тому, что содержала посланная въ тотъ же день депеша Ноалю. Онъ извѣщалъ юнаго дипломата, что король назначалъ его уполномоченнымъ посломъ и посылалъ ему вѣрительныя грамоты, полагаясь на него относительно ихъ примѣненія. Кюстинъ не долженъ былъ начинать переговоры неудач-

нымъ приступомъ и худшимъ было бы то, если бы его выпроводили, не пожелавъ выслушать. Онъ долженъ былъ отстаивать правоту французскихъ намѣреній. Онъ долженъ былъ сказать, что все зло проистекло изъ угрозъ, сдѣланныхъ Франціи путемъ эмигрантскихъ сборищъ въ Германіи, у самыхъ французскихъ границъ. Это должно быть прекращено посредствомъ лойальныхъ объясненій: «война между Пруссіей и Франціей была бы противна всѣмъ основамъ здравой политики обѣихъ державъ. Эти-то основы должны были бы руководить на будущее время всѣми переговорами между французскимъ и прусскимъ королями. Обѣ державы—естественныя союзницы; всякій другой союзъ, съ той и другой стороны, могъ бы быть лишь вынужденнымъ и временнымъ и повелъ бы лишь къ непрестаннымъ войнамъ. Такъ и настоящая коалиція является чудовищною съ политической точки зрѣнія и не произведетъ ничего, кромѣ ужасовъ войны, имѣющей разорить всѣ воюющія державы, и въ которой, даже въ случаѣ успѣха, доля Пруссіи равнялась бы нулю». Итакъ, Кюстину предстояло предлагать Пруссіи не только миръ, но даже прямой союзъ. «Если пруссаки», писалъ Дюмурье, «выкажутъ готовность, я испрошу согласія короля для разрѣшенія вамъ вести переговоры быстро и прямо и для устраненія всѣхъ затрудненій».

Въ видахъ поддержки, а можетъ быть и наблюденія за Кюстиномъ, Дюмурье присоединилъ къ нему двухъ секретарей: Ривальса, у котораго были полезныя знакомства въ Германіи, и де-Бей, хвалившагося личнымъ знакомствомъ съ Герцбергомъ. Оба они должны были ѣхать въ Берлинъ окольнымъ путемъ и останавливаться по дорогѣ при дворахъ мелкихъ германскихъ государей. Впрочемъ ни тотъ ни другой не пользовались безусловнымъ довѣріемъ Дюмурье; единственное лицо, отчасти посвященное въ его тайны, былъ нѣкій Бенуа, писатель и въ то же время агитаторъ, человѣкъ честолюбивый и не лишенный ловкости и интригантства. Этотъ агентъ, бывшій весьма дѣятельнымъ во время революціи, успокоился во время имперіи, а при реставраціи сдѣлался графомъ, государственнымъ министромъ и членомъ королевскаго совѣта. Онъ, дѣйствительно, способенъ былъ понимать на полусловѣ и подготовлять въ тѣни проведеніе весьма сложныхъ замысловъ Дюмурье, расчитывавшаго на престижъ имени Фридриха и на популярность союза съ Пруссіей, чтобы имѣть возможность замаскировывать свои двусмысленные переговоры съ Берлиномъ. Въ то время, какъ въ Парижѣ Дюмурье подготовлялъ для себя роль спасителя отечества, въ Берлинѣ онъ долженъ былъ открыть себѣ путь къ совершенно иной роли, а именно: возстановителя монархіи. Въ этомъ-то и заключалась щекотливая миссія, порученная имъ Бенуа.

Недостаточно было расположить къ себѣ Пруссію; необходимо было

еще и нейтрализовать имперію. Дюмурье надѣялся успѣть въ этомъ, благодаря содѣйствію мелкихъ государствъ юга и центра Германіи. Онъ, не безъ основанія, предполагалъ, что даже тѣ изъ этихъ государствъ, которыя побуждали ранѣе къ конфликту, боятся войны, что они будутъ стараться предотвратить ее, во избѣжаніе сопряженныхъ съ нею расходовъ, и, наконецъ, что союзъ между Австріей и Пруссіей считается ими почти настолько же опаснымъ, какъ и сама французская революція. Дюмурье поручилъ своимъ агентамъ успокоить ихъ. Въ Штутгартѣ, напримѣръ, Мезоннёвъ долженъ былъ объявить, «что французская нація и король прекрасно съумѣютъ отличить германскую лигу отъ деспотической и духовной лиги, имъ угрожающей». Де Бей долженъ былъ повторять повсюду и въ особенности при южныхъ дворахъ, что Франція не перейдетъ Рейна и будетъ нападать на короля Богеміи не иначе, какъ въ Нидерландахъ. Дюмурье старался внушить довѣріе даже курфирстамъ кельнскому и майнцскому. Сейму онъ послалъ профессіональнаго агента, искусившагося въ переговорахъ съ Германіей, Кальяра, которому поручено было пустить тамъ въ ходъ всѣ старыя пружины, разъединить обѣ главныя державы, отдалить отъ нихъ мелкія, просвѣтить и поддержать слабыя, поднять сеймъ на ту высоту, съ которой низвела его Австрія и на которую онъ былъ поставленъ Франціей во времена дю Беллэ, отца Жозефа, Сервіена, де-Ліонна и д'Авô. Относительно нѣмецкихъ владѣтелей въ Эльзасѣ, Дюмурье допускалъ только отдѣльные переговоры на началѣ денежнаго вознагражденія. Французскіе агенты въ Германіи должны были внушать, что было бы совершенно безполезно требовать отъ Франціи отмѣны основныхъ началъ ея новой конституціи. «Князьямъ приходится выбирать между справедливой сдѣлкой и всѣми опасностями войны», долженъ былъ заявить Кальяръ. Почему бы не вернуться имъ къ политикѣ вестфальскихъ трактатовъ? «Франція въ настоящую минуту—единственная держава, могущая спасти германскую свободу». Такія рѣчи относились, главнымъ образомъ, къ Баваріи: Австрія уже хотѣла раздѣлить ее и замышляетъ присоединить, переведя династію въ Нидерланды; Франція не перестанетъ этому противиться; она подняла Пруссію въ ущербъ Австріи, — въ ея интересахъ создать между Пруссіей и Австріей третью державу, которая разъединяла бы и сдерживала ихъ: такая именно роль предназначается баварскому дому, и эта роль можетъ открыть ему блестящую будущность.

Надѣясь на нейтралитетъ Германіи, Дюмурье въ то же время былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что добьется его отъ Даніи и Швеціи: одинъ Густавъ III желалъ войны и его только что убили. Россія хотя и враждебна, но вѣдь она далеко. Дюмурье угадывалъ ея намѣренія и не

боялся ихъ. Итальянскія государства были слабы и ихъ также нечего было опасаться: морская демонстрація принудила бы Неаполь къ нейтралитету. Болѣе трудно было бы привести къ этому Сардинскаго короля, но этотъ государь любилъ приращенія территоріи и не любилъ Австріи. Дюмурье надѣялся, что, предложивъ ему Ломбардію, онъ заставилъ бы его воздержаться отъ рискованной войны, не могущей доставить ему иныхъ пріобрѣтеній, кромѣ именно этого. Взамѣнъ Франція возьметъ Ниццу и Савойю. Голландія слѣдуетъ за Англіей, Испанія боится ея. Голландія не двинется безъ поддержки англичанъ. Пока Англія держится нейтралитета, Испанія не отважится присоединяться къ коалиціи; для того, чтобы выступить противъ Франціи, она должна быть увѣрена, что англичане не воспользуются ея затрудненіями на континентѣ и не атакуютъ ея колоній. Слѣдовательно воздержаніе этихъ двухъ державъ зависѣло отъ лондонскаго двора. Нейтралитетъ Англіи былъ безусловно необходимъ для успѣха плановъ Дюмурье.

Онъ полагалъ, что успѣетъ его добиться: если не затрогивать англичанъ въ ихъ наиболѣе существенныхъ интересахъ, то не придется бояться нападенія съ ихъ стороны. Можно-ли было ждать большаго, то есть прочнаго сближенія ихъ съ новой Франціей? На это расчитывали нѣкоторые и ихъ поощрялъ Талейранъ. По возвращеніи въ Парижъ въ началѣ марта, онъ еще положительнѣе подтверждалъ то, что писалъ изъ Лондона: «Епископъ Отенскій», передаетъ несомнѣнно свѣдующій Монморенъ, «обнадежилъ людей, здѣсь правящихъ, что Англія ни въ какомъ случаѣ не будетъ противъ насъ, даже если бы мы напали на Брабантъ». Это вполнѣ согласовалось съ видами Дюмурье, но ему не нравился посредникъ.

Талейранъ былъ не въ его вкусѣ; онъ предпочелъ бы менѣе сложную натуру и человѣка, на преданность котораго могъ бы расчитывать вполнѣ. Талейранъ, съ своей стороны, не особенно восхищался Дюмурье: «Онъ дѣятеленъ въ своемъ вѣдомствѣ,—писалъ Талейранъ пріятелю своему Бирону;—въ сущности его депеши хороши, но имъ недостаетъ благородства языка«. Тѣмъ не менѣе имъ выгодно было сблизиться, у нихъ были общіе друзья и они сговорились. Талейранъ желалъ возвратиться въ Лондонъ менѣе, быть можетъ, ради той роли, которую пришлось бы тамъ выполнить, чѣмъ для того, чтобы избѣжать роли, ожидавшей его въ Парижѣ. Сіейсъ сблизилъ его съ Жирондой. Бриссо не любилъ его, но зналъ, что кредитъ Талейрана при дворѣ подорванъ, и это перевѣшивало всѣ остальныя соображенія. Однако Талейранъ не могъ быть оффиціальнымъ посланникомъ и потому придумали назначить подставное лицо, которому присвоено было бы это званіе, безъ возложенія на него веденія

дѣлъ. «Необходимо», говоритъ Дюмурье въ своемъ докладѣ королю 28 марта 1792 г., «чтобы это лицо зависѣло вполнѣ отъ г. Талейрана и не могло бы ничего дѣлать отъ себя и самостоятельно, такъ какъ это должно быть только подставное лицо. Я предлагаю для этой роли г. Шовелена, какъ подходящаго г. Талейрану человѣка». Дюмурье ошибался. Шовеленъ менѣе чѣмъ кто-либо пригоденъ былъ для такого скромнаго и щекотливаго положенія. Позднѣе этотъ эксъ-маркизъ и эксъ-гражданинъ сдѣлался графомъ имперіи и членомъ государственнаго совѣта. Во время своей миссіи онъ былъ еще очень молодъ, крайне тщеславенъ, полонъ самодовольства и оказался весьма неудобнымъ эмиссаромъ, плохимъ наблюдателемъ и неловкимъ посредникомъ.

Эти переговоры съ Англіей, повидимому, составляли главный предметъ стараній Дюмурье; онъ посвятилъ имъ двѣ обширныя записки: эти документы всего лучше могутъ разъяснить намъ его политическіе виды и надежды. Англія, говоритъ онъ, повидимому, склонна къ нейтралитету, но пока это одно намѣреніе, а словесныя увѣренія въ немъ недостаточны: ихъ нельзя считать обязательствомъ. Намъ нужно большее. Нидерланды будутъ театромъ войны. «Возможно, что Англія будетъ недовольна вторженіемъ въ эти прекрасныя провинціи и покажетъ видъ, что считаетъ это началомъ присоединенія ихъ къ Франціи. Слѣдуетъ предупредить это, указавъ на необходимость, заставляющую насъ переходить въ наступленіе и разоблачить грозящую намъ коалицію... Этотъ концертъ, соединяющій иностранныя державы съ цѣлью повліять на конституцію, которую Франція только что ввела у себя, есть въ сущности не что иное, какъ обширный заговоръ деспотовъ, направленный противъ свободныхъ государствъ. Это—возобновленіе предпріятій, нѣкогда задуманныхъ Людовикомъ XIV и повторенныхъ послѣ него Испаніей и Швеціей съ цѣлью заставить Англію снова призвать Стюартовъ. Мы не думаемъ, чтобы министерство и британская нація пожелали присоединиться къ концерту, нарушающему у сосѣдняго народа тотъ самый принципъ, которому Великобританія обязана своимъ благоденствіемъ и послѣ того, какъ она основала свою конституцію на неотъемлемомъ правѣ народа на преобразованіе своего образа правленія и на измѣненіе порядка престолонаслѣдія. Англія должна успокоиться и по поводу нашихъ намѣреній... Мы заявляемъ, что не желаемъ ни сохранить за собою, ни присоединять Нидерландовъ къ нашему государству. Англія не имѣетъ причинъ противиться нашему предпріятію; она должна пригласить голландцевъ къ сохраненію нейтралитета. Какой интересъ можетъ побуждать ее къ поддержанію коалиціи Австріи, Пруссіи и Россіи, коалиціи, которая сдѣлаетъ ихъ господами Сѣвера и Востока, Балтійскаго и Чернаго морей? Къ тому

же успѣхъ этой лиги не представляется вѣроятнымъ: она разъединена, а французы единодушны. Разсмотримъ вѣроятные результаты. Побѣда коалиціи равнялась бы расчлененію Франціи. Австрія возьметъ, въ такомъ случаѣ, Эльзасъ и Лотарингію; но вѣдь не одна она будетъ брать; прочія державы захотятъ вознагражденія; будутъ произведены раздѣлы въ Германіи, въ Курляндіи, Турціи и Польшѣ; эти раздѣлы нанесли бы ущербъ Англіи, и она должна предупредить ихъ. Кромѣ того, если коалиція восторжествуетъ, она возстановитъ старый порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскій союзъ и «Семейный Договоръ». Вотъ первая гипотеза. Вторая и болѣе вѣроятная, въ виду рессурсовъ страны и благодаря патріотическому порыву, это—успѣхъ Франціи, а вслѣдствіе того развитіе ея громадныхъ торговыхъ богатствъ. Франція выйдетъ изъ борьбы еще болѣе могущественной и цвѣтущей. Англія должна рѣшить: задерживать ли ей или поощрять это развитіе. Если она будетъ противъ насъ, она разоритъ нашу торговлю, но вмѣстѣ съ тѣмъ разоритъ и свою собственную. Она будетъ вынуждена, какъ во время Семилѣтней войны, нанимать арміи въ Германіи; что же можетъ она выиграть? Наши колоніи? Онѣ опустошены, находятся во власти анархіи и, къ тому же, англичане встрѣтятся тамъ съ испанцами и американцами, которые будутъ оспаривать у нихъ господство. Французы въ видѣ компенсаціи оставятъ за собою Бельгію, утвердятся на Рейнѣ и уже однимъ своимъ присутствіемъ вызовутъ революцію въ Голландіи. Будетъ ли безраличенъ для Англіи союзъ съ укрѣпленной и расширенной Франціей? Англійское министерство должно подумать о томъ, «на что способна будетъ Франція, когда преобразованы будутъ ея финансы и когда всѣ части управленія подчинены будутъ строгому режиму свободы... Не удобнѣе ли начать съ того, чѣмъ придется кончить? Не удобнѣе ли положить конецъ ненавистному соперничеству, разъединяющему двѣ націи, созданныя для взаимнаго согласія?

«Расчитайте,—долженъ былъ сказать Талейранъ,—расчитайте, во что обойдется потеря союза съ Голландіей, открытіе свободнаго доступа къ Шельдѣ и все, чего придется опасаться отъ прироста населенія на пятьшесть милліоновъ и отъ обладанія богатой и обильной страной. Если вы нанесете ударъ нашей конституціи, вы сами принудите насъ распространять и наши владѣнія и духъ нашей свободы. Вы сдѣлаете насъ завоевателями, помимо нашей собственной воли, такъ какъ мы должны будемъ оставить за собою эти прекрасныя провинціи въ видѣ залога за то, что вы у насъ отнимаете... Если же вы сохраните нейтралитетъ, мы можемъ быть увѣрены, что разобьемъ многочисленную, но непрочную лигу нашихъ враговъ. Вы можете даже помочь намъ сдержать прусскаго короля и Голландію. Въ этомъ случаѣ вы становитесь уже нашими друзьями и естественными союзниками; соперничество между нами прекратится, и мы вмѣстѣ съ вами станетъ всемірными владыками мира и войны».

Это уже планъ союза. Талейранъ долженъ былъ предложить его формально. Союзники обезпечили-бы другъ другу всѣ обоюдныя владѣнія въ Европѣ и обѣихъ Индіяхъ. Надлежало условиться относительно континентальной и торговой политики, а также и по поводу колоній. Новый Свѣтъ довольно обширенъ для того, чтобы подѣлить его. Дюмурье открываетъ по этому случаю самыя широкія и блестящія перспективы. Если Испанія окажется враждебной, можно будетъ разсмотрѣть, «не наступила ли минута для Франціи, Великобританіи и, если окажется необходимымъ, для сѣверной Америки создать какую-нибудь обширную комбинацію, могущую открыть этимъ тремъ державамъ торговлю съ испанскими владѣніями, какъ въ Южномъ Океанѣ, такъ и въ Атлантическомъ». Это были выгоды въ будущемъ; а до тѣхъ поръ Франція выказывала готовность подтвердить торговый договоръ, заключенный въ 1786 году. Дюмурье надѣялся, что эта уступка заставитъ англійское правительство согласиться гарантировать французскому заемъ въ 3 или 4 милліона фунтовъ стерлинговъ, который заключать въ Лондонѣ. «Если окажется необходимымъ, въ видахъ полученія такой гарантіи, принести нѣкоторыя жертвы», говорилось въ инструкціи Талейрана, «то король разрѣшаетъ вамъ предложить Великобританіи уступку острова Табаго, пріобрѣтеннаго нами по заключеніи послѣдняго мирнаго договора. Жители острова почти всѣ британскаго происхожденія; ихъ нравы и обычаи, языкъ и интересы ставятъ ихъ въ необходимое общеніе съ прежней родиной. Это обстоятельство заставляетъ насъ надѣяться, что британская торговля будетъ дорожить возвращеніемъ названнаго острова. Со своей стороны, его величество полагаетъ, что предлагая его Англіи, *подъ непремѣннымъ условіемъ согласія самого населенія острова*, тѣмъ самымъ даетъ этой державѣ удостовѣреніе въ дружественномъ расположеніи французскаго народа и желаніи уничтожить послѣдніе слѣды неудовольствія между обѣими націями».

Однимъ словомъ, это былъ проектъ соглашенія съ Англіей, на основаніи сходства въ формахъ правленія, скрѣпленный сверхъ того и торговымъ договоромъ; крупное затрудненіе, порождаемое соперничествующими притязаніями обѣихъ державъ на Бельгію, улаживалось установленіемъ въ этой странѣ федеративной республики, по самому своему характеру предназначенной для нейтралитета; далѣе проектировалось освобожденіе испанскихъ колоній; открытіе обширныхъ рынковъ для французской и англійской торговли; миръ на континентѣ гарантировался и предоставлялся на

усмотрѣніе двухъ наиболѣе могущественныхъ государствъ Европы: все это было далеко не пошло и вмѣстѣ съ тѣмъ не сумасбродно. То, что Дюмурье предлагалъ съ цѣлью предотвращенія ужасной двадцатитрехлѣтней войны, было именно то, что придумали впослѣдствіи для избѣжанія ея повторенія. Эти самыя комбинаціи взяли верхъ въ слѣдующемъ вѣкѣ и обезпечили умиротворенной Европѣ нѣсколько лучшихъ годовъ цивилизаціи и благоденствія. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить въ проектахъ Дюмурье капитальную фразу, въ которой заключалась цѣлая программа будущаго и которая представляетъ дѣйствительное примѣненіе идей 1789 года въ сферѣ публичнаго права: *подъ непремѣннымъ условіемъ согласія самого населенія.* Франція ставила это условіе по поводу возможной уступки одной изъ своихъ колоній, она ставила его также и по поводу своихъ видовъ на Бельгію.

Между тѣмъ какъ Дюмурье обдумывалъ и наскоро набрасывалъ эти инструкціи, событія шли ускореннымъ ходомъ. Коалиція составлялась въ Германіи, а въ Парижѣ съ каждымъ днемъ усиливалась опасность для королевской семьи, смѣлость анархистовъ и сила революціи. Министерство давало свободно протекать потоку, волны котораго принесли его къ власти и который еще держалъ его у кормила. Дюмурье не разсчиталъ могущества этого потока: въ этомъ состояла непоправимая ошибка его политическихъ комбинацій. Онъ не принялъ въ соображеніе бури, то есть той самой силы вещей, которая сдѣлала его министромъ Людовика XVI. Онъ здраво судилъ о Европѣ, но ошибался относительно положенія Франціи, сущности революціи и характера патріотизма, къ которому присоединилось фанатическое теченіе, превратившее въ завоевательный прозелитизмъ первый порывъ національной самозащиты. Онъ встрѣтилъ на своемъ пути революціонную пропаганду, тайную придворную дипломатію и интриги эмиграціи—все это шло наперекоръ его планамъ. Ткань этихъ плановъ была слишкомъ тонка; она не могла противостоять этимъ тремъ теченіямъ.

IV.

Агентъ двора, Гогела, пріѣхалъ въ Вѣну ранѣе министерскихъ курьеровъ. Онъ явился съ запиской королевы и письмами отъ Бретейля и де-Мерси, которыя принялъ находясь проѣздомъ въ Брюсселѣ. 30-го ему дана была аудіенція у Кобенцеля. Онъ описалъ ужасающее положеніе королевской фамиліи, сообщилъ о заговорѣ, составленномъ противъ королевы, о неминуемости войны и прибавилъ, что ее начнутъ переходомъ чрезъ Рейнъ и нападеніемъ на Сардинію. Король и королева отрекались отъ всего, что вынуждаемы были дѣлать и говорить; они просили объ одномъ: чтобы

Европа пришла къ нимъ немедленно на помощь, убѣжденные въ томъ, что какъ только будетъ объявлена война, вокругъ нихъ составится большая партія, и эта партія поддержитъ иностранцевъ. Франція отнесется къ союзникамъ какъ къ избавителямъ, лишь бы они не изъявляли намѣренія возстановить неограниченную монархію. Кавалерія, передавалъ Гогела, предана королевской власти; пѣхота стоитъ за войну, но въ ней нѣтъ дисциплины, она лишена ресурсовъ, а въ крѣпостяхъ, подъ угрозой бомбардировки, населеніе заставитъ гарнизоны капитулировать. Эти свѣдѣнія подтверждались письмомъ королевы къ Мерси, отъ 26-го мая: въ немъ сообщалось, что на совѣтѣ, состоявшемся наканунѣ, министерство рѣшило начать наступательную войну и прежде всего двинуть войска на Савойю и люттихскій край.

То, что Гогела передавалъ въ Вѣнѣ, то Бретейль сообщалъ въ Берлинѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ велѣлъ отвѣтить, что ждетъ только Австріи и энергическаго дѣйствія съ ея стороны. «Событія не позволяютъ болѣе колебаться относительно серьезныхъ мѣръ для прекращенія бѣшенства демократовъ», писали прусскіе министры Бишофсвердеру отъ 5-го апрѣля. Курьеръ, везшій эти инструкціи, встрѣтился по дорогѣ съ самимъ Бишофсвердеромъ, возвращавшимся изъ Вѣны съ отчетомъ о намѣреніяхъ Франца. Этотъ государь писалъ 3-го апрѣля герцогу Брауншвейгскому: «Король прусскій и я рѣшили посвятить значительныя силы для осуществленія общаго союза, къ которому приглашены будутъ всѣ державы для спасенія Франціи, нашей дорогой общей родины и Европы отъ успѣховъ анархіи. Никогда еще не было предпріятія съ болѣе важною цѣлью. Оно достойно имѣть во главѣ перваго полководца нашего времени».

Положеніе французскаго посланника въ Вѣнѣ было въ высшей степени критическимъ. Въ Австріи на Ноаля смотрѣли какъ на врага, въ Парижѣ его считали измѣнникомъ. Преданіе суду де-Лессара заставило его остолбенѣть. Онъ написалъ 29-го марта королю, прося объ увольненіи; 1-го апрѣля онъ настоятельно просилъ о томъ же министра: «Время мое прошло», писалъ онъ. «Я принужденъ сознаться въ полной невозможности быть отнынѣ полезнымъ моему отечеству». Онъ не рѣшился передать ноту Дюмурье отъ 18-го марта, находя, что Австрія уже отвѣтила на нее. Ему казалось благоразумнымъ выждать впечатлѣніе, которое произведетъ въ Парижѣ этотъ отвѣтъ. 4-го апрѣля онъ получилъ ультиматумъ Дюмурье. Колебаться стало уже невозможнымъ, и онъ немедленно вручилъ документъ Кобенцелю. Австрія смотрѣла на войну какъ на необходимость. Требованія Дюмурье ускорили обсужденія. Габсбургъ не могъ не поднять перчатки, бросаемой ему этимъ авантюристомъ. Кауницъ почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ. «Всѣ европейскіе интересы въ совокупности не въ

силахъ были бы взволновать его,—писалъ Караманъ;—но онъ вышелъ изъ себя, читая дерзости Дюмурье, и онъ хочетъ доказать, что его старческая рука еще можетъ причинить Франціи много затрудненій». Кобенцель не обсуждалъ требованій Франціи; онъ ограничился объявленіемъ Ноалю, что Австрія держится своей ноты 18-го марта. «Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ согласны съ Пруссіей», прибавилъ онъ. 9-го апрѣля Гогела выѣхалъ изъ Вѣны съ письмомъ отъ Франца къ Людовику XVI.

Въ Вѣнѣ радовались тому, что французы берутъ на себя роль нападающихъ. Вслѣдствіе совѣщанія кабинета, состоявшагося 13-го числа, занялись болѣе дѣятельно военными приготовленіями и постарались ускорить передвиженія войскъ. Приближенные Франца, тѣ, кого считали выразителями идеи новаго царствованія, пылали усердіемъ. Пруссія предложила взять на себя починъ наступленія; Австрія согласилась. Вѣнское канцлерство старалось взволновать Европу; оно воодушевляло нѣмцевъ, просило Англію и торопило Россію. Оно предлагало даже императрицѣ условиться съ нею относительно Польши, обезпечить «навѣки всѣмъ тремъ сосѣдамъ спокойствіе этой республики» и предотвратить всякіе поводы къ коллизіи между ними. «Сама Франція принимаетъ угрожающее положеніе», должны были говорить австрійскіе агенты, «она вооружается, дѣйствуетъ вызывающе, такъ что по этимъ причинамъ даетъ намъ право, поводъ и случай къ вооруженному вмѣшательству». Тѣмъ не менѣе еще не находили возможнымъ приступать къ дѣйствію. Надлежало двинуть предварительно имперію, а это было всегда довольно сложнымъ дѣломъ, и затѣмъ доставить австрійскую и прусскую арміи въ Голландію, границы которой уже безпокоили французы. Рѣшили затягивать окончательныя формальности объявленія войны и подавать въ дипломатическихъ сообщеніяхъ нѣкоторую надежду на продолженіе переговоровъ, что дало бы возможность выиграть время, въ которомъ такъ нуждались. «Король венгерскій, — писалъ Ферзенъ Маріи Антуанетѣ, велѣлъ сказать, что съ него довольно того, что происходитъ во Франціи; что онъ рѣшился положить этому конецъ и дѣйствовать; что онъ двинетъ свои войска вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ; но что начать дѣйствовать можно только черезъ шесть недѣль или два мѣсяца». Письмо это было послано изъ Брюсселя и оттуда же поѣхалъ агентъ, весьма темная личность, явившаяся во Францію отъ имени графа Меттерниха, бывшаго въ то время австрійскимъ представителемъ въ Нидерландахъ. Агентъ явился подъ предлогомъ открыть пути для примиренія. Но съ такимъ опытнымъ въ пріемахъ закулисной политики человѣкомъ какъ Дюмурье подобная мѣра была совершенно безполезной.

Дюмурье рѣшился ускорить развязку. Колебанія его коллегъ побу-

ждали его къ этому столько же, сколько и проволочки со стороны Австріи. Несмотря на экзальтацію, которую Жиронда поддерживала въ трибунахъ Собранія, въ клубахъ и въ средѣ того праздднаго меньшинства парижскаго населенія, которое мнитъ себя рожденнымъ для того, чтобы руководить Франціей, партія войны встрѣчала отпоръ, возраставшій, казалось, по мѣрѣ того, какъ приближалась минута разрыва. Жиронда находила въ средѣ самаго министерства буржуазныя колебанія и сомнѣнія, противъ которыхъ боролась вообще съ такою горячностью и презрѣніемъ: Роланъ и Клавьеръ не рѣшались на такую крайнюю мѣру; ихъ поддерживалъ де-Гравъ. Роланъ и Клавьеръ отступали инстинктивно, изъ боязни отвѣтственности; де-Гравъ, несмотря на то, что былъ лицомъ подчиненнымъ, находилъ болѣе серьезныя возраженія: онъ обладалъ здравымъ смысломъ, зналъ свое дѣло и видѣлъ, что не были готовы. Среди этихъ колебаній, Дюмурье получилъ 13-го апрѣля, въ полночь, письмо Ноаля и отчетъ, въ которомъ посланникъ излагалъ свои сомнѣнія по поводу передачи ноты 18-го марта и настаивалъ на своей отставкѣ. Дюмурье зналъ, что жирондисты не упустятъ случая вызвать одно изъ тѣхъ восторженныхъ голосованій, которое подготовляли въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Проволочки Ноаля и его «подлое и коварное» прошеніе объ отставкѣ доставило-бы имъ слишкомъ много къ тому доводовъ. Онъ не забылъ суроваго урока, полученнаго предшественникомъ. Катастрофа съ де-Лессаромъ, сказалъ онъ себѣ, грозитъ мнѣ такою же участью, если я буду держаться такого же образа дѣйствій [1]). 14-го онъ бросился къ королю и потребовалъ немедленнаго отозванія Ноаля; затѣмъ, въ видахъ успокоенія робкихъ и того, что министерство продолжало колебаться, онъ предложилъ послать въ Вѣну де-Мольда, въ которомъ былъ увѣренъ, снабдивъ его собственноручнымъ письмомъ короля: «Французы поклялись жить свободными, или умереть; я далъ такую же клятву, а г. де-Мольдъ объяснитъ, какими способами возможно еще предотвратить бѣдствія грозящей Европѣ войны». Людовикъ XVI подписалъ это письмо. Принявъ предосторожности относительно умѣренныхъ, Дюмурье занялся крайними и отправился въ Собраніе, чтобы прочитать ему всю дипломатическую переписку. Онъ объявилъ, что не пройдетъ и двадцати дней, какъ полученъ будетъ отвѣтъ Австріи, а въ этотъ промежутокъ времени Франція будетъ продолжать свои вооруженія. Такимъ шагомъ онъ не только ограждалъ себя, но и отрѣзывалъ себѣ отступленіе. Будучи прочитаны публично, требованія, подобныя тѣмъ, которыя онъ предъявлялъ Австріи, не могли уже быть взяты назадъ; а угрозы, съ которыми Австрія обращалась къ Франціи, не могли быть смягчены никакими разъясненіями. Ни француз-

[1]) Мемуары Дюмурье, т. III, с. 203.

скій народъ, оскорбленный въ своей независимости, ни вѣнскій дворъ, затронутый въ своемъ достоинствѣ, не имѣли никакой возможности къ отступленію. Первый открылъ бы тѣмъ свои границы иноземцамъ, второй утратилъ бы всякій престижъ въ Европѣ.

Собраніе рукоплескало министру и постановило: предать суду посланника. Въ ночь съ 14-го на 15-е, Дюмурье получилъ отчеты Ноаля отъ 5-го и 7-го апрѣля. Въ первомъ сообщалось о передачѣ вѣнскому двору инструкцій 27-го марта; второй излагалъ формальный отказъ этого двора принять во вниманіе требованія Франціи. Послѣдняя депеша имѣла чрезвычайную важность. Дюмурье рѣшилъ обдумать ее; однако немедленно передалъ дипломатическому комитету, что Ноаль выполнилъ свою миссію: декретъ о преданіи суду былъ отложенъ въ засѣданіи 15-го апрѣля. 18-го Собраніе было оффиціально извѣщено о томъ, что отвѣтъ Австріи находится въ рукахъ министра иностранныхъ дѣлъ и что его будутъ обсуждать въ тотъ же день въ совѣтѣ. Между тѣмъ Дюмурье приготовилъ докладную записку, въ которой резюмировалъ переговоры. Онъ представилъ ее товарищамъ по кабинету.

Отправляясь въ совѣтъ, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, какія именно будутъ приняты на немъ рѣшенія. Чтеніе отчета Ноаля отъ 7 апрѣля, краткій, сухой и рѣшительный отвѣтъ Кобенцеля возмутили самыхъ миролюбивыхъ. Совѣтъ одобрилъ записку Дюмурье и объявилъ, что король долженъ предложить Собранію декретъ о томъ, что есть основаніе объявить войну Австріи. Но и принимая такое рѣшеніе, болѣе робкіе продолжали надѣяться на возможность отсрочить начало военныхъ дѣйствій. Они полагали, что Европа испугается и что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ начнутся новые переговоры. Они до такой степени были увѣрены въ этомъ, что поручили агенту, который долженъ былъ везти въ Вѣну ноту о разрывѣ, пробыть тамъ нѣкоторое время, на тотъ случай, если ему будутъ сдѣланы предложенія миролюбиваго свойства. Все это были пустые палліативы въ виду той горячки, которая уже охватила Парижъ! Дюмурье раздувалъ пламя, бросая на сужденіе толпы одно сенсаціонное сообщеніе за другимъ. 19-го онъ прочиталъ съ трибуны отчетъ 7 апрѣля и отвѣтъ Кобенцеля; затѣмъ онъ объявилъ, что на другой день король явится въ Собраніе. Декретъ о преданіи суду Ноаля былъ взятъ назадъ, а засѣданіе закрыто было подъ впечатлѣніемъ негодованія, вызваннаго тономъ австрійскихъ министровъ. 20-го апрѣля Собраніе открыло засѣданіе при громадномъ стеченіи народа; трибуны были переполнены болѣе изысканной, чѣмъ обыкновенно, публикой; замѣчалось множество нарядныхъ дамъ. Видимо ждали интереснаго зрѣлища и явились сюда искать драматическихъ волненій. Къ тому же утромъ того дня странные слухи ходили

по городу. Разсказывали, что русская императрица лишилась престола и заключена въ тюрьму; извѣстіе о смерти шведскаго короля, полученное еще ранѣе, подтверждалось. Фанатики видѣли въ этомъ руку Провидѣнія, политики—счастливую случайность, а масса публики—происшествія, волнующія воображеніе. Король извѣстилъ, что будетъ въ Собраніи въ полдень. Засѣданіе открыто было съ театральною торжественностью. Шарлье предложилъ, «чтобы не терять драгоцѣннаго времени»—выслушать докладъ о народномъ образованіи. Докладъ поручено было сдѣлать Кондорсе, и онъ началъ его читать. Волненіе публики представляло рѣзкую противоположность съ философскою невозмутимостью, которую никто не раздѣлялъ. Прибытіе короля прервало чтеніе. Людовикъ XVI занялъ мѣсто, назначенное ему конституціей, и Дюмурье прочелъ докладъ, одобренный Совѣтомъ. Король прибавилъ къ нему нѣсколько собственныхъ фразъ. «Смѣсь покорности судьбѣ и достоинства подавляли въ немъ всякое внѣшнее проявленіе его чувствъ. Онъ предложилъ войну тѣмъ же голосомъ, какимъ предложилъ бы самый безразличный декретъ» [2]). Предложеніе короля смутило роялистовъ, оно соотвѣтствовало вполнѣ желаніямъ враговъ короны. Роялисты скорбѣли по поводу слабости монарха и молчали; враги королевской власти, хотя и торжествовали, воздерживались отъ выраженій удовольствія, потому что презирали ее. Засѣданіе было прервано по уходѣ короля и должно было возобновиться въ 5 часовъ.

Парижъ былъ въ сильномъ волненіи. Депутаты вернулись въ Собраніе оглушенные, возбужденные или объятые ужасомъ отъ грознаго воинственнаго клича толпы, сопровождавшаго ихъ до самой залы. Благоразумные и робкіе, еще наканунѣ противившіеся войнѣ, теперь въ силу самой своей робости и благоразумія стояли за войну. Жирондисты почувствовали себя превзойденными. Они съ первой минуты увидѣли, что эта война, съ которой должно было начаться ихъ господство, ускользала изъ ихъ рукъ и узурпировалась, такъ сказать, ихъ соперниками. Они дорожили репутаціей государственныхъ людей и соблюденіемъ формы. Ласурсъ предложилъ передать проектъ декрета въ дипломатическій комитетъ; кто-то прибавилъ, что слѣдовало бы разсмотрѣть документы и узнать, между прочимъ, чего приходится ждать отъ Пруссіи. Эти весьма разумныя и своевременныя предложенія были заглушены поднявшимся шумомъ. Потерявъ сочувствіе толпы, наполнявшей трибуны, жирондисты немедленно измѣнили тактику и попытались опередить соперниковъ. Майль потребовалъ безотлагательныхъ преній, не ожидая доклада. Его требованіе было покрыто рукоплесканіями. То, что еще оставалось отъ правой, Матье Дюма и немногочисленные сторонники его, напрасно пытаются противиться. Призываютъ

[2]) Madame de Staël, *Considérations*, t. I, p. 372.

къ порядку и вотируютъ немедленныя пренія почти единогласно. Волненіе охватило даже скамьи центра. За войну высказывается прежде всѣхъ умѣренный, фельянъ, парламентаристъ и дворянинъ—Пасторе; онъ же историкъ, членъ *Академіи надписей*, будущій сенаторъ имперіи, а затѣмъ перъ и канцлеръ королевства: «Или восторжествуетъ свобода, или погубитъ насъ деспотизмъ», говорилъ онъ. «Никогда еще не ожидали французскій народъ болѣе высокія судьбы. Мы не можемъ сомнѣваться въ успѣхѣ войны, предпринимаемой при столь великодушныхъ предзнаменованіяхъ. Побѣда останется вѣрной свободѣ». Одинъ изъ депутатовъ оппозиціи, Бекке, рѣшился заговорить. Онъ выказалъ тѣмъ истинное мужество и изложилъ свое мнѣніе при громкихъ крикахъ неудовольствія. Ему отвѣчали только рѣзкими и краткими восклицаніями. Бекке и его сторонники игнорировали намѣренія державъ и отказывались вѣрить сообщничеству двора; въ этомъ была суть ихъ аргументаціи, и она была неосновательна. Бекке говорилъ такъ, какъ будто война вызвана была столкновеніемъ въ области публичнаго права и не имѣла иной причины, кромѣ происковъ жирондистовъ. «Если начнутъ войну», сказалъ онъ, «кто же сдержитъ мятежъ внутри страны?» Послышался ропотъ.—«Миръ необходимъ для поправленія финансовъ.—Вы не знаете ихъ положенія!» прервалъ его Камбонъ; «у насъ болѣе денегъ, чѣмъ требуется».—Бекке продолжалъ: «Австрія не желаетъ войны; она заинтересована въ наблюденіи за польской революціей и Россіей. Она приняла исключительно-оборонительныя мѣры противъ вашихъ трехъ армій. Вы нападаете на нее потому, что увѣрены въ своей большей подготовленности къ войнѣ».—Оратора призываютъ къ порядку. Онъ продолжаетъ: «Концертъ европейскихъ державъ имѣетъ вполнѣ оборонительный характеръ. Вы объявляете войну на основаніи одного подозрѣнія, которое превращаете въ дѣйствительность. Пруссія выступитъ за-одно съ Германіей. Англія вмѣшается въ дѣло; она смотритъ на Нидерланды, какъ на необходимое огражденіе своей торговли. Я нахожу эту войну опасной!» Продолжительный ропотъ не даетъ оратору продолжать. Какъ только шумъ нѣсколько утихъ, онъ кончаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Ограничимся простой обороной. Война оживляетъ надежды всѣхъ враговъ конституціи. Объявляя ее, вы только исполните ихъ желаніе».

Жирондисты возражаютъ, но не приводя никакихъ доводовъ. Они утверждаютъ, негодуютъ, осыпаютъ противниковъ насмѣшками и имъ рукоплещутъ. Якобинецъ Базиръ требуетъ преній; его почти никто не поддерживаетъ. Майль декламаторствуетъ и его слушаютъ: «Народъ желаетъ войны. Спѣшите дать удовлетвореніе его справедливому и великодушному нетерпѣнію. Тѣмъ самымъ вы, быть можетъ, декретируете сво

боду цѣлаго міра. Я требую, чтобы Собраніе не расходилось ранѣе, чѣмъ постановитъ декретъ объ объявленіи войны». Со всѣхъ сторонъ раздаются голоса, требующіе закрытія засѣданія и голосованія. «Не бойтесь принять поспѣшное рѣшеніе», говоритъ Оберъ Дюбайе. «Чѣмъ оно будетъ поспѣшнѣе, тѣмъ лучше». Жокуръ предлагаетъ вернуться къ предварительному вопросу. Крики: «на голоса»! раздаются съ удвоенною силой. Матье Дюма проситъ слова; рѣшаютъ, что оно ему не будетъ дано. Самый пылкій изъ корифеевъ вооруженной революціи, Мерленъ де-Тіонвиль, появляется на трибунѣ. Объявляютъ о закрытіи засѣданія. Тогда раздаются съ трибуны грозныя слова, изъ тѣхъ, которыя опережаютъ внушившія ихъ пренія, изумляютъ даже того, кто произнесъ ихъ, и во мгновеніе ока обнаруживаютъ мысль, смутно зародившуюся во взволнованныхъ умахъ. «Я хотѣлъ сказать,—воскликнулъ Мерленъ,—что слѣдуетъ объявить войну королямъ и миръ народамъ!»

Вопросъ пущенъ на голоса. Война рѣшена среди взрывовъ общаго восторга депутатовъ и присутствующихъ. Остается редактировать декретъ; это дѣло поручаютъ дипломатическому комитету. Между тѣмъ Кондорсе принимается читать манифестъ, который долженъ служить изложеніемъ мотивовъ декрета: его не успѣли прочитать Собранію въ свое время, по причинѣ слишкомъ быстраго хода преній. Теперь изложеніе мотивовъ кажется излишнимъ. Мерленъ разсѣялъ всякія недоразумѣнія; его программа одна изъ тѣхъ, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ. Будущее принадлежитъ отважнымъ, сильнымъ, властнымъ. Философы принуждены довольствоваться ролью апологетовъ государственной пользы; ихъ призываютъ разсуждать о совершившихся фактахъ и для того, чтобы оправдывать эти факты; метафизикѣ дается слово лишь въ интермедіяхъ. Кондорсе защищалъ Францію отъ обвиненія въ завоевательныхъ стремленіяхъ, грозящихъ свободѣ народовъ. «Намъ говорили, что желаніе французскаго народа сохранить свою независимость и равенство есть желаніе мятежной кучки людей... Но что такое эта кучка людей, обвиняемыхъ въ заговорѣ съ цѣлью установленія свободы всего человѣчества? Это—само человѣчество, во всей его совокупности». Собраніе одобряетъ эти слова рукоплесканіями, но откладываетъ рѣшеніе о самомъ дѣлѣ. Верньо предлагаетъ установить новое торжество федераціи въ память только что принятаго «великаго и грознаго рѣшенія». Собраніе видимо утомлено и выказываетъ признаки нетерпѣнія. Оно переходитъ къ очередному порядку. Было уже около десяти часовъ вечера, когда Жансонне прочиталъ проектъ декрета, выработанный дипломатическимъ комитетомъ. Дюмурье присутствовалъ при его обсужденіи въ комитетѣ и ввелъ въ текстъ статью, выражающую одну изъ его излюбленныхъ идей: усыновленіе иностранцевъ, которые будутъ сражаться за

Францію. Въ декретѣ намекалось на покровительство, оказанное Австріей эмигрантамъ, на коалицію, составленную ею противъ Франціи, на повторенный ею отказъ прекратить вооруженія, на ея требованія въ пользу владѣтельныхъ князей въ Эльзасѣ, наконецъ на ея старанія поселить раздоръ въ средѣ французскихъ гражданъ и предложеніе недовольнымъ поддержать ихъ путемъ союза европейскихъ державъ. Декретъ обѣщаетъ народамъ уважать личности и имущества: французы не смѣшиваютъ своихъ братьевъ со своими дѣйствительными врагами; они намѣреваются дать ощутить бѣдствія, неразрывно связанныя съ войной, тѣмъ, кто заключаетъ союзъ противъ свободы. Декретъ прибавляетъ, резюмируя въ ихъ первоначальной простотѣ и искренности всеобщія убѣжденія современниковъ:

«Національное собраніе объявляетъ, что французскій народъ, вѣрный освященнымъ конституціей началамъ—*не предпринимать никакой войны съ цѣлью завоеванія и не обращать никогда своихъ силъ противъ свободы какого бы то ни было народа*,—берется за оружіе единственно въ виду защиты своей свободы и своей независимости; что война, которую онъ вынужденъ начать, не есть война одного народа противъ другого, но справедливая оборона свободнаго народа противъ несправедливаго нападенія короля».

Только семь депутатовъ подали голосъ противъ этого декрета [3]).

По объявленіи войны, Дюмурье, не теряя времени, озаботился потребовать средствъ на ея веденіе. 23-го апрѣля онъ потребовалъ шесть милліоновъ секретныхъ фондовъ для министерства иностранныхъ дѣлъ и написалъ президенту дипломатическаго комитета, Коху, слѣдующее знаменательное письмо: «Шесть милліоновъ, запертые въ сундукѣ, который будетъ открываться только въ виду хорошо расчитанныхъ потребностей, ежедневно будутъ увеличивать наши рессурсы; я воспользуюсь при помощи этого средства усердіемъ отважныхъ гражданъ, посвящающихъ себя служенію общественному дѣлу; они не должны краснѣть, принимая милости, даруемыя отечествомъ. Я не обогащу никого, но никто и не обѣднѣетъ, защищая или ограждая великіе интересы народа. Прошу васъ, г. президентъ, изложить настоящія откровенныя объясненія дипломатическому комитету и прибавить только, что я лично горжусь своею бѣдностью и никогда не буду нуждаться въ богатствѣ». Верньо представилъ докладъ по этому поводу 6-го апрѣля; онъ замѣтилъ при этомъ, что такъ какъ вышеуказанный фондъ будетъ расходоваться за границей, то вслѣдствіе потери при промѣнѣ будетъ сведенъ къ тремъ милліонамъ. Было сдѣлано нѣсколько робкихъ возраженій; Жиронда провела декретъ. Голосованіе этого декрета окончательно опредѣлило весьма смѣшанный характеръ предпріятія, въ которое бросалась Франція.

Духъ войны былъ вполнѣ революціоннымъ; но мотивы, средства и

[3]) Т. Ламетъ, Жокуръ, Дюма, Бекке, Гюа, Баэръ, Жантиль.

дѣйствующія лица вели свое происхожденіе отъ стараго порядка. Франція нападала на Европу съ цѣлью ея возрожденія; но такъ какъ Европа оставалась тѣмъ, чѣмъ была и ранѣе, то для вторженія въ нее приходилось идти старыми дорогами. Такъ какъ нѣтъ возможности излиться одновременно во всѣ стороны, то были вынуждены избрать поле дѣйствія и сосредоточить на немъ свои силы. Такъ какъ нельзя однимъ ударомъ уничтожить всѣхъ королей, то приходилось, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, щадить тѣхъ, кого нельзя было истребить. Становится неизбѣжнымъ вести переговоры и во время войны. Требуется тайная дипломатія, въ видѣ застрѣльщика народнаго вторженія, и канцелярскіе происки, чтобы открыть пути демократической пропагандѣ. Народныя страсти, гуманитарная проповѣдь, нравы вѣка, въ которомъ руководившіе дѣлами развратники шли рядомъ съ идеалистами, мечтавшими объ усовершенствованіи человѣческаго общества, происки Бриссо, метафизика Кондорсе, секретные фонды Дюмурье, фанатизмъ Мерлена, всеобщая экзальтированность и любовь къ родинѣ,—всѣ эти элементы, которые должны были быть смѣшаны и поглощены войной, пришли въ броженіе въ тѣ дни, когда она была объявлена. Казалось, что всѣ несчастные, которыхъ она должна была погубить, бросались въ нее подъ вліяніемъ одного и того-же головокруженія. Въ Тюильрійскомъ дворцѣ, также какъ и въ Собраніи, смотрѣли на объявленіе войны какъ на побѣду. Королева боялась до послѣдней минуты, чтобы робкіе не взяли верхъ въ совѣтѣ, чтобы министерство не стало тянуть переговоры и Австрія не изъявила на то согласія. «Г. де Мольдъ ѣдетъ въ Вѣну», писала она Мерси 15-го апрѣля; «мнѣ кажется, что это послѣднее письмо короля; здѣсь, во что бы то ни стало, хотятъ войны; тѣмъ лучше, если это можетъ заставить рѣшиться всѣхъ, потому что наше положеніе здѣсь уже совершенно невыносимо». Послѣ засѣданія совѣта, (19-го числа), когда рѣшенъ былъ открытый разрывъ съ Австріей, она снова пишетъ: «Министры надѣятся, что эта мѣра испугаетъ и что переговоры возобновятся недѣли черезъ три. Дай Богъ, чтобы этого не было и чтобы отомстили наконецъ за всѣ оскорбленія, которыя приходится терпѣть въ этой странѣ».

Въ глазахъ королевы, министры, Собраніе и революціонный народъ давно стали преступниками, противъ которыхъ законны всякія средства. Королевское высокомѣріе поддерживалось въ ней еще и материнскимъ чувствомъ, и съ этой-то точки зрѣнія смотрѣла она на государственную пользу. Марія Антуанета безъ всякаго угрызенія совѣсти шпіонила за своими противниками и открывала ихъ намѣренія врагамъ Франціи: Франція для нея это—король, это—ея дѣти; ихъ слѣдуетъ спасти и реабилитировать. Людовикъ XVI не имѣлъ отъ нея тайнъ; у нея не было тайнъ для союз-

© ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

никовъ. Изъ военныхъ плановъ ей было извѣстно намѣреніе вторгнуться въ Нидерланды,—она сообщила о немъ Монморену, Ферзену и Мерси. Она написала этому послѣднему 30-го апрѣля, резюмируя еще разъ свои проекты, надежды и желанія [4]). Она прибавляетъ, что министры расчитываютъ на возстанія въ сосѣднихъ странахъ, на дезертирство въ войскахъ, на отпаденіе Пруссіи отъ коалиціи: «На все это тратятъ милліоны». Она старается предупредить переговоры съ Англіей. Дюмурье добился отъ Людовика XVI письма къ Георгу III. Королева поручаетъ увѣдомить этого государя, что если «письмо и написано рукою короля, то слѣдуетъ замѣтить, по крайней мѣрѣ, что это не его слогъ».

Переговоры съ Англіей сильно занимали всѣхъ агентовъ двора. Монморенъ опасался «маккіавелизма» англичанъ. Онъ боялся, что они поддадутся на тѣ выгоды, которыя предложитъ имъ Талейранъ, что вернутся къ старому плану—посадить герцога Орлеанскаго на нидерландскій престолъ и что Англія согласится на это въ видахъ продленія смутъ во Франціи и ослабленія въ то же время австрійскаго дома. Вокругъ Бретейля повторяли, что Англія пытается сдерживать Россію, что она имѣетъ притязаніе на руководящую роль въ Европѣ, на управленіе цѣлой Европой, желая вмѣстѣ съ тѣмъ унизить Францію.

Англія, какъ и можно было ожидать, осталась вѣрна себѣ въ этомъ кризисѣ и, разсѣявъ опасенія роялистовъ, въ то же время обманула и иллюзіи жирондистовъ.

V.

Дюмурье предложилъ объявить войну австрійскому дому; Собраніе же объявило ее въ сущности всей старой Европѣ, и значеніе голосованія опережало смыслъ декрета. Мерленъ въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлилъ наступающую эру борьбы. Этотъ грозный военный кличъ уже съ самаго начала перевертывалъ вверхъ дномъ всю дипломатію Дюмурье. Онъ подготовилъ чисто политическое предпріятіе; а между тѣмъ то, что теперь

[4]) Arneth, p. 263. «Вѣнскій дворъ долженъ, насколько возможно, отдѣлить свое дѣло отъ дѣла эмигрантовъ; онъ долженъ побудить ихъ присоединиться къ дѣлу короля, онъ долженъ ясно выразить свои намѣренія въ манифестѣ; но не слѣдуетъ слишкомъ много упоминать въ немъ о королѣ и слишкомъ явно объявлять, что намѣреваются защищать именно его. Слѣдуетъ говорить о народѣ и сказать, что никогда не хотѣли объявлять ему войну... избѣгать вначалѣ обнаруженія намѣренія вмѣшаться во внутреннія дѣла... Французы всегда отвергнутъ всякое иноземное вмѣшательство въ свои дѣла, и національная гордость такъ дорожитъ этою идеей, что королю нельзя не принимать ея во вниманіе, если онъ хочетъ возстановить свою власть».

проповѣдывалось, было революціоннымъ крестовымъ походомъ. Онъ принялъ всѣ мѣры въ виду войны по задуманному имъ плану, а эта война ускользала отъ него въ ту самую минуту, какъ ее объявили.

Главныя усилія были направлены на Лондонъ: но именно здѣсь пришлось уже съ первыхъ шаговъ измѣрить обширность препятствій, возникавшихъ со всѣхъ сторонъ. Космополитическій характеръ пропаганды, призывъ къ общему возстанію народовъ и коренному преобразованію общества ослабили въ Англіи сочувствіе къ французамъ. Продолжавшіе же считать себя сторонниками и поборниками французской революціи только содѣйствовали дискредитированію всего, что имѣло отношеніе къ парижскому правительству своею шумною агитаціей. Пэнъ издалъ вторую часть своего сочиненія о «Правахъ человѣка»; тонъ этой книги показался столь рѣзкимъ, что Питтъ рѣшился вызвать суровую мѣру. Въ это самое время онъ только что потерпѣлъ пораженіе въ палатѣ общинъ, отстаивая принципъ упраздненія торга невольниками; это пораженіе не доказывало большого сочувствія парламента къ тѣмъ началамъ, которыя одержали верхъ во Франціи. Питтъ безъ труда провалилъ избирательную реформу, которую находилъ опасной и несвоевременной. Тѣмъ временемъ послѣдовало объявленіе войны, и курсъ сильно упалъ. Англичане тотчасъ же озаботились Бельгіей и заговорили о вербовкѣ матросовъ. Но ничего изъ этого не вышло. Министерство успокоило торговый міръ, выказало увѣренность въ безопасности и осталось миролюбивымъ. О нежеланіи вести войну оно разослало 28-го апрѣля замѣтку въ газеты. Такимъ образомъ нейтралитетъ Англіи представлялся несомнѣннымъ еще до прибытія новой французской миссіи; но тѣ самыя причины, которыя обезпечивали нейтралитетъ, говорили противъ союза съ Франціей. Если Франція станетъ добиваться союза, ее ждетъ несомнѣнная неудача.

Посольство, составленное Дюмурье, не спѣшило отъѣздомъ въ Лондонъ. 20 го апрѣля оно еще находилось въ Парижѣ, по милости Шовелена, номинальнаго посла, который начиналъ свою роль тѣмъ, что создавалъ препятствія для миссіи. Къ Талейрану присоединили женевца Дюроверэ. Шовеленъ оскорбился этимъ обстоятельствомъ, говоря, какъ свидѣтельствуетъ одинъ современникъ, «что его, какъ юношу, отправляютъ къ иностранному двору съ двумя гувернёрами». Въ этомъ случаѣ онъ выказалъ проницательность, которой не обнаруживалъ въ другихъ случаяхъ. Дюмурье терялъ терпѣніе. Онъ пригласилъ друга Мирабо, Дюмона, служившаго посредникомъ между французскими уполномоченными и лондонскими либералами: «Г. Талейранъ веселится», сказалъ онъ ему; «г. Шовеленъ будируетъ, а Дюроверэ торгуется. Скажите имъ, что если они не выѣдутъ завтра вечеромъ, то послѣ завтра же будетъ назначено новое посольство,

которое выѣдетъ ранѣе двѣнадцати часовъ дня». Эта угроза привела къ соглашенію всѣхъ трехъ членовъ посольства, и они сѣли въ мальпостъ. Въ качествѣ секретаря они везли съ собою виртембергскаго богослова Рейнгардта, принявшаго французское подданство изъ сочувствія къ революціи. Это былъ образованный человѣкъ, обладавшій и юридическими познаніями. Талейранъ находилъ у него сверхъ того и весьма гибкій и сильный умъ; въ этой миссіи Рейнгардтъ олицетворялъ собою серьезность, трудъ, знаніе, необходимые для письменныхъ работъ посольской канцеляріи. Къ нему присоединили, вѣроятно ради развлеченія, писателя Гара, того самаго, котораго Камиль Демуленъ прозвалъ «ораторомъ Гара», не пототу что находилъ его особенно краснорѣчивымъ, а въ отличіе отъ «соловья Гара», умѣвшаго только пѣть. Гара былъ остроумнымъ собесѣдникомъ, но плохимъ политикомъ. Онъ развлекалъ своихъ спутниковъ во все время пути, былъ въ восторгѣ отъ возможности уѣхать изъ Парижа, путешествовать, освѣжиться. «Настоящій школьникъ отправляющійся на каникулы»! говорилъ о немъ Талейранъ. Пріѣхавъ въ Англію, онъ восхищался всѣмъ, удивлялся всему, въ особенности же тому, что пріѣхалъ сюда при посольствѣ. «Какъ будетъ жаль, если революціонируютъ эту прекрасную страну! когда Франція будетъ наслаждаться такою счастливою жизнью»!

2-го мая Шовеленъ былъ допущенъ на королевскую аудіенцію. Онъ дѣлалъ визиты, Талейранъ руководилъ миссіей и диктовалъ отчеты [1]). Георгъ III принялъ французскаго посланника болѣе, чѣмъ сдержанно. Два дня спустя французскія газеты, полученныя въ Лондонѣ, сообщали текстъ письма Людовика XVI, врученнаго англійскому королю Шовеленомъ. Письмо было напечатано въ Парижѣ ранѣе, чѣмъ его передали монарху, которому оно было адресовано. «Такая нескромность,—писали посланники,—способна подорвать довѣріе къ правительству, повѣряющему свои тайны газетамъ и объявляющему во всеуслышаніе то, о чемъ приходится пока говорить только намеками». Желая смягчить неблагопріятное впечатлѣніе, вызванное этою оплошностью, и въ особенности стараясь успокоить англичанъ по отношенію къ себѣ самимъ, посланники нашли необходимымъ торжественно заявить, что Франція далека отъ стремленія къ прозелитизму и завоеваніямъ [2]). Эти рѣшительныя заявленія находились въ значительномъ противорѣчіи съ инструкціями. Талейранъ находилъ это полезнымъ. «Какъ могли бы мы назвать», писалъ Талейранъ 23-го мая,

[1]) Трудъ былъ нелегокъ: посланники не привезли съ собою никакого дипломатическаго багажа и не нашли никакихъ пособій въ архивѣ французскаго посольства, гдѣ не оказалось даже собранія трактатовъ. Отчетъ Талейрана, посланный Дюмурье 4-го мая.

[2]) Отчетъ 4-го мая 1792 г.

«нарушеніемъ международнаго права вмѣшательство Австріи въ наши внутреннія дѣла, если сами не стали бы строго воздерживаться отъ всякаго поступка того же свойства, по отношенію къ дружественнымъ и даже нейтральнымъ державамъ, которыя, какъ напримѣръ Англія, постоянно уважали законы добраго сосѣдства, не принимая никакого участія въ нашихъ внутреннихъ смутахъ»?

На революцію въ Англіи расчитывать было невозможно; прежде всего не надо было подавать повода къ подозрѣніямъ въ пропагандѣ. Дворъ и само общественное мнѣніе были предубѣждены противъ посольства. «Дворъ принялъ его весьма холодно; лондонская публика отнеслась къ нему почти оскорбительно», сообщалъ Дюмонъ. Французское посольство бывало только у членовъ оппозиціи, Фокса, Шеридана, что компрометировало обѣ стороны. Крайняя сдержанность министровъ по отношенію къ французскимъ уполномоченнымъ не замедлила внушить имъ опасенія. Ихъ положеніе и настроеніе весьма ярко очерчены въ одномъ отчетѣ, гдѣ угадывается перо Талейрана. Подъ предлогомъ изложенія дѣлъ, онъ даетъ разумные совѣты и внушаетъ острые критическіе взгляды. Между прочимъ онъ объясняетъ, что ничего нельзя ждать отъ парламентской оппозиціи и что она не имѣетъ ничего общаго съ революціонной партіей. На эту оппозицію смотрятъ какъ на способъ поддержанія конституціи, и она въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ самого министерства; когда оппозиція сцѣпляется съ министерствомъ, англичане спокойны за свою свободу. Осторожныя разсужденія Талейрана по этому поводу сопровождались не менѣе разсудительными и практическими совѣтами, но въ концѣ концовъ ясно было то, что посольство обречено было на полное безсиліе. Онъ просилъ, чтобы воздержались отъ угрозъ по адресу британскаго министерства, отъ оскорбленій и пропсковъ; чтобы газеты не представляли побѣдой свободы всякое волненіе, которое возникло бы въ Англіи, потому что вѣдь съ министерствомъ приходилось вести переговоры и договариваться. Онъ умолялъ, чтобы не читали съ трибуны посольскихъ депешъ, чтобы не передавали ихъ немедленно по полученіи газетамъ. «Британское министерство дорожитъ своими тайнами болѣе, чѣмъ какое бы то ни было министерство въ Европѣ; за нимъ признается это право, потому что оно—отвѣтственное министерство». Что касается Франціи, то она болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждается въ твердомъ и дѣятельномъ правительствѣ для того, чтобы сохранить тонъ и положеніе державы. Мы также нуждаемся въ такомъ правительствѣ для того, чтобы имѣть возможность смѣло выступать его представителями.

Сомнѣніе въ успѣхѣ сквозитъ и въ «Письмахъ объ англичанахъ», которыя Талейранъ началъ писать въ это время. Эти письма заключаютъ

въ себѣ не столько изложеніе хода переговоровъ, которые постоянно ускользали отъ посланниковъ, сколько мнѣнія и сужденія одного изъ проницательнѣйшихъ наблюдателей, когда-либо служившихъ министерству иностранныхъ дѣлъ. Поневолѣ приходилось ограничиваться критикой и характеристикой, изложеніемъ и совѣтами; пренебреженіе и осторожность англійскаго министерства обрекали посланниковъ Дюмурье на эти чисто академическія занятія. Заставивъ ихъ прождать цѣлый мѣсяцъ, лордъ Гренвилль ограничился тѣмъ, что вручилъ имъ 24-го мая правительственное сообщеніе, которое было напечатано на слѣдующій же день. Англія выражала въ немъ свое прискорбіе по поводу объявленія войны; она обѣщала соблюдать договоры; выражала желаніе сохранить миръ съ Франціей, а также и надежду, что Франція будетъ съ своей стороны тому содѣйствовать, заставивъ уважать права его величества и его союзниковъ». Послѣдняя фраза намекала на Пруссію и Голландію. Совѣтовать Дюмурье щадить Пруссію было излишнимъ: онъ готовъ былъ сдѣлать въ этомъ отношеніи несравненно болѣе. Онъ желалъ во что бы то ни стало заручиться ея поддержкой. Но было уже поздно: пропаганда, отталкивавшая англичанъ отъ союза, побуждала пруссаковъ къ войнѣ.

Въ Берлинѣ, французская партія была обречена на молчаніе. Извѣстія, приходившія изъ Парижа, дискредитировали ее съ каждымъ днемъ. Высказывать миролюбіе—значило прослыть якобинцемъ. Берлинская буржуазія не стѣснялась однако этимъ соображеніемъ; но, писалъ Кюстинъ, «ея пылкое и тровожное рвеніе къ демократическимъ принципамъ не мало содѣйствуетъ доведенію короля до бѣшенства». Этимъ ловко пользовались французскіе эмигранты. Они привѣтствовали въ лицѣ Фридриха-Вильгельма спасителя монархіи и обѣщали ему союзъ съ возстановленной королевской властью. Они утверждали, что при первомъ появленіи его войскъ, при первомъ звукѣ его трубъ, революціонныя шайки разбѣгутся и двери крѣпостей отворятся сами собою. «Не покупайте слишкомъ много лошадей,—говорилъ Бишофсвердеръ офицерамъ,—эта комедія не продлится. Армія адвокатовъ будетъ скоро уничтожена въ Бельгіи, и мы вернемся къ осени домой». Надѣялись на нетрудную и блестящую кампанію. Сверхъ того расчитывали, что она будетъ и матеріально выгодна: прямо обобрать Францію не намѣревались; въ случаѣ надобности предоставили бы Австріи гнусную и хлопотливую заботу о раздѣлѣ. Пруссія потребовала бы отъ Людовика XVI только покрытія своихъ военныхъ издержекъ и хорошаго трактата о союзѣ, покидая такимъ образомъ Австрію въ ту самую минуту, какъ ее, повидимому, поддерживала. Что касается болѣе крупныхъ матеріальныхъ выгодъ, то Пруссіи нашла бы ихъ въ Польшѣ, въ этой обѣтованной землѣ, гдѣ, какъ говорили въ былыя времена, стоитъ

только нагнуться для того, чтобы взять. Екатерина II подготовляла обширную операцію и выражала готовность пріобщить къ ней Пруссію. Благоразумные совѣтники Фридриха-Вильгельма нашли полезнымъ обезпечить себя отъ риска прежде, чѣмъ поставить на карту наслѣдіе Фридриха Великаго: прусскую армію и военный фондъ. Обезпеченіе явилось изъ Петербурга: дипломаты занимались составленіемъ контракта, и убѣжденные отнынѣ, что, отправляясь на поле чести, они вернутся съ барышемъ, преемники тевтонскихъ рыцарей горѣли нетерпѣніемъ двинуться въ крестовый походъ.

Положеніе Кюстина становилось болѣе и болѣе изолированнымъ. По пріѣздѣ его «терпѣли», благодаря покровительству герцога Брауншвейгскаго, дружбѣ принца Гейнриха и старымъ связямъ, пріобрѣтеннымъ въ 1786 г. Теперь же его держали въ совершенномъ карантинѣ. Убійство Густава III взволновало прусскаго короля и доставило новые доводы врагамъ Франціи. «Это извѣстіе для насъ поистинѣ ужасно, писалъ Кюстинъ. «Я, право, не нуждался въ такомъ добавочномъ затрудненіи». Отъ подкупа и происковъ ничего уже нельзя было ожидать. По части происковъ торжествовали эмигранты: ихъ агенту, барону Роллю, удалось совершить чудо примиренія двухъ враждовавшихъ придворныхъ котерій и помирить фаворитку съ фаворитомъ. «Дѣйствительная фаворитка», графиня Денгофъ, была очень аристократичною особой и боялась вмѣшиваться въ политику. «Отставная фаворитка», госпожа Рицъ, не гнушавшаяся политикой, находилась «на высочайшей ступени контръ-революціонной экзальтаціи». «Одинъ молодой французъ», прибавлялъ Кюстинъ, «взялъ на себя трудъ укрѣплять ее въ этомъ настроеніи». Что касается до Бишофсвердера, то напрасно старались бы его подкупить. Союзъ съ Австріей былъ дѣломъ его рукъ и главнымъ условіемъ его вліянія. «Если онъ и продаженъ, что мнѣ неизвѣстно, если мы предложимъ ему деньги, то вѣдь это будетъ для того, чтобы заставить его защищать партію, которую онъ ненавидитъ, и противодѣйствовать партіи, которой онъ сочувствуетъ, пользуясь уже отъ нея выгодами. Было бы большою опасностью вызвать его на благородное негодованіе и доставить такой дешевый способъ прослыть честнымъ человѣкомъ». Чего нельзя добиться деньгами въ такомъ бѣдномъ домѣ!» говорилъ нѣкогда Мирабо. Деньги ничего не могли сдѣлать для Кюстина, потому что его не допускали къ торгу. Вокругъ его дома поставленъ былъ кордонъ полицейскихъ. «Средства, употребляемыя рѣшительно всѣми дипломатами съ цѣлью быть выслушанными, или получить свѣдѣнія, и которыми въ особенно широкихъ размѣрахъ пользуются здѣшніе посланники, оказываются для меня недоступными». Если бы онъ попытался обратиться къ этимъ средствамъ, его застали бы врасплохъ и выпроводили со сканда-

ломъ. Приходилось пережидать бурю. Если Франція дастъ отпоръ нападенію и расчетъ фаворитовъ окажется невѣрнымъ, Фридрихъ-Вильгельмъ сознаетъ свое заблужденіе. «Они узнаютъ, что сражаться съ нами значитъ сражаться съ самими собой и что наше разореніе будетъ и ихъ разореніемъ». Чтобы отвратить ихъ отъ союза съ Австріей, стоитъ только дать имъ испробовать этотъ союзъ. Сила вещей заставила бы ихъ примириться съ нами. Было бы опасно и преждевременно предлагать имъ это въ настоящую минуту, но полезно приберечь имъ для этого способъ. «Будемъ избѣгать» (такъ заключаетъ Кюстинъ свой отчетъ отъ 1 апрѣля 1792 г.) «того, что могло бы въ случаѣ разрыва слишкомъ раздражить и озлобить два государства, предназначенныя къ сближенію самой природой».

Слѣдовательно о союзѣ не могло быть и рѣчи. Кюстинъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ и получилъ вѣское подтвержденіе когда, по полученіи инструкцій отъ Дюмурье, отправился по этому поводу къ Шуленбургу. Кюстинъ поставилъ ему на видъ, что интересъ державъ требуетъ мира. «Если принимать въ соображеніе интересъ,—отвѣчалъ Шуленбургъ, —то слѣдуетъ принимать въ расчетъ и честь коронъ, а эта честь оскорблена вашими вызывами, вашими требованіями рѣшительныхъ объясненій, сопровождаемыми угрозами и представляемыми въ видѣ условій мира. Зашла рѣчь о смутахъ въ Бельгіи: Кюстинъ отрицалъ подстрекательство со стороны Франціи: «Наши принципы извѣстны всѣмъ, они устраняютъ духъ завоеванія». Тогда Шуленбургъ спросилъ, какъ мирятся эти принципы съ присоединеніемъ Авиньона. «Въ этомъ случаѣ», возразилъ Кюстинъ, «мы только возвратили себѣ то, что принадлежало намъ ранѣе». Разговоръ принималъ неудобный оборотъ, и Кюстинъ вернулся къ своей темѣ. Онъ настаивалъ на очевидности для Пруссіи прямой выгоды щадить Францію. Шуленбургъ остановилъ его: «Безъ сомнѣнія, разореніе Франціи не было бы выгодно ни одной изъ державъ, исключая, быть можетъ, Англіи. Пруссіи оно повредило бы болѣе, чѣмъ кому-либо другому... Ваши принципы,—прибавилъ онъ,—и ваша конституція ея нисколько не касаются до тѣхъ поръ, пока они примѣняются только у васъ; ихъ неудобство можетъ безпокоить короля только со стороны отпора этому духу прозелитизма, грозящему, повидимому, всѣмъ монархамъ и склонному распространяться во всѣхъ странахъ».—Но, возразилъ Кюстинъ, «если бы Франція представила по всѣмъ этимъ пунктамъ успокоительныя объясненія?» «Кто же ихъ гарантируетъ?— спросилъ Шуленбургъ. На кого же можно положиться у васъ теперь, когда двѣ или три партіи оспариваютъ другъ у друга побѣду и преобладаніе?—Можно положиться на конституцію, отвѣтилъ Кюстинъ. Если насъ принудятъ вести войну, то увидятъ, что партіи, ожесточенно стремящіяся, какъ вамъ это кажется, къ взаимному уничтоженію, сольются во имя защиты конституціи.—Въ такомъ случаѣ война была бы для васъ счастьемъ.—Разумѣется, это весьма возможно».

Шуленбургъ былъ вѣжливъ и внимателенъ во все время бесѣды и обѣщалъ передать ея содержаніе Фридриху-Вильгельму. Отвѣтъ послѣдовалъ 6 апрѣля: король велѣлъ передать Кюстину, что не имѣетъ ничего прибавить къ тому, что уже было сказано Сегюру. Шуленбургъ совѣтовалъ не настаивать на аудіенціи у короля, въ качествѣ посланника, такъ какъ время было въ высшей степени неудобное: Фридрихъ-Вильгельмъ получалъ письма, въ которыхъ ему предсказывали судьбу Густава Ш. Въ рѣчахъ Собранія онъ видѣлъ «причину фанатизма, грозившаго его жизни». Амнистія, дарованная авиньонскимъ убійцамъ, окончательно смутила послѣднихъ сторонниковъ Франціи. «Ничто не повредило намъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія и не лишило насъ сочувствія въ такой степени, какъ именно эта мѣра», писалъ Кюстинъ 10 апрѣля. «Негодовали даже друзья наши, и многіе изъ наиболѣе цѣнныхъ защитниковъ нашей конституціи въ средѣ ученаго и литературнаго міра открыто заявили, что не могутъ стоять на сторонѣ правительства, которое обезчещиваетъ себя подобными мѣрами».

Кюстинъ потерялъ всякую надежду на возможность переговоровъ въ ту минуту, когда получено было извѣстіе объ объявленіи войны. Она была объявлена одной Австріи; но вѣдь существовалъ союзъ между Пруссіей и Австріей, и Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ объявленіе войны и на свой счетъ. 29 апрѣля, немедленно по полученіи извѣстія, онъ вернулся въ Берлинъ и отдалъ приказъ объ ускореніи военныхъ приготовленій, «не скрывая своего гнѣва и страшнаго волненія». Перваго мая Кюстинъ отправился къ Шуленбургу, который сообщилъ ему, что Пруссія начинаетъ кампанію. Прусскій министръ былъ очень взволнованъ рѣчами Собранія и обстоятельствами, сопровождавшими объявленіе войны. Когда же Кюстинъ замѣтилъ, что, и въ случаѣ успѣха и въ случаѣ неудачи, предпріятіе не принесетъ счастья Пруссіи, Шуленбургъ сказалъ: «Этого хотѣли. Вотъ уже десять мѣсяцевъ, какъ съ французскихъ трибунъ раздаются оскорбленія вѣнценосцамъ; съ этимъ надо было покончить». Онъ не скрылъ, что «единственными двигателями рѣшенія прусскаго правительства было равнодушіе къ дальнѣйшей судьбѣ Франціи, къ бѣдствіямъ, ожидающимъ ее въ случаѣ контръ-революціи, наконецъ и желаніе отомстить за прошлое и обезпечить въ будущемъ спокойствіе правительствъ». Оставаться долѣе въ Берлинѣ было безполезно. «Всѣ согласны», писалъ Кюстинъ, «устранить Францію изъ европейскаго равновѣсія и основываютъ свои политическія расчеты на новыхъ элементахъ». 13 мая онъ прибавляетъ: «Положеніе не-

стерпимо и лишено единственной надежды, которая могла бы помочь переносить его,—надежды быть полезнымъ».

Если Кюстина выживали изъ Берлина, не взирая на его имя, званіе, личныя связи и безукоризненный образъ дѣйствій, то эмиссары Дюмурье, которымъ оставалось только интриговать и быть, слѣдовательно, заподозрѣнными въ пропагандѣ, не имѣли никакихъ шансовъ быть выслушанными. Бенуа пріѣхалъ въ Берлинъ 24 апрѣля. Онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Гейманомъ. Шуленбургъ отказался принять его, не желая, какъ онъ выразился, «компрометировать короля сношеніями съ этими негодяями»; однако онъ согласился прочесть составленную Бенуа записку и выслушалъ отъ Геймана отчетъ о бесѣдахъ съ французскимъ агентомъ. Бенуа просилъ въ своей запискѣ, чтобы прусскій король взялъ на себя роль посредника между Франціей и имперіей въ эльзасскихъ дѣлахъ, а ровно и въ дѣлѣ возстановленія порядка во Франціи. Въ частныхъ бесѣдахъ онъ сказалъ и болѣе того, такъ что странность его рѣчей изумила пруссаковъ. Если бы прусскій король, котораго всѣ боятся, говорилъ Бенуа, согласился прибѣгнуть къ миролюбивымъ мѣрамъ, то посредничество его встрѣчено бы было съ готовностью. «Можно бы было даже возстановить дворянство, лишь бы только этотъ пунктъ, какъ и вообще всѣ сколько-нибудь важныя измѣненія въ конституціи, которыя оказались бы желательными, не слишкомъ выдвигались вначалѣ, чтобы не испугать народа». Только одинъ пунктъ не подлежитъ обсужденію, а именно вопросъ объ имуществѣ духовенства. Шуленбургъ вывелъ изъ этихъ внушеній то заключеніе, что французское министерство сильно опасалось Пруссіи и желало отдѣлить ее отъ Австріи. Онъ даже прекрасно угадалъ заднія мысли Дюмурье. Дальнѣйшія событія доказали, что онъ не ошибся, предположивъ, что «въ виду критическаго положенія дѣлъ генералъ хотѣлъ показать, что именно онъ подаетъ поводъ къ возстановленію королевской власти, надѣется, что это поставятъ ему въ заслугу и извлечетъ для себя пользу». Прусскій министръ нашелъ удобнымъ передать обо всемъ въ Вѣнѣ, куда, быть можетъ, и Мольдъ привезъ аналогичныя предложенія; но въ интересахъ Людовика XVI и королевы онъ нашелъ, что не слѣдуетъ отталкивать Бенуа. Полезно заинтересовать его въ безопасности королевской фамиліи; не лишнее также приберечь для Пруссіи, на всякій случай, посредника для сношенія съ революціонной партіей. Шуленбургъ велѣлъ отвѣтить Бенуа, что Пруссія твердо держится концерта, что она не покинетъ Австріи и не начнетъ никакихъ переговоровъ съ Франціей до тѣхъ поръ, пока найдетъ тамъ правительство, способное подавить анархію и возстановить королевскую власть. Истинный смыслъ этого сообщенія выдалъ себя въ комментаріи Геймана. «Уѣзжайте скорѣй», сказалъ онъ Бенуа 29-го апрѣля, передавая ему слова Шуленбурга; «постарайтесь избѣжать открытія военныхъ дѣйствій. Затѣмъ, спасите короля, устройте у себя правительство, мы будемъ ваши, и дѣлайте что хотите съ духовенствомъ и дворянствомъ». «Выказывайте особую предупредительность къ Пруссіи», прибавилъ Гейманъ, «продолжайте ругать Австрію, если это необходимо для вашей популярности; Пруссія объяснитъ въ Вѣнѣ, что должно объ этомъ думать».—Бенуа уѣхалъ на другой день, объявивъ, что послѣднее слово еще не сказано, что онъ вернется, когда и куда пожелаетъ Пруссія.—Быть можетъ, прибавилъ онъ, что для успѣха переговоровъ было бы удобнѣе, чтобы прусская армія находилась на французской территоріи.—Дѣйствительно, на этихъ условіяхъ Бенуа возобновилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и именно въ Шампанѣ, бесѣду, прерванную въ Берлинѣ.

Остальные два эмиссара Дюмурье пріѣхали въ Берлинъ, когда уже ничего нельзя было исправить. Ривальсъ и Бей только что посѣтили югъ Германіи. Тамъ они встрѣтили настроеніе тѣмъ болѣе миролюбивое, чѣмъ усерднѣе оба путешественника увѣряли, что французы не перейдутъ черезъ Рейнъ. Въ Берлинъ они явились 12-го мая. Ривальсъ объявилъ о своемъ званіи секретаря посольства; Бей почелъ за лучшее умолчать о своемъ. Герцбергъ, къ которому онъ отправился, принялъ его «весьма любезно», но объяснилъ, что ни во что не вмѣшивается, что его сочувствіе къ Франціи только содѣйствуетъ немилости, въ которой онъ находится, и что онъ ничего не можетъ выслушивать безъ согласія короля. Въ заключеніе онъ посовѣтовалъ собесѣднику уѣзжать изъ Берлина, что тотъ и исполнилъ 4-го іюня. Эти прибытія и отъѣзды агентовъ довершали затруднительное положеніе Кюстина. Онъ думалъ уже искать пріюта, до формальнаго своего отозванія, въ Рейнсбергѣ, у принца Генриха; но Шуленбургъ извѣстилъ, что его продержатъ въ Берлинѣ до той минуты, когда задержанные въ Парижѣ Блумендорфъ и прусскій курьеръ получатъ также возможность оттуда выѣхать. Кюстинъ, слѣдовательно, долженъ былъ служить заложникомъ за австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ: вотъ все, что оставалось отъ грандіознаго плана союза съ Пруссіей. Тѣмъ не менѣе Дюмурье еще не могъ покориться необходимости отступленія съ поля берлинскихъ происковъ, въ которыхъ считалъ себя великимъ знатокомъ, и на которомъ надѣялся на такіе крупные выигрыши. Онъ былъ дѣйствительно близко знакомъ со всѣми ухищреніями старой дипломатіи и не хотѣлъ отказываться ни отъ одной карты, не пустивъ ее въ ходъ. Ему ассигновали шесть милліоновъ секретныхъ фондовъ; на эти средства можно было дѣйствовать, и онъ попытался. Въ Цвейбрюккенъ былъ посланъ имъ совѣтникъ посольства Нальякъ, одинъ изъ «постоян-

ныхъ странствующихъ агентовъ» прежней дипломатіи. Агентъ принадлежалъ къ числу весьма искусныхъ; онъ нашелъ маленькій дворъ въ страхѣ и волненіи. Малодушный, расточительный, алчный и обремененный долгами герцогъ и безтолковый хлопотунъ министръ Эзебекъ дрожали въ ожиданіи вторженія французовъ. Если бы они попытались дать имъ отпоръ, ихъ удалили бы безъ промедленія; если же выказали бы хоть нѣкоторую покорность, Германія сочла бы ихъ врагами. Наконецъ, герцогъ былъ наслѣднымъ принцемъ Баварскимъ, Австрія грозила ему экспропріаціей; онъ крайне нуждался въ томъ, чтобы Франція обезпечила ему наслѣдство. Нарбоннъ намѣревался подѣйствовать на этого герцога посредствомъ подкупа его побочныхъ дѣтей. Дюмурье думалъ найти въ немъ убѣжденнаго посредника при прусскомъ дворѣ. Куртажъ за это предлагался не малый. «Вы можете», писалъ онъ Нальяку 19 мая, «объявить министру, что если ему удастся задержать выступленіе прусскихъ войскъ и убѣдить берлинскій дворъ держаться нейтралитета, подобно остальной имперіи, то герцогъ Цвейбрюккенскій получитъ милліонъ, а двѣсти тысячъ ливровъ будетъ дано тому или той, кто приведетъ это дѣло къ успѣшному концу». Дѣло не увѣнчалось успѣхомъ. На сдѣланныя имъ предложенія, прусскіе министры отвѣчали 7-го іюня, что Пруссія не отдѣлится отъ Австріи, и прибавили: «Невозможно вступать въ какіе-либо переговоры ранѣе возстановленія во Франціи законнаго правительства, единственнаго, съ которымъ возможно вступать въ сношеніе».

Въ тотъ же день Кюстинъ, узнавъ о пріѣздѣ въ Брюссель графа Гольца и извѣщенный о томъ, что ему выдадутъ паспорты, потребовалъ ихъ и, уѣзжая 9-го, написалъ Дюмурье: «Берлинскій дворъ болѣе остальныхъ желаетъ теперь скорѣйшей и непремѣнной экспедиціи во Францію... Соглашеніе съ Россіей уже не подлежитъ сомнѣнію. Все это предвѣщаетъ и рѣшитъ, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ полагаютъ, раздѣлъ Польши». За четыре дня передъ тѣмъ, 5 числа, Блумендорфъ выѣхалъ изъ Парижа, а Ноаля пригласили выѣхать изъ Вѣны. Все посольство уѣзжало одновременно, въ томъ числѣ и Мезонъ, который привезъ объявленіе войны. Онъ уже успѣлъ убѣдиться, что пребываніе его въ Вѣнѣ было бы безполезно; къ тому же ему формально выразили желаніе отъ него избавиться.

Переговоры съ Пруссіей не удались. Въ Сардиніи къ нимъ оказалось невозможнымъ и приступить. Король горѣлъ сочувствіемъ къ коалиціи. Онъ ждалъ отъ нея именно той выгоды, которую предлагала ему Франція: присоединенія къ своимъ владѣніямъ Ломбардіи; но вмѣсто того, чтобы получить ее, вопреки Австріи и въ обмѣнъ на Савойю и Ниццу, которыя пришлось бы уступить Франціи, онъ надѣялся пріобрѣсти Ломбардію изъ рукъ самой Австріи въ вознагражденіе за завоеванія, которыя помогъ

бы ей совершить на счетъ Франціи. Въ такомъ-то настроеніи находился сардинскій король, когда его извѣстили, что парижское правительство присылаетъ къ нему агента и назначило для этой миссіи г. Семонвилля, аккредитованнаго до тѣхъ поръ въ Генуѣ. При одномъ имени агента, Викторъ-Амедей вышелъ изъ себя: «Я его не приму,—закричалъ онъ;—я не унижусь до того, чтобы принять въ своемъ королевствѣ подобнаго якобинца». Выборъ былъ дѣйствительно не совсѣмъ удаченъ, если принять во вниманіе, что сардинскій дворъ былъ близокъ и французской королевской фамиліи, и эмиграціи. «Дѣятельный, ловкій, умный, необыкновенно способный къ политическимъ интригамъ и склонный къ нимъ помимо выгодъ, которыя онѣ могли ему доставить, Семонвилль, — говоритъ о немъ Ла-Маркъ,—былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ адептовъ и опытнѣйшихъ провизоровъ пресловутой «политической аптеки» Мирабо. Послѣ смерти своего покровителя и друга, великаго трибуна, онъ пустился въ дипломатію и внесъ туда ту же привычку къ происканъ, ту же склонность къ агитаціи и полицейскимъ средствамъ. Въ Генуѣ, какъ было слышно, онъ работалъ надъ революціонированіемъ Италіи, и эмигранты, съ которыми онъ велъ ожесточенную борьбу, давно уже доносили на него туринскому двору. Подъ предлогомъ недостаточной оформленности его назначенія, Викторъ Амедей приказалъ губернатору Александріи задержать Семонвилля и отказать ему въ выдачѣ паспорта, что и было исполнено 19 апрѣля. Дюмурье объявилъ 21-го съ трибуны Собранія, что потребуетъ громкаго удовлетворенія. На самомъ дѣлѣ онъ потребовалъ его весьма спокойно и отложилъ дѣло въ долгій ящикъ. Дѣло въ томъ, что онъ надѣялся возобновить сношенія съ Викторомъ-Амедеемъ и пытался при посредничествѣ жившаго въ Парижѣ сардинца, барона Трикетти, препроводить къ королю другого посланника, а именно бывшаго генеральнаго консула Одибера Кайля. Этотъ новый агентъ долженъ былъ уладить столкновеніе изъ-за Семонвилля и добиться нейтралитета Сардиніи. Сардинцы не отказывали, но и не изъявляли положительнаго согласія; они заставили Одибера ждать паспорта до той поры, когда нашли удобнымъ объявить о полномъ разрывѣ съ Франціей. 2 іюля графъ Виретти, секретарь короля, къ которому обращался Одиберъ, отвѣтилъ ему формальнымъ отказомъ: «Невозможно,—сказалъ онъ,—вступать въ переговоры съ правительствомъ, основанномъ на пескѣ, и въ ту минуту, когда Франція стоитъ на краю пропасти и близка къ своему разрушенію». Это былъ отвѣтъ, тождественный съ берлинскимъ. Испанія согласилась принять французскаго посланника Бургоана, но пріемъ былъ холоденъ со стороны короля и королевы и почти оскорбителенъ—со стороны придворныхъ. Испанія боялась вмѣшиваться въ войну; она надѣялась, что Австрія и

ОПИТ ОРАН

Пруссія успѣютъ возстановить во Франціи королевскую власть; Испанія выжидала. Къ тому же самая обыкновенная осторожность заставляла ее воздержаться, такъ какъ Англія сохраняла нейтралитетъ. Этотъ англійскій нейтралитетъ начиналъ принимать однако же довольно замѣтный оттѣнокъ недоброжелательности и тревоги. Причиною тому была яростность пропаганды въ Парижѣ и открытая организація ея на бельгійской границѣ.

24 мая лордъ Гренвилль въ миролюбивой нотѣ, врученной Шовелену, указывалъ на уваженіе правъ Англіи и ея союзниковъ, какъ на условіе англійскаго нейтралитета. Кого же слѣдовало понимать подъ именемъ союзниковъ Англіи? Подразумѣвалась ли Голландія? Или, можетъ быть, рѣчь шла о Пруссіи? И не думали ли въ Лондонѣ, что Франція будетъ уважать ихъ права даже въ томъ случаѣ, если они сами не будутъ платить ей тѣмъ же? Шовеленъ попробовалъ заставить объяснить это обстоятельство, но лордъ Гренвилль не выказывалъ готовности къ подобному разъясненію. Онъ сказалъ только, что имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, Голландію. «Но,—замѣтилъ Шовеленъ,—если Англія озабочена преимущественно Голландіей, то въ соображеніяхъ Франціи первое мѣсто занимаетъ Пруссія». Гренвилль согласился, что такъ какъ Англія имѣетъ исключительно оборонительные союзы, то *casus foederis* поставится для нея лишь въ случаѣ нападенія на ея союзниковъ; онъ не можетъ имѣть мѣста, если «кто-либо изъ союзниковъ ея произведетъ нападеніе». Эти неопредѣленныя объясненія заставили призадуматься Дюмурье. Со времени Утрехтскаго и Баррьерскаго договоровъ до Гагской конвенціи 1790 г., Англія заключила не мало оборонительныхъ трактатовъ и неоднократно гарантировала Бельгію австрійскому дому множествомъ различнаго рода договоровъ. «Будетъ ли она считать себя въ правѣ воспротивиться вторженію французскихъ войскъ въ Нидерланды?» Для Дюмурье было необходимо выяснить этотъ пунктъ такъ, чтобы не оставить ни малѣйшихъ недоразумѣній. Онъ немедленно написалъ Шовелену и прибавилъ по поводу Голландіи: «Мы желаемъ продолжать жить въ наилучшемъ согласіи съ республикой, и всѣ наши переговоры въ Гагѣ вполнѣ направлены къ этой цѣли; но необходимо, чтобы и Голландія гарантировала намъ полнѣйшій нейтралитетъ». Послѣдствіемъ торжества французскихъ войскъ въ Бельгіи будетъ революція. Франція обязана будетъ, «въ силу законовъ чести и справедливости, поддержать эту независимость, а слѣдовательно и новую форму правленія, которая будетъ введена въ этихъ провинціяхъ». Если Голландія вмѣшается въ силу своихъ договоровъ съ Австріей, отнесется ли Англія въ этомъ случаѣ къ Франціи, какъ къ нападающей сторонѣ? Наконецъ, если ратисбоннскій сеймъ объявитъ войну Франціи, а король

Георгъ приметъ въ ней участіе въ качествѣ ганноверскаго курфирста, сочтетъ ли себя Англія связанной такимъ обстоятельствомъ?

Депеша Дюмурье имѣла весьма настоятельный характеръ. Французскіе уполномоченные не нашли для себя возможнымъ заговорить съ англичанами такимъ рѣшительнымъ тономъ. Они полагали,—и въ этомъ нельзя не видѣть вліянія Талейрана,—что не слѣдуетъ ставить вопросы съ такою ясностью и развивать ихъ съ такою строгою послѣдовательностью; что лучше приходить къ основанному на недоразумѣніи соглашенію, чѣмъ подвергать себя неудобствамъ разрыва, стараясь о разъясненіи недоразумѣнія; что весьма важно не выказывать сомнѣнія ни въ себѣ, ни въ другихъ; что нѣтъ надобности настаивать на разъясненіи эластическаго слова *союзники* и что полезнѣе просто требовать отъ Англіи, чтобы она посовѣтовала своимъ друзьямъ держаться одного съ нею образа дѣйствій. Такимъ путемъ ей былъ бы доставленъ поводъ отклонить отъ содѣйствія Австріи Голландію, Пруссію и германскій союзъ. Талейранъ и Шовеленъ расчитывали, что Англію заставитъ рѣшиться на такую политику вторженіе русскихъ въ Польшу, что должно было возбудить тревогу и въ Лондонѣ и въ Берлинѣ.

Въ такомъ смыслѣ редактирована была ими меморія, которую Шовеленъ передалъ 18-го іюня Гренвиллю. Обстоятельства, впрочемъ, казались имъ настолько серьезными, что въ видахъ освѣдомленія о нихъ французскаго министерства, они отправили къ нему вѣрнаго агента, которому было поручено дополнить свѣдѣнія, заключавшіяся въ ихъ корреспонденціи, словесными разъясненіями. Дѣло шло о пропагандѣ и создаваемыхъ ею для ихъ дѣятельности затрудненіяхъ. Въ то самое время, какъ они принимали въ Лондонѣ обязательство уважать права Голландіи и требовали отъ этой республики безусловнаго нейтралитета, въ Парижѣ открыто вербовали «батавскихъ патріотовъ» и говорили о революціонированіи Соединенныхъ Провинцій. «Мы всегда возставали противъ этого злополучнаго духа прозелитизма, создавшаго Франціи столько внѣшнихъ враговъ», писали французскіе уполномоченные. Они просили декларацію, объявившей бы, что Франція подавитъ эти подстрекательства иноземцевъ къ возстанію: это произвело бы наилучшее впечатлѣніе въ Англіи и Голландіи. «Мы настаиваемъ на томъ мнѣніи,—прибавляли они нѣсколько недѣль спустя,—«что если бы вмѣсто одобренія людямъ, сѣявшимъ смуты въ иностранныхъ государствахъ, громко объявили бы во Франціи о величайшемъ уваженіи къ правительствамъ другихъ странъ и рѣшеніи не допускать ничего враждебнаго по отношенію къ нимъ, то легче было бы предотвратить укрѣпленіе грозной лиги, образовавшейся противъ французской революціи».

Такое мнѣніе было несомнѣнно политично, но въ то же время оно обличало полнѣйшее непониманіе характера и интенсивности революціоннаго движенія. Дюмурье находился, такъ сказать, въ бѣличьемъ колесѣ. Онъ расчитывалъ на переговоры для облегченія успѣшности войны, а между тѣмъ выходило, что объявленіе войны препятствовало веденію переговоровъ. Онъ надѣялся, что быстрое объявленіе войны, за которымъ послѣдовалъ бы славный миръ, поднимете значеніе правительства и задушитъ демагогію; но оказалось, что безсиліе правительственной власти отдавало Францію на произволъ демагоговъ, а торжество ихъ превращало войну съ Австріей въ европейскую войну, въ которой изолированная предъ лицомъ коалиціи Франція ставила на карту свою судьбу. Но событія никогда не смущали Дюмурье. Необычайная подвижность его ума, подвергавшая его столькимъ неудачамъ, въ то же время помогала ему находить исходъ изъ затруднительныхъ положеній. Ему оставалось еще испробовать послѣднее средство старой дипломатіи, примѣняемое въ отчаянныхъ случаяхъ: онъ попытался взволновать турокъ и вызвать диверсію на Востокѣ.

По поводу политики Екатерины II, которую понималъ съ достаточною ясностью, Дюмурье писалъ Женету 10-го іюня: «Я думаю, что озабоченная скорѣе своими планами относительно Польши, чѣмъ войною въ Нидерландахъ, она отвлечетъ вниманіе вѣнскаго и берлинскаго двора заманчивыми обѣщаніями, для того, чтобы помѣшать Пруссіи раздѣлить Польшу». Открывъ эти замыслы туркамъ, онъ полагалъ, что побудитъ ихъ объявить войну. Посланникъ, находившійся въ Константинополѣ, Шуазёль Гуфье, слылъ роялистомъ во внутренней и руссофиломъ во внѣшней политикѣ. Этотъ человѣкъ менѣе всего пригоденъ былъ для дипломатической миссіи, задуманной Дюмурье. Поэтому онъ рѣшился поручить ее Семонвиллю, вернувшемуся, послѣ своей александрійской неудачи, въ Геную. Онъ написалъ ему 12-го іюня, чтобы тотъ готовился къ немедленному отъѣзду въ Константинополь. Въ инструкціяхъ Семонвиллю предписывалось разъяснить туркамъ причины, заставляющія Францію измѣнить свою систему. Въ былое время имъ съ великимъ трудомъ объяснили, что, переставъ воевать съ Австріей, Франція приглашаетъ ихъ жить въ мирѣ съ своей новой союзницей. Теперь приходилось объяснять имъ, какимъ образомъ вернулись къ прежнимъ традиціямъ, доказать, что, новая конституція не ослабляла рессурсовъ государства, убѣдить, что Франція останется ихъ вѣрною союзницею, наконецъ пригласить ихъ произвести диверсію, соединившись съ поляками для нападенія на Россію. Туркамъ желательно было отомстить за свое пораженіе. Семонвиль долженъ былъ «внушить имъ желаніе возвратить себѣ всѣ утраченныя выгоды». Это значило косвеннымъ образомъ указывать на Крымъ. Семонвилль долженъ

былъ намекнуть также и на готовность Франціи содѣйствовать Портѣ въ этомъ предпріятіи. «Онъ долженъ положительно утверждать, что Франція вооружаетъ въ настоящую минуту въ Тулонѣ пятнадцать кораблей и что этотъ флотъ предназначается для недопущенія русскихъ въ Средиземное море». Роскошные подарки должны были расположить Диванъ къ выслушанію и признанію мудрости только что указанныхъ совѣтовъ.

Эти предложенія являются дополненіемъ военныхъ и дипломатическихъ плановъ Дюмурье. Онъ впадалъ въ ошибку, и притомъ довольно странную: импровизованный министръ вѣдь не грѣшилъ незнаніемъ Европы, но Франція спутала всѣ его расчеты. Выскочка революціонной эпохи всего менѣе понималъ ту революцію, которая доставила ему власть. Онъ судилъ о ней какъ дипломатъ стараго порядка и въ этомъ отношеніи ошибался совершенно такимъ же образомъ, какъ и государственные люди старой Европы. Но если характеръ революціи, вслѣдствіе своей новизны, ускользалъ отъ пониманія даже тѣхъ людей, которые плыли по ея теченію и имѣли претензію направлять ее, то Европа оставалась неизмѣнной; вотъ почему комбинаціи Дюмурье въ существенной ихъ части должны были снова примѣняться ранѣе или позднѣе, что и случилось въ весьма скоромъ времени. Имъ противодѣйствовала, главнымъ образомъ, Пруссія. Но именно эта держава первая оправдала ихъ и положила въ основу своей политической системы. Миръ подписанный въ Базелѣ въ 1795 г. былъ лишь слѣдствіемъ предложенныхъ въ 1792 г. условій. Событія, сдѣлавшія этотъ миръ необходимымъ, подготовлялись именно въ то время, когда Дюмурье объявлялъ его возможнымъ. Коалиція уже была подорвана въ самомъ основаніи. Едва успѣли воздвигнуть зданіе, какъ оно растрескалось и уже обозначилось то мѣсто, въ которое пробьетъ брешь осаждающій.

ГЛАВА II.

Низложеніе.

1792 г.

I.

28-го апрѣля всѣ три колонны сѣверной арміи, которымъ предстояло вторгнуться въ Бельгію, выступили въ походъ. Генералъ Диллонъ встрѣтился съ австрійцами; его кавалерія не выдержала даже вида непріятеля, повернула лошадей, бросилась въ разсыпную и, объятая паникой, добѣжала до самаго Лилля, крича объ измѣнѣ. Раненный собственными солдатами, Диллонъ былъ убитъ городскою чернью. Бирономъ потерпѣлъ такую же неудачу и избѣжалъ участи Диллона только благодаря энергіи судебнаго персонала города Валансьенна. Лафайетъ, шедшій къ Намюру съ главнымъ корпусомъ, остановился, какъ только узналъ объ этихъ бѣдствіяхъ, и отступилъ. Унизительная неудача обличала нестройность въ командованіи, недостаточную организацію, отсутствіе дисциплины въ войскахъ и подтверждала вполнѣ увѣренія эмигрантовъ и надежды нѣмцевъ. Если бы союзники были готовы въ это время, они нанесли бы французской арміи пагубные удары; но австрійскія войска, стоявшія въ Нидерландахъ, были способны только защищаться: ожидавшіяся ими подкрѣпленія еще не явились къ мѣсту назначенія и даже пруссаки, хотя и болѣе подготовленные и расположенные драться, еще не перешли чрезъ свою границу. Медлительность союзниковъ позволила Франціи оправиться отъ плачевной неудачи и исправить ея послѣдствія. Уже съ самаго начала проявилась спасительная для Франціи медленность союзническихъ войскъ, которая и позднѣе постоянно задерживала ихъ наступленіе. То же препятствіе, которое задержало ихъ выступленіе, мѣшало впослѣдствіи и успѣшности ихъ дѣйствій.

Въ ту минуту какъ Австрія и Пруссія отдавали приказъ своимъ войскамъ двинуться на Францію, Екатерина II двинула свои войска въ Польшу. Нѣмцы шли во Францію съ цѣлью прекратить анархію, русскіе отправлялись въ Польшу, чтобы возстановить ее; первые намѣревались разрушить конституцію, ослаблявшую королевскую власть, вторые боролись противъ конституціи, имѣвшей цѣлью утвердить власть короля. Полное отсутствіе принциповъ, характеризующее Европу стараго порядка, никогда не проявлялось болѣе ярко, чѣмъ въ этомъ великомъ кризисѣ. Одной и той же эпохѣ предстояло увидѣть Людовика XVI низложеннаго его народомъ и погибшаго на эшафотѣ за то, что вступилъ въ заговоръ съ европейскими государями въ видахъ возстановленія королевской власти во Франціи, и Станислава-Августа, лишеннаго престола царственными союзниками Людовика XVI и умирающаго въ изгнаніи за то, что вмѣстѣ со своимъ народомъ конспирировалъ въ пользу утвержденія монархіи въ Польшѣ. Это противорѣчіе не было порождено случайнымъ совпаденіемъ противоположныхъ намѣреній. Оба предпріятія, вызвавшія эти слѣдствія, были задуманы въ одно и то же время и развивались одновременно. Между ними существовала связь, образующая, такъ сказать, самую основу этой исторіи, и ихъ взаимодѣйствіе опредѣлило всѣ дѣйствія Европы въ эпоху французской революціи.

Несмотря на горячность и патріотизмъ авторовъ революціи 3-го мая 1791 года, преобразованіе польскаго государства шло слишкомъ медленнымъ путемъ. Сеймъ довелъ составъ арміи до 100.000 человѣкъ. Но только 50.000 удалось поставить на военную ногу и весьма посредственно снабдить всѣмъ необходимымъ. Побѣжденные 3 мая, то есть старая русская партія и вожди аристократической котеріи, на минуту смущенные, вскорѣ оправились. Не видя иного способа возстановленія прежняго режима какъ слѣдованіе прежнимъ обычаямъ, они обратились къ Екатеринѣ. Они требовали традиціонныхъ вольностей, разумѣя подъ этимъ *liberum veto* и *право конфедераціи*, представлявшія, въ сущности, лишь конституированіе анархіи и право на гражданскую усобицу. Французскіе эмигранты ставили свои привилегіи выше самой жизни своего короля; поляки—удалившіеся въ Россію, также считали свои преимущества первымъ и единственнымъ дѣломъ государства. Екатерина держала ихъ на почтительномъ разстояніи, подавая имъ нѣкоторыя надежды, до того времени, пока не заключила мира съ турками; но послѣ утвержденія ясскаго договора, она приняла ихъ въ Петербургѣ. Здѣсь они подготовили при ея помощи планъ конфедераціи. Близкіе императрицѣ люди находили выгоднымъ поддерживать польскихъ магнатовъ. Потемкинъ умеръ. Онъ мечталъ о польской коронѣ. Честолюбіе Зубова не простиралось такъ далеко; онъ искалъ въ Польшѣ однѣхъ матеріальныхъ выгодъ; въ подчиненіи республики онъ усматривалъ лишь возможность удаленія магнатовъ изъ ихъ помѣстій и завладѣнія старостами...

Увѣренная въ нейтралитѣ Пруссіи, считая неизбѣжною войну между Франціей и Австріей, Екатерина двинула 8-го апрѣля обѣ арміи, назначенныя ею для подчиненія поляковъ. Одна изъ этихъ армій, только что

пришедшая съ Дуная, насчитывала 64000 человѣкъ; другая, шедшая съ сѣвера—32000. Въ то же время императрица дала знать въ Вѣну и Берлинъ о своемъ отказѣ присоединиться къ признанію тайной статьи договора 7 февраля, установлявшей обязательство «ничего не предпринимать прогивъ цѣлости и сохраненія въ Польшѣ свободной конституціи».

Сеймъ собрался въ Варшавѣ 16-го апрѣля, подъ впечатлѣніемъ извѣстій самаго грознаго свойства. Онъ поручилъ королю главное командованіе войсками, рѣшилъ поднять ополченіе, въ случаѣ недостаточности регулярной арміи, и вотировалъ заемъ въ 30 милліоновъ флориновъ. Ни одинъ польскій король не пользовался еще такою обширною властью и не располагалъ такими широкими средствами. Станиславъ-Августъ не оказался достойнымъ чести, которую ему оказывали сограждане... Его уступчивость во время раздѣла 1772 г. должна бы предостеречь ихъ относительно слабости его характера. Онъ дрожалъ за свои помѣстья; смерть Густава Ш испугала его. Блестящій и любезный дворянинъ, Станиславъ-Августъ не принадлежалъ къ людямъ того закала, которые спасаютъ свой народъ, становясь во главѣ его въ минуту опаснаго кризиса.

Еще ранѣе окончательнаго конституированія конфедераціи, 30 апрѣля Екатерина написала своему дипломатическому агенту Булгакову, что ея войска вступятъ въ Польшу между 12 и 22 мая, съ цѣлію оказанія поддержки конфедератамъ. Послѣдніе собрались въ Тарговицѣ. Манифестъ, которымъ они призывали Польшу къ междуусобной войнѣ, былъ написанъ на декламаторскомъ жаргонѣ того времени и его слогъ напоминалъ слогъ парижскихъ революціонеровъ. Эти мятежные магнаты объявляли народу о заговорѣ противъ его вольностей, составленномъ «ненасытной въ дѣлѣ господства» королевскою властью. «Тираннія куетъ цѣпи для Польши». «Сердце гражданина затрепетало отъ горести!» Времена анархіи восхвалялись диѳирамбическимъ слогомъ: «То было время, когда царилъ законъ! Тогда не бывало столкновеній между силой и свободой... При видѣ такого равновѣсія затрепетало честолюбіе, жадно стремящееся къ обширной власти; оно вознамѣрилось поработить доблестныхъ республиканцевъ при помощи ихъ собственной доблести».—Инсуррекція является въ глазахъ конфедератовъ священнѣйшимъ долгомъ; они объявляютъ сеймъ закрытымъ, дѣла его недѣйствительными, конституцію 3 мая упраздненной. Они ставятъ народныя вольности подъ охрану Екатерины II; они довѣряются въ дѣлѣ своей независимости «великодушію этой государыни». 18 мая Булгаковъ передалъ сейму полученную изъ Петербурга декларацію. Екатерина обвиняла польскій сеймъ въ томъ, что онъ «узурпировалъ, совмѣстилъ въ себѣ всѣ роды власти», нарушилъ законы, возбудилъ народъ къ мятежу», «привелъ въ исполненіе всѣ свои пагубные замыслы, разрушивъ до основанія правительственную власть», замѣнилъ, однимъ словомъ, республиканскій режимъ наслѣдственною монархіей.

Въ минуту грозившей имъ опасности, поляки обратились къ Пруссіи. Они видѣли въ своей средѣ, въ залѣ засѣданій сейма, присутствующимъ при ихъ дебатахъ того самаго Луккезини, который нѣкогда поощрялъ ихъ стремленія къ независимости. Они получили изъ его рукъ договоръ, въ которомъ Фридрихъ-Вильгельмъ гарантировалъ своимъ королевскимъ словомъ неприкосновенность республики. Но Луккезини дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, когда ему напоминали объ этомъ. «Этотъ хитрецъ Луккъ», какъ называлъ его Гриммъ, не отличался излишнею стыдливостью.—Мой государь,—сказалъ онъ полякамъ 4 мая,—не считаетъ себя обязаннымъ, въ силу договора 29-го марта 1790 г., къ вооруженной защитѣ наслѣдственной монархіи, установленной конституціей 3 мая 1791 г.—Дѣйствительно эта конституція не удовлетворяла Фридриха-Вильгельма, и берлинскимъ законникамъ, повидимому, достаточно было того, чтобы государство перешло отъ республиканскаго строя къ монархическому, чтобы освободить прусскаго короля отъ гарантіи, данной имъ самимъ этому государству. Несмотря на такое предостереженіе, поляки имѣли простодушіе сослаться на договоръ 1790 года: этимъ они вызвали нахальный отвѣтъ Луккезини: «Король громко свидѣтельствуетъ о своей лойяльности, отказываясь отъ своихъ обязательствъ 1790 г.». Небольшая армія патріотовъ, тѣснимая со всѣхъ сторонъ превосходившимъ ее непріятелемъ, принуждена была отступить. Поляки увидѣли, что имъ не остается ничего другого, какъ послѣдовать совѣту засѣдавшихъ въ Тарговицѣ конфедератовъ, то есть «возложить надежды на великодушіе и безкорыстіе Великой Екатерины».

Императрица также связана была договорами и, повидимому, болѣе важными, чѣмъ договоры прусскаго короля и польской республики. Союзъ, заключенный съ Австріей въ 1781 г., былъ возобновленъ и продолженъ на восемь лѣтъ въ 1789 г. Въ случаѣ нападенія на Австрію со стороны Франціи, Австрія имѣла право требовать поддержки Россіи. Екатерина ожидала этого; она только что получила изъ Вѣны и Берлина приглашеніе принять участіе въ союзѣ, составленномъ обоими дворами по поводу французскихъ дѣлъ. Императрица отвѣчала Францу: «Безъ сомнѣнія, прекрасно начинать свое поприще предпріятіемъ, цѣль котораго предохраненіе всей Европы отъ заразы примѣра въ одно и то же время пагубнаго и скандалёзнаго». «Я вполнѣ сочувствую этому благородному намѣренію», пишетъ она далѣе. Но если то, что происходитъ въ странѣ, находящейся на далекомъ разстояніи отъ моего государства, въ сильной степени обращаетъ на себя мое вниманіе, то насколько болѣе должна я

озаботиться тѣмъ, что происходитъ въ самомъ непосредственномъ сосѣдствѣ моемъ!» «Переворотъ, внесенный въ польскую республику конституціей 3 мая, вызоветъ въ ней безпорядки, аналогичные французскимъ. Пора дать отпоръ злу, которое такъ быстро распространяется во всѣхъ странахъ. Я займусь этимъ дѣломъ, а потому имѣла бы право потребовать отъ Австріи для борьбы съ поляками содѣйствія, условленнаго нашимъ союзомъ; но я признаю, что среди настоящихъ затрудненій своихъ, Австрія не можетъ легко выполнить такое требованіе, и, уважая эти затрудненія, я согласна ничего не требовать. Къ тому же союзъ 1781 г. заключенъ былъ формально и въ общей формѣ; слѣдовательно излишне было бы приступать къ новому союзу изъ-за Франціи». Такой взглядъ предупреждалъ всякія возраженія со стороны Австріи... Между тѣмъ, эмигранты продолжали надѣяться на помощь Екатерины. Братья французскаго короля только и говорили, что о восемнадцати тысячахъ русскихъ солдатъ, готовыхъ двинуться къ Рейну, и о швейцарскихъ наемныхъ войскахъ, которымъ будетъ платить русская императрица. «Они выступятъ черезъ три недѣли», писалъ Ферзенъ 10 іюня. Эти три недѣли означали для Екатерины время, необходимое для окончанія польской кампаніи; результатомъ было то, что ни русскіе, ни швейцарцы не появились на берегахъ Рейна. Эмигранты тѣмъ не менѣе продолжали стоять за императрицу и осыпать бранью австрійскій эгоизмъ. Дѣло въ томъ, что Екатерина ставила оффиціально четыре условія для принятія участія въ коалиціи, и эти условія приводили въ восторгъ эмигрантовъ: ничего не слѣдовало предпринимать помимо принцевъ; никакія сдѣлки съ мятежниками не должны быть допускаемы; французское королевство не будетъ расчленено и монархія не получитъ конституціи. Австрія выражала совершенно другіе взгляды и потому ею были недовольны. Уклоняясь отъ предложеній Австріи и Пруссіи, Екатерина внушала французскимъ принцамъ, что эти двѣ державы замышляютъ раздѣлъ Франціи и дѣлаютъ невозможнымъ для нея оказаніе помощи. «Почему вы полагаете», писала она Гримму 20 мая 1792 г., «что польскія дѣла не могутъ быть поставлены наравнѣ съ французскими и идти съ ними рядомъ? Повидимому, вамъ неизвѣстно, что якобинское гнѣздо въ Варшавѣ поддерживаетъ постоянныя сношенія съ парижскими якобинцами... И вы хотите, чтобы я бросила свои интересы и интересы моей союзницы республики и моихъ друзей республиканцевъ для того, чтобы заниматься исключительно парижскимъ якобинскимъ гнѣздомъ? Нѣтъ, я побью его и буду бороться въ Польшѣ; но я вслѣдствіе этого не перестану заниматься и французскими дѣлами и помогу разогнать скопища санкюлотовъ такъ же, какъ то будутъ дѣлать и другіе».

Саркастическій умъ императрицы выразился вполнѣ въ ея дипломатіи за этотъ періодъ времени. Пруссаки не могли не оцѣнить тонкости этого ума. Но они, безъ сомнѣнія, не могли считать этого для себя достаточнымъ. Впрочемъ, въ Берлинѣ были отчасти расположены къ Россіи. Пруссія уже рѣшила покончить съ Польшей. Въ Берлинѣ признавали, что установленная Фридрихомъ система союза съ Россіей доставила, въ былое время, монархіи прекраснѣйшую провинцію, что союзъ съ Польшей принесъ одни убытки, а потому естественнымъ образомъ возвращались къ системѣ Фридриха Великаго. 24 мая русскій посланникъ предложилъ прусскимъ министрамъ обсудить планъ отдѣльнаго союза; союзъ имѣлъ бы цѣлью принципіальную борьбу противъ французской революціи. Прусскій король ничего не имѣлъ противъ такой борьбы, а также и противъ возможности казаться безкорыстнымъ относительно Франціи, если будетъ имѣть случай вознаградить себя изъ другого источника. Къ тому же агентъ Екатерины, князь Нассау-Зигенскій, внушалъ, что въ концѣ концовъ лучше было бы отнять у Франціи нѣсколько провинцій, чѣмъ ослабить королевскую власть. Итакъ, были увѣрены, что убытка ни въ какомъ случаѣ не послѣдуетъ, а раздѣлъ будетъ имѣть мѣсто во всякомъ случаѣ. Но прежде заключенія сепаратнаго союза съ Россіей, Пруссія, по смыслу договора 7 февраля, должна была сообщить о немъ Австріи: всѣ затрудненія возникли вновь.

Австрія упорно стояла за исключеніе изъ коалиціи французскихъ принцевъ и эмигрантовъ; она противилась возстановленію абсолютной монархіи; что касается завоеваній, то не рѣшалась еще высказаться по этому поводу категорически. Правда, Кауницъ находилъ удобнымъ взять на всякій случай у Франціи то, что въ случаѣ надобности можно было оставить за собою и такимъ путемъ обезпечить себѣ, хотя въ видѣ залога, покрытіе военныхъ расходовъ. Но онъ настойчиво требовалъ сохраненія независимой, хотя бы теоретически, Польши: она раздѣляла бы своихъ тройхъ сосѣдей въ видѣ нейтральной территоріи, которую они обязались бы уважать. Въ этомъ отношеніи антагонизмъ между Петербургомъ и Вѣной былъ полный, и въ Вѣнѣ это вполнѣ сознавали [1]).

[1]) Вице-канцлеръ Филиппъ Кобенцель писалъ 12 апрѣли своему двоюродному брату, Людвигу Кобенцелю, бывшему въ то время посланникомъ въ Петербургѣ: «Мы не знали, что и думать объ отношеніяхъ Россіи къ нашему двору. Начать съ того, что въ Петербургѣ стали на сторону принцевъ и эмигрантовъ и противъ насъ. Выслушиваютъ ихъ гасконнады и нелѣпые планы... Почти при всѣхъ дворахъ жалуются на насъ по поводу того, что мы не двинули войскъ въ ихъ пользу среди зимы... И во все это время ни слова не говорятъ о Польшѣ и поощряютъ насъ хорошенько скрѣпить союзъ съ Пруссіей... Неужели Россія старалась только ввязать насъ во фран-

ОТДЕЛ РЕДКИХ КНИГ

Пруссаки подозрѣвали это; они нашли, что спорить со старымъ канцлеромъ было бы напрасною тратою времени. Они знали, что кредитъ Кауница идетъ на убыль, что императоръ Францъ, несмотря на все свое уваженіе къ нему, выслушиваетъ уже другіе совѣты и довѣряетъ другимъ людямъ. Они послѣдовали примѣру Леопольда, когда онъ желалъ прійти къ соглашенію съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, помимо графа Герцберга. Они зашли съ задняго крыльца и обратились къ Шпильману. 21 мая Шуленбургъ отправился къ князю Рейссу и просилъ доставить секретное сообщеніе Францу чрезъ посредство этого придворнаго наперсника.—Россія, сказалъ Шуленбургъ, хочетъ завладѣть Украйной и подчинить себѣ остальную часть Польши; настоятельно-необходимо, чтобы Австрія и Пруссія приняли рѣшеніе и послали бы въ Польшу, каждая по десяти тысячъ человѣкъ; Пруссія возмѣститъ на счетъ Польши свои расходы на войну противъ Франціи, Австрія получитъ вознагражденіе въ Эльзасѣ.

Шпильманъ казался польщеннымъ придаваемымъ ему значеніемъ. Эти спекуляціи землями соотвѣтствовали его наклонностямъ. Онъ сообщилъ о таинственномъ порученіи вице-канцлеру графу Филиппу Кобенцелю, а затѣмъ и самому императору. И государь и министръ нашли, повидимому, предложеніе достаточно соблазнительнымъ. Они сказали себѣ, что въ случаѣ нападенія Франціи, Австрія не въ силахъ будетъ противиться вторженію въ Польшу Россіи и Пруссіи; единственнымъ результатомъ ея оппозиціи въ такомъ случаѣ было бы исключеніе изъ дѣлежа, казавшагося неизбѣжнымъ; она не могла обойтись безъ Пруссіи и въ Нидерландахъ и на Рейнѣ; Пруссія ждала территоріальнаго вознагражденія; пусть же беретъ его въ Польшѣ. Оставалось опредѣлить вознагражденіе, слѣдуемое Австріи. Завоеваніе Эльзаса представлялось операціей, трудно оправдываемой въ отношеніи къ принципамъ и еще труднѣе осуществимой путемъ насилія. Могло показаться страннымъ похищеніе этой провинціи у французскаго короля въ ту самую минуту, когда намѣревались его спасать. Но и взявъ Эльзасъ, пришлось бы еще сохранить его за собою, а на это Франція могла бы и не изъявить согласія. «Наконецъ,—говорилъ Шпильманъ,—къ чему пріобрѣтенія, если они не служатъ къ округленію?» Если бы, по крайней мѣрѣ, взять Фландрію и Геннегау?—Но и здѣсь встрѣтились бы такія же затрудненія. Оставалось одно рѣшеніе: отдать Нидерланды и взять вмѣсто нихъ Баварію. Въ прежнее время Пруссія заставила Австрію отказаться отъ такого обмѣна; теперь она сама предлагаетъ случай вернуться къ этому вопросу: Австрія ухватилась за него.

цузскія дѣла, не желая помогать намъ въ нихъ и съ намѣреніемъ воспользоваться этимъ для приведенія въ исполненіе какихъ-то замысловъ по отношенію къ Польшѣ?» Vivenot, t. I, p. 447.

Это было тѣмъ менѣе затруднительно, что русскій посланникъ въ Вѣнѣ, Разумовскій, замѣтилъ вскользь, бесѣдуя съ Кобенцелемъ, «что если Австрія имѣетъ еще намѣреніе обмѣнять Нидерланды на Баварію, то настоящія обстоятельства могли бы осуществить это желаніе». Кобенцель не оставилъ этихъ словъ безъ вниманія. «Австрія думаетъ объ этомъ,—сказалъ онъ,—но ее останавливаетъ соображеніе о томъ, что ея союзница Пруссія противилась бы этому, если бы не предложить ей эквивалента».—«Я это знаю,—отвѣтилъ русскій посланникъ;—поэтому слѣдовало бы дать ей пріобрѣсти что-нибудь.—Но что именно?—спросилъ Кобенцель; если предположить даже, что мы оторвемъ у Франціи какой-нибудь клочокъ ея обширной монархіи, то прусскій король не захочетъ его взять при условіи округленія нашихъ границъ у него по-сосѣдству.—Конечно, но вы знаете, что онъ постоянно косится въ сторону Данцига и Торна; этимъ и можно расположить его.—Очень можетъ быть; но это вещь, которой вы никогда не допустили бы. — Въ былое время, да,—отвѣтилъ Разумовскій. — Прекрасно, возразилъ Кобенцель, но полагаете ли вы, что если бы мы пожелали этого, императрица согласилась бы, не требуя также и для себя чего-нибудь? — О, конечно нѣтъ, отвѣчалъ русскій посланникъ; я полагаю, что и она пожелала бы пріобрѣсти что-нибудь». И онъ указалъ на Украйну.—Хорошо,—продолжалъ Кобенцель,—но по какому праву можно бы взять теперь Данцигъ, а затѣмъ и другія польскія провинціи? — Украйна могла бы быть выгодною для насъ, отвѣчалъ Разумовскій, что касается способовъ пріобрѣтенія, то въ архивахъ не трудно отыскать документы, которые позволили бы приступить къ раздѣлу. Впрочемъ, — сказалъ онъ, — поляки могли бы и сами согласиться на это: одни—въ видахъ сохраненія конституціи 1791 года, другіе—въ видахъ ея упраздненія; та партія, которая одержитъ верхъ, расположена будетъ и заплатить за свое торжество цѣною раздѣла республики».—Кобенцель не противорѣчилъ, и когда они разстались, соглашеніе было уже почти достигнуто.

Увѣдомленная о сговорчивомъ настроеніи Австріи, Пруссія стала выказывать со своей стороны готовность и любезность. Фридрихъ-Вильгельмъ увѣрялъ, что если его допустятъ округлить границы въ Польшѣ, то онъ ничего не будетъ имѣть противъ присоединенія къ Австріи Баваріи. Кауницъ, остававшійся въ полной неизвѣстности, продолжалъ докучать Россіи ракетами своей дипломатіи. Русскія войска подвигались къ Польшѣ. Императрица могла потерять терпѣніе и въ минуту досады прервать переговоры съ Австріей. Францъ рѣшился открыть тайну старому канцлеру, прибавивъ, что надѣется послѣ имперскихъ выборовъ встрѣтиться съ прусскимъ королемъ и уладить все дѣло при личномъ свиданіи. Кауницъ

былъ весьма самолюбивъ и дорожилъ своими взглядами. Извѣстіе оскорбило его до послѣдней степени. Онъ увидѣлъ въ этомъ опалу и, что еще хуже, увидѣлъ себя одураченнымъ. Его оставляли вести переговоры о пустякахъ, между тѣмъ какъ крупные интересы ввѣрены были его подчиненнымъ. Гнѣвъ, который имъ овладѣлъ по отношенію къ соперникамъ, лишавшимъ его довѣрія государя, помогъ ему оцѣнить по достоинству ихъ замыслы. Въ скептикѣ, улаживавшемъ прежній раздѣлъ Польши, экспропріацію, а затѣмъ обмѣнъ Баваріи, вдругъ заговорила совѣсть. Достаточно было ему видѣть, какъ другіе играли ту роль, которую онъ въ теченіе полувѣка исполнялъ въ Европѣ, чтобы тотчасъ же отнестись къ ней съ порицаніемъ. Планъ несбыточенъ во всѣхъ частяхъ, говорилъ онъ; онъ ничѣмъ не оправдывается по отношенію къ Польшѣ: нельзя «честно» расчленить эту республику, подъ тѣмъ предлогомъ, что она ввела у себя конституцію, которую къ тому же обѣщали ей уважать; планъ невозможенъ и относительно Баваріи: царствующій въ ней домъ не согласится, а, съ другой стороны, Австрія формально отказалась отъ обмѣна въ статьяхъ гагскаго трактата; наконецъ, это было бы неосторожно и несправедливо, такъ какъ раздѣлъ былъ бы неравенъ и Пруссія получила бы уже свою долю, тогда какъ Австріи пришлось бы довольствоваться однѣми надеждами. «Ваше величество», писалъ онъ Францу, «рѣшите согласно со своею мудростью; что касается меня, то я прошу не предоставлять мнѣ въ этомъ дѣлѣ никакого участія, не желая въ противность всѣмъ моимъ убѣжденіямъ завершать мое поприще такого рода актомъ». Это была отставка. Кауницъ шелъ къ ней, окруженный знаками внѣшняго уваженія и вниманія новаго двора. Онъ попросилъ и получилъ оффиціально отставку только въ августѣ; но уже съ конца мая пересталъ руководить канцлерствомъ.

Курфирсту саксонскому первому пришлось испытать послѣдствія поворота въ австрійской политикѣ. Австрійское правительство, въ былое время настоятельно убѣждавшее его принять польскую корону, дало ему понять, что отнынѣ считаетъ себя обязаннымъ отговаривать его отъ такого поступка.

II.

Пруссія видѣла въ войнѣ съ Франціей предварительное условіе для раздѣла Польши: она готовилась къ этой войнѣ съ искреннимъ усердіемъ, такъ какъ предпріятіе не требовало уже ни малѣйшаго безкорыстія. Австрія проявляла значительно менѣе усердія не потому, что была болѣе совѣстлива или самоотверженна, но та же забота о выгодѣ, которая возбуждала пруссаковъ, заставляла ее, напротивъ, соблюдать сдержанность

и осторожность. Всегда медленный въ своихъ движеніяхъ столько же по характеру, сколько и вслѣдствіе расчета, австрійскій дворъ остерегался проявлять свои замыслы относительно Польши въ то время, когда ея соперницы начинали тамъ дѣло, въ которомъ ея собственные шансы казались ей еще весьма сомнительными. Военныя приготовленія Австріи подчинены были улаженію безконечнаго спора о вознагражденіи. Къ тому же существовало столько же сомнѣній относительно плана предстоявшей кампаніи, сколько и по поводу истинной цѣли и возможныхъ результатовъ коалиціи.

Герцогъ Брауншвейгскій, согласившійся принять главное командованіе войсками, не одобрялъ идеи войны и не могъ прійти къ соглашенію ни съ самимъ собою, ни съ другими, по поводу способа ея веденія. Лично-храбрый, невозмутимый и неустрашимый на полѣ сраженія, изобрѣтательный въ дѣлѣ подробностей, болѣе упрямый, чѣмъ предпріимчивый, и лучше оцѣнивающій затрудненія, чѣмъ смѣлый въ ихъ преодолѣніи, этотъ военный герой старой Европы отличался недостаткомъ рѣшимости и въ особенности послѣдовательности въ крупныхъ мѣропріятіяхъ. Онъ прекрасно разсуждалъ, тревожно проектировалъ и колебался при исполненіи. Герцогъ сознавалъ это; сознаніе имъ своей нерѣшительности удвоивало затрудненія и нерѣдко парализовало его волю. Онъ былъ изъ тѣхъ, которымъ не удается побѣда вслѣдствіе того, что они слишкомъ много заботятся объ обезпеченіи отступленія. Гордясь знаніемъ военнаго дѣла и зрѣло обсужденными планами, презирая случайности, онъ сознательно пренебрегалъ тѣмъ, что ускользаетъ отъ вычисленія: порывами отваги, геніальнымъ вдохновеніемъ и всѣми эмпирическими тайнами побѣдъ, одержанныхъ выскочками-генералами противъ всѣхъ правилъ военнаго искусства. Этотъ воинъ-философъ былъ одаренъ въ высокой степени критическимъ умомъ, столь несвойственнымъ духу войны. Къ этому присоединялся у него духъ царедворчества, пагубный для армій, чрезмѣрная забота о своей репутаціи и о томъ, что скажутъ о немъ въ свѣтѣ, страсть спрашивать у другихъ совѣта и скептически къ нимъ относиться, тревожное самолюбіе, побуждающее никому не довѣрять и въ то же время подчиняться волѣ своего государя. То была привычка военнаго человѣка, традиція феодальной зависимости, и герцогъ Брауншвейгскій, несмотря на глухое возмущеніе своей гордости и тайный протестъ разсудка, всегда уступалъ желаніямъ прусскаго короля.

Первою мыслью его было не рисковать, давая сраженія, въ которыхъ слѣпое счастье имѣетъ слишкомъ большую долю, а занять французскія границы съ значительными военными силами, прочно установиться на этой линіи и «ждать пораженія французовъ отъ ихъ внутреннихъ смутъ и ихъ банкротства». Однако, когда Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ ему

© ГПИБ СОРАН

постъ главнокомандующаго и сообщилъ ему собственный взглядъ на способъ веденія войны, герцогъ измѣнилъ свой планъ и предложилъ быстрое наступленіе.—Но, прибавилъ онъ, этотъ планъ имѣетъ смыслъ только при дезорганизаціи, въ которой находится французская армія; если бы у этой арміи были еще опытные и искусные генералы, предпріятіе сдѣлалось бы въ высшей степени сомнительнымъ и рискованнымъ; даже и при настоящихъ условіяхъ не слѣдуетъ давать имъ времени опомниться. «Могутъ произойти событія, послѣдствія которыхъ были бы неисчислимы, и головы, нынѣ правящія во Франціи, находятся въ состояніи такого горячечнаго возбужденія, что можно ожидать самыхъ необычайныхъ результатовъ». Съ такою же оговоркою присоединился онъ къ плану идти на Парижъ чрезъ Шампанью.

Планъ этотъ былъ одобренъ въ принципѣ на совѣтѣ, засѣдавшемъ въ Санъ-Суси, 12 мая. Прусскій король предсѣдательствовалъ, а генералъ-аншефъ австрійской арміи, князь Фридрихъ фонъ-Гогенлоэ Кирхбергъ, былъ представителемъ своего государя. Настоящимъ вдохновителемъ этого плана былъ Булье; ему поручено было подготовить выполненіе, по соглашенію съ союзниками. Что касается эмигрантовъ, то герцогъ Брауншвейгскій ограничивалъ ихъ участіе операціями въ верхнемъ Эльзасѣ, то есть на весьма далекомъ разстояніи отъ театра войны. Союзники надѣялись привести въ движеніе около 174000 человѣкъ войска; изъ нихъ 42000 пруссаковъ, 106000 австрійцевъ, 20000 эмигрантовъ, 6000 гессенцевъ. Они полагали, что, не считая нидерландскихъ войскъ, гарнизоновъ, отдѣльныхъ и вспомогательныхъ корпусовъ, могутъ сосредоточить на Маасѣ 110000 человѣкъ, при помощи которыхъ они подчинятъ Францію, овладѣвъ Парижемъ. Но эту армію еще приходилось довести до границы. Пруссаки хвастали, что будутъ въ Кобленцѣ уже въ послѣднихъ числахъ іюня; но Австрія потребовала лишній мѣсяцъ сроку и объявила, что главная часть ея войскъ не можетъ прибыть ранѣе конца іюля. Именно на это время назначены были выборы императора и его коронованіе. Торжество должно было собрать государей, а ихъ дипломаты и генералы могли совѣщаться въ ихъ присутствіи. Согласились отложить до этого срока окончательныя рѣшенія, какъ относившіяся до плана войны, такъ и до ея результатовъ, то есть установленія цифры вознагражденія.

Австрія старалась воодушевить Германію. Но священная имперія, повидимому, забывала вмѣстѣ со всей Европой, что защита ея правъ была первоначальною цѣлью войны. Имперіи грозила большая опасность, несравненно бо́льшая чѣмъ та, которой могли ожидать Австрія и въ особенности Пруссія. Надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что революція, совершенная въ Эльзасѣ, неминуемо распространится и на лѣвый берегъ Рейна и повсюду, куда проникнутъ французскія войска. Но духовные князья не въ силахъ были защищаться и тратили всю свою энергію на крики о помощи, на грубое обращеніе съ французскими посланниками и проклятія революціи. Изъ свѣтскихъ правительствъ, нѣкоторыя, какъ напримѣръ цвейбрюккенское, принимали во вниманіе, что находившаяся у самыхъ ихъ дверей Франція обѣщала уважать ихъ права и потому находили болѣе удобнымъ щадить ее, чѣмъ призывать Австрію, которая далеко и уже начала говорить объ ихъ экспропріаціи и обмѣнѣ. Государи праваго берега выказывали менѣе безпокойства, чѣмъ государи лѣваго. Они полагали, что Рейнъ защититъ ихъ отъ вторженія, а характеръ населенія ихъ края оградитъ его отъ пропаганды. Дѣйствительно, если здѣсь мѣстами и восхищались французскою революціей, то нигдѣ не пытались ей подражать. Самые горячіе приверженцы новыхъ идей продолжали оставаться вѣрноподданными своихъ властителей. Обнаруживалось даже въ области публицистики довольно замѣтное движеніе въ смыслѣ критики и отпора [1]). Нѣкоторые патріоты думали противопоставить правамъ зарейнскаго человѣка права обитателя праваго берега [2]). Первыя пораженія французскихъ войскъ дали робкимъ предлогъ для успокоенія: эти пораженія привели въ уныніе энтузіастовъ, ожидавшихъ сцены во вкусѣ спартанца Леонида и прочитавшихъ въ газетахъ лишь повѣствованіе о постыдной паникѣ [3]). Тѣ, которые подобно Клопштоку, продолжали находиться во власти чаръ революціи и умоляли королей не порабощать благороднаго народа, выказывали въ своихъ увѣщаніяхъ болѣе сомнѣнія въ успѣхахъ дѣла свободы, чѣмъ въ торжествѣ деспотизма [4]). Одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ германскихъ государей, Августъ

[1]) Biedermann p. 890, 1203—1212; Schlözer, *Staatsanzeigen* t. XIV p. 100.

[2]) Статьи Schirach'a въ альтонской «*Политической газетѣ*»; Reichardt (въ Готѣ) «*Призывъ нѣмца къ прирейнскимъ соотечественникамъ.—Права человѣка по сю и по ту сторону Рейна.* См. у Biedermann, стр. 1210.

[3]) «Тотъ, кто не умѣетъ умирать за свободу, достоинъ носить цѣпи.—Онъ заслуживаетъ того, чтобы священникъ и дворянинъ кнутомъ прогнали его изъ собственнаго его очага.—О, французы! не думаете ли вы, что трусость можно скрыть подъ свирѣпостью тигра?—Позоръ вамъ, убивающимъ своего начальника и рѣжущимъ плѣнниковъ! — Я мечталъ быть вашимъ Тирцеемъ, даже забывая о родинѣ Арминія.—Я желаю побѣды и успѣха тому, кто понесетъ вамъ цѣпи —Berger, *Straflied*, 1792. «Непріятель бьетъ кулакомъ, а не фразой». Того же, *Unmuth*, 1792.

[4]) Ода *Der Freiheitskrieg*, апрѣль 1972, противъ войны. Письмо къ Лафайету, 22 іюня 1792, герцогу Брауншвейгскому, 2 іюля. Ода была послана ему въ апрѣлѣ вмѣстѣ съ приглашеніемъ отказаться отъ поста главнокомандующаго.

Готскій, писалъ: «Я не могу еще отчаиваться въ торжествѣ свободы. Безуміе и бѣшенство нѣсколькихъ тысячъ не могутъ перевѣсить участія, принимаемаго мною въ двадцати-пяти милліонахъ людей» [5]). Въ Германіи всѣ были согласны только въ одномъ: въ маломъ расположеніи драться по мѣрѣ того, какъ близился часъ битвы.

Сеймъ билъ отчаянную тревогу. Австрія и Пруссія приглашали его перейти отъ словъ къ дѣлу и образовать лигу по образцу той, которая боролась съ Людовикомъ XIV во время войны за наслѣдство испанскаго престола. Но тѣ времена давно миновали, и имперія постарѣла на цѣлый вѣкъ. Тѣ самые государи, которые нѣкогда ускоряли разрывъ съ Франціей своими притязаніями и отказомъ отъ сдѣлокъ, теперь прятались по угламъ; они умѣли только дрожать и жаловаться, когда ихъ приглашали явиться для дѣятельнаго участія въ борьбѣ. Мелкія государства, такъ страстно требовавшія возвращенія имперіи отторгнутыхъ отъ нея провинцій, выказывали несравненно менѣе готовности къ войнѣ съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что она не принесетъ имъ выгоды. Слухи о раздѣлахъ, покрытіи военныхъ издержекъ, обмѣнахъ, ходившіе при второстепенныхъ дворахъ, парализовали ихъ усердіе. Никто не желалъ разоряться или компрометироваться ради увеличенія предѣловъ Австріи и Пруссіи, иначе говоря, ради собственнаго уменьшенія, а можетъ быть и порабощенія. По зрѣломъ размышленіи, швабскій округъ предложилъ организовать временную оборонительную лигу. Франконскій выразилъ боязнь, что прохожденіе австрійскихъ войскъ можетъ породить голодъ въ краѣ. Курфирстъ ганноверскій, слѣдуя совѣтамъ своихъ англійскихъ министровъ, объявилъ, что останется нейтральнымъ въ войнѣ между Франціей и Австріей, прибавивъ только, что если имперія оффиціально объявитъ войну, то онъ вышлетъ свой контингентъ, чего, впрочемъ, не могъ не сдѣлать безъ нарушенія обязательства. Онъ склонялъ къ нейтралитету Саксонію и мелкія сѣверныя государства. Баварскій курфирстъ отвѣтилъ, что политика его заключалась всегда въ поддержаніи дружественныхъ отношеній съ Франціей. Одинъ ландграфъ гессенскій, любившій кичиться своими войсками, предложилъ ихъ на служеніе общему дѣлу; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ для себя званія курфирста и уплаты военныхъ издержекъ; подъ такимъ условіемъ онъ доставилъ коалиціи шесть тысячъ гессенцевъ, и сеймъ назвалъ его единственнымъ патріотомъ въ семьѣ германскихъ государей. «Не слѣдуетъ», говорилъ въ былыя времена Кауницъ прусскому посланнику въ Вѣнѣ: «не слѣдуетъ давать непріятелю времени собраться съ духомъ; необходимо быстро наносить рѣшительные удары». Эти удары были отложены на двухмѣсячный срокъ. Этого было болѣе

[5]) Письмо его къ Гердеру, напечатанное въ 1792 въ *Goethe Jahrbuch*.

чѣмъ достаточно для революціи, чтобы противопоставить Европѣ грозный и неожиданный фактъ.

III.

Колебанія союзниковъ приводили въ отчаяніе королевскую фамилію. Эти колебанія казались ей необъяснимыми. Каждый потерянный день уносилъ часть надеждъ и удалялъ отъ той химерической мирной пристани, въ которой надѣялись найти спасеніе Людовикъ XVI и Марія Антуанета. По мѣрѣ того какъ обострялся кризисъ, скала, къ которой ихъ несло и теченіе волнъ, и сила бури, и ихъ собственное заблужденіе, постепенно выходила изъ тумана и обнажалась передъ ними все ближе и грознѣе. Тѣмъ не менѣе они еще полагали, что могутъ обойти ее и что въ минуту окончательнаго крушенія какое-нибудь чудо внезапно вернетъ ихъ въ фарватеръ. Болѣе чѣмъ когда-либо старались они отдѣлить свое дѣло отъ дѣла эмиграціи. Монморенъ и Малуэ, продолжавшіе служить имъ совѣтами, находили необходимымъ имѣть по этому поводу рѣшительное объясненіе съ союзниками и съ братьями короля. Несмотря на множество писемъ и эмиссаровъ, между королемъ и его союзниками продолжали существовать недоразумѣнія, и эти недоразумѣнія были пагубны для Людовика XVI. Малуэ предложилъ отправить въ Германію человѣка, на проницательность и характеръ котораго можно было-бы положиться, а именно: женевца Малле-дю-Пана, съ которымъ онъ былъ близокъ. Роялистская кампанія, которую велъ Малле въ газетѣ «*Mercure*», вызвала своею рѣзкостью большую враждебность къ ея автору; онъ былъ вынужденъ уѣхать изъ Парижа, во избѣжаніе грозившихъ ему опасностей. Вмѣстѣ съ Малуэ и Монморономъ имъ выработаны были инструкціи, данныя ему королемъ.

Главною цѣлью было убѣдить принцевъ не принимать участія въ коалиціи. Война должна была сохранить характеръ внѣшней войны вслѣдствіе столкновенія съ державами. Принцы не должны были брать на себя роль судей въ спорѣ между Франціей и союзниками, такъ какъ эту роль предоставляется съиграть его величеству, когда свобода и королевская власть будутъ возвращены королю. Всякій иной образъ дѣйствій породилъ-бы гражданскую войну, угрожалъ-бы жизни короля и его семейства, навлекъ-бы гибель на роялистовъ, заставилъ-бы присоединиться къ якобинцамъ всѣхъ отпавшихъ и ежедневно отпадающихъ отъ нихъ революціонеровъ и придалъ-бы большую силу отпору, который напротивъ уступитъ передъ первыми рѣшительными мѣрами, если при этомъ будетъ казаться, что судьба революціи не зависитъ отъ тѣхъ, противъ кого она была направлена и кто былъ ея жертвами. Во избѣжаніе недоразумѣнія, король просилъ союзниковъ редактировать свой манифестъ «въ такомъ

смыслѣ, чтобы выдѣлить якобинцевъ и всякаго рода мятежниковъ изъ среды остальной націи... и успокоить всѣхъ тѣхъ, которые, не желая установленія нынѣшней конституціи, боятся возвращенія къ прежнимъ великимъ злоупотребленіямъ». Союзники должны высказаться относительно удержанія «цѣлости королевства», подтвердить, что объявляютъ войну противообщественной партіи мятежниковъ, а не французскому народу. Они должны объявить, что не намѣрены «ни навязывать, ни предлагать никакой системы правленія». и что они имѣютъ въ виду одно «возстановленіе монархіи и законнаго королевскаго авторитета въ предѣлахъ, имѣющихъ быть установленными самимъ его величествомъ». Коль скоро это будетъ объявлено и характеръ вмѣшательства опредѣленъ въ только что указанномъ смыслѣ, то мѣры, которыя будутъ приняты для приведенія въ исполненіе этого плана, не могутъ не быть дѣйствительными. Король приглашалъ союзниковъ «энергически заявить Національному собранію, административнымъ вѣдомствамъ, министрамъ, муниципалитетамъ и отдѣльнымъ лицамъ, что они отвѣтятъ и лично и имущественно за всякое покушеніе противъ особы короля, королевы и ихъ семейства. а равно и противъ собственности и жизни гражданъ вообще». Въ заключеніе союзники должны были выразить готовность къ заключенію мира, но не иначе какъ вслѣдствіе переговоровъ съ свободнымъ королемъ, который и обсудитъ «общій планъ реставраціи, подъ покровительствомъ державъ».

Воззрѣнія, развиваемыя въ этихъ инструкціяхъ относительно эмигрантовъ, полной контръ-революціи, прямого вмѣшательства иностранцевъ во французскія государственныя дѣла, наконецъ и неприкосновенности королевства, не были лишены основанія, почерпнутаго изъ сознанія настоящаго положенія вещей; но нельзя было, не впадая въ колоссальное заблужденіе, воображать, что достаточно нѣсколькихъ фразъ, расклеенныхъ по стѣнамъ и напечатанныхъ въ газетахъ, для того, чтобы заставить французовъ повѣрить этой деклараціи и чрезъ то подвергнуть риску свою національную независимость, свои политическія и гражданскія вольности, однимъ словомъ, судьбу своей родины и своей революціи. Французы находили короля равнодушнымъ и подчиняющимся чужому вліянію, королеву — враждебною Франціи, дворянство — безпощаднымъ, Австрію—ненавистною; а между тѣмъ предполагали убѣдить ихъ, что эта вѣковая соперница вторгается въ страну со 100000 нѣмцевъ съ единственнымъ намѣреніемъ установить во Франціи ограниченную монархію и изумить міръ величіемъ своего безкорыстія; что, получивъ изъ рукъ чужеземцевъ возстановленіе своей власти, король будетъ пользоваться ею исключительно въ видахъ поддержки реформъ; что королева не станетъ

опираться на австрійскія войска для доставленія преобладанія своему вліянію; что эмигранты, по возвращеніи, станутъ соблюдать тѣ самые законы, которые такъ рѣзко осуждали; что они забудутъ о старомъ режимѣ, а если выкажутъ сопротивленіе новымъ порядкамъ, то король принудитъ ихъ къ покорности. Требовать отъ французовъ такого слѣпого повиновенія, значило ожидать съ ихъ стороны неслыханнаго легковѣрія и такого довѣрія къ монарху, которые неспособны были внушить имъ ни характеръ Людовика XVI, ни репутація его совѣтниковъ, ни образъ дѣйствія послѣднихъ съ самаго начала революціи. Большинство французовъ видѣло для себя пользу отъ совершенныхъ реформъ; они страстно дорожили ими, мало страдали отъ анархіи и во всякомъ случаѣ считали ее временной. Они съ полнымъ довѣріемъ и оптимизмомъ смотрѣли впередъ. И какъ же возможно было расчитывать, что этотъ народъ, проникнутый еще энтузіазмомъ къ революціи, измѣнится по приказу, осядетъ и покорится по первой командѣ и унизится до страха предъ неопредѣленными угрозами наказанія; что этотъ народъ, въ силу непонятнаго заблужденія, ввѣритъ защиту своихъ правъ той самой коронѣ, въ борьбѣ съ которой онъ ихъ завоевалъ и которую общественное мнѣніе обвиняло въ намѣреніи взять ихъ назадъ: что этотъ народъ оттолкнетъ отъ себя людей, которые, совершивъ революцію, казались наиболѣе заинтересованными въ ея поддержаніи противъ дворянъ, двора и иностранцевъ! И, наконецъ, какое странное понятіе имѣлось о самихъ этихъ революціонерахъ, если считали ихъ столь опасными и въ то же время такими трусами и глупцами! Имъ предлагали выбирать между смертью, конфискаціей, изгнаніемъ и властью. Сохраненіе этой власти становилось для нихъ единственнымъ спасеніемъ и декларація могла имъ только въ этомъ помочь. Въ ней указывали французскому народу на нихъ, какъ на истинныхъ защитниковъ отечества. жесточайшихъ враговъ эмиграціи и иноземнаго вторженія; въ ней приглашали Францію высказаться или за этихъ новыхъ людей, окруженныхъ престижемъ революціи, или за возвращеніе дискредитованнаго и заслужившаго всеобщую ненависть правительства. воспоминаніе о которомъ пробуждало одни подозрѣнія и негодованіе. Допустить, хотя-бы на минуту, что французскій народъ станетъ колебаться при такой альтернативѣ, значило не понимать не только силы революціи, но и самаго духа всей исторіи Франціи.

Доказательствъ тому не пришлось долго ждать. Малле-дю-Панъ уѣхалъ 21 мая; 23-го Жансонне и Бриссо объявили о новыхъ заговорахъ австрійскаго комитета и требовали преданія суду Монморена. Въ ихъ декламаціяхъ было не мало фантасмагорій: Бриссо нагромождалъ обвиненія и съ одинаковымъ негодованіемъ указывалъ на проектъ возстановленія коро-

левской прерогативы, на раболѣпіе министерства передъ Австріей, на враждебность его къ Пруссіи и Англіи, на снисходительность короля къ эмиграціи, на равнодушіе короля къ войнѣ и на проектъ его совѣтниковъ касательно учрежденія парламента съ двумя палатами. Но рядомъ съ этими ораторскими ухищреніями было не мало и мѣткихъ ударовъ, бившихъ прямо въ цѣль. Такъ, указывалось на то, что коалиціи державъ благопріятствовали и искали ея, иностраннаго вторженія желали, тайну военныхъ операцій сообщали непріятелю, внутреннія козни подготовляли и поддерживали внѣшнее нападеніе, наконецъ, намѣревались распустить Собраніе, а конституцію—измѣнить. Съ этой минуты Собраніе принимаетъ одну мѣру за другою, съ цѣлью заставить Людовика XVI обнаружить свои истинныя намѣренія, поставить его въ безвыходное положеніе и обезоружить. 27 мая Собраніе декретируетъ высылку неприсягнувшихъ конституціи священниковъ; 29-го оно распускаетъ конституціонную гвардію короля; 8-го іюня оно рѣшаетъ образованіе подъ Парижемъ лагеря въ 20000 федералистовъ. Король покоряется распущенію своей гвардіи, но противится декретамъ о высылкѣ священниковъ и объ образованіи лагеря: совѣсть не позволяла ему подписать первый, а здравый смыслъ заставлялъ его наложить свое *veto* на второй.

Это сопротивленіе вызвало раздоръ, уже ранѣе подготовленный въ средѣ министерства. Дюмурье отдѣлился отъ своихъ коллегъ-жирондистовъ. Власть была въ его рукахъ; у него было слишкомъ много гордости, честолюбія и смѣлости, чтобы служить орудіемъ партіи, которую онъ, въ глубинѣ души, презиралъ, потому что угадалъ ея слабыя стороны. Онъ понялъ, что вліяніе Жиронды, созданное народными движеніями, приходило къ концу. Поддержки, слѣдовательно, ожидать было нечего, и онъ нашелъ удобнымъ порвать съ этою партіей. Полковникъ Серванъ, замѣнившій де-Грава въ военномъ министерствѣ съ 10 мая, поддерживалъ декретъ объ образованіи лагеря подъ Парижемъ. Дюмурье высказался противъ декрета, и «споръ такъ обострился, что если бы не присутствіе короля»—говоритъ Дюмурье въ своихъ мемуарахъ,—«онъ имѣлъ-бы кровавую развязку». Роланъ прочелъ длинную и педантическую диссертацію, которую называлъ «суровымъ голосомъ истины». Онъ заканчивалъ ее слѣдующими знаменательными угрозами: «Революція совершилась въ умахъ; она завершится цѣною крови и будетъ скрѣплена кровью, если благоразуміе не предотвратитъ несчастій, которыя еще могутъ быть избѣгнуты». Людовикъ XVI, несмотря на всю свою покорность судьбѣ, не могъ вынести этого наставленія въ обвиняющемъ и высокомѣрномъ тонѣ. Дюмурье воспользовался неудовольствіемъ короля съ цѣлью вызвать рѣшеніе, вхо. дившее въ его планы: Роланъ, Серванъ и Клавьеръ были удалены изъ

министерства. Собраніе отъ имени націи выразило сожалѣніе по этому поводу. 14 іюня король объявилъ, что Мургъ замѣнитъ Ролана въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Нальякъ будетъ призванъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а Дюмурье переходитъ въ военное министерство. Дюмурье могъ разсчитывать на первенствующее значеніе въ управленіи; но уже весьма скоро онъ потерялъ эту иллюзію. Дѣло въ томъ, что, покидая министерство иностранныхъ дѣлъ ради арміи, онъ утрачивалъ вліяніе на дипломатію.

Особенно жестокимъ испытаніемъ для него было сознаніе своего безсилія спасти Польшу. Французскій агентъ въ Варшавѣ Декоршъ просилъ инструкцій: тѣ, которыми его снабдили при отъѣздѣ, были слишкомъ неопредѣленны. «Если вы находите,—писалъ онъ Дюмурье отъ 2-го мая,—«что слѣдуетъ принять участіе въ защитѣ этой страны, то быть можетъ не безполезно выразить это польскому посланнику въ Парижѣ, даже ранѣе принятія какихъ-либо мѣръ, для того, чтобы поддержать бодрость людей, которые, какъ вы легко поймете, весьма нуждаются въ томъ, чтобы не чувствовать себя всѣми покинутыми». Дюмурье быстро и вѣрно понималъ вещи; онъ уважалъ поляковъ и не хотѣлъ обмануть ихъ ожиданія. Онъ отвѣтилъ 10-го іюня, что Франція не можетъ принять никакого рѣшенія.—Если Австрія заступится за поляковъ, говорилъ онъ, союзъ съ Франціей можетъ только повредить имъ; если Австрія пойдетъ противъ Польши, то война Франціи съ Австріей будетъ дѣйствительнѣе всякаго договора. Сужденіе было вѣрно; но что стоило послѣдователю Фавье и бывшему агенту Шуазёля при Барской конфедераціи отказаться отъ такого прекраснаго случая взволновать сѣверную Европу!

Потерпѣвъ неудачу во всѣхъ попыткахъ дипломатическихъ переговоровъ, Дюмурье долженъ былъ довольствоваться подпольной пропагандой, и онъ пользовался ею, по крайней мѣрѣ, въ видахъ подготовленія вторженія въ Нидерланды. По его приказанію распространены были тамъ прокламаціи въ народѣ и войскѣ. Онъ говорилъ народу: «Наши войска стоятъ на вашей границѣ; они несутъ войну тиранамъ и свободу гражданамъ. Выбирайте! Пусть пробудится бельгійскій левъ! Бельгійское населеніе, мы клянемся освободить тебя»! И солдатамъ: «Французы свободны; хотите ли свободы и для себя? Приходите во Францію... Дезертируйте толпами. Какъ васъ кормятъ? Хуже, чѣмъ кормятъ во Франціи собакъ. Ваши командиры смотрятъ на васъ, какъ на дикихъ звѣрей и бьютъ, какъ имъ угодно. Приходите, храбрые солдаты! испытайте мягкость нашихъ законовъ и раздѣлите между собою земли принцевъ д'Артуа, Конде и всей шайки негодяевъ, участвующихъ въ ихъ злодѣйствахъ и пре-

ступленіяхъ. Истребите ихъ, очистите міръ отъ этихъ чудовищъ и приходите жить и умирать съ вашими братьями-французами!»

Маре, назначенный *главнымъ правительственнымъ агентомъ по бельгійскимъ дѣламъ*, не могъ пріѣхать въ Брюссель. Онъ ограничился изданіемъ манифеста, которымъ брабантскій народъ приглашался къ созванію Учредительнаго собранія, и самъ оставался въ Валансіеннѣ, выжидая новаго наступленія войскъ. Здѣсь получалъ онъ депеши отъ Дюмурье и Бонпъ-Каррера. Въ этихъ депешахъ подтверждались прежнія инструкціи, то есть говорилось о «возбужденіи духа инсуррекціи» въ Бельгіи и необходимости объединенія этимъ духомъ всѣхъ партій. Бонпъ-Карреръ сознавалъ, что бельгійцы на цѣлое столѣтіе отстали отъ французовъ; онъ понималъ, до какой степени опасно встревожить этотъ народъ, нападая на его обычаи, духовныя братства и духовенство; однимъ словомъ, онъ зналъ, что возобновить въ этомъ краѣ неудавшіяся попытки Іосифа II, притомъ еще преувеличивая ихъ и употребляя при этомъ насиліе, было бы весьма плохимъ средствомъ поднять Бельгію противъ Австріи. Бонпъ-Карреръ въ такомъ духѣ и набросалъ чернякъ своей депеши, но она показалась ему неудобною и компрометирующею: въ окончательной редакціи были опущены совѣты благоразумія. А между тѣмъ они были необходимымъ условіемъ успѣха плановъ Дюмурье по отношенію къ Бельгіи. Миссія, порученная Маре, была нелегкаго свойства. Надежда на возобновленіе революціи, правда, оживила всѣ партіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оживила ихъ взаимную вражду. Вонкисты, которыхъ не безъ основанія сравнивали съ французскими фельянами, ужасались революціонному жару *соединеннаго бельгійскаго и люттихскаго комитета*, дѣйствовавшаго въ Парижѣ подъ покровительствомъ якобинцевъ. Они боялись также, что Франція покинетъ ихъ. Маре всячески старался обнадежить и успокоить ихъ; ему удалось наконецъ убѣдить ихъ организовать партизанскій отрядъ и поддержать французское вторженіе. Но вторженіе заставляло себя ждать, и пока оно подготовлялось, якобинская пропаганда встревожила наиболѣе многочисленную изъ бельгійскихъ партій, такъ называемыхъ штатистовъ, которые возставали противъ Австріи только для того, чтобы отстаивать свои религіозныя привилегіи и старинныя политическія вольности. Эта пропаганда, направленная не только противъ королей, но и противъ всѣхъ властей, учрежденій, установленныхъ правъ, духовенства, дворянъ, буржуазіи, собственниковъ, возвѣщавшая народамъ демагогическое царство, шла въ разрѣзъ съ министерскою политикою. Дюмурье, своимъ проектомъ бельгійскаго Учредительнаго собранія и призывомъ къ дезертирству, пускалъ въ ходъ лишь классическій маневръ и пользовался имъ совершенно такъ, какъ то практиковалось при старомъ

режимѣ, когда, по выраженію Сенъ-Симона, «заваривали у сосѣда странныя революціи». Якобинскій прозелитизмъ со своею фанатическою стремительностью затоплялъ всѣ эти незначительные заговоры министерства.

Та же причина, которая обусловила неудачу дипломатическихъ плановъ Дюмурье, еще съ большею быстротою разрушала его проекты по части внутренней политики. Возвращаясь къ плану Мирабо, заключавшемуся въ уступкахъ настояніямъ Собранія съ цѣлью возвращенія королю довѣрія со стороны публики, онъ посовѣтовалъ Людовику XVI дать санкцію декретамъ 27-го марта и 8-го іюня. Дюмурье желалъ отправить федералистовъ къ границамъ, и онъ надѣялся, пожертвовавъ священниками, смутить якобинцевъ и заручиться содѣйствіемъ независимыхъ. Король выигралъ бы этимъ способомъ нѣсколько недѣль, затѣмъ началась бы серьезная война, и достаточно было бы одной побѣды, чтобы связать армію съ короной: побѣдоносный генералъ сдѣлался бы неизбѣжно популярнымъ и имѣлъ бы возможность направить свои войска противъ мятежниковъ. Этотъ планъ постоянно занималъ Дюмурье до самой катастрофы, и онъ пытался провести его всѣми мѣрами. Первая, сдѣланная имъ въ этомъ направленіи, попытка уже позволила предвидѣть исходъ послѣдующихъ. 13 іюня онъ явился въ Собраніе въ качествѣ военнаго министра. Онъ старался взволновать и объединить умы, разоблачая опасности, грозившія Франціи въ военномъ отношеніи. Правительство, говорилъ онъ, нуждается во всемъ; укрѣпленія разрушены; не хватаетъ 40.000 солдатъ и 10.000 лошадей. Нужны энергическія и практическія мѣры: главнѣйшая изъ нихъ—возстановленіе дисциплины. Дюмурье изложилъ свои проекты увеличенія дѣйствительнаго состава арміи и доставленія оружія. Прежде всего онъ не безъ высокомѣрія и мужества потребовалъ довѣрія Собранія: «Пора умолкнуть партіямъ въ виду опасности для отечества. Законодательному собранію надлежитъ охранять неприкосновенность существующихъ властей; слѣдовательно, оно обязано поддержать авторитетъ исполнительной власти. Мы испытаемъ всевозможныя бѣдствія и заслужимъ ихъ, если съ этой же минуты Франція не будетъ имѣть твердаго законодательства и дѣятельнаго правительства». Но законодательная власть была тверда лишь въ парализованіи правительства. И притомъ депутаты весьма основательно упрекали Дюмурье за объявленіе войны при столь глубокой неурядицѣ въ арміи. По ихъ мнѣнію, объявляя войну онъ доказалъ или великое легкомысліе, если не потрудился заранѣе навести справки, или крайнее коварство, если, зная истинное положеніе войска, не принялъ этого въ соображеніе. Дюмурье вышелъ изъ засѣданія, внушивъ къ себѣ недовѣріе и подозрѣніе большинству, какъ своими неожи-

данными разоблаченіями, такъ и задними мыслями о государственномъ переворотѣ, сквозившими въ его рѣчи.

Депутаты приняли его какъ заговорщика; король продолжалъ видѣть въ немъ интригана. Людовикъ XVI воспользовался имъ только для того, чтобы освободиться отъ Ролана и Клавьера. Теперь онъ отказался слѣдовать его совѣтамъ. Дюмурье понялъ, что онъ напрасно погубитъ себя, если будетъ настаивать на сохраненіи власти. Онъ подалъ въ отставку 15-го іюня и уѣхалъ въ сѣверную армію, гдѣ принялъ командованіе частью войскъ. У него не было кредита среди народа и авторитета въ арміи; вмѣшательство его вызвало только неудовольствіе революціонеровъ, но не внушило имъ особыхъ опасеній.

Напротивъ, вмѣшательство Лафайета не только раздражило, но и испугало ихъ. Лафайетъ еще окруженъ былъ престижемъ: онъ попытался воспользоваться имъ, съ цѣлью спасти монархію. Онъ написалъ Собранію письмо, которое было прочитано въ засѣданіи 18-го іюня. Лафайетъ указывалъ на якобинцевъ какъ на злѣйшихъ враговъ общественнаго спокойствія, потому что они составляютъ государство въ государствѣ, «партію, организованную какъ особое государство;» онъ обвинялъ ихъ въ возбужденіи анархіи и смутъ, отъ которыхъ страдаетъ Франція; требовалъ закрытія клубовъ, возстановленія королевской власти, обезпеченія свободы вѣроисповѣданія. Правая и центръ рукоплескали и добились голосованія въ пользу напечатанія письма, несмотря на громкіе протесты лѣвой. «Г. Лафайету не безъизвѣстно,» воскликнулъ Гюаде, «что когда Кромвель заговорилъ въ такомъ тонѣ, свобода погибла въ Англіи». Конституціонисты, повидимому, ободрились. Революціонеры увидѣли себя окруженными заговоромъ и думали, что они наканунѣ новаго «королевскаго дня». Они рѣшили предупредить его, перейдя въ наступленіе и подѣйствовать на дворъ и Собраніе посредствомъ страха. Дворъ самъ доставилъ имъ къ тому случай.

19-го іюня Людовикъ XVI объявилъ о наложеніи своего *veto* на декреты о священникахъ и о лагерѣ федералистовъ. На слѣдующій же день рѣшено было произвести возмущеніе. Жирондисты взяли на себя починъ и руководительство. Они расчитывали, что испуганное Собраніе предоставитъ имъ власть, а король, не имѣя другой поддержки, сдѣлается пассивнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Якобинцы помогали Жирондѣ, убѣжденные, что движеніе унесетъ ее и что она сдѣлается плѣнницей своихъ союзниковъ. Вожаки демагогіи, располагавшіе средствами дѣйствія и отъ которыхъ все собственно и зависѣло, служили обѣимъ партіямъ по такому же мотиву. Впрочемъ всѣ чувствовали себя связанными въ эту минуту однимъ и тѣмъ же интересомъ и одушевленными одною страстью.

Они пустили въ ходъ всѣ свои рессурсы и выказали то искусство въ организаціи бунта, которое отличаетъ «дни» революціи. 20-го іюня восемь тысячъ вооруженныхъ петиціонеровъ, въ сопровожденіи громадной толпы народа, явились къ дверямъ Собранія: требовали отставки министровъ и утвержденія декретовъ. Верньо предложилъ Собранію капитулировать. Въ теченіе трехъ часовъ чернь наполняла залу засѣданія, и бунтовщики дефилировали передъ трибуной. Новый деспотъ—возмутившаяся парижская толпа осуществила легенду Людовика XIV: она съ бичемъ въ рукахъ вошла въ залу законодательнаго Собранія и заявляла смущеннымъ представителямъ закона дерзкую и грубую формулу: «государство, это—я».

Послѣ такого подчиненія Собранія, казалось, что еще менѣе затруднительно будетъ заставить уступить короля. Организаторы «дня» не знали Людовика XVI. Видя его всегда робкимъ и нерѣшительнымъ, когда приходилось прибѣгать къ силѣ, они предполагали въ немъ личную трусость и въ этомъ ошиблись. Людовикъ увѣрялъ себя, что онъ согрѣшилъ по слабости и изъ политическихъ соображеній, давъ санкцію нечестивымъ законамъ; онъ жестоко упрекалъ себя; онъ готовъ былъ все вытерпѣть, лишь бы только не грѣшить отнынѣ противъ совѣсти, и тутъ его покорность судьбѣ становилась добродѣтелью. Къ тому же онъ держалъ себя на этотъ разъ съ достоинствомъ; скромный въ проявленіи власти, небрежный въ дѣлахъ, онъ чувствовалъ себя королемъ только предъ лицомъ опасности, и его природная кротость придавала трогательный оттѣнокъ его мужеству. Христіанинъ поддерживалъ въ немъ государя. Онъ нисколько не боялся смерти; онъ приготовился къ ней и наканунѣ писалъ духовнику: «я покончилъ съ людьми, я долженъ обратиться къ Богу!» Бунтовщики овладѣли Тюильрійскимъ дворцемъ и прошли мимо пустого трона короля, какъ прошли мимо кресла президента Собранія. Отодвинутый къ окну, едва охраняемый четырьмя вѣрными гренадерами, съ красной шапкой на головѣ, осыпаемый бранью и угрозами, Людовикъ оставался невозмутимымъ, между тѣмъ какъ около него Марія Антуанета загораживала испуганныхъ дѣтей своихъ столомъ, за которымъ обыкновенно засѣдалъ совѣтъ министровъ. Королева не выказала слабости, король не уступилъ. Онъ далъ отпоръ толпѣ, встрѣтившей съ его стороны самоотверженіе побѣжденнаго и обезоруженнаго короля. Толпа ушла, не добившись отреченія отъ *veto*, котораго добивалась. «День» оказался неудачнымъ, и весь маневръ Жиронды не привелъ ни къ чему, кромѣ униженія закона и народнаго представительства, что было пагубно и для этой партіи, и для цѣлой Франціи. «Этотъ день имѣлъ болѣе роковое значеніе для республики, чѣмъ для королевской власти», сказалъ одинъ

ОТДЕЛ СОЛАН

республиканецъ, «Республику поразили ранѣе ея рожденія» [1]). Разъ войдя въ Собраніе, мятежъ уже не покидалъ его; жирондисты открыли ему доступъ. Этимъ же путемъ, годъ спустя, народъ ополчился на нихъ, вырвалъ изъ залы засѣданій и повлекъ къ мѣсту казни, причемъ ихъ осыпали оскорбленіями тѣ же люди, которыхъ 20-го іюня 1792 г. они вели противъ конституціонистовъ и королевской семьи.

Послѣдствія дня 20-го іюня и преній, за нимъ послѣдовавшихъ, были особенно неблагопріятны за границей. «Я представлялъ народную массу, обожающею короля,—писалъ Депортъ, бывшій мэръ Монмартра, стоявшій за революцію и бывшій дипломатическимъ агентомъ въ склонномъ къ нейтралитету Цвейбрюккенѣ;—но, прибавлялъ онъ, я не могъ скрасить ужаснаго событія 20-го іюня. Эта жестокость уничтожила всякое благопріятное о насъ мнѣніе. На насъ смотрятъ какъ на *цареубійцъ, людоѣдовъ*, съ которыми немыслимъ никакой союзъ».—Лондонское посольство пришло въ смятеніе. Событія противорѣчили всѣмъ его увѣреніямъ. «Наилучше настроенные къ намъ люди смутились. Восхищаясь твердостью, съ какою король поддержалъ и оградилъ предоставленную ему конституціей власть, они видятъ во всемъ случившемся признакъ безусловной дезорганизаціи; пока остается неизвѣстнымъ въ точности, кому принадлежатъ власть и авторитетъ во Франціи, наше положеніе здѣсь можетъ быть только крайне затруднительнымъ». Узнавъ, что назначенъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, де-Шамбона, Талейранъ просилъ позволенія пріѣхать для совѣщанія съ нимъ, что и было тотчасъ разрѣшено. Переговоры съ англійскимъ правительствомъ прекратились на неопредѣленное время.

Мѣсто правительства оставалось вакантнымъ. Жиронда еще льстила себя надеждой овладѣть имъ: она полагала, что для этого достаточно было одного болѣе искусно расчитаннаго удара и не скрывала, что подготовляетъ его. Въ поводахъ возмущенія парижскаго населенія и населенія всей страны недостатка не было. Опасность казалась достаточно настоятельной и реальной. Иностранцы вооружались. Всѣ полагали, что они достаточно подготовлены; несогласія, замедлявшія ихъ дѣйствія, были неизвѣстны, и всѣ повторяли зловѣщія слова, приписываемыя одному изъ командировъ арміи, старому Люкнеру: «При томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находятся войска, я не могу ручаться, что не пройдетъ и шести недѣль, какъ австріицы будутъ въ Парижѣ». Эмигранты обѣщали страшную месть. Они хвалились обширными связями внутри страны и казалось, что гражданская война со всѣхъ сторонъ поддержитъ иноземное вторженіе. Роялисты собирались въ Севеннскихъ горахъ. Въ Бретани, Ванде и Пуату возставали крестьяне, требуя возвращенія своихъ священниковъ. Ходилъ слухъ о томъ, что южныя провинціи хотятъ отдѣлиться отъ Франціи и образовать особую федеративную республику. Опасность грозила не только революціи, но и самому національному единству, единству государства, однимъ словомъ,—всему отечеству. Со времени царствованія послѣднихъ Валуа не приходилось Франціи переживать столь опаснаго кризиса.

[1]) Quinet, liv. X ch. I, p. 277.

Жиронда сложила всю отвѣтственность за этотъ кризисъ на короля и его приближенныхъ. 3-го іюля, Верньо, въ одной изъ самыхъ патетическихъ рѣчей за время революціи, обвинилъ Людовика XVI въ заговорѣ съ иностранцами, съ цѣлью порабощенія и расчлененія Франціи, и объявилъ его лишеннымъ всѣхъ своихъ преимуществъ. 4-го Собраніе декретировало, что когда найдетъ необходимымъ принять чрезвычайныя мѣры, оно объявитъ о томъ слѣдующею формулой: *отечество въ опасности*, и тогда всѣ общественныя власти будутъ засѣдать непрерывно, всѣ граждане возьмутся за оружіе, всѣ проявленія мятежа будутъ наказываться смертью. На другой день, конституціонный епископъ Торне изъ Шера предложилъ, чтобы въ такомъ крайнемъ случаѣ Собраніе предоставило-бы себѣ «сообразоваться исключительно съ высшимъ конституціоннымъ правиломъ: общественная безопасность есть первѣйшій изъ всѣхъ законовъ». Отъ министровъ потребовали отчета о положеніи королевства; онъ былъ представленъ ими 9-го іюля. Отчетъ производилъ крайне-тревожное впечатлѣніе; подписавъ его, министры подали въ отставку. Бриссо потребовалъ разсмотрѣнія образа дѣйствій короля. 11-го іюля, по предложенію Героде-Сешеля, Собраніе объявило, что отечество находится въ опасности. Тюильрійскій дворецъ осаждался тѣснѣе и тѣснѣе; брешь была пробита и каждый день можно было ожидать приступа. Слуги короля трепетали за его жизнь; но какова-бы ни была опасность, всѣ согласны были въ томъ, что ей надо дать отпоръ. Лафайетъ и г-жа де-Сталь предложили увезти королевскую фамилію. Проектъ г-жи Сталь показался слишкомъ романическимъ; проектъ Лафайета не внушалъ никакого довѣрія. Генералъ утратилъ всякую популярность: его поддержка была безполезна и могла только компрометировать. Королевская фамилія увидѣла въ предложеніи конституціонистовъ одну тонкую интригу съ цѣлью овладѣть королемъ; къ тому же она ненавидѣла ихъ и слишкомъ радовалась ихъ паденію для того, чтобы пожелать подняться вмѣстѣ съ ними. «Главное, необходимо выиграть время», писалъ Мерси. «Войска вступятъ въ первыхъ числахъ августа; тогда можно все спасти въ какой-нибудь мѣсяцъ времени».

Людовикъ XVI уже не стѣснялся средствами. Онъ соглашался на все: на декларации, продиктованныя министрами, на декреты, навязываемые

ему Собраніемъ, на клятвы, требуемыя подъ страхомъ низложенія: насиліе, принуждавшее его давать согласіе, дѣлало ихъ незаконными въ его глазахъ и оправдывало его передъ совѣстью. 6-го іюля онъ возвѣстилъ депутатамъ объявленіе войны со стороны прусскаго короля. «Я возлагаю надежду на мужество и единодушіе всѣхъ французовъ для борьбы и отраженія враговъ отечества и свободы», сказалъ онъ. 14-го числа онъ, ни мало не колеблясь, отправился на праздникъ Федераціи, чтобы публично подтвердить свою присягу конституціи. Это былъ крайне тревожный день для Тюильрійскаго дворца. Ходили слухи о томъ, что мятежники намѣреваются убить короля. Тѣмъ не менѣе, королевская фамилія выѣхала изъ дворца, желая несмотря ни на что импонировать своимъ присутствіемъ на Марсовомъ Полѣ. Громадная, вооруженная и угрожающаго вида, толпа встрѣтила короля криками: «Да здравствуетъ Петіонъ»! Въ то время эта ничтожная личность была идоломъ парижанъ: они считали его честнымъ и вѣрили, что онъ въ качествѣ парижскаго мэра защититъ ихъ. Его присутствіе, напротивъ, успокоивало дворъ, считавшій его низкимъ и уже закупленнымъ. «Выраженіе лица королевы никогда не изгладится изъ моей памяти», передаетъ г-жа де-Сталь. «Глаза ея были заплаканы; великолѣпіе ея наряда, достоинство ея осанки представляли рѣзкую противоположность съ окружавшимъ ее кортежемъ... Король дошелъ пѣшкомъ до алтаря, воздвигнутаго въ концѣ Марсова Поля. Здѣсь онъ долженъ былъ вторично присягнуть конституціи... Я слѣдила издали за его напудренной головой среди черноволосыхъ головъ; его вышитый по старинному костюмъ рѣзко отличался отъ платья тѣснившихся вокругъ него простолюдиновъ. Когда онъ взошелъ на ступени алтаря, онъ казался жертвою, добровольно приносящею себя на закланіе. Онъ сошелъ и, пройдя сквозь безпорядочные ряды, сѣлъ рядомъ съ королевой и дѣтьми. Съ этого дня народъ не видѣлъ его до той минуты, когда король взошелъ на эшафотъ».

Жирондисты предложили королю вручить имъ власть, обѣщая спасти монархію, какъ только они будутъ у кормила. Они въ свою очередь пытались укрыться за той самою фикціей, престижъ которой сами разрушали въ глазахъ народа. Въ своемъ самомнѣніи они воображали, что король можетъ забыть нанесенныя ему ими оскорбленія; что Людовикъ XVI достаточно смиренъ несчастіемъ, чтобы поддаться на такую игру, а революціонная партія достаточно ослѣплена своимъ торжествомъ для того, чтобы дать обмануть себя подобнымъ маневромъ. Но то, что не удалось ни генію Мирабо, ни прямодушію Барнава, ни доблести Лафайета, ни ловкости Дюмурье, того не добилась отъ Людовика XVI и дерзкая интрига жирондистовъ. Отказавшись затѣмъ отъ возможности управлять именемъ короля, Жиронда рѣшилась управлять помимо его и низложить его. Все

возвѣщало о новомъ и, на этотъ разъ, рѣшающемъ днѣ. Королевская фамилія надѣялась уже только на то, что ея союзники предупредятъ враговъ.

Въ Тюильрійскомъ дворцѣ не скрывали отъ себя, что минута вступленія иностранныхъ войскъ во Францію будетъ «чрезвычайно критической», и что за нею послѣдуетъ взрывъ бѣшенства и негодованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись, что страхъ скоро смѣнитъ гнѣвъ, и именно на это расчитывали для усмиренія мятежниковъ. «Надо стараться остаться въ Парижѣ», писалъ Ферзенъ королевѣ. «Это главное; тогда не трудно будетъ дойти до васъ, и именно таковъ планъ герцога Брауншвейгскаго. Онъ предпошлетъ своему появленію энергическій манифестъ отъ имени союзныхъ, державъ и этимъ манифестомъ отвѣтственность за безопасность королевской фамиліи возложена будетъ на всю Францію и, въ особенности, на Парижъ». Марія-Антуанета, болѣе чѣмъ когда-либо вѣрила въ дѣйствительность такого устрашенія. «Все пропало, если не остановятъ мятежниковъ страхомъ близкаго наказанія,—писала она Мерси.—Они во что бы то ни стало хотятъ республики; чтобы достигнуть этого, они рѣшили умертвить короля. Необходимо возложить отвѣтственность за его жизнь и жизнь его семьи на Національное собраніе и Парижъ». Королева упорно слѣдовала за призраками, которые влекли ее къ безднѣ, и отуманивала себя послѣдними иллюзіями надежды. «Наше положеніе ужасно,—извѣщала она Ферзена;—но не безпокойтесь чрезмѣрно: я чувствую въ себѣ мужество и что-то говоритъ мнѣ, что мы скоро будемъ спасены».

IV.

Во время этой агоніи французской монархіи, германскіе дворы пировали. Священная имперія въ минуту открытія войны, которая должна была принести ей гибель, сіяла послѣдними лучами своего блеска. 5-го іюля Францъ былъ выбранъ императоромъ; 14-го послѣдовалъ торжественный въѣздъ его во Франкфуртъ. Торжество напоминало наиболѣе блестящія императорскія коронованія. Духовные избиратели въ послѣдній разъ исполнили свои функціи по ритуалу «Золотой Буллы». Послѣдній императоръ старой Германіи явился во всѣхъ готическихъ доспѣхахъ своего могущества, среди представителей Европы и предъ лицомъ народа, привѣтствовавшаго его въ тотъ самый день, когда послѣдній французскій король приносилъ на Марсовомъ Полѣ присягу, напоминавшую всенародное покаяніе, и въ его устахъ равнявшуюся отреченію. Вечеромъ того дня, когда въ Тюильри всѣ были полны тоски и униженія, во Франкфуртѣ проходили торжественныя процессіи, горѣли огни иллюминацій и давался великолѣпный праздникъ, устроенный въ честь государя графомъ Эстергази, посланни-

комъ-избирателемъ Богемской короны. Графъ Клементъ Меттернихъ открылъ балъ съ молодою мекленбургскою принцессою, красота, грація и оживленіе которой вызывали всеобщій восторгъ: то была будущая королева прусская Луиза, одна изъ благороднѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ жертвъ начинавшейся войны. Между тѣмъ полки Фридриха-Вильгельма проходили по городу и ихъ воинственный видъ, прекрасная дисциплина, репутація ихъ командировъ возбуждали въ умахъ стремленіе къ славѣ. Никто не сомнѣвался въ успѣхѣ кампаніи, начинавшейся съ такимъ веселымъ одушевленіемъ. За ужиномъ, вокругъ императорской фамиліи и принцевъ, собрались знатнѣйшіе вельможи Германіи. Кто-бы изъ нихъ могъ повѣрить въ то время, что банкетъ ихъ—похоронная трапеза; что священной имперіи не остается и двадцати лѣтъ существованія; что французскій король и королева, которыхъ они похвалялись освободить, погибнутъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на эшафотѣ; что эта «армія санкюлотовъ», которую они собирались разогнать ударами хлыста, прогонитъ всѣ ихъ войска; что изъ нея выйдетъ могучій Цезарь, которому они будутъ поочередно союзниками, кліентами и данниками; что этотъ демократическій солдатъ возстановитъ въ свою пользу монархію Карла Великаго и что самъ императоръ вынужденъ будетъ выдать за него свою дочь?

Прусскій король назначилъ свиданіе императору въ Майнцѣ. Его поѣздка была чѣмъ-то въ родѣ тріумфальнаго шествія. Германія восполняла горячностью своихъ воинственныхъ демонстрацій малое усердіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Повсюду слышались залпы орудій и патріотическіе клики. На транспарантахъ свѣтился слѣдующій девизъ: «*Wilhelmus sibi vivat, neo Francos deleat, jura regis restituat*». Курфирстъ майнцскій почелъ за честь развернуть всю свою роскошь. Вся Германія явилась на его зовъ. Отъ 19-го до 21-го іюня австрійскій и прусскій монархи прожили въ его дворцѣ. Пятьдесятъ государей, сто графовъ и бароновъ составляли ихъ военный и феодальный дворъ. Рядомъ съ молодымъ императоромъ, Фридрихъ-Вильгельмъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своею величественною наружностью, любезными манерами и гигантскимъ ростомъ, господствовавшимъ надо всѣми окружающими. Въ лицѣ герцога Брауншвейгскаго нѣмцы привѣтствовали *рейнскаго героя, освободителя Франціи*. Французскіе принцы, августѣйшіе приспѣшники этихъ ополчившихся во имя ихъ распри воиновъ, подогрѣвали усердіе послѣднихъ и окруженные свитой изъ эмигрантовъ придавали этому великолѣпному двору еще болѣе видъ выставки тщеславія и легкомыслія. Городъ переполненъ былъ офицерами въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, дворянами въ парадныхъ костюмахъ и участниками всякаго рода процессій. Владѣтели Германіи показывали себя Европѣ: они должны были снова встрѣтиться въ томъ же блестящемъ и многочисленномъ составѣ пятнадцать лѣтъ спустя, въ городѣ Эрфуртѣ, но только для того, чтобы санкціонировать собственное разореніе и привѣтствовать своего побѣдителя! Государи объявляли, что будутъ творить великія дѣла и подавать прекрасные примѣры. Они обмѣнивались увѣреніями въ дружбѣ, вѣрности и постоянствѣ. Ихъ министры разсуждали о барышахъ предпріятія. Коронаціонныя празднества, королевскія изліянія дружбы, банкеты, смотры и парады,—то была показная сторона предпринимаемаго крестоваго похода; дѣйствительная его цѣль была предметомъ министерскихъ совѣщаній. На этихъ совѣщаніяхъ всего менѣе упоминалось о монархическихъ принципахъ, о публичномъ правѣ или уваженіи къ престоламъ; основою всѣхъ бесѣдъ этихъ странныхъ защитниковъ стараго порядка было расчлененіе одного изъ древнѣйшихъ христіанскихъ государствъ Европы!

Польша была порабощена, спорили лишь объ ея останкахъ. Быстрое вторженіе русскихъ войскъ и превосходство ихъ силъ потрясло Рѣчь Посполитую до основанія. «Сеймъ не существуетъ болѣе», передаетъ одинъ англійскій дипломатъ [1]), «нѣтъ болѣе правительства и нѣтъ конституціи 3 мая: никто не знаетъ, что́ нужно дѣлать». Станиславъ-Августъ обратился къ прусскому королю со слѣдующими строками: «Никогда не существовало болѣе праваго дѣла. Вслѣдствіе того, что достоинство вашего величества, какъ союзника, такъ тѣсно связано съ независимостью моего народа, я питаю надежду узнать ваши чувства». Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ своему союзнику: «Ваше величество поймете, что такъ какъ положеніе вещей совершенно измѣнилось со времени заключенія мною союза съ вами, и такъ какъ вызванныя конституціей 3-го мая усложненія этого положенія непримѣнимы къ условіямъ нашего союза, то мнѣ невозможно удовлетворить ожиданіямъ вашего величества». Тѣмъ не менѣе Фридрихъ-Вильгельмъ сохранилъ изъ прежнихъ отношеній своихъ къ Польшѣ нѣкоторую снисходительность къ полякамъ. Онъ предложилъ открыть совѣщаніе съ императрицею и вступить въ соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ для того, чтобы условиться относительно мѣръ, могущихъ возвратить Польшѣ спокойствіе. Покинутый такимъ образомъ Пруссіей, Станиславъ-Августъ обратился къ Россіи: онъ полагалъ, что для Польши благоразумнѣе отдать себя на волю императрицы, чѣмъ на растерзаніе прусскимъ королемъ. 22 іюня онъ просилъ о перемиріи и предложилъ польскую корону великому князю Константину вмѣстѣ съ договоромъ вѣчнаго союза между республикою и Россіей. Императрица отвѣчала 13 іюня требованіемъ, чтобы Станиславъ примкнулъ къ тарговицской конфедераціи.

Небольшая армія патріотовъ была совершенно разбита. Вся доблесть

[1]) Отчетъ Эссена, 6 іюня 1792 г. Herrmann, *Dip. corr.* p. 276.

командовавшаго ею Костюшки, все геройство польскаго войска не въ силахъ были возмѣстить несоразмѣрности средствъ борьбы. О возбужденіи народнаго возстанія нельзя было и думать: народъ не ставился ни во что въ Польшѣ, онъ присутствовалъ при борьбѣ своихъ господъ съ тѣмъ апатическимъ равнодушіемъ, къ которому они пріучили его на свою собственную гибель. Республика оцѣпенѣла отъ ужаса, Станиславъ согласился на исходившія изъ Петербурга требованія и 24 іюня присоединился къ конфедератамъ. Остатки вооруженныхъ патріотовъ были разсѣяны русскими. Польша была сокрушена. Русскіе одни справились съ нею. Екатерина достигла своей цѣли: она подчинила себѣ всю Польшу и поставила ее въ вассальныя отношенія къ Россіи. Вся политика русской императрицы клонилась къ избѣжанію, или по крайней мѣрѣ къ отсрочкѣ, раздѣла, въ видахъ ограниченія насколько возможно доли Германіи. Съ Берлиномъ ничто не было окончено по вопросу о раздѣлѣ съ Вѣной, даже и не намѣчено условій его; тѣмъ временемъ австрійскія и прусскія войска направлялись къ Рейну, а Пруссія и Австрія не только не грозили Россіи вмѣшательствомъ въ ея дѣла, но просили ее присоединиться къ ихъ союзу. Екатерина воспользовалась и алчностью нѣмцевъ, и ихъ затрудненіями: она расчитывала, что война доставитъ ей возможность отказаться отъ выполненія требованій Пруссіи и Австріи. Такъ какъ въ дѣйствительности все дѣло шло о пріисканіи земель и о раздѣлѣ ихъ, то годныя къ тому земли могли быть найдены и за предѣлами Польши. Къ тому же Пруссія заранѣе успокоила русскую императрицу; Австрія дѣйствовала съ большею медленностью, но не съ меньшею ясностью.

Графъ Людвигъ Кобенцель, австрійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, получилъ во второй половинѣ іюля депешу, помѣченную 2 іюля, въ которой ему предписывалось начать переговоры съ русскими министрами. —Справедливо было бы, сказалъ онъ имъ, вознаградить себя на счетъ Франціи за издержки войны, которую она сама вызвала и которую Австрія предпринимаетъ въ видахъ благополучія французской монархіи. Но это дѣло представляетъ нѣкоторыя затрудненія, и вѣнскій кабинетъ находитъ болѣе удобнымъ вернуться къ проекту обмѣна Нидерландовъ, предоставляя пруссакамъ пріобрѣсти на свой пай одну изъ польскихъ провинцій. Такимъ образомъ Россія становилась третейскимъ судьей на европейскомъ рынкѣ. Русскіе отвѣчали Кобенцелю, что вознагражденіе германскихъ державъ никогда не встрѣтитъ затрудненій со стороны Россіи, но что предоставленіе Пруссіи польской провинціи—дѣло довольно затруднительное. Обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію, замѣчали они, не доставитъ Австріи существенныхъ выгодъ, могущихъ равняться съ подобнымъ территоріальнымъ приращеніемъ Пруссіи. Но и къ чему заранѣе обсуждать этотъ

вопросъ? Война, по всей вѣроятности, рѣшитъ дѣло.—Австрія ничего такъ не опасалась, какъ сепаратнаго договора между Россіей и Пруссіей; она легко согласилась съ доводами и рѣшила отложить рѣшеніе вопроса до времени окончанія конференціи, которыя должны были открыться въ Майнцѣ. Пользуясь такою сговорчивостью Австріи, императрица возобновила съ нею договоръ. 14 іюля [2]) обѣ державы обѣщали другъ другу взаимную поддержку въ размѣрѣ 12000 человѣкъ солдатъ и обезпечили существованіе Польши въ томъ видѣ, въ какомъ конституировали ее трактаты 1773 года.

Столь же успѣшна была тактика Россіи относительно Пруссіи. 21 іюня Остерманъ отправилъ въ Берлинъ депешу, въ которой предлагалось возобновленіе трактата 1764 года; онъ прибавлялъ, что по мысли его государыни Франція не должна быть раздѣлена союзниками. «Императрица признаетъ однакоже, что они должны получить вознагражденіе и рѣшилась помочь имъ въ пріобрѣтеніи такового, коль скоро ей будутъ извѣстны ихъ намѣренія болѣе точнымъ образомъ». Такъ какъ пруссаки не скрывали своихъ желаній, они приняли это заявленіе за согласіе и безъ всякихъ колебаній согласились на заключеніе договора. Они озаботились однакоже указаніемъ на то, что лучшимъ способомъ вознагражденія было бы для Австріи — пріобрѣтеніе Баваріи взамѣнъ Нидерландовъ, а для Пруссіи—польскія провинціи. Русскіе министры отвѣчали, что это дѣло должно быть обсуждено предварительно между самими нѣмцами и что Россія заявитъ о своемъ мнѣніи впослѣдствіи. Договоръ о союзѣ былъ подписанъ 7 августа. При такихъ-то условіяхъ приходилось совѣщаться вѣнскимъ и берлинскимъ дипломатамъ. Они готовились къ этому совѣщанію весьма серьозно. Прусскіе министры смотрѣли на статью о вознагражденіи какъ на «важнѣйшую изъ всѣхъ». Они не отказались отъ надежды возвратить имперіи Эльзасъ и Лотарингію: эти провинціи предполагалось раздѣлить между Австріей и Палатинскимъ домомъ, который могъ бы уступить Пруссіи Юлихъ. Но такой обмѣнъ былъ бы только дополнительнымъ. Главнымъ предметомъ оставалась Польша. Пруссаки полагали, что въ этомъ случаѣ достаточно соглашенія съ Россіей. «Вѣнскій дворъ,—писалъ агентъ Фридриха-Вильгельма въ Вѣнѣ,—начнетъ съ того, что будетъ прикидываться великодушнымъ и безкорыстнымъ;... но я совершенно увѣренъ, что онъ все это оставитъ, если мы первые покончимъ съ нашимъ дѣломъ». Какого вознагражденія потребуетъ Австрія? Фландріи и французской части Геннегау? Кобенцель уже намекнулъ объ этомъ въ недавней бесѣдѣ съ Гаугвицемъ, въ Вѣнѣ. Такая комбинація, очевидно, связана была съ проектомъ обмѣна на Баварію. Пруссія не на-

[2]) Мартенсъ, т. II, стр. 198.

мѣрена была этому противиться, но она желала предоставить Австріи улаженіе этого дѣла, чтобы «вся его гнусность пала на нее одну».

Министры Фридриха-Вильгельма предполагали у Австріи тѣ намѣренія, которыя сами имѣли бы на ея мѣстѣ, и судили о нихъ весьма здраво. 17-го іюля собралась конференція во Франкфуртѣ, имѣвшая цѣлью обсужденіе этихъ вопросовъ въ присутствіи императора. Въ ней приняли участіе: Штарембергъ, Ласій, Розенбергъ, Коллоредо, Филиппъ Кобенцель и Шпильманъ. Всѣ смотрѣли на обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію, какъ на *summum bonum;* но для приведенія въ исполненіе этого проекта слѣдовало считаться съ Пруссіей. Поэтому занялись расцѣнкой долей. О денежномъ вознагражденіи Пруссіи за военныя издержки, причемъ пришлось бы ждать возможности для Людовика XVI уплатить таковое, упомянули только для порядка, находя его достаточно неправдоподобнымъ, развѣ только прибѣгнуть къ залогу французскихъ земель. Конференція не останавливалась на такой нелестной для Франціи гипотезѣ и сосредоточила все свое просвѣщенное вниманіе на баварскомъ проектѣ. Кобенцель изложилъ его подробности въ докладѣ, который, и по формѣ и по содержанію, принадлежитъ къ числу документовъ, наиболѣе характеризующихъ дипломатію того времени. Вице-канцлеръ прежде всего установляетъ тотъ принципъ, что оба двора должны идти «равномѣрнымъ шагомъ» по пути желаемыхъ пріобрѣтеній. Если Пруссія пріобрѣтаетъ польскую провинцію, Австрія не можетъ довольствоваться простымъ обмѣномъ; для возстановленія равновѣсія она потребуетъ въ этомъ случаѣ маркграфства Ансбахское и Байрейтское, смежныя съ Баваріей. Если Пруссія не согласится, останется только отвоевать у Франціи Фландрію, Геннегау, Артуа со всѣми пограничными крѣпостями, отъ Тіонвиля до Дюнкирхена. «Лучше сдѣлать лишнюю кампанію или двѣ,—говорилъ Кобенцель,—чтобы, воспользовавшись французскою междуусобицей, пріобрѣсти солидныя выгоды, присоединивъ къ Нидерландамъ нѣкогда отвоеванныя у нихъ Франціей провинціи, чѣмъ спѣшить заключеніемъ мира, отказываясь отъ всякаго вознагражденія за убытки». Коль скоро заговорила корысть, желаніе грабить Францію вселяется во всѣ умы, и Кобенцель кончаетъ тѣмъ, что не безъ тайнаго чувства удовлетворенія принимается спекулировать на гибель Людовика XVI и его монархіи. «Въ этомъ случаѣ,—продолжаетъ онъ,—возстановленіе порядка во Франціи не должно быть главнымъ пунктомъ операцій нашихъ войскъ. Продленіе смутъ и гражданской войны должно даже считаться обстоятельствомъ, благопріятствующимъ нашему дѣлу, и водвореніе мира, при помощи установленія какой-либо конституціи, должно быть куплено Франціей цѣною пожертвованія провинціями, которыя были бы нами

завоеваны» [3]). Конференція одобрила воззрѣнія Кобенцеля, и этотъ министръ возымѣлъ блестящія надежды. «Въ настоящую минуту», писалъ онъ двоюродному брату своему въ Петербургъ,—обстоятельства складываются такъ благопріятно для всѣхъ трехъ дворовъ, какъ, быть можетъ, никогда не сложатся».

Австрійскіе и прусскіе делегаты собрались въ Майнцѣ 20-го іюля при такихъ-то счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Со стороны Австріи прибыли: Ласій, Кобенцель и Шпильманъ; со стороны Пруссіи—Шуленбургъ и въ качествѣ предсѣдателя и суперъ-арбитра — герцогъ Брауншвейгскій. Они быстро покончили съ военными вопросами, чтобы скорѣе приступить къ статьѣ о вознагражденіяхъ. Относительно принципа и общихъ положеній соглашеніе не представило затрудненій. Общія положенія заключались въ томъ, что пріобрѣтенія должны быть какъ можно обширнѣе; принципъ состоялъ въ томъ, чтобы пріобрѣтая соблюдать строгую равномѣрность. Такого «принципа» принято было держаться при сѣверныхъ дворахъ со времени польскаго раздѣла: принципъ не вызвалъ возраженій. Ничего не имѣли также противъ того, чтобы Пруссія искала себѣ вознагражденія въ Польшѣ, Австрія же—въ Баваріи, которую обмѣняла бы на Бельгію. Людовикъ XVI былъ еще королемъ, вооружались, чтобы придти къ нему на помощь, слѣдовательно нельзя было говорить оффиціально о томъ, чтобы его обобрать, а потому ограничились союзниками Пруссіи — поляками и сотоварищами Австріи по федераціи — баварцами. Оставалось опредѣлить качество и количество. Здѣсь уже началось разногласіе. Пруссаки заговорили о нѣсколькихъ палатинатахъ, напримѣръ о всей Познани. Австріицы не согласились: вѣдь Пруссія такимъ образомъ получила бы чистую прибыль, Австрія же своимъ обмѣномъ получила бы только относительную выгоду; она потеряла бы два милліона дохода; если Пруссія возьметъ такое множество поляковъ, то необходимо слѣдовало бы «доставить Австріи дополнительное вознагражденіе». «Потому что», говорилъ Кобенцель «оба двора предполагаютъ двойную цѣль: округленіе границъ и приращеніе дохода, *принципъ равенства былъ бы нарушенъ*, если бы доля, присужденная Австріи въ видахъ восполненія недостаточности обмѣна, не выполняла и того и другого условія».

Въ такомъ-то тонѣ и въ такихъ выраженіяхъ велись эти серьезныя и важныя совѣщанія; торгашескій жаргонъ былъ языкомъ дипломатіи того времени. Австрія потребовала Ансбаха и Байрейта. На этотъ разъ запротестовалъ Шуленбургъ: онъ не такой былъ человѣкъ, чтобы поступаться наслѣдіемъ своего короля. Онъ высказалъ это австріицамъ и написалъ своимъ коллегамъ въ Берлинъ. Коллеги объявили, что «возму-

[3]) Vivenot, Zur Genesis der zweiten Theilung Polens. Wien, 1874, p. 43.

ОПТИДОСРАН

щены ужаснымъ, чтобы не сказать, дерзкимъ предложеніемъ». Однако ихъ скоро успокоило опасеніе, довольно впрочемъ химерическое, что Австрія въ видахъ прекращенія спора откажется отъ принципа вознагражденій. Они безусловно стояли за него. «Мы предприняли войну исключительно подъ этимъ условіемъ, писали они. Это значило бы дать себя одурачить: сдѣлать такія громадныя затраты, ради чужого дѣла, и не получить ничего взамѣнъ».

Итакъ въ этомъ «важнѣйшемъ дѣлѣ» все зависѣло отъ исхода войны, котораго нельзя было предвидѣть, и отъ расположенія Россіи, заявившей, что выскажется не ранѣе окончанія этой войны. Оба союзника не нашли удобнымъ сообщить другъ другу свою корреспонденцію съ Петербургомъ. Они не хотѣли признаваться въ сдѣланныхъ ими русской императрицѣ авансахъ, еще менѣе готовы были они сообщать ея ни къ чему ее не обязывавшіе отвѣты. Конференція привела къ взаимному недовѣрію и къ общей подозрительности относительно Россіи. Боязнь такого раздѣла Польши, изъ котораго былъ бы исключенъ одинъ изъ союзниковъ, не переставала ихъ волновать, и это отозвалось на самыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Пруссія стала выказывать менѣе усердія въ наступленіи, Австрія—болѣе медлительности въ доставкѣ контингентовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ началъ серьозно озабочиваться опасностью, которую могла навлечь на его государство безусловная гегемонія Россіи въ Польшѣ. Онъ нашелъ несвоевременнымъ двинуть всѣ свои войска противъ французовъ, тогда какъ, не сегодня завтра, придется отправить главныя силы къ Вислѣ, хотя бы для защиты границы и ограниченія притязаній русской императрицы. Австрія, естественнымъ образомъ, склонялась къ направленію военныхъ операцій въ сторону Фландріи, гдѣ намѣревалась искать своихъ выгодъ; Пруссія противилась этому и желала получить предварительно увѣренность въ вознагражденіи польскими землями. Всѣ эти пререканія о гипотетичныхъ завоеваніяхъ и вызываемыя ими столкновенія препятствовали движенію завоевателей.

Остальныя державы воздерживались отъ участія. Неаполитанскій дворъ относился враждебно къ французской революціи, но безсиленъ былъ бороться съ нею: онъ довольствовался лишь усмиреніемъ собственныхъ подданныхъ. Фердинандъ сдѣлалъ попытку образованія итальянской лиги, но потерпѣлъ неудачу повсюду; Генуя и Венеція испугались; Тоскана объявила себя нейтральной; Модена и Парма соблюдали нейтралитетъ по необходимости. Папа могъ сдѣлать только одно, и онъ это сдѣлалъ: отлучилъ отъ церкви всѣхъ французовъ, которые признали бы новое устройство духовенства. Пьемонтъ продолжалъ требовать поддержки, обѣщая, въ случаѣ удовлетворенія этого требованія, совершить чудеса. «Пусть императоръ пришлетъ мнѣ пятнадцать тысячъ человѣкъ, и я вторгнусь во Францію», говорилъ Викторъ-Амедей австрійскому резиденту. Австрія заставила его ждать до середины лѣта. Кончили тѣмъ, что обѣщали ему десять тысячъ солдатъ и еще продолжали обсужденіе формы союзнаго договора, когда французы уже напали на Савойю. Что касается до Испаніи, то она увѣряла, что если дѣла примутъ слишкомъ неблагопріятный для французскихъ Бурбоновъ оборотъ, то ихъ кузены не могутъ оставаться къ тому равнодушными. Аранда же льстилъ себя надеждой, что ничего подобнаго не случится, и пока воздерживался отъ всякаго вмѣшательства. Мадридскій дворъ посылалъ французскимъ принцамъ милліонную субсидію, но министерство приглашало находившихся въ Каталоніи эмигрантовъ выѣхать изъ Испаніи. Страхъ передъ Англіей продолжалъ связывать руки испанской монархіи. Онъ связывалъ также Швецію и Данію, нисколько о томъ впрочемъ не сожалѣвшихъ.

Такъ какъ Россія твердо рѣшилась не посылать своихъ войскъ противъ Франціи, коалиція, въ концѣ концовъ, ограничивалась двумя германскими державами, крайне несогласными между собою и крайне слабо поддерживаемыми германскимъ союзомъ. А между тѣмъ часъ начать кампанію уже пробилъ, если желали спасать Людовика XVI. Союзники готовились къ вторженію во Францію и должны были открыто высказаться о томъ, какую именно войну будутъ вести: завоевательную или принципіальную. Вопросъ объ этомъ также подлежалъ обсужденію на майнцской конференціи. Но союзники принесли туда одни смутныя и неопредѣленныя воззрѣнія. Забота о вознагражденіяхъ и завоеваніяхъ препятствовала ясному сужденію. Предметъ требовалъ высшей точки зрѣнія и для его рѣшенія слѣдовало бы отрѣшиться отъ рыночныхъ дипломатическихъ соображеній, въ которыя погружены были и Австрія и Пруссія. За неимѣніемъ принципіальной точки зрѣнія, онѣ по этому пункту обратились къ эмигрантамъ, которыхъ выслушали однако безъ малѣйшаго сочувствія и одобрили безъ всякой искренности.

V.

Объявленіе войны возвратило эмигрантамъ нѣкоторую энергію и увѣренность въ своихъ силахъ. Они направились къ Кобленцу и Триру изъ всѣхъ мѣстностей, по которымъ были разсѣяны. Совѣщанія слѣдовали у нихъ за совѣщаніями. Но лагерь нуждался въ матеріальныхъ средствахъ, и совѣщанія носили совершенно химерическій характеръ. Эмигранты утѣшали себя въ неимѣніи денегъ, мечтая о близкой побѣдѣ, о радостномъ возвращеніи во Францію, о возмездіи, которымъ вознаградятъ себя за из-

гнанническую жизнь, и о мести, которая должнап остигнуть мятежниковъ. Они хотѣли вѣрить, что нѣмцы ополчаются единственно ради ихъ славы, и въ глазахъ ихъ легковѣрнаго тщеславія великія австрійскія и прусскія арміи являлись помощницами ихъ собственной малочисленной группы. Фридрихъ-Вильгельмъ оставлялъ ихъ въ этомъ пріятномъ заблужденіи: онъ предоставлялъ графу Прованскому именоваться регентомъ королевства, и субсидіи его доходили до пяти милліоновъ. «Король прусскій въ высшей степени любезенъ и привѣтливъ съ нами,—писалъ Конде отъ 22-го іюня. Онъ обѣщаетъ намъ первое мѣсто и въ его оффиціальномъ сообщеніи ясно выражено, что войска его пойдутъ позади нашихъ, въ видѣ вспомогательнаго отряда». Однако Австрія, также весьма ясно выражавшаяся въ своихъ сообщеніяхъ, заявляла нѣчто обратно-противоположное. Она отказывалась признать регенство брата Людовика XVI, а что касается воинскаго порядка, то приглашала, и весьма сухо, принцевъ ждать «окончательнаго рѣшенія союзниковъ, чтобы затѣмъ и сообразоваться съ таковымъ рѣшеніемъ». Вѣнскій дворъ дѣлалъ даже болѣе, чѣмъ высказывалъ: онъ отнялъ у принцевъ залогъ, предоставленный имъ для займа, возвратилъ собственной казнѣ 1.500.000 ливровъ, имъ предназначавшихся, и препятствовалъ всѣмъ сношеніямъ ихъ съ прусскимъ королемъ.

Францъ II быстро упалъ во мнѣніи эмигрантовъ до уровня Леопольда, и Конде не стѣснялся называть австрійскаго императора «разбойникомъ Мандриномъ». Австрія не только разрушала ихъ планъ кампаніи, она противилась и ихъ проекту контръ-революціи, то есть именно тому дѣлу, которымъ они всего болѣе дорожили. Во всѣхъ этихъ враждебныхъ маневрахъ они усматривали вліяніе королевы и разражались противъ Маріи Антуанеты и ея семейства ругательствами, отъ которыхъ не отказались бы сами «санкюлоты». Въ Кобленцѣ обличали австрійскій комитетъ не менѣе желчно, чѣмъ то дѣлалось въ Парижѣ. Вѣнскій дворъ обвиняли въ намѣреніи раздѣлить Францію: онъ желаетъ пріобрѣсти Эльзасъ, Лотарингію и Фландрію, а потому и отказывается признавать брата короля регентомъ и союзникомъ, говорили французскіе эмигранты. Они негодовали по этому поводу, но не ограничивались одними этими обвиненіями. Призракъ парламента съ двумя палатами, тревожившій Бриссо и Жансонне, безпокоилъ и воображеніе эмигрантовъ. «Величайшимъ изъ золъ для насъ было бы получить изъ рукъ Австріи конституцію, внушенную ея неисправимою завистью,—писалъ Бомбелль.—Лучше потерять провинцію, чѣмъ получить конституцію». Эти дворяне, подобно публицистамъ изъ среды Жиронды, прошли дипломатическую школу Фавье; они слѣпо исповѣдывали всѣ ея предразсудки. Одинъ изъ роялистовъ-офицеровъ, служившій въ Россіи, Ланжеронъ, находился въ Брюсселѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Онъ составилъ «Записку о настоящемъ положеніи дѣлъ» («Mémoire sur les affaires présentes»), въ которой утверждалъ, что все зло проистекало въ прошломъ отъ несчастнаго союза 1756 г., а въ настоящемъ происходитъ отъ «чудовищнаго союза между Австріей и Пруссіей. Опытъ достаточно ясно показалъ, до какой степени французскіе государи были обмануты вѣнскимъ дворомъ: повидимому и въ настоящую минуту слѣдуетъ относиться къ нему болѣе недовѣрчиво, чѣмъ когда-либо». Средство, предлагавшееся Ланжерономъ съ цѣлью огражденія монархіи отъ австрійскихъ козней, было именно то, къ которому прибѣгалъ Дюмурье для предохраненія революціи отъ нападеній со стороны Австріи. «Если бы можно было заручиться согласіемъ Людовика XVI, или же, если окажется невозможнымъ, дѣйствовать отъ его имени, то слѣдовало бы предложить прусскому королю разорвать союзъ съ Австріей на другой же день по совершеніи контръ-революціи и заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ, если онъ пожелаетъ возстановить монархію во всей ея цѣлости и побудить къ тому вѣнскій дворъ». Эмигранты расчитывали, главнымъ образомъ, на Пруссію и Россію въ дѣлѣ избавленія отъ двоякаго зла: раздѣла Франціи и парламента съ двумя палатами. «Будьте увѣрены, что этого не случится,—писалъ Конде 4-го іюня.—Мы совершенно довѣряемъ въ этомъ отношеніи Пруссіи». А Бомбелль писалъ, съ своей стороны, 8-го мая: «Теперь, когда императрица склоняется къ тому, чтобы двинуть свои войска къ намъ на помощь, я позволяю себѣ надѣяться, что возможно будетъ вернуться къ нашему прежнему образу правленія и сохранить неприкосновенными наши границы». Въ сущности, несмотря на туманъ, затемнявшій ихъ сужденіе, двусмысленность ихъ роли и несостоятельность ихъ политики минутами сознавались ими. Они, правда, надѣялись, что появленіе ихъ разгонитъ національную гвардію, но неохотно допускали въ этомъ случаѣ помощь сопровождавшихъ ихъ иностранцевъ. «Берегитесь,—говорилъ старшій братъ Людовика XVI одному прусскому офицеру, позволявшему себѣ презрительно относиться къ французамъ по поводу ихъ первыхъ пораженій,—ихъ не всегда били; они съумѣютъ постоять за себя» [1]). Онъ и его дворяне могли называть мятежныхъ французовъ негодяями и поступать съ ними по своему усмотрѣнію, но нѣмцы не должны были, по ихъ мнѣнію, позволять себѣ того же.

Не всѣ эмигранты относились съ одинаковою довѣрчивостью къ своимъ чужеземнымъ доброжелателямъ и совѣтчикамъ. Если вожди упорствовали въ своихъ надеждахъ на эту помощь совершенно такъ же, какъ польскіе патріоты 1790 г. и конфедераты 1792 г., то многіе изъ фран-

[1]) *Бумаги Ланжерона.* Министерскій архивъ. См. письмо Монморена къ Ла Марку.

ОТДЕЛ ФОНДОВ

цузскихъ дворянъ, просвѣщенные испытаніями и неудачами изгнанія, ощущали пробужденіе національнаго инстинкта и, въ минуту выбора между чужеземцами и родиной, становились на сторону послѣдней. Нѣкоторые изъ этихъ дворянъ плакали, слушая разсказы о позорномъ разгромѣ при Монсѣ [2]) и, быть можетъ, горько сожалѣли, что ихъ тамъ не было для того, чтобы остановить бѣгство французскихъ солдатъ. Въ замѣткѣ Дюмурье отъ 10-го іюня, читаемъ: «Г. де-Нальякъ получилъ точныя свѣдѣнія о настроеніи большинства эмигрантовъ, окружающихъ принцевъ или находящихся въ трирскомъ курфиршествѣ. Съ тѣхъ поръ какъ они не могутъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что союзъ Пруссіи съ Австріей не имѣетъ предметомъ ни возстановленіе прежняго положенія дворянства, ни водвореніе порядка во Франціи и, напротивъ, видятъ, что обѣ эти державы честолюбиво стремятся воспользоваться анархіей съ цѣлью расчлененія королевства, они приходятъ въ ужасъ, а мысль, что они дезертировали лишь для того, чтобы сослужить службу врагамъ, имѣющимъ въ виду позоръ и опустошеніе ихъ родины, приводитъ ихъ въ бѣшенство». Нальякъ находилъ даже возможнымъ образованіе легіона изъ тѣхъ, «кто явится искупить защитою отечества преступное бѣгство изъ Франціи». Но эти кающіеся эмигранты не могли надѣяться на хорошій пріемъ, а мѣры, принимаемыя противъ нихъ на родинѣ неспособны были поощрить ихъ патріотическія поползновенія. Къ тому же вожаки ихъ успокоивали угрызенія совѣсти, увѣряя, что присутствіе принцевъ въ арміи союзниковъ устраняетъ всякую мысль о допущеніи завоеванія: братья Людовика XVI первые войдутъ въ королевство, они заявятъ о своихъ правахъ, отъ имени короля, и достаточно имъ явиться, чтобы «на всѣхъ колокольняхъ взвилось бѣлое знамя» [3]). Событіе 20-го іюня окончательно убѣдило принцевъ въ томъ, что они одни способны поднять государство. Униженіе, претерпѣнное въ этотъ день Людовикомъ XVI, усиливало, если только то было возможно, ихъ неуваженіе къ его особѣ. «Я вполнѣ удовлетворенъ принцами въ отношеніи принциповъ,—писалъ Конде 4-го іюля.Они будутъ держаться началъ, изложенныхъ въ нашемъ письмѣ полгода тому назадъ, вопреки всему, что могутъ или будутъ говорить въ Тюильри и несмотря ни на какой манифестъ державъ. На мое возраженіе: а если король, освободившись, пожелаетъ чего-нибудь другого? Старшій братъ короля прекрасно отвѣтилъ: онъ можетъ быть свободнымъ только послѣ того, какъ мы пробудемъ нѣкоторое время во Франціи, а тогда партія наша будетъ слишкомъ сильна для того, чтобы мы могли отступить, а онъ могъ намъ противорѣчить» [4]).

[2]) Sybel, t. I, p. 479 (Франц. изд.).

[3]) Metternich, *Mémoires*, p. 479.

Тѣмъ временемъ пріѣхалъ Малле дю-Панъ со своими инструкціями, совѣтами, планомъ манифеста и всѣми возраженіями, исходившими изъ Тюильрійскаго дворца. Онъ остановился во Франкфуртѣ, гдѣ просилъ, но не добился аудіенціи у императора. Меморія, посланная имъ въ Кобленцъ, произвела тамъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Потребовалось собственноручное письмо Людовика XVI для того, чтобы посланный могъ выполнить свою миссію у союзниковъ. 15, 16 и 17 іюля онъ бесѣдовалъ съ Гаугвицемъ, Геймановъ и Кобенцелемъ, которымъ излагалъ мнѣніе королевской фамиліи. Кобенцель заявилъ, что его дворъ не переставалъ развивать это самое мнѣніе. Пруссаки, повидимому, убѣдились его доводами. Гаугвицъ и Кобенцель объявили, что никакія честолюбивые или своекорыстные виды, касающіеся раздѣла Франціи, не входятъ въ планъ войны. Гаугвицъ простеръ свою обязательность до того, что предложилъ Малле сдѣлать резюме бесѣды. Малле удовлетворился разъясненіями, и нѣмцы перестали имъ заниматься. Его оставили во Франкфуртѣ, гдѣ онъ пробылъ до 23 іюля въ полномъ бездѣйствіи. Всѣ разсужденія Малле сводились къ тому, что Франція не желаетъ возстановленія стараго порядка и что для ея усмиренія, въ манифестѣ, съ которымъ къ ней обратятся, необходимо дать мѣсто и «устрашенію и довѣрію». Довѣріе показалось въ Кобленцѣ совершенно излишнимъ; тамъ ограничивались желаніемъ устрашить. Къ тому же наиболѣе авторитетные представители Людовика XVI приписывали ему рѣчи, значительно отличавшіяся отъ тѣхъ, которыя были заявлены Малле дю Панамъ. «Король,—писалъ Бретейль, — не сомнѣвается въ томъ, что прусскій король не надѣется ни на какія мѣры противъ мятежниковъ, кромѣ насильственныхъ». То же самое говорилось въ послѣднихъ письмахъ королевы къ Ферзену и Мерси. Эти несложныя предложенія нетрудно было согласовать съ намѣреніями эмигрантовъ; несравненно труднѣе было примирить планы принцевъ съ внушеніями Малле. Этотъ журналистъ разсуждалъ въ духѣ кальвинистскаго резонёрства, отзывавшагося женевскою педагогикою, и казался вельможамъ нестерпимымъ. Къ тому же его подозрѣвали въ либеральномъ монархизмѣ и въ «ереси двухъ палатъ»; однимъ словомъ, Малле вооружилъ противъ себя всѣхъ. Ферзенъ уговорился съ Каллономъ, чтобы избавиться отъ женевскаго публициста и отъ его манифеста.

Они распорядились возстановленіемъ декларація, соотвѣтствовавшей ихъ общимъ видамъ. Имъ показалось, что всего лучше съумѣетъ обра-

[4]) La Rochetebie.

титься къ Франціи отъ имени Европы бывшій интендантъ герцога Орлеанскаго, нѣкій Лимонъ, перешедшій отъ происковъ Пале-Рояля къ проискамъ эмиграціи. Онъ написалъ проектъ манифеста, который былъ признанъ превосходнымъ Ферзеномъ и Калонномъ. Затѣмъ его представили на разсмотрѣніе Франца II и прусскаго короля; оба государя также одобрили и передали манифестъ герцогу Брауншвейгскому, который долженъ былъ подписать его, въ качествѣ главнокомандующаго. «Герой» былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Къ вопросамъ политики онъ, само собою разумѣется, относился какъ подобаетъ философу; къ военнымъ вопросамъ прилагалъ мѣрку военачальника; но когда дѣло шло о сохраненіи собственнаго кредита, онъ рѣшалъ и тѣ и другіе какъ царедворецъ. Онъ не любилъ эмигрантовъ и находилъ ихъ содѣйствіе прямо пагубнымъ для дѣла, во главѣ котораго стоялъ; онъ желалъ бы удалить ихъ изъ своей арміи; а между тѣмъ еще недавно онъ согласился дать имъ мѣсто въ этой самой арміи и даже дать имъ блестящую роль, на которую они имѣютъ такъ много правъ. Прусскій король пожелалъ этого, и герцогъ согласился въ угоду ему. Точно также изъ угожденія Фридриху-Вильгельму и для того, чтобы заслужить похвалы большого свѣта, онъ рѣшился, скрѣпя сердце, подписать свое имя подъ манифестомъ французскихъ принцевъ. «Я отдалъ бы жизнь за то, чтобы не было этой подписи», говорилъ онъ годъ спустя одному изъ своихъ приближенныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ подписалъ его въ угоду людямъ и изъ тщеславія нѣмецкаго герцога.

Этотъ актъ, знаменитый въ лѣтописи дипломатическихъ дерзостей, помѣченъ 25 іюля 1792 г. [5]). Въ немъ объявляется, что Австрія и Пруссія вмѣшиваются въ дѣла Франціи съ цѣлью защиты нарушенныхъ въ Эльзасѣ правъ нѣмецкихъ князей, подавленія анархіи, возстановленія законной власти, прекращенія оскорбленія престола и алтаря, возвращенія королю возможности пользоваться принадлежащею ему законною властью. Державы обращаются къ здравой части французскаго населенія. Онѣ не имѣютъ намѣренія ни обогащаться завоеваніями, ни вмѣшиваться во внутреннее управленіе Франціи; онѣ окажутъ покровительство всѣмъ, кто подчинится королю; онѣ сочтутъ врагами и накажутъ какъ бунтовщиковъ тѣхъ изъ національныхъ гвардійцевъ, которые попытались бы оказать сопротивленіе. Жители, которые осмѣлились бы защищаться, подвергнутся военному суду: дома ихъ будутъ сожжены и разрушены. Администраторы отвѣтятъ жизнью и имуществомъ за всѣ преступленія, которыя были бы ими допущены. Городъ Парижъ и все его населеніе, безъ различія, обязано заявить о своемъ подчиненіи королю. Члены Собранія и управленіе города Парижа отвѣтятъ

[5]) *Moniteur*. 3 авг., т. XIII, стр. 305.

головою за всѣ событія: они будутъ «наказаны военнымъ способомъ и не могутъ разсчитывать на пощаду». Если Тюильрійскій дворецъ подвергнется вторженію мятежниковъ, если малѣйшее насиліе, малѣйшее оскорбленіе будетъ оказано королевской фамиліи, союзники «отомстятъ примѣрнымъ и на вѣки памятнымъ образомъ, предавъ городъ Парижъ военной экзекуціи и полному разрушенію; бунтовщики же подвергнуты будутъ страшнѣйшимъ казнямъ. Союзники признаютъ лишь тѣ законы, которые будутъ исходить отъ свободнаго короля; они приглашаютъ его прибыть въ укрѣпленный пограничный пунктъ, пригласить туда тѣхъ совѣтниковъ и созывать тамъ тѣ собранія, которые найдетъ цѣлесообразными для возстановленія порядка въ своемъ королевствѣ.

Екатерина II одобрила слогъ манифеста. «Я нахожу манифестъ энергическимъ и яснымъ,—писала она Гримму;—именно такимъ языкомъ слѣдуетъ говорить съ чернью, въ особенности, когда она осмѣливается разсуждать». Дѣйствительно манифестъ былъ ясенъ, но французы взглянули на него иначе, чѣмъ смотрѣли на него въ Майнцѣ и Петербургѣ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на французовъ, замѣчаетъ одинъ проницательный наблюдатель той эпохи [6]), можетъ быть передано въ слѣдующихъ словахъ: «Будьте всѣ противъ меня, потому что я противъ васъ всѣхъ, и окажите хорошее сопротивленіе, потому что вамъ не остается никакой надежды». Именно въ такомъ смыслѣ и былъ понятъ манифестъ всею Франціей. Народъ былъ вооруженъ и экзальтированъ подготовленіемъ къ войнѣ въ ту минуту, когда ему предъявлено было это требованіе полной покорности. 22-го іюля въ Парижѣ объявлено было, что отечество въ опасности. Съ глубокимъ волненіемъ и суровою рѣшимостью встрѣчено было это объявленіе парижанами. Всѣ были потрясены до глубины души и никогда не было минуты болѣе благопріятной для государственнаго переворота. Жиронда спѣшила привести въ исполненіе тотъ планъ который замышлялся ею противъ короны и конституціи. Ея открытое стремленіе къ власти, которая уже почти находилась у нея въ рукахъ, возбудило подозрѣнія со стороны демагоговъ. Жирондистамъ слѣдовало или овладѣть этою властью немедленно, или предоставить ее соперникамъ. Якобинцы вполнѣ ясно сознавали и распутывали замыслы Жиронды. Непопулярность уже заливала ее. Эта партія была обойдена во всѣхъ своихъ позиціяхъ и покинута собственной арміей. 24-го іюля Бриссо встрѣченъ былъ въ Собраніи ропотомъ и свистомъ, которые до той поры составляли удѣлъ ораторовъ, правой. Съ трибунъ кричали: «Долой злодѣя Барнава! Долой двуличнаго!» Жирондисты продолжали бороться. Они составили декретъ о пріостановленіи власти короля, о созваніи національнаго конвента, о томъ, что Со-

[6]) Письмо Говернеръ Моррисъ, 17 августа 1792 г.

браніе назначитъ воспитателя королевскому принцу и что министры, смѣненные Людовикомъ XVI, будутъ возвращены. Это было провозглашеніемъ регенства; жирондисты намѣревались взять его въ свои руки. Если потребуется бунтъ, они допустятъ его въ надеждѣ, что среди анархической неурядицы общественное мнѣніе обратится къ нимъ и всеобщая паника предоставитъ имъ власть, которою они воспользуются какъ спасители.

Эти макіавелисты-фантазёры мечтали о республиканскомъ «днѣ обманутыхъ». Но всѣ эти «дни» — принадлежность дворцовыхъ революцій, и не съ такими образцами сообразуются въ своихъ кризисахъ возставшіе народы. Толпа, которая сражается, принадлежитъ тому, кто ведетъ ее къ побѣдѣ, и взятое укрѣпленіе остается за тѣмъ, кто руководилъ приступомъ. Въ то время какъ Жиронда обсуждаетъ, разсуждаетъ и ухищряется, а Робеспьеръ скрывается въ тѣни, приготовляясь дѣйствовать на другой день послѣ сраженія, человѣкъ, который изумитъ и опередитъ ихъ всѣхъ, выступаетъ на первый планъ и съ той же минуты беретъ себѣ первое мѣсто. Со времени Мирабо на сценѣ великаго театра не было первокласснаго актера. Мирабо былъ прирожденнымъ министромъ монархической демократіи, вдохновителемъ и руководителемъ перваго періода революціи. Второй періодъ еще ждалъ своего вождя. Республиканская демократія нашла своихъ приспѣшниковъ, пророковъ и первосвященниковъ; ей недоставало трибуна. Люди дальновидные давно впрочемъ разсмотрѣли человѣка, который восполнитъ этотъ пробѣлъ. У Дантона былъ свой клубъ въ Кордильерскомъ монастырѣ, не столь многочисленный какъ якобинскій, но болѣе сплоченный, болѣе близко стоявшій къ народной массѣ и составленный изъ людей фанатическихъ, людей дѣйствія, а не слова, не любившихъ терять драгоцѣннаго для борьбы времени на тонкія разсужденія и ораторское соперничество; здѣсь ничто не напоминало ни аѳинскаго краснорѣчія, ни инквизиторскаго трибунала; это былъ живой, олицетворенный заговоръ, вооруженный и полный мощной отваги. Дантонъ былъ его общепризнаннымъ главою. Онъ ждалъ своего часа; теперь онъ рѣшилъ, что часъ этотъ насталъ, и онъ воспользовался случаемъ съ тѣмъ вѣрнымъ инстинктомъ и тою быстротою дѣйствія, которые дѣлаютъ его однимъ изъ наиболѣе грозныхъ демагоговъ всей исторіи революцій.

Жиронда подготовила почву для битвы. Декларація герцога Брауншвейгскаго дала поводъ къ нападенію. Манифестъ сталъ извѣстнымъ уже съ 28-го іюля. Немедленно вслѣдъ затѣмъ, подъ вліяніемъ Дантона, парижскія секціи вотировали низложеніе короля. 30-го іюля марсельскіе федералисты прибыли въ Парижъ. 3-го августа Людовикъ XVI нашелъ полезнымъ еще разъ высказаться предъ лицомъ Франціи. «Никогда,—сказалъ онъ,—не увидятъ, чтобы я поступился славой и интересами моего

народа, чтобы я принялъ законъ отъ иностранцевъ или отъ какой-либо одной партіи: я принадлежу націи и составляю съ нею нераздѣльное цѣлое... я буду поддерживать до послѣдняго издыханія моего національную независимость Франціи». Въ такомъ именно смыслѣ Людовикъ XVI намѣревался вести переговоры на конгрессѣ державъ и именно такимъ образомъ согласовалъ онъ, въ своей королевской совѣсти, обязательства, принимаемыя имъ по отношенію къ Франціи съ деклараціями, которыхъ требовалъ отъ иностранцевъ. Но его слова поняты были въ буквальномъ смыслѣ; ихъ сопоставили съ манифестомъ союзниковъ и вывели то заключеніе, что король обманываетъ французскій народъ. Рѣчь Людовика была принята за публичное сознаніе въ измѣнѣ. Онъ полагалъ, что угрозы иностранцевъ оградятъ его и что изъ страха предъ репрессаліями мятежники не рѣшатся ничего предпринять противъ него. Революціонеры держались противоположной точки зрѣнія: овладѣвая особою короля, они надѣялись обезпечить себя отъ насилій, которыми грозили имъ чужеземцы. Они находили необходимымъ для собственнаго спасенія, чтобы манифестъ герцога Брауншвейгскаго сдѣлался мертвою буквою ранѣе вступленія нѣмецкихъ войскъ во Францію и чтобы революція имѣла своихъ заложниковъ ранѣе, чѣмъ успѣла бы заручиться ими коалиція. По такимъ-то соображеніямъ рѣшенъ былъ бунтъ 10 августа.

Дантонъ подготовилъ его съ необыкновеннымъ искусствомъ. Руководили движеніемъ съ рѣдкою энергіей. О немъ объявили наканунѣ; всѣ мѣры приняты были открыто. Утромъ секціи двинулись къ Тюильри тѣсно сплоченными колоннами, сопровождаемыми пушками. Королевская фамилія просила убѣжища у Собранія. Собраніе не имѣло ни силы, ни воли для собственной защиты. Оно было объято ужасомъ. Отвращеніе, безсиліе, страхъ помѣшали явиться многимъ депутатамъ. Изъ 630 въ этотъ день явилось только 284, и почти всѣ они принадлежали къ лѣвой; враждебно относясь къ королю, они сочувствовали инсуррекціи. Людовику XVI отвели ложу журналистовъ, подъ предлогомъ невозможности вести пренія въ его присутствіи. Здѣсь, за рѣшеткой, сидя на чемъ-то въ родѣ душныхъ и мрачныхъ палатей, присутствовалъ онъ при паденіи своей монархіи. Собраніе декретировало при громѣ битвы. Швейцарская стража, небольшая группа дворянъ и національныхъ гвардейцевъ попытались отстоять Тюильрійскій дворецъ. Они были перебиты: въ одиннадцать часовъ утра мятежники овладѣли дворцомъ. Депутаты рѣшили пріостановить власть короля, заключить его въ тюрьму и созвать національный конвентъ. Образованъ былъ *временной исполнительный совѣтъ*, въ составъ котораго вошли уволенные Людовикомъ министры: Роланъ, Клавьеръ и Серванъ, къ которымъ присоединили Монжа, по морскому вѣ-

домству, Лебрена-Тондю—по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, и Дантона—по министерству юстиціи.

Жиронда считала себя побѣдительницею. Планъ ея былъ выполненъ. Декреты ея были изданы; но они уже не могли имѣть никакого значенія. Планъ предполагалъ конституцію, правительство, обсуждающее дѣла Собранія и законы, которымъ повинуются. Но ничего подобнаго уже не существовало. Между властью и жирондистами стояла уже не фикція, которую они разсѣяли, не призракъ короля, котораго они свели къ ничтожеству, а всемогущій трибунъ, фанатическая и ревниво оберегавшая свою власть мятежная партія и опьяненная успѣхомъ толпа, нетерпѣливо жаждавшая воспользоваться своимъ торжествомъ. Отнынѣ революція принадлежитъ революціонерамъ; они будутъ оспаривать другъ у друга господство. Открывается новый періодъ этой исторіи: первый наполнялся борьбою революціи противъ королевской власти; слѣдующій за нимъ выразится въ борьбѣ революціи противъ Европы и противъ себя самой. Въ минуту возникновенія этой новой борьбы, осмотримъ поле битвы, взглянемъ на покрывающія его арміи, на пути, по которымъ онѣ шли, на руководившія ими намѣренія, на вождей, которые направляютъ ихъ и, наконецъ, на одушевляющія ихъ нравственныя силы, на волнующія ихъ страсти и на управляющія ими идеи. Таково заключеніе этого періода революціи и предисловіе къ слѣдующему.

ГЛАВА III.

Франція и Европа въ 1792 г.

I.

Французы произвели переворотъ въ образѣ правленія и въ общественной жизни. Они глубоко измѣнили права личныя и поземельныя, взаимныя отношенія гражданъ и отношенія ихъ къ государству, наконецъ, самыя начала государства и его конституціи. Они упразднили феодальный строй, провозгласили гражданскую и политическую свободу, установили равноправность гражданъ и основали всѣ національныя учрежденія на верховной власти народа. Они дѣйствовали на основаніи своего права, и право это безспорно. Европейское публичное право зиждется именно на взаимномъ признаніи всѣми государствами права каждаго изъ нихъ конституироваться по собственному усмотрѣнію въ предѣлахъ своихъ границъ. Но пользованіе этимъ правомъ налагаетъ и обязанность, составляющую его неизбѣжное начало: ничего не предпринимать противъ чужой независимости и не нарушать чужихъ предѣловъ. Франція требуетъ отъ европейскихъ государствъ соблюденія этой обязанности и, съ своей стороны, обязуется ее выполнять: самою своею конституціей она отрекается отъ вмѣшательства, нападенія и завоеваній. Это обязательство прекрасно: Франціи было бы крайне полезно имѣть возможность къ его выполненію; но для этого потребовалось бы много осторожности, добродѣтели и сцѣпленія обстоятельствъ весьма различныхъ отъ тѣхъ, которыя имѣли мѣсто въ Европѣ временъ французской революціи.

Общественный строй и политическое устройство, уничтоженное у себя Франціей, продолжали господствовать на всемъ европейскомъ континентѣ. Начала же, во имя которыхъ совершились во Франціи великія и коренныя преобразованія, начала универсальныя; имъ учили всю Европу французскіе мыслители. Всѣ европейскія націи подготовлены къ ихъ пониманію. Идеалъ справедливости и братства, предлагаемый Франціей всему міру, понятенъ всѣмъ и каждому. Прообразованія, ею совершаемыя, желательны для всѣхъ народовъ. Нѣтъ человѣка, какъ бы онъ ни былъ забитъ нуждою и неволею, который при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ не стремился бы облегчить свою участь, освобождаясь отъ тяготѣющихъ на немъ повинностей, отъ давящей его барщины, наконецъ отъ такого ре-

© ГПНТБ СО РАН

жима, при которомъ его личность, семья и трудъ предоставлены во власть чужого произволенія. Въ очевидности и простотѣ этихъ идей и заключается непосредственная мощь ихъ распространенія. Соблазнъ овладѣваетъ самъ. собою сосѣдними съ Франціей странами; нѣтъ достаточно глубокихъ рвовъ, не существуетъ довольно толстыхъ стѣнъ для препятствованія этой подземной инфильтраціи водъ. Всѣ европейскія государства глухо подрываются ими и колеблются въ своихъ основахъ. Эта отказывающаяся отъ завоеваній французская революція подвергаетъ Европу несравненно сильнѣйшей опасности чѣмъ та, которой когда-либо грозили ей французскіе короли.

Но Европа не замѣчаетъ. или не хочетъ замѣчать этого. Франція встрѣчаетъ неожиданную удачу: въ то самое время, какъ она совершаетъ свою революцію, Европа находитъ для себя удобнымъ не вмѣшиваться въ это дѣло. Тѣмъ не менѣе для Франціи опасно слишкомъ долго расчитывать на ослѣпленіе, невниманіе, эгоизмъ или безсиліе европейскихъ правительствъ. Франція должна была предвидѣть, что онѣ встревожатся. Если она желаетъ мира, она должна ихъ успокоить. Декларации недостаточны, нужны поступки. Поступки эти могли и не противорѣчить принципамъ и интересамъ Франціи. Франція, представляя отнынѣ свободное общество въ ограниченной монархіи, сохраняетъ свое мѣсто въ старой Европѣ и можетъ расчитывать въ ней на достойную всей своей исторіи роль. Самымъ распространеніемъ духа своихъ законовъ она пріобрѣла бы громадное вліяніе на всѣ народы; она возобновила бы однимъ примѣромъ своей свободы и узаконила бы новыми правами то воздѣйствіе на другія націи, которое составляетъ ея лучшую славу. Она заставила бы другихъ соблюдать тотъ миръ, котораго требовала для себя; она содѣйствовала бы утвержденію европейскаго равновѣсія на всеобщей пользѣ цивилизаціи, между тѣмъ какъ до той поры оно покоилось лишь на противопоставленіи частныхъ интересовъ. Можно представить себѣ дѣятельное, сильное и склонное къ преобразованіямъ правительство, способное сдерживать и регулировать французскую страстность. предохранять французовъ отъ утопій, приключеній и завоевательной политики; можно предположить появленіе государя или министра, одареннаго геніемъ, обращающаго на пользу страны, пріурочивающаго къ условіямъ государства и къ прочному его величію всѣ смутныя силы, порожденныя въ Европѣ французскою революціей, на подобіе того какъ Генрихъ IV и Ришелье воспользовались нѣкогда Реформаціей.

Была минута, когда выполненія такой задачи можно было ожидать отъ Мирабо, но онъ умеръ, не встрѣтивъ случая привести ее въ исполненіе. Послѣ него не осталось человѣка, способнаго руководить революціей, и она увлекла за собою французовъ. Они предались мечтѣ о возрожденіи всего міра. Они почли себя инициаторами золотого вѣка. Отвергая политику за ея эгоистичность и опытъ за его испорченность, они стали судить обо всемъ на основаніи инстинкта и рѣшать, руководствуясь исключительно страстью. Но страсти и инстинкты имѣли источникомъ восемь вѣковъ воинственной и стремившейся къ завоеваніямъ монархіи. Помимо ихъ вѣдома, прошлое сказалось въ ихъ намѣреніяхъ и планахъ въ ту минуту, когда они считали себя освобожденными отъ прежнихъ традицій, и французская исторія овладѣла той самой революціей, которая должна была нарушить ея преданія.

Пропаганда была результатомъ французскаго духа и самаго свойства новыхъ началъ. Она возникла внезапно и непосредственно. Ничто не препятствуетъ и не задерживаетъ ее, и она одновременно разливается повсюду широкой волной. Однако, какъ ни могуче ея теченіе, она принуждена разливаться по старымъ русламъ: она можетъ заливать только тѣ долины, которыя издавна прорыты водой, она переступаетъ границы только чрезъ давно пробитыя бреши. Революція явилась какъ бы стремительнымъ и безпорядочнымъ возрожденіемъ классическо-честолюбивыхъ французскихъ стремленій. Европейскіе политики, не понявшіе вначалѣ значенія и силы новыхъ началъ, изумлены были тѣмъ чисто-національнымъ примѣненіемъ, которое сдѣлала изъ нихъ Франція. Революція во всемъ, что было въ ней дѣйствительно оригинальнаго и изумительнаго, ускользала отъ ихъ пониманія, потому что они судили о ней, руководясь обычными предразсудками; но предразсудки эти не помѣшали оцѣнить по достоинству практическіе результаты. Они очень хорошо поняли опасность. имъ угрожавшую когда увидѣли, что верховная власть народа присвоиваетъ себѣ всѣ притязанія власти королевской: Авиньонъ присоединяется къ Франціи въ силу желанія населенія, а проповѣдники правъ человѣка овладѣваютъ тѣми самыми окраинами у подошвы Альпъ, у береговъ Рейна и въ Нидерландахъ, гдѣ во всѣ времена искала господства и старая Франція. Тогда Европа приходитъ въ ужасъ, и сосѣднія съ Франціей державы пытаются предотвратить опасность. Онѣ исполняютъ это по старому обычаю, ради собственнаго интереса и въ размѣрѣ только этого интереса. Пропаганда принимаетъ наступательный характеръ: онѣ уничтожатъ ее, возстановляя королевскую власть; Франція грозитъ ихъ границамъ: онѣ отодвинутъ ее. Такимъ образомъ, для подавленія революціи, европейскія державы принуждены вернуться къ планамъ, составленнымъ ранѣе въ видахъ ослабленія французской монархіи, и онѣ, въ свою очередь, подъ новыми предлогами вспоминаютъ о своихъ правахъ на Дофине, Эльзасъ, Лотарингію, Франшъ Конте, Фландрію, Геннегау и Артуа. Вмѣшательство

и завоеваніе неразрывно связаны въ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ союзниковъ. Французы, въ видахъ отраженія вмѣшательства Европы и узаконенія своей пропаганды, ссылаются на публичное право, ими самими установленное, но Европа отказывается его признавать. Европа, намѣреваясь вторгнуться во Францію, навязать ей правительство по своему усмотрѣнію и расчленить ея территорію, также опирается на публичное право, признаваемое всѣмъ континентомъ, но отвергаемое Франціей. А такъ какъ невозможно согласовать эти противорѣчащія одно другому права и эти противоположные интересы, война становится неизбѣжной. Она загорается именно потому, что Франція и Европа уже не имѣютъ общаго публичнаго права. Такова основа конфликта; все же остальное: споръ эльзасскихъ князей, эмигрантскіе заговоры, тюильрійскіе замыслы, происки жирондистовъ, дипломатія сѣверныхъ дворовъ, интриги однихъ, алчность другихъ, химерическія надежды всѣхъ—все это только форма, предлогъ и случайность этого столкновенія. Самъ Людовикъ XVI играетъ въ этой трагедіи лишь эпизодическую роль. Если бы онъ проявилъ созидающій и предпріимчивый геній нѣкоторыхъ изъ своихъ знаменитыхъ предковъ, напримѣръ Филиппа Красиваго, Карла V, или Гейнриха IV, или Людовика XIV, онъ могъ бы быть великимъ королемъ революціи и посредствомъ нея сдѣлаться однимъ изъ могущественнѣйшихъ королей Франціи. Но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ благодушныхъ людей, духъ которыхъ преисполненъ колебаній и которые видятъ исходъ для себя въ одномъ самоотреченіи. У него былъ характеръ христіанскаго мученика въ то время, какъ онъ нуждался въ темпераментѣ Цезаря. Онъ былъ связанъ съ своими предками лишь для того, чтобы искупить ихъ ошибки своими страданіями и добродѣтелью. Онъ искалъ, такъ сказать, отреченія отъ собственной судьбы. Революція была чисто національнымъ дѣломъ, а онъ искалъ неосуществимой сдѣлки съ мятежными партіями, которыя могли придти къ соглашенію не иначе, какъ въ ущербъ его собственнымъ интересамъ; когда конфликтъ распространился на всю Европу, онъ задумалъ парадоксальное посредничество вооруженныхъ державъ между нимъ и его возставшимъ народомъ. За невозможностью выдержать роль суперъ-арбитра партій, онъ долженъ былъ сдѣлаться ихъ заложникомъ. Такой исходъ уже можно было предвидѣть 6-го октября 1789 года. Къ нему привели событія 10-го августа 1792 г. Голова Людовика XVI является всеобщей ставкой въ борьбѣ, завязывающейся въ Европѣ. Это борьба отваги и упорства; остается узнать, кто окажется болѣе грознымъ, болѣе отважнымъ и чье существованіе окажется болѣе продолжительнымъ.

II.

Правительства уже не существовало во Франціи. Собраніе сосредоточило въ себѣ всю власть для того, чтобы отречься отъ нея въ пользу мятежа. Оно находится въ самомъ унизительномъ положеніи. Оно уже ничего не обсуждаетъ, а только декретируетъ подъ вліяніемъ угрозы. Якобинцы господствуютъ надъ нимъ, какъ господствуютъ и надъ цѣлою Франціей. Имъ удалось стать во главѣ революціи, потому что они одни обладали достаточною для этого смѣлостью и средствами господства. Среди государственной анархіи и пораженія властей, они представляютъ единственный, уцѣлѣвшій организованный союзъ во Франціи. Ихъ клубы, обладая безчисленными развѣтвленіями, одни въ состояніи давать всѣмъ частямъ Франціи единообразный и обдуманный импульсъ. Главари ихъ поставили себѣ задачей добиться, во что бы то ни стало, торжества революціи. Они рискуютъ собственною жизнью, они хотятъ добиться власти, и все имъ содѣйствуетъ. Ихъ поддерживаетъ вооруженное парижское населеніе. Для нихъ это населеніе есть сама Франція, народъ, по преимуществу, народъ въ античномъ смыслѣ, диктаторъ и законодатель въ одно и то же время, тотъ народъ, о которомъ говорили нѣкогда, а многіе говорятъ и теперь, что его гласъ—гласъ Бога [1]).

Но если вожаки якобинцевъ руководятъ Собраніемъ и Франціей, ими, въ свою очередь, двигаютъ вожди парижской демагогіи, и сами эти демагоги сильны только слѣдующею за ними мятежною арміей. Если о якобинцахъ можно сказать, что они — единственный организованный союзъ, эта армія, съ своей стороны, есть единственная фактическая сила. Безъ ея поддержки партіи безсильны; онѣ, въ сущности,—кліенты безвѣстныхъ анархистовъ, ими командующихъ. Это люди дѣйствія, не останавливающіеся ни передъ чѣмъ, люди, которымъ нечего терять, нечего бояться и которые могутъ выиграть все среди безпорядковъ. Такіе люди есть во всѣхъ крупныхъ центрахъ: при первомъ призывѣ мятежа, они самостоятельно приходятъ въ движеніе и отдаются во власть перваго смѣльчака, который ведетъ ихъ къ добычѣ. Парижъ кишѣлъ людьми безъ занятій, выбитыми изъ колеи, бродягами, распущенными наемными солдатами, бѣглецами всевозможнаго происхожденія; то была смѣсь голодныхъ авантюристовъ и бандитовъ, ждавшихъ только случая, чтобы начать кампанію. Къ толпѣ злодѣевъ, возбужденныхъ надеждой на обѣщанный грабежъ,

[1]) „Народъ, мой другъ, о немъ можно судить по этой пословицѣ: „Гласъ народа—гласъ Божій!“ *Journal d'une bourgeoise*, p. 187. Taine, La Révolution, t. II, p 120, 177, 193, 195.

© ГПИБ СОРАН

присоединяется фанатизированное войско бѣдняковъ, которымъ обѣщаютъ счастливую жизнь; къ тѣмъ, кто собирается грабить Францію и дѣлить добычу, примыкаютъ тѣ, кто хочетъ разрушать во имя возрожденія. Во всѣ времена и вѣки, честолюбцы, добивавшіеся власти путемъ мятежа, должны были считаться съ этими факторами гражданской войны. Они-то образуютъ первоначальное ядро, наносящее и принимающее первые удары; только за ними идетъ нерѣшительная толпа, натискъ которой, подобно тарану, рушитъ стѣны.

Эта армія анархіи уже собиралась и упражнялась; ей какъ бы дѣлали смотръ во время смутъ, предшествовавшихъ выборамъ 1789 года. У нея были свои коноводы, которые вскорѣ составили себѣ имя въ средѣ инсургентовъ. Уже съ самаго начала революціи, вожаки народныхъ группъ, а затѣмъ и Собранія искали союза съ нею и вмѣстѣ съ нею устроивали заговоры. Политикамъ нужна матеріальная сила, которую можно было бы противопоставить остаткамъ правительства, королю, затѣмъ Собранію и наконецъ собственнымъ соперникамъ-революціонерамъ. Съ этими кондотьерами анархіи вступаютъ въ союзъ: Лакло и герцогъ Орлеанскій противъ двора, Мирабо—противъ короны и Собранія, Барнавъ—противъ Мирабо, жирондисты—противъ конституціонистовъ. Послѣ 10-го августа, къ этому же способу будетъ прибѣгать Дантонъ противъ жирондистовъ, а позднѣе Робеспьеръ противъ Дантона. Анархистамъ необходимъ трибунъ, который покрывалъ бы ихъ своимъ именемъ и доставлялъ бы имъ доступъ къ мѣсту дѣйствія. Они сознаютъ, что если бы явились одни, во всей своей непригляднности и со своимъ краснымъ знаменемъ, они внушили бы только ужасъ почтеннымъ людямъ и были бы разбиты. Но они идутъ рука объ руку съ трибунами, увлекая остальныхъ до того дня, когда, сдѣлавшись парижскою коммуной, почтутъ себя властителями Франціи.

Между тѣмъ вожаковъ анархіи буквально прогоняютъ пиками безвѣстные люди, входящіе въ составъ этой арміи. Эти люди ждутъ добычи, и для нихъ нуженъ предѣлъ кроваваго приключенія. Они призываютъ, они требуютъ этого царства народа, о которомъ имъ такъ хорошо говорятъ и которое постоянно отодвигается, по мѣрѣ того какъ они двигаются впередъ. Единственное средство держать ихъ на готовѣ, обуздывать ихъ пылъ, ихъ подозрительность и готовность взбунтоваться, это постоянно указывать имъ на новыхъ враговъ, которыхъ требуется уничтожить, на новыя измѣны, требующія разоблаченія, на новыя препятствія, имѣющія быть разрушенными; однимъ словомъ, надо постоянно поддерживать ихъ свирѣпый пылъ. Эта необходимость, обозначающаяся съ самаго начала революціи, неизбѣжно ведетъ къ преобладанію наиболѣе неистовыхъ людей, ведомыхъ наиболѣе фанатичными. Всѣ вожаки революціи будутъ послѣ-

довательно поглощаемы волнами, которыя выносили ихъ впередъ. Никто не въ силахъ былъ противостоять натиску этихъ анархистовъ; никто не могъ возвыситься помимо ихъ поддержки. У демагогіи будутъ свои преторіанцы, свои стрѣльцы и мамелюки, которые и будутъ рѣшать перемѣну царствованія. Отнынѣ все искусство возвышенія будетъ состоять въ расположеніи къ себѣ мятежной толпы, и тѣ, которымъ удастся возвыситься, принуждены будутъ щадить тайную власть, которая ихъ поддержала. Неизвинительная снисходительность послѣдуетъ за ничѣмъ не оправдываемымъ сообщничествомъ. На другой день послѣ бунта, побѣдители желаютъ получить свою долю въ торжествѣ; всякое сопротивленіе имъ почтено будетъ измѣною и предательствомъ; союзникъ становится ихъ врагомъ и если онъ не пожелаетъ уступить имъ своего мѣста, его ниспровергаютъ. Отсюда странное зрѣлище, представляемое Франціей, начиная съ 1790 г., и изумительный контрастъ между величіемъ революціи и жалкимъ положеніемъ тѣхъ, кто имѣетъ притязаніе на руководящую роль.

III.

Эти характерныя черты революціи особенно ярко проявились 10-го августа, которое было, такъ сказать, вѣщимъ днемъ въ ея исторіи. Этотъ день имѣетъ значеніе не столько по насильственному исходу столкновенія между народомъ и короной, сколько потому, что въ этотъ день опредѣлилась политика одержавшей верхъ партіи. Отношенія между революціей и королевской властью дошли до той степени напряженности, при которой ихъ могла разрѣшить только сила. Королевская власть призывала иностранныя войска: революція призвала къ себѣ на помощь народныя силы, и онѣ, поддерживаемыя національнымъ чувствомъ, восторжествовали безъ труда. Но 10-е августа не только довершило паденіе монархіи, оно рѣшило и судьбу революціи. Оно подтвердило то, что было начато 20-го іюня: режимъ народныхъ переворотовъ и обдуманное примѣненіе инсурреціи, замѣну права силой и импульсъ безъимянной толпы, вмѣсто свободно обсуждаемаго рѣшенія законодателей. Сила сдѣлалась высшимъ закономъ революціи.

Не будемъ себя обманывать, не станемъ увѣрять себя, что побужденіе опредѣляетъ справедливость дѣйствія. Этотъ софизмъ покрывалъ всѣ узурпаціи и маскировалъ всѣ злодѣйства. Тотъ, кто допускаетъ, что сила можетъ быть судьею права, смѣшиваетъ силу съ правомъ и обрекаетъ себя на подчиненіе въ свою очередь тому, кто окажется сильнѣе. Партіи испробовали противъ короля силу мятежа; онѣ возведутъ его въ систему по отношенію къ Собранію. Средство, употребленное для

уничтоженія верховной власти короля, послужитъ и для узурпаціи власти самого народа. Столкновенія между партіями будутъ отнынѣ регулироваться лишь капитуляціями побѣжденнаго властителя въ пользу побѣдившаго. Жиронда, намѣревавшаяся воспользоваться результатами дня 10-го августа, первая испытаетъ на себѣ его послѣдствія.

Революція овладѣла государственною властью; въ средѣ революціонеровъ возникнутъ фракціи, которыя будутъ оспаривать ее другъ у друга. Въ то же время послѣдуетъ полное измѣненіе условій борьбы для вожаковъ этихъ фракцій. До сихъ поръ, во всѣхъ кризисахъ они имѣли предъ собою противника, противъ котораго и возбуждали народную вражду и на которомъ сосредоточивались всѣ подозрѣнія и вся ненависть. Этого противника не стало. Монархія ниспровергнута. Между тѣмъ, сдѣлавшіеся всесильными, революціонеры увидятъ вокругъ себя обостреніе затрудненій и опасностей, которыя ранѣе приписывались ими исключительно заговорамъ двора и эмиграціи. Для нихъ станетъ необъяснимою невозможность управленія страной и осуществленіе утопіи мира и благоденствія. Такъ какъ человѣкъ, по ихъ ученію, добродѣтеленъ отъ природы, то если добродѣтель не торжествуетъ, виною тому являются тѣ, кто ей противится. Это—злодѣи, они составляютъ единственное препятствіе торжеству добродѣтели: достаточно будетъ устранить ихъ, чтобы водворилось царство добродѣтели. Такимъ образомъ каждый будетъ приписывать сопернику порокъ, который носитъ въ себѣ и парализуетъ его самого; всѣ будутъ думать, что освобождаются, уничтожая противниковъ. Революціонеры привыкли къ свирѣпой инквизиціи, по отношенію къ двору и дворянамъ; они будутъ практиковать ее и по отношенію къ соперникамъ. Ненависть ихъ будетъ возбуждаться даже тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе стоятъ къ нимъ соперники по своимъ воззрѣніямъ. Враждебность третьяго сословія 1789 г. къ аристократіи ничто въ сравненіи съ враждою демократовъ 1792 г. къ умѣреннымъ и конституціонистамъ; ожесточеніе жирондистовъ противъ австрійскаго комитета было превзойдено отвращеніемъ якобинцевъ къ Жирондѣ.

То же самое можно сказать и о фракціяхъ, порожденныхъ соперничествомъ изъ-за власти въ средѣ самихъ якобинцевъ. Внѣшнія проявленія этихъ несогласій разовьются только послѣ 10-го августа; но они подготовлялись задолго до этого дня, обнаружившаго ихъ съ особенною яркостью. Необходимо выяснить этотъ переходный моментъ. Если упустить изъ вида нить, связывающую его съ послѣдующимъ, и не различить тѣсной зависимости, ихъ взаимно обусловливающей, то приходишь если не къ оправданію, то по крайней мѣрѣ къ объясненію чрезвычайными обстоятельствами тѣхъ мѣръ, которыя хотя и вызваны были этими обстоятельствами, но истинная причина которыхъ возникла давно и имѣла болѣе общее и глубокое значеніе.

Апологеты террора представляютъ его необходимымъ слѣдствіемъ національной войны, дѣломъ, совершеннымъ нѣсколькими колоссами ради спасенія отечества, такъ что невозможно клеймить его, не отрекаясь въ то же время отъ всѣхъ великихъ дѣлъ революціи. Но терроръ не былъ новымъ явленіемъ въ исторіи. Подчинять людей путемъ устрашенія было всегда грубымъ пріемомъ деспотизма. Террористы революціи прибѣгнутъ къ этому средству для того, чтобы удержаться у власти, такъ какъ иного способа у нихъ не имѣлось. Они будутъ пользоваться этимъ средствомъ, ради собственнаго спасенія, а затѣмъ станутъ мотивировать его государственною пользою. Ранѣе чѣмъ стать правительственною системою, терроръ будетъ лишь средствомъ удержаться у власти, а въ систему возведутъ его лишь въ видахъ оправданія этого средства. Царство устрашенія будетъ во время революціи только формою торжества крайнихъ, но торжество это проистекаетъ изъ причинъ, задолго предшествовавшихъ 1792 году.

Начиная съ Варенна, король и его правительство въ глазахъ громаднаго большинства французовъ—не болѣе какъ сообщники эмигрантовъ и иностранцевъ. На защиту короля вооружилось только нѣсколько ничтожныхъ кучекъ людей, разсѣянныхъ по провинціямъ; большинство націи привѣтствуетъ всѣ ограниченія королевской власти какъ мѣры общественной безопасности. На сторонѣ революціонеровъ были не только страсти, но и самое малодушіе и боязнь. Имъ довѣрялись всѣ заурядные, смиренные, всѣ испуганные и смущенные. Среди опасностей, грозившихъ Франціи отъ вторженія иностранныхъ войскъ и контръ-революціи, эти люди болѣе всего опасались мести со стороны эмигрантовъ. Этому ужасу они предпочитали даже самую анархію. Они говорили себѣ, что безпорядки—дѣло временное и потому не мѣшали революціонерамъ послѣдовательно овладѣть всѣми твердынями власти. Послѣдніе овладѣли ею, потому что обладали смѣлостью и потому что трусы, уступая имъ ради собственнаго спасенія воображали, что спасаютъ такимъ образомъ революцію и Францію. Къ тому же терроръ примѣнялся не одними революціонерами. Вслѣдствіе одинаковыхъ причинъ, ихъ противники могли бороться съ ними не иначе, какъ тѣмъ же способомъ. Безсиліе сторонниковъ стараго режима, не умѣвшихъ ни понять значенія революціи, ни обуздать ее, побуждало ихъ единственно къ ея подавленію. Неспособные убѣдить революціонеровъ сторонники стараго режима мечтали объ ихъ уничтоженіи. Эмпиризмъ старой власти поглощается тою же бездной банкротства, какъ и утопія власти новѣйшей. Ни та ни другая сторона не отвергаетъ этихъ злоупотребленій силою; объ одинаково ищутъ ея зловѣщаго престижа. «Я полагаю,

что парижанъ необходимо устрашить»,—пишетъ Монморенъ Ла Марку.—«Страхъ будетъ двигать этимъ Собраніемъ въ томъ направленіи, по которому оно идетъ, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока страхъ иного рода толкнетъ его на другой путь. Будьте увѣрены, что эти люди уже неспособны ни къ какому иному побужденію, кромѣ страха». Рѣшено ихъ устрашить. Манифестъ 25-го іюля и не имѣлъ другой цѣли, а въ главномъ штабѣ эмиграціи намѣревались выполнить его буквально. Въ Кобленцѣ только и рѣчи, что о карахъ разнаго рода: «вѣшать, истреблять, подавлять,—вотъ что собирались дѣлать», передаетъ одинъ роялистъ. «Надо истребить это логовище убійцъ», говоритъ одинъ изъ представителей Густава Ш. «До тѣхъ поръ пока существуетъ Парижъ, во Франціи никогда не будетъ королей». Весьма понятно, что революціонеры не захотѣли ждать Варѳоломеевской ночи и драгонадъ, которыхъ имѣли основаніе опасаться, а напротивъ нашли нужнымъ предупредить ихъ. «Кровь польется рѣкой», писала мать одного изъ террористовъ. «Желая достигнуть цѣли, нельзя отворачиваться отъ средствъ; не надо впадать въ дурно понятую гуманность»...

Все содѣйствовало кровавой диктатурѣ. Люди, которые среди анархіи достигли власти, были наиболѣе способны къ организаціи насилія и систематизаціи террора, какъ по своему темпераменту, такъ и по своимъ воззрѣніямъ. Якобинцы были и сектой и партіей: они олицетворяли и довели до высочайшей степени развитія тотъ духъ фанатизма, который проявился уже съ самаго начала революціи и отнынѣ сдѣлался господствующимъ, благодаря ихъ вліянію. Нельзя сказать, чтобы этотъ духъ былъ свойственъ доктринамъ, служившимъ исходной точкой революціи, ни также самой этой революціи. Особый оттѣнокъ якобинскаго фанатизма былъ приданъ литературой; существенная черта его принадлежитъ фанатикамъ всѣхъ временъ. Мысль ихъ узка, жестка, безплодна, но сурова и прямолинейна. Якобинцевъ не смущаетъ и не колеблетъ критика ихъ принциповъ; препятствія или чувство не въ силахъ отвлечь ихъ отъ цѣли. Возраженія они считаютъ кощунствомъ; они отвергаютъ ихъ, не стараясь понять, и пренія для нихъ заключаются въ устраненіи аргумента путемъ уничтоженія противника. Если они не могутъ устранить препятствія, то бросаются на приступъ съ такимъ бѣшенствомъ, что или опрокидываютъ ихъ, или гибнутъ сами. Что касается гуманныхъ соображеній, то они смотрятъ на нихъ какъ на слабость или даже какъ на вѣроотступничество. Тотъ, кто споритъ, считается нечестивцемъ, кто колеблется—измѣнникомъ. Жирондисты и Дантонъ поочередно узнаютъ, чего стоитъ быть государственнымъ человѣкомъ или просто человѣкомъ среди этихъ ревнителей. Они не только убѣжденные догматики, они люди, одержимые *idée fixe*: догматъ ослѣпляетъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что ихъ богословіе есть не что иное, какъ апоѳеозъ своего я; идея влечетъ ихъ къ цѣли тѣмъ непреодолимѣе, что цѣль эта въ сущности—не что иное, какъ торжество ихъ собственной гордости. Ихъ вѣра преисполнена пожирающаго соперничества и самолюбія. Нетерпимость становится у якобинцевъ острою формою соперничества. Но они не сознаютъ этого, и побужденія эгоизма сливаются у нихъ съ пламенною горячностью вѣры.

Это броженіе наиболѣе интенсивныхъ страстей должно привести къ страшному взрыву; якобинцы сосредоточивали въ себѣ то, что духъ секты и партіи можетъ внушить самаго ужаснаго. Лига возродилась въ іерархіи ихъ аффиліацій [1]); инквизиція—въ ихъ тайной полиціи, въ доносахъ, безапелляціонныхъ трибуналахъ, безпощадныхъ судьяхъ и эшафотахъ. Прозелитизмъ ихъ организовался по плану Игнатія Лойолы [2]); онъ будетъ навязываться вооруженною силою, по примѣру Магомета [3]). Это сходство якобинскаго фанатизма съ фанатизмомъ религіознымъ поражало всѣхъ

[1]) «...Грозное общество, созданное съ цѣлью разрушенія всего, что не захотѣло бы къ нему присоединиться. Его главною пружиною была клятва взаимопомощи и вѣрности до гроба, режимъ устрашенія и повиновенія высшему главѣ, подлежавшему избранію.... Образовавшись въ одномъ пунктѣ королевства и объявивъ о своемъ конституированіи манифестами, эта лига быстро распространилась». *Augustin Thiery*, *Histoire du tiers état*, Paris, 1853, p. 102.—У нея есть своя мятежная армія. «Все, что было безпутнаго въ этой столицѣ, передаетъ де Ту, всѣ, кто находилъ въ междуусобной войнѣ возможность дать волю своей развязанности или своей алчности и честолюбію, завербовывались въ эту милицію». У нея были и свои демагогическіе ораторы. «Парижъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—не знаетъ себѣ цѣны. Онъ довольно богатъ для того, чтобы вести войну съ четырьмя королями. Франція больна; она не поправится, если не дать ей кроваваго питья». Guizot, *Histoire de France*, Paris 1874, t. III, p. 383, 401, 407.

[2]) «По своимъ дарованіямъ и способностямъ», пишетъ Андре Шенье, «они походятъ на Общество Іисуса. Ихъ общество есть та же конгрегація»: развѣтвленія подчинены центральному кружку. Такимъ же образомъ римская церковь насаждала вѣру и управляла міромъ при посредствѣ монашескихъ братствъ. Одно принятіе въ этотъ союзъ, подобно крещенію Константина, омываетъ отъ всякаго преступленія, стираетъ кровь и убійства. Ученіе о доносѣ, какъ о похвальномъ и полезномъ поступкѣ, независимо отъ его ложности или справедливости,—не только практикуется въ немъ, но преподается, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ того, что іезуиты называли «opinion probable». André Chénier *Oeuvres en prose*, p. 311, 122, 124, 125.

[3]) «Эта опасная секта распространяется на подобіе исламизма, посредствомъ оружія и убѣжденія... Конвентъ и якобинскій клубъ организовали свои прозелитическія миссіи въ странѣ и за границей, подобно тому, какъ организованы были іезуитами ихъ миссіи въ Америкѣ и Китаѣ». Mallet du Pan, t. II, p. 135.

ОТДЕЛ СОХРАН

современниковъ. Пытаясь опредѣлить партію, овладѣвшую Франціей и грозившую овладѣть Европой, современники постоянно возвращались къ перечню религіозныхъ преслѣдованій и способовъ религіозной пропаганды. Это сходство можно назвать, по справедливости, классическимъ, не впадая притомъ ни въ злоупотребленіе словами, ни въ извращеніе смысла [1]).

Все это, разъясняя царство террора и мрачныя, жестокія и банальныя стороны революціи, не объясняетъ однако ни ея величія, ни ея новизны. Двадцатипятимилліонный народъ внезапно подпадаетъ власти партіи фанатиковъ, допускаетъ фанатизировать себя, слѣпо подчиняется ихъ законамъ, отдаетъ имъ свою кровь, свое богатство, забывая о всѣхъ внушеніяхъ и расчетахъ благоразумія, и притомъ проявляетъ искреннее воодушевленіе; эта обширность власти, это чудо покорности, вотъ что дѣйствительно превосходитъ все то, что было при прежнихъ мятежахъ, но все это не противорѣчитъ духу исторіи Франціи. Особенности зависятъ здѣсь не отъ характера ученій, ни отъ интенсивности кризиса: онѣ коренятся въ душахъ, воспринимающихъ эти ученія, въ той средѣ, гдѣ происходитъ кризисъ, т. е. въ самой Франціи, въ ея населеніи, общественномъ складѣ, а равно и въ ея историческомъ прошломъ. Въ этомъ весь секретъ революціи. Тотъ, кто сталъ бы искать его въ чемъ-либо другомъ, рисковалъ бы остаться при поверхностномъ сужденіи и затеряться въ симптомахъ. Онъ смутился бы посредственностью отдѣльныхъ личностей, скудостью ученій, грубостью способовъ и не понялъ бы ни громадности авторитета новыхъ деспотовъ, ни мощныхъ событій, совершившихся при ихъ господствѣ: національной обороны, возрастанія французскаго вліянія въ западной Европѣ и грандіознаго начала завоеванія стараго свѣта французскими идеями.

[1]) Жозефъ де Местръ, который глубоко ненавидѣлъ якобинцевъ, и понималъ ихъ, быть можетъ, вѣрнѣе, чѣмъ всѣ остальные мыслители, относился къ нимъ совершенно такимъ же образомъ, какъ смотритъ церковь на лжепророковъ и еретиковъ: онъ указываетъ на ихъ «адскую геніальность» и на «сатанинскій характеръ» ихъ дѣятельности. Онъ видитъ въ нихъ безсознательное орудіе Провидѣнія и приходитъ къ такому заключенію: «Революція могла восторжествовать только энергіей и обширностью революціоннаго духа или, если можно такъ выразиться, вѣрою въ революцію». *Considérations sur la France.* Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ замѣчаетъ, по поводу тѣхъ же якобинцевъ-террористовъ: «Родъ человѣческій можно сравнить съ деревомъ, вѣтви котораго постоянно подстригаетъ рука невидимаго садовника, и которое нерѣдко только выигрываетъ отъ такой операціи».—Вѣрующіе въ революцію, напротивъ, видѣли «сатанинское дѣло» въ постоянномъ заговорѣ контръ-революціи. «Я свято вѣрю въ чудесный промыселъ Божій по отношенію къ народу». «По истинѣ, Святой Духъ снизошелъ на апостоловъ конституціи». *Journal d'une bourgeoise.*

Если вмѣсто болѣе глубокаго изслѣдованія ограничиться внѣшнимъ сцѣпленіемъ фактовъ и пустою игрою литературной антитезы и видѣть только палачей и войско, правительство, которое истребляетъ, и героевъ, жертвующихъ собою, то неизбѣжно придешь къ парадоксальному выводу—приписать наиболѣе величавое дѣло, совершенное Франціей, унизительнѣйшей тиранніи, когда-либо ею испытанной. Историческая цѣпь порывается; нѣтъ болѣе послѣдовательности, а слѣдовательно и правды. Но если, вмѣсто того чтобы установлять произвольное отношеніе зависимости между этими разнородными явленіями, мы поищемъ тождества ихъ происхожденія и общей точки отправленія, тогда цѣпь возстановляется, причины выдѣляются и послѣдствія, изъ нихъ вытекающія, становятся ясными. Эти причины коренятся въ самой Франціи и въ ея національномъ духѣ, достаточно мощныхъ, чтобы породить и одновременно развивать столь противоположные элементы.

IV.

Революція вызываетъ во французахъ все, что въ нихъ есть хорошаго и дурного. Личный интересъ и національное чувство, честолюбіе и безкорыстіе, ненависть къ цѣлому классу людей и любовь къ человѣчеству, зависть къ знатнымъ и состраданіе къ бѣднякамъ, увлеченіе новыми истинами и инстинктъ наслѣдственныхъ традицій,—все это вмѣстѣ бродитъ въ народѣ и поднимаетъ его единымъ мощнымъ порывомъ. Французы были убѣждены, что овладѣли секретомъ возрожденія человѣчества и жертвовали жизнью за такое убѣжденіе; они вѣрили, что возрождаютъ міръ, завоевывая его, что французскій патріотизмъ и міровая справедливость—одно и тоже, что, наконецъ, революція водворяетъ эту справедливость и что всѣ разнузданныя ею страсти—добродѣтели. Путемъ этой пропаганды якобинцы овладѣли французами. Впрочемъ они пропагандировали и собственнымъ примѣромъ. Несмотря на педантическій формализмъ, на пустую патетичность риторики и узость взгляда, якобинцы обладали тою глубокою вѣрой, которая превращаетъ инквизитора въ миссіонера и пророка. «Хорошо!—восклицаетъ Робеспьеръ по опубликованіи манифеста герцога Брауншвейгскаго,—надо, чтобы французы вынесли на своихъ плечахъ тяжесть всего міра. Надо, чтобы они были въ средѣ народовъ тѣмъ, чѣмъ былъ Геркулесъ въ средѣ героевъ!» [1]). Народъ, которому трибуны держатъ такія рѣчи, уже въ теченіе вѣковъ поставлялъ свою гордость въ національномъ прозелитизмѣ. Такимъ образомъ, по словамъ глубочайшаго

[1]) Рѣчь, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 29 іюня 1792 г.

изъ изслѣдователей французской революціи, «она дѣйствовала по отношенію къ земному міру совершенно такъ же, какъ дѣйствовали религіозныя революціи въ виду другого міра..... или, вѣрнѣе, она стала сама своего рода новой вѣрой, правда неполной,—безъ Бога, безъ культа и надежды на загробную жизнь,—но подобно исламизму наводнившей всю землю своими солдатами, апостолами и мучениками» [2]).

Исламизмъ распространялся, порабощая народы и опустошая страны. Ни по своей цѣли, ни по совершеннымъ дѣяніямъ французская революція не можетъ быть поставлена рядомъ съ нимъ. Если революціонерами овладѣваетъ духъ завоеванія, одушевлявшій и арабовъ, если соціальные догматы, исповѣдуемые первосвященниками якобинства, повидимому, способны раздавить человѣческую свободу тою же тяжестью, которою давилъ ее Коранъ, то въ устахъ ихъ послѣдователей пропаганда со всѣхъ сторонъ прорываетъ узкую рамку новой государственной религіи. Не богословъ обращалъ въ новую вѣру, а апостолъ; апостоломъ-же являлся гуманный, горячій и любвеобильный сынъ Франціи. Онъ истолковывалъ «Права человѣка» своимъ сердцемъ и воображеніемъ, а его сердце было проникнуто горячностью *Савойскаго Викарія* несравненно болѣе, чѣмъ его разумъ былъ пропитанъ жесткими софизмами *Общественнаго договора*. Предпринятая во имя освобожденія народовъ война была не мусульманскимъ вторженіемъ, а крестовымъ походомъ, такимъ, какъ проповѣдывалъ его святой Бернардъ, когда восклицалъ: «Спѣшите взяться за оружіе, и да прогремятъ въ христіанскомъ мірѣ слова пророка: горе не омочившему въ крови меча своего!» Если мы присмотримся къ французамъ 1792 г., то въ этой толпѣ бѣдняковъ, идущихъ къ границѣ сражаться за свободу Франціи и во имя свободы стараго міра, мы увидимъ потомковъ пламенныхъ средневѣковыхъ воиновъ, неустрашимыхъ и необузданныхъ, шедшихъ на призывъ своихъ монаховъ и ждавшихъ совершенія чуда. Мы увидимъ также и бѣшеныхъ пастуховъ, которые, оставаясь въ королевствѣ въ то время, какъ ихъ земляки гибнутъ по пути къ Востоку, грабятъ и расхищаютъ, ищутъ Іерусалима въ замкахъ своихъ господъ и думаютъ, что спасаютъ душу свою, избивая дворянъ. Мы увидимъ возрождающихся безпощадныхъ пропагандистовъ юга и рядомъ съ народнымъ крестовымъ походомъ—походъ инквизиторовъ и грабителей, походъ альбигойцевъ, страшный идеалъ террористовъ. Мы услышимъ изъ устъ легендарнаго легата Каррье слѣдующія слова: «Бейте, бейте, Богъ распознаетъ своихъ»! Ни одна изъ ужасающихъ чертъ прошлаго не будетъ опущена на картинѣ; но эти черты не будутъ преобладающими,

[2]) Tocqueville, *l'Ancien Régime et la Révolution*, liv. I, ch. III.

и образъ, въ своемъ цѣломъ, останется, какъ и въ былыя времена, героическимъ образомъ.

Къ традиціоннымъ чувствамъ и страстямъ присоединяются новыя, которыя удвоиваютъ силу первыхъ. Война является не только національнымъ призваніемъ и блестящимъ приключеніемъ, она требуется общественнымъ спасеніемъ. Прежде чѣмъ избавлять и обращать иностранцевъ, французамъ приходится заботиться о собственномъ спасеніи. Дѣло идетъ о независимости Франціи, о свободѣ ея гражданъ. Это дѣло первой важности и касается всѣхъ французовъ. Имъ извѣстно, что такое иноземное нашествіе и что такое старый порядокъ. Они не хотятъ ни того, ни другого. Отечеству грозитъ расчлененіе, ихъ ожидаетъ порабощеніе: они рѣшились бороться до послѣдней капли крови, скорѣе, чѣмъ уступить хотя-бы одну провинцію или отказаться отъ своихъ гражданскихъ правъ.

Якобинцамъ будутъ повиноваться, потому что они приказываютъ воевать, а всѣ хотятъ войны, а также и потому, что всѣ привыкли повиноваться тѣмъ, кто приказываетъ сверху и обладаетъ при этомъ достаточною твердостью. Якобинцы навяжутъ правительство странѣ, въ которой оно только что исчезло, которая не можетъ безъ него обойтись и болѣе чѣмъ когда-либо въ немъ нуждается. При старомъ порядкѣ, Франція пріучена была молча переносить власть абсолютизма, сосредоточенную въ рукахъ нѣсколькихъ начальниковъ, которые изъ Парижа или Версаля передавали во всѣ части государства, посредствомъ сѣти агентовъ, приказы, оспаривать которые не полагалось. Такого рода правительство приспособлено было къ веденію войнъ и къ завоеваніямъ. Слуги короля до такой степени упростили механизмъ власти, что даже неискусные и грубые начальники могли пользоваться имъ, лишь-бы только знали чего хотятъ и умѣли быть постоянными въ своихъ намѣреніяхъ. Якобинцы нашли вмѣстѣ съ орудіемъ и работниковъ, которыхъ оно требовало. Администраторы, интенданты, легисты, совѣтники, чиновники,—всѣ, кто направлялъ государственную работу королевства и всѣ, кто ее исполнялъ, выходили изъ рядовъ той самой образованной, честолюбивой и властолюбивой буржуазіи, которая совершила революцію и стремилась эксплуатировать ее въ свою пользу. Эти люди примкнули къ якобинцамъ или потому, что раздѣляли ихъ фанатическое увлеченіе, или же потому, что привыкли служить правительству и дорожили властью. Изъ этой среды вышли: оба Мерлена, Камбонъ, Пріёръ, Карно, Ревбель, Жанъ-Бонъ-Сентъ Андре, Дюбуа Крансе, Кошонъ, Трельяръ, Тибодо и всѣ будущіе министры общественнаго спасенія. Это были люди дѣла, неукротимая энергія и находчивость которыхъ превратили пламенные призывы Дантона, декламаторскія абстракціи Робеспьера

и буйные декреты Конвента въ цѣлесообразные приказы и дали вооруженныхъ солдатъ, пушки, боевые снаряды и припасы.

Такимъ-то путемъ уже съ 1791 г. лагери пополняются отважною и смѣлою молодежью. Они приносятъ туда страсть, сосредоточивающую всѣ политическія доблести, т. е. патріотическое чувство. «О, вы всѣ», восклицалъ Андре Шенье среди бѣдствій и горечи политическихъ раздоровъ, «вы, чья душа умѣетъ распознавать честное и доброе; вы, у кого есть родина и кто знаетъ, что такое родина; кто зналъ, что говорилъ, когда клялся защищать ее и для кого слова: *жить свободнымъ или умереть* что нибудь значатъ; граждане французскіе, вы всѣ, у кого есть сыновья, жены, родители, братья, друзья, съ которыми и ради которыхъ вы хотите побѣдить, съ кѣмъ и ради кого вы рѣшились умереть, до какихъ же поръ будете вы говорить о своей свободѣ для того, чтобы оставаться рабами безбожныхъ партій? Возвысьте же голосъ, откройтесь! Пусть проявитъ себя Франція!..» И Франція явила себя. Ея образъ отразился всего полнѣе въ ея арміяхъ. Нигдѣ не проявилось въ такой степени національное чувство и благородная гордость. Въ этихъ арміяхъ олицетворилось національное единство, которое въ теченіе вѣковъ подготовляла монархія. Короли слили воедино всѣ элементы отечества; революція освободила его отъ формы, въ которую оно было отлито. Форма была разбита, но содержимое вышло вполнѣ законченнымъ и несокрушимымъ. «Господинъ генералъ, король уѣхалъ, онъ спасается бѣгствомъ!» отвѣчалъ во время варенискаго событія растерявшійся агентъ администраціи на требованіе мѣръ безопасности. «Если онъ уѣхалъ—Франція остается», возразилъ генералъ. «Обсудимъ, что слѣдуетъ предпринять».

Порваніе всѣхъ узъ, завязанныхъ съ самаго начала французской государственной жизни, не могло совершаться безъ неурядицы. Большинство дворянъ-офицеровъ покинуло своихъ солдатъ, отказавшихся имъ повиноваться, и эмигрировало, чтобы въ тѣни изгнанія гоняться за призракомъ той Франціи, которая исчезла навѣки. Нѣкоторые остались. Нарбоннъ подалъ имъ благородный примѣръ. Мотивы ихъ поведенія всего яснѣе обозначаютъ нить, связывающую новую Францію съ ея прошлымъ. «Вы должны, генералъ», писалъ Буле одинъ изъ его пріятелей [2]), «вспомнить, что вы французъ, какъ бы взволнованы вы ни были! Нѣтъ, вы никогда не послужите своими знаніями и своимъ мужествомъ расчлененію или порабощенію государства. Не таковы были ваши планы, когда вы намѣревались отвезти короля въ Монмеди. Вы хотѣли, напротивъ, избавить королевство отъ позора чужеземнаго ига; возможно ли, что теперь вы могли бы содѣйствовать такому порабощенію! Вы хорошо знаете, генералъ, въ

[2]) Графъ де-Гуверне, 15 іюля 1791 г. Bouillé, *Mémoires*.

чемъ заключается истинная слава, и вы не можете не знать, что это не славное дѣло» [3]). Викторъ Брольи, вернувшійся на службу по выходѣ изъ Учредительнаго собранія, остался на своемъ посту, «чтобы участвовать въ отпорѣ иностранному нашествію». «Мѣсто всякаго честнаго человѣка въ арміи», писалъ одинъ только что окончившій образованіе молодой дворянинъ. «Хотя бы вся армія эмигрировала», говорилъ Ла Туръ д'Оверн, «я бы остался во Франціи».

Но армія не эмигрировала. Напротивъ, она давала отпоръ попыткамъ вербовки со стороны прежнихъ офицеровъ, перешедшихъ въ партію принцевъ, и пропагандѣ агентовъ эмиграціи. Она отказываетъ Буле, какъ откажетъ позднѣе Лафайету и Дюмурье. Арміи нѣтъ дѣла до того, что происходитъ въ государствѣ; она не освѣдомляется объ именахъ тѣхъ, кто правитъ. Она сражается не за нихъ, а за Францію. Она смотритъ впередъ, на чужеземцевъ, грозящихъ отечеству расчлененіемъ, а не назадъ, не туда, гдѣ находятся раздирающія его партіи. Она идетъ къ наиболѣе настоятельному дѣлу, она спѣшитъ на помощь всей своей странѣ и не колеблется въ выборѣ средствъ, потому что выбора этого нѣтъ и остается только одно: идти на врага. Долгъ ясенъ и очевиденъ. До той поры, пока коалиція будетъ напирать на границы, пока эмиграція будетъ вооружаться для отмщенія, пока Франціи и революціи будетъ грозить опасность, армія будетъ сражаться, не требуя отъ своихъ начальниковъ ничего, кромѣ того, чтобы ее вели въ битву. Ею руководитъ таинственный и священный инстинктъ. Она непосредственно дѣлаетъ то, что могла продиктовать Франціи сама мудрость. Кто не проникнется патріотическимъ чувствомъ, читая ту страницу, гдѣ Жозефъ де-Местръ вызываетъ передъ французскими солдатами духа ихъ родины и заставляетъ сказать имъ: «Въ ту минуту, когда армія станетъ вмѣшиваться въ политику, государство распадется, и враги Франціи, пользуясь этимъ распаденіемъ, проникнутъ въ нее и раздѣлятъ ее. Мы должны дѣйствовать не для настоящей минуты, а для будущихъ временъ: прежде всего слѣдуетъ сохранить цѣлостность Франціи, а этого мы можемъ достигнуть только сражаясь за правительство, каково бы оно ни было; потому что такимъ образомъ Франція, несмотря на свои внутреннія распри, сохранитъ свою военную силу и свое внѣшнее вліяніе». «Такъ могъ говорить великій философъ», прибавляетъ Жозефъ де-Местръ, и именно такъ думалъ французскій народъ. «Отовсюду спѣшили къ ору-

[3]) Эмигрантъ де-Галерми, по прочтеніи *Précis de la Révolution* Лакретелля, строго осуждающаго братьевъ Людовика XVI, такъ какъ «ничто не искупаетъ войны, навлеченной на отечество», писалъ Луи Филиппу: «Много ночей не спалъ я изъ-за этихъ словъ. Мнѣ казалось, что я слышу сужденіе самой Франціи». *Papiers d'un émigré*.

© ПНБ СОКАН

жію», передаетъ одинъ изъ славнѣйшихъ воиновъ революціонной эпохи; «всѣ, кто былъ въ силахъ, отправлялись къ лагерямъ. Каждый бросалъ свое дѣло, и вотъ образовались цѣлыя арміи, обезпечившія торжество Франціи. Патріотизмъ замѣнилъ собою все...» Онъ же упростилъ, поглотилъ и облагородилъ все.

Среди бѣдствій государства и анархіи въ странѣ, арміи возстановятъ сплоченное, сильное и дисциплинированное общество. Въ то время, какъ изступленные люди будутъ профанировать и заливать кровью родину, войска олицетворятъ предъ лицомъ Европы славный и непорочный образъ Франціи. Революція останется здѣсь на степени идеала. Энтузіазмъ сохранится въ своей первоначальной чистотѣ [4]). Между тѣмъ какъ въ государствѣ царятъ тираннія и партійный раздоръ, республика получаетъ осуществленіе въ лагеряхъ. Но эта республика только по чисто внѣшнимъ пріемамъ напоминаетъ Римъ: всѣ ея помыслы, чувства и доблести—чисто французскіе. Хотя классическія метафоры были въ большомъ ходу у воиновъ революціи, въ лицѣ ихъ воскресали не древняя Греція, не плутарховскій Римъ, а Франція временъ пѣсни о Роландѣ [5]). Правда, они говорятъ о Фокіонѣ, Аристидѣ, Сципіонѣ, Цинциннатѣ и гордятся тѣмъ, что повторяютъ ихъ дѣла: но это только мода, отзвукъ условной литературы. На самомъ дѣлѣ они воскрешаютъ Дюгескленовъ, Байярдовъ, Тюренновъ и Вобановъ. Ихъ національность проявляется въ способѣ веденія войны, въ способѣ завоеванія и въ томъ представленіи, которое составили они себѣ о республикѣ, за которую сражались. Они—главнѣйшая опора Франціи въ этомъ кризисѣ и истинное орудіе общественнаго спасенія. Если бы Франція для веденія этой гигантской борьбы не дала такого особеннаго поколѣнія воиновъ, ее не спасли бы и благороднѣйшія убѣжденія, и сознаніе необходимости войны, и вся открывшаяся возможность къ проявленію доблести и генія.

[4]) «Въ 1794 г.,—говорилъ Стендаль,—всѣ наши искреннія чувства заключались въ стремленіи быть полезнымъ родинѣ. Все остальное—одежда, пища, повышеніе—было въ нашихъ глазахъ жалкою эфемерною потребностью... Мы собирались только на такія празднества, которыя возбуждали въ насъ любовь къ родинѣ. Наши глаза наполнялись слезами при видѣ надписей въ честь маленькаго барабанщина Барра на улицахъ. Эти чувства были нашею единственною религіей». *Vie de Napoléon*, Paris 1876, p. 2. *Mémoires de Lavalette.*—Chuquet. Taine, *la Révolution*, t. II, p. 478.

[5]) См. Gaston Paris, *la Poésie au moyen âge*, Paris 1885. La chanson de Roland et la *nationalité française*. «Французское отечество было основано (въ половинѣ одиннадцатаго вѣка), національное чувство уже существовало въ самомъ благородномъ смыслѣ». Въ немъ преобладали двѣ отличительныя черты: «стремленіе къ единству и стремленіе къ распространенію. Франція смотритъ на себя какъ на носительницу христіанской миссіи... Она уже видѣла свою истинную задачу въ проявленіи нравственной гегемоніи надъ остальною Европой, съ цѣлью совершенія великаго общаго дѣла». Въ ней замѣчалась уже «потребность осчастливливать по-своему народы, помимо ихъ желанія», p. 102—106.

V.

Въ то время, когда Франція съ такою смѣлостью бросалась въ наступательную войну, она едва была въ силахъ и защищаться. Вмѣсто 300000 линейныхъ солдатъ и волонтеровъ, которыхъ сторонники войны льстили себя надеждой противопоставить непріятелю, Франція, если не считать гарнизоновъ, могла двинуть противъ нѣмцевъ только 82000 человѣкъ, разбросанныхъ на протяженіи отъ Дюнкирхена до Базеля: 24000 во Фландрію, 19000 въ Седанъ, 17000 въ Мецъ, 22000 на Рейнъ. Армейскія войска отличались патріотизмомъ и преданы были новому порядку; но они только что вышли изъ казармъ, ихъ приходилось обучать на мѣстѣ. Въ офицерахъ ощущался большой недостатокъ: изъ 9000 армейскихъ офицеровъ, эмигрировало 6000. «Съ точки зрѣнія физической силы и патріотическаго духа, волонтеры не оставляли желать ничего лучшаго» говоритъ Гувіонъ де-Сенъ-Сиръ. Эти волонтеры 1791 г.—единственные. дѣйствительно заслуживавшіе этого имени и въ общемъ оправдывавшіе славную легенду, съ ними связанную—принесли въ армію превосходный рекрутскій элементъ; но они еще ничего не знали о военномъ ремеслѣ. Они выказывали большое одушевленіе, но ихъ энтузіазмъ легко переходилъ въ отсутствіе дисциплины; паника таплась въ ихъ душѣ, ее порождала подозрительность. «Это—истинные французы. Натура у нихъ хорошая,—писалъ одинъ изъ генераловъ,—но легкость обязательствъ привела множество людей, не привыкшихъ къ повиновенію и дисциплинѣ, требуемой службой. Безъ повиновенія же немыслимо и командованіе». Въ полномъ порядкѣ была одна только артиллерія, первая въ Европѣ, какъ утверждали иностранцы; она, конечно, была слишкомъ малочисленна, но прекрасно снабжена и обладала хорошими командирами. «Люди были прекрасно обучены и въ нихъ замѣчался превосходный духъ». Офицеры, недавно выпущенные изъ военно-учебныхъ заведеній и отъ которыхъ не требовалось дворянскаго происхожденія, эмигрировали въ несравненно меньшемъ количествѣ, чѣмъ армейскіе. То же самое можно сказать и о корпусѣ инженеровъ. Все остальное, то есть большая часть пѣхоты и кавалеріи, сохранила только кадры нижнихъ чиновъ. Несмотря на прекрасныя качества унтеръ-офицеровъ, въ особенности кавалерійскихъ, возстановленіе командованія было затруднительно и шло медленно. Пополнить составъ офицеровъ можно было не иначе, какъ допуская два разряда людей, одинаково

неудобныхъ: уволенныхъ изъ прежнихъ войскъ и военныхъ, бросившихся въ революцію въ силу своихъ политическихъ воззрѣній.

Генералы, стоявшіе во главѣ арміи въ моментъ объявленія войны, быстро исчезли со сцены: Рошамбо не поладилъ съ товарищами и вышелъ въ отставку; Лафайетъ былъ вынужденъ перейти границу и былъ взятъ въ плѣнъ; Люкнеръ, баварецъ, служившій по найму, былъ посредственностью и отличался лукавствомъ; къ тому же онъ былъ старъ и съ годами потерялъ мужество: его уволили [1]). Пришлось обратиться къ опальнымъ старой арміи. Генералы этого разряда приступали къ революціонной войнѣ, сохранивъ привычки, рутину и способы веденія политическихъ войнъ восемнадцатаго вѣка. Самымъ молодымъ изъ нихъ тридцать восемь, самымъ старымъ шестьдесятъ лѣтъ; умственный складъ ихъ уже вполнѣ опредѣлился. Въ военномъ дѣлѣ они соотвѣтствуютъ тому, чѣмъ были конституціонисты въ политикѣ. Таковы: Бирон, котораго мы уже встрѣчали въ сферѣ дипломатическихъ переговоровъ; Мену, докладчикъ авиньонскаго комитета, экзальтированный, но въ сущности хорошій солдатъ; Кюстинъ, рожденный для смѣлыхъ военныхъ подвиговъ, оригинальныхъ выходокъ и завоеваній; Монтескьу, свѣтскій человѣкъ; Ла Бурдонне, вздорный и посредственный человѣкъ; Канкло—galant homme и превосходный офицеръ: всѣ они сразу перешли отъ генералъ-маіорства къ высшему командованію [2]). Къ этимъ дворянамъ-философамъ, обоготворявшимъ свободу, большею частью фрондерамъ и недовольнымъ придворнымъ, примкнули офицеры, избравшіе военную службу по призванію, но которымъ не везло по службѣ или которые подверглись неудачамъ, удалившимъ ихъ отъ военнаго поприща.

Первымъ явился Дюмурье; но въ немъ политикъ преобладаетъ, сбиваетъ съ пути и уничтожаетъ военнаго. Его товарищи, менѣе смѣлые и геніальные, обладаютъ болѣе полезными для возрожденія арміи военными качествами. Отщепенцы-дворяне, каковы Бирон и Кюстинъ, авантюристы стараго порядка, какъ Дюмурье, учились дипломатіи и военному дѣлу въ школѣ Фридриха II: они вносили въ армію обычаи другого времени, а именно Семилѣтней войны. Офицеры съ менѣе бурной карьерой, болѣе правильною жизнью и болѣе умѣренными желаніями вернутъ армію къ героической эпохѣ старой Франціи. Это—школа Фабера, всего болѣе спо-

[1]) Jomini, t. II. Chuquet, p. 48—57, 192—201. Рошамбо умеръ въ отставкѣ въ 1809; Лафайетъ взятъ въ плѣнъ въ 1792; умеръ въ 1834 г.; Люкнеръ погибъ на эшафотѣ въ 1794 г.

[2]) Бирон былъ казненъ въ 1793 г.—Мену умеръ губернаторомъ въ Венеціи въ 1810 г.; Кюстинъ казненъ въ 1793 г.—Монтескьу эмигрировалъ въ 1792 г.; умеръ въ изгнаніи въ 1798 г.—Ла Бурдонне былъ уволенъ, умеръ въ 1793 г.—Канкло сдѣлался сенаторомъ имперіи и пэромъ Франціи, 1814 г.

собная передать молодымъ, исполненнымъ энтузіазма, поколѣніямъ традиціи древне-французской чести: ей мы обязаны Дагобером де Фонтениль и Дюгоммье, суровыми и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательными героями Пиренейской войны [3]); подъ ихъ начальствомъ служилъ Периньонъ, ставшій затѣмъ ихъ достойнымъ преемникомъ; Ла Туръ д'Овернь, принесшій въ ряды республиканскихъ войскъ чистосердечіе и рыцарскій духъ старыхъ временъ [4]). За ними слѣдовали менѣе стоическіе, менѣе честолюбивые, но не менѣе патріотичные, неустрашимые, твердые люди, приведенные въ уныніе ордонансами о дворянскихъ правахъ, но оживленные революціей; опасность отечества внезапно возвысила ихъ надъ всѣми соотечественниками, а можетъ быть и надъ ихъ собственнымъ достоинствомъ. Здѣсь мы видимъ Келлермана, которому принадлежитъ честь перваго импульса и первой побѣды [5]); Клебера, котораго несправедливость французскаго министерства принудила искать службы за границей [6]); Серюрье [7]) и Шерера [8]); первый былъ подполковникомъ, второй—капитаномъ.

Рядомъ съ этими главными начальниками, увлекающими и приводящими въ восторгъ войска, стоятъ болѣе скромные военные дѣятели, организующіе ихъ, сплачивающіе и чертящіе планы: Серванъ, которому вмѣстѣ съ Дюмурье принадлежитъ составленіе плана аргонской кампаніи; Дюбуа де

[3]) Fervel, *Campagnes de la Révolution française dans les Pyrénées Orientales*, Paris. 1861. Дагоберъ принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ. «Старый офицеръ изъ дворянъ, превратившійся въ самаго бодраго изъ республиканскихъ генераловъ; исключительно преданный военному знамени и родинѣ; безъ заднихъ мыслей, безъ особаго честолюбія; онъ можетъ быть не понималъ, куда идутъ, но спѣшилъ наверстать потерянное время, какъ всѣ мужественные люди, и ознаменовать конецъ своей жизни доблестными дѣлами и яркими подвигами». Онъ былъ убитъ непріятелемъ въ 1794 г. Sainte-Beuve, *Nouveaux lundis*, t. II.—Дюгоммье, род. въ Гваделупѣ въ 1738 г., въ 1758 г. былъ прапорщикомъ пѣхоты, въ 1792 г. генералъ-маіоромъ, убитъ непріятелемъ въ 1794 г. Въ 1791 г. онъ писалъ: «Я прожилъ пятьдесятъ лѣтъ подъ военнымъ деспотизмомъ... Побужденіе, мною двигающее, давно таилось въ сердцѣ, но ему не было выхода; революція вывела его на свѣтъ и я умру патріотомъ». *Revue Historique*, t. XXX, Vauchelet, *le Général Dugommier*.

[4]) Ла Туръ д'Овернь, *первый французскій гренадеръ*, убитъ непріятелемъ, 1800 г.—Периньонъ, впослѣдствіи маршалъ, сенаторъ и графъ имперіи; пэръ Франціи въ 1814; маркизъ въ 1815 г.

[5]) Ему было въ 1792 г. 57 лѣтъ, генералъ-маіоръ; въ 1814 г.—маршалъ, герцогъ де Вальми, пэръ.

[6]) 39-ти лѣтъ; служилъ въ австрійскихъ войскахъ до 1783 г., затѣмъ былъ инспекторомъ общественныхъ зданій въ Страсбургѣ; генералъ республики, убитъ въ Каирѣ въ 1800 г.

[7]) 50-ти лѣтъ, маіоръ пѣхоты; въ 1816—маршалъ, графъ и пэръ Франціи.

[8]) 45-ти лѣтъ, военный министръ въ 1797 г.

Крансе, слившій пѣхоту съ корпусомъ волонтёровъ и такимъ образомъ содѣйствовавшій образованію новой арміи [9]); Карно, начальникъ республиканскаго главнаго штаба, готовившійся къ главному командованію изучая сочиненія Вобана [10]); наконецъ весь контингентъ инженеровъ, артиллеристовъ, сотрудниковъ Карно по военному комитету, «способныхъ головъ и людей твердой воли» [11]), истинный очагъ войны и обороны. Здѣсь обладали военными знаніями, знаніемъ мѣстности и военнымъ опытомъ. Грибоваля уже не было въ живыхъ, но онъ образовалъ артиллерію и оставилъ послѣ себя учениковъ: д'Абовиля, командовавшаго впослѣдствіи артиллеріей при Вальми; Гальбо, заслужившаго изумленіе и похвалы герцога Брауншвейгскаго; Гримоара, работавшаго надъ составленіемъ плановъ въ кабинетѣ короля; онъ вынужденъ былъ исчезнуть въ 1793 г., но также образовалъ учениковъ: д'Арсона, Лафитта-Клаве, Лакюэ де Сессака, Менье, Фавара, продолжавшихъ его дѣло и смущавшихъ иностранцевъ выдержанностью своихъ плановъ сильнѣе, чѣмъ интенсивность натиска республиканскихъ арміи приводила въ замѣшательство ихъ войска [12]).

Благодаря такимъ рессурсамъ и такому компетентному руководству, армія возродилась, пріобрѣла увѣренность въ своихъ силахъ, а новые генералы изучили военное дѣло, какъ и всѣ великіе полководцы—на поляхъ сраженій. Это—народное ополченіе 1792 г., поколѣніе молодежи, которую ожидали эпическія судьбы. Самымъ старшимъ изъ нихъ было тридцать лѣтъ; они стекаются со всѣхъ концовъ и выходятъ изъ всѣхъ слоевъ французскаго населенія [13]). Нѣкоторые изъ нихъ прошли чрезъ королевскія школы; между ними самое изумительное явленіе представляетъ Бонапартъ, артиллерійскій поручикъ, отставленный отъ должности за то, что отира-

[9]) Серванъ, 51-го года, генералъ-маіоръ; военный министръ 1792 г. Дюбуа де Крансе, 45-ти лѣтъ, бывшій мушкетеръ: членъ Конвента, военный министръ въ 1799 г.

[10]) 39-ти лѣтъ, инженеръ-капитанъ; членъ Конвента, подвергся проскрипціи 1797—1816; умеръ въ изгнаніи въ 1823 г.

[11]) Mallet du Pan, t. II, p. 44.

[12]) Бывшій французскій офицеръ, эмигрантъ, вступившій въ русскую военную службу, Ланжеронъ приписывалъ успѣхи генераловъ, «не подготовленныхъ ни своимъ происхожденіемъ, ни своимъ образованіемъ къ командованію войсками», единственно ихъ смѣлости и искусству, съ которымъ они приводили въ исполненіе планы этого комитета, «состоявшаго изъ артиллерійскихъ офицеровъ и инженеровъ, превосходно изучившихъ и мѣстность театра войны, и коллекцію замѣчательныхъ мемуаровъ генераловъ Людовика XIV и XV».

[13]) Бываютъ изумительные года: въ 1769 родились Бонапартъ, Гошъ, Марсо, Ней, Сультъ, Ланнъ, Жуберъ; въ 1768: Дезэ, Мюратъ, Мортье, Бессьеръ, Доммартенъ.

вился интриговать въ Корсику, вмѣсто того чтобы находиться при своемъ гарнизонѣ; онъ прозябаетъ въ Парижѣ, наблюдаетъ и съ большимъ трудомъ добивается возвращенія въ армію въ чинѣ капитана. Знаменитѣйшій послѣ него воинъ той же эпохи, Даву, также былъ принятъ въ Парижскую военную школу, но онъ дебютировалъ нарушеніемъ дисциплины и долженъ былъ удалиться; онъ снова появляется на сценѣ, но уже въ главѣ батальона волонтеровъ и такимъ-то обходнымъ путемъ возвращается къ арміи, гдѣ проявляетъ свое изумительное хладнокровіе, осторожность и упорство—качества, доставившія ему ту громадную славу, которой онъ пользовался у современниковъ [14]). Дворянами были также и слѣдующіе, весьма различные по своему характеру, люди: Дезэ,—«Байярдъ французской арміи, искусный генералъ, воинъ безъ страха и упрека», по выраженію Сегюра [15]), Доммартенъ, его ученикъ; Кларкъ, Макдональдъ, Груши, Мармонъ; Друо (Drouot) былъ сыномъ ремесленника, явился въ военную школу въ деревянныхъ башмакахъ и вызвалъ восхищеніе Лапласа своимъ чистосердечіемъ и раннимъ развитіемъ выдающагося ума [16]).

Все это были офицеры, и они могли сдѣлать болѣе или менѣе скромную, смотря по своему происхожденію и обстоятельствамъ, но почтенную каррьеру и при старомъ порядкѣ. Тѣ, кто служилъ рядовыми, не могли ждать для себя ничего, и однако война обнаружила въ ихъ сердцѣ первоклассныхъ воиновъ, равныхъ по качествамъ ума и характера всему, что давало самаго доблестнаго французское дворянство. Предпріимчивость, страсть къ приключеніямъ и борьбѣ, пылкость, отвращеніе къ замкнутой, не представлявшей никакихъ перспективъ, жизни въ мастерскихъ или конторахъ, ошибки молодости, наконецъ возмущеніе противъ общественныхъ стѣсненій, такъ легко примиряющихся съ военной дисциплиной,—вотъ что во всѣ времена было главными побужденіями людей, случайно попадавшихъ на военную службу и при старомъ порядкѣ томившихся во мракѣ казармъ.

[14]) Даву было 22 года въ 1792 г. Въ 1819 г. онъ былъ маршаломъ, герцогомъ Ауэрштедскимъ, княземъ Экмюльскимъ, пэромъ. Stendahl, *Vie de Napoléon*, p. 228.

[15]) Дезэ (Desaix) было 24 года, генералъ республики, убитъ непріятелемъ въ 1800 г.

[16]) Доммартенъ, 24-хъ лѣтъ; генералъ республики; убитъ непріятелемъ въ 1799 г.—Кларкъ, 27-ми лѣтъ, капитанъ; въ 1817 г.—пэръ и маршалъ.—Макдональдъ, поручикъ, 27-ми лѣтъ; 1815 г.—маршалъ, герцогъ Тарентскій, пэръ.—Груши, полковникъ, 26-ти лѣтъ; въ 1830 г.—пэръ и маршалъ.—Друо, 18-ти лѣтъ, былъ въ артиллерійской школѣ; въ 1830 г. генералъ, графъ и пэръ.—Мармонъ. 18-ти лѣтъ, подпоручикъ и въ 1815 г. маршалъ, герцогъ Рагузскій, пэръ. Эмигрируетъ въ 1830 г. Умеръ въ Венеціи въ 1852 г.

Прежде всего назовемъ солдатскаго сына Лазаря Гоша, [17]) воспитавшагося въ средѣ огородниковъ, обязаннаго первоначальнымъ образованіемъ благотворительности сельскаго священника, вынужденнаго одно время, ради куска хлѣба, состоять конюхомъ въ придворной конюшнѣ. Случайно попавшая ему въ руки книга, какое-то путешествіе, пробудила у него жажду неизвѣстнаго и страсть къ завоеваніямъ. Онъ хотѣлъ уѣхать въ Индію и повторить подвиги товарищей Дюплекса. Вербовщикъ обманулъ его, и вмѣсто Индіи онъ былъ зачисленъ во французскую гвардію. Онъ жилъ скромно, пользуясь свободными часами для того, чтобы трудами рукъ своихъ заработывать деньги на покупку книгъ, которыя читалъ по цѣлымъ ночамъ. Онъ, такимъ способомъ, инстинктивно готовился къ той будущности, которая была бы для него недоступной, если бы революція неожиданно не открыла къ ней пути. Объявленіе войны застало его фельдфебелемъ національной гвардіи, и Серванъ послалъ его на границу, произведя въ поручики. Руссо сдѣлалъ его республиканцемъ; онъ родился для командованія войсками. Назовемъ Марсо [18]), судьба котораго напоминаетъ судьбу Гоша внезапностью возвышенія и печальною неожиданностью конца. Онъ служилъ писцомъ у прокурора, поступилъ на военную службу шестнадцати лѣтъ, съ 1789 г. былъ въ отставкѣ съ унтеръ-офицерскими нашивками; въ 1792 г. вернулся въ армію и, по словамъ одного современника, «воскресилъ въ республиканскомъ лагерѣ тотъ рыцарскій духъ, который въ былое время смягчалъ свирѣпость войны». Далѣе: Виктора [19]), сына судебнаго пристава, артиллерійскаго рядового, вышедшаго въ отставку въ 1791 г. потому что служба наскучила ему: Удино [20]), «истиннаго богатыря, прямодушнаго, откровеннаго и скромнаго», вышедшаго въ отставку вслѣдствіе того, что пересталъ надѣяться на повышеніе; Лекурба [21]), замѣчательнаго тактика; Журдана [22]), побѣдителя при Флерюсѣ, также оставившаго службу послѣ Американской войны и превратившагося въ торговца суровскимъ товаромъ въ Лиможѣ; Массена [23]), бывшаго сержанта, обезкураженнаго при старомъ порядкѣ неудачами и внесшаго въ революціонную армію вмѣстѣ

[17]) Гошу было 23 года въ 1792 г., онъ былъ въ то время фельдфебелемъ; генералъ республики, умеръ въ 1797 г. См. Albert Dubuy, *Hoche et Marceau*. Paris 1885.

[18]) 23 года; генералъ республики; убитъ непріятелемъ въ 1796 г.

[19]) 26 лѣтъ въ 1792 г.; впослѣдствіи маршалъ, герцогъ Беллюнскій и пэръ въ 1815.

[20]) 25-ти лѣтъ, маршалъ, герцогъ Реджіо, пэръ въ 1814. Слова Сегюра.

[21]) 33-хъ лѣтъ, отставной солдатъ; генералъ республики.

[22]) 30-ти лѣтъ; маршалъ, графъ и пэръ въ 1819 г.

[23]) 34-хъ лѣтъ, маршалъ, герцогъ Риволи, князь Эсслингскій.

съ нравами крупнаго кондотьера доблесть, находчивость и сообразительность великаго полководца; Фріана, крестьянскаго сына, сержанта инструктора французской гвардіи, находившагося въ отставкѣ съ 1787 г. [24]); Лефебвра, простого, но неустрашимаго солдата: онъ служилъ во французской гвардіи и, подобно Гошу, съ радостью перешелъ въ національные гвардейцы [25]); Ожеро, хитраго стараго солдата, способнаго на смѣлыя выходки и даже блестящіе подвиги, но лишеннаго умственнаго развитія, постоянства и характера; онъ служилъ въ гарнизонахъ и зналъ одно фехтовальное ремесло [26]). Мюрата [27]), вышедшаго изъ самыхъ низкихъ слоевъ и имѣвшаго претензію на литературность; онъ декламировалъ монологи изъ трагедій, любилъ внѣшній блескъ, охотно проявлялъ театральную экзальтацію и говорилъ рѣчи въ казармахъ. За эти рѣчи онъ былъ лишенъ званія квартирмейстера. Этотъ будущій преемникъ неаполитанскихъ Бурбоновъ былъ выбранъ въ 1791 г. своими земляками Лотскаго края въ контингентъ конституціонной гвардіи Людовика XVI. Бессьеръ, бывшій въ то время парикмахеромъ, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы поступить на одну съ нимъ службу [28]). Другіе, какъ напримѣръ Ней, Сультъ, и въ особенности Пишегрю были болѣе образованы, но оставались капралами или унтеръ-офицерами во время войны. Монсей, сынъ адвоката, и получившій юридическое образованіе Шампіоннэ дослужились, одинъ до капитанскаго, а другой—до чина поручика [29]). Образованнѣе всѣхъ остальныхъ былъ Бернадоттъ [30]); онъ отличался гибкостью ума, но меньшею искренностью, чѣмъ его товарищи. Однако духъ вѣка коснулся и его, и онъ достойно началъ свое поприще: но онъ былъ великодушенъ лишь по неопытности; жизнь испортила его; честолюбіе брало верхъ въ его побужденіяхъ: онъ одаренъ былъ и многими высокими ка-

[24]) 34-хъ лѣтъ, генералъ, графъ имперіи.

[25]) 37-ми лѣтъ, маршалъ, герцогъ Данцигскій, пэръ въ 1819 г.

[26]) 35-ти лѣтъ, маршалъ, герцогъ Кастиглioне, пэръ въ 1814 г.

[27]) 24-хъ лѣтъ, маршалъ, неаполитанскій король, разстрѣлянъ въ 1815 г.

[28]) 24-хъ лѣтъ въ 1792 г.; маршалъ, герцогъ Истріа, убитъ непріятелемъ въ 1813 г.

[29]) Ней, 23-хъ лѣтъ, унтеръ-офицеръ; маршалъ, герцогъ Эльхингенъ, князь Московскій, разстрѣлянъ въ 1815 г.—Сультъ, 23-хъ лѣтъ; унтеръ-офицеръ инструкторъ; маршалъ, герцогъ Далматскій, пэръ въ 1827 г.—Пишегрю, 31-го года, унтеръ-офицеръ; генералъ республики, кончилъ самоубійствомъ въ 1804 г.—Монсей, 38-ми лѣтъ, капитанъ; маршалъ, герцогъ Коррегіано, пэръ въ 1814 г.—Шампіоннэ, 30-ти лѣтъ, поручикъ; генералъ республики, умеръ въ 1799 г.

[30]) 28-ми лѣтъ, фельдфебель, военный министръ въ 1799 г., маршалъ, князь Понте Корво, умеръ королемъ шведскимъ подъ именемъ Карла XIV въ 1844 г. Цитата Сегюра.

чествами, и многими недостатками; и тѣ и другіе коренились въ его честолюбіи. Болѣе политикъ, чѣмъ военный, перебѣжчикъ революціи и Франціи, съ цѣлью занять престолъ иностраннаго народа, онъ однако съумѣлъ оказаться достойнымъ этого престола и благородно правилъ Швеціей. «Опасный подчиненный, плохой товарищъ по оружію, плохой гражданинъ, но хорошій властитель», такъ охарактеризовалъ его одинъ современникъ.

Большая часть этихъ случайныхъ воиновъ поступила въ 1792 г. въ волонтерскіе отряды; здѣсь и получили они свои первые чины. Требовались инструкторы и колонновожатые; они явились и ихъ выбрали. Въ средѣ ребрутъ они нашли помощниковъ. Эти новоприбывшіе не сознавали своего призванія; оно было вызвано событіями. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Ланнъ,—простолюдины, невѣжественные, но храбрые какъ легендарный Роландъ, съ которымъ его сравниваютъ [31]). Они возвысились единственно своими подвигами и величіемъ души, изучая и жизнь и войну среди битвъ. Себастіани, сынъ ремесленника; образованіе его самое элементарное, но у него душа воина и государственнаго человѣка [32]). Жюно. Мортье, Моранъ, Мэзонъ, люди, получившіе нѣкоторое образованіе [33]). Франчески былъ художникомъ, когда пошелъ въ солдаты [34]). Гувіонъ. также художникъ, оказался не только находчивымъ и храбрымъ, но тактикомъ, организаторомъ, спокойнымъ и методическимъ военоначальникомъ. Сверхъ того онъ отличался точностью слога, какъ писатель, дѣловитостью, какъ ораторъ, и былъ первокласснымъ министромъ [35]). За этою категоріей слѣдуютъ люди средняго сословія, которыхъ война заставила покинуть либеральныя профессіи: Моро [36]), хорошій адвокатъ, неожиданно проявившій качества полководца; одинъ изъ лучшихъ стратеговъ, обладавшій упорствомъ, осторожностью умнѣйшихъ генераловъ; но какъ человѣкъ онъ не отличался стойкостью, былъ злопамятенъ, не терпѣлъ соперниковъ и склоненъ былъ къ софизмамъ. Сюше былъ фабрикантомъ въ

[31]) 23-хъ лѣтъ въ 1792 г.; маршалъ, герцогъ Монтебелло, убитъ непріятелемъ въ 1809 г. Sainte-Beuve. *Causeries du lundi*, t. VIII статья: Le prince de Ligne—Ségur t. III.

[32]) 17-ти лѣтъ; маршалъ, графъ, посланникъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ 1830 г.

[33]) Жюно—21-го года; генералъ, герцогъ Абрантесъ, умеръ въ 1813 г.—Мортье, 24-хъ лѣтъ; маршалъ, герцогъ Тревизскій, пэръ, 1814 г.—Моранъ. 21 годъ, генералъ, графъ имперіи, пэръ въ 1820 г.—Мэзонъ, 21 годъ, генералъ, графъ, пэръ въ 1814 г., маркизъ въ 1817 г., посланникъ въ 1837 г.

[34]) 25 лѣтъ; генералъ, умеръ въ 1810 г.

[35]) 28 лѣтъ; маршалъ, военный министръ, маркизъ, пэръ въ 1815 г.

[36]) 29-ти лѣтъ; генералъ республики; съ 1804 г. изгнанникъ; перешелъ въ ряды непріятельской арміи въ 1813 г.; убитъ въ рядахъ русскихъ войскъ подъ Дрезденомъ.

Лионѣ; Брюнъ—литераторъ и журналистъ; Пелльпортъ готовилъ себя къ духовному званію. но. увлекшись великими классическими примѣрами, отправился на войну съ намѣреніемъ подражать древнимъ римлянамъ: Лассаль—дворянинъ; Шеренъ—сынъ королевскаго генеалога—провелъ раннюю молодость въ архивахъ; Жуберъ, одинъ изъ самыхъ искреннихъ энтузіастовъ, скошенный въ расцвѣтѣ молодости и славы и сохранившій. подобно Дезэ, Гошу и Марсо ореолъ перваго порыва республиканскаго патріотизма [37]).

Въ то время этимъ патріотизмомъ проникнуты были всѣ. «Ядра встрѣчали криками: «Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ свобода и равенство!» [38]), писалъ самый холодный и суровый изъ тогдашнихъ дѣятелей, Даву.—Мормонъ, котораго политическое честолюбіе отвлекло отъ прямого пути, вспоминая на закатѣ дней о своей молодости, чувствовалъ себя какъ бы перенесеннымъ «въ лучезарную атмосферу». «Одно воспоминаніе объ этомъ,—говорилъ онъ,—согрѣваетъ меня теперь. въ пятьдесятъ пять лѣтъ, какъ тогда—въ первый день».

VI.

Все содѣйствовало усиленію наступленія со стороны революціи; все клонило къ ослабленію обороны стараго порядка. Тѣ самые историческіе импульсы, которые побуждали французовъ нести въ Европу свой захватывающій прозелитизмъ, заставляютъ континентальные народы воспринимать его вліяніе. или подчиняться его господству. Пропаганда успѣшна, а завоеваніе не представляетъ затрудненій только въ силу вѣковой подготовки, такъ сказать, располагавшей къ нимъ сосѣднія съ Франціей страны.

При отсутствіи національной сплоченности, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ. и въ особенности у нѣмцевъ лѣваго берега Рейна. революція окончательно разсѣваетъ у нихъ и безъ того крайне смутное понятіе объ отечествѣ. Во Франціи есть отечество: французы отождествляютъ его съ революціей. На лѣвомъ берегу Рейна нѣтъ отечества: тѣ, кто мечтаетъ о немъ, ищутъ его въ революціи и находятъ среди французовъ. Франція приглашаетъ человѣчество къ болѣе счастливому, свободному существова-

[37]) Сюше, 22-хъ лѣтъ, герцогъ Альбуфера, пэръ, 1814 г.—Брюнъ, 29-ти лѣтъ; маршалъ, умеръ отъ руки убійцы въ 1815 г.—Пелльпортъ, 19-ти лѣтъ, генералъ. виконтъ, пэръ въ 1841 г. См. у Сентъ-Бёва въ *Causeries du lundi*, t. XIII, *Pelleport*.—Лассаль пошелъ въ волонтёры 17-ти лѣтъ въ 1792 г.; генералъ, убитъ непріятелемъ въ 1809 г.—Шеренъ 30-ти лѣтъ; генералъ республики; умеръ отъ ранъ въ 1799 г.—Жуберъ, 23-хъ лѣтъ; генералъ республики; убитъ непріятелемъ въ 1799 г.—Sainte-Beuve, *Causer. du lundi*, t. XV, статья *Joubert*.

[38]) Davout, письмо 4 сентября 1792 г. Madame de Blocqueville, *Davout*, Paris, 1879, t. I, p. 299.

нію. «Она, такъ сказать, представляетъ надъ отдѣльными національностями интеллектуальное общее отечество, гражданами котораго могутъ быть люди всѣхъ націй [1]). Франція обладала гигантскою силою воздѣйствія; а свойство почвы, на которую направлено было это воздѣйствіе, удесятеряло его результаты. «Миръ хижинамъ, война замкамъ,—это открытіе не равняется ли по своему значенію изобрѣтенію пороха!» восклицаетъ одинъ современникъ.

Европейскіе властители принуждены довольствоваться старымъ оружіемъ: козырекъ ихъ касокъ не позволяетъ имъ видѣть приближеніе непріятеля; ихъ массивныя кирассы мѣшаютъ движенію подъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Натискъ долженъ смутить ихъ, пораженіе—разстроить въ концѣ. Они готовились усмирять классическими способами прошлаго времени народъ, находившійся въ состояніи анархіи, подвергнутый внутреннимъ распрямъ, разложенію нравовъ, неспособный къ дисциплинѣ и послѣдовательности въ своихъ планахъ, беззащитный противъ интригъ. Вмѣсто того, они очутились лицомъ къ лицу именно съ тѣмъ, что объявлено было невозможнымъ всѣми ихъ совѣтниками: съ тѣсно сплоченнымъ народомъ, громаднымъ войскомъ, зрѣло обдуманными планами и еще болѣе изумительною геніальною находчивостью. Для старой Европы это было чудовищнымъ видѣніемъ, политическимъ и военнымъ Апокалипсисомъ, который смутилъ и перевернулъ всѣ ея замыслы и намѣренія. «Старческое слабоуміе государей! писалъ великій историкъ той эпохи; они были разбиты ранѣе, чѣмъ поняли то новое, что совершалось въ мірѣ» [2]). Но если бы имъ и удалось понять, они тѣмъ не менѣе не въ силахъ были бы выдержать такой борьбы. Только одна Англія владѣла необходимыми средствами; она—единственная держава, мощь которой была бы опасной для революціи, потому что она могла противопоставить ей однородную силу: народъ, борющійся во имя своихъ принциповъ, интересовъ и традицій; но изолированное островное положеніе, оберегая Англію, въ то же время и задерживало ее. Морская война невозможна для нея, вслѣдствіе отсутствія французскаго флота. Для континентальной же войны она недостаточно вооружена. У нея есть великій министръ, но армія ея находится въ зачаточномъ состояніи. Она могла бы напасть и побѣдить французовъ только на твердой землѣ. Но здѣсь ей приходится ограничиваться дипломатіей и субсидіями, она вынуждена заключать союзы и давать плату наемникамъ. Ступая на континентъ, Англія утрачиваетъ свою твердость и заражается всѣми недугами старой Европы.

Ни австрійцы, ни пруссаки, какъ націи, не заинтересованы въ борьбѣ. Обѣ германскія державы предпринимаютъ чисто политическую экспедицію.

[1]) Tocqueville, *l'Ancien Régime*, liv. I, ch. III.

[2]) Ibid. ch. I. *Mélanges*, p. 189.

Этимъ обстоятельствомъ обусловливается ихъ слабость сравнительно съ Франціей, и эту слабость не восполняютъ ни болѣе совершенная организація ихъ войскъ, ни ихъ лучшая подготовленность. Взамѣнъ отсутствующаго національнаго мотива, онѣ не располагаютъ даже безусловною покорностью своихъ подданныхъ, которая могла бы быть наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ мятежнаго народа.

Австрія переживала кризисъ. Въ видахъ исправленія ошибокъ Іосифа, Леопольдъ снова преобразовалъ свое государство сверху до низу. Онъ устранилъ безпорядочность въ управленіи, но не имѣлъ времени перестроить монархію. Чисто искусственная централизація Іосифа II распадалось; аристократія снова заняла посты, отъ которыхъ устранилъ ее этотъ императоръ; но возвращаясь къ рутинѣ, она дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ и въ царствованіе Маріи-Терезіи. Возвращая провинціямъ часть ихъ привилегій, Леопольдъ открылъ двери духу непокорства разносоставного населенія и требовательности своихъ, обремененныхъ налогами, подданныхъ. Въ Богеміи, Штиріи и Карніоліи, крестьяне требуютъ представительства въ сеймахъ. Венгерцы хотя и примирились, но остаются безпокойными и непокорными; они спорятъ о количествѣ солдатъ, которыхъ требуетъ съ нихъ государь и безъ которыхъ продолженіе войны становится невозможнымъ. Въ Вѣнѣ замѣчаются нѣкоторые признаки броженія; полицію это тревожитъ превыше всякой мѣры. Она безъ труда усмиряетъ недовольныхъ, но совершенно безсильна противъ болѣе серьёзнаго зла, а именно противъ безпечности и равнодушія населенія къ общественнымъ интересамъ. Вѣнское населеніе дорожитъ болѣе всего независимостью въ дѣлѣ развлеченій и раздражается, когда серьёзныя заботы отвлекаютъ его отъ удовольствій. Миръ встрѣтитъ всегда одобреніе въ Вѣнѣ: война вызоветъ недовольство и фрондированіе.

У Франца нѣтъ иного государственнаго ученія, кромѣ неподвижности абсолютизма. Онъ полагалъ, что исполнитъ долгъ свой, если добьется отъ своихъ народовъ молчаливаго повиновенія. Онъ упраздняетъ зрѣло обдуманные и введенные Леопольдомъ законы, имѣвшіе въ виду реформу подвластныхъ ему государствъ и требовавшихъ нѣсколькихъ лѣтъ для достиженія желаемыхъ результатовъ. Францъ возстановилъ централизацію Іосифа II, но исключительно въ видѣ орудія управленія и безъ всякихъ возвышенныхъ идей, одушевлявшихъ этого государя. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, три раза измѣнялась австрійская правительственная система. Лишенная внутренней связи, эта монархія держалась единственно благодаря сложнымъ административнымъ узамъ; эти узы связывались и развязывались столько разъ, что наконецъ ослабли. Правительство чахнетъ; органы управленія расшатаны и находятся какъ бы

въ оцѣпенѣніи. Народы слабо и вяло повинуются сбитымъ съ толка администраторамъ. Отъ нихъ уже нельзя требовать новыхъ жертвъ. Недоимки взимаются туго; дефицитъ въ казнѣ становится хроническимъ недугомъ. Австрія не имѣетъ даже возможности заключать займы. Если война продлится, правительство вынуждено будетъ прибѣгнуть къ разорительному способу, такъ часто отдававшему его политику во власть произвола союзниковъ, и низводившему его армію на зависимую роль наемныхъ войскъ, а именно: къ субсидіямъ. Правда, въ рекрутахъ нѣтъ недостатка въ странѣ; но они не одушевляются патріотическимъ чувствомъ. Провинціи взволновались бы лишь въ случаѣ опасности, грозящей династіи, и вторженіемъ въ ихъ предѣлы. Войска исполняютъ свой долгъ; они даютъ государству только то, что отъ нихъ требуется: храбрость и дисциплину. Одушевленія, страстнаго порыва, убѣжденія въ правотѣ дѣла у нихъ не имѣется, а слѣдовательно отсутствуетъ и выносливость при неудачахъ. Въ концѣ концовъ, въ этой войнѣ для нихъ дѣло идетъ только о чести оружія. Этого, конечно, достаточно для того, чтобы выйти съ честью изъ поединка между двумя государствами, но этого слишкомъ мало для истребленія народа, отличающагося бурностью натиска и упорствомъ въ оборонѣ. Генеральные штабы, составленные изъ знающихъ офицеровъ, подробно обсуждаютъ и выработываютъ на своихъ совѣтахъ сложные планы, которые и приводятся въ исполненіе со всею точностью и осмотрительностью. «Нетрудно было предвидѣть, замѣчаетъ Жомини, что императорскія войска подвергнутся большимъ бѣдствіямъ, если только непріятель приметъ систему наступленія и энергично выполнитъ ее». Однимъ словомъ, государственное устройство Австріи дѣлало ее слабой и легко уязвимой на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ національный характеръ и характеръ революціи давали французамъ непреодолимую силу.

Пруссія была устойчивѣе; но ее гложетъ внутренній недугъ, подрывающій жизненную силу организма. Она находится во власти эмпириковъ. Они пришли къ тому блестящему открытію, что просвѣщенное правительство подрываетъ въ самой основѣ авторитеты государей; что всѣ государственныя бѣды проистекаютъ отъ излишняго просвѣщенія; что Франція испытываетъ послѣдствія именно этого зла и что единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ можетъ служить реакція въ сторону деспотизма и ханжества. Они принялись за это дѣло съ полнымъ ослѣпленіемъ. Пруссія экспериментировала на себѣ великую панацею стараго порядка и то мѣстное леченіе, въ которомъ заключалась вся мудрость эмиграціи: безконтрольную королевскую власть. Не надо Собраній, не надо парламентовъ; слѣдуетъ постоянно усиливать армію и давать ей дѣло; для недовольныхъ и мятежниковъ—инквизиторскую полицію; для философовъ—

неумолимую цензуру, а для народа—ровно столько благочестія, сколько требуется для отупленія умовъ, не стѣсняя однако развлеченій высшаго класса. Такими-то политическими пластырями намѣревались кобленцскіе мудрецы задушить гидру революціи и предупредить развитіе ея вліянія. Эти пластыри прикладывались къ Пруссіи, гдѣ еще не бродили зловредныя идеи, гдѣ народъ еще сохранилъ покорность, утраченную во Франціи, гдѣ все было еще примитивно, однимъ словомъ, гдѣ революція еще не оказала воздѣйствія. Результатомъ эмпирическаго леченія было ускореніе паденія и расчистка пути для той самой революціи, которую желали предотвратить.

Прусскій народъ еще не возмущался и даже никогда не волновался серьезно; однако онъ созрѣлъ настолько, чтобы нельзя было безнаказанно подвергать его вздорному управленію. Онъ вяло повиновался тѣмъ, кто не умѣлъ искусно командовать. Люди просвѣщенные осмѣивали эту инквизицію распущенныхъ педантовъ, декретировавшихъ добродѣтель и ужившихся со всевозможными пороками. Каждый по своему усмотрѣнію распоряжался общественными дѣлами: правительство требовало уваженія, котораго не заслужило; ему платили должнымъ равнодушіемъ. Въ сущности, кризисъ въ Пруссіи былъ еще опаснѣе австрійскаго. Въ Австріи государство пребывало въ летаргическомъ снѣ; въ Пруссіи оно разлагалось. Особенно пагубные симптомы обнаруживались въ арміи; здѣсь фрондируютъ и интригуютъ: это своего рода республика, гдѣ всѣ громко разсуждаютъ и заявляютъ свое мнѣніе. За неимѣніемъ возможности бесѣдовать о философіи, о конечной причинѣ и системѣ мірозданія, какъ-то дѣлалось при Фридрихѣ II, въ прусской арміи разсуждаютъ о дипломатіи и спорятъ о планѣ веденія войны. Въ этой арміи можно было встрѣтить болѣе противниковъ Австріи, чѣмъ враговъ французской революціи. Всѣ, кого выводитъ изъ терпѣнія назойливый гнётъ ханжей, кого возмущаетъ ихъ грубое шарлатанство, кто питаетъ отвращеніе къ ихъ интриганству, однимъ словомъ, всѣ, кто не утратилъ мужества и проницательности, возвращаются къ традиціямъ прошлаго царствованія, то есть къ соперничеству съ домомъ Габсбурговъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ проявляется болѣе или менѣе явно склонность къ союзу съ Франціей. Такъ какъ война носитъ чисто-политическій характеръ, то они начинаютъ уяснять себѣ истинные интересы государства и находятъ, что союзъ съ державою, на которую велятъ нападать, былъ бы выгоднѣе союза съ тою державою, которую велятъ поддерживать. Въ Пруссіи отсутствуетъ не только патріотическое одушевленіе, но и самая вѣра въ полезность предпріятія и желаніе его совершить.

Австрійскій военный міръ болѣе возбужденъ противъ Франціи: его

склоняетъ къ этому традиція; но въ то же время та же традиція возстановляетъ его противъ Пруссіи. У обѣихъ союзницъ, вслѣдствіе весьма различныхъ побужденій, развивается соперничество, способное разстроить наилучше задуманные планы. Впрочемъ плановъ и не было. Нѣтъ людей ни для ихъ выработки, ни для приведенія ихъ въ исполненіе; нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы, въ силу престижа своей геніальности, привлечь, собрать эти разрозненныя войска и превратить въ благородное соревнованіе разлагающее соперничество между обѣими германскими арміями. Безучастность народа заранѣе ослабляла коалицію; слабость вождей парализовала ее.

Фридрихъ-Вильгельмъ и Францъ, первый запальчивый и взбалмошный, второй—упрямый и чопорный, оба роковымъ образомъ принуждены были опираться на своихъ совѣтниковъ. И въ арміи и въ канцлерствѣ имъ попадались только посредственности; изъ нихъ они довѣряли наиболѣе раболѣпнымъ и нижепоставленнымъ. Взрыву военнаго и завоевательнаго генія Франціи они противопоставляютъ шаблонныхъ дипломатовъ и стратеговъ-формалистовъ. Герцогъ Брауншвейгскій въ Пруссіи, Маккъ—въ Австріи, вотъ вся военная интеллигенція Германіи въ этомъ первомъ военномъ кризисѣ. Имѣлось, правда, не мало дивизіонныхъ генераловъ, образованныхъ, знающихъ свое ремесло, храбрыхъ, осторожныхъ, способныхъ дать импровизованнымъ противникамъ хорошій урокъ тактики и выдержки, но совершенно лишенныхъ высшихъ военныхъ дарованій: находчивости, огня, вдохновенія. Единственному замѣчательному австрійскому генералу, эрцгерцогу Карлу, было въ ту пору шестнадцать лѣтъ; онъ выступитъ на военную сцену только въ 1796 г. Грозные пруссаки войны за независимость: Блюхеръ, изумительный партизанъ, фанатическій въ аттакѣ, неутомимый въ переходахъ; Шарнгорстъ и Гнейзенау, патріоты-инструкторы національной арміи, скромно служатъ пока въ ея частяхъ и остаются неизвѣстными. Чтобы вывести ихъ изъ неизвѣстности, должна грянуть опасность, грозящая всей ихъ родинѣ, должны явиться тѣ самые импульсы и та же необходимость въ защитѣ, которыми такъ сильно была уже воодушевлена Франція и которые выдвинули знаменитыхъ незнакомцевъ ея королевскихъ войскъ.

Что касается министровъ, то всѣ они принадлежали къ разряду посредственныхъ. Исторія сохранила ихъ имена только для того, чтобы указать на несоотвѣтствіе между ихъ бездарностью и задачей, выпадавшей на ихъ долю. Австріи придется ждать десять лѣтъ до появленія тонкаго и ловкаго дипломата, который поправитъ ей дѣла: Меттерниху еще только девятнадцать лѣтъ въ 1792 г. Пруссія готовитъ себѣ выдающагося канцлера въ лицѣ Гарденберга и величайшаго изъ германскихъ государ-

ственныхъ людей, Штейна; но и тотъ и другой проявятъ свои дарованія только въ годину испытаній прусской монархіи; пока они занимаютъ второстепенныя должности подъ начальствомъ людей, неспособность которыхъ ускоряетъ приближеніе катастрофы. Государственные люди, Финкенштейнъ, Альвенслебенъ, Шуленбургъ, въ Берлинѣ,—не болѣе какъ приказчики, посредственные, дряхлые, несамостоятельные; въ Вѣнѣ, они чопорны, надменны и самонадѣянны, какъ напримѣръ Коллоредо и Кобенцель. Но за тѣми и другими стоитъ шайка интригановъ, наперсниковъ и разныхъ второстепенныхъ, но вліятельныхъ людей: въ Вѣнѣ—Шпильманъ, въ Берлинѣ—Бишофсвердеръ, Манштейнъ, Луккезини. Есть еще Тугутъ и Гаугвицъ, два обломка царствованій Маріи-Терезіи и Фридриха; одинъ, выбравшійся въ люди изъ низшихъ слоевъ и сдѣлавшій карьеру при помощи извилистыхъ путей тайной дипломатіи; другой—дворянинъ-развратникъ, съ оттѣнкомъ теософіи, добившійся милости посредствомъ розенкрейцеровъ и фаворитокъ. Оба ловкіе, опытные въ дипломатическихъ ухищреніяхъ, но болѣе алчные, чѣмъ честолюбивые, не столько собственно дипломаты, сколько политики-торгаши, неспособные къ крупнымъ дѣламъ и широкимъ замысламъ; узкіе и близорукіе, они имѣютъ въ виду при переговорахъ только обмануть, обойти, и рискуютъ сами быть обойденными и эксплуатированными каждымъ, кто при одинаковой съ ними безсовѣстности окажется предусмотрительнѣе, стремительнѣе, послѣдовательнѣе и энергичнѣе ихъ самихъ.

Среди союзниковъ и вообще на всемъ европейскомъ континентѣ имѣется только одинъ крупный политикъ, способный обнять все поле дѣйствія, намѣтить себѣ цѣль и твердо идти къ ея достиженію, это—Екатерина II. Имѣется также только одинъ генералъ, достаточно неустрашимый, смѣлый, рѣшительный, способный воодушевить, фанатизировать своихъ солдатъ и помѣряться отвагой съ республиканскими генералами: это—Суворовъ. Но Екатерина занята исключительно Польшей, и ея войска подойдутъ къ Франціи не ранѣе 1799 г., т. е. когда будутъ уже нанесены всѣ рѣшительные удары, когда Франція давно уже пробьетъ всѣ свои бреши въ Европу, а ея войско выдвинетъ, въ лицѣ Жубера и Массена, противниковъ, способныхъ дать отпоръ самому Суворову.

У союзниковъ имѣются канцеляріи, архивы и агенты; у нихъ есть магазины, арсеналы, войсковая организація, дисциплина и боевые снаряды, однимъ словомъ, всѣ кадры дипломатіи и арміи; но для оживленія этихъ органовъ власти недостаетъ души. У французовъ патріотическое чувство замѣняетъ собою все, а у союзниковъ ничто не въ силахъ замѣнить отсутствія общаго плана и взаимнаго согласія. Сплоченнымъ общею опасностью и наэлектризованнымъ революціей французамъ они противопо-

СТЕПНОЙ СОВАН

ставляютъ разъединенную Европу, взаимную ненависть и деморализацію стараго порядка. «Европа не существуетъ болѣе!» восклицаетъ Малле дю Панъ уже въ январѣ 1792 г. Эти государи, вооружившіеся во имя права короны, не стоятъ даже за монархическій принципъ: среди принциповъ, на которые они ссылаются, напрасно было бы искать такихъ, которыхъ они не нарушили вчера и не нарушатъ завтра. Мы видѣли, какъ уважали монархическій принципъ въ Польшѣ. Уваженіе къ договорамъ? Но Фридрихъ-Вильгельмъ отрекается отъ договоровъ, заключенныхъ съ Польшей. Или, быть можетъ, уваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ? Но на совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ коалиціи, только и рѣчи, что объ узурпаціяхъ, обмѣнахъ и дѣлежахъ чужой собственности. Не болѣе того заботились, какъ извѣстно, о чести и безопасности французской королевской фамиліи; нерѣдко, при нѣкоторыхъ иностранныхъ дворахъ, несчастіе Людовика XVI возбуждало однѣ насмѣшки.

Право оказывалось безсильнымъ въ борьбѣ съ интересами. Узы крови не принимались къ сердцу, коль скоро дѣло шло о выгодѣ. Родная сестра французской королевы, вышедшая замужъ за Бурбона, двоюроднаго брата Людовика XVI, Марія-Каролина, громко заявляетъ о своей ненависти къ французамъ и ихъ революціи; но вся энергія этого двора ограничивается реторикой. У королевы иныя заботы, ей не до войны, и ея скандалезное поведеніе производитъ въ Европѣ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ея заявленія. Мадридъ находится въ состояніи еще большаго нравственнаго упадка, чѣмъ Неаполь: тамъ даже не волнуются. Марія-Луиза правитъ государствомъ на подобіе того, какъ распущенная женщина управляетъ домомъ подвластнаго мужа. Она поглощена своею страстью къ Годою, а эта страсть, въ свою очередь, поглощаетъ казну, правительство и самую честь Испаніи. Въ мартѣ, Марія Луиза подарила своему супругу тринадцатаго ребенка; въ ознаменованіе этого событія, Карлъ IV возводитъ ея любовника въ званіе гранда первой степени, маркиза и герцога. Старый добрякъ Аранда добровольно отстраняется отъ всего, кромѣ иностранныхъ дѣлъ, но и здѣсь заботится исключительно о предотвращеніи конфликтовъ. Марія-Луиза желала отъ него избавиться. «Королевѣ и Годою нуженъ былъ миръ для того, чтобы свободно располагать государственною кассою», писалъ прусскій агентъ Баумгартенъ. Годой уже стоялъ во главѣ финансоваго совѣта; фактически власть была въ его рукахъ. Королева нашла, что настало для него время обладать этою властью и по праву, и 14 іюля онъ сдѣлался членовъ государственнаго совѣта. Вотъ все, что испанскіе и неаполитанскіе Бурбоны совершали для крестоваго похода королей лѣтомъ 1792 г., т. е. въ минуту величайшей опасности, грозившей французскому королю.

Крестовый походъ этотъ можетъ быть, по справедливости, названъ нечестивымъ, и сравненіе съ средневѣковыми походами этого имени есть не болѣе, какъ жестокая иронія: это—крестовый походъ безъ вѣры, безъ апостоловъ и рыцарей. Революція пропагандируетъ религію безъ Бога; Европа противопоставляетъ ей религію безъ вѣры и безъ вѣрующихъ. Эти крестоносцы-ренегаты не будутъ изнемогать, стремясь къ Святой землѣ: они сдѣлаютъ поворотъ и остановятся въ Византіи. Въ дѣйствительности, несмотря на благовидность юридическихъ мотивовъ и лицемѣрность манифестовъ, коалиція не что иное, какъ политическій союзъ, и именно такой, какой могли заключать государи конца восемнадцатаго вѣка, т. е. самый двусмысленный, непрочный, обильный взаимнымъ недовѣріемъ, преисполненный ловушекъ и соперничества. Союзникамъ слѣдовало бы сплотить свои войска, прорваться чрезъ французскую границу и дружными силами броситься на Парижъ. Но именно отъ этого они и нашли нужнымъ отказаться. Ихъ связывалъ интересъ, и связывалъ лишь для того, чтобы яснѣе обнаружить существовавшій между ними антагонизмъ. Австрія и Пруссія остаются непримиримыми въ самой своей лигѣ; онѣ руководствуются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ исключительно задними мыслями, и эти мысли постоянно идутъ въ разрѣзъ съ идеей союза. Ихъ менѣе озабочиваетъ желаніе побѣдить совокупными силами, чѣмъ боязнь видѣть изолированное торжество одной изъ нихъ. Зависть по поводу ожидаемыхъ пріобрѣтеній такъ интенсивна, что если бы не отмѣнили на время совѣщанія о вознагражденіи, само заключеніе союза и война остались бы одними проектами. Но съ самыхъ первыхъ движеній арміи, непрочность союза дастъ себя чувствовать. Французы узнаютъ объ этомъ по медленности маршей и нестройности военныхъ операцій; они съумѣютъ этимъ воспользоваться.

Столкновенія между австрійцами и пруссаками не только задерживаютъ движеніе ихъ войскъ, но препятствуютъ и въ другихъ дѣлахъ коалиціи. Союзники подчиняютъ всѣ свои мѣропріятія вопросу объ ожидаемыхъ прибыляхъ; если они не добьются ихъ во Франціи, они станутъ искать ихъ въ другомъ мѣстѣ. Не найдя искомаго у врага, они возьмутъ его у своихъ союзниковъ. Если не удастся раздѣлъ Франціи, они подѣлятъ Польшу, которая не при чемъ въ ихъ ссорѣ, и даже самую Священную имперію, изъ-за которой вооружились и которая уплатитъ своимъ расчлененіемъ издержки войны, предпринятой во имя огражденія неприкосновенности ея правъ. Не слѣдуетъ поэтому удивляться уклончивости германскаго союза и тому, что онъ одинаково опасается и своихъ враговъ и своихъ защитниковъ. Впрочемъ монархическое рвеніе второстепенныхъ германскихъ государей регулируется усердіемъ крупныхъ государей; глав-

© ГПИБ СПбАН

ною заботою ихъ, послѣ охраны своего существованія, является жажда обогащенія на счетъ достоянія еще болѣе мелкихъ государствъ. Эти послѣднія стараются заставить забыть о себѣ, чтобы сохранить право на существованіе. Повидимому, имперія прежде всего желаетъ остаться нейтральною въ собственномъ дѣлѣ и ждетъ вознагражденія за этотъ нейтралитетъ изъ своихъ собственныхъ средствъ. Эгоизмъ и алчность преобладаютъ во всѣхъ замыслахъ Европы. По отсутствію идеи и принципа, она могла подавить революцію только силою, а сила измѣняетъ ей.

VII.

Эмигранты возлагали всѣ свои надежды на эту силу; отъ нея ждали они успѣха, на ней была основана вся ихъ политика. Европа не ссужаетъ имъ этой силы; сами они не владѣютъ ею. Они вносятъ въ лигу лишній элементъ разлада и слабости. Несмотря на личную храбрость отдѣльныхъ лицъ, эмигрантское войско состоитъ изъ волонтерскихъ отрядовъ, не подчиняющихся дисциплинѣ и претендующихъ на главную роль въ средѣ коалиціи, которая въ свою очередь допускаетъ ихъ не иначе, какъ въ качествѣ пособниковъ. Во всякомъ случаѣ, приходится считаться съ ними и выслушивать, хотя бы для того, чтобы избавиться отъ нихъ. Претензіи эмигрантовъ раздражаютъ союзниковъ. Къ тому же ихъ громадная непопулярность можетъ только вооружить противъ арміи поголовно всѣхъ крестьянъ тѣхъ деревень, по которымъ ей придется проходить. Эмигранты не сознаютъ этого; они до конца будутъ отказываться вѣрить такому факту. Дерзко судя о Франціи — по примѣрамъ Голландіи, Бельгіи и Польши,—они обольщаютъ себя иллюзіями и опьяняются фанфаронадами. Ослѣпленіе ихъ по отношенію къ революціи такъ велико, что они неспособны отдать себѣ отчета въ ея оборонительныхъ средствахъ, разсмотрѣть ея уязвимые пункты, однимъ словомъ, составить себѣ понятіе о той крѣпости, на приступъ которой идутъ. Они воображаютъ, что имъ достаточно явиться, чтобы принудить ее къ сдачѣ; на самомъ же дѣлѣ ихъ появленіе удесятеряетъ силы революціи, дѣлаетъ ее неодолимой и прибавляетъ къ ожесточенію войны за независимость всѣ ужаса соціальной борьбы. Они кончаютъ самоубійствомъ длинный рядъ ошибокъ и заблужденій.

Въ самой Франціи у эмиграціи нѣтъ партіи, которая могла бы ее поддержать. Единственная серьёзная междуусобица,—гражданская война въ западной Франціи—велась не ради эмиграціи и не эмигрантами. Они встрѣтятъ только народъ, неумолимо враждебный къ нимъ, какъ личностямъ и къ ихъ предпріятію. Они вѣдь отрицаютъ все то, что утверждаетъ Франція; они грозятъ разрушить все, что она создала; они хвалятся, какъ замѣтилъ де Мерси въ своей депешѣ отъ 3 окт. 1792 г., «возстановить навѣки разрушенный порядокъ вещей и уничтожить неразрушимое»; и такія намѣренія они желаютъ осуществить не просто грубою силою, но самою ненавистною для благородной и сознающей свои права націи—силою чужеземцевъ. Этого вполнѣ достаточно для ихъ собственной безвозвратной гибели. Возстановленіе стараго порядка и расчлененіе отечества становятся, естественнымъ образомъ, синонимами въ умѣ французовъ. Война объединила въ одну партію всѣхъ, кому дорога неприкосновенность Франціи и торжество революціи, противъ всѣхъ, кто, ради уничтоженія революціи, вступилъ въ союзъ съ врагами Франціи. Этимъ самымъ эмигранты придали характеръ народнаго бунта и сепаратистской войны всѣмъ происходившимъ во Франціи роялистскимъ или религіознымъ инсуррекціямъ; они возбудили противъ своей монархической экспедиціи всѣ патріотическія страсти и чувство національнаго единства, которое монархія вѣками поставляла себѣ за честь развивать во французскомъ народѣ.

Въ этомъ отношеніи они преимущественно извратили ту традицію, на которую сами ссылались, и отреклись отъ великаго Генриха, котораго безпрестанно приводили какъ примѣръ, достойный подражанія. Генрихъ IV слѣдовалъ за поступательнымъ ходомъ французской исторіи; они же желали поворотить его назадъ; Генрихъ увлекалъ за собою народъ; они думали гнать его передъ собою; Генрихъ обезпечивалъ народу преобразованія, которыхъ этотъ народъ желалъ, но не могъ осуществить; они стремились отнять у народа права, имъ самимъ завоеванныя, и реформы, которымъ онъ положилъ начало. Генрихъ собиралъ націю противъ партіи иностранцевъ; они объединили Францію противъ себя. Наконецъ, Генрихъ боролся противъ лиги, они же пытались ее воскресить; но и это имъ не удалось. Не Филиппъ II и его испанцы составляли могущество партіи Гизовъ; эта партія сильна была «Шестнадцатью» и ихъ сподвижниками, возставшей парижской коммуной и всею плебейскою и сектантскою экзальтаціей, внушенной монахами-демагогами. Духъ старинныхъ лигистовъ перешелъ къ якобинцамъ и фанатизмъ сталъ на сторону революціи. По словамъ г-жи Сталь, «эмигранты были горстью французовъ, затерявшеюся среди европейскихъ штыковъ». На нихъ падаетъ отвѣтственность за союзъ съ иностранцами, который однако не принесъ имъ пользы. Тѣ изъ иностранцевъ, которые имъ сочувствовали, ничего не сдѣлали для нихъ. Тѣ же, которые явились на поле сраженія, нетерпѣливо желали отъ нихъ отречься. Россія требовала, чтобы коалиція признала ихъ чѣмъ-то въ родѣ временной державы, отдала бы имъ завоеванные пункты и ничего не удерживала въ свою пользу изъ территорій французскаго короля; но для подтвержденія этихъ требованій не было русскихъ войскъ въ коалиціонной арміи. Въ этой арміи были только нѣмцы, а они не намѣ-

рены были ссужать безъ залога и работать безъ вознагражденія. Французскимъ принцамъ приходилось или дать согласіе на расчлененіе Франціи, или устраниться. Нѣмцы находятъ болѣе удобнымъ не ставить ихъ въ такое щекотливое для ихъ совѣсти положеніе и просто-на-просто перестаютъ съ ними совѣщаться.

Принцевъ это привело въ негодованіе и они наполняютъ Европу громомъ своихъ протестовъ. Они, въ сущности, не знаютъ ни Европы, ни Франціи. Ихъ заблужденіе присуще всѣмъ эмиграціямъ [1]). Сторонники Стюартовъ обманывали себя въ теченіе цѣлаго вѣка; тарговицкіе поляки-конфедераты даютъ этому новый и плачевный примѣръ.

Въ то же самое, время какъ французскіе эмигранты искали помощи за границей, другіе добровольные изгнанники искали убѣжища и содѣйствія на территоріи своего исконнаго врага, мечтали вернуться на родину побѣдителями, доставить преобладаніе въ государствѣ своимъ привилегіямъ и возстановить, вмѣстѣ съ старыми законами, господство своей партіи. Тарговицкіе конфедераты вступили въ союзъ съ русскими для того, чтобы уничтожить конституцію 3-го мая 1791 г. такимъ же образомъ, какъ французскіе принцы соединились съ нѣмцами въ видахъ уничтоженія законовъ, установленныхъ во Франціи съ 1789 г. Обѣ коалиціи происходили одновременно; одна оказалась удачной, другая не удалась, и эта противоположность результата резюмируетъ причины двухъ крупныхъ событій, тѣсно связанныхъ между собою и отнынѣ господствующихъ во всей этой части исторіи: торжество Франціи и уничтоженіе Польши.

Во Франціи, патріоты даютъ отпоръ иностранному нашествію и отражаютъ его. Польскіе патріоты пытаются остановить его и погибаютъ, несмотря на свою доблесть. И это произошло потому, что во Франціи національная традиція, сознательная въ людяхъ образованныхъ и инстинктивная у самыхъ невѣжественныхъ, внушаетъ всѣмъ и каждому охранительныя, такъ сказать, чувства: любовь къ независимости, отвращеніе къ иноземному вмѣшательству. Напротивъ того, въ Польшѣ гражданская война, союзъ съ иностранцами, мятежность партій, по отношенію къ государству, и непокорство отдѣльныхъ лицъ, по отношенію къ партіямъ,

[1]) Меттерних, близко знавшій французскую эмиграцію и не могущій быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ новой Франціи и французской революціи, писалъ двадцать лѣтъ спустя: «Мы были поражены сходствомъ роли, которую поляки играли и играютъ въ настоящей кампаніи относительно Франціи, съ ролью, которую постоянно и во вредъ себѣ играли французскіе эмигранты по отношенію къ союзнымъ державамъ во время первыхъ революціонныхъ войнъ. Это сходство естественно, потому что духъ эмиграціи былъ и будетъ всегда одинъ и тотъ же». Oncken, *Oestreich und Preussen in Befreiungskriege*, Berlin, 1876, t. I, p. 431.

сдѣлались какъ бы пагубнымъ импульсомъ и неизбѣжнымъ внушеніемъ самой исторіи. Послѣ кризиса, во время котораго народъ былъ предоставленъ самому себѣ, Франція непосредственно возвращается къ навыкамъ, усвоеннымъ въ продолженіе болѣе чѣмъ шести вѣковъ монархіи и національнаго объединенія; Польша же возвращается къ привычкамъ, созданнымъ двухъ-вѣковыми раздорами и анархіей. Во Франціи, позади партій, раздирающихъ на поверхности другъ друга, остается невредимымъ здоровый, однородный слой населенія. Когда объявляютъ о нераздѣльности націи, говорятъ о самой душѣ ея. Она объявляетъ себя свободной и обладающей верховною властью: каждый французъ готовъ отдать жизнь и за свою собственную свободу, и за свободу всѣхъ. Ничего подобнаго не видно въ Польшѣ. Нація въ ней заключается въ нѣсколькихъ тысячахъ дворянъ, раздѣленныхъ на мятежныя партіи, раздирающихъ свою Рѣчь Посполитую и спорящихъ изъ-за ея остатковъ; но эти мутныя и бурливыя воды не глубоки: почва остается безжизненной, и волны проходятъ по ней, не колебля ея. Тамъ не было ни буржуазіи, которая стремилась бы къ образованію и домогалась власти третьяго сословія, ни крестьянъ-собственниковъ, съ ожесточеніемъ защищающихъ землю, завоеванную трудомъ и только что ими самими освобожденную. Масса въ Польшѣ остается равнодушною къ революціи, потому что ничего отъ нея не выигрываетъ. Польская революція совершалась дворянами для дворянъ; она потерпѣла крушеніе потому, что ее не поддерживала вся совокупность націи.

«Чего требовали роялисты, когда стремились къ контръ-революціи, путемъ насилія?» спрашивалъ Жозефъ-де-Местръ въ эпоху великаго торжества революціи въ Европѣ. «Они требовали завоеванія Франціи, а слѣдовательно ея раздѣла, уничтоженія ея вліянія и униженія ея короля». Отстаивая свои права, французы лишь продолжали дѣло французской исторіи. Вотъ почему понятіе о родинѣ отождествилось съ понятіемъ о революціи; дѣло же короля слилось съ дѣломъ коалиціи, и эта послѣдняя, въ силу самаго существованія своего, ускорила паденіе королевской власти и обезпечила успѣхъ революціи. Исконныя, вѣковыя вліянія руководили и Европой: коалиція, образовавшаяся во имя обще монархическихъ интересовъ, разбилась въ конфликтѣ интересовъ отдѣльныхъ монархій. Интересы королей извратили и разрушили крестовый походъ, предпринятый ради спасенія одного изъ нихъ.

Эти послѣдствія выступаютъ съ полною ясностью и очевидностью въ августѣ 1792 г. и проявляются уже съ самаго начала войны. Я не строю гипотезъ о могущей иначе сложиться Европѣ и о возможности иныхъ сцѣпленій обстоятельствъ. Я изучаю совершившіяся событія и дѣйствительно существовавшихъ людей: въ этомъ заключается задача исторіи; остальное—пустыя и

СПбГУ

произвольныя разсужденія. Если я съумѣлъ ясно высказать свою мысль, то, надѣюсь, можно будетъ признать, что вслѣдствіе установляемыхъ фактовъ и наличныхъ силъ отдѣльныхъ людей того времени, слѣдуетъ изумляться не тому, что событія совершились, а тому, если бы они не произошли. Война между Франціей и Европой была неизбѣжна. Франція объята революціей. Элементы этой революціи сложились такъ, что власть должна была неминуемо перейти къ крайнимъ, а эти, имѣя возможность овладѣть ею только силою, не могли удержать ея иначе, какъ посредствомъ террора. Ошибочно было бы предполагать, что терроръ, порожденный своего рода свирѣпымъ вдохновеніемъ въ минуту національной опасности, былъ ненавистнымъ, но неизбѣжнымъ условіемъ общественнаго спасенія. Терроръ былъ необходимъ для однихъ террористовъ, для узурпаціи власти и устраненія соперниковъ. Для того, чтобы защищать свою страну и отстоять свою революцію, французы не нуждались въ томъ, чтобы имъ приставляли ножъ къ горлу, чтобы ихъ били саблями или стегали розгами. Они будутъ сражаться свободными людьми, а не вооруженными рабами или гладіаторами. Не зрѣлище гильотины воспламенитъ въ ихъ душахъ тѣ чувства, которыя рѣшатъ успѣхъ общаго дѣла, любовь къ родинѣ, ненависть къ чужеземцу, отвращеніе къ старому порядку. Французы, напротивъ, до такой степени проникнуты этими чувствами, что забываютъ обо всемъ ради нихъ и жертвуютъ всѣмъ ради условій борьбы. Они требуютъ отъ своихъ правителей только продолженія войны. Народъ идетъ за тѣми, кто всего фанатичнѣе стремится къ битвѣ, потому что считаетъ ихъ наиболѣе заинтересованными въ побѣдѣ; онъ идетъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, ихъ происки, ихъ ученія или ихъ соперничества. Не террористы возбудили эти чувства, они злоупотребляли ими и превратили въ орудіе своей власти. Франція несла въ самой себѣ средства къ спасенію. Идеи, во имя которыхъ она боролась, давно уже стали популярными, люди, оказавшіе рѣшительное вліяніе на побѣду, давно уже находились въ рядахъ ея арміи, когда началось господство террористовъ. Интенсивность распространенія этихъ идей и доблесть воиновъ не зависѣли отъ внушеній нѣсколькихъ безпокойныхъ людей, или горсти безпощадныхъ софистовъ: эти идеи и эти доблести, какъ и сама развившая ихъ революція, имѣли источникомъ все историческое прошлое Франціи. Таковы главныя, основныя линіи, которыя прежде всего необходимо опредѣлить и не упускать изъ вида, если хочешь разобраться въ событіяхъ и выяснить ихъ взаимное отношеніе. Если же мы уклонимся въ сторону съ этого простого и прямого пути, то рискуемъ заблудиться на проселочныхъ дорогахъ, принять слѣдствія за причины, исключенія—за правило, и незначительныя извилины почвы—за разграничительныя линіи водораздѣловъ.

Конецъ второго тома.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	35.	строка	5	человѣка	вмѣсто человѣкомъ
„	39	„	10	своею	„ своего
„	44	„	11	преисполены	„ преисполнены
„	50	„	19	Бельгіи	„ Бельгію
„	52	„	3	наудача	„ неудача
„	76	„	18	воруженія	„ вооруженія
„	119	„	1	Парижѣ	„ Парижа
„	139	„	32	онѣмичившемся	„ онѣмечившемся
„	146	„	16	иаъ	„ ихъ
„	158	„	13	Франція	„ Францію
„	166	„	2	воспроизводили	„ воспроизводили
„	247	„	4	революціи	„ революція
„	250	„	20	въ ступившій	„ выступившій
„	305	„	10	оспаривать	„ оспаривать
„	347	„	33	Австреій	„ Австріей
„	364	„	10	пототу	„ потому
„	366	„	39	Пруссіи	„ Пруссія
„	421	„	30	Прообразованія	„ Преобразованія
„	443	„	20	сердцѣ	„ средѣ

ОТДЕЛ РГБ СОРАН

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА. 1877—1892 ГГ.

АНТРОПОЛОГІЯ

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакціею профессора **И. И. Мечникова**. Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА

И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. **Н. Н. Страхова.**

Томъ I-й: Исторія матеріализма до Канта. 398 стр.

Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ Канта. 495 стр.

Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Сочиненія **ДАВИДА РИКАРДО**. Пер. *Н. Зибера*, съ приложен. переводчика. 685 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р

ИСТОРІЯ ТЕОРІИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ **Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе.** Пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями проф. **Янсона**, съ 3-мя таблицами чертежей, 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

РУКОВОДСТВО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ, 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ЗАПАДА.

Эллинская эпоха, съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.

СТЕНЛИ ДЖЕВОНСА.

Пер. съ англ. **М. А. Антоновича.** 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Ст. Джевонсъ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ ДЕДУКТИВНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ, СЪ ВОПРОСАМИ И ПРИМѢРАМИ. Пер. съ англ. **М. А. Антоновича.** 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ЗВУКЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. Альфреда Маршалля Майера. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

СВѢТЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. А. Майера и Барнара. Съ 29 рис. Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 84 стр. Ц. 50 к. съ пересылкою 65 к.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекціи **Росно:** Изъ чего составлена земля.—**Лонаеръ:** Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть.—**Уильямсонъ:** Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

© ГПНТБ СО

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Лекціи проф. Эдинб. унив. **П. Г. Тэта.** Перев. подъ редакц. **И. М. Сѣченова.** Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

СЕРІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Переводъ съ англійскаго **М. А. Антоновича.**

Введеніе. Проф. **Гексли.** Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Химія.** Проф. **Роско.** Съ 36 рис. въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Физика.** Проф. **Бальф. Стьюарта.** Съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—**Физическая географія.** Проф. **Гейки.** Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. **Геологія** Проф. **Гейки.** Съ 46 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Физіологія.** Д-ра **Фостера.** Съ 18 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Астрономія. Нормана Локаера.** Съ 48 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

ПРАКТИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ПО БОТАНИКѢ И ЗООЛОГІИ.

ГЕКСЛИ И МАРТИНА. Пер. съ англ. **А. Я. Гердъ.**
Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Составилъ **А. Я. Гердъ.**

Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и въ первомъ изданіи одобренъ какъ руководство для гимназій. Въ 3 част. съ 207 рисунк. въ текстѣ. Изд. 4-е. 257 стр. Ц. 1 р. 60 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ОПЫТНАЯ МЕХАНИКА. С. С. БОЛЬ

Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Прл. Кол. Наукъ. Пер. съ англ. подъ ред. **Н. Н. Любавина.** Съ 100 рис. въ текстѣ. 358 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Проф. **А. Гейки.** Пер. съ англ. **А. Я. Гердъ.** Съ 78 рис. въ текстѣ и 10 картин. въ прилож. 370 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ГИМНАСТИКА ГОЛОСА. ОСКАРА ГУТМАНА.

ОСНОВАННАЯ НА ФИЗІОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

Руководство къ упражненію и правильному употребленію органовъ рѣчи и пѣнія.

128 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

О ПСИХОМОТОРНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ
И РАЗВИТІИ ИХЪ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Проф. **И. Р. Тарханова.** Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛЕКЦІИ ОБЩЕЙ ТЕРАПІИ. Проф. В. МАНАССЕИНА.

Часть 1-я. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ДОМАШНІЙ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ.

Д-ра **Курвуазье.** Съ предисл. проф. **Манассеина.** Съ рис. въ текстѣ. Пер. съ 3-го нѣмецк. изд. **М. Ловцовой.** Ц. 75 к., съ перес. 85 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ФИЗІОЛОГІИ.

Кратко и общедоступно изложенные В. Прейеромъ, ординарн. проф. физіологіи. Пер. **И. Р. Тарханова.** 265 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ НА ПЕЙ ЖИВУЩИХЪ.

Проф. А. Н. Бекетова. Изд. 5-е, съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к., съ перес. 1 руб.

НАРОДЫ ТУРЦІИ.

Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ. Пер. съ англ. 300 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

И. П. Минаевъ. ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА и ИНДІИ.
ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО.

2 части 522 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

О ПОГЛОЩЕНІИ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ СОЛЯНЫМИ РАСТВОРАМИ И КРОВЬЮ

И. М. Сѣченова. 164 стр. больш. форм. Ц. 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

СКОТОВОДСТВО.

Заттегаста. Перев. подъ редакціею Д-ра **О. А. Гримма.** 2 тома. съ 200 рис. въ текстѣ. Ц. 7 руб. съ пересылкою.

К. СМАЙЛЬСЪ.
ИСТОРІЯ ШОТЛАНДСКАГО НАТУРАЛИСТА
Томаса Эдварда.

Перев. **С. И. Смирновой.** 163 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ.

А. Н. Бекетовъ. Ц. 50 коп., съ пересылкою 60 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Абеля Овелака. Переводъ съ франц. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭМБРІОЛОГІИ.

Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунк. Пер. съ англ. подъ ред. **О. А. Грима** 350 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

ШЕСТЬ ЛЕКЦІЙ, ЧИТАННЫХЪ ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ ВЪ 1873 Г., И

ЕДИНСТВО ИСТОРІИ.

Лекціи, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ, **Эд. Фримана.** Перев. съ англ. **Н. Корнунова.** 376 стр. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою 2 р. 80 к.

М. ФОСТЕРЪ. НАЧАЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ.

Пер. съ англ. **С. В. Пантелѣевой.** 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О НЕНОРМАЛЬНОСТИ МОЗГОВОЙ ЖИЗНИ

современнаго культурнаго человѣка. **М. М. Манассеиной.** Ц. 1 р. 25 к.

Клавіусъ. О запасахъ энергіи въ природѣ. пер. *Флуга;* ц. 30 к.

КЛЕРКЪ-МАКСУЭЛЛЬ.
МАТЕРІЯ И ДВИЖЕНІЕ.

Пер. съ англійск. **М. А. Антоновича.** Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

РУДОЛЬФЪ АРЕНДЪ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ХИМІИ

Съ 178 рис. въ текстѣ, пер. съ нѣм. подъ ред. проф. **Тавилдарова.** Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 70 к.

В. Карпентеръ.
ЭНЕРГІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

Пер. съ англійск., съ 81 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Грантъ Алленъ. Ч. Дарвинъ. Пер. съ англ. подъ ред. *А. Н. Энгельгардта* Ц. 1 р. 50 к.

О. А. ШТОФФЪ. (Женщина-врачъ.)

УХОДЪ ЗА РЕБЕНКОМЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ.

Практическіе совѣты матерямъ. Ц. 50 к.

Г. Д. ВАХТЕЛЬ. РУКОВОДСТВО КЪ ТЕХНИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.

Цѣна 5 р.

РЭМСЕНЪ. ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СОЕДИНЕНІЙ УГЛЕРОДА.

(Органическая химія.) Пер. **Н. С. Дрентельна.** Ц. 2 р.

П. ТЭТЪ. СВОЙСТВА МАТЕРІИ.

Перев. съ англ. **И. М. Сѣченова.** Ц. 2 р. 50 к.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго промысла. Пер. *К. Флугъ*. Ц. 2 р.

Вахтель Г. Д. Руководство къ техническому анализу. Подъ ред. проф. Спб. Технолог. Инст. *Н. И. Тавилдарова*. Цѣна 5 ру.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ, пер. *С. И. Серебренникова*. Ц. 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. Учебникъ географіи. Ч. I. Общій обзоръ земного шара. Ц. 50 к.
Ч. II. Азія. Ц. 50 коп. Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Ц. 75 к. Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.
„ „ „ Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 25 к.
„ „ „ Міръ Божій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. 2-е изд. Съ 42 рисунками. Ц. 40 коп.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики. Ц. 1 р. 50 к.—Прикладная механика. Ц. 2 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенства химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. Ц. 1 р.

Лоджъ, О. Современные взгляды на электричество. Ц. 1 р. 50 к.

Лёббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора *А. Бекетова*. Переводъ съ англійскаго *А. Гердъ*. Цѣна 1 р. 25 к.

Сѣченовъ, И. М. Физіологія нервныхъ центровъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Тавилдаровъ, Н. И., проф. Спб. Технол. Институт. Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Томъ I съ 40 таблицами политипажей, томъ II съ 36 табл. политипажей. Цѣна за два тома 8 р.

Уффельманъ, Юлій. Руководство частной и общественной гигіены ребенка. Пер. съ нѣм. подъ ред. приватъ-доцента *В. Ф. Якубовича*. Ц. 2 р. 50 к.

Эммингаусъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Ф. Якубовича*. Цѣна 2 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей. Цѣна 2 р.

(См. продолженіе на обложкѣ).

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжной торговлѣ Н. П. Карбасникова. С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 46

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 11 января 1892 г.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

© ИИЕТ СО РАН